

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

3

2019

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 9   **Том 25**

2 0 1 9   **Volume 25**

№ 3
Июль – Сентябрь

№ 3
July – September

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ**

доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTILOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЬВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 **Морозов А.А.**
Государственное регулирование социально-экономических отношений в эпоху Елизаветы Тюдор
- 12 **Чернецова С.Б.**
Комплекс часовен прихода Казанского храма с. Заозерье как пример влияния европейской традиции строительства кальварий
- 18 **Бенда В.Н.**
Военно-учебные заведения для подготовки офицерских и унтер-офицерских кадров, созданные и действовавшие в России в конце XVIII в.
- 23 **Суетин И.Н.**
Диверсификация музыкального профессионального образования в Поволжье в условиях урбанизации конца XIX – начала XX веков: к постановке проблемы
- 29 **Ферапонт, митрополит Костромской и Нерехтский (Кашин Д.В.)**
Костромская епархия в марте 1917 года: прощание с монархией
- 33 **Козлов Ф.Н., Дзюбан В.В., Третьяков А.В.**
Этнический фактор как элемент церковной политики в 1920-е гг. (на примере Чувашии)
- 38 **Кочергина М.В.**
Судьбы священников Русской Православной старообрядческой церкви древних центров Стародубья и Ветки (1920–1960-е гг.)
- 44 **Полугодин А.Д.**
Карательные действия нацистов в оккупированных районах Калужского края в период 1941–1943 гг.
- 52 **Белов А.М., Булюкин Д.А., Ли Тун**
Экономическая помощь Советского Союза Китаю в 1950-е годы

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 57 **Жиляков С.В.**
«Слово Даниила Заточника» как манифест самодержавия на Руси XII века
- 62 **Маслова А.Г.**
Поэтика времени и пространства в творчестве Е.И. Кострова
- 67 **Крупенина М.И.**
Эксцентричные персонажи в романе Диккенса «Дэвид Копперфильд» и мотив предчувствий
- 72 **Чекалов К.А.**
Театральное призвание Рокамболя
- 79 **Михновец Н.Г.**
Драма и либретто А.Н. Островского «Гроза»: исторический план в изображении патриархального мира
- 84 **Тихомиров В.В.**
Комедия А.Н. Островского «Лес»: в поисках героя. Опыт комментария
- 89 **Андреева В.Г.**
Мотив борьбы в хронике «Соборяне» Н.С. Лескова
- 94 **Лобкова Н.А.**
Из истории публикаций пушкинских работ П.В. Анненкова в «Вестнике Европы» (по письмам к М.М. Стасюлевичу)

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 **A.A. Morozov**
State regulation of the socio-economic relations during Elizabeth I Tudor's rule
- 12 **S.B. Chernetsova**
The complex of the chapels of the Kazan Temple's parish in Zaozerje village, as an example of the influence of the Calvary construction tradition in Europe
- 18 **V.N. Benda**
Military schools for training officers and non-commissioned officers created and operated in Russia in the late 18th century
- 23 **I.N. Suetin**
Urbanisation as a factor of diversification of the Russian musical vocational education at the turn of the 19th and the 20th centuries (in terms of the Povolzhye)
- 29 **Therapont, Metropolitan of Kostroma and Nerekhta (D.V. Kashin)**
Kostroma eparchy in March, 1917: a farewell to monarchy
- 33 **F.N. Kozlov, V.V. Dzyuban, A.V. Tret'yakov**
Ethnic factor as an element of Church policy in the 1920s (in terms of Chuvash Republic)
- 38 **M.V. Kochergina**
Fates of priests of Russian Orthodox Church of Old-Believers in the ancient centres of Starodub and Vietka in 1920s–1960s
- 44 **A.D. Polugodin**
Punitive actions of Nazis in the occupied districts of Kaluga Region in 1941–1943
- 52 **A.M. Belov, D.A. Bulyukin, Lee Tong**
Soviet economic assistance to China in the 1950s

SCIENCE OF LITERATURE

- 57 **S.V. Zhilyakov**
"Word of Daniel the Immured" as a manifesto of the autocracy in Russia of the 12th century
- 62 **A.G. Maslova**
Poetics of time and space in the works of Yermil Kostrov
- 67 **M.I. Krupenina**
Eccentric characters in Dickens's novel "David Copperfield" and the motif of premonition
- 72 **K.A. Chekalov**
Rocambol's theatrical mission
- 79 **N.G. Mikhnovets**
The drama and the libretto "The Storm" by Alexander Ostrovsky: a historical plan in the image of the patriarchal world
- 84 **V.V. Tikhomirov**
Comedy "The Forest" by Alexander Ostrovsky: holding out for a hero. Experience of a comment
- 89 **V.G. Andreyeva**
Motif of struggle in the chronicles "The Cathedral Clergy" by Nikolai Leskov
- 94 **N.A. Lobkova**
From the history of Pavel Annenkov's publications about Pushkin in "Vestnik Evropy (Herald of Europe)" (based on the letters to Mikhail Stasyulevich)

- 101 Морозова С.Н., Жаткин Д.Н.**
Творчество Дж.М. Синга в литературно-критическом восприятии К.И. Чуковского
- 107 Коптелова Н.Г.**
«Театрализация» лирического героя в поэзии А. Блока: генезис и способы художественного воплощения
- 113 Королева В.В.**
«Гофмановский комплекс» в цикле рассказов и драматических сцен В.Я. Брюсова «Земная ось» (1901–1907)
- 120 Едошина И.А.**
Путевые заметки П.П. Перцова во время его европейского путешествия в мае – июне 1913 года (по письмам к М.П. Перцовой)
- 127 Ляховская Н.Д.**
На пути к самопознанию. Новые смыслы в романах конголезского писателя Алена Мабанку «Триколон» и «Воспоминания Дикобраз»
- 133 Ребрикова К.А.**
Трансгрессия и ее формы в повести А. Битова «Ожидание обезьян»
- 138 Клинова М.А.**
СМИ как инструмент трудовой мобилизации городского населения (по материалам газеты «Восточно-Сибирская правда» 1946–1950 гг.)
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 143 Груздев В.В., Левченков А.И.**
Республики Донбасса как международный политико-правовой прецедент
- 148 Груздев В.В., Бабичев Д.А., Бабичева Н.А.**
История самоопределения народа Донбасса. Опыт Донецко-Криворожской советской республики
- 153 Карташов В.Н.**
Юридическая аккультурация и юридическая экспансия: проблемы соотношения
- 158 Львов Е.В.**
К вопросу об основных тенденциях развития сферы правового регулирования
- 162 Мещерякова О.М.**
Развитие стандартов банковской деятельности в Европейском союзе: проблемы и перспективы
- 167 Ивкова А.В., Кротова Е.С.**
Некоторые особенности применения доктрины «эстоппель» в гражданском судопроизводстве Российской Федерации
- 172 Спивак С.Г., Алферьева А.А.**
Понятие и классификация специальных видов освобождения от уголовной ответственности
- 176 Лысаков А.Е.**
О содержании факторов организации работы органов предварительного следствия по расследованию преступлений коррупционной направленности в сфере экономики
- 181 Мещерякова А.В., Мазуренко А.П.**
Цифровизация как средство антикоррупционной правовой политики в сфере здравоохранения
- 185 Гаджиев А.К.**
Антикоррупционная составляющая деятельности аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе: состояние и перспективы
- 101 S.N. Morozova, D.N. Zhatkin**
Creative work of Edmund John Millington Syngé in literary and critical perception of Korney Chukovsky
- 107 N.G. Koptelova**
"Theatricalisation" of the lyrical hero in the poetry of Alexander Blok: genesis and ways of artistic realisation
- 113 V.V. Korolyova**
"E. T. A. Hoffmann's complex" in the cycle of stories and drama scenes "Earth Axis" by Valery Bryusov (1901–1907)
- 120 I.A. Yedoshina**
Travelling notes by Pyotr Pertsov during his European travel, May to June, 1913 (according to letters to Mariya Pertsova)
- 127 N.D. Lyakhovskaya**
On the path to self-discovery. New meanings in the novels of the Congolese writer Alain Mabanckou "Blue White Red" and "Memoirs of a Porcupine"
- 133 K.A. Rebrikova**
Transgression and its forms in the story "The Monkey Link" by Andrei Bitov
- 138 M.A. Klinova**
Media as a tool of labour mobilisation of the urban population (based on the newspaper "Truth of East-Siberia", 1946–1950)
- JURAL SCIENCES**
- 143 V.V. Gruzdev, A.I. Levchenkov**
Republics of Donbass as an international political and legal precedent
- 148 V.V. Gruzdev, D.A. Babichev, N.A. Babicheva**
History of self-determination of the people of Donbass. Experience of the Soviet Republic of Donetsk and Krivoy Rog
- 153 Vladimir N. Kartashov**
Legal acculturation and legal expansion: ratio problems
- 158 Ye.V. L'vov**
On the issue of the main development trends in the sphere of legal regulation
- 162 O.M. Meshcheryakova**
Development of banking standards control in the EU: problems and prospects
- 167 A.V. Ivkova, Ye.S. Krotova**
Certain features of using of the "estoppel" doctrine in civil proceedings of the Russian Federation
- 172 S.G. Spivak, A.A. Alfer'yeva**
The concept and classification of special types of exemption from criminal liability
- 176 A.Ye. Lysakov**
The content of the factors the organisation of the preliminary investigation bodies in the sphere of economics investigation of corruption crimes
- 181 A.V. Meshcheryakova, A.P. Mazurenko**
Digitalisation as a means of anti-corruption legal policy in the sphere of health care
- 185 A.K. Gadzhiyev**
Anti-corruption component of activity of the office of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the North Caucasian federal district: state and prospects

188 Пашин В.М., Павлюков В.В.
Использование информационных систем при осуществлении прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности

192 Лаврова Ю.В.
Взаимодействие прокуратуры с органами, организациями, учреждениями как одно из направлений совершенствования надзора за соблюдением прав лиц с ограниченными возможностями здоровья

196 Першонкова М.С., Хвалыгина Н.Л.
История становления и перспективы развития института судебных приставов в России

199 Караваева Ю.С., Космовская А.А.
Политика противодействия оккультным практикам в России: историко-правовой анализ (XVII–XXI вв.)

206 Сулейманов Б.Б.
Учение С.С. Алексеева о правовых системах

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

211 Никифоров Ю.С.
Глобальное знание об экономическом неравенстве в контексте исторического исследования проблем социальной политики

215 Неганова Г.Д., Цинь Лидун
Обзор международной научно-практической конференции «Языки и культуры»

219 SUMMARY

230 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

188 V.M. Pashin, V.V. Pavlyukov
The use of information systems in the implementation of prosecutorial supervision in the field of investigative activities

192 Yu.V. Lavrova
Interaction of prosecutor's office with bodies, organisations, institutions as one of the directions of improvement of supervision of observance of the rights of the disabled

196 M.S. Pershonkova, N.L. Khvalygina
The history of the formation and development prospects of the institution of bailiffs in Russia

199 Yu.S. Karavayeva, A.A. Kosmovskaya
Policy of counteraction against occult practices in Russia: historical and legal analysis (the 17th to the 21st centuries)

206 B.B. Suleymanov
Sergei Alexeyev's doctrine of legal systems (families)

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

211 Yu.S. Nikiforov
Economic inequality global knowledge in the context of historical research of social policy issues

215 G.D. Neganova, Qin Lidong
Review of the international scientific-practical conference "Languages and Cultures" (23rd to 24th of May, the City of Kostroma, Russia)

219 SUMMARY

230 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР

В статье автором реконструируется иерархическая структура английского общества XVI в. Развитие капиталистических отношений в английской деревне при британской королеве Елизавете I Тюдор привело к заметным социально-экономическим сдвигам, затронувшим все основные категории, как землепользователей, так и собственников. Была создана новая правовая база для защиты интересов правящего класса. Суть этих нормативно-правовых актов сводилась к попытке руководства страны справиться с проблемами, возникшими в связи с ростом пролетариата, а главное, с невозможностью английской промышленности использовать высвободившиеся из сельского хозяйства руки. Этот дисбаланс – спроса и предложения на рабочую силу – прекрасно осознавали и в правительстве. Но предложить конкретную программу по использованию рабочей силы правительство Елизаветы оказалось не в состоянии и пошло по проверенному пути – насильственному принуждению работников к исполнению невыгодных обязательств. Делается вывод о полезности содержащейся здесь информации при анализе переходных состояний социума.

Ключевые слова: палата общин, Елизаветы Тюдор, земельные спекуляции, средневековое английское общество, придворные титулы, коммерциализация сельского хозяйства, дробление феодалов, военные сословия, классический марксизм, государственное вмешательство, население Англии, предпринимательская инициатива, товарно-денежные отношения.

К моменту прихода к власти Елизаветы Тюдор Англия переживала сложный период, который характеризовался целым комплексом внутренних и внешних социально-экономических проблем. По некоторым подсчетам население Англии в то время удвоилось за счет быстрого естественного прироста [1, с. 53].

Однако власти безуспешно боролись на законодательном уровне с социальными вызовами времени, о чем говорят такие нормативно-правовые документы, как: «Акт о наказании бродяг и оказании помощи бедным и неработоспособным (1572 г.)» [10, с. 242], «Акт о посылке бедных на работу и искоренении лености (1576 г.)» [10, с. 245] – это лишь малая толика попыток властей исправить ситуацию к лучшему. Суть этих нормативно-правовых актов – в попытке руководства страны справиться с проблемами, возникшими с ростом пролетариата, что и представляет собой социальное законодательство Тюдоров.

В них дан и знаменитый «Елизаветинский статут о подмастерьях», согласно которому «многие из тех законов, которые будут найдены заслуживающими дальнейшего применения, будут систематизированы и сведены в один закон и статут, вводящий единообразие в предписания относительно заработной платы и распорядков для учеников, батраков и рабочих, то можно надеяться, что этот закон, при должном его применении, прекратит праздность, подвинет вперед земледелие и даст каждому наемному рабочему соответствующую заработную плату как в годы нужды, так и в годы изобилия» [10, с. 215]. Применение этого статута на практике показывает, что он рассматривался как тормозящий рост промышленности.

Здесь уместно отметить, что жестокое отношение к рабочему классу имело в Англии глубокие корни. Еще в 1351 г. «Статут о рабочих» предусматривал забивание в колодки и заключение в тюрьму тех, кто нарушил правила найма, однако в реальности наниматели продолжали наказываться только штрафом [10, с. 280]. Согласно статуту 1361 г., рабочим за уход от нанимателя полагалось наказание в виде клеймения раскаленным железом.

Палата общин представляла интересы рыцарства и городской верхушки, которые были больше всех заинтересованы в дешевой рабочей силе. Поэтому палата общин начала требовать у короля и палаты лордов принятия более суровых и действенных мер против рабочих. Со стороны наемных людей «рабочее законодательство» вызвало неприятие и резкий отпор. Вопреки запрещениям статутов батраки основывали союзы, ведущие борьбу за повышение заработной платы. Нередко случались нападения на судей по делам о рабочих и освобождения арестованных. Этот социальный конфликт благополучно протек и до времен королевы Елизаветы.

В таких условиях правительству не оставалось ничего иного, как идти по пути прямого государственного регулирования. Первым направлением стало создание приемлемых норм для существования и развития промышленности в городах и укрепление внутреннего рынка. В споре между нарождающимся в деревне предпринимательским классом и старым гильдейским производством правительство неоднозначно встало на сторону традиционных структур. Примером может послужить такой нормативно-правовой акт, как «Защита городской монополии в Вустершире» (1534). Из него мы узнаем, что

«властью настоящего парламента постановляется, что начиная с последнего дня сентября, который наступит в 1536 г., никаким людям, к какому званию и рангу они бы ни принадлежали, не будет разрешаться производить на продажу в Вустерском графстве никаких шерстяных тканей, если эти люди... не живут в городе Вустере» [10, с. 206].

В 1554 г. в дополнение к уже принятым документам был озвучен «Акт против упадка городов», целью которого было приведение в порядок городского хозяйства, а именно ликвидация трущоб и улучшение санитарной обстановки [10, с. 211].

В частности, об этом свидетельствует «Статут о ремесленниках» – «акт, касающийся различных предписаний для подмастерьев, рабочих, батраков и учеников» (1563) [10, с. 214], который требовал, чтобы «каждый ремесленник в городе или в сельской местности обучался своему ремеслу в течение 7 лет под наблюдением мастера, который за него отвечал» [11, с. 327–331].

Примечательно, но расценка платы за различные работы, составленная и опубликованная в § 11 статута 1563 г. о подмастерьях, была подготовлена также в угоду старым цеховым структурам. Ссылаясь на юридические прецеденты («установленную судьями Лондона согласно предписаниям этого акта»), авторы документа «под страхом штрафов и наказаний, перечисленных в этом статуте», просили корону поддержать данное решение. Акт строго предписывал «людям всякого звания в Сити Лондона соблюдать все пункты данной расценки...» [10, с. 226].

Королевские регламентации оказали сдерживающее влияние на предпринимательскую активность. Особенно в той части Елизаветинского статута, который запрещал иметь под одной крышей более 2 станков и совмещать в одном месте ремесленников разных специальностей [15, с. 424].

Лондон превратился в крупнейший финансово-торговый центр. Самые богатые граждане Лондона были теперь на равной ноге с крупнейшей помещной земельной знатью не только потому, что в их распоряжении находилась городская милиция и большая часть английского коммерческого флота, но и потому, что они ссужали государство деньгами.

В итоге Елизавета Тюдор могла приказывать городской милиции, его должностным лицам и его населению не больше, чем впоследствии Карл I Стюарт. А Сити, в свою очередь, стал обращаться к королеве: «Сити Лондон ее высокопревосходительному величеству королеве в ее высочества курию канцелярии» [10, с. 227].

В большинстве городов, несмотря на слабость там цеховых организаций, нормы этого статута соблюдались. Исключение составил Лондон, где в силу серьезных социальных изменений цеховая структура безоговорочно проиграла новому предпринимательскому классу джентри. Для последних

главным модератором стала не королевская канцелярия, а собственные интересы и перспективы роста собственности.

На всей основной территории государства на почве королевских регламентаций стал формироваться серьезный социальный конфликт, связанный с разрушением традиционных отношений. Ярким примером этого конфликта может служить дело ноттингемских ткачей, не пользующихся статусом горожан, а потому не имеющих права вообще заниматься производственной практикой. В петиции, направленной в канцелярию в 1604–1605 г., отмечалось: «...ткачи-горожане старались и теперь стараются лишить нас работы, дабы тем самым причинить нам и нашим бедным семьям окончательную погибель» [14, с. 213].

В итоге королевская власть была вынуждена отказаться от поддержки старых структур и дать волю предпринимательской инициативе.

Последствия нового курса в скором времени принесли результаты в виде создания больших производств. На коммерсанта Уильяма Стама работало 2 000 человек, на Томаса Рейнольдса – около 500 и т. п., хотя наиболее распространенной формой организации труда являлась все же рассеянная мануфактура.

Невмешательство государства особенно позитивно сказалось в суконной отрасли. Англия в течение долгого времени занимала первое место на европейском рынке сырой шерсти: «Соображения, приводимые в доказательство того, что выгоднее было бы для всеобщего благосостояния королевства Англии перевозить и отправлять на заграничные рынки обычные сорта сукон различной стоимости в nelloшеном и нестриженном виде вместо лошеного и стриженного» [10, с. 244].

Борьба против устоявшейся экспортной традиции велась два десятка лет компанией купцов-авантюристов, о чем свидетельствуют документы по «Делу купцов-авантюристов о разрешении вывоза неотделанного сукна (1514–1536 гг.)» [12, с. 229].

Разорение компании, вызванное как объективными обстоятельствами (потеря основного склада в Кале), так и субъективными (отсутствие продукции с высокой добавленной стоимостью) привело к отходу центральной власти от консервации в этой отрасли устаревших форм и методов производства. И хотя при Елизавете еще пытались проводить регулятивные меры, они не получили большого распространения из-за своего несоответствия. Например, была разработана инструкция по «Организации шерстяной промышленности», в соответствии с которой производители шерсти во всех областях делились на три группы, в то время как шерсть обыкновенно обрабатывалась 4 группами людей» [10, с. 203].

Новые производственные тренды потребовали от короны качественно нового подхода для ожив-

ления хозяйственной деятельности. Косвенно под держав новые веяния в сукноделии, английская администрация реально создала условия, когда «овцы поедали людей» [4, с. 63–64].

В последние годы царствования Эдуарда VI было начато проведение финансовой реформы, которое продолжала Мария и завершила Елизавета. В 1552 г. парламент принимает акт, запрещающий получать или пускать в обращение монеты по более высокому курсу, чем указано в специальной королевской прокламации. Акт был направлен прежде всего против утечки золотых монет за границу [13, с. 301].

При этом следует отметить, что при Елизавете благодаря заметному повышению уровня жизни широко распространилось мнение о процветании Англии. Приходский священник Гаррисон в 1572 г. отметил это улучшение: «не только среди знати и дворянства, но также и среди низшего слоя» [8, с. 151].

Таким образом, можно констатировать, что благодаря взвешенной протекционистской политике королевы Англия Елизаветы приобрела свободы больше, чем большинство городов и гильдий. В ходе неизбежно возникающих производственных споров корона теперь стала придерживаться стороны нового предпринимательского класса. Как справедливо отмечал Адам Смит, «всякий раз, когда законодательство пыталось регулировать споры между хозяевами и их рабочими, его советниками были хозяева» [6, с. 115].

Эпоха правления королевы Елизаветы Тюдор стала поворотным периодом в истории Британии и оказала огромное влияние на формирующийся национальный менталитет. В исторической литературе ее нередко называют «золотым веком Англии» [9, с. 4].

Мероприятия правительства оживили процесс постепенного складывания единого внутреннего рынка на основе товарно-денежных отношений, что в свою очередь создавало условия для формирования нации. Кроме того, провал отдельных начинаний короны привел к складыванию в экономике страны уникальной системы, административно, финансово и юридически замкнутой на столицу королевства, а Лондон превратился в признанный финансовый центр, где сосредоточились крупнейшие состояния Англии. С помощью этих состояний их владельцы установили контроль над внутренней и внешнеторговой деятельностью страны.

В итоге для покрытия дефицита бюджета, возникшего во многом благодаря «революции цен», набравшей силу к середине XVI в., правительству пришлось предпринять ряд мер по оздоровлению монетарной политики, а также по укреплению международной торговли Англии и во многом наметить основные направления финансовых реформ, подготовленных Марией и проведенных впоследствии Елизаветой Тюдор.

Библиографический список

1. *Баччи М.Л.* Демографическая история Европы». – СПб.: Александрия, 2010. – 62 с.
2. *Гай Дж.* Эпоха Тюдоров (1485–1603): Оксфордская история Великобритании / под ред. К. Моргана. – М., 2008. – 166 с.
3. *Маркс К.* Капитал. – М., 1969. – Т. 1. – 652 с.
4. *Мор Т.* Утопия / пер. с лат. А.И. Малеин и Ф.А. Петровский. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 302 с.
5. *Петрушевский Д.М.* Памятники истории Англии XI–XIII вв. / Исторический факультет МГУ. – М.: Госоцэкзидат, 1936. – 238 с.
6. *Смит А.* Богатства народов / пер. Ключкин П.Н. – М.: Эксмо, 2016. – 145 с.
7. *Тревельян Дж.М.* История Англии от Чосера до королевы Виктории / пер. с англ. А.А. Крушинской, К.Н. Татариновой. – Смоленск, 2001. – 624 с.
8. *Тревельян Дж.М.* Социальная история Англии. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 608 с.
9. *Черчилль У.С.* Британия в новое время (XVI–XVII вв.). – М., 2006. – 434 с.
10. Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время / под ред. В.П. Волгина. – М.; Л., 1929. – С. 569.
11. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Е.А. Тихонова. – М.: Гос. изд-во юр. лит., 1961. – С. 950.
12. *Bland A.E., Brown P.A., Tawney R.H.* English Economic History. – L., 1881. – 299 pp.
13. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII / ed. J.S. Brewer, R.H. Brodie and J. Gairdner. – L., 1889. – Vol. 12. – 788 pp.
14. *Phelps Brown E.N., Hopkins S.V.* Seven Centuries of the Prices of Consumables, Compared With Builders' Wage-rates // *Economica*. – 1956 (Nov.). – № 92. – P.17–41
15. *Lipson E.* The economic history of England. – L., 1931. – V. III. – P. 424.

References

1. *Bachchi M.L.* Demograficheskaya istoriya Evropy». – SPb.: Aleksandriya, 2010. – 62 s.
2. *Gaj Dzh.* Epoha Tyudorov (1485–1603): Oksfordskaya istoriya Velikobritanii / pod red. K. Morgana. – M., 2008. – 166 s.
3. *Marks K.* Kapital. – M., 1969. – T. 1. – 652 s.
4. *Mor T.* Utopiya / per. s lat. A.I. Malein i F.A. Petrovskij. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953. – 302 s.
5. *Petrushevskij D.M.* Pamyatniki istorii Anglii XI–XIII vv. / Istoricheskij fakul'tet MGU. – M.: Gosoczekizdat, 1936. – 238 s.
6. *Smit A.* Bogatstva narodov / per. Klyukin P.N. – M.: Eksmo, 2016. – 145 s.
7. *Trevel'yan Dzh.M.* Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii / per. s angl. A.A. Krushinskoy, K.N. Tatarinovej. – Smolensk, 2001. – 624 s.

8. Trevel'yan Dzh.M. Social'naya istoriya Anglii. – M.: Izd-vo inostranoj literatury, 1959. – 608 s.
9. СHerhill' U.S. Britaniya v novoe vremya (XVI–XVII vv.). – M., 2006. – 434 s.
10. Hrestomatiya po social'no-ekonomicheskoj istorii Evropy v novoe i novejshee vremya / pod red. V.P. Volgina. – M.; L., 1929. – S. 569.
11. Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / E.A. Tihonova. – M.: Gos. izd-vo yur. lit., 1961. – S. 950.
12. Bland A.E., Brown P.A., Tawpeu R.H. English Economic History. – L., 1881. – 299 pp.
13. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII / ed. J.S. Brewer, R.H. Brodie and J. Gairdner. – L., 1889. – Vol. 12. – 788 pp.
14. Phelps Brown E.N., Hopkins S.V. Seven Centuries of the Prices of Consumables, Compared With Builders' Wage-rates // *Economica*. – 1956 (Nov.). – № 92. – P.17–41
15. Lipson E. The economic history of England. – L., 1931. – V. III. – P. 424.

КОМПЛЕКС ЧАСОВЕН ПРИХОДА КАЗАНСКОГО ХРАМА С. ЗАОЗЕРЬЕ КАК ПРИМЕР ВЛИЯНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА КАЛЬВАРИЙ

Статья посвящена часовенному феномену с. Заозерье, где в приход Казанского храма входило около двух десятков часовенных сооружений. Основное внимание в работе уделяется сбору утраченной информации обо всех часовнях комплекса, посвящению часовен, обрядности и традициях, связанных с ними. В России подобные комплексы не известны. В статье делается попытка поиска аналогов подобных комплексов на территории ближайших к России государств. В связи с этим автор рассматривает большие часовенные комплексы в Польше, известные как кальварии (Голгофы). По сути, кальварии являются пространственными маркерами некоторых сюжетов страданий Иисуса Христа во время его крестного пути. Некоторые из европейских кальварий посвящены исключительно Богородице. Усматривая явное сходство с европейскими кальвариями, посвященными Деве Марии, автор приходит к выводу, что в окрестностях Заозерья сложилась локальная традиция почитания Богородицы, которая изначально самым тесным образом была связана с источником «Плотницы».

Ключевые слова: священный пейзаж, кальварии, сакральная архитектура, часовни, святой источник, Дева Мария.

Изучение часовенного комплекса прихода Казанского храма с. Заозерье (Угличский район Ярославской области) и поиск его ближайших аналогий вызвало затруднение, так как достоверных данных о наличии такого большого количества часовенных сооружений, относящихся к одному церковному приходу, в России просто нет [12, с. 66]. В сложившихся традициях Ярославской губернии XVIII–XIX веков была распространена практика установки одной-двух часовен, относящихся к конкретным приходом сельских или городских церквей [11, с. 50]. Большое число церквей и храмов совсем не имело приписных часовен. На севере Ярославской губернии, где храмов было построено гораздо меньше, чем в южных уездах, их число в приходе могло достигать до пяти единиц. Самое большое число монастырских часовен в Ярославской губернии – семь сооружений – имел только Толгский женский монастырь. В целом ситуация с приписными часовнями в Ярославской губернии соответствует общей ситуации по России.

В тоже время известно, что в ближайших к России польских, белорусских и литовских землях в XVII в. начинают активно обустраиваться духовные комплексы, в которых количество часовенных сооружений могло достигать нескольких десятков. В данном случае речь идет о так называемых кальвариях – своеобразных пространственных имитациях палестинских святынь. Как правило, кальварии обустраивались на холмах или выраженных возвышенностях и состояли из большого центрального сооружения с крестом (распятием) на вершине холма и ряда небольших часовен. Эти часовенные сооружения, по сути, являлись станциями-маркерами различных сюжетов страданий Иисуса Христа во время его крестного пути на Голгофу. Количество часовен в кальварии могло

варьироваться от нескольких единиц до нескольких десятков, но чаще всего строилось от 14 до 24 сооружений в одном комплексе. Определенный интерес представляет и вопрос об общей протяженности кальварийских комплексов на местности, так как многие по протяженности занимают пространство не более 7 км. Расстояние между станциями крестного пути, то есть часовнями, должно приблизительно соответствовать «иерусалимским реалиям» [15, с. 719].

Считается, что Русь до середины XVI века оставалась вне европейской традиции копирования святых мест [15, с. 720]. Первой русской кальварией является Новый Иерусалим царя Алексея Михайловича, построенный на берегу реки Истра, которая позднее была переименована в Иордан [16, с. 281]. По мнению ряда исследователей, со времени строительства Воскресенского собора в Новом Иерусалиме в России постепенно начинает формироваться особый пассийный (от лат. *passio* – страдание) культ, в котором в различных художественных, пластических или архитектурных формах отражается тема «страстей Господних» и последующего Светлого воскресения [16, с. 289].

Нельзя не отметить, что часовни-станции в европейских кальвариях не всегда были связаны только со страстями Христа во время его пути на Голгофу. Например, Кальвария Зебжидовская (Польша, г. Краков) насчитывает 52 станции-часовни, из которых 24 часовни посвящены исключительно Деве Марии и именуется как «тропки Марии» [18, с. 211]. Кальвария Пацловская на границе Польши и Украины (г. Перемышль) состоит из 41 станции-часовни, из которых 30 часовен составляют: «тропы Богоматери Скорбящей» (16 часовен) и «тропы Погребения и Вознесения Богородицы» (14 часовен). Главной святыней всего комплекса является чудотворная икона Богоматери Кальварийской

Слушающей [1, с. 163]. Под «тропами» здесь так же, как и в Зебжидове, понимаются как сами часовни-станции, посвященные жизни Богородицы, так и названия богослужений, включающие прохождение этих троп с молитвами и размышлениями при каждом стоянии [1, с. 156].

В целом первоначальный характер польских кальварий начинает меняться в XVII веке с момента усиления культа Девы Марии, связанного с появлением чудотворных явленных икон Божией Матери в Речи Посполитой. В некоторых польских кальвариях (Зебжидова, Пацлавская, гура Кальвария) марианский культ даже начинает доминировать над страстями Христа [17, с. 214–215]. Исторически сложившиеся марианские кальварии в Польше делятся на два типа: как культовые центры на месте ранее существовавших святилищ и вновь построенные кальварии [17, с. 214]. В этих комплексах форма почитания Божией Матери строится на основе прохождения трех «троп», связанных со скорбью Девы Марии по сыну, успением и погребением Богородицы и ее триумфом (вознесением) [17, с. 216].

Некоторые кальварийские сюжеты, связанные со страстным циклом Иисуса Христа, имеются и на территории Ярославской земли, например в росписях некоторых церквей Ростова Великого: Воскресения, Иоанна Богослова (1670–1680 гг.), Спаса на Торгу (1690-е гг.) [16, с. 276–277]. Но данных о наличии в России полноценных кальварийских часовенных комплексов нет. В тоже время нельзя полностью исключать проникновение в Россию некоторых европейских католических духовных тенденций XVII века, поскольку есть мнение, что к строительству Нового Иерусалима Алексей Михайлович приступил именно под впечатлением от польских и литовских кальварий [10, с. 389; 14, с. 66–67]. В целом стоит отметить, что именно Польша в XVII веке становится одной из ведущих европейских стран по количеству построенных и строящихся кальварий, где эта традиция только усилилась в XIX и начале XX века [19, с. 104–105].

Единственный документальный источник, из которого нам стало известно о большой группе деревянных часовен, сосредоточенных в округе большого села Заозерье Угличского уезда – небольшая брошюра священника А. Миролюбова «Летопись села Заозерья», вышедшая в 1913 году небольшим тиражом в угличской типографии И.А. Дикарева [5]. Не совсем понятен тот факт, что в детальной работе К.Г. Рыбина «Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии», вышедшей на пять лет раньше «Летописи...», нет даже упоминания о часовнях Заозерья, хотя эта работа отличается особой скрупулезностью именно в части фиксации часовен, приписанных к разным храмам и монастырям [8]. Итак, по свидетельству А. Миролюбова, в приход Казанского храма села Заозерье, куда входило

двадцать деревень, были установлены шестнадцать деревянных часовен. Ещё несколько часовен прихода находились в самом селе Заозерье. Одна из них – каменная, так называемая Александровская. Первоначально она была деревянной и располагалась непосредственно в ограде Казанского храма. Самая известная заозерская часовня – часовня Плотницы (Плотницы) – расположена в одной версте от села¹. Таким образом, общее количество часовен, относящихся к приходу Казанского храма, – не меньше 18 сооружений.

Расположение всех часовен Казанского прихода имеет вытянутое направление в форме «петли» к северу и северу-востоку от села Заозерье². Часовни были установлены в населенных пунктах вдоль больших и значимых дорог на г. Углич и село Ильинское. Часовенных сооружений в южном и западном направлении от села практически нет. Самые дальние часовни были установлены в 7 км от села в деревнях Аверинская, Осиновка, Инобожь и Лисьи Ямы. При этом необходимо заметить, что в топографическом плане часовни в д. Аверинская и д. Осиновка были установлены на доминирующих по высоте точках местности.

Большая часть всех часовен Казанского прихода села Заозерье посвящена Богородице. Главная икона в этих часовнях, так же как и главный «престольный» деревенский праздник, были посвящены одному из ее образов. Большинство главных часовенных икон принадлежат к так называемому типу «Умиление» (Елеуса), одному из самых распространенных и самых любимых в народе. На иконах Богородицы Смоленской (д. Иваново, д. Отруднево) и Богородицы Казанской (д. Андреево, с. Заозерье) Богородица держит Иисуса на левой руке, а на иконе Божья Матерь Донская (д. Терпенка, д. Лисьи Ямы) Богомладенец расположен на правой руке.

Еще один образ Богородицы – «Умиление-Ростовская», или «Богородица с яблочком», занимал в Заозерье совершенно особое место. Сам оригинал этой иконы находился в церкви Благовещения в г. Ростов Великий. После истории 1910 г., связанной с чудесным исцелением 10-летней девочки, икона стала чрезвычайно популярна и почитаема в народе. Список с новоявленной чудотворной иконы специально для Заозерья был выполнен иеромонахом Авраамиева Ростовского монастыря о. Антонием, который был уроженцем Заозерья. В 1913 г. (21 апреля) эта икона была торжественно встречена заозерцами на дороге из Ростова Великого и с большими почестями пронесена по всем деревням прихода. Навстречу процессии с иконой из с. Заозерье вышел крестный ход. Встреча произошла в поле между Заозерьем и д. Федяково, где был отслужен молебен [4, с. 4–5]. После того как икона заняла свое постоянное место в Казанском храме, было принято решение каждое воскресенье

служить ей молебн с освящением воды, которую приносили домой и для лечения больных³.

Часовни деревень д. Вяльково и д. Федяково были освящены в честь образа Божией Матери, именуемого Троеручницей (Троеручицей), относящейся к совершенно иному типу византийской иконографии – Богородицы «Одигитрии» (Путеводительницы). В нижней части «Троеручицы» имеется изображение отрубленной руки известного защитника православия преподобного Иоанна Дамаскина, сделанное из серебра, откуда икона и получила свое имя. В народном сознании икона «Троеручицы» тесно связана с праздником Преполовления Пятидесятницы, который являлся одним из главных церковных праздников в с. Заозерье. Здесь до пожара 1896 г. важным и центральным элементом церковного богослужения был крестных ход и большой водосвятный молебен на источнике Плотницы. По сути, Преполовление Пятидесятницы является одним из древнейших христианских праздников, который отмечается между Пасхой и Троицей. Считается, что праздник установлен в ознаменование благодати Святого Духа, которую Христос сравнил с водой, дарующей жизнь всем, кто жаждет спасения. Исследователи отмечают, что истинное церковное значение праздника в народе мало кто понимал. В народе также устоялось мнение, что Преполовление – праздник преимущественно женский. Есть определенная взаимосвязь праздника Преполовления с образом Богородицы «Троеручица». В некоторых местах бытовала легенда, объясняющая происхождение праздника тем, что во время преследования Богородицы шайкой разбойников ей пришлось переплыть реку с Богомладенцем на руках. Поскольку с ребенком грести одной рукой и плыть было трудно, она взмолилась своему младенцу: «Сын мой милый, дай ты мне третью руку, а то плыть мне не вмоготу» [9]. Младенец услышал, появилась у нее третья рука, и Богородица благополучно достигла берега. Название «преполовление» народная этимология здесь связывает со словом «переплывание». Подтверждением легенды, в глазах крестьян, была икона Богородицы Троеручицы [9].

Безусловно, что и широкое распространение в окрестностях с. Заозерье почитания образа Богородицы «Троеручица» также связано с деятельностью Алексея Михайловича, и началось здесь никак не ранее конца XVII века, поскольку в Россию первый список иконы «Троеручицы» был привезен в 1661 году патриархом Никоном для Воскресенского Новоиерусалимского монастыря.

Другие часовни прихода, даже если они не имеют прямого посвящения одному из образов Богородицы, тем не менее были тесно связаны с ней. Так, в д. Осиновка часовня была посвящена Сергию Радонежскому, но главная икона часовни – «Явление Божией Матери преподобному Сергию».

Для понимания духовных процессов, проходивших в с. Заозерье, необходимо более подробно рассмотреть ситуацию, связанную с формированием часовенного комплекса в этом месте. В писцовой книге Переславль-Залесского уезда 1629–1630 гг. упоминаются две древние церкви с. Заозерья: «...церков Кирила архиепискупа Александрийского... древяна клетчки с папиртью, да приделно великой Христовы мученицы Парасковей, нареченную Пятницы» и «...церков Николы чудотворца, да в пределех Бориса и Глеба, да Петра Александрийского сожгли черкасы» [6]. Возведение нового Казанского храма было начато в 1730 г. по указу Правительствующего синода. Спустя сорок лет, по завершению строительства, храм приобретает два придела: во имя Святителя и Чудотворца Николая и во имя Св. Пророка Илии. По всей видимости, часовенный комплекс Казанского прихода окончательно сформировался не ранее 1770 года, когда была упразднена Никольская церковь в сожженном поляками соседнем с. Николо-Бортники, после чего две часовни в Терпенке и Харлово, которые ранее входили в приход Николо-Бортников, скорее всего, перешли к Казанскому храму. По времени это совпадает с устройством Никольского придела.

До настоящего времени сохранилось только две старые часовни: каменная «Александровская» в Заозерье и часовня в д. Андреевка(цево), в которой сохранился большой деревянный киот от иконы Казанской Божией Матери. На задней поверхности киота имеется запись: «1875 г. 9 июля усердием построена сия Часовня Икона деревни Андреевки бывшим здешним крестьянином, а ныне московским купцом Петром Максимовичем и Иоанном Васильевичем Боталовыми». Кроме них вполне уместно говорить и о сохранении старой часовни из д. Осиновки, имевшей посвящение Сергию Радонежскому. Следует отметить, что обе часовни (в Андреевке и в Осиновке) чрезвычайно похожи друг на друга – это традиционные 4-стенные обшитые досками сооружения из бруса под 4-скатными крышами без выноса крыльца. Количество венцов в срубах не превышает 12 штук. К концу 90-х гг. XX в. часовня в Осиновке находилась в полностью разрушенном состоянии, после чего сваленные брусья старой часовни были перевезены в с. Учма (Мышкинский район Ярославской области). В с. Учма она была восстановлена В.Г. Смирновым на территории Музея истории Кассиановой пустыни и судьбы русской деревни. В самой д. Осиновке на месте установки старой разрушенной часовни в 2014 г. была заново построена деревянная часовня с тем же посвящением.

Обращает на себя внимание интересный способ оформления (зонирования) места расположения старой часовни в центре д. Осиновки, где по четырем углам сооружения куртинами растут липы, высаженные «букетным» способом по

2–3 дерева в одну яму. Возраст лип определяется в 120–150 лет. Такой способ посадки деревьев был весьма характерен для пейзажного стиля в садово-парковом искусстве XIX века в обеих столицах и других крупных российских городах. В частности, так же в одну яму высаживались деревья во время работ по перепланировке Михайловского сада в 1824–1826 гг. в Санкт-Петербурге. Возможно, что здесь, в Осиновке, в такой форме посадки деревьев сказывается прямое или косвенное влияние земляка Якова Щукина, создателя и строителя знаменитого сада «Эрмитаж» в Москве⁴. Воспоминания его вдовы прямо указывают на то, что все земляные и проектировочные работы в саду «Эрмитаж», равно как и все земляные работы по благоустройству Заозерья в конце XIX – начале XX в., проводились при непосредственном участии самого Якова Щукина [3, с. 111].

Достоверно известно, что две деревянные часовни в д. Аверинская и д. Терпенка были «круглыми», то есть 8-стенными под 8-скатными крышами. Следует обратить внимание, что в христианской традиции число 8 является числом-символом Воскресения. Среди традиционных форм часовен восьмигранные встречаются крайне редко, что подчеркивает их особый статус [14, с. 68]. Часовня в Терпенке была посвящена иконе «Божья мать Донская». Престольный праздник здесь отмечался 19 августа (1 сентября по н. с.). Посвящение часовни в д. Аверинская установить уже не удалось ввиду отсутствия старожилов.

Возможно, что местная локальная традиция почитания Богородицы изначально была самым тесным образом была связана с источником Плотницы. По сути, этот источник – главная святыня всей сельской округи и прихода. Вообще, вся имеющаяся скудная информация, связанная с самой первой деревянной часовней «Плотницы», представляется весьма неоднозначной. Время её установки неизвестно. Посвящение установить тоже невозможно, так как древняя часовня сгорела в 1896 г. Все предания, сохранившиеся в округе, связывают возведение первой деревянной часовни над родником с чудесным явлением иконы Богородицы местному молодому пастуху, который пришёл на родник напиться воды. В народе родник почитался и почитается до сих пор как святой и целебный. С большой долей уверенности можно утверждать, что изначально «Плотницы» были посвящены именно Богородице.

На пасхальной неделе 1898 г. пожар уничтожил старую часовню, а спустя год над источником была установлена каменная часовня. Она получила совершенно новое посвящение в память священного коронавания государя императора Николая II и императрицы Александры Фёдоровны. Строительство велось уже в строгом соответствии со строительным регламентом того времени [2].

В начале XX в. в нескольких десятках метров от часовни был выстроен деревянный дом, в котором поселились две монахини, следившие за часовней и источником. По всей видимости, именно их влияние в немалой степени способствовало длительному сохранению «статуса» родника как святого и лечебного. В воспоминаниях местных жителей до сих пор фигурируют эпизоды, связанные с бытованием легенд либо не имеющих конкретных персонализаций⁵, или же напрямую связанных с чудесным исцелением конкретных родственников⁶. Место «дома монахинь» до сих пор маркируют две высокие старые ели, которые были высажены рядом с их жилищем на источнике. В 1942 году каменная часовня была закрыта, а впоследствии разрушена. Вплоть до конца прошлого десятилетия на месте каменной часовни стоял навес из досок под крышей, а сам источник был оформлен в небольшой деревянный сруб. Новая деревянная часовня на этом месте была выстроена только в 2008 году. При этом она уже в третий раз «поменяла» свое сакральное посвящение и была освящена в память Святых Царственных Страстотерпцев.

Водосвятные молебны и крестные ходы на источник «Плотницы» до 1896 г. кроме праздника Преполовления Пятидесятницы проводились также накануне Крещения – 6/19 января, «на Егория» – 23 апреля и во время празднования Происхождения (Изнесения) Честных древ Животворящего Креста Господня – 1/14 августа. Кроме этого, в Заозерье проводились и другие крестные ходы, в которых часовня и источник на «Плотницах» задействованы не были.

Подробное описание икон, находящихся в иконостасах Казанского храма, оставленное А. Миролюбовым, обращает на себя внимание тем, что:

1. Одновременно в храме было размещено более 20 разных типов образов Богородицы.

2. Такие иконы с образами Божией Матери, как «Казанская», «Животворный источник», «Владимирская», «Троеручица», «Иверская» и «Смоленская», присутствовали сразу в нескольких вариантах.

3. Общее количество икон Богородицы в Казанском храме превышает 40 экземпляров.

4. Встречаются достаточно редкие для ярославской земли иконы, такие как Божия Мать «Ченстоховская», Божия Мать «Экономисса Афонская» и др.

5. Многие иконы Казанского храма отражают земной путь Богородицы.

6. Большинство часовен прихода в своем посвящении перекликаются с иконами Казанского храма.

Сложившаяся духовно-историческая традиция в с. Заозерье и его окрестностях не может не наталкивать на мысль о формировании здесь особой местной локальной традиции почитания Богородицы, которая изначально самым тесным образом была связана с источником Плотницы на истоке

р. Устье. Явление иконы Богородицы пастуху воспринималось и воспринимается как божественное знамение или чудо. По сути, это событие или легенда формирует сакральную среду с. Заозерья в виде некой пространственной духовной структуры, в формировании которой явно прослеживаются некоторые тенденции европейской традиции строительства кальварий, хотя в посвящении часовен Казанского прихода нет сюжетов страстного пути Христа. Можно предположить, что в Заозерье мы имеем дело с духовным комплексом, который складывался в традициях строительства кальварий, что проявилось в форме организации сакрального пространства, но не в его сути. Спонтанно сложившаяся локальная форма с годами только расширила свою территорию за счет новых деревень разрастающегося прихода, о чем непосредственным образом свидетельствует карта расположения часовен в приходе Заозерья.

Примечания

¹ Имеющиеся старые фотографии улиц Заозерья начала XX в. позволяют сделать вывод о том, что фактическое количество часовен в самом Заозерье было больше, но достоверных данных о принадлежности их к приходу Казанского храма нет.

² На аналогичное расположение часовен-станций в форме «петли» в польской Кальварии Зебжидова указывает, в частности, исследовательница Эльжбета Бильска [17, 18].

³ Оригинал иконы «Умиление-Ростовская» был выполнен во второй половине XIX в. на доске в технике масляной живописи. Сам список является более ранним и наиболее адаптированным воспроизведением иконы Богоматери Балыкинской, являющейся, в свою очередь, радикальной переработкой ренессансного итальянского оригинала [7, с. 244].

⁴ Яков Васильевич Щукин – уроженец соседнего с. Вяльково. Разбогатев, он в 1868 г. перевез семью родителей в с. Заозерье.

⁵ Предание, записанное и художественно обработанное школьниками-краеведами с. Заозерье в рамках подготовки исследовательского проекта в 2008 г.: «...родился младенец пола мужского и всем был хорош и здоров, но вот говорить не умел. И посоветовали матери снести его на «Плотницу» к монахиням. Пошла мать, в часовне помолилась, водицей святою умылась, водицы попила и сына попила. А к вечеру, на закате, домой воротилась, сына спать уложила, а сама на ночь помолилась. А наутро в ясный день сыночек слово промолвил» [13].

⁶ Так, в частности, местная жительница Т. 1960 г. р., уроженка с. Бронники, рассказала, что её отец во младенчестве имел проблемы с ногами, отчего долго не мог пойти. По совету одной из монашек мать посадила его в мешок и «на закорках» трижды обошла с ним вокруг источника «Плотни-

цы», после чего напоила водой из родника. После этого мальчик полностью излечился.

Библиографический список

1. *Баранецка-Ольшевска К.* Управление чувственными формами: оптимизация, максимизация и эффективность. Торжество в Кальварии Пацлавской // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 3 (34). – С. 148–171.

2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 1206 «Дело о разрешении построения каменной часовни в с. Заозерье».

3. *Ерохина Т.* С самой правдивой стороны // Угличе поле: литературно-художественный альманах (приложение к «Угличской газете»). – Ярославль: Печатный двор, 2016. – № 29. – С. 110–121.

4. *Миролюбов М.А.* Перенесение и встреча иконы «Умиления Пресвятой Богородицы» в село Заозерье из Ростова Великого. – Углич: Типография И.А. Дикарева, 1914.

5. *Миролюбов М.А.* Летопись села Заозерья. – Углич: Типография И.А. Дикарева, 1913.

6. Писцовая книга Переславль-Залесского уезда // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 7646. – Л. 219 об.

7. *Пуцко В.Г.* Об иконографическом прототипе иконы Богоматери Умиление-Ростовская // История и культура Ростовской земли, 2002. – Ростов, 2003. – С. 244–251.

8. *Рыбин К.Г.* Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. – Ярославль: Типографии губернской земской управы, 1908.

9. Преполование [Электронный ресурс] // Российский этнографический музей. – Режим доступа: <http://old.ethnomuseum.ru/prepolovanie> (дата обращения: 02.07.2019).

10. *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. – М; Л.: Академия, 1934. – С. 389.

11. *Чернецова С.Б.* Традиции часовенного строительства в центральных и северных уездах Ярославской губернии // Казанская наука. – Казань, 2014. – № 9. – С. 50–53.

12. *Чернецова С.Б.* Часовенный феномен // Угличе поле: литературно-художественный альманах (приложение к «Угличской газете»). – Ярославль: Печатный двор, 2016. – № 29. – С. 66–75.

13. *Яблокова Н.А.* Святой источник – Плотница [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chtenie-21.ru/blogs/102/1020> (дата обращения: 02.07.2019).

14. Яворская С.Л., Яворская Т.Л. Святыни Литвы: Лестница страстей Христовых и место явления Пресвятой Девы Марии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2011. – Т. 29, № 3–4. – С. 66–75.

15. Яворская С.Л. Шумаевский крест. Врата Сиона // Дом Бурганова: Пространство культуры. – 2009. – № 4. – С. 110–116, 719.

16. Яворская С.Л. Кальварии царя Алексея Михайловича (К опыту кальварийского строительства в России) // Проблемы российской истории. – 2012. – № 1 (11). – С. 275–294.

17. Bilka E. Przemiany kulturowych i religijnych funkcji kalwarii w Polsce // Przestrzeń i sacrum. Geografia kultury religijnej w Polsce i jej przemiany w okresie od XVII do XX w. na przykładzie ośrodków kultu i migracji pielgrzymkowych. – Kraków: Instytut Geografii Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1996. – S. 201–220.

18. Bilka E. Kalwaria Zebrzydowska jako wzór dla innych kalwarii na ziemiach polskich [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/9991041/Kalwaria_Zebrzydowska_jako_wz%C3%B3r_dla_innych_kalwarii_na_ziemiach_polskich (дата обращения: 02.07.2019).

19. Ziarkowski D. Polskie kalwarie jako wyraz kształtowania krajobrazu sakralnego w epoce nowożytnej // Krajobraz sakralny / Józef Partyka (red.). – Kraków; Lwów, 2014. – S. 99–114.

References

1. Baranecka-Ol'shevska K. Upravljenie chuvstvennymi formami: optimizaciya, maksimizaciya i effektivnost'. Torzhestvo v Kal'varii Paclavskoj // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2016. – № 3 (34). – S. 148–171.

2. Gosudarstvennyj arhiv YAroslavskoj oblasti (GAYAO). – F. 80. – Op. 1. – D. 1206 «Delo o razreshenii postroeniya kamЕННОj chasovni v s. Zaozer'e».

3. Erohina T. S samoj pravdivoj storony // Ugleche pole: literaturno-hudozhestvennyj al'manah (prilozhenie k «Uglichskoj gazete»). – YAroslav': Pechatnyj dvor, 2016. – № 29. – S. 110–121.

4. Miroljubov M.A. Perenesenie i vstrecha ikony «Umileniya Presvyatoj Bogorodicy» v selo Zaozer'e iz Rostova Velikogo. - Uglich: Tipografiya I.A. Dikareva, 1914.

5. Miroljubov M.A. Letopis' sela Zaozer'ya. – Uglich: Tipografiya I.A. Dikareva, 1913.

6. Piscovaya kniga Pereslavl'-Zalesskogo uezda // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). – F. 1209. – Op. 1. – D. 7646. – L. 219 ob.

7. Pucko V.G. Ob ikonograficheskom prototipe ikony Bogomateri Umilenie-Rostovskaya // Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli, 2002. – Rostov, 2003. – S. 244–251.

8. Rybin K.G. Kratkie svedeniya o monastyryah i cerkvah YAroslavskoj eparhii. – YAroslav': Tipografi gubernskoj zemskoj upravy, 1908.

9. Prepolovenie [Elektronnyj resurs] // Rossijskij etnograficheskij muzej. – Rezhim dostupa: <http://old.ethnomuseum.ru/prepolovenie> (data obrashcheniya: 02.07.2019).

10. Sobolev N.N. Russkaya narodnaya rez'ba po derevu. – M; L.: Akademiya, 1934. – S. 389.

11. CHernecova S.B. Tradicii chasovennogo stroitel'stva v central'nyh i severnyh uezdah YAroslavskoj gubernii // Kazanskaya nauka. – Kazan', 2014. – № 9. – S. 50–53.

12. CHernecova S.B. CHasovennyj fenomen // Ugleche pole: literaturno-hudozhestvennyj al'manah (prilozhenie k «Uglichskoj gazete»). – YAroslav': Pechatnyj dvor, 2016. – № 29. – S. 66–75.

13. Yablokova N.A. Svyatoj istochnik – Plotnica [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://chtenie-21.ru/blogs/102/1020> (data obrashcheniya: 02.07.2019).

14. YAvorskaya S.L., YAvorskaya T.L. Svyatyni Litvy: Lestnica strastej Hristovyh i mesto yavleniya Presvyatoj Devy Marii // Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2011. – T. 29, № 3–4. – S. 66–75.

15. YAvorskaya S.L. SHumaevskij krest. Vrata Siona // Dom Burganova: Prostranstvo kul'tury. – 2009. – № 4. – S. 110–116, 719.

16. YAvorskaya S.L. Kal'varii carya Alekseya Mihajlovicha (K opytu kal'varijskogo stroitel'stva v Rossii) // Problemy rossijskoj istorii. – 2012. – № 1 (11). – S. 275–294.

17. Bilka E. Przemiany kulturowych i religijnych funkcji kalwarii w Polsce // Przestrzeń i sacrum. Geografia kultury religijnej w Polsce i jej przemiany w okresie od XVII do XX w. na przykładzie ośrodków kultu i migracji pielgrzymkowych. – Kraków: Instytut Geografii Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1996. – S. 201–220.

18. Bilka E. Kalwaria Zebrzydowska jako wzór dla innych kalwarii na ziemiach polskich [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.academia.edu/9991041/Kalwaria_Zebrzydowska_jako_wz%C3%B3r_dla_innych_kalwarii_na_ziemiach_polskich (data obrashcheniya: 02.07.2019).

19. Ziarkowski D. Polskie kalwarie jako wyraz kształtowania krajobrazu sakralnego w epoce nowożytnej // Krajobraz sakralny / Józef Partyka (red.). – Kraków; Lwów, 2014. – S. 99–114.

Бенда Владимир Николаевич

доктор исторических наук

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Пушкин
bvn.1962@mail.ru

ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКИХ И УНТЕР-ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ, СОЗДАННЫЕ И ДЕЙСТВОВАВШИЕ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII В.

Для истории создания и развития на протяжении XVIII столетия отечественной системы военно-учебных заведений Российской империи, в которых велась подготовка военных кадров для сухопутных и специальных войск русской армии, значительный интерес представляют учебные заведения, которые были созданы в последней четверти XVIII в. Автор прослеживает историю создания и развития Шкловского благородного училища и Сиротского дома, в последующем переименованного в Императорский военно-сиротский дом. Автор приходит к выводу о том, что Шкловское благородное училище по составу воспитанников было многонациональным и многоконфессиональным учебным заведением. Учреждение Военно-сиротского дома было одним из средств для возникновения вновь образовавшегося сословия солдатских детей. В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, в научный оборот вводятся ранее не опубликованные источники и литература.

Ключевые слова: Екатерина II, Павел I, последняя четверть XVIII в., начало XIX в., военно-учебные заведения, военные кадры, Шкловское благородное училище, Военно-сиротский дом.

Основателем Шкловского благородного училища является Семён Гаврилович Зорич, который по происхождению был сербом из рода Наранджичей. Он был усыновлен русским офицером Максимом Зоричем и вместе с ним прибыл в Россию. При императрице Елизавете Петровне в 1754 г., в возрасте 11 лет, был зачислен на службу в один из вновь сформированных гусарских полков. В дальнейшем С.Г. Зорич принимал активное участие в Семилетней войне (1756–1763) и Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. В 1770 г., будучи трижды раненым, в столкновении с турками у Рябой Могилы был взят турками в плен, из которого вернулся в Россию только после заключения в июле 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора [5, с. 2]. Будучи адъютантом Г.А. Потемкина, в 1775 г. был представлен императрице. С июня 1777 г. считался официальным фаворитом Екатерины II. Однако примерно через год, то есть в начале лета 1778 г., из-за своего поведения и поступков, не всегда нравившихся Екатерине II, а также из-за ссоры с князем Г.А. Потемкиным был уволен в отставку и выслан из Санкт-Петербурга. Екатерина II наградила своего бывшего фаворита обширными населенными поместьями в Лифляндии и Белоруссии. Осенью 1778 г. С.Г. Зорич поселился в подаренном ему Екатериной II местечке Шклов (ныне Могилевская область Республики Беларусь). В первый год своего пребывания в Шклове Зорич решил отметить день именин (тезоимства) императрицы, который приходился на 24 ноября, благородным поступком и взял к себе на воспитание двух бедных малолетних дворян – Георгия Кислякова и Василия Райковича. В последующие два года С.Г. Зорич принял под свою опеку еще по пять воспитанников. С дальнейшим увеличением количества воспитанников возникла необходимость устройства для них специальной школы, что и было сделано Зоричем,

назвавшим вновь образованное учебное заведение Шкловским благородным училищем, датой основания которого считалось 24 ноября 1778 г. [13, с. 47].

Первоначально вновь образованное училище было размещено в небольшом по размеру флигеле, находившемся возле дома С.Г. Зорича. Национальный состав учащихся был самый разнообразный: русские, украинцы, белорусы, сербы, хорваты, черногорцы, венгры, шведы, поляки и др. [4, с. 53]. В первые годы существования этого учебного заведения воспитателями и учителями в нем, как правило, были иностранцы, приглашаемые С.Г. Зоричем из европейских стран. С каждым годом число воспитанников училища возрастало. К 1783 г. их было уже 50 человек, через 10 лет после основания училища – более 100. Со временем число учеников в училище стало более 200 человек, в связи с этим в 1793 г. Зоричу пришлось построить в Шклове новое каменное здание и деревянные флигели, в которых размещались лазарет и музыкальная команда. 22 сентября 1793 г., в годовщину коронации Екатерины II, при большом стечении приглашенных гостей состоялось торжественное переселение учащихся в новое здание [7, с. 125]. Для организации управления училищем был разработан устав, основой которого являлись «учреждения военных училищ, заведенных в России». В соответствии с уставом в училище поддерживался воинский порядок и дисциплина по образцу пехотных и конных полков. В первое время училище делилось на два взвода кавалерии – кирасирский и гусарский – и на две пешие роты – гренадерскую и егерскую [13, с. 47]. Курс обучения распределялся на 5 классов с годичным сроком обучения в каждом из трех младших классов, в четвертом классе надо было проучиться два года и, наконец, в пятом классе – три года [3, с. 60].

Таким образом, каждый воспитанник училища обучался не менее восьми лет, что было практически

в два раза меньше срока, установленного для прохождения обучения в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, рассчитанного на 15 лет. Хотя Шкловское училище не имело названия военного, но по учебной программе и по своей организации его в полной мере можно было считать военно-учебным заведением. Учебная программа была составлена очень продуманно и максимально приближена к военной [5, с. 9]. Она предусматривала обучение воспитанников таким предметам, как: чтение и письмо по-русски, по-французски и по-немецки, арифметика, геометрия, высшая математика, закон божий, рисование, грамматика русского, французского и немецкого языков, история и география, российское красноречие, артиллерия, тактика и др. [3, с. 87].

Первый выпуск из Шкловского благородного училища в количестве 7 человек был произведен в 1785 г. В период с момента основания училища и до 1800 г. полный курс обучения в училище (кадетском корпусе) прошли 665 учеников, из которых 470 выпускников по ходатайству С.Г. Зорича были назначены для прохождения службы в артиллерийские и армейские подразделения в первичных обер-офицерских чинах [6, с. 84]. Дальнейшую службу выпускники Шкловского благородного училища (кадетского корпуса) проходили в армейских и гарнизонных полках, в артиллерии и в Черноморских батальонах.

В соответствии с именованным указом Павла I, данном Сенату 28 марта 1797 г., Шкловское благородное училище, выражаясь современным языком, получило статус государственного, и на его ежегодное содержание было предписано выделять из государственной казны 43 670 р. 50 к. [10, с. 516–517]. После воцарения Павла I С.Г. Зорич был возвращен на военную службу, был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром Изюмского гусарского полка. Генерал-лейтенант С.Г. Зорич командовал указанным полком недолго, так как из-за финансовых нарушений в 1797 г. он снова был отправлен в отставку. Финансовые проблемы и случившийся в Шклове пожар, который практически полностью уничтожил училище, ускорили кончину С.Г. Зорича, который умер 6 ноября 1799 г. 28 ноября 1799 г.

Шкловский кадетский корпус был переведен в подчинение белорусского губернатора П.И. Северина [5, с. 16]. В начале марта 1800 г. Павел I получил доклад от временно исполнявшего обязанности управляющего Шкловским кадетским корпусом подполковника Фливерка, в котором сообщалось о значительных трудностях с размещением учащихся кадетского корпуса. Уже 16 марта 1800 г. Фливерк получил указ императора о передислокации корпуса из Шклова в Гродно, где предполагалось его разместить во дворце польских королей. Однако 2 апреля подполковник Фливерк был отстранен от управления корпусом и вместо него начальником был назначен полковник В.К. Кетлер, под руководством кото-

рого и было завершено перемещение в Гродно [5, с. 17–18]. 20 мая 1800 г. кадеты в количестве 211 человек с обозом на 106 лошадях выдвинулись из Шклова в сторону Гродно, куда они прибыли спустя три недели [5, с. 20]. С 16 октября 1800 г., в соответствии с приказом императора, Шкловский кадетский корпус стал именоваться Отделением Гродненского кадетского корпуса [11, с. 347]. Под этим названием учебное заведение играло роль запасного отделения Первого кадетского корпуса (бывший Сухопутный шляхетный кадетский корпус). Однако отделение Гродненского кадетского корпуса с Первым кадетским корпусом никакой связи не имело, так как его воспитанники после окончания курса обучения не переводились для дальнейшего обучения в Первый кадетский корпус, а выпускались для дальнейшего прохождения службы в офицерских чинах. Отделение Гродненского кадетского корпуса просуществовало до конца 1806 г. В соответствии с указом императора Александра I все кадеты Гродненского отделения были переведены в Смоленск, а учебное заведение стало именоваться Смоленским кадетским корпусом. Оно действовало в Смоленске вплоть до 1812 г., когда в ходе Отечественной войны кадетский корпус вынужден был передислоцироваться сначала в Тверь, затем в Ярославль и, наконец, в Кострому [5, с. 29].

Параллельно с развитием сети военно-учебных заведений для подготовки офицерских и унтер-офицерских кадров для армии и флота в царствование Екатерины II продолжала существовать и развиваться система гарнизонных школ. Число обучавшихся в них солдатских детей постоянно увеличивалось. Так, в 1765 г. в 108 гарнизонных школах числилось 4 533 штатных учеников и 6 260 заштатных, что в целом составило 10 793 школьников [8, с. 160]. После первой турецкой войны (1768–1774) кроме солдатский сыновей в гарнизонные школы было предписано принимать во всех губерниях по просьбе отцов и других родственников и «неимущих дворянских детей, хотя бы число их до 1000 случилось» [9, с. 894]. Предполагалось, что после достижения совершеннолетия дворянские дети будут определены на военную службу. К концу царствования Екатерины II количество учащихся в гарнизонных школах достигло 12 000 [6, с. 79]. Но и такое количество вакансий в гарнизонных школах было недостаточным для, выражаясь современным языком, социального обеспечения всех солдатских детей и детей-сирот, так как число осиротевших детей вследствие войн, которые вела Россия в последней четверти XVIII столетия, было значительно выше штатного количества учеников военных образовательных учреждений. Вследствие этого наследник престола Павел Петрович в 1793 г. в одном из флигелей Каменноостровского дворца учредил школу для сыновей погибших и бедных инвалидов. Вскоре аналогичная школа была создана и в Гатчи-

не, располагавшейся недалеко от Гатчинского дворца. В 1795 г. обе школы были объединены в одно заведение под названием Сиротского дома, в котором могли проходить обучение дети бедных офицеров и дворцовых служителей [7, с. 119–120]. В сентябре 1797 г. император Павел I приказал перевести образованный им еще в бытность наследником «сиротский дом» в Санкт-Петербург. Рассмотрев доклад Военной коллегии о положении солдатских школ при гарнизонных полках, Павел I наложил резолюцию, в которой указывалось на необходимость разработки коллегией положения для солдатских детей при гвардии, близкого по устройству к сиротскому дому [10, с. 743–746].

Во исполнение этого повеления Военная коллегия рассмотрела это положение, и на основе собранных необходимых сведений из Адмиралтейской коллегии, а также в соответствии со штатом Военного сиротского дома внесла некоторые изменения в свои постановления о гарнизонных школах, дабы согласовать их с положением о Военном сиротском доме. На основе этого и были разработаны положение и штаты Императорского военного сиротского дома и его отделений при гарнизонных полках, которые и были представлены на утверждение Павлу I. Соответствующая комиссия, занимавшаяся разработкой положения и штатов Императорского военного сиротского дома и его отделений, в своем докладе отмечала, что «...в одних сиротских отделениях будут пристойно воспитываемы и к воинской службе приготавлиемы 16 400 солдатских сыновей... и по достижении Высочайше назначенного 18-летнего возраста в службу определены будут...» [2, л. 1]. На годовое содержание этих заведений предусматривались следующие суммы: 1) на Военный сиротский дом – 12 6467 р. 31,5 к., в том числе «...на жалование, на мундирные и прочие вещи» 110 767 р. 41 и $\frac{3}{4}$ к., на питание 15 699 р. 89 и $\frac{3}{4}$ к.; 2) на все отделения Военного сиротского дома при гарнизонных полках полагалась сумма в 520 076 р. 21 к., в том числе на жалование, на одежду и на прочие вещи 281 393 р. 89 к., на питание – 238 682 р. 32 к. [2, л. 1].

В соответствии с положением [2, л. 2 – 5 об.] об Императорском военном сиротском доме он имел два отделения: *первое отделение*, численностью 250 воспитанников и 50 воспитанниц, комплектовалось детьми «...как дворянскими, так равно штаб и обер-офицерскими без телесных недостатков, не входя при том в разбирательство религии, но только не старше 11 лет...» [2, л. 2]. Их называли кадетами. При приеме в Императорский военный сиротский дом преимущество отдавалось тем детям, чьи родители умерли или погибли «...служба отечеству», а также тем, родители которых хотя и были живы, но были бедны. В число кадетов, как было сказано выше, зачислялись также юноши, отцы которых действительно служили в штаб и обер-офицерских чинах. Таких воспитанников содержали и обучали

за счет государства, а учебная программа включала следующие предметы: 1) закон божий по рождению их родителей; 2) российский язык; 3) немецкий язык, то есть «читать, писать, говорить сии наречия»; 4) грамматика и перевод тех языков; 5) арифметика; 6) геометрия; 7) артиллерия; 8) фортификация и тактика; 9) рисование; 10) история; 11) география. Объем знаний, которые должны были получить кадеты по указанным предметам, предполагал, чтобы они не могли обучать других, но «...чтоб сими познаниями пользоваться умели» [2, л. 2]. Благородные воспитанники Императорского военного сиротского дома по окончании математических наук, успешно выдержавшие также генеральный экзамен, выпускались в зависимости от способностей, проявленных в ходе обучения, в армию портупей-прапорщиками, эстандарт-юнкерами, фанен-юнкерами и юнкерами, а особо отличившиеся по представлению начальства по выпуску производились прямо в офицеры.

Во второе отделение, штат которого предусматривал содержание 800 детей солдатских и разночинцев и 50 воспитанниц, принимались без ограничения количества солдатские дети из гвардейских и полевых кавалерийских и пехотных полков и из артиллерийских батальонов «...без разбору религий и не ограничивая возраст их, а особливо сирот. Числа им не полагается, а принимать, сколько таковых найдется и принять возможно будет». Воспитанникам второго отделения преподавались Закон Божий, русский язык и арифметика – «...сколько нужно, чтоб уметь обыкновенные делать выкладки». После окончания изучения арифметики они поступали в специальный «ремесленный класс», в котором их обучали «всеми, что к пользе войск служить может», а именно различным ремеслам: портновскому, сапожному, седельному, кузнечному, слесарному, столярному, ружейному, каретному, токарному и малярному. Музыкально одаренных ребят определяли в музыкальный класс, где их обучали игре на духовых и ударных музыкальных инструментах [2, л. 2 об. – 3 об.].

В положении также предусматривалось, что из солдатских воспитанников, которые отмечались отличным поведением и успехами в обучении, а также проявивших способность к продолжению обучения по более сложным предметам, делался отбор в количестве до 50 человек. Они помещались «...вместе в одних классах с благородными для продолжения всех тех наук, к которым имеют способность» с целью, что ими в дальнейшем можно будет заполнять места помощников, а в последующем определять на учительские вакансии с умеренной положенной им платой, «...как при сем Императорском военном сиротском доме, так и при гарнизонных училищах...» [2, л. 2]. Каждый из солдатских детей, достигнув одиннадцатилетнего возраста, отсылался для определения в полк по

назначению главного начальства. Причем соблюдалось правило, чтобы солдатские дети, смотря по их способностям, определялись в те же полки, где служили их отцы или родственники. В барабанщики и флейтчики по требованию полков могли отсылать воспитанников и моложе 11 лет.

Предусматривалось, что, согласно штату отделений Императорского военного сиротского дома [2, л. 7–9], при гарнизонных полках во всех сиротских отделениях число так называемых служителей определялось в зависимости от числа солдатских детей, обучающихся в них. Было также определено, что все назначенное для снабжения сиротских отделений в соответствии с данным штатом ежегодно отпускалось в гарнизонные полки на наличное число учеников из комиссариатского и провиантского департаментов с таким расчетом, чтобы излишки в довольствии, образовавшиеся из-за некомплекта учеников в одних отделениях, шли на содержание сверхкомплектных учеников в других отделениях. Что же до сиротских отделений при гарнизонных полках, то было определено, что для надзора за ними определялись штаб- или обер-офицеры, находившиеся в отставке или же бывшие инвалидами. В каждом из сиротских отделений их было разное количество. Например, в сиротских отделениях, располагавшихся в Санкт-Петербурге и Москве, в которых предусматривалось до 1 500 человек, полагался старший надзиратель из обер-офицеров на отделение (то есть и в Санкт-Петербург, и в Москву), с окладом годового денежного содержания по 600 р. Для оказания им помощи штат предусматривал наличие шести офицеров в каждом отделении, с окладом каждому по 200 р. в год. В Кронштадте, Риге и Николаеве на 1 000 человек имелись: 1 старший надзирателей из штаб-офицеров, с окладом каждому в год по 500 р., а в помощь им – по 4 офицера на отделение, с окладом каждому по 200 р. в год. В средних 16 отделениях, где полагается от 200 до 400 учеников, штат был следующий: 1 старший надзиратель из штаб- или обер-офицеров на отделение, с окладом годового денежного содержания каждому по 300 р., и по 1 помощнику на отделение с окладом по 150 р. в год. В последних 41 отделении, содержащих от 50 до 150 учеников, при каждом из них полагалось по одному надзирателю из обер-офицеров с окладом в год по 200 р. Всего на содержание всех учеников сиротских отделений при гарнизонных полках, общим числом 16 400 учеников, необходима была в год сумма 520 076 р. 21 к. [2, л. 6].

В заключение отметим, что во всех отделениях Императорского военного сиротского дома постоянно осуществлялся контроль за дисциплиной кадетов, воспитанников и воспитанниц, а также за поддержанием порядка в спальнях помещениях и столовых. Каждое отделение имело в столовых особые обеденные столы, рядом с которыми обязаны были находиться дежурные: при кадетях –

смотрители, при воспитанниках – живущие вместе с ними в спальнях помещениях учителя или их помощники, а при воспитанницах – надзирательницы. В целях поддержания порядка и дисциплины в столовых предписывалось их посещение директором и «инспектриссой» [7, с. 132]. Для контроля дисциплины и порядка в учебных классах и добросовестного исполнения своих обязанностей учителями был назначен соответствующий инспектор с помощниками и четырьмя смотрителями. В смотрители (надзиратели) во все отделения назначались Военной коллегией штаб- или обер-офицеры из отставных или инвалидов, характеризующиеся безупречным поведением и добросовестной службой по представлению экспедиции о военных сиротских учреждениях. Еще одним условием для назначения отставных офицеров смотрителями было знание ими немецкого языка. Помимо контрольных функций на смотрителей возлагались еще обязанности по проведению с кадетами занятий по военной подготовке. Родственники кадетов, воспитанников и воспитанниц имели право навещать своих детей в Военно-сиротском доме по воскресеньям и в праздничные дни с 16 до 18 часов дня [7, с. 133].

Таким образом, по вероисповеданию и национальности контингент воспитанников Шкловского благородного училища был самый разнообразный. Возраст учащихся был также неоднородным. Наряду с 7–8-летними детьми в училище обучались юноши в возрасте 17–18 лет.

О роли и значении деятельности С.Г. Зорича для развития системы военного образования российского государства в последней четверти XVIII столетия говорит значительное количество выпускников Шкловского благородного училища, которые после его окончания достигли высоких постов в военной и гражданской службе.

Существовавшие с 1732 г. гарнизонные школы при Павле I преобразовались в отделения Императорского военного сиротского дома. По состоянию на конец 1799 г. в России существовали следующие 54 Военно-сиротских дома: Азовский, Архангельский, Астраханский, Ахтырский, Бахмутский, Бийский, Верхне-Уральский, Витебский, Владимирский, Воронежский, Выборгский, Дмитриевский, Динамидский, Звериноголовской, Иркутский, Императорский, Казанский, Киевский, Кизильский, Кронштадтский, Могилевский, Моздокский, Московский, Нарвский, Нижегородский, Новгородский, Ораниембаумский, Оренбургский, Омский, Орский, Перновский, Петербургский, Петровский, Псковский, Ревельский, Рижский, Саратовский, Севастопольский, Селенгинский, Семипалатинский, Симбирский, Смоленский, Ставропольский, Таганрогский, Тамбовский, Тверской, Тобольский, Томский, Троицкий, Фридрихсгамский, Херсонский, Царицынский, Ямышевский, Аренбургский [12, л. 23–24 об.]. За время царствования Павла I из Во-

енно-сиротского дома 43 его выпускника были произведены в офицеры [1, с. 617].

В начале XIX в. Военно-сиротские дома подверглись реорганизации, в ходе которой солдатское отделение было расформировано, а воспитанники этого отделения были направлены для дальнейшего прохождения военной службы в различные полки. В 1806 г. отделение для воспитанниц было реорганизовано в самостоятельное девичье училище и переведено в другое здание. Из Военно-сиротских домов также были отселены инвалиды, проживавшие на их территории. В феврале 1829 г. организационно-штатная структура Военно-сиротского дома была приведена в соответствие с организацией других кадетских корпусов, и Военно-сиротский дом был переименован в Павловский кадетский корпус.

Библиографический список

1. *Анучин Д.Г.* К истории Императорского военно-сиротского дома и Павловского кадетского корпуса // Исторический вестник. – 1890. – Т. 41. – № 9. – С. 613–620.

2. Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). – Ф. 24. – Оп. 97/20. – Д. 2.

3. *Бригадин П.И., Лукашевич А.М.* Военная школа в Беларуси. – Минск: Издательский центр БГУ, 2004. – 120 с.

4. *Галушко Ю.А., Колесников А.А.* Школа российского офицерства. – М.: Русский мир, 1993. – 223 с.

5. Исторический очерк образования и развития Первого Московского кадетского корпуса, что ныне Первая Московская военная гимназия, 1778–1878. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1878. – 209 с.

6. *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению: От основания в России воен. школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования государя имп. Александра Николаевича, 1700–1880. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880–1892. – Ч. 1–3. – 305 с.

7. *Мельницкий Н.Н.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (Сухопутного ведомства). – СПб.: Тип. Главного штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1857. – Т. 1. – Ч. 1. – 143 с.

8. Полное собрание законов Российской Империи. Первое собрание (ПСЗ. 1-е собр.). – СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. – Т. 17 (1765–1766). – 1115 с.

9. ПСЗ. 1-е собр. – СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. – Т. 19 (1770–1774). – 1081 с.

10. ПСЗ. 1-е собр. – СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. – Т. 24 (6 ноября 1796–1797). – 869 с.

11. ПСЗ. 1-е собр. – СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. – Т. 26 (1800–1801). – 873 с.

12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 7 (Экспедиция Военно-сиротских учреждений Военной коллегии). – Оп. 1/105. – Д. 16.

13. Столетие военного министерства, 1802–1902: Главное управление военно-учебных заведений: исторический очерк. – СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1902. – Кн. 1. – 370 с.

References

1. Anuchin D.G. K istorii Imperatorskogo voennosirotskogo doma i Pavlovskogo kadetskogo korpusa // Istoricheskij vestnik. – 1890. – T. 41. – № 9. – S. 613–620.

2. Arhiv voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svyazi (Arhiv VIMAIIV i VS). – F. 24. – Op. 97/20. – D. 2.

3. Brigadin P.I., Lukashevich A.M. Voennaya shkola v Belarusi. – Minsk: Izdatel'skij centr BGU, 2004. – 120 s.

4. Galushko YU.A., Kolesnikov A.A. Shkola rossijskogo oficerstva. – M.: Russkij mir, 1993. – 223 s.

5. Istoricheskij ocherk obrazovaniya i razvitiya Pervogo Moskovskogo kadetskogo korpusa, chto nyne Pervaya Moskovskaya voennaya gimnaziya, 1778–1878. – SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1878. – 209 s.

6. Lalaev M.S. Istoricheskij ocherk voenno-uchebnyh zavedenij, podvedomstvennyh Glavnomu ih upravleniyu: Ot osnovaniya v Rossii voen. shkol do iskhoda pervogo dvadcatipyatiletija blagopoluchnogo carstvovaniya gosudarya imp. Aleksandra Nikolaevicha, 1700–1880. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1880–1892. – CH. 1–3. – 305 s.

7. Mel'nickij N.N. Sbornik svedenij o voenno-uchebnyh zavedeniyah v Rossii (Suhoputnogo vedomstva). – SPb.: Tip. Glavnogo shtaba Ego Imperatorskogo Velichestva po voenno-uchebnym zavedeniyam, 1857. – T. 1. – CH. 1. – 143 s.

8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Pervoe sobranie (PSZ. 1-e sobr.). – SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV kancelyarii, 1830. – T. 17 (1765–1766). – 1115 s.

9. PSZ. 1-e sobr. – SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV kancelyarii, 1830. – T. 19 (1770–1774). – 1081 s.

10. PSZ. 1-e sobr. – SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV kancelyarii, 1830. – T. 24 (6 noyabrya 1796–1797). – 869 s.

11. PSZ. 1-e sobr. – SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV kancelyarii, 1830. – T. 26 (1800–1801). – 873 s.

12. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). – F. 7 (Ekspediciya Voennosirotskih uchrezhdenij Voennoj kollegii). – Op. 1/105. – D. 16.

13. Stoletie voennogo ministerstva, 1802–1902: Glavnoe upravlenie voenno-uchebnyh zavedenij: istoricheskij ocherk. – SPb.: Tip. M.O. Vol'f, 1902. – Kn. 1. – 370 s.

Суетин Илья Николаевич

кандидат педагогических наук

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск

piazzolla73@gmail.com

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье проанализированы особенности диверсификации музыкального профессионального образования в Поволжье на рубеже XIX – XX веков в результате процесса урбанизации. В работе приводятся доказательства того, что в результате развития промышленности и увеличения численности населения городов возникает потребность в квалифицированных специалистах музыкального профиля. На рубеже XIX – XX столетий благодаря деятельности Императорского русского музыкального общества в Поволжье появляется разветвленная сеть музыкально-образовательных учреждений, музыкальное профессиональное образование начинает включать несколько ступеней (музыкальные классы – музыкальные училища – консерватория). На фоне изменения социального состава городов происходит трансформация содержания музыкального профессионального образования, расширяется номенклатура музыкальных специальностей, появляются новые формы и методы обучения и воспитания. В исследовании подчеркнута значимость использования исторического опыта для совершенствования отечественной системы подготовки музыкантов-практиков на современном этапе.

Ключевые слова: урбанизация, миграция населения, диверсификация образования, система музыкального профессионального образования.

Изучение отечественной истории конца XIX – начала XX веков представляет большой интерес для современных российских исследователей: экономистов, политологов, историков, искусствоведов, культурологов, педагогов и др., что неслучайно. Именно в этот период Россия вступила в полосу глобальных политических потрясений, вызванных уникальностью и своеобразием ее социально-экономического развития. К одному из таких явлений можно отнести урбанизацию, которая сопровождалась массовой миграцией населения из сельской местности в города.

В настоящее время, несмотря на попытки поддержки развития села со стороны государства, продолжается сокращение численности сельского населения (особенно в отдаленных и труднодоступных регионах страны), а миграция граждан в города не прекращается. Выяснению последствий данных процессов (положительных и отрицательных) для развития различных социальных институтов (здравоохранения, культуры, образования и др.) может способствовать изучение исторического опыта.

Среди российских регионов Поволжье выделяется своим уникальным культурным пластом, соединившим культурные и духовные ценности искусства, образования и общественных институтов. История музыкального профессионального образования – один из пластов духовного наследия региона, поэтому неудивительно, что в настоящее время проявляется повышенный интерес исследователей к изучению проблем развития музыкального профессионального образования в Поволжье. Вместе с тем до настоящего времени не предпринималась попытка обобщить материал, связанный с проблемой диверсификации музыкального профессионального образования в Поволжье в ус-

ловиях урбанизации. Таким образом, настоящая статья – первая попытка подобного исследования.

В научной литературе есть различные подходы к определению термина «урбанизация». Исследователь Л.Н. Мазур отмечает: «предпосылки урбанизации сельской местности складываются при условии возрастания роли города в жизни общества и не только как административного, военного или культурного центра, но и как экономического организма» [5, с. 15].

По мнению Ю.Л. Пивоварова, «урбанизация – это исторический процесс повышения роли городов и городского образа жизни в развитии общества, связанный с пространственной концентрацией деятельности в сравнительно немногочисленных ареалах и центрах преимущественного развития» [9, с. 5]. При этом автор говорит об обязательности роста именно больших городов, которые объединяются в агломерации и урбанизированные районы. Население данных образований должно обладать высоким уровнем социального обслуживания и информационной осведомленностью, а также отличаться высокой культурой, образованием и научным потенциалом.

Э.В. Сайко пишет: «...суть урбанизации – в территориальной концентрации человеческой жизнедеятельности (и условий ее обеспечения), ведущей к ее интенсификации и дифференциации вплоть до выделения городских ее видов, что обуславливает формирование новых форм и пространственных структур расселения, распространение городского образа жизни» [10, с. 153]. Автор отмечает, что «важнейшие показатели урбанизационного процесса – рост численности и удельного веса городского населения за счет сельского, распространение поселений городского типа и город-

ского образа жизни, радикальное изменение места и роли города в обществе» [10, с. 153–154].

Таким образом, в результате урбанизации происходят не только количественные изменения (рост числа городов и численности населения), но и качественные: изменяется социальная структура городов, трансформируется образ жизни и менталитет общества и др. Все это, несомненно, способствует развитию культуры, просвещения и образования.

Диверсификация образования – это сложный и многоаспектный процесс, в результате которого в нем происходят изменения, прежде всего структурные. В частности, можно говорить о том, что оно становится многоуровневым, подготовка профессиональных кадров начинает включать несколько ступеней, учебные заведения приобретают многофункциональность, расширяется спектр образовательных услуг, а образовательные программы начинают предусматривать вариативность и гибкость [8].

Сопоставив общее в понятиях «диверсификация образования» и «урбанизация», можно выделить такие общие закономерности, как количественные изменения и качественные трансформации.

К количественным изменениям можно отнести такой фактор, как появление массовости музыкального профессионального образования (рост числа учебных заведений музыкального профиля, числа преподавателей и обучающихся) в результате роста численности населения городов.

Качественные трансформации связаны с изменением социальной структуры населения городов, что способствовало появлению запроса граждан на более высокий уровень музыкальной культуры, просвещения и образования. К данным показателям можно отнести расширение номенклатуры музыкальных специальностей, усложнение форм и методов обучения, обогащение ассортимента музыкального репертуара и др.

Отечественная урбанизация на рубеже XIX–XX веков была вызвана значительным ростом численности населения страны. Только с 1897 по 1916 год она увеличилась на 32 % (с 125,6 до 165,7 миллиона человек) [12, с. 81–91]. Основу миграционных потоков составляли крестьяне, которые пытались повысить свой жизненный уровень, становясь горожанами. Т.Ю. Зима отмечает: «В Российской империи к концу первого десятилетия XX века происходит коренная перестройка в традиционно сложившемся жизненном укладе. В города (особенно в столицы) хлынули недавно освободившиеся от крепостной зависимости крестьяне, именно они дали небывалый рост городскому населению» [2, с. 198].

В работе В.М. Кабузана приводятся сведения о том, что в 1897–1917 годах с окраин России убыло порядка 9 млн земледельцев [3, с. 21]. Появление новых рабочих рук в городах способствовало

росту промышленного производства. Например, в Симбирской губернии значительно увеличился процент рабочих суконных производств. И если на подобных фабриках в конце 90-х годов XIX века работало 37,5 % всех рабочих исследуемой территории, то в 1905-м это число составило более 50 % [4, с. 18]. На фоне развития экономики и миграции крестьян в города происходит расширение сети музыкально-образовательных учреждений.

Управленческие функции в системе отечественного музыкального профессионального образования на рубеже XIX–XX веков выполняла дирекция Императорского русского музыкального общества (ИРМО), при поддержке которого со второй половины XIX века в крупных и средних российских городах открывались учебные заведения музыкального профиля (музыкальные классы, музыкальные училища, консерватории). Если рассмотреть данные по открытию отделений ИРМО, которые содержатся в документах Центрального архива Нижегородской области (см. табл. 1) [13, л. 15–16 об.], можно обнаружить, что к 1916 году в России консерватории функционировали в Петрограде, Москве, Саратове, Киеве, Одессе. В 26 городах существовали музыкальные училища. В 50 населенных пунктах функционировали музыкальные классы ИРМО.

Таблица 1 наглядно показывает изменения в сфере музыкального профессионального образования Поволжья, которые произошли с конца XIX века до начала революции 1917 года. Если до 1900 года существовало только 3 города с наличием музыкальных классов и музыкальных училищ (Саратов, Нижний Новгород, Пенза), то к 1916 году музыкальные классы и музыкальные училища появились еще в Астрахани, Казани, Самаре, Ярославле, Костроме. Помимо этого, при поддержке дирекции ИРМО в Саратове в 1912 году была открыта третья отечественная консерватория: «...С открытием консерватории Саратов призван играть роль художественного и культурного центра обширного юго-восточного края. И то обстоятельство, что в нашу юную музыкальную школу в первые же дни ее открытия собрались ученики и с берегов Финского залива, и с Кавказа, и из далекой Ферганы – указывает, как назрела нужда в новом рассаднике музыкального образования и как правильно было избрано для него место...» [11, с. 13]. Основными доводами для открытия данного учебного заведения именно в Поволжье были следующие: «интерес к музыкальному образованию в провинции за последнее время значительно вырос, для удовлетворения потребностей в высшем музыкальном образовании необходимо открытие новых высших музыкальных заведений; Саратов является одним из крупных провинциальных центров юго-востока России, и имеются все преимущества на открытие в нем вуза; благодаря имеющемуся в Саратове му-

Таблица 1

Отделения ИРМО с указанием года основания отделения и директоров консерваторий,
музыкальных училищ и классов (1916 год)

№	Наименование отделения	Год основания	Учебные заведения
1.	Петроградское	1859	Консерватория
2.	Московское	1860	Консерватория
3.	Саратовское	1873	Консерватория
4.	Киевское	1864	Консерватория
5.	Одесское	1886	Консерватория
6.	Архангельское	1912	Музыкальные классы
7.	Астраханское	1891	Музыкальное училище
8.	Бакинское	1901	Музыкальные классы
9.	Бендерское	1915	–
10.	Виленское	1898	Музыкальное училище
11.	Витебское	1915	–
12.	Владивостокское	1909	Музыкальные классы
13.	Владикавказское	1904	Музыкальные классы
14.	Владимирское	1914	Музыкальные классы
15.	Воронежское	1895	Музыкальное училище
16.	Вятское	1916	–
17.	Грозненское	1911	Музыкальные классы
18.	Екатеринбургское	1911	Музыкальные классы
19.	Екатериноградское	1898/1906	Музыкальное училище
20.	Екатеринославское	1898	Музыкальное училище
21.	Ельнинское	1912	Музыкальные классы
22.	Житомирское	1905	Музыкальное училище
23.	Иваново-Вознесенское	1910	Музыкальное училище
24.	Казанское	1902	Музыкальное училище
25.	Керченское	1905/1909	Музыкальные классы
26.	Кишиневское	1899	Музыкальное училище
27.	Костромское	1911	Музыкальные классы
28.	Курское	1911	Музыкальные классы
29.	Мариупольское	1914	–
30.	Митавское	1910	Музыкальные классы
31.	Нижегородское	1873	Музыкальное училище
32.	Николаевское	1892	Музыкальное училище
33.	Новочеркасское	1911	Музыкальные классы
34.	Омское	1876	Музыкальные классы
35.	Орловское	1900	Музыкальные классы
36.	Пензенское	1881	Музыкальное училище
37.	Пермское	1908	Музыкальные классы
38.	Полтавское	1899	Музыкальное училище
39.	Псковское	1873	–
40.	Рижское	1899	Музыкальное училище
41.	Ростовское на Дону	1896	Музыкальное училище
42.	Самарское	1902	Музыкальное училище
43.	Сарапульское	1909/1912	Музыкальное училище
44.	Симферопольское	1908	Музыкальные классы
45.	Таганрогское	1912	Музыкальные классы
46.	Тамбовское	1882	Музыкальное училище
47.	Тифлиское	1883	Музыкальное училище
48.	Тобольское	1878	–

49.	Томское	1879	Музыкальное училище
50.	Тульское	1908	Музыкальные классы
51.	Уманское	1910	Музыкальные классы
52.	Уфимское	1913	Музыкальные классы
53.	Харьковское	1871	Музыкальное училище
54.	Херсонское	1905	Музыкальное училище
55.	Царицынское	1910	Музыкальные классы
56.	Черниговское	1907	Музыкальные классы
57.	Ялтинское	1905	Музыкальные классы
58.	Ярославское	1903	Музыкальное училище
59.	Феодосийское	1914	–

зыкальному училищу, которое за 36 лет развило значительную потребность в музыкальном образовании, город Саратов является вполне для этого подготовлен; Саратовское музыкальное училище по составу преподавателей, количеству учащихся, зданию и средствам имеет все данные для преобразования его в консерваторию» [1, л. 7].

Широкое распространение получило также открытие частных музыкальных школ. Например, в Симбирской губернии наибольшей популярностью в начале XX века пользовались учебные заведения Е.В. Цетнерской (выпускницы музыкально-драматического училища при Московском филармоническом обществе) и М.Р. Люстгартена (выпускника Парижской консерватории) [14].

Таким образом, в результате урбанизации, на фоне роста численности населения городов Поволжья и увеличения интереса к музыкальному профессиональному образованию среди широких масс, в регионе расширяется сеть музыкально-образовательных учреждений. Система музыкального профессионального образования становится трехуровневой (музыкальные классы – музыкальные училища – консерватория), что подтверждает факт диверсификации музыкального профессионального образования в регионе.

Помимо этого, процессы урбанизации отразились на изменении социального состава городов.

Увеличивается процент жителей крестьянского происхождения, которые постепенно получили доступ к музыкальному просвещению и образованию (известно, что в середине XIX века подобный доступ имели только привилегированные классы). На диаграмме (см. рис. 1) представлены особенности социального происхождения учащихся Саратовского музыкального училища в 1908/1909 учебном году [6, с. 9]. Можно отметить, что из среды крестьян было 15 % учащихся.

Прямым отражением трансформации социального состава населения являлось расширение номенклатуры специальностей и демократизация музыкального репертуара. Архивные материалы подтверждают, что помимо традиционных для середины XIX века классических специальностей (струнные инструменты, вокал, духовые инструменты, композиция, фортепиано, теория музыки) в учебный процесс Саратовского музыкального училища в этот период вводится изучение народных инструментов (мандолина, балалайка) [7, с. 2]. В репертуаре учащихся широко используются сочинения отечественных композиторов (А.К. Лядова, А.Г. Рубинштейна, А.Н. Серова, П.И. Чайковского), созданные, как правило, на основе русской народной музыки. Программа выпускного экзамена Саратовского музыкального училища за 1910 год приведена ниже (см. табл. 2) [7, с. 36].

Рис. 1. Особенности социального происхождения учащихся Саратовского музыкального училища в 1908/1909 учебном году

Таблица 2

Программа выпускного экзамена Саратовского музыкального училища (1910 год)

№	Программа выступления	Фамилии и имена выпускников	Преподаватели
1.	а) Шуман «Концерт a-moll» б) Чайковский «Вариация F-dur»	Селиверстова Любовь	А.П. Рахманов
2.	а) Гендель Ария из оперы Ренальдо «Дайте мне слезы» б) Чайковский «Ночь»	Солонова Надежда	А.С. Гляссер
3.	а) Молик «Концерт D-dur» б) Лядов «Прелюдия»	Цеделер Николай	М.Я. Гордель
4.	а) Серов Ария Петра из оперы «Вражья сила» б) Шуман «Я не сержусь» в) Чайковский «Подвиг»	Юрьев Николай	В.В. Тартакова
5.	а) Лист «Концерт Es-dur» б) Шуберт-Лист «Лесной царь»	Проселкова Валентина	В.В. Адамовский
6.	а) Рубинштейн «Концерт d-moll» б) Шопен «Скерцо h-moll»	Сергеев Николай	
7.	а) Бетховен «Концерт D-dur» б) Чайковский «Меланхолическая серенада»	Ершов Григорий	Я.Я. Гаек

Таким образом, в результате изменения социального состава музыкально-образовательных учреждений происходит расширение номенклатуры музыкальных специальностей и демократизация репертуара, что доказывает факт диверсификации музыкального профессионального образования в Поволжье.

В заключение необходимо отметить, что отечественная урбанизация и развитие городов способствовали диверсификации музыкального профессионального образования в Поволжье на рубеже XIX–XX веков. Поэтому можно констатировать, что, несмотря на отрицательные последствия миграции сельского населения в города на современном этапе (сокращение трудовых ресурсов в сельском хозяйстве, ликвидация социальных объектов и инфраструктуры, нарушение равномерного пространственного расселения населения и др.), урбанизация оказывает влияние на развитие профессионального музыкального образования, что необходимо учитывать при разработке стратегии социально-экономического развития России в XXI веке.

Данная статья не исчерпывает всех аспектов, связанных с диверсификацией отечественного музыкального профессионального образования в условиях урбанизации. Многие проблемы имеют перспективу для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. 1221. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 7.
2. Зима Т.Ю. Русское музыкальное общество как социокультурное явление в России второй половины XIX – начала XX века: дис. ... д-ра культурологии / Московский гос. институт культуры. – М., 2015. – 332 с.
3. Кабузан В.М. Демографическая ситуация в России в годы первой мировой войны // Население России в 1920–1950-е годы: численность, по-

тери, миграции: сб. науч. тр. / Рос. АН, Ин-т рос. истории; Ю.А. Поляков (отв.ред.) и др. – М.: ИРИ, 1994. – С. 5–25.

4. Край Ильича за 50 советских лет: очерки / отв. ред. А.А. Скочилор. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967. – 327 с.

5. Мазур Л.Н. Урбанизация российской деревни во второй половине XIX–XX веках // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 2 (19). – С. 15–24.

6. Отчет Саратовского отделения Императорского Русского музыкального общества и учрежденного при нем Музыкального училища с 1 сентября 1908 года по 1 сентября 1909 года. – Саратов: Типография А.К. Подземского, 1909. – 81 с.

7. Отчет Саратовского отделения Императорского Русского музыкального общества и учрежденного при нем Музыкального училища с 1 сентября 1909 года по 1 сентября 1910 года. – Саратов: Типография А.К. Подземского, 1910. – 73 с.

8. Педагогический словарь: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В.И. Загвязинского, А.Ф. Закировой. – М.: Академия, 2008. – 352 с.

9. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в современном мире: (Особенности пространственного развития). – М.: Знание, 1982. – 48 с.

10. Сайко Э.В. Урбанизация в формировании социокультурного пространства: монография / Э.В. Сайко, Т.И. Алексеева, М.Ф. Румянцева и др.; Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1999. – 284 с.

11. Торжество открытия Саратовской консерватории Императорского Русского музыкального общества 21 октября 1912 года. – Саратов: Типолит. П.С. Феокритова, 1913. – 61 с.

12. Федоров В.А. История России, 1861–1917: учеб. для студентов вузов. – М.: Высш. шк., 2001. – 384 с.

13. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). – Ф. 564. – Оп. 416. – Д. 41. – Л. 15–16 об.

14. Юстус И.В. История образования в Симбирской губернии – Ульяновской области. – Ульяновск: Издательский центр УлГУ, 2014. – 531 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti (GASO). – F. 1221. – Op. 1. – D. 119. – L. 7.

2. Zima T.YU. Russkoe muzykal'noe obshchestvo kak sociokul'turnoe yavlenie v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: dis. ... d-ra kul'turologii / Moskovskij. gos. institut kul'tury. – M., 2015. – 332 s.

3. Kabuzan V.M. Demograficheskaya situaciya v Rossii v gody pervoj mirovoj vojny // Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost', poteri, migracii: sb. nauch. tr. / Ros. AN, In-t ros. istorii; YU.A. Polyakov (otv.red.) i dr. – M.: IRI, 1994. – S. 5–25.

4. Kraj Il'icha za 50 sovetских лет: ocherki / otv. red. A.A. Skochilov. – Saratov: Privolzh. kn. izd-vo, 1967. – 327 s.

5. Mazur L.N. Urbanizaciya rossijskoj derevni vo vtoroj polovine XIX–XX vekah // Ural'skij istoricheskij vestnik. – 2008. – № 2 (19). – S. 15–24.

6. Otchet Saratovskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo muzykal'nogo obshchestva i uchrezhdenного pri nem Muzykal'nogo uchilishcha s 1 sentyabrya 1908 goda po 1 sentyabrya 1909 goda. – Saratov: Tipografiya A.K. Podzemskogo, 1909. – 81 s.

7. Otchet Saratovskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo muzykal'nogo obshchestva i uchrezhdenного pri nem Muzykal'nogo uchilishcha s 1 sentyabrya 1909 goda po 1 sentyabrya 1910 goda. – Saratov: Tipografiya A.K. Podzemskogo, 1910. – 73 s.

8. Pedagogicheskij slovar': ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij / pod red. V.I. Zagvyazinskogo, A.F. Zakirovoj. – M.: Akademiya, 2008. – 352 s.

9. Pivovarov YU.L. Urbanizaciya v sovremennom mire: (Osobennosti prostranstvenного razvitiya). – M.: Znanie, 1982. – 48 s.

10. Sajko E.V. Urbanizaciya v formirovanii sociokul'turnого prostranstva : monografiya / E.V. Sajko, T.I. Alekseeva, M.F. Rumyanцева i dr.; Ros. akad. nauk, Nauch. sovet po istorii mirovoj kul'tury. – M.: Nauka, 1999. – 284 s.

11. Torzhestvo otkrytiya Saratovskoj konservatorii Imperatorskogo Russkogo muzykal'nogo obshchestva 21 oktyabrya 1912 goda. – Saratov: Tipo-lit. P.S. Feokritova, 1913. – 61 s.

12. Fedorov V.A. Istoriya Rossii, 1861–1917: ucheb. dlya studentov vuzov. – M.: Vyssh. shk., 2001. – 384 s.

13. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). – F. 564. – Op. 416. – D. 41. – L. 15–16 ob.

14. YUstus I.V. Istoriya obrazovaniya v Simbirskoj gubernii – Ul'yanovskoj oblasti. – Ul'yanovsk: Izdatel'skij centr UIGU, 2014. – 531 s.

**Ферапонт, митрополит Костромской и Нерехтский
(Кашин Дмитрий Витольдович)**

кандидат богословия

глава Костромской митрополии Русской православной церкви

ferapontk@ya.ru

КОСТРОМСКАЯ ЕПАРХИЯ В МАРТЕ 1917 ГОДА: ПРОЩАНИЕ С МОНАРХИЕЙ

В статье рассматриваются ранее не анализировавшиеся в своей совокупности события жизни Костромской епархии в начале марта 1917 года, связанные с установлением нового формата государственно-церковных взаимоотношений. Формулируется тезис о том, что отказ большинства православного духовенства от монархической идеи после Февральской революции объясняется не революционными убеждениями клириков, а, напротив, их консервативной приверженностью синодальной модели положения Церкви в государстве. Отмечается, что уровень общественной активности представителей различных групп духовного сословия в условиях революционного времени мог быть прямо пропорционален степени их интегрированности в государственно-бюрократическую систему. В качестве примеров описываются действия костромского духовенства по установлению порядка литургического поминовения властей за богослужениями 3–5 марта 1917 года, участие духовенства в торжествах «праздника свободы» 10 марта 1917 года в Костроме. Приводятся не публиковавшиеся в епархиальной печати сведения о конфликте викария Костромской епархии епископа Кинешемского Севастиана с Кинешемским революционным комитетом общественной безопасности (епископ обвинялся в монархической агитации, полностью разрешить эту проблему удалось лишь в сентябре 1917 года).

Ключевые слова: Русская православная церковь, Костромская епархия, Февральская революция, монархия, император, викариатство, комитет общественной безопасности.

При изучении реакции российского общества на Февральскую революцию 1917 года обнаруживается неожиданная картина: духовенство Российской церкви, веками стоявшее на идеологической страже монархии, в основной своей массе встретило крушение самодержавия без сожаления, а зачастую – и с восторгом. Что было тому причиной, почему «царствующий Дом» в церковных молитвословиях столь легко поменялся на «благоверное Временное правительство»? Исследователи отмечают такие причины, как усталость от трудностей военного времени, компрометация царской власти распутинской эпопеей. Важнейшим фактором стало отношение к революции всего населения России: «Февральская революция, в отличие от Октябрьской, по сути расколовшей общество, была кратким мигмом консолидации фактически всего общества уже бывшей Российской империи. Ее приветствовали люди совершенно разной политической ориентации, от Ленина до Пуришкевича» [7, с. 60].

Можно предположить: российское духовенство не переживало из-за падения монархии прежде всего потому, что являлось монархическим не столько по внутреннему убеждению, сколько «по долгу службы». На протяжении столетий главной идеологической функцией российского православия – с точки зрения государства – была сакрализация государственной власти, тогда реализованной в формах империи. Сакрализация выражалась прежде всего в литургической перспективе: поминовение за богослужением, царские молебны по «высокоторжественным» дням, коронации. Но, образно говоря, архиереи и пастыри молились не за монархию как основу государственности, а за государство, видимым выражением которого служила

монархия. Крушение же монархии – положительно воспринятое населением и не сопровождавшееся при этом развалом государства как такового – для Российской Церкви было не столь болезненным, тем более что Временное правительство первоначально не посягало на сложившийся государственно-церковный status quo (серьезный конфликт начнется лишь в июне 1917 года в связи с решением о передаче церковных школ в ведение Министерства народного просвещения). По своей сути система осталась прежней; поэтому владыки и отцы, преодолев кратковременное замешательство, привычно продолжили свою службу (но внесли коррективы в литургическую и риторическую стороны своей деятельности). Не исключено, что легкость такой «перестройки» для церковных структур и отдельных лиц была прямо пропорциональна степени их вовлеченности в государственно-бюрократическую систему. В авангарде сторонников революции мы видим церковных функционеров – архиереев, городское духовенство и корпорации духовных школ; сельские отцы следуют их примеру; наиболее консервативно (а в большинстве своем наименее бюрократизировано) монашество. Таким образом, революционность православного духовенства определялась не личным выбором, а прилежным следованием парадигме синодального периода, что мы можем видеть и на примере Костромской епархии.

О революционных событиях в Петрограде костромичам стало известно 28 февраля, тогда же в Костроме на собрании местной социал-демократической группы был создан Временный революционный комитет. 2 марта император Николай II подписал акт об отречении от престола в пользу своего брата Михаила Александровича, а на следующий день великий князь Михаил отказался

от восприятия верховной власти – до разрешения Учредительным собранием вопроса об образе правления Россией. 3 марта в Костроме с раннего утра шли манифестации, рабочие прекратили свои труды и по случаю «праздника революции» отправились на демонстрацию. Тогда же оформились и новые структуры власти: на смену губернатору пришел губернский комиссариат, собранный из представителей общественных самоуправлений, и был также создан губернский объединенный комитет общественной безопасности.

Естественно, столь бурные события не могли не сказаться на жизни Костромской епархии, священноначалию которой ввиду отсутствия указаний из Синода пришлось принимать решения самостоятельно (официальные распоряжения из Петрограда стали поступать лишь с 6 марта). 1 марта, в среду третьей седмицы Великого поста, епископ Костромской и Галицкий Евгений (Бережков; 1864–1924) в Богоявленском кафедральном соборе города Костромы совершил панихиду по императору Александру II, а уже 3 марта в 8 часов вечера под председательством владыки Евгения в присутственном зале Костромской духовной консистории состоялось «многочисленное собрание духовенства для определения отношения духовенства к совершающемуся всенародному движению, имеющему своей целью обновление государственного строя России для оздоровления ее жизни» [12, с. 115]. В журнале собрания говорилось: «...преосвященным поставлен был вопрос, как духовенство должно отнестись к новому правительству и как поступать на церковных службах в тех случаях, где произносится моление за царя, царицу и наследника: продолжать ли моление за них по-прежнему до получения распоряжения Святейшего синода или теперь же, в виду объявленного уже гражданской властью государственного переворота, опустить моление за царя и семью его и заменить его молением за новые «предержавшие власти», не обозначая, какие именно. По всестороннем обсуждении вопроса последовало постановление: признать новое правительство и подчиняться его распоряжениям, а прежнее моление за царя заменить молением “за православных предержавших власти и христоролюбивое воинство”» [5, с. 86–87].

По итогам собрания 3 марта епископ Евгений письменно обратился к епархиальному духовенству (текст обращения был опубликован в «Костромских епархиальных ведомостях» от 15 марта): «Свершился великий переворот в отечестве нашем: пала императорская власть... Таковы судьбы Промысла Божия! Призываю духовенство епархии подчиниться и признать Временное правительство, взявшее по воле народа и воинства всероссийского в свои руки управление страной» [2, с. 74]. В обращении конкретизировалось, где и как на богослужении следует употреблять новую форму поминовения.

В понедельник, 6 марта, из Петрограда наконец стали поступать руководящие указания. По епархиям была разослана телеграмма за подписью первенствующего члена Святейшего синода митрополита Киевского и Галицкого Владимира о молитве «за Богохранимую державу Российскую и за благоверное Временное правительство ея» [9, с. 27]. Таким образом, поминовение с формулировкой, избранной костромским архипастырем и духовенством губернского города, совершалось на протяжении лишь двух-трех дней.

10 марта в России было объявлено «праздником свободы», при этом программа торжеств в Костроме предусматривала специфически церковную часть. 9 марта, за день до «праздника свободы», административная комиссия губернского объединенного комитета общественной безопасности на своем заседании обсудила программу праздничных торжеств 10 марта. В 12 часов в Костроме должны были прекратиться работы и занятия, в 13 часов – начинались праздничные мероприятия, включая и богослужения: «В 1 час дня по всем церквам города Костромы отслужить панихиду по жертвам, павшим в борьбе за свободу, а затем молебствие. О чем известить немедленно местного архиерея. Главные церковные торжества будут происходить в кафедральном соборе и в церкви Воскресения, что на площадке, куда и придут войсковые части. С хорами музыки придут: к собору от 202 пехотного запасного полка, к церкви Воскресения на площадке от 88 пехотного полка и от 670 пешей Костромской дружины. В эти же церкви приглашаются и представители всякого рода учреждений. Члены объединенного комитета будут разделены для присутствия в обеих церквах. После панихиды и молебствия на площадках у вышеуказанных церквей будут произведены парады воинскими частям» [1, л. 77].

К сожалению, в «Костромских епархиальных ведомостях» 1917 года епархиальная хроника за 6–11 марта не приводится. Судя по заметке в «Известиях Костромского Совета рабочих депутатов» от 11 марта, торжества проходили по намеченной программе: «День 10 марта, посвященный памяти погибших за свободу родины, прошел в Костроме торжественно и с большим подъемом. К часу дня площадь покрылась народом. Народ был всюду – у собора, меж рядами, против думы, на сквере. Над головами публики колыхались знамена – числом несколько десятков с самыми разнообразными надписями: “Да здравствует республика”, “Долой династию Романовых”, “Да здравствует Учредительное собрание” и пр[очее]. После молебнов был произнесен ряд речей. Затем публика с пением революционных песен разошлась по улицам» [11, с. 61–62].

В советское время эти события трактовались своеобразно: революционный пафос подчеркивался, церковный же компонент праздника – наоборот, затушевывался. Приведенная выше газетная замет-

ка была перепечатана в сборнике 1957 года, а вот в издании 1967 года составители (ссылаясь на ту же газету!) о молебнах уже не упоминали [3, с. 29].

«Костромские епархиальные ведомости», не сообщив об этих мероприятиях в своей хронике, все же опубликовали интересный материал, связанный с «праздником свободы» – текст речи епископа Евгения, произнесенной перед молебном 10 марта (судя по всему, в кафедральном соборе). В частности, преосвященный сказал: «Величие и мощь народного духа проявились удивительным образом: только плечом повел русский богатырь, и пали вековые оковы, исчезли все препятствия, стеснявшие его шествие по пути к свободе, солнце которой ныне во всем блеске засияло на святой Руси. Правда, там вдали на окраинах обширнейшего русского горизонта еще видны грозные отблески великой борьбы с внешними врагами... Но мы верим, что и эти последние тучи скоро исчезнут, если внутренний мир наш не будет нарушен партийными распрями, если все мы стальной стеной станем и единодушно сплотимся вокруг своего нового правительства» [6, с. 119].

Речь управляющего Костромской епархией в целом соответствует общему тону публичных выступлений православной иерархии после Февральской революции. Но, на наш взгляд, рассуждения владыки Евгения про «вековые оковы» и «препятствия на пути к свободе» надо полагать скорее данью революционной риторике того времени, чем показателем внутренних убеждений. Мудрая позиция, занятая правящим епископом, помогла Костромской епархии избежать некоторых соблазнов эпохи. Среди таких соблазнов, ярко проявившихся в других епархиях, были притязания на епархиальную власть со стороны «прогрессивных» клириков. Костромская епархия избежала таких потрясений; конечно, разногласия возникали, но они были все же преодолимы, а иногда просто комичны. Духовенство с уважением относилось к мнению епископа Евгения, а тому не раз приходилось остужать горячие головы отцов-«прогрессистов».

Массовых и организованных действий духовенства в первой половине марта 1917 года не происходило ни в Костроме, ни в Костромской епархии. Это и не удивительно, учитывая, с одной стороны, шокирующий эффект крушения монархии, с другой – отсутствие консолидации епархиального духовенства в целом, не только «за», но и «против» кого-то или чего-то. И все же без проблем не обошлось. В городе Кинешме (относившемся тогда к Костромской губернии) уездный комитет общественной безопасности отказался включать представителя от духовенства (даже одного) в свой состав – «под тем предлогом, что духовенство всегда, будто бы, пряталось, а нередко и враждебно относилось ко всяким прогрессивным организациям» [4, с. 124]. Тот же уездный комитет обще-

ственной безопасности своим постановлением от 11 марта предоставил волостным комитетам право «устранять временно от своих должностей священников и других должностных лиц, вредящих установлению нового строя на местах» [4, с. 120].

С Кинешмой был связан и конфликт, не отраженный на страницах епархиальной печати, однако доставивший немало хлопот как Костромской епархии, так и Святейшему синоду. Вечером 4 марта 1917 года, в субботу, в городском соборе всеобщее бдение возглавлял vikарий Костромской епархии епископ Кинешемский Севастиан (Вести; 1870–1929 или, по другим сведениям, 1934), постоянно проживавший в костромском Ипатьевском монастыре, но нередко посещавший Кинешму и совершавший там богослужения. Видимо, vikарный епископ просто не знал о решении описанного выше собрания 3 марта. Как он сам писал 5 апреля 1917 года в объяснении, адресованном обер-прокурору Святейшего синода, за всеобщей «возносили моление (...) “о благоверном государе и великом князе Михаиле Александровиче”. Царем или императором его не называли» [8, л. 11]. Утром 5 марта такую формулировку отменили, но было уже поздно. Кинешемский революционный комитет общественной безопасности (усомнившийся к тому же и в содержании проповеди, произнесенной владыкой 5 марта в соборе) отправил в Синод телеграмму: «Епископ Кинешемский Севастиан ведет [с] амвона монархическую агитацию, просим уволить [на] покой» [8, л. 6]. Преосвященный Севастиан пытался убедить обер-прокурора в своей благонамеренности: «...я никогда политикой не занимался и ни к каким партиям не принадлежал. Новое правительство приветствую и стал на его сторону...» [8, л. 9]. Но разбирательство продолжилось. По предложению епископа Евгения Синод, чтобы успокоить разыгравшиеся страсти, назначил владыку Севастиана vikарным епископом Макариево-Унженским. Возвращение его на Кинешемское vikариатство состоялось лишь тогда, когда проблему полностью урегулировали – в сентябре 1917 года.

В заключение отметим, что по-новому зазвучало пастырское слово и на сельских приходах. Любопытный пример проповеди того времени представляет собой «Поучение к простому народу», произнесенное священником Иоанном Соболевым 12 марта в Никольской церкви села Верховье Солигаличского уезда и опубликованное в епархиальном журнале. Поучение начинается с разъяснения «текущего момента». Бедствия России проповедник описывает, возлагая преимущественную вину за них на царское окружение, и переходит к назидательным выводам: «Ныне свободна Россия, свободны все граждане ее. Свободны мы от произвола и гнета прежних министров царских и прежних своекорыстных угнетателей народа, которые, забываясь только о своих выгодах, вели Россию к по-

гибели; но это не значит, что все мы можем делать, что кому угодно» [10, с. 134]. Проповедь увенчивалась призывом к исполнению гражданского долга.

Итак, события жизни Русской церкви – в частности, Костромской епархии – в начале марта 1917 года позволяют констатировать, что революционные настроения, охватившие российское общество после Февральской революции, были поддержаны большинством православного духовенства. Такая поддержка находила свое выражение и в богослужебной практике, и в публичных выступлениях на разных уровнях: от архиерея до простого сельского священника. Отказ духовенства от монархической идеи (с самого начала революции ярко проявившийся в вопросе поминовения власти за богослужением) был обусловлен не мнимой «революционностью» клира, а намерением следовать санкционированному новой государственной властью политическому мейнстриму – что вполне соответствовало синодальной модели государственно-церковных отношений. В то же время успех взаимодействия церковного руководства с новыми властями во многом определялся субъективными факторами. Так, в Костроме продуманная линия поведения епископа Евгения позволила избежать серьезных проблем, а в Кинешме неосторожные действия викарного епископа Севастиана стали поводом для конфликта, разрешившегося лишь в сентябре 1917 года.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области. – Ф. 200. – Оп. 2. – Д. 30.
2. Евгений, епископ Костромской и Галичский. Духовенству Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 15 марта. – № 6. – Отд. офиц.
3. За власть Советов: Хроника революционных событий в Костромской губернии. Февраль 1917 – март 1918. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во; Кострома: Обл. тип. им. М. Горького, 1967.
4. Л[ебеде]в Д., священник. На злобу дня // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 1 апреля. – № 7. – Отд. неофиц.
5. От исполнительного комитета духовенства города Костромы. Журнал № 1. 4–12 марта 1917 года // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 1 апреля. – № 7. – Отд. офиц.
6. Речь, сказанная преосвященным Евгением, епископом Костромским и Галичским, пред молебном 10 марта // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 1 апреля. – № 7. – Отд. неофиц.
7. Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). – СПб.: Лики России, 2008.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. – Оп. 204. – Д. 94.

9. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост., автор предисл. и коммент. М.А. Бабкин. – М.: Индик, 2006.

10. Соболев Иоанн, священник. Поучение к простому народу // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 15 апреля. – № 8. – Отд. неофиц.

11. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии: сборник документов (март 1917 – сентябрь 1918 г.). – Кострома: Костромское кн. изд-во, 1957.

12. Экстренное собрание духовенства города Костромы // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 15 марта. – № 6. – Отд. неофиц.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti. – F. 200. – Op. 2. – D. 30.
2. Evgenij, episkop Kostromskoj i Galichskij. Duhovenstvu Kostromskoj eparhii // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 15 marta. – № 6. – Otd. ofic.
3. Za vlast' Sovetov: Hronika revolyucionnyh sobytij v Kostromskoj gubernii. Fevral' 1917 – mart 1918. – Yaroslavl': Verh.-Volzh. kn. izd-vo; Kostroma: Obl. tip. im. M. Gor'kogo, 1967.
4. L[ebede]v D., svyashchennik. Na zlobu dnya // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 1 aprelya. – № 7. – Otd. neofic.
5. Ot ispolnitel'nogo komiteta duhovenstva goroda Kostromy. ZHurnal № 1. 4–12 marta 1917 goda // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 1 aprelya. – № 7. – Otd. ofic.
6. Rech', skazannaya preosvyashchennym Evgeniem, episkopom Kostromskim i Galichskim, pred molebnom 10 marta // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 1 aprelya. – № 7. – Otd. neofic.
7. Rogoznyj P.G. Cerkovnaya revolyuciya 1917 goda: (Vyshee duhovenstvo Rossijskoj Cerkvi v bor'be za vlast' v eparhiyah posle Fevral'skoj revolyucii). – SPb.: Liki Rossii, 2008.
8. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. – F. 796. – Op. 204. – D. 94.
9. Rossijskoe duhovenstvo i sverzhenie monarhii v 1917 godu: (Materialy i arhivnye dokumenty po istorii Russkoj pravoslavnoj cerkvi) / sost., avtor predisl. i komment. M.A. Babkin. – M.: Indrik, 2006.
10. Sobolev Ioann, svyashchennik. Pouchenie k prostomu narodu // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 15 aprelya. – № 8. – Otd. neofic.
11. Ustanovlenie Sovetskoj vlasti v Kostrome i Kostromskoj gubernii: sbornik dokumentov (mart 1917 – sentyabr' 1918 g.). – Kostroma: Kostromskoe kn. izd-vo, 1957.
12. Ekstrennoe sobranie duhovenstva goroda Kostromy // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 15 marta. – № 6. – Otd. neofic.

Козлов Федор Николаевич

кандидат исторических наук

Государственный исторический архив Чувашской Республики, г. Чебоксары
fedor1977@yandex.ru

Дзюбан Валерий Валерьевич

доктор исторических наук, кандидат педагогических наук

Институт мировых цивилизаций, г. Москва

bryanskstudzuban@mail.ru

Третьяков Александр Викторович

доктор исторических наук

Курский государственный университет, г. Курск

dr_tretiyakov@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ЭЛЕМЕНТ ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ В 1920-Е ГГ. (на примере Чувашии)

В статье на основе архивных документов и опубликованных источников рассматривается государственная церковная политика и внутрицерковная политическая жизнь 1920-х гг. Основное внимание уделено анализу расколов в Русской православной церкви в Чувашии. На примере одного из национальных регионов Среднего Поволжья раскрывается роль этнического фактора во внутрицерковной жизни. Внимание в статье акцентируется на обновленческом и автокефальном движении. На основе изученной документальной базы выделены ключевые особенности развития внутрицерковной ситуации в Чувашии, оценена зависимость региональных событий от общероссийских и дана их сравнительная характеристика, описывается динамика действий местных раскольников и отражается факт участия представителей государственных органов в провоцировании обновленческого и автокефального расколов.

Ключевые слова: Чувашия, Русская православная церковь, Чебоксарская епархия (обновленческая), Православная автокефальная чувашская национальная церковь, национальный фактор, епископ Виктор (Зайков), священник Василий Краснов.

Чувашия – один из районов Казанской губернии, достаточно быстро после октябрьских событий 1917 г. благодаря новой национальной политике и активности местных политических сил ставший самостоятельной административно-территориальной единицей в составе РСФСР. Ситуация в регионе всегда характеризовалась взаимодействием русского (российского) и чувашского факторов. Первый – следствие вхождения края в состав Российского государства, второй – результат значительного численного преобладания коренного этноса (чего фактически не наблюдалось на других территориях Поволжья).

Важно подчеркнуть следующий факт: в первоначально разработанном проекте «Чувашской трудовой коммуны» предполагалось включение в ее состав всех без исключения территорий с относительно компактным чувашским населением и образование по этой причине анклавных районов, не имевших с основной территорией общих границ или даже удаленных от планируемой административной единицы на 150 верст (почти 160 км) [13, с. 49]. На наш взгляд, дальность расстояний и отсутствие общих границ для идеологов создания обособленной национальной единицы не представлялись серьезными помехами. В этом плане принципиально важна фиксация в различных документах конца XVIII – начала XX в. такой национальной черты чувашей (как и территориально соседствующих с ними черемисов), как сохранение общинной организации, и не просто общинной, а сложнообщинной. Причем, как обращает внима-

ние В.Д. Дмитриев, в период с XVIII по начало XX в. сложные общины в Чувашии, несмотря на значительную экономическую и социальную неэффективность, не сокращались, а, напротив, только укрупнялись [11, с. 271–290]. Развивая мысль ученого, можно даже заявить, что образование «трудовой коммуны» стало бы своего рода апогеем формирования единой федеративной общины. Впрочем, подготовить проект оказалось проще, чем реализовать замысел. Амбициозный замысел чувашских лидеров так и остался на бумаге. Утвержденный декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 24 июня 1920 г. вариант Чувашской автономии установил гораздо меньшую по площади территорию без анклавных составных.

Идея примата «национального» была догмой не только в политических кругах новообразованной автономии. В церковной жизни 1920-х гг. этот аспект тоже вспыхнул яркой звездой и сыграл существенную роль. Здесь четко проявились противоречия, сформировавшиеся еще в конце XIX – начале XX вв. Прежде всего, речь идет о противостоянии «русской» и «чувашской» групп в среде самого духовенства. Причем закавыченные слова должны восприниматься не только как признак национальной идентификации конкретного человека, но и как принадлежность к данной группе близкого по системе взглядов представителя другой национальности (как пример можно привести священника Крониды Бенедиктова, русского по происхождению, но активно использовавшего чувашский язык при богослужении, или Викто-

ра Ягодинского, тоже русского, но выступившего одним из активных сторонников «Живой церкви» и образования самостоятельной Чувашской епархии (обновленческой) [6, л. 175 об.; 15, с. 34, 105–111]). Поэтому в дальнейшем указанные термины будут завычиваться при условии их соотношения не с национальностью, а с ориентацией на ту или иную идеологическую составляющую.

Этнический фактор (с учетом отмеченной выше особенности) на самом деле играл очень важную роль в религиозной жизни национального региона. Именно он на рубеже XIX–XX вв. привел к определенной напряженности: активное формирование крупной прослойки чувашского духовенства (до трети от всего духовенства Чувашского края) и столь же активная переводческая работа сразу трех центров (Казань, Симбирск, Самара) привели к тому, что в отличие от других поволжских народов (мордва, мари, удмурты) чуваша стал одним из ключевых игроков местной внутрицерковной жизни. Отметим в этой связи два факта:

1) по данным на 1913 г., книгоиздание на чувашском языке (и не только религиозное) уступало в количественном плане только татарскому и превосходило марийское, мордовское и удмуртское вместе взятые;

2) масштабная «национализация» приходских мест и организация богослужения на родном чувашском языке привели к формированию протестных настроений русскоязычной части губернии-епархии. Так, профессор Казанского университета В.Ф. Залесский в своих выступлениях дошел даже до открытых обвинений чувашей в сепаратизме [12; 20, с. 36].

Каждый из названных фактов сам по себе – всего лишь констатация складывавшегося положения дел, вместе – это уже системообразующий сегмент гораздо более общей картины, имеющей свое динамическое развитие в послеоктябрьскую эпоху. Ярко «конфликт интересов» наиболее радикальных кругов «русского» и «чувашского» духовенства проявился в 1920-е годы.

Показательный пример. 20 ноября 1920 г. во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, был рукоположен архимандрит Афанасий (Малинин). Однако ему пришлось окормлять свою чувашскую паству бесконтактным способом – он проживал в Казани, поскольку «по прибытии в Чебоксары владыка встретил противодействие местных властей и националистически настроенного духовенства, выступавшего за образование национальной епархии и назначение архиерея из чуваш», и в 1921 г. он был вынужден покинуть столицу Чувашии по причине обязательного постановления ревкома Чувашской АО о запрете въезда частным лицам в г. Чебоксары «в виду эпидемических заболеваний» [2]. В дальнейшем ему и так и не удалось посетить национальную автономию.

В самой Чувашии ситуация в первой половине 1920-х гг. развивалась под влиянием привнесенного извне фактора. Таким стало обновленческое движение. «Советское обновленчество» состояло из нескольких самостоятельных течений со своими идеологическими установками. В первое время партийно-советские лидеры рассматривали все эти группы как результат разногласий «столкнувшихся в церковном мире самолюбий», но отношение повернулось в противоположную сторону «в силу изменившихся объективных условий» [16, с. 190; 18, л. 6]. Попытка прямого удара путем атеистической пропаганды желаемого результата не достигла. Поэтому важным стало изменение общественного отношения к самому православию. Столкнувшись с массовым неприятием и сопротивлением населения ряду антицерковных действий (вскрытие мощей, прекращение преподавания Закона Божия и т. п.), лидеры страны осознали необходимость «временного» сохранения церковно-религиозного института, но избрали многократно проверенный принцип «разделяй и властвуй». Внешней предпосылкой организационного оформления единого движения послужила кампания 1922 г. по изъятию церковных ценностей, когда целый ряд священнослужителей выступил в поддержку действий государства. Вскоре после «захвата власти» – причем, как признал позднее один из идеологов обновленчества профессор Б.В. Титлинов, произошло это в порядке «революционном, внеканоническом и, если угодно, антиканоническом» – обновленцы с целью оформления движения созвали первый всероссийский съезд, провели в Москве учредительное собрание и создали Высшее церковное управление [1, с. 417; 14, с. 53–56; 19, с. 55].

4–5 марта 1924 г. в с. Шихазаны Цивильского уезда Чувашской АО прошел областной церковный съезд, который (несмотря на оппозицию присутствовавших сторонников патриарха Тихона и даже сопротивление одного из идеологов обновленчества в Среднем Поволжье, члена Казанского епархиального управления Е.Ф. Сосунцова) поддержал деятелей обновленческого движения и признал образование епископата в автономии. Приглашенный на съезд в качестве «специалиста по чувашской религии» известный профессор Н.В. Никольский в лекции «Исторические предпосылки и возможности самостоятельного епископата в Чувашской области» заявил, что сам Бог дал чувашам возможность занять свою епархию с кафедрой епископа. Съезд выразил благодарность органам государственного управления Чувашской автономной области «за отзывчивое отношение» к просьбам чувашского духовенства, а председатель съезда протоиерей В.Т. Краснов даже заявил, что «если прежние гражданские и церковные высшие власти нам отказывали, то именуемая безбожной советская власть по своей милостливой беспристрастно-

сти для успокоения мятущихся верующих чувашей не воспрепятствовала иметь своего епископа» [15, с. 57–69].

После одержанной на областном церковном съезде победы обновленцы поспешили закрепить первый стратегический успех. Грамотой от 14 марта 1924 г. Священный синод Российской православной церкви утвердил создание новой Чувашской епархии (обновленческой). Пользуясь эффектом расходящейся волны, они стали быстро множить число своих сторонников среди местного духовенства и прихожан. Государственные информационные сводки Чувашского областного отдела ОГПУ сообщали, что «большинство священников отказывается от Тихона и присоединяется к Синоду (обновленческому. – Ф. К.)». В течение 1924 г. обновленцы установили контроль над 68 приходами Чувашской автономной области, в то время как сторонники патриарха Тихона сохранили контроль всего лишь над 37 приходами. Правда, в этом соотношении «органами» оказался не учтен один важный нюанс. Немало способствовало этому то, что уже с 1923 г. русское духовенство по инициативе епископа Тимофея (Зайкова) увольнялось за штат, перемещалось с места на место, а в благочиниях национальное духовенство выделялось в отдельные от русских организации [4, л. 89; 8, л. 164; 10, л. 95, 112; 17, л. 6].

Следует понимать, что от обновленчества как фактора российского в Чувашии была воспринята лишь оболочка (сама идея необходимости обновления), но реализовывался сценарий не той всеобъемлющей модернизации, за какую выступали «Живая церковь», «Союз древлеапостольских общин» и др. обновленческие группировки. Местное национальное духовенство воспользовалось прежде всего идеей создания самостоятельной епархии, что и было сделано в 1924 г. Прочие нововведения (вынос алтаря в центр храма, богослужение на разговорном языке паствы, женатый епископат) были сразу отринуты. Была попытка перехода на новый, светский календарь, но и она быстро сошла на нет [15, с. 44, 47–48, 54].

Причем Чебоксарская и Чувашская епархия (обновленческая) стала воплощением идей национального духовенства. Русское духовенство не примкнуло к этой идее. Так, в этот период надо отметить одну из первых предпринятых попыток «независимого плавания» духовенства (преимущественно – русского) Ядринского уезда. При открытии в Чувашской АО самостоятельной епархии первое благочиние названного уезда «заявило желание» остаться в единении с Казанью. Тамошнее епархиальное управление, сообразуясь с действующими принципами церковного устройства, приняло уездный округ в свое объединение. Однако достаточно быстро выяснилось, что местным духовенством двигало стремление под таким «известным

прикрытием» обособиться от чувашского центра, не вступая при этом в тесное общение с Казанским епархиальным управлением. Поэтому уже к 1 января 1925 г. Ядринский уезд был возвращен в лоно Чувашской епархии [3, л. 4 об.]. Это было локальное тактическое противостояние, не получившее ни общественно-политического, ни внутрицерковного резонанса, но оно показало всю зыбкость новых церковных структур в молодой автономии и предвосхитило последующие дробления.

Нельзя не отметить, что одну из ключевых ролей в организации церковной (не церковно-религиозной, а церковно-институциональной) жизни – как по стране в целом, так и в Чувашии – играло ОГПУ. Изучение архивных документов показывает, что свящ. Василий Краснов – один из идеологов обновленческого движения в регионе – самым тесным образом сотрудничал с этой структурой. В фонде Козловского райисполкома отложилось датированное началом 1930-х гг. дело о лишении в избирательных правах бывшего священника Василия Тимофеевича Краснова. В распоряжении исследователя – документ, прямо свидетельствующий о сотрудничестве данного священника с начальником Чувашского отдела ОГПУ Г.С. Марсельским [9, л. 3, 10 об.]. Сохранившаяся переписка этого духовного лица с отделом управления облисполкома также наглядно показывает, что каждый свой шаг он согласовывал с государственными структурами [15, с. 38–43].

Священник В.Т. Краснов – один из отцов-основателей обновленческого движения в Чувашии – благодаря оказываемой негласной поддержке со стороны госаппарата чувствовал себя в беспокойной атмосфере тех дней как рыба в воде. Однако он в движении не прижился. Уже через полгода после названного выше съезда этот «серый кардинал», незримо стоявший за почти каждым серьезным шагом в местной религиозной жизни, вдруг выходит из-за кулис и появляется в качестве одного из главных действующих лиц первого плана. В августе 1924 г. произошел раскол уже в самом обновленческом движении: от Чувашского епархиального управления откестилась часть радикально настроенного национального духовенства, создав автокефальную православную церковь. В качестве объяснения может быть предложена такая гипотеза, как использование В.Т. Краснова как своего рода разлагающего элемента, «пятой колонны» в рядах духовенства, провоцирование с его помощью дальнейшего дробления церковных структур в автономии. Тогда объяснимо, почему с такой легкостью новоиспеченная церковная организация прошла регистрацию в административных органах: 5 августа 1924 г. подано заявление в административный отдел и уже 7 августа зарегистрировано временное правление Православной автокефальной чувашской национальной церкви [7,

л. 1–3]. Однако она, так и не сумев оформиться в четко организованную иерархическую структуру, осталась локальным, местечковым явлением, ее распространение целиком зависело от позиции конкретных приходских священников.

Вторая половина 1920-х гг. характеризуется изменением государственной политики в отношении обновленческих структур. Лишенные поддержки, раскольнические группировки повсеместно утрачивали свои позиции. Ранее уклонившиеся в раскол священнослужители массово возвращались в лоно старой, традиционной Церкви. Если информсводки Чувашского отдела ОГПУ за первую половину 1924 г. фиксировали «резкую борьбу между русским и чувашским духовенством на национальной почве», то уже в отчетах укомов и горкомов ВКП (б) Чувашской АССР за 1926 г. фиксировалось, что «борьбы церковных течений, которая наблюдалась в первое время между живоцерковниками и другими течениями, не наблюдается» [5, л. 7; 15, с. 76–77]. Местное движение за «обновление» Церкви фактически уже тогда сошло на нет, хотя юридически и просуществовало еще более десятилетия.

Подытоживая наше исследование, можно констатировать следующее. Чувашия – один из немногих субъектов РСФСР с численно доминирующим титульным этносом. Этнический фактор сыграл свою важную роль в развитии событий, способствуя в определенный момент эскалации имевшихся межнациональных противоречий в среде местного духовенства. Уже в конце XIX – начале XX в. оформились разногласия между «чувашской» и «русской» группами священно- и церковнослужителей. В открытое противостояние это вылилось в 1920-е гг., когда националистически настроенное духовенство поддержало идею «обновления» религиозной жизни и создало самостоятельную Чебоксарскую и Чувашскую епархию (обновленческую). Наиболее радикальные круги пошли еще дальше и образовали национальную автокефальную православную церковь. Правда, ни то, ни другое церковное новообразование не оказались жизнеспособными.

Библиографический список

1. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг.: в 2 кн. Кн. 2 / подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. – М.: РОССПЭН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 647 с.
2. Афанасий (Малинин): жизнеописание [Электронный ресурс] // Комиссия по канонизации святых Йошкар-Олинской и Марийской епархий. – Режим доступа: <http://ortho-hist-12.ru/index.php?page=afanasijmalinin-episkop> (дата обращения: 14.05.2019).
3. Государственный архив Республики Татарстан. – Ф. Р–1172. Оп. 3. Д. 196.

4. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). – Ф. П–1. – Оп. 5. – Д. 25.

5. ГАСИ ЧР. – Ф. П–1. – Оп. 7. – Д. 191.

6. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 225. – Оп. 11. – Д. 3.

7. ГИА ЧР. – Ф. Р–22. – Оп. 1. – Д. 365.

8. ГИА ЧР. – Ф. Р–125. – Оп. 4. – Д. 43.

9. ГИА ЧР. – Ф. Р–248. – Оп. 4. – Д. 337.

10. ГИА ЧР. – Ф. Р–784. – Оп. 1. – Д. 50.

11. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. – 453 с.

12. *Зайков В.* По поводу доклада проф. В.Ф. Залесского о сепаратизме чуваш // Сотрудник Братства свят. Гурия. – 1911. – 17 апреля.

13. *Иванов В.П., Клементьев В.Н.* Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. – 190 с.

14. *Майорова Н.С.* Вскрытие мощей Сергия Радонежского и кампания по ликвидации мощей во всероссийском масштабе // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – № 2. – С. 52–56.

15. Обновленчество в Чувашии: история церковного раскола по документам Государственного исторического архива Чувашской Республики: сб. документов / сост. Ф.Н. Козлов. – Чебоксары: ГИА ЧР, 2016. – 476 с.

16. *Плаксин Р.Ю.* Тихоновщина и ее крах. – Л.: Лениздат, 1987. – 206 с.

17. Российский государственный исторический архив. – Ф–831. – Оп. 1. – Д. 202.

18. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 2425.

19. *Титлинов Б.В.* Новая церковь. – Пг.; М.: Б. м., 1923. – 85 с.

20. *Чузаев Р.И.* Марийское национальное движение в 1917–1918 годах. – Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2008. – 166 с.

References

1. Arhivy Kremlya. Politbyuro i cerkov', 1922–1925 gg.: v 2 kn. Kn. 2 / podgot. N.N. Pokrovskij, S.G. Petrov. – M.: ROSSPEN; Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1998. – 647 s.
2. Afanasij (Malinin): zhizneopisanie [Elektronnyj resurs] // Komissiya po kanonizacii svyatyh Joshkar-Olinskoj i Marijskoj eparhii. – Rezhim dostupa: <http://ortho-hist-12.ru/index.php?page=afanasijmalinin-episkop> (data obrashcheniya: 14.05.2019).
3. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan. – F. R–1172. Op. 3. D. 196.
4. Gosudarstvennyj arhiv sovremennoj istorii SChuvashskoj Respubliki (GASI CHR). – F. P–1. – Op. 5. – D. 25.

5. GIA CHR. – F. P–1. – Op. 7. – D. 191.
6. Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv CHuvashskoj Respubliki (GIA CHR). – F. 225. – Op. 11. – D. 3.
7. GIA CHR. – F. R–22. – Op. 1. – D. 365.
8. GIA CHR. – F. R–125. – Op. 4. – D. 43.
9. GIA CHR. – F. R–248. – Op. 4. – D. 337.
10. GIA CHR. – F. R–784. – Op. 1. – D. 50.
11. Dimitriev V.D. CHuvashiya v epohu feodalizma (XVI – nachalo XIX v.). – CHEboksary: CHuvash. kn. izd-vo, 1986. – 453 s.
12. Zajkov V. Po povodu doklada prof. V.F. Zaleskogo o separatizme chuvash // Sotrudnik Bratstva svyat. Guriya. – 1911. – 17 aprelya.
13. Ivanov V.P., Klement'ev V.N. Obrazovanie CHuvashskoj avtonomii: predposylki, proekty, etapy. – CHEboksary: CHuvash. kn. izd-vo, 2010. – 190 s.
14. Majorova N.S. Vskrytie moshchej Sergiya Radonezhskogo i kampaniya po likvidacii moshchej vo vserossijskom mashtabe // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2016. – T. 22. – № 2. – S. 52–56.
15. Obnovlenchestvo v CHuvashii: istoriya cerkovnogoraskolapodokumentam Gosudarstvennogo istoricheskogo arhiva CHuvashskoj Respubliki: sb. dokumentov / sost. F.N. Kozlov. – CHEboksary: GIA CHR, 2016. – 476 s.
16. Plaksin R.YU. Tihonovshchina i ee krah. – L.: Lenizdat, 1987. – 206 s.
17. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. – F–831. – Op. 1. – D. 202.
18. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii. – F. 558. – Op. 1. – D. 2425.
19. Titlinov B.V. Novaya cerkov'. – Pg.; M.: B. m., 1923. – 85 s.
20. CHuzaev R.I. Marijskoe nacional'noe dvizhenie v 1917–1918 godah. – Joshkar-Ola: Izd-vo MarGU, 2008. – 166 s.

СУДЬБЫ СВЯЩЕННИКОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ДРЕВНИХ ЦЕНТРОВ СТАРОДУБЬЯ И ВЕТКИ (1920–1960-Е ГГ.)

Статья посвящена нелегкой судьбе старообрядческих священников Русской православной старообрядческой церкви в период довоенных сталинских репрессий, Великой Отечественной войны и послевоенного времени, связанного с новым периодом давления государства на церковь. Автор восстанавливает судьбы старообрядческих священников из древних центров – Стародубья и Ветки, сумевших сохранить, несмотря на репрессии, веру предков, проявить бескорыстие в отношении к своей пастве, любовь к Родине, патриотизм. Анализ опубликованных биографий старообрядческих священников Русской православной старообрядческой церкви, воспоминания старообрядцев, записанные автором, позволяют проследить сложный путь восстановления духовной жизни старообрядческих общин Стародубья и Ветки в 1920–60-е гг., показать региональные аспекты деятельности старообрядческих священников в сфере государственно-конфессиональных отношений, их взаимодействие с членами общин.

Ключевые слова: старообрядцы, священники, Стародубье, Ветка, репрессии, Великая Отечественная война, послевоенный период, патриотизм.

Тема трагических судеб священников Русской православной старообрядческой церкви (Древлеправославной Церкви Христовой) является слабо освященной в исторической литературе. Наименование Русская православная старообрядческая церковь установлено по решению Освященного собора 1988 г. Прежнее название – Древлеправославная Церковь Христова – объединяло приверженцев Белокриницкой иерархии до указанного периода.

Данная тема привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных ученых, светских исследователей и представителей старообрядчества. Например, коллектив сотрудников музейно-библиотечно-архивного отдела Митрополии Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) опубликовал автобиографии священников РПСЦ, находящиеся в ее архиве. Более того, Митрополией РПСЦ были выпущены книги: «Пути Русской Голгофы» (сборник) [6], библио-биографический словарь В. Боченкова «Старообрядчество советской эпохи» [1], опубликованы документы из архива РПСЦ в альманахе «Во время оно... История старообрядчества в свидетельствах и документах» [2], что дает достаточно полное представление о деятельности священства РПСЦ в указанный период. Этот список дополняют документы, опубликованные белорусскими учеными: «Старообрядчество на Гомельщине (1918–1991). Документы и материалы» [7]. Нами также опубликованы статьи и монография по данной теме [3; 4].

Вместе с тем автор статьи на протяжении 1975–2018 гг. ведет интенсивный поиск различных документов по истории и культуре старообрядцев Стародубья и Ветки. В этом ему помогают члены старообрядческих общин, старообрядческие священники – о. Сергей (Бедный), о. Михаил (Смирнов), старообрядец-коллекционер А.А. Белас,

старообрядец, историк-краевед О.Г. Каменецкий. Автор записывает воспоминания прихожан Рождественско-Никольского храма г. Новозыбкова, храма Преображения Господня г. Клинцы, храма во имя Св. пророка Илии г. Гомеля, копирует фотографии из семейных и церковных архивов. Это создает исследовательскую базу, позволяющую воссоздать трагическую судьбу священников РПСЦ в довоенный и послевоенный периоды. Подготовка комплексной выставки: «Сохраняя веру и традиции предков. К 245-летию Рождественско-Никольского храма г. Новозыбкова» совместно с членами старообрядческих общин – А.А. Беласом, О.Г. Каменецким – в Митрополии РПСЦ (г. Москва, Рогожский поселок, 11 мая – 14 октября 2019 г.) позволила автору дополнить и расширить материал для написания данной статьи. На выставке представлены раритеты из старообрядческих частных коллекций (иконы, книги кириллической печати, рукописи, фотографии священников и их паствы, произведения медной художественной пластики). В настоящее время автор имеет в своем архиве копии фотографий священников, о которых идет речь в данной статье.

Для написания статьи нами использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический анализ, методы сравнения выявленных автобиографических сведений священников из архивов Российской Федерации и Республики Беларусь, региональных старообрядческих частных и церковных собраний, мемуаров старообрядцев. Мы приводим биографические сведения священников из опубликованных документов архива Митрополии РПСЦ и Государственного архива Гомельской области, дополняем их сведениями, полученными от информантов-старообрядцев, фотографиями из личных и церковных архивов.

Использование историко-типологического метода позволяет выявить общее и различное в био-

графиях священников, особенности духовного служения священников в советский период, взаимоотношения с членами старообрядческих общин, влияние репрессивных мер советской власти на судьбы старообрядческих священников.

Стародубье и Ветка – древние духовные центры русского старообрядчества. Старообрядческие поселения возникли здесь в последней четверти XVII в. В дореволюционной России они располагались на пограничных территориях Черниговской и Могилевской губерний, где находилось свыше 30 старообрядческих поселений. На протяжении XVIII – начала XX вв. Стародубье являлось центром старообрядческого предпринимательства, меценатства, иконописания, книгописания, старообрядческой полемики, религиозного шитья и вышивки. Старообрядцы-предприниматели создали в г. Новозыбкове производство спичек, в посаде Клиницы – суконное производство. Старообрядцы Стародубья и Ветки занимались промыслами и торговлей.

Отличительной чертой духовных центров Стародубья и Ветки являлось наличие старообрядческих монастырей, скитов, обителей и пустынь. К сожалению, старообрядческие монастыри Ветки были уничтожены в период николаевской реакции 1850 гг. Старообрядцы Стародубья смогли отстоять свои духовные святыни в этот период. Все старообрядческие духовные центры имели обширные библиотеки, уникальные иконописные собрания, предметы старообрядческого культа. Храмы, моленные были украшены иконами местного (ветковского) письма, сложившегося на основе слияния традиций ярославской, московской школ и царских писем с более поздней техникой золотопробельного письма, а также с местными традициями народного искусства. Старообрядцы стойко отстаивали правоту своей веры и духовное наследие предков.

В годы первой русской революции на основании «Манифеста о веротерпимости» императора Николая II и последующих документов правительства в России началась регистрация старообрядческих общин как юридических лиц. Период 1905–1917 гг. вошел в историю старообрядчества как золотой век. По всей стране в это время старообрядцы строили храмы, активно участвовали в общественной жизни страны, в благотворительной деятельности, приняли собственную политическую программу, не примыкая ни к леворадикальным, ни к правым партиям. В «золотой век» старообрядцам Стародубья удалось построить не только новые храмы, но и отреставрировать свои старообрядческие монастыри: Преображенско-Никольский, Иоанно-Предтечий (Красноборский). Большая роль в этом принадлежала старообрядческому священству – епископу Новозыбковскому и Гомельскому – Флавиану (Разуваеву). Будучи священником, Федор Козьмич Разуваев, впослед-

ствии епископ Новозыбковский и Гомельский Флавиан (1847–1933), овдовев, занимался благотворительной деятельностью, воспитывал сирот, жертвовал деньги на нужды старообрядческих общин [4, с. 295].

Территории древних центров Стародубья и Ветки после установления советской власти были вовлечены в тяжелые условия Гражданской войны и военной интервенции. По условиям Брестского мира (1918 г.) они оказались оккупированы австро-германскими войсками. Но даже в условиях Гражданской войны и оккупации этих территорий австро-германскими войсками в 1918 г. старообрядцы Стародубья и Ветки продолжали следовать религиозным традициям – открывали свои храмы, при освящении которых присутствовало высшее духовенство. Так, 6 мая 1918 г. в ветковской слободе Огородня-Гомельская состоялось торжественное освящение нового храма в честь Успения Пресвятой Богородицы и Святого Николая Чудотворца. На нем присутствовали епископ Новозыбковский и Гомельский Флавиан с диаконом о. Гавриилом, священник посада Чурович о. Анатолий (Суярко), священник посада Добрянка о. Авраамий (Котонков), настоятель нового храма о. Мокий Маркелович Мишуков и много приглашенных гостей. Храм не мог вместить всех молящихся. Действительно, в слободе проживало три тысячи жителей, все они были старообрядцами, но разделенными на три разрозненных ветви. Праздник для верующих «сопровождался песнопениями “Приидите поклонимся”, “Единородный”, “Отче наш”, “Херувимская”» и др. Хор певчих состоял из двух воспитанников Московского старообрядческого института», начетчика Т.Г. Федорова, сына местного священника. Начетчик Т.Г. Федоров рассказал о положении церкви после революции, провел параллель между крайними учениями социализма и учением церкви. Его речь имела большой успех. Священник о. Мокий Мишуков выразил желание открыть свою школу грамоты и школу пения [7, с. 26]. Старообрядцы еще не могли понять, что новая власть, провозгласившая отделение церкви от государства и школы от церкви, не даст возможности претворить эти надежды в жизнь. Тем более что одним из основных направлений воспитания молодого поколения советская власть выбрала атеистическое.

После Гражданской войны и военной интервенции на основании «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. у старообрядцев постепенно стали изымать здания храмов и монастырей и приспособлять их под нужды новой власти. Старообрядческая церковь не получила прав частного религиозного общества, была исключена на территории Советского государства из числа субъектов гражданского права, её правовой статус приблизился к нелегальному. С момента введения этого декрета вероиспо-

ведение граждан не указывалось в официальных государственных документах. Фактическая религиозная политика советской власти была дискриминационной в отношении всех религий и всех верующих на протяжении 1918 – начала 1940 г. Реализация декрета по конфискации церковного имущества началась уже в конце января 1918 г.

Однако до 1923 г. изъятие церковных и монастырских зданий не происходило. В 1928 г. в старообрядческих поселениях Стародубья и Ветки, как и в целом по стране, началось изъятие церковных зданий и сооружений и церковных ценностей, хотя и ранее производились погромы монастырей атеистами. Погром Преображенско-Никольского монастыря был произведен атеистами в 1919 г. Экспропрированы были здания Успенского девичьего, Красноборского Предтечиева монастырей. После закрытия большевистскими властями Иоанно-Предтечиева монастыря в 1928 г. епископ Флавиан переселился в г. Клинцы и жил последние годы жизни в семье священника Леонтия Губарева. Книги с личной печатью хранились в доме Губарева [4, с. 251]. Уникальные сведения о его последних днях жизни предоставил автору священник храма Преображения Господня в г. Клинцы Брянской области о. Михаил Смирнов. Они были записаны от этого информанта в августе 2018 г. «Глубоко переживал старый епископ гонения Церкви, которые по своему натиску и жестокости были намного страшнее преследований старообрядцев в течение последних двух столетий. С 1932 г. начались частые визиты в квартиру епископа сотрудников ГПУ, сопровождавшиеся унижительными вопросами, обысками и хищением не только книг, но и личных вещей. Сердце епископа Флавиана не выдержало, и 27 июня 1933 г. в пять часов вечера преосвященный епископ Флавиан умер. По свидетельствам клинцовских старообрядцев, его тело было погребено монахами тайно на кладбище Предтечиева монастыря. Прибывшие на территорию монастыря чекисты тщетно пытались узнать место погребения владыки. Монахи перекопали землю так, что место погребения было найти невозможно. За это монахи были расстреляны». В 1947 г., когда была восстановлена Клинцовско-Новозыбковская епархия, духовное руководство епархии надеялось отыскать могилу епископа Флавиана. В 1956 г. две свидетельницы погребения указали владыке Венiamину место погребения епископа Флавиана. Руководство Клинцовско-Новозыбковской епархии настояло на эксгумации тела и перенесения останков епископа Флавиана на городское кладбище. Органы советской власти разрешили сделать это, но без вскрытия гроба. Старообрядцы согласились. При вскрытии могилы был обнаружен гроб-долбленка, оббитый железными листами. Но больше подтверждений, что это захоронение епископа Флавиана, не было. Старообрядцы пошли на хитрость.

Угостив вином прибывших представителей власти, они открыли гроб и удостоверились, что это подлинное захоронение владыки. Произошло перезахоронение останков. В настоящее время могила епископа Флавиана находится на Клинцовском городском кладбище в Брянской области». Священник Леонтий Губарев был главой многолетней семьи, отцом четырех детей. В 1937 г. он был арестован, а затем расстрелян. Впоследствии был реабилитирован. Члены нынешних старообрядческих общин Стародубья благодарны семье о. Леонтия за сохранение книг из библиотеки владыки Флавиана, возможности скрасить тяжелые последние дни жизни епископа Новозыбковского и Гомельского.

В 1937 г. был репрессирован старообрядческий священник и иконописец из посада Воронок Михаил Иванович Масляев. Органами советской власти у него был конфискован дом в посаде Воронок общей площадью 80 кв. м. Здание было передано райкомхозу. Органы советской власти отняли у священника и его семьи нажитое имущество, его самого подвергли репрессиям. Священник о. Михаил Масляев как в дореволюционный, так и в довоенный периоды, до момента своей гибели, не оставлял свою духовную пастырскую деятельность. На сохранившихся у потомков его прихожан фотографиях он находился всегда среди своих духовных чад [4, с. 384].

В 1920-х гг. оставались большие по численному составу старообрядческие общины в ветковских слободах (ныне это территория Республики Беларусь). Члены этих общин сохраняли традиционные религиозные верования, общение на родном языке, настоятельно требовали сохранения обучения для своих детей на русском языке, документально декларировали лояльное отношение как к центральным органам, так и местным органам советской власти, то есть открытого противостояния власти не высказывали, не отвергали выполнение воинской повинности. Но в 1920 гг. начала внедряться в жизнь политика белорусизации всех сфер национально-культурного строительства советской части Белоруссии. Она имела форсированный характер, административные методы осуществления, полный контроль и идеологический диктат со стороны Коммунистической партии Белоруссии. Старообрядцы считали эту политику дальнейшим наступлением советской власти на духовную жизнь и культуру старообрядчества. Они находились в условиях иного этнического, конфессионального окружения. Сохранение родного языка обозначало для них сохранение веры и традиций предков. Старообрядцы Ветки понимали, что, несмотря на наличие идеологического преследования со стороны советской власти, им необходимо сохранить уникальное наследие Древней Руси – книги и иконы, другие предметы религиозного культа – для передачи его последующим поколениям, поэтому твердо отста-

ивали право обучения детей в русских школах на русском языке. Органы местной власти требовали безукоризненного подчинения членов старообрядческих общин советскому законодательству, заставляли подписывать декларации о лояльном отношении к советской власти всех членов общин. Это приводило к тому, что народная религиозность старообрядцев еще больше уходила в «подполье» и ярко проявилась в период военного лихолетья и немецко-фашистской оккупации 1941–1943 гг. Так, например, в 1933 г. иконописец Кир Петрович Беспаликов был рукоположен в священники епископом Новозыбковским и Гомельским Флавианом, архиепископом Московским Милетием. После рукоположения он служил в моленной Присекиных в г. Новозыбкове, в храме во имя Св. пророка Илии г. Гомеля. В годы Великой Отечественной войны и после нее служил до 1946 г. в слободе Огородня-Гомельская в старообрядческой Никольской церкви, открытой в 1941 г. [7, с. 108].

До 1930 гг. духовная жизнь сохранялась в Иоанно-Предтечиевом, Красноборском, Преображенско-Никольском Клинцовском, Каменско-Успенском женском скитах, Воронокских мужских скитах. В старообрядческих мужских монастырях сохранялись традиции иконописания, переписывания книг, в женских (девичьих) монастырях – традиции религиозного шитья и вышивки, которые называют «живописью иглой». Все духовные центры сохраняли традиции пения по крюкам, в частности традиции демественного распева.

В годы Великой Отечественной войны произошло возрождение старообрядческих общин Стародубья и Ветки – в городах Клинцы, Новозыбков, Гомель открылись храмы, в них совершалось общественное богослужение. После освобождения этой территории от немецко-фашистских захватчиков необходимо было возрождение священнического служения. В священники были рукоположены люди, не запятнавшие себя в период оккупации сотрудничеством с захватчиками. В храм Преображения Господня г. Клинцы был рукоположен о. Максим Малеванкин, в Рождественско-Никольский храм г. Новозыбкова о. Федор Щербаков. О. Максим Малеванкин происходил из старообрядческой семьи, работал на одной из клинцовских фабрик. Два его сына, находившиеся в Красной Армии, были на фронте. Старший сын погиб и был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени [3].

Из автобиографии о. Федора Никитовича Щербакова, написанной 10 апреля 1945 г, мы узнаем, что он родился в 1887 г., происходил из мещан посада Митьковки Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Отец его был колесником, с раннего возраста приучал сына к этому ремеслу. Будущий о. Федор обучался в церковно-приходской школе и школе церковного чтения, в 1906–1908 гг. обучал-

ся церковной службе в Клинцовском Красноборском Предтечиевом монастыре. После революции работал колесником в лесотовариществе им. Сталина в г. Новозыбкове. В годы войны, когда был открыт Рождественско-Никольский храм г. Новозыбкова, стал его уставщиком. Трагизм положения о. Федора заключался в том, что его дети – дочь Анна и сын Евгений – были угнаны немцами на работу в Германию во время оккупации [2, с. 162].

Для прихода Рождественско-Никольского храма, куда был рукоположен о. Федор Щербаков, было характерно тщательное соблюдение устава, древних музыкальных традиций церковного пения. В марте 1959 г. в его храме произошел пожар. О. Федор Щербаков не выходил из храма, стараясь не прерывать службу. Прибывшие сотрудники милиции насильно вынесли священника из храма. Пожар в храме, возрождению которого было отдано столько его душевных и физических сил, потряс его. Случившийся вскоре с ним сердечный приступ привел к его смерти.

Как мы уже отмечали, в 1947 г. состоялось возрождение Клинцовско-Новозыбковской епархии. Для ее священников тщательно подбирались кандидатуры из числа лиц, не запятнавших себя сотрудничеством с оккупационными властями, имевших высокий духовный авторитет и в то же время умевших найти взаимопонимание с представителями уполномоченных Совета по делам религиозных культов на местах. Священник Кир Беспаликов был приходским священником с. Добрянка Черниговской области (Черниговская область – ныне область на Украине). Но против его деятельности в качестве священника возражал уполномоченный по делам религиозных культов при Совете министров СССР по Гомельской области В.И. Сафонов, о чем свидетельствует документ «Письмо уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР В.И. Сафонова уполномоченному Совету по делам религиозных культов при СМ СССР по Черниговской области о несоблюдении законодательства о религиозных культах священником К.П. Беспаликовым» [7, с. 137–138]. Органы советской власти рекомендовали Клинцовско-Новозыбковской епархии запретить служение этого священника. Однако это был достаточно известный священник и иконописец. Он происходил из семьи иконописца Петра Ивановича Беспаликова из слободы Леонтьева. Семья пользовалась большим авторитетом у старообрядцев. Кира Петровича считали автором икон «Спас Нерукотворный», «Воскресение», «Илья Пророк с житием» [5, с. 146]. Для написания подобных особо значимых икон в православии – «Спас Нерукотворный» («Нерукотворенный образ Господень») или «Воскресение» («Воскресение Христово – сошествие во Ад») – необходимо было высокое духовное начало в творчестве иконописца. Создание иконы «Илья Пророк с житием»,

по-видимому, было связано с гомельским храмом во имя Св. пророка Илии. Следовательно, органы советской власти в лице уполномоченных вмешивались во внутренние дела Русской православной старообрядческой церкви, настаивали на запрещении неугодных им священников.

Необходимо отметить, что в этот период были репрессированы многие священники из Стародубья и Ветки, как, например, о. Виктор Зюзин. Но наиболее трагичной оказалась судьба священника о. Федора Богатырева, неоднократно репрессированного как в довоенный, так и послевоенный период органами советской власти. Выходец из Костромской губернии о. Федор Богатырев запомнился прихожанам гомельского храма во имя Св. пророка Илии как бескорыстный христианин, помогающий своим прихожанам не только духовно, но и материально, раздававший деньги бедным представителям своей духовной паствы. По словам информанта, старообрядки З.И. Колесниковой, записанным 11 мая 2019 г., он обладал большой физической силой, «20 лет находился в заключении – до войны и после войны». В архивных документах Митрополии РПСЦ сохранилась его автобиография. Белорусские ученые опубликовали обширные сведения о его служении и фотографию. Воспоминания прихожан его храма помогли дополнить словесный портрет этого удивительного человека, бескорыстного служителя старообрядческой церкви. О. Федор Богатырев родился в 1891 г., происходил из крестьян-старообрядцев Костромской губернии, имел начальное образование, в отрочестве освоил церковнославянскую грамоту, в период Первой мировой войны был призван на военную службу и ранен в руку. Он получил инвалидность, вернулся домой. В 1921 г. был рукоположен по просьбе верующих села Куниково в диакона, а в 1930 г. епископом Гурием (Спириным) был возведен в сан священника этого села. Впервые был арестован вместе со своей женой в 1932 г., но вскоре отпущен. В 1937 г. был осужден заочно как священнослужитель «Ярославской тройкой сроком на 10 лет. Назначенный срок отбыл полностью как заключенный, по 14 октября 1947 г., выполняя государственные работы, был освобожден без поражения в правах» [2, с. 12]. Вернувшись домой, не застал в живых жену, его сын погиб на войне, умерла невестка. Он обратился в Архиепископию с просьбой о духовной деятельности. Архиепископией был временно направлен на служение в село Святское (Святск) Брянской области (Стародубье), а затем отозван в село Куниково. В 1949 г. был вновь арестован, препровожден в г. Кострому в органы МГБ, где по решению особого совещания направлен в Кустанайскую область Казахской ССР в район Джетыгара, где проживал на вольном поселении 2 года. 16 июня 1952 г. опять арестован и осужден по ст. 58., п. 10, ч. 2 сроком на 25 лет.

Согласно приговору, был направлен в Спасские режимные инвалидные лагеря в Кустанайской области. По указу от 7 сентября 1955 года был освобожден, но вышел из мест заключения только 23 января 1956 г. В это время дома в живых осталась одна дочь, инвалид. По решению Архиепископии был направлен в г. Винница, где отслужил 5 месяцев, а затем был откомандирован в распоряжение Клинцовско-Новозыбковской епархии с определением на постоянное служение в храм во имя Св. пророка Илии г. Гомеля (Ветка). На это служение ему было дано распоряжение епископа Вениамина (№ 46 от 21 ноября 1956 г.) [2, с. 12; 7, с. 196–198]. Даже уполномоченный по делам религии по Гомельской области отмечал, что при служении о. Федора Богатырева в храме и общине установился порядок. «Богатырев пользуется авторитетом среди верующих, он завоеван малыми поборами при совершении треб. Кроме того, обычно после каждой церковной службы он много денег раздает нищим». В последние годы жизни о. Федор Богатырев, вынесший тяжелые страдания в период репрессий, потерю членов семьи, жаловался на плохое состояние здоровья и старость. Ему действительно необходим был отдых от всех притеснений власти и лишений. Он принял иночество с именем Филарет.

Священническая деятельность о. Федора Богатырева в храме во имя Св. пророка Илии продолжалась, согласно документам, 10 лет, до 1966 г. Он умер 22 июля 1966 г. и похоронен как священноинок на территории храма. На его похороны прибыло 20 священников во главе с епископом Клинцовским и Новозыбковским Иоасафом (Карповым). 6 августа того же года священником храма был определен священноиерей Василий Иванович Худяков. Право на священнослужение было дано епископом Клинцовским и Новозыбковским Иоасафом.

Изучая биографии и деятельность священников Русской православной старообрядческой церкви древних центров Стародубья и Ветки в 1920–1960-х гг. на основе различных источников, мы пришли к следующим выводам: в указанный период здесь вели свою духовную деятельность священники как дореволюционного, так и послевоенного поколения; возрождение Клинцовско-Новозыбковской епархии в 1947 г. привело к расширению числа священников и причта, имеющих незапятнанную репутацию в годы Великой Отечественной войны; большинство священников в данный период подверглось репрессиям со стороны органов советской власти и конфискации имущества; многие священники в период 1930–1940 гг. потеряли членов своих семей – родных и близких, в том числе сыновей и зятьев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Однако, несмотря на личное горе, все священники не оставляли свою паству, духовно окормляли членов общин, совершали в период тя-

желех испытаний службы, требы, помогая старообрядцам выстоять в этот нелегкий период жизни страны. Поистине, это было выстраданное право духовного служения своей пастве.

Библиографический список

1. *Боченков В.В.* Старообрядчество советской эпохи: Епископы Русской Православной старообрядческой Церкви (1918–1991): библиографический словарь. – М.: Вече, 2019. – 326 с.
2. Во время оно... История старообрядчества в свидетельствах и документах: альманах (приложение к журналу «Церковь»). – 2019. – № 9.
3. *Дзюбан В.В., Кочергина М.В.* Старообрядческие общины Стародубья и Ветки в 1940 гг.: трудный путь возрождения // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 27–31.
4. *Кочергина М.В.* Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. – Брянск: Ладомир, 2011. – 451 с.
5. *Нячаева Г.Р., Лявоцьева С.І, Шкляр Ф.Р.* Веткаўскі музей народнай творчасці. – Мінск: Беларусь, 1994. – 166 с.
6. Пути Русской Голгофы: сборник. – М.: Инф.-издат. отдел Московской Митрополии Русской Православной старообрядческой Церкви, 2013. – 424 с.
7. Старообрядцы на Гомельщине (1918–1991 годы): документы и материалы / сост. З.А. Алек-

сандрович и др.; под ред. В.В. Пичукова. – Минск: А.Н. Янушкевич, 2017. – 412 с.

References

1. Bochenkov V.V. Staroobryadchestvo sovetsoj epochi: Episkopy Russkoj Pravoslavnoj staroobryadcheskoj Cerkvi (1918–1991): biobibliograficheskij slovar'. – M.: Veche, 2019. – 326 s.
2. Vo vremena ono... Istoriya staroobryadchestva v svidetel'stvah i dokumentah: al'manah (prilozhenie k zhurnalu «Cerkov'). – 2019. – № 9.
3. Dzyuban V.V., Kochergina M.V. Staroobryadcheskie obshchiny Starodub'ya i Vetki v 1940 gg.: trudnyj put' vozrozhdeniya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 4. – S. 27–31.
4. Kochergina M.V. Starodub'e i Vetka v istorii russkogo staroobryadchestva (1760–1920 gg.): demograficheskoe razvitie staroobryadcheskih obshchin, predprinimatel'stvo, duhovnaya zhizn', kul'tura. – Bryansk: Ladomir, 2011. – 451 s.
5. Nyachaeva G.R., Lyavoc'eva S.I., SHklyarov F.R. Vеткаўскі музей народнай творчасці. – Minsk: Belarus', 1994. – 166 s.
6. Puti Russkoj Gologofy: sbornik. – M.: Inf.-izdat. otdel Moskovskoj Mitropolii Russkoj Pravoslavnoj staroobryadcheskoj Cerkvi, 2013. – 424 s.
7. Staroobryadcy na Gornel'shchine (1918–1991 gody): dokumenty i materialy / sost. Z.A. Aleksandrovich i dr.; pod red. V.V. Pichukova. – Minsk: A.N. Yanushkevich, 2017. – 412 s.

**КАРАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ НАЦИСТОВ В ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНАХ
КАЛУЖСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД 1941–1943 ГГ.**

В статье на основе привлечения архивных источников и краеведческого материала анализируется преступная политика гитлеровского государства в отношении мирного гражданского населения сельской местности Калужского региона. Автор оценивает демографический и материальный ущерб районов области, подвергшихся немецко-фашистской оккупации, выявляет причины возможных потерь. В ходе исследования было выяснено, что нацистская политика на территории края не смогла осуществиться в полной мере по причине отвлекающих нацистов факторов: прифронтового статуса области, развития партизанского движения, а также скорого освобождения Красной Армией значительной части региона к началу 1942 года. Однако, несмотря на неблагоприятные для оккупантов условия, сущность оккупационного режима довольно отчетливо выразилась в южных и западных районах области, территориях, находящихся довольно продолжительное время под контролем фашистов, что принесло региону определенный демографический и экономический ущерб.

Ключевые слова: нацисты, план «Ост», оккупация, партизаны, Вермахт, сожженные селения, «Новый порядок».

Калужский край в своих современных границах подвергся полной нацистской оккупации к концу октября 1941 года. На всем пространстве захваченной территории гитлеровцами был установлен «новый порядок» с присущей ему политикой грабежа, террора и угрозы населения. Всякий активно сопротивляющийся этим мероприятиям человек подлежал безжалостному физическому уничтожению.

Первыми источниками, позволяющими оценить степень утрат, нанесенных врагом в захваченной местности, являлись акты государственных комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. В конце 1942 года ввиду обнаружения многочисленных фактов нарушения немецким командованием международных норм с советской стороны были созданы структуры, оценивающие ущерб, нанесенный оккупантами, а также выявляющие конкретных преступников, виновных в преступлениях против мирного населения и военнопленных, для привлечения к уголовной ответственности. За сухостью изложенных сведений невольным образом формируется общая картина итогов господства оккупантов в той или иной местности, олицетворяющая всю настоящую суть установленного режима.

В советской историографии весьма полезная информация о немецких зверствах содержалась в документальных собраниях материалов о преступных нацистских планах и многочисленных воспоминаниях партизан, прямых свидетелей оккупации [2; 14; 18].

В постсоветское время предмет исследования рассматривается с иной стороны. Публикуются работы, основанные на ранее недоступных советским авторам источниках, которые подробно освещают проведение гитлеровской политики – как от лица самих организаторов этих мероприятий, так и с позиции немногих уцелевших жертв тех расправ [19; 20]. Особое внимание уделяется и роли

коллаборационистов в совершении ими военных преступлений [1].

Другой немаловажной деталью современной историографии является специализация исследований, посвященных этому вопросу, в рамках отдельно взятых регионов [2; 21; 24].

Однако на сегодняшний день практически отсутствуют исследования, посвященные системному изучению этого вопроса в рамках Калужского региона. Конечно, значительные упоминания о многочисленных фактах немецких зверств в отношении мирных граждан конкретных географических объектов содержатся в Книге Памяти Калужской области и в коллективных исследованиях калужских историков, посвященных обзору событий Великой Отечественной войны в рамках родного края [10; 11; 12]. Но все же стоит признать, что комплексной работы, уделившей внимание обстоятельному рассмотрению осуществления оккупантами карательных действий, их характера и последствий на последующее состояние области на данный момент не имеется.

На основе использования научных методов сравнения, систематизации, историко-психологического анализа и др., а также привлечения многочисленного краеведческого и архивного материала автор пытается развенчать миф об «освободительной» миссии оккупантов, оценить демографический ущерб, нанесенный захватчиками в результате их преступных действий.

Практические инструкции в отношении местного населения стали разрабатываться чиновниками Третьего рейха еще перед самым вторжением германских армий в Россию. По расовой теории Гитлера, а позднее согласно выработанному нацистскому плану «Ост», территории европейской части СССР должны были быть окончательно очищены от населяющих их народов в процентном соотношении, исходя от их расовой чистоты. В дополнении к плану «Ост», в «проекте д-ра Ветцеля»,

черным по белому было прописано о нежелательном увеличении популяции русского населения, снижении его рождаемости и поощрении смертности расовых единиц, располагающихся на оккупированной территории [18, с. 72]. Теоретически под понятием «очищение» скрывалась послевоенная практика переселения значительной доли населения в Западную Сибирь при одновременной ликвидации определенного процента наиболее опасных режиму единиц. Как показывают дальнейшие события, очищение пространства от «наиболее неудобных» начало осуществляться с первых месяцев оккупации, в условиях развивающейся войны.

Духом расизма была пропитана и немецкая армия. В мае 1941 года, еще до вторжения, был выпущен приказ начальника Верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля о подсудности войск в районе действия Барбаросса, снимавший всякую ответственность за совершенные преступления с военнослужащих Германии. Немного позднее, с развитием партизанского движения, стали появляться и другие указания, по которым нацисты старались прикрыть свои истинные планы и оправдать свои действия [18, с. 27–29]. В приказе В. Кейтеля от 16 сентября 1941 г. говорилось: «Партизанское движение в своих различных формах растет. Нужно учитывать, что в большинстве случаев жизнь в этих странах не имеет никакой цены. За 1 немецкого солдата необходимо уничтожить 100–150 коммунистов» [18, с. 81–83]. В документе от 16 декабря 1942 года мы замечаем похожую тенденцию: «Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, не может быть привлечен к дисциплинарной или судебной ответственности» [18, с. 111]. А участвовавший в карательных акциях на Калужской земле солдат 335-го охранного батальона Э. Миллер без всякого угрызения совести прямо вспоминал: «Мы видели в каждом русском – животное. Это ежедневно внушалось нам нашим начальством. Мы не думали ни о чем, русские не были людьми. Их не жалко» [7, д. 87, л. 19].

По немецким стандартам территория края считалась прифронтовой, с постоянно меняющейся обстановкой и находилась в подчинении военного командования. В этих местах не было ни крупных подразделений СС, ни гражданской оккупационной администрации с подкованными нацистскими чиновниками, ни специальных команд – убийц-айнзатцгрупп. В прерогативе район занимали обычные солдаты Вермахта, а порядок обеспечивался армейскими тыловыми структурами и жандармерией с привлечением позднее вспомогательных сил из местных коллаборационистов. В отличие от соседних территорий Смоленщины и Брянщины регион также не отличался и сильным развитием мощного партизанского движения. Конечно, на территории области имелись многочисленные партизанские отряды, но большая часть из них были небольшо-

ми и относились к Смоленским и Брянским узлам сопротивления [9, с. 80; 10, с. 12].

Практически с первых же дней нацисты местами начали показывать свое истинное лицо. Маховик террора стал раскручиваться не сразу, постепенно, базируясь на различных основаниях. В воспоминаниях очевидцев по этому поводу присутствует противоречивая информация. Одна часть граждан вспоминала, что немецкие солдаты вели себя сдержанно, лишь изымая все необходимое для маршевых частей, идущих на Москву. Некоторые крестьяне замечали, что этому способствовали офицеры, державшие порядок в воинской части [5, д. 182, л. 18]. Однако, пожалуй, одними офицерами здесь дело не обходилось. Публицист и краевед В. Ларин справедливо заметил, что в начальный период оккупации немцы еще были под эйфорией мнимой победы и прощали населению мелкие нарушения, но после поражения под Москвой все изменилось» [11, с. 63].

Другая часть свидетелей сразу же ощутила на себе всю сущность «нового порядка», полностью осознав свою беспомощность. В д. Доможирово Юхновского района немцы занялись грабежом уже на 3-й день оккупации. Немецкий отряд, не получивший от селян провизии, первым делом расстрелял старосту – 60-летнего старика, а потом под страхом смерти к остальным потребовал вверенное имущество [19, с. 76–77]. С конца 1941 года в оккупированной зоне гитлеровцами активно проводилась практика облав на солдат-окруженцев, попавших в Брянский и Вяземский котлы. Так, 23 ноября 1941 г. в Малоярославецком районе нацисты согнали жителей ряда деревень в д. Локонское и начали устраивать массовую проверку на предмет обнаружения среди крестьян военнослужащих. Определялось это по наличию у лица короткой стрижки. В итоге было расстреляно 5 и повешено 3 человека [7, д. 82, л. 8–9.]. В с. Кудиново Малоярославецкого района в том же ноябре 1941 г. нацисты хладнокровно сожгли в здании сарая около 380 пленных красноармейцев [13, с. 62].

Особо сильно нацистский беспредел начал ощущаться с 1942 года после поражения под Москвой. Враг, отходя на Запад, сжигал постройки или использовал их для создания огневых точек для противодействия наступающей Красной Армии. В некоторых случаях отмечалась принудительная эвакуация мирных граждан на Запад. В Дзержинском районе были абсолютно сожжены селения Субботино (35 дворов), Щадеево (35 дворов), Кольцово (45 дворов). Ряд других пострадали почти на 90 %. В Мятлевском, Копыловском, Кировском, Давыдовском, Руднянском, Карамышевском, Остроженском и ряде других сельсоветов полностью уничтожены свыше 30 селений, и большинство – на 60–80 %. Уничтожены также на 90–95 % поселки Полотняный Завод, Мятле-

во. Полностью сожжена д. Карамышево [7, д. 83, л. 17]. Советская пропаганда объясняла это мстостью гитлеровцев за неудачный итог сражения в ходе битвы за Москву. Однако на деле отмечается некоторая методичность оккупантов в выборе уничтожения населенного пункта. Риску подвергались те селения, которые могли оказать любую помощь солдатам-окруженцам. Как известно, остаточные группы войск генерала Белова, успешно просочившиеся в тыл к немцам, эффективно действовали в Спас-Деменском и Куйбышевском районах, пытаясь пробиться обратно через линию фронта летом 1942 года. Символом таких гитлеровских расправ стала д. Ямное Бетлицкого района, в которой 17 июля 1942 г. за связь с проходящими разведчиками из группы Белова было сожжено в сарае 22, а позднее расстреляно еще 8 человек [6, д. 351, л. 1–5]. Еще ранее, 22 января 1942 года, в д. Липовка Кировского района в отместку за убийство выходившими из окружения разведчиками Красной Армии нескольких немецких солдат было заживо сожжено 60 ни в чем не повинных мирных жителей. В д. Павлиново Спас-Деменского района в январе 1942 года Вермахтом было расстреляно более 100 окруженцев – солдат РККА, в том числе и некоторое число гражданских лиц, помогавших им [6, д. 673, л. 16].

Особым размахом террор отличался в отношении сельских пунктов, напрямую связанных с партизанами. В лесистой местности на стыке края со Смоленщиной и Брянщиной к концу 1941 года началось активное зарождение партизанского движения. По инструкциям германских властей мирному населению под страхом смерти запрещалось хранить дома оружие, давать убежище чужакам, оказывать помощь партизанам и выходящим из окружения красноармейцам. Слова нацистов не расходились с делом. Из опыта изучения источников видно, что наибольшее количество деревень, в которых гитлеровцы оставили свой жуткий след, находилось как раз вблизи зон партизанского сопротивления. В этом отношении «калужской Хатынью¹» можно считать с. Веснины, где 17 января 1942 г. в отместку за партизанскую акцию было убито от 250 до 500 чел. [13, с. 62]. Известен случай уничтожения партизанского села Овсорок Жиздринского района с расстрелянными 45–80 чел. 13 января (или 8 января) 1942 г. В селе из 220 дворов осталось целыми только 15 [11, с. 140–141].

Наряду с уничтоженными селами, связанными с партизанами, оккупанты ликвидировали и пункты, находящиеся относительно неподалеку от партизанских баз или диверсий. Так была уничтожена д. Побуж Козельского района, где в январе 1942 года было расстреляно по разным данным около 110 мирных жителей [13, с. 62]. Выживший очевидец трагедии И. Паршиков, которому в ту пору было 8 лет, вспоминал: «Мои родные спрятались

в подвале дома. Верх подвала был устлан соломой. Немцы обнаружили его и подожгли, бросив внутрь гранату. Нам, маленьким, удалось убежать в соседнюю деревню, но мы видели и слышали, как до рассвета на месте нашей деревни полыхали языки пламени, трещали пулеметные очереди» [23, с. 30].

К особой категории уничтоженных деревень относились селения, ликвидированные по причине неспасения положенного минимума продовольствия. Таким образом были расстреляны жители д. Рессета Хвастовичского района, где 24 января 1942 г. солдатами немецкой части было совершено целенаправленное убийство 372 жителей «за отказ платить налоги». По некоторым уточненным данным, Рессета также являлась партизанской деревней, жителей которой мстители неоднократно предупреждали о возможной карательной операции нацистов [6, д. 673, л. 7]. Немцы окружили деревню и стали входить группами по несколько человек в дома, убивая жителей прямо на месте. Очевидец трагедии вспоминал леденящие сердце моменты: «Вошли 3 немца. Мать, не обращая на них внимания, продолжила готовитьстряпню. Поговорив о чем-то, они вышли. Потом опять вошли двое и сразу начали стрелять. Маму убили, меня ранили» [25, с. 3]. Позднее кто-то из выживших жителей предположил, что возможно, в расправе также виноват кто-то из «своих», доложивший оккупантам о партизанском статусе деревни. Судьбу Рессеты разделила и деревня Новая Спас-Деменского района, сожженная за неспасение гитлеровцам провизии.

В условиях жесточайшего террора поведение жителей претерпевало серьезные изменения. Одна часть населения, способная держать оружие, уходила в партизаны, другая часть, пытаясь спасти свою жизнь и жизнь родных, поступала на службу в полицию. В партизанских донесениях имеются сведения о неокказании помощи партизанам населением, боящимся ответственности [29, д. 8, л. 108]. Так, в донесении партизанского отряда, действовавшего на стыке Калужской и Смоленской областей, говорилось: «Население д. Пальцевичи, Красная Заря, Бельские косы, Малые косы настолько запугано карателями, что из-за боязни потерять семью не идут в партизаны, а часть жителей для самосохранения стала на службу в полицию» [29, д. 8, л. 206]. Однако, как показала практика, не всегда такой вариант спасал от террора. Архивные документы также указывали, что бывали случаи наказания немцами подручных полицейских за их неактивную борьбу с партизанами. В не сдавшей немцам провиант деревне Доможирово Юхновского района оккупанты первым делом расстреляли старосту. Похожая расправа случилась и со старостой д. Ямное, жители которой указали обходную дорогу беловским разведчикам через лес.

Рассматривая поведение оставшихся в деревнях женщин, детей, стариков стоит заметить, что

по большей мере сопротивление убийцам не оказывалось. В большинстве случаев жители не знали, что им уготовано, осознавая истинную суть акции лишь в процессе осуществления самой экзекуции. Так были расстреляны 50 жителей д. Федоровки Ульяновского района, которых под предлогом эвакуации перегнали в лощину неподалеку и расстреляли. Жители соседних деревень долго не могли понять, куда делись их земляки, пока после оккупации не обнаружили братскую могилу [22]. Жители д. Зимницы Бетлицкого района, увидев пламя пожара подпаленной гитлеровцами соседней деревни Лужницы, тоже надеялись на чудо. Но нацисты пришли за ними вечером, забрав мужское население и расстреляв их недалеко за лесом [15, с. 1–2.]. В некоторых моментах помогали партизаны, предупреждая об опасности, чем вынуждали население уходить в леса, прятаться. Иногда это давало положительный эффект, спасая людям жизни. В таком случае нацисты уничтожали всех, кого обнаруживали вне деревни, без разбора относя беглецов к партизанам.

Актуальным в рамках изучения является вопрос об исполнителях данных мероприятий. Во многих свидетельствах выживших имелись упоминания о немецких солдатах без вычленения их на какие-либо подразделения и национальности. Как правило, выжившие старались запоминать общие признаки своих мучителей: внешность, униформу, вооружение, говор. Утверждения о виновниках были самыми простыми: «они были в зеленой форме» или «это были артиллеристы, потому что у них были большие пушки» [19, с. 80, 112]. Но также имелись и конкретные упоминания. Среди жиздринских свидетелей были распространены некоторые показания о финских легионерах как наиболее агрессивной к людям типологии оккупантов [11, с. 63]. Люди, знакомые с военным делом, например бывшие партизаны или знающие немецкий язык, могли вспомнить номер карательного подразделения. Но, как правило, общая масса крестьян утверждала просто: «приехали немцы», «какая часть, не скажу». Как заметила крестьянка Е. Щибичева, «люди в таких (экстремальных. – А. П.) условиях не интересовались этим вопросом, да и запомнить какую-то часть было невозможно. Фашисты говорили не на нашем языке, да и мы их боялись» [19, с. 297].

Кропотливая работа калужских историков смогла принести существенные результаты в изучении этого вопроса. Исследования В.Я. Филимонова показали, что на территории южных районов области с лета 1942 года начинается активное формирование карательных коллаборационистских структур. В Жиздринском районе дислоцировался 447-й карательный батальон численностью до 1000 чел., состоявший из военнопленных лагерей Людиновского, Хвастовичского, Жиздринского районов. С

сентября 1942 года эта часть вела активные бои с партизанами в районе Людиново и Дятьково. До сентября 1943 года солдаты батальона полностью уничтожили села Ивоток, Романиха, Красный поток, Барсов, Любегощ, Чернячи. 28 апреля 1943 года они расстреляли 70 человек в п. Ипоть Дятьковского района [10, с. 304, 305]. Также известно, что на территории Жиздринского района дислоцировались 629-й, 339-й, 456-й остбатальоны. В с. Бояновичи Хвастовичского районе был сформирован 616-й ост-батальон, который также вел борьбу с партизанами в районе Брянска. В с. Кургано Людиновского района вел бои с партизанами и участвовал в карательных акциях ост-батальон Видмана [10, с. 306, 307]. Известны факты, что на территории Хвастовичского района из местных жителей была сформирована Русская народная стража, включающая в себя прежде всего полицейских Авдеевского сельсовета [10, с. 306, 307]. Эта часть населения активно участвовала в карательных акциях в районе Брянска, а позднее, в Белоруссии, на её счету было около 20 выходов против партизан.

Нельзя списывать со счетов и регулярные армейские части Вермахта и их союзников. По данным источников, на Калужской территории временно дислоцировались 6-я, 17-я, 31-я, 137-я пехотные, 707-я, 339-я охранные дивизии Вермахта, 108-я венгерская дивизия генерала Абга [10, с. 267; 17, с. 399, 339]. Краевед В.Н. Ларин вспоминал, что в районе Жиздры и Людиново располагался 747-й охранный полк, также активно принимавший участие в борьбе с партизанами. Командир 707-й охранный дивизии таким образом описывал возникновение в тылу группы армий «Центр» этой проблемы: «Впервые в тылу фронтовых войск были замечены действия партизан. Поэтому войска вынуждены были из своих бывших уже на исходе сил выделять специальные подразделения, чтобы предотвратить еще и эту опасность». Однако про средства автор подробно не упомянул [27, с. 166.]. Про расправы своих солдат над партизанами и гражданским населением упоминает в воспоминаниях и командир 43-го армейского корпуса Г. Хайнрици [26, с. 119, 126–127]. Некоторые подразделения этих воинских структур документально отмечены в борьбе против партизан, преступных действиях в отношении гражданского населения и разграблении советского имущества, поэтому одинаково несут ответственность.

Окончательный виток террора начал раскручиваться при отступлении оккупантов с территории области. В 1943 году после перелома в ходе Курской битвы германское руководство перешло к тактике «выжженной земли» и планомерной эвакуации населения. Приказом немецкого военного командования предусматривалось: «В случае отхода все без исключения дома сжигать; печи в до-

мах взрывать с помощью ручных гранат, колодцы приводить в негодность, уничтожая также подъемное приспособление, бросая в них нечистоты» [16, с. 535]. Отступающие немецкие солдаты сжигали села, угоняли население, уничтожали скот.

В отличие от Белоруссии, Смоленщины, Брянщины зачастую это происходило без массового уничтожения людей, ввиду чего по Калужскому региону отмечается значительный процент уничтоженных построек при относительно наименьшем, по сравнению с соседними территориями, показателе гражданских жертв. В этом плане интересно рассмотреть материальный и человеческий ущерб по Хвастовичскому району [7, д. 83, л. 55]: Долинский сельсовет – сожжено 315 домов, расстреляно 214 чел.; Ресетинский сельсовет – сожжено 150 домов, убито 152 чел.; Авдеевский сельсовет – сожжено 500 домов, расстреляно 2 чел.; Бояновичский сельсовет – сожжено 1600 домов, расстреляно 13 чел., повешено – 3; Боткинкий сельсовет – сожжено 4000 домов, убито 2 чел.; Клетнянский сель-

совет – сожжено 198 домов, уничтожено 3 чел.; Берестянский сельсовет – сожжено 130 домов, расстреляно 29, остальное население полностью угнано; Кудрявецкий сельсовет – сожжено 200 домов, расстреляно 77 чел.

Разница в жертвах определяется различной интенсивностью развития в регионе партизанского движения и возникшими жертвами в ходе проведения немецких карательных операций. Как правило, на территории Долинского и Ресетинского сельсоветов имелись серьезные партизанские базы, существенно досаждавшие немцам, ввиду чего потери населения здесь значительно выше.

Общая статистика ущерба по регионам выглядит следующим образом (см. таблицу 1) [см.: 3; 4; 7; 11–13; 17; 28].

Данные показывают, что размеры ущерба по районам резко отличались друг от друга. Наиболее серьезно пострадали территории, подвергшиеся длительной оккупации, расположенные вблизи партизанских и прифронтовых зон. Прежде всего,

Таблица 1

Общая статистика погибших в ходе немецкой оккупации гражданских лиц и уничтоженных деревень по районам Калужской области

Район	Человеческие жертвы	Период оккупации (до момента полного освобождения)	Уничтожено населенных пунктов или домов
Думиничский район	Более 2200 чел	1941–1943 (частично)	60 сел и деревень, 16 деревень разрушено частично
Куйбышевский район	Около 1000 чел.	1941–1943 (частично)	
Кировский район	Около 400 чел.	1941–1943 (частично)	
Спас-Деменский район	3045 чел.	1941–1943	57 населенных пунктов и 2082 дома
Мещовский район	80 чел. и 94 чел. ранено	1941–1942	Сожжено 4 деревни (Домашовка, Шалово, Зеновка, Умиленка)
Юхновский район	365 чел.	1941–1943 (частично)	Сожжен 101 населенный пункт
Ульяновский район		1941–1943	2357 домов сожжено. Всего уничтожено 8494 жилых дома, 92 населенных пункта
Мосальский район	1929 чел.	1941–1943 (частично)	537 деревень сожжено, 112 деревень полностью уничтожено
Хвастовичский район	3000 чел.	1941–1943	Более 7000 домов
Людиновский район	От 650 до 800 чел.	1941–1943	Сожжено около 20 деревень
Жиздринский район	758 чел (422 мирных жителя)	1941–1943	Уничтожено 8179 домов, уцелело 328 домов.
Дзержинский район	524 чел. (или 512 чел.)	1941–1942	4793 дома и 2356 колхозных постройки. Полностью сожжены деревни Карамышево, Субботино, Щадеево, Кольцово. Всего сожжено 90 сел и деревень.
Износковский район	500 чел.	1941–1943	Сожжено 128 населенных пунктов
Сухиничский район	668 чел.	1941–1943	
Тарусский район		1941 г.	Сожжено 346 построек
Жуковский район (ранее Угодско-заводской)	90 чел.	1941–1942 г.	Сожжено 27 селений
Боровский район		1941 г.	Сожжено 11 колхозов и сожжено наполовину более 14 деревень
Барятинский район	1221 чел.	1941–1943 г.	Сожжено 44 деревни
Козельский район	400 чел.	1941–1942 г.	

речь идет о Хвастовичском, Жиздринском, Думиничском, Ульяновском районах, где нацисты вымещали свою месть в отношении мирных граждан. Серьезные показатели Мосальского района связаны с прифронтовым статусом региона, активными позиционными боями на этом направлении, вдоль Варшавского шоссе. Наименьшие потери от оккупации понесли территории, расположенные в северной и центральной части области, освобожденные в ходе московского контрнаступления: Ферзиковский, Боровский, Угодско-Заводской (ныне Жуковский), Тарусский, Мещовский, Юхновский. Определенный процент уничтоженных деревень в этой местности связан прежде всего с применением тактики уничтожения при отступлении в 1941–1942 гг., а также борьбой против зарождающегося в тех местах подпольного сопротивления.

Подводя итог, можно отметить, что за время оккупации Калужского региона нацистами и их пособниками было убито более 20 тыс. человек. Было разграблено и уничтожено 3400 колхозов, 19 совхозов, 47 МТС с тракторами, 7300 общественных построек, 2 тыс. скотных дворов, 220 конюшен, 6700 зернохранилищ, 1100 кузниц. Оккупанты угнали из общественных и личных хозяйств около 110 тыс. лошадей, 50 тыс. коров, 30 тыс. овец и 27 тыс. свиней [10, с. 311]. По сравнению с соседними Смоленской и Брянской областями, где развитие партизанского движения было интенсивнее, Калужский край претерпел меньшие потери от гитлеровской оккупации в экономическом и демографическом плане² [8; 20, с. 4; 30, с. 7]. Пожалуй, это было вызвано рядом весьма существенных факторов: неудобством условий для развития оккупационного режима ввиду постоянной близости края к линии фронта, неравномерным распространением партизанских сил внутри области. Прифронтовой статус региона отвлекал нацистов от исполнения поставленных задач, что не позволило оккупантам полностью сосредоточиться на эксплуатации территории и его дальнейшей зачистке. Не стоит также забывать, что значительная часть региона была освобождена в ходе Московского контрнаступления 1941–1942 гг., что не позволило немцам полностью установить в ряде районов устойчивый режим.

Однако, несмотря на это, Калужский край успел испытать на себе кровавое проявление гитлеровского режима, который даже в трудных для себя условиях смог показать свое истинное лицо.

Примечания

¹ Хатынь – белорусская деревня, уничтоженная нацистскими карателями 22 марта 1943 года вместе с людьми. Стала символом трагедии сожженных белорусских деревень.

² Жертвами фашистов в Смоленской области в период оккупации стали 151 319 чел. граждан-

ского населения. Уничтожено вместе с жителями свыше 300 деревень, частично с жителями или без них – около 5 000 деревень. Потери в Брянской области составляют 130 тыс. убитых мирных граждан, уничтожено 930 населенных пунктов и 85 тыс. домов [18, с. 4; 28, с. 7; 6].

Библиографический список

1. Аничкин Н.А., Валиева Д.С. Убийцы Хатыни. 118-й украинский батальон охранной полиции в Белоруссии. – М.: Пятый Рим, 2018. – 480 с.
2. Арещенко А.М. Военные операции немецкой армии против партизан: антипартизанская Операция «Зеленый Дятел» 1942 года // История. Общество. Политика. – 2017. – № 2 (2). – С. 79–84.
3. Гладков Т. Звездная агентура: Материалы и свидетельства: документальная повесть. – Калуга: Золотая Аллея, 2000. – 256 с.
4. Глухов В.М. Народные мстители. – Калуга: Калуж. кн. изд-во, 1960. – 229 с.
5. Государственный архив документов Новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). – Ф. 27. – Оп. 1.
6. ГАДНИКО. – Ф. П.–4573. – Оп. 1.
7. ГАДНИКО. – Ф. П.–7698. – Оп. 1.
8. Государственный Архив Брянской области (ГАБО) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive-bryansk.ru/node/518> (дата обращения: 15.05.2019).
9. Гущина И.В. На страже Безопасности страны. – Калуга: Акватинта, 2017. – 320 с.
10. Калужский край в XX веке: исторические очерки / сост. И.Б. Белова и др.; ред. В.Я. Филимонов. – Калуга: Калужский гос. ин-т модернизации образования, 2014. – 416 с.
11. Книга памяти: Город Жиздра и Жиздринский район, 1941–1945 / сост. В.Н. Ларин. – Жиздра: Изд-е ист.-краевед. музея г. Жиздра, 2013. – 227 с.
12. Книга памяти Калужской области: Калужские рубежи / под ред. Т.В. Романовой. – Тула: Гриф и К, 2011. – Т. 19. – 436 с.
13. Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечественной войне / сост. В.Д. Белов; ред. Н.А. Смирнов. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1970. – 343 с.
14. Котов Л.В. В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: сб. статей / сост. В.Е. Быстров. – М., 1970. – С. 3–55.
15. Лазукин Е. Воспоминания // Бетлицкий вестник. – 1995. – 1 апр.
16. Нюрнбергский процесс: сб. документов и материалов: в 8 т. – М.: Юридическая литература, 1990. – Т. 5. – 672 с.
17. По зову сердца: история, факты, события Калужской области / сост. В. Исаков; ред. О. Егорова и др. – М.: Паблис, 2019. – 169 с.
18. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фа-

шистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост. Г.Ф. Заставенко и др.; общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. – М.: Экономика, 1985. – 328 с.

19. Сожженные деревни России, 1941–1944: Документы и материалы / сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменова и др. – М.: Фонд «Историческая память», 2017. – 608 с.

20. Сожженные заживо взывают к нам: По публикациям в газете «Правда» / сост. В.С. Кожемяко, В.Т. Фомичев. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. – 156 с.

21. Сожженные села. Украина под нацистской оккупацией 1941–1944 гг. / сост. С.В. Бутко; под ред. С.Ф. Солдатенко. – М.: Ист. память, 2013. – 382 с.

22. *Сорокин В., Курочкин И.* Федоровская трагедия [Электронный ресурс] // Мое Ульяново. – Режим доступа: <https://myulyanovo.ru/history/252-fedorovskaya-tragediya> (дата обращения: 29.04.2019).

23. *Токарева И.* Сердце матери плачет // Весть. – 2015. – 23 окт.

24. Трагедия белорусских деревень 1941–1944: документы и материалы / сост. Е.М. Гриневич и др.; ред. В.И. Адамушко. – М.: Фонд «Историческая память», 2011. – 536 с.

25. Трагедия деревни Ресеты (из рассказов очевидцев) // Родной край (Хвастовичи). – 2003. – 19 авг.

26. *Хайнрици Г.* Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записках генерала Хайнрици / под ред. Й. Хюртера; пер. с нем., О.И. Бэйды, И.Р. Петрова. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. – 328 с.

27. *Хаунт В.* Сражения группы армий «Центр»: взгляд офицера вермахта. – М.: Яуза: ЭКСМО. – 2006. – 347 с.

28. *Цветков В.* В Козельской Хатыни [Электронный ресурс] // Наш город. – Режим доступа: <http://gazeta-ng.info/v-kozelskoj-xatyni.html> (дата обращения: 30.04.2019).

29. Центральный архив документов Новейшей истории Смоленской области (ЦДНИСО). – Ф.8. – Оп. 2.

30. *Шеломенцева М.В.* Смоленск в войнах: демографическая составляющая их последствий в контексте национальной безопасности [Электронный ресурс] // Наукоеведение: интернет-журнал. – 2015. – Т. 7, № 4 (июль – август). – С. 1–10. – Режим доступа: naukovedenie.ru.

References

1. Anichkin N.A., Valieva D.S. Ubijcy Hatyni. 118-j ukrainskij batal'on ohrannoј policii v Belorussii. – М.: Pyatij Rim, 2018. – 480 с.

2. Areshchenko A.M. Voennye operacii nemeckoj armii protiv partizan: antipartizanskaya Operaciya

«Zelenyj Dyatel» 1942 goda // Istoriya. Obshchestvo. Politika. – 2017. – № 2 (2). – S. 79–84.

3. Gladkov T. Zvezdnaya agentura: Materialy i svidetel'stva: dokumental'naya povest'. – Kaluga: Zolotaya Alleya, 2000. – 256 s.

4. Gluhov V.M. Narodnye mstiteli. – Kaluga: Kaluzh. kn. izd-vo, 1960. – 229 s.

5. Gosudarstvennyj arhiv dokumentov Novejshej istorii Kaluzhskoj oblasti (GADNIKO). – F. 27. – Op. 1.

6. GADNIKO. – F. P.–4573. – Op. 1.

7. GADNIKO. – F. P.–7698. – Op. 1.

8. Gosudarstvennyj Arhiv Bryanskoj oblasti (GABO)[Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://archive-bryansk.ru/node/518> (data obrashcheniya: 15.05.2019).

9. Gushchina I.V. Na strazhe Bezopasnosti strany. – Kaluga: Akvatinta, 2017. – 320 s.

10. Kaluzhskij kraj v HKH veke: istoricheskie ocherki / sost. I.B. Belova i dr.; red. V.YA. Filimonov. – Kaluga: Kaluzhskij gos. in-t modernizacii obrazovaniya, 2014. – 416 s.

11. Kniga pamyati: Gorod ZHizdra i ZHizdrinskij rajon, 1941–1945 / sost. V.N. Larin. – ZHizdra: Izd-ist.-kraeved. muzeya g. ZHizdra, 2013. – 227 s.

12. Kniga pamyati Kaluzhskoj oblasti: Kaluzhskie rubezhi / pod red. T.V. Romanovoj. – Tula: Grif i K, 2011. – Т. 19. – 436 s.

13. Kogda bushuyut grozy: Kaluzhskaya oblast' v Velikoј Otechestvennoј vojne / sost. V.D. Belov; red. N.A. Smirnov. – Tula: Priokskoe kn. izd-vo, 1970. – 343 s.

14. Kotov L.V. V tylu gruppy armij «Centr» // Geroi podpol'ya: sb. statej / sost. V.E. Bystrov. – М., 1970. – S. 3–55.

15. Lazukin E. Vospominaniya // Betlickij vestnik. – 1995. – 1 apr.

16. Nyurnbergskej process: sb. dokumentov i materialov: v 8 t. – М.: YUridicheskaya literatura, 1990. – Т. 5. – 672 s.

17. Po zovu serdca: istoriya, fakty, sobytiya Kaluzhskoj oblasti / sost. V. Isakov; red. O. Egorova i dr. – М.: Pablis, 2019. – 169 s.

18. Prestupnye celi – prestupnye sredstva: Dokumenty ob okkupacionnoj politike fashistskoј Germanii na territorii SSSR (1941–1944 gg.) / sost. G.F. Zastavenko i dr.; obshch. red. E.A. Boltina i G.A. Belova. – М.: Ekonomika, 1985. – 328 s.

19. Sozhzhennye derevni Rossii, 1941–1944: Dokumenty i materialy / sost. N.V. Kirillova, V.D. Selemeneva i dr. – М.: Fond «Istoricheskaya pamyat'», 2017. – 608 s.

20. Sozhzhennye zazhivo vzyvayut k nam: Po publikacijam v gazete «Prawda» / sost. V.S. Kozhemyako, V.T. Fomichev. – М.: IPO «U Nikitskih vorot», 2016. – 156 s.

21. Sozhzhennye sela. Ukraina pod nacistskoј okkupaciej 1941–1944 gg. / sost. S.V. Butko; pod red. S.F. Soldatenko. – М.: Ist. pamyat', 2013. – 382 s.

22. Sorokin V., Kurochkin I. Fedorovskaya tragediya [Elektronnyj resurs] // Moe Ul'yanovo. – Rezhim dostupa: <https://myulyanovo.ru/history/252-fedorovskaya-tragediya> (data obrashcheniya: 29.04.2019).
23. Tokareva I. Serdce materi plachet // Vest'. – 2015. – 23 okt.
24. Tragediya belorusskih dereven' 1941–1944: dokumenty i materialy / sost. E.M. Grinevich i dr.; red. V.I. Adamushko. – M.: Fond «Istoricheskaya pamyat'», 2011. – 536 s.
25. Tragediya derevni Ressety (iz rasskazov ochevidcev) // Rodnoj kraj (Hvastovichi). – 2003. – 19 avg.
26. Hajnrici G. Zametki o vojne na unichtozhenie. Vostochnyj front 1941–1942 gg. v zapiskah generala Hajnrici / pod red. J. Hyurtera; per. s nem., O.I. Bejdy, I.R. Petrova. – SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2018. – 328 s.
27. Haupt V. Srazheniya gruppy armij «Centr»: vzglyad oficera vermahta. – M.: YAuz: EKSMO. – 2006. – 347 s.
28. Cvetkov V. V Kozel'skoj Hatyni [Elektronnyj resurs] // Nash gorod. – Rezhim dostupa: <http://gazeta-ng.info/v-kozel'skoj-xatyni.html> (data obrashcheniya: 30.04.2019).
29. Central'nyj arhiv dokumentov Novejshej istorii Smolenskoj oblasti (CDNISO). – F.8. – Op. 2.
30. SHelomenceva M.V. Smolensk v vojnah: demograficheskaya sostavlyayushchaya ih posledstvij v kontekste nacional'noj bezopasnosti [Elektronnyj resurs] // Naukovedenie: internet-zhurnal. – 2015. – T. 7, № 4 (iyul' – avgust). – S. 1–10. – Rezhim dostupa: naukovedenie.ru.

Белов Андрей Михайловичдоктор исторических наук
Костромской государственной университет
Belovi_1957@mail.ru**Булюкин Дмитрий Александрович**Костромской государственной университет
bulykindima@yandex.ru**Ли Тун**

Костромской государственной университет

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КИТАЮ В 1950-Е ГОДЫ

Советско-китайские отношения в 1950-е годы рассматриваются в статье сквозь призму экономической помощи СССР Китаю. Приводится обзор источников и исторической литературы, посвященной изучаемой проблеме, оцениваются позиции как отечественных, так и китайских историков, анализируются конкретные договоры и соглашения между двумя странами. Авторы приходят к выводу о том, что в основе экономической помощи СССР Китаю в 1950-е годы во многом лежали идеологические причины: фундаментом идеологии руководящих партий обеих стран был марксизм-ленинизм. Основой помощи со стороны СССР Китайской Народной Республике стало стремление создать современную промышленность, которая должна была способствовать формированию китайского рабочего класса как главного союзника рабочего класса Советского Союза.

Ключевые слова: Советский Союз, Китай, экономическая помощь, подготовка китайских специалистов, сотрудничество.

Возрастание военно-политической и особенно экономической мощи КНР в современном мире, особое место Китая во внешней политике современной России стимулируют интерес к изучению истории двусторонних российско-китайских отношений.

Актуальность темы состоит в следующем. Необходимо в прошлом выявить опыт позитивных советско-китайских отношений, а также причины и основные линии сближения СССР и Китая в 1950-е гг. В 2019 г. будет отмечаться 70-летие образования Китайской Народной Республики (1 октября 1949 г.), созданной при поддержке Советского Союза, и установления дипломатических отношений между нашими странами.

Многолетнее сотрудничество правящих коммунистических партий и правительств СССР и КНР, совместная борьба против японского милитаризма и оккупации в 1930 – середине 1940-х гг. способствовали закреплению дружественного характера отношений между двумя странами. Громадные потери, которые понес Советский Союз во Второй мировой войне, вполне естественно поставили перед советским руководством вопрос о дружественном и лояльном характере политических режимов, которые будут окружать СССР в послевоенные годы. Особняком в этих отношениях стоял Китай, который имел на протяжении 4 374 км общую границу с СССР. вполне естественно, советское руководство было заинтересовано в дружественном характере политического режима в Китае, который всегда имел большой политический вес в мире.

Разрушительная Вторая мировая война, а также многолетняя колониальная экспансия Запада и Японии обескровили Китай. Свою лепту в ухудшении экономического положения Китая внесла

кровавопролитная гражданская война (1946–1949 гг.) между китайскими коммунистами и правительством Гоминьдана. Советский Союз также имел большие трудности, связанные с послевоенным восстановлением народного хозяйства. Тем не менее руководство СССР, заинтересованное в дружественном характере отношений с коммунистами Китая, принимает решение оказать широкую помощь в восстановлении народного хозяйства своего великого восточного соседа.

Опыт взаимоотношений СССР и Китая является предметом исследования как отечественных, так и китайских историков.

Вопросы советско-китайских экономических связей рассмотрены в работе видного советского дипломата, известного китаевода, профессора М.С. Капицы. Автор отмечает, что с помощью СССР в Китае были созданы новые, ранее отсутствовавшие в стране отрасли промышленности: авиационная, автомобильная, радиотехническая и др. С 1954 г. СССР передал КНР более тысячи комплектов проектной документации для возведения промышленных предприятий [6, с. 32].

В статье И.Н. Киселева впервые проанализировано научное сотрудничество Академии наук (АН СССР) и АН КНР в период 1949–1959 гг., исследована передача советской стороной Китаю научно-технической документации по механике, машиноведению, энергетике, металлургии [7, с. 63].

Особого внимания заслуживает монография М.И. Сладковского, в которой отдельная глава посвящена советско-китайским экономическим отношениям. По мнению автора, важнейшим шагом для развития двусторонних экономических отношений явилось посещение Пекина в сентябре 1954 г. советской правительственной делегацией во главе с Н.С. Хрущевым [10, с. 112].

На рубеже XX–XXI вв. вышел в свет сборник статей под названием «Китай на пути модернизации и реформ (1949–1999)», в котором опубликованы статьи как российских, так и китайских авторов по различным аспектам экономических отношений СССР и Китая.

К советско-китайским отношениям обращались и китайские историки. Так, Ян Цимин в своей работе исследует экономическую помощь СССР Китаю на примере строительства первого китайского автомобильного завода [15, с. 62]. Автор выделяет три временных периода технической помощи: проектирование автомобильного завода (1949–1953), создание и официальный ввод в эксплуатацию (1953–1958), а также новые элементы советской помощи в период «Большого скачка» (1958–1960). К различным аспектам проблемы обратился и Чжоу Хун в своей работе [13, с. 73].

В то же время в 1960–70-е гг. – в период обострения отношений между СССР и КНР – часть документов была засекречена. С рассекречиванием китайских и иностранных архивов и появлением новых материалов научное сообщество вновь обратилось к исследованию советской помощи Китаю. В экономической поддержке со стороны СССР можно условно выделить следующие направления: 1) формы сотрудничества в годы первой пятилетки (так называемые «156 проектов»); 2) обращение отечественных специалистов к реформе системы образования в Китае и повышению ее эффективности; 3) исследования в области научно-технической помощи на основе подписания и реализации китайско-советского соглашения о научно-техническом сотрудничестве; 4) обращение к военному сотрудничеству двух стран.

Шэнь Чжихуа в статье [14, с. 55] анализирует проблематику предоставления СССР кредитов Китаю под низкие проценты, а также определения ключевых проектов развития двусторонней торговли, создание и открытие акционерных обществ, предоставление технической помощи, направление советских специалистов в разные отрасли народного хозяйства Китая и подготовку китайских кадров в учебных заведениях СССР. Важным аспектом сотрудничества двух стран стала разработка и обоснование экономических планов.

Вместе с тем установление дружественных российско-китайских отношений и нарастание экономического взаимодействия на современном этапе обуславливает необходимость еще раз обратиться к различным аспектам сотрудничества двух стран в 1950-е годы.

Важнейшими источниками изучаемой проблемы являются «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР» [3, с. 4] и другие [10, с. 8] договоры и соглашения между СССР и Китаем [1, с. 6].

Еще одним источником являются труды лидеров КПСС и КПК: И.В. Сталина, Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая. Определенную информацию несут также хроники [9, с. 95], составленные в период личных контактов руководителей СССР и Китая, а также мемуарная литература [12, с. 56].

Важнейшим правовым актом, регулирующим отношения между СССР и Китаем, был «Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи», подписанный в Москве 14 февраля 1950 г. Неотъемлемой его частью стало оборонное соглашение между двумя государствами, опасавшимися повторения агрессии со стороны Японии либо «другого государства» [3, с. 5]. В дополнение к договору заключается «Соглашение о советских займах» Китаю, а также ряд документов, конкретизирующих экономическую помощь [11, с. 7].

В первые дни основания Народной Республики новый Китай установил дипломатические отношения с социалистическими странами, такими как Советский Союз, и рядом других дружественных государств. Китай публично объявил о своей позиции в поддержку новых демократических стран социализма.

2 октября, на следующий день после провозглашения КНР, СССР установил дипломатические отношения с Китаем. Следствием этого шага со стороны СССР стал вопрос о том, как поступить с советско-китайским договором о дружбе и союзе, подписанным ранее с Гоминьдановским Китаем, чтобы установить новые принципы в китайско-советских отношениях. Этот вопрос был рассмотрен в ходе визита в Советский Союз зимой 1949 года председателя Мао Цзэдуна. Визит китайского руководителя в СССР состоялся в конце 1949 – начале 1950 г. Личные контакты и договоренности И.В. Сталина с Мао Цзэдуном заложили фундамент для будущих отношений двух стран.

Как следствие новой реальности вместо старого китайско-советского Договора о дружбе и союзе с Гоминьданом был заключен Договор с коммунистическим правительством КНР, подписанный 14 февраля 1950 г. с советской стороны министром иностранных дел А.Я. Вышинским, с китайской – премьер-министром Чжоу Эньлаем. Заключенные ранее советским правительством договоры с Гоминьданом были отменены. Вступил в силу «Советско-китайский договор о дружбе и союзе».

Переговоры о конкретных параметрах экономической помощи провел премьер-министр КНР Чжоу Эньлай. В соответствии с соглашением Советский Союз обязывался оказать помощь Китаю в строительстве и реконструкции 91 промышленного предприятия. Данная помощь носила многосторонний характер. Советские специалисты проводили геологоразведку в Китае, помогали в проектировании и строительстве предприятий. СССР брал на себя обязательства поставить оборо-

дование, занимался его монтажом и вводом в эксплуатацию, осуществлял техническое руководство и обучение персонала. Таким образом, подписанные советско-китайские договоры стали отправной точкой в деле создания новой китайской социалистической промышленности «с нуля и от мала до велика». В целях скорейшей реализации намеченных планов советское правительство предоставило КНР значительную финансовую сумму в размере 12 млрд рублей.

Возведение с помощью СССР 91 предприятия, а чуть позже еще 50 предприятий, одобренных во время визита китайских руководителей в 1949–1950 годах, способствовали включению этих строк в первый пятилетний план развития экономики Китая. Эта помощь была одобрена И.В. Сталиным, а после его смерти – Н.С. Хрущевым. В правление Хрущева дополнительно было решено возвести еще 15 промышленных объектов. Таким образом, предполагалось к реализации строительство 156 промышленных предприятий [8, с. 18]. Вместе с тем надо подчеркнуть, что основная часть строительства этих предприятий была определена во время визита в СССР Мао Цзэдуна.

Таким образом, в 1949–1954 гг. СССР и КНР подписали ряд договоров и соглашений. Среди них «Соглашение о советских займах Китайской Народной Республике», которое предусматривало, что Советский Союз предоставит Китаю кредит в размере 300 млн долларов США на льготных условиях под 1 % годовых. Соглашение включало также энергетические проекты, такие как добыча угля и строительство на его основе электростанций. Предполагалось строительство промышленных предприятий – сталелитейных, цветных металлов, химических производств, а также заводов оборонной промышленности [4, с. 15].

В течение начала 1950-х гг. обе стороны определили примерные параметры помощи. После восьми месяцев обсуждений и скрупулезных исследований по каждому проекту обе стороны подписали 15 мая 1953 г. «Соглашение Советского правительства о помощи китайскому правительству в развитии китайской национальной экономики».

Советский Союз планировал оказать помощь Китаю в строительстве и реконструкции 91 предприятия в период с 1953 по 1959 г. Соглашение вместе с позднее дополненными предусматривало в общей сложности строительство 141 объекта в этот период [11, с. 12]. СССР и КНР планировали, что после завершения сооружения и введения в строй 141 предприятия производственные мощности Китая значительно возрастут.

Планировалось, что к 1959 году основные продукты тяжелой промышленности Китая, такие как сталь, уголь, электричество и нефть, будут равны показателям первого пятилетнего плана Советского Союза и даже его превзойдут.

Третья часть проектов была определена в октябре 1954 г. в ходе визита в Китай нового руководителя СССР Н.С. Хрущева, который прибыл во главе советской делегации на празднование пятой годовщины образования Китайской Народной Республики. Во время переговоров о советско-китайском научно-техническом сотрудничестве и помощи советского правительства Китаю в строительстве и расширении предприятий, было подписано 10 документов. Среди них – «Протокол о размере и номенклатуре поставок оборудования», включающий возведение 15 предприятий. К этому времени Советский Союз оказывал содействие в строительстве и реконструкции 156 объектов в Китае, которые обычно известны как «156 ключевых проектов» [2, с. 41].

При участии советских специалистов построены и реконструированы следующие предприятия на территории Китая: Аньшаньский металлургический комбинат, Дашицяо магниевый рудник, Фуалергийский завод специальной стали, Бэньси Стальная компания, Харбинский алюминиевый завод, Фушуньский алюминиевый завод, Цзилиньский завод ферросплавов, Цзилиньский электродный завод, Завод по производству азотных удобрений в Цзилине, Фабрика красок Цзилинь, Электростанция Фушунь, Харбинский электрометрический приборостроительный завод, Якешская бумажная фабрика, Объединенный металлургический завод, Дайский металлургический комбинат, Фушуньский магниевый завод. С советской помощью были построены и реконструированы десятки других предприятий, которые в конечном итоге создали фундамент промышленности КНР.

Среди советских специалистов, работавших в 1950-е гг. в Китае, важную помощь оказали: представитель Главного управления внешнеэкономических связей СССР в Китае Фадеев, эксперты управления министерства внешнеэкономических связей Гаринин, Конкулов, советник министерства финансов Кутузов, а также многие сотни специалистов разных отраслей и инженерных кадров при возведении промышленных объектов в Китае.

В сфере военно-промышленного производства КНР советские специалисты А.Г. Алексеев и Одинцов, а также десятки других советских офицеров способствовали улучшению конструирования, производства современных видов вооружения, внедрению новых технологий в оборонной отрасли. Как следствие, Китай в короткие сроки добился больших успехов в деле создания современной и боеспособной армии. Были основаны новые военно-учебные заведения: Нанкинская военная академия, Харбинский военно-инженерный колледж, в которых преподавали советские офицеры, имевшие опыт военной деятельности, прошедшие Вторую мировую войну. Во главе группы военных советников стоял генерал армии, дважды герой Со-

ветского Союза П. Багов. Советские эксперты также участвовали в создании учебных планов и программ для китайских студентов. Преподавание в китайских вузах строилось на основе совмещения опыта советской педагогической мысли и китайских традиций. Так, в Харбинском военном колледже в 1954 г. работали 56 советских сотрудников, а в 1957 году их число возросло до 137 человек.

Представитель министерства сельского хозяйства Советского Союза Попов был командирован в Китай с целью оказать помощь китайским коллегам в разведении племенных животных, привезенных из СССР, внес большой вклад в развитие китайского животноводства. Ветеринары Иванов и Петренко работали в министерстве сельского хозяйства КНР, оказывая поддержку в управлении и подготовке молодых кадров в этой отрасли.

Таким образом, в основе экономической помощи СССР Китаю в 1950-е гг. во многом лежали идеологические причины: помощь КПСС прежде всего союзной коммунистической партии Китая. Фундаментом идеологии обеих партий был марксизм-ленинизм, который считал главной силой построение нового социалистического общества «рабочий класс». Именно поэтому основой помощи со стороны СССР Китайской Народной Республике стало стремление создать современную промышленность, которая и будет способствовать формированию китайского рабочего класса как главного союзника рабочего класса Советского Союза.

Библиографический список

1. Бюро внешних связей Министерства сельского хозяйства. Архивное управление Министерства сельского хозяйства Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Архивное управление Министерства сельского хозяйства Китайской Народной Республики: архив. – Режим доступа: https://www.cn-ki.net/doc_detail?dbcode=CDFD&file name=2008031512.nh (дата обращения: 30.05.2019).
2. Ван Ци. Анализ взаимосвязи «156 проектов» и китайско-советских отношений в 1950-х годах: пер. с кит. // Национальная историческая библиотека Китайской Народной Республики. – Пекин, 2009. – С. 36–45.
3. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1950. – № 36. – С. 2–8.
4. Доклад Ли Фучуня по вопросу помощи Китаю Советскому правительству // Партийная литература (3 сентября 1953 г.). – 1999. – № 5. – С. 13–23.
5. К договору о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1950. – № 36. – С. 4–12.
6. Капица М.С. Братская дружба двух великих народов. – М., 1959. – 32 с.
7. Киселев И.Н. Советско-китайские научные связи. – М., 1960. – 92 с.

8. Ли Пин. Основная повестка дня визита: Хроника Чжоу Эньлая: пер. с кит. – Пекин: Центральное лит. изд-во, 1997. – С. 4–22.

9. Ван Юй. История китайского народного университета: хроника (1937–2007 гг.). – Пекин: Изд-во Китайского народного ун-та, 2007. – 95 с.

10. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. – М., 1977. – 112 с.

11. Соглашение советского правительства о помощи китайскому правительству в развитии национальной экономики Китая: пер. с кит. // Партийная литература. – 1999. – № 5. – С. 6–10.

12. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – Пекин: Изд-во Солдата Народно-освободительной армии Китая, 1971. – 152 с.

13. Чжоу Хун. Последствия основания КНР, исследования содержания советской помощи Китаю и его реализации: в 25 т.: пер. с кит. – Пекин, 2018. – 73 с.

14. Шэнь Чжухуа. Основное содержание экономической помощи Советского Союза Китаю в первые дни основания нового Китая: архивные материалы из Китая и России: пер. с кит. // Российское исследование. – 2001. – № 1. – С. 53–67.

15. Ян Цимин. Исследование модели экономической помощи Советского Союза Китаю: пример строительства в Советском Союзе первого автомобильного завода в Китае: дис. магистранта кафедры международных отношений: пер. с кит. – Шанхай: Восточно-Китайский пед. ун-тет, 2015. – 114 с.

References

1. Byuro vneshnih svyazey Ministerstva sel'skogo hozyajstva. Arhivnoe upravlenie Ministerstva sel'skogo hozyajstva Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Elektronnyj resurs] // Arhivnoe upravlenie Ministerstva sel'skogo hozyajstva Kitajskoj Narodnoj Respubliki: arhiv. – Rezhim dostupa: https://www.cn-ki.net/doc_detail?dbcode=CDFD&filename=2008031512.nh (data obrashcheniya: 30.05.2019).
2. Van Ci. Analiz vzaimosvyazi «156 proektov» i kitajsko-sovetskih otnoshenij v 1950-h godah: per. s kит. // Nacional'naya istoricheskaya biblioteka Kitajskoj Narodnoj Respubliki. – Pekin, 2009. – S. 36–45.
3. Dogovor o druzhbe, soyuze i vzaimnoj pomoshchi mezhdru SSSR i KNR // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. – 1950. – № 36. – S. 2–8.
4. Doklad Li Fuchunya po voprosu pomoshchi Kitayu Sovetskomu pravitel'stvu // Partijnaya literatura (3 sentyabrya 1953 g.). – 1999. – № 5. – S. 13–23.
5. K dogovoru o druzhbe, soyuze i vzaimnoj pomoshchi mezhdru SSSR i KNR // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. – 1950. – № 36. – S. 4–12.
6. Kapica M.S. Bratskaya druzhba dvuh velikih narodov. – M., 1959. – 32 s.
7. Kiselev I.N. Sovetsko-kitajskie nauchnye svyazi. – M., 1960. – 92 s.

8. Li Pin. Osnovnaya povestka dnya vizita: Hronika CHzhou En'laya: per. s kit. – Pekin: Central'noe lit. izd-vo, 1997. – S. 4–22.

9. Van YUj. Istoriya kitajskogo narodnogo universiteta: hronika (1937–2007 gg.). – Pekin: Izd-vo Kitajskogo narodnogo un-ta, 2007. – 95 s.

10. Sladkovskij M.I. Istoriya trgovo-ekonomicheskikh otnoshenij SSSR s Kitaem. – M., 1977. – 112 s.

11. Soglashenie sovetskogo pravitel'stva o pomoshchi kitajskomu pravitel'stvu v razvitii nacional'noj ekonomiki Kitaya: per. s kit. // Partijnaya literatura. – 1999. – № 5. – S. 6–10.

12. Stalin I.V. Ekonomicheskie problemy socializma v SSSR. – Pekin: Izd-vo Soldata Narodno-osvoboditel'noj armii Kitaya, 1971. – 152 s.

13. CHzhou Hun. Posledstviya osnovaniya KNR, issledovaniya sodержaniya sovetskoy pomoshchi Kitayu i ego realizacii: v 25 t.: per. s kit. – Pekin, 2018. – 73 s.

14. SHen' CHzhihua. Osnovnoe sodержanie ekonomicheskoy pomoshchi Sovetskogo Soyuzu Kitayu v pervye dni osnovaniya novogo Kitaya: arhivnye materialy iz Kitaya i Rossii: per. s kit. // Rossijskoe issledovanie. – 2001. – № 1. – S. 53–67.

15. YAn Cimin. Issledovanie modeli ekonomicheskoy pomoshchi Sovetskogo Soyuzu Kitayu: primer stroitel'stva v Sovetskom Soyuze pervogo avtomobil'nogo zavoda v Kitae: dis. magistranta kafedry mezhdunarodnyh otnoshenij: per. s kit. – SHanhaj: Vostochno-Kitajskij ped. un-tet, 2015. – 114 s.

«СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА» КАК МАНИФЕСТ САМОДЕРЖАВИЯ НА РУСИ XII ВЕКА

В статье речь идет о проблеме функционально-жанровой принадлежности «Слова Даниила Заточника», а также рассматривается проблема датировки произведения. Выявлено, что смысловая «непроницаемость» «Слова» связана прежде всего с феноменом текста переходного периода, определяющего мировоззренческий и житейский (биографический) концепт. Показано, что «Слово» – это манифест самодержавия, представляющий «высказанный» стереотип поведения, рушащий границы прежних канонов как в жанровом, так и стилистическом планах, поскольку синтетическое мировоззрение, дискредитирующее привычные ментальные позиции, уже не работает на уровне нормы, оно есть объект пародийной (новой) и в то же время селективно-традиционной поэтики. В связи с этим «Слово» непривычно для любого слушателя, не живущего в ту эпоху, эпоху XII столетия – времени тектонических культурно-исторических сдвигов, когда отмирают старые традиции, а новые только зарождаются. Этот текучий (аморфный) процесс и отражается в феномене «Слова Даниила Заточника», представленного как загадка для современного исследователя.

Ключевые слова: жанр, синтетический жанр, жанровая модальность, жанровая доминанта, «милостник», традиция, риторика, хвалебный жанр, внутренний мир.

Объектом рассмотрения данной статьи является «Слово Даниила Заточника», которое мы будем вслед за Д.С. Лихачевым отождествлять с «Молением Даниила Заточника». Ответ на вопрос о приблизительном времени и месте написания, а также жанровой природе произведения может прояснить функциональную атрибуцию произведения. В литературоведении вопрос об авторстве, социальных основах, датировке «Слова Даниила Заточника» изучался много раз. В.М. Гуссов полагал, что автор второй редакции «Моления» был в социальном отношении боярином, близким Ярославу Всеволодовичу, навлекшим во время пира перед Липицкой битвой (1216 г.) немилость князя из-за попытки примирения сторон [5]. И.У. Будовниц причислял Даниила к дворянам, стоявшим в оппозиции к боярству и считал, «что Слово Даниила Заточника, возникшее еще в Киевской Руси, является памятником более ранним, чем Моление» [3, с. 157], и было составлено в Суздальской Руси. М.Н. Тихомиров, относя «Слово» ко времени Ярослава Владимировича, княжившего во второй половине XII века в Новгороде, видел в авторе «ремесленника или художника» [15, с. 279].

Д.С. Лихачев в обстоятельной статье изложил на основе подробного стилистического анализа ряд соображений, существенно обогащающих дальнейшие теоретические изыскания. Вот что пишет академик: «Даниил мог принадлежать только к той прослойке города, которая энергично поддерживала сильную княжескую власть. Скорее всего, он был княжеским “милостником”. Именно здесь могли зародиться и общественные взгляды Даниила, и самый стиль его «Моления», вылившийся в скomorшье претворение книжных элементов, – стиль,

стоящий на грани народного и книжного», а потому, продолжает далее Д.С. Лихачев, он сблизился с теми скomorохами, «которые развлекали князя и его приближенных, смешиваясь с толпой тех же княжеских “милостников” при дворе князя» [9, с. 119], поэтому и «“Слово” Даниила Заточника обнаружит замечательное отношение самой литературы к власти правительственной и черту южно-русского характера, юмор, который кроется еще в столь далекой древности и теперь только воздвывается художественно нашим поэтом» [17, с. 212].

Интересен тот факт, что «Слово» (как прецедент «Моления») было хорошо известно всем переписчикам и составителям, на что удивленно указывает Д.С. Лихачев в выше цитированной статье, а также другое обстоятельство – Даниил не вписывается в контекст времени, находясь всегда как бы в пограничном состоянии (маргинал, изгой), на что есть множество намеков в самом произведении: «Азь бо есмь, княже, аки древо при пути: // Мнози бо посѣкають его и на огонь мечють; // Тако и азь всѣм обидимь есмь, // Зане огражень есмь страхом грозы твоеа» [2, с. 272]. Это дало повод думать Б.А. Романову, что Даниил – человек без определенного социального статуса, не прикрепленный ни к одной страте, типичный мизантроп, написавший общественный памфлет: «Бывший слуга князя, или дружинник, притом уже не “отрок”, а “муж”, у которого “отрочество” было за спиной, а “упость”, т. е. молодость, еще не прошла...» [12, с. 18].

Также важны, в свою очередь, наблюдения над текстом М.О. Скрипиля, который считает, что Даниил – поэт и его заставили обратиться к князю не внешние причины (заточение и т. п.), а «внутреннее побуждение, определенный строй идей и чувств».

Кроме того, исследователь полагает, что «Слово» предшествует хронологически другому знаменитому памятнику – «Слову о полку Игореве» и относит датировку его написания «к последним годам жизни Андрея Владимировича Доброго, когда он вновь занял княжение в Переяславле Южном; возникновение второй редакции – к последним годам жизни Ярослава Всеволодовича, в ранней юности княжившего в Переяславле Южном, а с 1213 по 1236 г. – в Переяславле Суздальском» [14, с. 77, 83].

Точке зрения М.О. Скрипиля о локализации «Моления» Переяславлем-Суздальским начала XIII века предшествовала версия В.М. Истрина. Исследования крупнейшего ученого-слависта ценны тем, что он не только находит конкретное местонахождение автора, связанное с Переяславлем-Суздальским, но и замечает в произведении один из центральных библейских мотивов – тему блудного сына, который «провинился перед ними [родителями. – С. Ж.], и они его прогнали, вследствие чего он попал в положение блудного сына» [7, с. 277], ему вторит в обнаружении сюжета-архетипа Э.А. Радь [11]. Вероятно, это провоцирует и притчевые жанровые аллюзии в «Слове». Также ученый справедливо замечает, что произведение Даниила функционально относится к «рекомендации» своей учености, с которой тот выступает с просьбой взять его на службу, это своего рода, если переходить на современные лингвистические реалии, резюме, направленное работодателю, в котором большое место отведено языковой компетенции автора (коммуникабельности), начитанности и житейской мудрости, свойственных автору как типу «древнерусского книжника». Однако при всей сосредоточенности на образе автора у В.М. Истрина мы не встретим утверждения о социальном положении Даниила, кроме того, что он сын «зажиточных родителей» и что с ним произошли неприятные жизненные перипетии, вследствие чего он оказался в известном незавидном положении.

Из последних публикаций по теме наибольший интерес представляет работа А.И. Гончарова [4]. Автору удалось на основе трансформации интертекстуальных библейских заимствований в произведении показать юродство Даниила Заточника и ввиду этого – принадлежность «Слова», написанного не позднее начала XIII века, к религиозной публицистике. Однако нельзя признать, что Даниил чужд скоморошеству. Если следовать логике А.И. Гончарова, то скоморошество как явление конституирует антимир, противопоставляет себя «миру сытости, довольства» – в тексте как раз это и показано: «Но егда веселишися многими брашны – // А мене помяни, сух хлѣбъ ядуща; // Или пиши сладкое питие – // А мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена; // Егда лежиши на мягкыхх постелях под соболями одѣялы – // А мене помяни, под единым платом лежаща и зимою уми-

рающа, // И каплями дождевыми, аки стрѣлами, сердце пронизающе...» [2, с. 274]. Следовательно, «Слово» стилизует скоморошескую речь. При этом сама концепция юродства может многое объяснять, например синкретический стиль, амбивалентное мировоззрение. И в данном случае автор предлагает новый взгляд на старую проблему.

В работе О.А. Туминской, следующей концептуально идее юродства А.И. Гончарова, автор признает стиховую (шире – рифмо-ритмическую) организацию речи Даниила, особенно в случае с эпизодом, обозначающим географические координаты, – «Кому Боголюбово...», считая это намеком со стороны автора «Слова» на генезис юродства в Северо-Восточной Руси, в районе «треугольника»: Боголюбово, Лач-озеро, Бело-озеро, Новгород [16]. Юродство, рассматриваемое в контексте всего православного движения, расширяет спектр взаимодействия темы авторства «Слова» и художественной экспликации стиля в искусстве Древней Руси, заставляя по-новому увидеть историю культуры русского Средневековья.

Все вышеперечисленные публикации так или иначе высвечивают проблему древнерусского памятника и могут быть учтены и приняты в качестве методологического средства к нашему исследованию, цель которого – показать на основе анализа, что «Слово Даниила Заточника», представляющее синтетический жанр вследствие «переходности» мировоззрения, принадлежит эпохе князя Андрея Боголюбского и выражает идеи самодержавного правления на Руси.

Пойдя по пути Д.С. Лихачева, который представляется нам наиболее верным с точки зрения обобщения и единства природы двух произведений – «Слова» и «Моления», расширим его контекст. Характерной особенностью и ввиду этого оригинальностью проявления творческого потенциала является наличие в рамках одной жанровой номинации «Слова» целого жанрового компендиума. Так, основным, несмотря на риторичность и торжественность заявленного в заглавии жанра (Слово), является жанровая модальность – просьба, выливающаяся в отдельный жанр послания с установкой на определенного адресата (князя). Функция послания усиливается эмоционально окрашенными вопрошаниями – мольбой, сродни порой ритуальным инвокациям божества (*Господине, княже мой*). Притча с подчеркнута бытовыми деталями (о злой жене), идиоматический стиль, метафоричность, каламбурство, юмор, поучительство – также вносят значительную лепту в жанровую конституцию произведения, которая может быть определена как жанровый синтез. Именно в таком органическом целом слиты воедино и просьба, и жалоба, и назидание, и похвальба. В произведении даже присутствует диатриба – разговор с воображаемым собеседником. Все проникнуто единой функцией служения как

«вручения себя» – экзистенциальной установкой на бескорыстное самопожертвование себя [10] князю не ради корысти, а с целью обретения и поддержки сильной и мудрой княжеской власти. Жанровый синтез дает возможность в «Слове» высказаться о наболевшем, злободневном, восхвалить адресата и выразить просьбу об устройстве на службу. Некоторые исследователи видят в произведении «гимн... холопскому состоянию» [6, с. 82]. Данное суждение сужает понимание произведения.

Силен в «Слове» и исповедальный жанровый пафос, начиненный биографическими мотивировками, что позволяет искать их применение к реальному герою произведения. Хотя сам автор намекает в зачине на неоднозначность и завуалированность своего текста: «Въструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумъ ума своего // И начнемъ бити в сребренья органы возвития мудрости своеа. // Встани, слава моя, встани въ псалтыри и в гуслех! // Востану рано, исповѣмъ ти ся; // Да разверзу въ притчах гадания моя // И провѣщаю въ язѣцѣх славу мою. // Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию» [2, с. 268]. Аллюзия на притчи Соломона и стиль «плетения словес», который уже использовался, например, Кириллом Туровским, говорят о поэтическом словословии как желании автора высказаться о том, что наболело. Итак, бывший поэт, о чем автор о себе говорит в виде тирады-формулы: «Бысть языкъ мой – трость книжника-скорописца, // И увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость. // Сего ради покушася написати всякъ съзъз сердца моего // И разбих злѣ, аки древняя – младенца о камень» [2, с. 268] по каким-то причинам оказывается на дне общества. Причем он употребляет формулы, присущие людям, которые занимались сочинительством: так очевидны интертекстуальные заимствования из «Слова о полку Игореве», перефразирующие метафорическую формулу поэтического восторга. В «Слове о полку Игореве» встречаем: «Боянь бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы... О Бояне, соловию старого времени! А бы ты сия плѣкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени...» [2, с. 254]. В «Слове Даниила Заточника» читаем: «Унь възрасть имѣю, а старь смыслъ во мнѣ. Бых мыслию паря, аки орель по воздуху» [2, с. 276]. Вот эта патетическая жанровая модальность роднит обе жанровые номинации «Слова», да еще, возможно, и время написания обоих произведений, которое понимало жанр «Слова» как публицистически ориентированную речь, облеченную в торжественную форму, разнообразную (синтетическую) по своему содержательному контенту.

В «Слове» время от времени композиционно преобладает молитвенно-просительный темати-

ческий мотив (это подтверждается наличием повторов, включая анафорические), который обращен к сакральному образу князя с помощью более десятка раз повторяющегося обращения: княже, господине. Кстати, последнее обращение метонимически заменяет князя на бога. В «Слове» встречается сравнение князя с богом: «Но видих, господине, твое добросердие к собѣ // И притекох къ обычной твоей любви. // Глаголетъ бо въ Писании: // Просящему у тебе дай, толкущему отверзи, // Да не лишень будещи царствия небеснаго. // Писано бо есть: // Возверзи на Господа печаль свою, // И той тя препитаеть въ вѣки» [2, с. 268, 270]. Метафора живительной силы, источник жизни находится, по мнению автора, в князе: «Весна украшаетъ цвѣты землю, // А ты оживлявши вся человекы милостию своею...»; «Зане князь щедръ – аки рѣка, текуща без бреговъ сквози дубравы, // Напаяюще не токмо человекы, но и звѣри...» [2, с. 272, 276].

В контексте вегетативной семантики и морфологии, потестарной мощи заступника и подателя мог восприниматься, бесспорно, только сильный самодержавный князь: «А дубъ крѣпится множеством кореня; тако и градъ нашъ – твоею дрѣжавою». Он «многими людьми честень и славень по всѣмъ странам» [2, с. 276]. Намек на князя-самодержавца проступает еще отчетливее в сравнении его с царем; например, в приеме смыслового параллелизма замечаем: «Якоже бо похвалися Езекий царь посломъ царя Вавилонского...» [2, с. 274]. Для Даниила не существует разницы между царем и князем: «Не имѣй собѣ двора близъ царева двора // И не дрѣжи села близъ княжа села...» [2, с. 276].

В тексте Троицкой редакции «Жития Леонтия Ростовского», в инкорпорированном в него «В тот же день слово о внесении телесе святого отца нашего Леонтия, великаго епископа ростовскаго, в новую церковь и о мужи, исцѣлѣвшем у гроба великаго Леонтия» встречается величание Андрея Боголюбского благочестивым господином и царем, и князем нашим [13, с. 252]. Г.В. Семенченко относит время составления текста к 1230–1231 гг., но тематически оно ретроспективно соотносится с возникновением легенды об обретении мощей святого Леонтия с 1160-ми годами, когда потребовалось идеологическое обоснование церковной автономности Ростова от Киева, спровоцированное самовластной политической князя Боголюбского, чья царская титулатура может быть отождествлена с адресатом «Слова».

Боголюбово как резиденция князя Владимиро-Суздальской Руси Андрея обрело известность своим «качеством духовной жизни» после 1158 года как место, куда стекались «милостники». Вот что пишет современный исследователь: «Рука Андрея не была «согбенной» на «подавание убогих», и очень многие из сырых и обездоленных кормились от его щедрот. Но при этом богатства князя – в полном соответствии со словами Даниила Заточника – не

убывали, но лишь приумножались». Между тем, именно к концу его, князя Андрея Боголюбского, правления «в Суздальской земле росло не только число больных и нищих, но и число “затворов” и “затворников”, иначе говоря, тюрем и сидельцев» [8, с. 132]. Говоря «мы», Даниил выступает от лица целого класса маргиналов, которых жизнь выдворила на обочину социальной жизни. В этом случае ничего не остается человеку, как уповать на защиту правителей. Поэтому Заточник сетует на свою злую судьбу: «Азь бо есмь, княже, аки древо при пути: // Мнозии бо посѣкають его и на огонь мечють; // Тако и азъ всѣм обидимъ есмь, // Зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа» [2, с. 272].

Всякий переходный историко-культурный период вызывает сдвиг социальных образований, выдворяя за пределы бывшей системы целые слои общества; такая ситуация особенно свойственна для времени феодальной раздробленности, когда складывались все предпосылки для обнищания и разорения в череде бесконечных и непрекращающихся военных столкновений, в условиях которых к сильным князьям стекалось множество народа, как, предположительно, во Владимир и Боголюбово, о чем пишет Даниил в «Слове» и «Молении»: «Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ мнозии бо оставляют отца и матеръ, к нему прибегают» [2, с. 276].

В «Слове» в пользу Андрея Боголюбского говорит и, как нам кажется, фрагмент, связанный с локальными координатами, видимо очерчивающими географию личной жизни Даниила: «Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; // Кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣй смолы; // Кому Лаче озеро, а мнѣ, на нем сѣдя, плачь горкий; // И кому ти есть Новьгород, а мнѣ и углы опадали, // Зане не проценте часть моя» [2, с. 270]. Эпизод напоминает по форме рифмованную прозу с отчетливыми выразительными акцентуаторами – анафорами, синтаксическими параллельными конструкциями, созданными по типу стихотворных строк, разграничивающихся цензурированными полустрочиями. Все это представляет синтез устного скороговорения с поэтизацией как формой выразительности, за которой просматривается мастерство одновременно и риторическое, и поэтическое. Как сам Даниил – человек границы мира серьезного и шуточного, благополучного и нищеты, так и его творение, синтетическое по сути, вбирает и устную, и письменную речь, сходную с римской сатурой, менипповой сатирой, отражающими живые диалоги на все случаи жизни, которые могли составлять весьма эрудированные люди, находящиеся словно в измененном состоянии сознания, как при исступлении и ритуальном посвящении. И в этом смысле «Слово» – произведение симптоматичное для времени становления новой государственности взамен старой Киевской Руси, для которого (для «Слова») типично написание загадками, парафразами, па-

раболами, избыточными в тексте. Вся фактура текста – слово, дискредитированное в самом себе, представляющее поэтику синтеза и противоречий, поэтику, которой свойственна фольклоризация языка, одновременно архаизирующая и модернизирующая словесность, находящаяся в причудливом единстве напряжения устного и письменного слова – слова загадки (к этому нас подготавливает метафорический, притчевый язык). Вероятно, в «Слове» проступают те типологические черты в истории поэтики, связанные с ее стадийным развитием, которому присуща диалектическая сменяемость фаз. В данном случае «Слово» может принадлежать парадигме сменяемости/переходности от Киевской литературы к Владимиро-Суздальской (или, в привычной периодизации: от домонгольской к литературе монгольского нашествия); типичная трансформация встречается, например, в переходном периоде от античной литературы к ранневизантийской поэтике [1, с. 134–155].

Анализ «Слова» и сопутствующих ему контекстов позволяет выяснить, что оно связано со временем правления Андрея Боголюбского, вокруг которого собирались люди, попавшие в нужду и рассчитывающие на его поддержку. В «Слове» содержится жанровое решение манифестации самодержавной княжеской власти. Вследствие этого «Слово», как любое риторическое послание, полижанрово (синтетично) и полиинтенционально. Кроме возвеличивания и апологезы княжеского самодержавия, которое утверждается иногда по контрасту за счет самоуничижения и критического отношения к боярству, второй, весьма значимой задачей «Слова» автора является привлечение внимания к авторским способностям (автобиографизм) с помощью демонстрации нарочитой мудрости и начитанности, что, в свою очередь, может быть сделано с целью поступить на службу, характеризуемой как жертвенное вручение себя без остатка. Такое самоотречение характерно для пассионарных личностей времени начала становления централизованного государства, предпосылки которого приходятся на конец XII века, время зарождения Северо-Восточной Руси с центром во Владимире. Стилистический и жанровый синкретизм, характерный для литературы переходных периодов, дискредитирует с небольшой долей пародийности жанровую канву «Слова», делает его непохожим на все, что было в жанровой традиции до него, вместе с тем вытраивая новые взаимоотношения автора и реципиента, автора и адресата, создавая новую мировоззренческую интенцию, принципиально относящуюся к самоотреченному служению. Таким образом, «Слово Даниила Заточника» – это своего рода резюме интеллектуала (писца либо поэта), специально стилизуемое под юродство не без примеси скоморошества, на соискание вакансии на службу, высвечивающее себя в выгодных условиях, позволяющих автору пройти

обряд инициации на княжескую лояльность и профессиональную пригодность, по этой причине облеченное в форму политического манифеста княжеского самодержавия XII века.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 480 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 4: (XII век). – СПб.: Наука, 1997. – 687 с.
3. *Будовниц И.У.* Памятник ранней дворянской публицистики // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1951. – Т. 8. – С. 138–157.
4. *Гончаров А.И.* Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 92–102.
5. *Гуссов В.М.* Историческая основа Моления Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1949. – Т. 7. – С. 410–418.
6. *Данилевский И.Н.* Восприятие свободы/несвободы в домонгольской Руси // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2013. – № 15 (158). – Вып. 27. – С. 78–83.
7. *Истрин В.М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.): учеб. пособие для студ. филол. специальностей вузов / под ред. О.В. Никитина. – М.: Академия, 2003. – 384 с.
8. *Карпов А.Ю.* Андрей Боголюбский. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 462 с.
9. *Лихачев Д.С.* Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1954. – Т. 10. – С. 106–119.
10. *Лотман Ю.М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1993. – Т. 3. – С. 345–355.
11. *Радь Э.А.* Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 94–98.
12. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. – М.; Л.: Наука, 1966. – 240 с.
13. *Семенченко Г.В.* Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1989. – Т. 42. – С. 241–254.
14. *Скрипиль М.О.* «Слово Даниила Заточника» // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1955. – Т. 11. – С. 72–95.
15. *Тихомиров М.Н.* «Написание» Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1954. – Т. 10. – С. 269–279.
16. *Туминская О.А.* Энтелехия юродства в русской культуре Средневековья // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 2. – № 4. – С. 220–228.
17. *Шевырев С.П.* История русской словесности, преимущественно древней // Шевырев С.П. Об отечественной словесности / сост., вступ. ст.,

коммент. В.М. Марковича. – М.: Высшая школа, 2004. – С. 204–224.

References

1. *Averincev S.S.* Poetika rannevizantijskoj literatury. – SPb.: Azbuka-klassika, 2004. – 480 s.
2. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi.* – T. 4: (XII vek). – SPb.: Nauka, 1997. – 687 s.
3. *Budovnic I.U.* Pamyatnik rannej dvoryanskoj publicistiki // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1951. – T. 8. – S. 138–157.
4. *Goncharov A.I.* Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. ZHurnalistika. – 2004. – № 1. – S. 92–102.
5. *Gussov V.M.* Istoricheskaya osnova Moleniya Daniila Zatochnika // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1949. – T. 7. – S. 410–418.
6. *Danilevskij I.N.* Vospriyatie svobody/nesvobody v domongol'skoj Rusi // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 15 (158). – Vyp. 27. – S. 78–83.
7. *Istrin V.M.* Ocherk istorii drevnerusskoj literatury domoskovskogo perioda (XI–XIII vv.): ucheb. posobie dlya stud. filol. special'nostej vuzov / pod red. O.V. Nikitina. – M.: Akademiya, 2003. – 384 s.
8. *Karpov A.YU.* Andrej Bogolyubskij. – M.: Molodaya gvardiya, 2014. – 462 s.
9. *Lihachev D.S.* Social'nye osnovy stilya «Moleniya» Daniila Zatochnika // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1954. – T. 10. – S. 106–119.
10. *Lotman YU.M.* «Dogovor» i «vruchenie sebya» kak arhetipicheskie modeli kul'tury // Lotman YU.M. Izbrannye stat'i: v 3 t. – Tallin: Aleksandra, 1993. – T. 3. – S. 345–355.
11. *Rad' E.A.* Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. ZHurnalistika. – 2011. – № 2. – S. 94–98.
12. *Romanov B.A.* Lyudi i nrawy Drevnej Rusi: Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv. – M.; L.: Nauka, 1966. – 240 s.
13. *Semenchenko G.V.* Drevnejshie redakcii zhitiya Leontiya Rostovskogo // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1989. – T. 42. – S. 241–254.
14. *Skripil' M.O.* «Slovo Daniila Zatochnika» // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1955. – T. 11. – S. 72–95.
15. *Tihomirov M.N.* «Napisanie» Daniila Zatochnika // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1954. – T. 10. – S. 269–279.
16. *Tuminskaya O.A.* Entelekhiya yurodstva v russkoj kul'ture Srednevekov'ya // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. – 2011. – T. 2. – № 4. – S. 220–228.
17. *Shevyrev S.P.* Istoriya russkoj slovesnosti, preimushchestvenno drevnej // Shevyrev S.P. Ob otechestvennoj slovesnosti / sost., vstup. st., komment. V.M. Markovicha. – M.: Vysshaya shkola, 2004. – S. 204–224.

ПОЭТИКА ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Е.И. КОСТРОВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Творчество Е.И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII века» № 17-04-50062-ОГН

В статье рассматривается пространственно-временная организация произведений Е.И. Кострова, выявляются особенности, отражающие эволюцию его творчества. Автор статьи анализирует оды и эпистолы Е.И. Кострова, так как именно эти жанры были самыми устойчивыми в системе классицизма. Анализ художественного времени и пространства поэзии Е.И. Кострова раскрывает эволюцию его творчества в контексте литературного процесса переходной эпохи последней трети XVIII века. Поэт в произведениях, посвященных близким по духу современникам – А.В. Суворову и Г.Р. Державину, – отказывается от «готового» риторического слова и обращается к выражению индивидуально-личностных переживаний. В его одах и эпистолах звучат характеристики конкретных особенностей личности или творческих открытий адресатов произведений, отражаются автобиографические факты. Это соответствует общему движению литературного процесса переходной эпохи последней трети XVIII века.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, классицизм, жанровое мышление, художественное пространство, переходные явления в литературном процессе, традиции и новаторство в литературе.

Творчество Е.И. Кострова разнообразно в жанровом отношении. Несмотря на то, что большая часть его произведений – это приветственные торжественные оды «на случай», поэт является автором эпистол, послания, идиллии, эклоги, переложения псалма, станса, мадригала, новогодних (эонических) стихотворений, басен, анакреонтической и философской лирики. Кроме того, некоторые произведения автор обозначает как «стихи» или «песнь», по своей родовой природе они, как правило, сочетают элементы различных жанров: похвальной оды, эпистолы, элегии, анакреонтического стихотворения. Как верно отмечал Г.А. Гуковский, история литературы видит в Е.И. Кострове «фигуру выразительную, свидетельствующую о значительных художественных процессах, протекавших в русской литературе 1770–1780-х годов» [3, с. 462], поэтому анализ пространственно-временной организации поэзии Кострова позволяет раскрыть ведущие тенденции, характерные для всей русской литературы последней трети XVIII века.

В данной статье рассматривается пространственно-временная организация произведений Е.И. Кострова ведущих для классицизма жанров – оды и эпистолы, выявляются особенности, отражающие эволюцию его творчества в контексте литературного процесса переходной эпохи последней трети XVIII века, характеризующегося постепенным отказом от «готового» риторического слова и обращением к выражению индивидуально-личностных переживаний.

Для русской торжественной оды как ведущего жанра классицизма, тесно связанного с идеологией абсолютизма, традиционным является хронотоп, воссоздающий мифологему непреходящего «золотого века». Характерными приемами становятся: восхождение одического певца в «высшие» сфе-

ры – «на Парнас», парение и панорамный взгляд на деяния монарха «вне времени и пространства»; мотив преобразования пространства в связи с деятельностью или же простым присутствием восплаемого в оде субъекта; тоpos исторической преемственности монархов на троне, создающий иллюзию бесконечности благих деяний российских правителей.

В одах Е.И. Кострова присутствуют все эти приемы. Одна из ранних од «На всерадостный день коронации Екатерины II» (1778) открывается вступлением, в котором лирический герой обращается к Музе, находящейся на вышине «священных гор» [4, с. 5], и именно оттуда раздаются звуки, возвещающие о радости всей российской державы. Ода «На день рождения Екатерины II» (1779) открывается строками: «Парнасским пламенея духом, / Отверзу к пению уста: / Вы радостным внимайте слухом – / Земля и горние места» [4, с. 24], указывающими на точку зрения лирического героя, возвышающуюся над обыденным миром, позволяющую вещать для «горних мест».

Не отказывается от подобных приступов Е.И. Костров и в одах середины 1780-х годов, хотя его восхитила «Фелица» Г.Р. Державина, в которой автор отказался от приема «парения» и «не седлает парнаска бегунца» [4, с. 111]. Сам же Е.И. Костров, приветствующий новаторские приемы своего современника, не спешит отказаться от традиционного приема. Ода «На прибытие Ея Императорского Величества в Москву» (1785) открывается приступом, указывающим на традиционное для классической оды возвышение одического певца над миром:

Благовествуй, о Муза, радость!
Внезапный устреми полет:
Внезапна весть восторга сладость
В сердца московских чад лиет...

Все нашему веселью внемлет,
Все очи в высоту подъемлет
И в новых зрит себя лучах [4, с. 78].

Кроме топоса «возвышения над миром» Е.И. Костров использует здесь и топос «внезапного восторга», сформировавшийся в ломоносовской оде, вспомним, например начало оды «На взятие Хотина 1739 года» М.В. Ломоносова: «Восторг внезапный ум пленил, / Ведет на верьх горы высокой» [5, с. 61].

Даже отказываясь от традиционной десятистрочной одической строфы в одах второй половины 1780-х годов и адресуя свои оды уже не венценосным особам, а видным государственным и церковным деятелям, Е.И. Костров все-таки не считает возможным отказаться от приема «восхождения на Парнас» и привычного топоса «внезапного восторга». Так, во вступлении к оде «На день рождения Михаила Матвеевича Хераскова» читаем: «Позволь, Херасков, мне в сей день, тобою чтимый, / Оставя дол, лететь Парнасса в высоту...» [4, с. 121], в приступе к «Оде Преосвященнейшему Платону в день тезоименитства» звучат строки:

Что венценосных Нимф соборы,
Оставя злак Темпейских мест,
Стремятся на Фессальски горы,
Возвышенны до самых звезд,
Где их язык вещает радость,
Уста лиют небесну сладость? [4, с. 158]

Приступ «Оды его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому» воссоздает ситуацию «внезапного восторга»: «Но тем же громом я, внезапно возбужден, / В восторге зрю себя усердию понятном...» [4, с. 146], а молниеносное перемещение взора лирического героя от ошеломительных побед полководца к изображению его нравственных качеств и восхищению его литературными занятиями воспроизводит характерную для оды панорамную точку зрения.

«Общим местом» одических текстов Е.И. Кострова становится мотив преобразования пространства в связи с появлением или присутствием восхваляемого объекта, восходящий к основной государственной мифологеме абсолютизма – идее о монархе-демиурге, творящем из хаоса и мрака свет и гармоничный космос. В оде Е.И. Кострова «На день рождения Екатерины II» (1781) мотив преобразования пространства объединяется с идиллическим топосом: речь, взгляд, движение одической героини повсюду вызывают ликование в природе:

Речет: бесплодные пустыни
Преобратятся в вертоград,
Градов прекрасные твердыни
От недр земных восстать спешат...
Под кроткими Ея стопами
Одевшись луга цветами
Струи нектарные лиют [4, с. 55].

Характерно то, что мотив преобразования пространства звучит не только в одах, адресованных представителям правящей династии, но и в оди-

ческих текстах, посвященных видным государственным деятелям. Так, в «Оде графу Захару Григорьевичу Чернышёву на случай его вступления в правление Москвы» читаем: «Где были терния колючи / И мрачны носились тучи, / Там розы днесь цветут, там чистый блещет свет...» [4, с. 131–132].

Значимой в одах Е.И. Кострова становится космологическая мифологическая идея повторения благих деяний Петра I в деяниях его потомков, что является залогом непрерывного течения «златых времен». Приведем некоторые показательные примеры из од Е.И. Кострова, посвященных дням рождения членов царской семьи. Так, в «Оде на всерадостный день коронации Екатерины II» (1778) читаем: «Но кто сии при Ней толь млады? / Какая нежная чета? <...> / То мудрый Павел и Мария, / Твоей надежды столп, Россия!» [4, с. 11]. В оде «На день рождения Екатерины II» (1779) присутствуют картины вечного блаженства, пришедшего в мир с рождением Екатерины, и здесь же упоминается о наследниках: Павле и Александре. Тот же мотив – в оде «На рождение Александра Павловича» (1778), обращенной к Екатерине: «Твоих благодеяний реки / Текут, и будут течь вовеки. / Твой в Павле дух, и дух его / Во Александре воцарится, / И тако вечно утвердится. / И что дражае нам сего?» [4, с. 23]

Стоит заметить, что мотив продолжения «златых времен» в потомках Екатерины становится своеобразной «визитной карточкой» од Кострова и нередко композиционно завершает оду. Соблюдая узаконенный М.В. Ломоносовым принцип «лирического восторга», согласно которому финал оды «не должен быть ни в коем случае “замкнутым” и создавать какую бы то ни было иллюзию завершенности/исчерпанности темы» [6, с. 131], Костров при помощи топоса исторической преемственности направляет художественное время-пространство оды в бесконечность.

Е.И. Костров, таким образом, на протяжении всего творческого пути создает торжественные оды, в которых ведущей становится возвышенная, панорамная точка зрения лирического героя; сквозными в его одах, посвященных Екатерине II и ее потомкам, оказываются: мифологема «золотого века», мотив преобразования пространства и топос исторической преемственности монархов на российском престоле. В одах, адресованных не представителям правящей династии, а государственным, церковным деятелям и меценатам, Е.И. Костров не отказывается от традиционного для торжественной оды хронотопа воспарения одического певца над миром и топоса «внезапного восторга», использует мотив преобразования пространства.

В то же время в одах, не связанных с государственно значимыми «случаями», Е.И. Костров иногда отходит от привычного канона. К.Г. Бронников

отметил, что в период с 1783 по 1792 года «ода Кострова усваивает манеру “домашнего тона”, мотивы простоты и интимности», этот период характеризуется близостью художественных позиций Кострова творчеству Г.Р. Державина [2, с. 30–31].

Уже упомянутая выше «Ода его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому» (1789), с одной стороны, ориентируется на одический канон, предполагающий панорамный, стремительно перемещающийся в пространстве взгляд лирического героя. С другой – в оде возникают конкретные картины, создающие индивидуализированный образ одического героя. Так, в оде Е.И. Кострова, еще задолго до державинского «Снегиря», возникает образ А.В. Суворова, сочетающего в себе одновременно и героический облик великого полководца, и черты простого, отнюдь не величественного человека, чуждающегося роскоши и лести. На фоне традиционных для героико-патриотической оды восторгов по поводу грандиозных побед упоминаются и конкретные качества личности Суворова, и его домашние привычки. Автор оды восхищается тем, что великий вождь русской армии «Любим подвластными, их попечитель нужд, / Труды являет им как некия забавы» [4, с. 148]. Здесь мы видим индивидуализацию в создании образа одического героя. Такие качества Суворова, как забота о простом солдате и его нуждах, – вовсе не фантазия автора. Подчеркивается и любовь Суворова к искусствам. Если в военном деле он ужасен для врагов и является образцом твердости духа для российских полков, то «среди лика чистых Муз» он «с ласковым и радостным лицом» внимает их песням. «Почтен седидами, среди шума, среди войны» Суворов искусно «уловляет» минуты для наук: «С цветами тишины / Ты лавры сопрягаешь» [4, с. 149]. Упоминается и о труде Суворова, призванном обучить военному искусству молодое поколение: «К младенцам ты, как быть героем, пишешь» [4, с. 149]. Чувствуется, как меняется эмоциональная тональность оды. «Гремящий звук», провозглашающий хвалу герою-победителю, сменяется более искренними интонациями. Е.И. Костров, изображая своего героя в повседневных трудах, использует более простой и естественный тон, разрушая единство лирического восторга классицистической оды. В попытке лирического героя вести непосредственную беседу с адресатом звучит «домашний» тон:

О! если б мне твой дух – и легкое перо,
Изобразил бы я... судьба не так решила:
Вития слабый я, усердие лишь быстро,
Усердие быстро, изнемогает сила [4, с. 149].

Показательно в данном отрывке многообразие, заменяющее фантастические воображаемые картины, призванные поддерживать парящие интонации оды. Можно увидеть в анализируемом произведении близость к художественной позиции Г.Р. Державина, введшего в свои оды картины повсед-

невной жизни, конкретику деталей в противовес абстрактности и схематичности классицистических образов.

Рассмотрим пространственно-временную организацию произведений Е.И. Кострова, созданных в жанре эпистолы.

Эпистолы, послания, стихотворные письма – родственные жанры, общей особенностью которых является диалоговая природа, обращение к адресату. Эпистола, как отмечает С.Ю. Артемова, «ориентирует преимущественно на общезначимую тематику и условную аудиторию», а стихотворное письмо – это «стихотворение на частную тему, понятную кругу конкретных адресатов: поэтов, знакомых, специалистов в какой-либо области» [1, с. 177]. Пространственно-временная организация в жанре эпистолы ориентируется на ситуацию абстрактного диалога в некоем идеальном пространстве, лишенном каких-либо указаний на конкретное место и время. Письмо, как правило, ориентировано на более конкретную ситуацию, связано с конкретными целями автора, обращающегося к адресату с просьбой или похвалой по конкретному случаю. Однако в целом, как замечает В.Н. Топоров, между эпистолой, письмом и посланием четкого теоретически обоснованного разделения не существовало, «в русской поэзии немало примеров относительно безразличного употребления обозначений текстов этих разновидностей» [7, с. 661].

Е.И. Костров является автором «Эпистолы на день восшествия на престол Екатерины II» (1780 года), «Эпистолы на взятие Измаила» (1791) и «Письма к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы» (1783). В эпистоле, адресованной Екатерине II, меняется – по сравнению с одой – точка зрения лирического героя, отсутствует ситуация воображаемого восхождения на Парнас, поэт предаётся своим размышлениям, сидя на берегу Балтийского моря: «Восторгами объят и предан сладкой неге, / Сидя в безмолвии на гордом Бельта бреге, / О божествах земли священных мыслей полн...» [4, с. 89] Восторженная песнь в адрес монархии звучит не с горней высоты, а «из глубины души» [4, с. 89]. Можно отметить в этой эпистоле некоторую конкретику в перечислении реальных завоеваний и преобразований русской монархии: «И буйный Херсонес стал дней весенних тише»; «Рекла: не буди раб, Отечества будь сын, / Герой, любитель Муз, похвальный гражданин... Будь добрый человек, пороков убегай / И Матерью меня отныне называй» [4, с. 91]. Однако в большинстве случаев автор остается в рамках абстрактной поэтики классицизма, избегая конкретизации места и времени. Даже факт реального присутствия поэта на берегах Балтики может быть подвергнут сомнению, так как воссозданные в эпистоле картины природы играют символическую роль: чудесное преображение грозной стихии в идиллический пейзаж

призвано показать великие свершения Екатерины, несущей счастье, тишину и спокойствие россиянам.

«Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы» воссоздает хронологическую ситуацию диалога с современником, своими эстетическими открытиями оказавшимся понятным и близким автору послания. Упомянуты такие достижения Державина, как отказ от привычного для оды «парения», умение создать живописные поэтические натюрморты и пейзажи. Знаменательно, что в послании, где отмечаются открытия «певца Фелицы» в области поэзии, Костров позволяет и себе поэтические эксперименты, отходя от классицистической абстрактности и риторичности образов, смешивая «высокое» и «низкое», включая в текст разговорные выражения и автобиографические мотивы, экспериментируя с ритмикой и строфикой.

Примером автобиографизма могут служить строки, в которых поэт упоминает об основной теме своих произведений – прославление русской монархии («По звучной арфе я перстами пребегал, / Киргизкайсацкую царевну прославлял»), о холодности, с которой встречались его оды («Хвалы холодные лишь только получал»), о лести, которую расточали в адрес университетского стихотворца окружающие, и о забвении, ожидающем его как сочинителя вышедших из моды парящих од («Стихи мои там каждый славил, / Мне льстил, себя чрез то забавил, / Теперь в забвении лежать имею честь» [4, с. 113–114]). Костров вводит в свое похвальное послание иронию, размышляя о создателях традиционных одических панегириков: «Наш слух почти оглох от громких лирных тонов, / И полно, кажется, за облака летать, / Чтоб, равновесия не соблюдя законов, / Летя с высот, и рук и ног не изломать» [4, с. 113].

Мы видим, что в первом же отклике на державинское новаторское произведение Е.И. Костров выступает как ценитель и продолжатель открытий «певца Фелицы», разрушает абстрактный хронологический жанр классицистического послания, отказывается от «готового» риторического слова и передает свое индивидуальное, личное восприятие державинского произведения.

В «Эпистоле на взятие Измаила», адресованную А.В. Суворову, мы видим характерную для торжественной оды ситуацию восторга, стремительного полета возвышающегося над обыденностью взгляда лирического героя, свободно перемещающегося от описания сражений к изображению мирных дней и благодарных герою соотечественников. Однако в самом финале Е.И. Костров, обращавшийся на протяжении всего произведения к А.В. Суворову от лица всей нации, разрушает привычный для классицизма абстрактный хронологический топ, переходя на «домашний тон», свидетельствующий о близких, дружественных отношениях автора послания и адресата:

Умеешь побеждать, люби побед награду,
Прочти с улыбкою миролюбива взгляду,
Я удостоюся таких тогда похвал,
Как будто бы и я турецку крепость взял [4, с. 156].

Национально значимая победа под Измаилом не просто сопоставляется с таким же значимым для всей нации литературным трудом, что было бы естественно для поэта-классициста. Осознание важности своего литературного труда должно прийти к поэту благодаря одобрению его творения одним человеком – А.В. Суворовым. Здесь мы видим отход от обобщенной позиции поэта-классициста и обращение к индивидуально-личностному эмоциональному опыту.

Как можно убедиться, в произведениях, посвященных А.В. Суворову, Е.И. Костров выступает как представитель новой эстетической эпохи, отталкивающийся от «готового» слова и создающей возможности раскрыть индивидуальные черты как лирического героя, так и адресата. При этом Е.И. Костров выражает свой личностный взгляд в крайне редких случаях, например в обращении к Суворову, в котором он видит равного себе человека, простого в общении как с именитыми вельможами, так и с солдатами.

Таким образом, в пространственно-временной организации традиционных для классицизма жанров – од и эпистол – выявляется ориентация Е.И. Кострова на эстетические поиски, но готовность автора на те или иные эксперименты зависит от конкретной ситуации, с которой связано написание произведения, и адресата. Если речь идет о событии общественного значения, а объектом восхваления становится монархия, Е.И. Костров остается в рамках официальной поэтики классицизма. В торжественных одах его, независимо от года создания, сохраняются топоры «восхождения на Парнас», «внезапного восторга», наступившего и непреходящего «златого века», исторической преемственности монархов на троне, панорамная точка зрения, позволяющая лирическому герою стремительно перемещаться в пространстве и времени. В эпистолах остается существенной абстрактная хронологическая ситуация диалога в некоем идеальном пространстве-времени, лишенном каких-либо указаний на конкретное место и время. Однако если возникает возможность непосредственного общения с объектом похвалы в оде или адресатом послания, представляющимися автору близкими по духу, Е.И. Костров отходит от традиций, включает в свои произведения личный взгляд на своих современников, в частности на А.В. Суворова, свое индивидуальное восприятие творчества Г. Р. Державина. Все это свидетельствует, с одной стороны, о значимости жанрового мышления для Е.И. Кострова и инертности утвердившихся традиций поэтики классицизма в русской литературе последней трети XVIII столетия, с другой стороны – о несомненном проникновении в сознание по-

этой переходной эпохи нового эстетического мышления, ориентированного на выражение личных, индивидуально значимых взглядов и чувств.

Библиографический список

1. *Артемова С.Ю.* Послание стихотворное // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. – С. 177–178.
2. *Бронников К.Г.* Поэт осмнадцатого столетия. Творческий путь Е.И. Кострова. – М.: Прометей, 1997. – 80 с.
3. *Гуковский Г.А.* Костров // История русской литературы: в 10 т. Т. 4: Литература XVIII века. Ч. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 462–472.
4. *Костров Е.И.* Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова: в 2 ч. Ч. 1. – СПб.: Императорская типография, 1802.
5. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. – Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1986. – 558 с.
6. *Пащуков А.Н., Разживин А.И.* История русской литературы XVIII века: в 2 ч. Ч. 1. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 408 с.
7. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: введение в творческое на-

следие. Кн. 2. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 928 с.

References

1. Artemova S.YU. Poslanie stihotvornoe // Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij. – М.: Izd-vo Kulaginoj: Intrada, 2008. – S. 177–178.
2. Bronnikov K.G. Poet os'mnadcatogo stoletiya. Tvorcheskij put' E.I. Kostrova. – М.: Prometej, 1997. – 80 s.
3. Gukovskij G.A. Kostrov // Istoriya russkoj literatury: v 10 t. T. 4: Literatura XVIII veka. CH. 2. – М.; Л.: Izd-vo AN SSSR, 1947. – S. 462–472.
4. Kostrov E.I. Polnoe sobranie vseh sochinenij i perevodov v stihah g. Kostrova: v 2 ch. CH. 1. – SPb.: Imperatorskaya tipografiya, 1802.
5. Lomonosov M.V. Izbrannye proizvedeniya. – L.: Sov. pisatel': Leningr. otd-nie, 1986. – 558 s.
6. Pashkurov A.N., Razzhivin A.I. Istoriya russkoj literatury XVIII veka: v 2 ch. CH. 1. – М.: Flinta: Nauka, 2017. – 408 s.
7. Toporov V.N. Iz istorii russkoj literatury. T. 2: Russkaya literatura vtoroj poloviny XVIII veka: Issledovaniya, materialy, publikacii. M. N. Murav'ev: vvedenie v tvorcheskoe nasledie. Kn. 2. – М.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 928 s.

ЭКСЦЕНТРИЧНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В РОМАНЕ ДИККЕНСА «ДЭВИД КОППЕРФИЛЬД» И МОТИВ ПРЕДЧУВСТВИЙ

Роман становления «Дэвид Копперфильд» Чарльза Диккенса примечателен внутренней организацией, обнаруживающей литературную манеру автора. «Романы-фельетоны» Диккенса демонстрируют продуманное единство содержания и формы, что позволяет говорить о существовании общих компонентов, составляющих эти произведения. Как отмечалось в литературоведении, единый тон всем романам Диккенса придает особый «налет» «фантастического». Значимость концепта «фантазии» для творчества данного писателя-реалиста позволяет обратить внимание на важнейшую структурную компоненту, отмеченную «фантастичностью» и присутствующую, в частности, в романе «Дэвид Копперфильд»: на так называемые «моменты предчувствий», переживаемые персонажами. Предчувствия, какими бы невероятными они ни казались при первом упоминании, нередко оправдываются по ходу действия. Анализ эпизодов, связанных с предчувствиями героев – как реализовавшимися, так и ложными, – а также содержащих «фантастические» (сказочные, эксцентричные, театрализованные) портреты, позволяет продемонстрировать, в чем конкретно выражается индивидуальная манера диккенсовского письма.

Ключевые слова: «Дэвид Копперфильд», фантазия, эксцентричность, предчувствие, роман-фельетон, сказочность, театральность, литературный стиль.

Роман Диккенса «Дэвид Копперфильд» (май 1849 – ноябрь 1850) – это роман воспитания (Bildungsroman), который является автобиографией заглавного героя, где зафиксированы не только этапы становления Дэвида как «человека, вырабатывающего характер» (“training to be himself a man of character”), но и этапы его становления как писателя, проницающего характеры других людей и способного создать ярких героев [10, с. 784].

Кроме того, «Дэвид Копперфильд» – это еще и роман-фельетон, где прерывистость фельетонной формы сочетается с жанром романа, запечатлевшем «длящуюся историю». Для того чтобы сохранить интерес читателей, каждый ежемесячный выпуск романа-фельетона должен был быть привлекательным для них, интригующим, что требовало от автора использования особых приемов повествования и особого литературного стиля. В российском литературоведении Д.М. Урнов характеризовал этот стиль как «эссеистический»: «стилистическая традиция, на которую опирался Диккенс, – эссеизм – английский, умение “коснуться до всего слегка” – традиция, малоразвитая в Германии и практически не существовавшая в России» [4, с. 489]. Английские и американские исследователи творчества Диккенса указывают также на сказочную манеру диккенсоновского повествования, на умение писателя создавать атмосферу загадочного и фантастического [11]. Диккенсовскую фантастичную декоративность отмечали и наши отечественные исследователи: «диккенсовский “мир” – декоративен, как сценическая площадка, отражающая действительность и вместе с тем совершенно отграниченная от нее» [4, с. 483].

Таким образом, реалист-Диккенс уделял небольшое внимание «фантазии» (fancy) как эстетической

категории, которая в английской эстетике обрела особую популярность в XVIII в., затем была отодвинута на второй план романтиками, отдававшими предпочтение «менее иллюзорному» «воображению» (imagination), а затем была снова оживлена сказочниками и поэтами викторианской эпохи [9].

Литературоведы неоднократно подчеркивали, что все свои произведения Диккенс писал с налетом фантазии, и повседневную реальность он изображал через посредство «фантастического», сказочного, неправдоподобного: «Все, что он написал, он пропустил через призму фантазии <...> именно так ему виделся мир действительно существующий – и вместе с тем трансформированный, по-мирски обыденный – и в то же время преображенный» [11, с. 70].

В.Б. Шкловский рассматривал сочетание загадочного и реального в повествовании Диккенса, акцентируя внимание на особых моментах «узнавания», несущих в себе «раскрытие тайны». В то время как повествование в романе могло ввести читателей в заблуждение относительно будущих происшествий и словно подготавливало эту ошибку, факт случившегося «узнавания» расставлял всё по местам, ибо «прозрение обладает этической стороной» [7, с. 250]. В частности, Шкловский отмечал: «ложная разгадка – истинная разгадка и составляет технику организации тайны; момент перехода от одной разгадки к другой есть момент развязки» [7, с. 150]. Согласно Шкловскому, литературный метод Диккенса основывается на том, что он создал определенную формулу, «обновив роман с узнаваниями и тайнами» [6, с. 262]: «Мировоззрение писателя, умение его восстанавливать различие в обыденном, давать конкретные видения и добираться до сущности вещей у Диккенса останавливается на удивлении» [6, с. 323].

Здесь, исследуя стиль Диккенса, мы будем отталкиваться от английской эстетики «фантастичного», которая окрашивает многие эпизоды романа «Дэвид Копперфильд», связанные с суевериями, приметам и предчувствиями героев. В центре нашего внимания – «моменты предчувствий». С одной стороны, это переживания и мысли героев романа, пытающихся предвосхитить будущее (образный уровень). С другой стороны, это фрагменты романа, в которых предчувствия описаны, подтверждены или опровергнуты (уровень текста). Если предчувствие героя оправдывается, то можно сказать, что герой получил опыт узнавания. Однако многие предчувствия в «Дэвиде Копперфильде» оказываются всего лишь заблуждениями, пустыми фантазиями героев, которые не оправдываются.

Описывая множество предчувствий – как верных, так и ошибочных, – Диккенс вырабатывает свою индивидуальную манеру повествования, свой стиль. Под стилем мы здесь подразумеваем литературоведческую категорию, которая в российском литературоведении традиционно понимается как некое «известное целое, выражающееся в особенностях художественной речи, композиции, сюжета и т. п. (но не сводимое к ним), как единая устремленность, проникающая все частности» [2, с. 13]. Стиль есть «подчиненность текста эстетической идее, которая сообщает единство всем компонентам произведения и окрашивает своим присутствием разные пласты художественной формы: от речевого (например, система опорных слов) до композиционного (опорные мотивы и формы изображения)» [5, с. 13].

Что касается опорного термина «фантазия» (*fancy*) и однокоренных с ним слов (например, «фантастический» – *fanciful*), то в романе «Дэвид Копперфильд» они употребляются многократно (хотя в русских переводах часто заменяются иными словами или вовсе опускаются). Для наглядности приведем несколько примеров. «Они [книги] не давали потускнеть моей фантазии» [1, с. 53] (*The [books] kept alive my fancy*) [8, гл. IV]; «Мне почудилось, что этот человек похож на некое мстительное существо, которое перевешало всех своих врагов и теперь радуется и веселится» [1, с. 158] (*I fancied that he looked like a man of a revengeful disposition, who had hung all his enemies, and was enjoying himself*) [8, гл. XIII]; «Мне как будто помогала переносить созданная моей фантазией картина – образ моей юной матери» [1, с. 165] (*I seemed to be sustained and led on by my fanciful picture of my mother in her youth*) [8, гл. XIII]; «Но теперь вокруг была тьма, и от этого буря стала еще ужаснее» [1, с. 668] (*But there was now a great darkness besides; and that invested the storm with new terrors, real and fanciful*) [8, гл. LV; дословно: «еще реальнее и вместе с тем фантастичнее»].

Диккенс использует и синонимы слова «фантастичный». Согласно Большому Оксфордскому

словарю английского языка (*the Oxford English Dictionary*), к синонимам слова «*fanciful*» (фантастичный) в XIX в. относились, как и в наше время, следующие слова: «*whimsical*» (причудливый), «*dreamy*» (сказочный), «*daydreaming*» (мечтательный), «*chimerical*» (несбыточный), «*head in the clouds*» (витающий в облаках), «*fantastic*» (фантастический), «*romantic*» (романтический), «*odd*» (чуждаковатый), «*imaginary*» (воображаемый), «*unreal*» (нереальный) и др. Многие из этих синонимов неоднократно фигурируют на страницах романа.

Частое обращение Диккенса к понятию «фантазия» сопровождается соответствующим образным рядом. Писатель описывает персонажей романа в сказочных тонах (малышка Эмили, Агнес Уикфилд), прибегая к элементам театральности (Стирфорд, мистер Микобер) и эксцентричности (Бетси Тротвуд, мистер Дик) [3]. При этом у Диккенса «перемещения из реального мира в мир фантастического и обратно совершаются для читателя незаметно и, во всяком случае, естественным и занимательным образом» [4, с. 489]. Действительно, в этом романе «знаки, чудеса, предсказания, чары и привидения – множество элементов и предзнаменований влиятельного невидимого мира – играют ключевую роль» [11, с. 194].

Диккенс группирует сказочные и эксцентричные образы путем описания предчувствий, посещающих героев романа. Вереница эпизодов с предчувствиями составляет своеобразный стержень повествования, а сами мгновения предчувствий выступают как некая структурная составляющая, обнаруживающая увлечение рассказчика фантастическим. Таким образом, в тексте романа реализуется индивидуальная писательская манера Диккенса.

Для иллюстрации сказанного остановимся на нескольких примерах, где мотив предчувствий (оправдавшихся и неоправдавшихся) реализован в конкретных художественных образах и связан с эксцентричными портретами персонажей.

Как пишет Диккенс, дар «предчувствовать» дан Дэвиду Копперфильду от рождения, а момент его появления на свет окутан сказочным ореолом. Дэвид рождается в пятницу в полночь. Приняв во внимание час рождения героя, не приходится удивляться, что ему было предсказано, что, во-первых, он будет несчастлив, а во-вторых, будет способен видеть привидения и духов. Дэвид-рассказчик сразу шутливо отмечает, что второе предсказание не сбылось. Однако скоро читателю станет ясно, что герой умеет «видеть духов» в переносном смысле слова: у него богатая интуиция, позволяющая «прозревать» истинную «сущность» окружающих его людей. Оправдавшееся «доброе» предчувствие Дэвида связано с фигурой его чуждаковатой двоюродной бабушки Бетси Тротвуд. Во-первых, ее эксцентричность обусловлена ее сознательным

отказом придерживаться общепринятых норм поведения среди викторианских женщин. В отличие, к примеру, от кроткой, мягкой и податливой матери Дэвида, Бетси Тротвуд представлена как «грозная особа» с весьма неуживчивым характером. Во-вторых, ее личность не лишена сказочных элементов: она внезапно появляется еще до рождения Дэвида и, как обиженная фея, также спонтанно исчезает, узнав, что рождается не девочка, а мальчик. При данных обстоятельствах можно говорить, что Диккенс использует аллюзию к сказке «Спящая красавица». Однако в отличие от злой колдуньи, представленной в сказке, Бетси Тротвуд в действительности оказывается доброй феей.

Выброшенный во взрослую жизнь, потеряв мать и надежду на будущее, Дэвид перебирает в памяти осколки прошлого и вспоминает, как при жизни мать рассказывала, что при единственной встрече с его двоюродной бабушкой ей «почудилось, будто мисс Бетси коснулась ее волос, коснулась ласковой рукою» (гл. I) [1, с. 12] (“She had a fancy that she felt Miss Betsey touch her hair, and that with no ungentle hand”) [8, p. 12].

Именно это воспоминание вызывает у него «доброе» предчувствие относительно бабушки: «Я не мог забыть, что моей матери казалось, будто она почувствовала, как прикоснулась к ее прекрасным волосам моя бабушка, прикоснулась нежной рукой» (гл. XII) [1, с. 155] (“I couldn’t forget how my mother had thought that she felt her touch her pretty hair with no ungentle hand”) [8, p. 155]. Более того, это «живое» воспоминание позволяет Дэвиду преодолеть все трудности в поисках бабушки: «Но и эту беду, и все другие беды, с какими сталкивался я во время моего путешествия, мне как будто помогала переносить созданная моей фантазией картина – образ моей юной матери перед появлением моим на свет» (гл. XIII) [1, с. 165]. Когда, отыскав бабушку, Дэвид проводит первую ночь в своем новом доме, он описывает, как ему почудилось, будто она подошла к нему и ласково глядела на него: «Быть может, то был сон, порожденный фантазией (fancy), так долго занимавшей мои мысли, но проснулся я под впечатлением, будто бабушка подошла и наклонилась надо мной, откинула мне волосы с лица, поудобнее положила мою голову и постояла рядом с диваном, глядя на меня» (гл. XIII) [1, с. 171]. Впоследствии предчувствие Дэвида оправдывается: если изначально он и побаивается мисс Бетси в силу ее непредсказуемости, то со временем он переосмысливает свое первоначальное предубеждение и постигает, что эксцентричность бабушки – не что иное, как маска, под которой скрывается ее честная и добрая натура.

Предчувствие совершенно иного толка связано у героя с образом Урии Хипа. С самой первой встречи в отношениях с Урией у Дэвида зарождаются недобрые чувства, настроенность. Еще до того,

как Урия явился взору Дэвида, герой отмечает, как увидел в окне первого этажа дома Уикфилдов некое мертвенное лицо: «в конце первого этажа... появилась и тотчас же исчезла физиономия, напоминавшая лицо мертвеца» (гл. XV) [1, с. 190]. Во всех последующих описаниях Дэвида Урия представлен как дьявольское существо, «извивающееся» подобно змею. Отвратительность змеиных повадок Урии усугубляется характеристикой его глаз, напоминающих «два красных солнца» (гл. XV) [1, с. 193]. Дэвид описывает не только ненавистную внешность Хипа, но и свои физические ощущения от соприкосновения с ним. Например, при рукопожатии Дэвид отмечает, насколько рука Урии была липкой и неприятной на вид: «Ох, какая это была липкая рука! Рука призрака – и на ощупь и на взгляд! Потом я тер свою руку, чтобы ее согреть и стереть его прикосновение!» (гл. XV) [1, с. 196], а когда Хип навязывался Дэвиду в гости, последнему казалось, будто он «приютил какую-то нечисть» (гл. XXV) [1, с. 330].

Дэвид чувствует вероломство Урии наяву и во сне. Находясь в состоянии бодрствования, герой выглядывает в окно и внезапно замечает в чертах архитектурного украшения здания, горгульи, сходство со знакомым ему лицом: «Я выглянул из окна и увидел, что одна из голов, вырезанных на концах стропил, искоса посматривает на меня; вдруг мне почудилось, будто это Урия Хип, попавший туда неведомо как, и я поспешил захлопнуть окно» (гл. XV) [1, с. 196]. В сновидениях Хип, словно кошмар, преследует Дэвида в образе пирата: «Приснилось мне, между прочим, что, спустив на воду дом мистера Пегготи, он направился в пиратскую экспедицию, причем на верхушке мачты развевался черный флаг с надписью “Руководство Тидда”, и под этим дьявольским флагом он увлек меня и малютку Эмили к Испанскому морю, чтобы там утопить» (гл. XVI) [1, с. 205–206]. Когда Урия объявляет Дэвида первым человеком, «заронившим искру честолюбия в [его] смиренную душу» (гл. XXV) [1, с. 326], Дэвид, вспомнив старые беседы с Урией о юридической карьере и о прелестной Агнес, вдруг начинает понимать, какими амбициями живет Хип и какие планы вынашивает (гл. XXV). Подсознательная нелюбовь Дэвида к Урии, плохие предчувствия не обманывают героя и в итоге полностью оправдываются.

Не вполне оправдываются добрые предчувствия Дэвида при встрече с Дорой Спенлоу, дочерью проктора, на учебу к которому Дэвид поступает по окончании школы. С первой встречи Дэвид воспринимает девушку в волшебносказочном ореоле: в его описаниях она представлена как «фея, сильфида, неземное существо». Свою влюбленность Дэвид метафорически сравнивает с погружением в море, описывая «захлестнувшие» его чувства и «растворение» в пучине любви [1,

с. 404] (“I was steeped in Dora”). Тем не менее «растворение» в любви не приносит Дэвиду счастья. Образ Доры, влекущий, чудесный и ассоциирующийся у Дэвида с райским садом его детства, постепенно омрачается. По ходу действия в описаниях Доры появляются отсылки к образу воды как к символу пагубной страсти. Но Дэвид не желает верить своим подсознательным предостережениям. Не помогают и вполне четко произнесенное предостережение бабушки, считавшей Дору не лучшей парой для своего внука: бабушка сказала Дэвиду о его «слепоте» и вспомнила, что его родной отец с раннего детства бегал за «восковыми куклами» (гл. XIII) [1, с. 172]. Только безвременная смерть Доры, уже ставшей его законной женой, заставляет Дэвида «прозреть» и признать, что причиной его неудавшегося брака послужил его собственный эгоизм, сделавший его глухим к своему внутреннему голосу.

Среди ложных, неоправдавшихся предчувствий Дэвида упомянем то, которое зародилось у героя еще в школьные годы, при посещении дома пожилого профессора Стронга и его юной супруги Анни. Каждый раз, отправляясь туда в гости в сопровождении мистера Уикфилда и его дочери Агнес, Дэвид отмечал «странную, никогда не ослабевавшую напряженность» [1, с. 208] в отношениях Анни и Уикфилда, словно Уикфилд, будучи добрым другом профессора, не доверял его юной спутнице. С течением времени эта отстраненность превратилась в настоящую пропасть. Дэвид, любивший своего наставника Уикфилда и веривший ему, тоже проникается сомнениями относительно добродетельности прекрасной Анни и признает, что «не доверял непринужденности ее манер и ее обаянию» (гл. XIX) [1, с. 244]. Дэвид утверждает в своей неприязни к юной жене Стронга, став свидетелем одной сцены: однажды Джек Мелдон, кузен Анни, отбывающий в Индию, незаметно забирает с груди молодой женщины вишневою ленту и уносит ее с собой: «с грохотом промчался мимо меня мистер Джек Мелдон, я отчетливо разглядел, что у него лицо взволнованное, а рука сжимает какой-то предмет вишневого цвета» (гл. XVI) [1, с. 212]. У Дэвида зарождаются подозрения о супружеской неверности Анни. Не имея верных тому доказательств, Дэвид не выражает открыто свои подозрения, однако отмечает, что не хотел бы видеть свою подругу детства Агнес в компании этой молодой женщины: «видя рядом с ней Агнес и думая о том, как добра и правдива Агнес, я начинал убеждаться, что эта дружба нежелательна» (гл. XIX) [1, с. 244]. Годы спустя, когда Дэвид сделался взрослым юношей, всем недобрым подозрениям, связанным с Анни Стронг, внезапно приходит конец. Думы о ее супружеской измене полностью развеиваются. Плохие предчувствия оказываются заблуждениями. Всё это выясняется

в ходе дружеской и семейной беседы, инициатором которой выступил приятель бабушки мистер Дик (гл. XLV). Выясняется, что у Джека Мелдона и Анни – полное «несходство характеров», и с ним Анни никогда не могла бы быть счастлива. Что касается мужа, профессора Стронга, то Анни его понимает и уважает – и потому ее супружеская «любовь крепка как скала и будет длиться вечно» [1, с. 564]. Став свидетелем обнаружения истинных дум и переживаний Анни и преодолев свои старые недобрые предчувствия и подозрения, Дэвид начинает понимать, на каких чувствах зиждется настоящая любовь. Словно пелена спадает с глаз Дэвида, и он наконец прозревает, догадавшись, что душой и сердцем он давно любит Агнес Уикфилд.

Мы имели возможность убедиться, что практически все персонажи романа Диккенса «Дэвид Копперфильд» описаны с некоторым налетом загадочной фантастичности. Некоторые из них ассоциируются со сказочными образами – это дивные портреты малютки Эмили, представленной прекрасной эльфийской девой, и Доры, выступающей в роли «феи, сильфиды или неземного существа». Понятие «фантастический» подразумевает также эксцентричность, чудаковатость. К таким образам относятся мисс Маучер, двоюродная бабушка Дэвида – Бетси Тротвуд, а также мистер Дик. Их эксцентричность выступает как качество, необходимое для «утверждения личной свободы героя» (an assertion of individual liberty) [10, с. 782] и представляет собой маску, под защитой которой укрыты лучшие качества героев: их нравственность и честность. В моменты откровения истинное благородство чудаков Диккенса прорывается наружу.

Еще одна группа персонажей наделена импозантными театральными жестами. Это мистер Микобер и «байронический» Стирфорт. Впечатление театральности, произведенное позерством этих персонажей, усиливается реминисценциями из трагедий Шекспира, в частности из «Гамлета» и «Макбета». Писатель вкладывает прямые цитаты из Шекспира в уста второстепенных героев. К примеру, словами Гамлета пользуется мистер Микобер, стремясь разоблачить лицемерие и двуличность Урии Хипа: «А засим я стал чахнуть, бледнеть и увядать, если осмелюсь выразиться о себе словами Шекспира» (гл. LI) [1, с. 635]. Стирфорт, замышляя свой коварный план соблазнения невинной Эмили и созерцая огонь в камине, где он угадывал то появляющиеся, то исчезающие фантастические фигуры, вдруг «как Макбет театрально восклицает: “Уж нет его – и человек я снова”» (гл. XXII) [1, с. 278]. Характеризуя главного героя – Дэвида Копперфильда, – рассказчик использует имплицитные отсылки к трагедиям У. Шекспира.

Опираясь на скрытые аллюзии, Диккенс нагнетает атмосферу близящейся «беды», катастрофы. В романе описано, как Дэвида посещает то или

иное предчувствие. Наблюдая за ходом своих мыслей и оценивая верность или ошибочность своей интуиции, оправдавшихся или неоправдавшихся в итоге предчувствий, Дэвид Копперфильд приобретает жизненный опыт, способствующий становлению его характера. Временами рассказчик включает шекспировские реминисценции в далекие воспоминания о давно ушедших днях. Пример тому – неожиданное сравнение доктора Чилиппа, принимавшего роды у матери Дэвида, с «призраком из Гамлета»: якобы доктор ступал по дому столь же тихо (гл. I) [1, с. 16]. Гамлетовские мотивы, ненавязчиво включенные в начало романа, отдаются эхом в следующих главах, где условно воскрешены фигуры вероломной матери «юного принца» и злого отчима-убийцы.

Фантастическое содержание театральных сюжетов, сказок, суеверий используется Диккенсом как комментарий к событиям реалистичной биографии английского юноши викторианской эпохи, а наиболее тесное совмещение пластов реального и фантастического приходится в романе на эпизоды, где описаны разнообразные предчувствия героев – главных и второстепенных. В этом состоит одна из характерных особенностей писательской манеры Диккенса.

Библиографический список

1. Диккенс Ч. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим: роман / пер. с англ. В. Кривцовой и Е. Ланна; послесл. Н. Михальской; коммент. Е. Ланна. – М.: Худож. лит., 1984. – 751 с.
2. Кожин В.В. Введение // Смена литературных стилей: на материале русской литературы XIX–XX вв. / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. – М.: Наука, 1974. – 386 с.
3. Потанина Н.Л. Игровое начало в художественном мире Чарльза Диккенса: дис. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 1998. – 370 с.
4. Урнов Д.М. Предметность в стиле (Диккенс) // Типология стилиевого развития Нового времени (Теория литературных стилей) / ИМЛИ РАН. – М.: Наука, 1976. – С. 473–493.
5. Халтрин-Халтурина Е.В. «Поэзия воображения» в Англии конца XVIII – начала XIX в. (стилевая динамика в эпоху романтизма): автореф. ... д-ра филол. наук. – М.: ИМЛИ, 2012. – 38 с.
6. Шкловский В.Б. Избранное: в 2 т. Т. 1. Повести о прозе: Размышления и разборы. – М.: Худож. лит., 1966. – 335 с.

7. Шкловский В.Б. О теории прозы. – М.: Федерация, 1929. – 265 с.

8. Dickens Ch. David Copperfield. – Norton Critical Editions, 1990. – XII+854 p.

9. Robinson J.C. Unfettering poetry: The Fancy in British Romanticism. – N.Y.: Macmillan, 2006. – X+301 p.

10. Saville J.S. Eccentricity as Englishness “David Copperfield” // Studies in English Literature, 1500 – 1900. – 2002. – Vol. 42, No. 4. – P. 781–797.

11. Stone H. Dickens and the Invisible World: Fairy Tales, Fantasy, and Novel-Making. – Indiana University Press, 1979. – 370 p.

References

1. Dikcens CH. Sbranie sochinenij: v 10 t. T. 6. Zhizn' Devida Kopperfil'da, rasskazannaya im samim: roman / per. s angl. V. Krivcovoj i E. Lanna; poslesl. N. Mihal'skoj; komment. E. Lanna. – M.: Hudozh. lit., 1984. – 751 s.

2. Kozhinov V.V. Vvedenie // Smena literaturnyh stilej: na materiale russkoj literatury XIX–XX vv. / In-t mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo AN SSSR. – M.: Nauka, 1974. – 386 s.

3. Potanina N.L. Igrovoe nachalo v hudozhestvennom mire CHarl'za Dikkensa: dis. ... d-ra filol. nauk. – Tambov, 1998. – 370 s.

4. Urnov D.M. Predmetnost' v stile (Dikcens) // Tipologiya stilevogo razvitiya Novogo vremeni (Teoriya literaturnyh stilej) / IMLI RAN. – M.: Nauka, 1976. – S. 473–493.

5. Haltrin-Halturina E.V. «Poeziya voobrazheniya» v Anglii konca XVIII – nachala XIX v. (stilevaya dinamika v epohu romantizma): avtoref. ... d-ra filol. nauk. – M.: IMLI, 2012. – 38 s.

6. SHklovskij V.B. Izbrannoe: v 2 t. T. 1. Povesti o proze: Razmyshleniya i razbory. – M.: Hudozh. lit., 1966. – 335 s.

7. SHklovskij V.B. O teorii prozy. – M.: Federaciya, 1929. – 265 s.

8. Dickens Ch. David Copperfield. – Norton Critical Editions, 1990. – XII+854 p.

9. Robinson J.C. Unfettering poetry: The Fancy in British Romanticism. – N.Y.: Macmillan, 2006. – X+301 p.

10. Saville J.S. Eccentricity as Englishness “David Copperfield” // Studies in English Literature, 1500 – 1900. – 2002. – Vol. 42, No. 4. – R. 781–797.

11. Stone H. Dickens and the Invisible World: Fairy Tales, Fantasy, and Novel-Making. – Indiana University Press, 1979. – 370 p.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРИЗВАНИЕ РОКАМБОЛЯ

В статье рассмотрено влияние театральной эстетики на романное творчество известного представителя французской массовой литературы второй половины XIX века Пьера Алексиса Понсона дю Террайля. Большой ценитель театра, Понсон насытил свои романы – и в первую очередь обширный цикл произведений о Рокамболе – многочисленными аллюзиями на театральные практики своего времени (прежде всего речь идет о парижских бульварных театрах). С другой стороны, сценичность является парадигматической особенностью романа-фельетона, ведущим представителем которого являлся Понсон. Особое внимание в статье уделено постановке пьесы Огюста Анисе-Буржуа и Эрнеста Блюма «Рокамболь» (1864) и тем трансформациям, которым подвергся текст романа в сценической версии.

Ключевые слова: Понсон дю Террайль, роман-фельетон, массовая литература, мелодрама, марионетка, персонаж, бульварный театр.

Что касается меня, то, несмотря на фейерверк остроумия Клодена и звонкий смех Бержеретты, я всё-таки был мрачен, как злодей какой-нибудь мелодрамы, ожидающий наказания в конце четвертого акта.
П.А. Понсон дю Террайль. Истина о Рокамболе

В автобиографической книге «Детство» (1983) известная французская писательница русского происхождения Натали Саррот вспоминает о своих читательских предпочтениях времен отрочества и, в частности, об «объемистых томах» цикла романов о Рокамболе Понсона дю Террайля: «...я ныряю, погружаюсь в него... невидимое течение увлекает меня вместе с теми, к кому я привязана всем своим несовершенным, но алчущим совершенства существом, к ним, к воплощенной доброте, красоте, изяществу, благородству, чистоте, мужеству... вместе с ними я должна встречаться лицом к лицу с катастрофами, подвергаться жесточайшим опасностям, сражаться на краю пропасти, получать удары кинжалом в спину, меня вместе с ними заточают и мучают чудовищные мегеры, мне грозит гибель... и всякий раз, когда мы уже на грани того, что я могу выдержать, когда не остается никакой надежды... происходит то самое... нам на помощь, как раз вовремя, поспевают безрассудная смелость, честь, ум...» [3, с. 211].

Отец писательницы, И.Е. Черняк, крайне скептически воспринимал увлечение дочери «Рокамболом»; для того, чтобы отговорить Наташу от чтения подобной «пошлятины», он прибегал к вполне расхожим и не во всем справедливым аргументам: «Он писал... я лично ни строки не прочел... но насколько я знаю, он писал весьма вычурными фразами... “Ее холодные, будто змеи, руки...”», это был балаганный шут, он не интересовался своими персонажами, путался, забывал их... Чтобы вспомнить своих героев, ему приходилось изображать их в виде кукол, которых он запирали в шкафах и потом доставал оттуда без разбора, наобум, поэтому через несколько глав умерший герой появлялся в

полном здравии... надеюсь, ты не станешь терять времени...» [3, с. 210].

Легенда о кукольных персонажах, которую Илья Евсеевич вспоминал ради окончательного уничтожения автора «Рокамболя», неоднократно встречается на страницах французской прессы – как при жизни Понсона (он умер от оспы 10 января 1871 г.), так и в дальнейшем. Вариант, изложенный в «Золотых плодах», – не единственный; в другой версии марионетки подвешивались на нитях, а затем по мере «устранения» героев отцеплялись. Более того, у Понсона якобы имелся специальный секретарь, в задачу которого входило исключительно манипуляции с марионетками. Потребность в таком секретаре возникла после того самого курьезного случая, который упоминается у Натали Саррот и о котором журналисты писали следующим образом: «Как-то раз... он убил одного из своих персонажей, но забыл снять его с нити. Спустя несколько дней персонаж этот снова появился на страницах романа, причем никаких подробностей относительно причин его “воскрешения” не сообщалось. На следующий день г-н Мийо (главный редактор газеты “Le Petit Journal”, где печатался Понсон дю Террайль. – К. Ч.) получил сорок писем, авторы которых требовали объяснений и угрожали отказаться от подписки; понадобилась вся изворотливость Понсона, чтобы выбраться из этой передраги» [6, с. 719].

Хотя некоторые из критиков подвергали легенду о марионетках сомнению, в ее основе лежали реальные факты. В январе 1872 года – то есть через год после кончины Понсона – газеты сообщили, что коллекция была выставлена на продажу. Благодаря этому выяснились некоторые подробности относительно марионеток: длина каждой из них

составляла 35 сантиметров, все они были одеты в разные костюмы и распределялись по группам в зависимости от романов; в общей сложности коллекция включала в себя 282 фигурки [8, с. 619].

Одна из этих марионеток копировала черты младшей сестры Понсона Гортензии, чем та страшно гордилась. Однако в один прекрасный день писатель сбросил марионетку в «братскую могилу» персонажей, что привело его сестру в ужас – та решила, что ей не миновать беды. Но всё обошлось: Гортензия пережила своего брата на 47 лет [9].

В глазах многих журналистов и литераторов история с марионетками представляла удачной метафорой «кукольности» художественного мира, порожденного воображением самого читаемого во времена Второй империи французского писателя. В самом деле, густонаселенный универсум «Рокамболя» и других сочинений Понсона дю Террайля (всего их более двух сотен) не отличается яркими, а тем более психологически углубленными образами; даже демон зла (впоследствии раскаявшийся) – Рокамболь – скорее выглядит как существенный этап эволюции романтического злодея «в сторону Фантомаса», нежели воспринимается в качестве обладающего подробно артикулированным внутренним бытием человеческого типа. Но это, собственно, и не входило в задачу писателя. «Кукольность» Рокамболя усматривалась, кроме того, в фантастической способности персонажей воскресать – даже в том случае, если в предыдущей части книги в них стреляли в упор или закалывали кинжалом. Нарративные потребности ставились Понсоном превыше всего, а забота о внешнем правдоподобии никогда не являлась сильной стороной его дарования. Напротив, свою роль как «кукловода», единоличного распорядителя судеб целого сонма героев он осознавал очень четко – и не преминул подчеркнуть ее в одном из самых примечательных своих текстов, авторефлексивном эссе «Истина о Рокамболе» (оно печаталось на страницах газеты «La Petite Presse» с 16 июля по 8 августа 1867 г.).

На наш взгляд, пресловутая «кукольность» должна рассматриваться в неразрывной связи с принципиальной театральностью художественного универсума цикла романов о Рокамболе. Собственно, здесь Понсон дю Террайль следует общей закономерности, характерной для массового чтения, но форматирует ее на свой лад. Как указывает один из самых проникательных исследователей массовой литературы Жан-Клод Варей, прием «театрализации письма» присутствует во французском популярном романе со времен Ф.Г. Дюкре-Дюминила, то есть с конца XVIII века [16, с. 217]. Та же театрализация констатирована Вареем и в ранних романах Эжена Сю [16, с. 227], а влияние Сю на Понсона дю Террайля трудно переоценить (всё в той же «Правде о Рокамболе» он очень откровенно признается в своей зависимости от «Парижских тайн»).

Можно считать парадигматической особенностью популярного романа доминирование мимесиса над диэгесисом, при внешнем элиминировании авторской инстанции; многие пассажи из произведений того же Сю выглядят именно как театральные сцены. Воспроизводятся не только слова, но и жесты, а в отдельных случаях в скобках приводятся авторские ремарки; читатель словно бы оказывается в театре. Более того, как констатирует Ж.-Кл. Варей, события в популярном романе стремятся обернуться словом – «событием становится лишь то, что воплощено в речи» [16, с. 229]. Страсть к рассказыванию сильно выражена даже у второстепенных героев, как если бы они в течение своей жизни только этим и занимались.

Все указанные черты присущи и произведениям Понсона дю Террайля и, в частности, циклу романов о Рокамболе. Он стартовал на страницах газеты «La Patrie» 21 июля 1857 года; речь шла о «первом эпизоде» цикла «Парижские драмы» под названием «Таинственное наследство». Имя Рокамболя тогда еще не фигурировало ни в названии, ни в тексте фельетона; оно впервые возникает лишь в номере газеты от 13 сентября. Главные герои «Таинственного наследства» – сводные братья-враги, Арман де Кергаз и Андреа Фелипоне; текст во многом перекликается с более ранним романом Понсона «Кулисы света» (1851–1852).

Примечательно, как обставлено первое появление Рокамболя на страницах «Таинственного наследства»: здесь он еще подросток (вначале ему двенадцать лет, но в следующей главе, по недосмотру автора, он взрослеет сразу на четыре года), приемный сын и помощник кабатчицы мадам Фипар. Вполне естественно, что появляется он именно в кабаке, однако в руках у него не посуда, а книга: «За стойкой восседал Рокамболь, читая какую-то комедию» [2, т. 1, с. 275; далее русский перевод цитируется по этому изданию]. Эта деталь (Рокамболь как homo legens) и сам жанр избранной персонажем для чтения книги в полной мере предвосхищают дальнейшую авторскую установку в отношении персонажа и заставляют усомниться в том, что изначально ему была уготована лишь сугубо второстепенная роль. Первые же поступки юного Рокамболя свидетельствуют о том, что важнейшими его качествами становятся не только чудовищный цинизм и расчетливость, но и притворство, лицедейство, игра в самом широком смысле слова. Благодаря своей изворотливости и склонности к преступлению Рокамболь становится помощником Андреа (он же сэр Вильямс); мало-помалу он «поднимается из статистов в персонажи». Вильямс, в первых двух томах романа выступающий как воплощение могущественного злого гения, в конце концов терпит крах и подвергается – стараниями прежней своей союзницы Баккара, она же графиня Артова – показательному и жестокому наказанию;

теперь он – «австралийский дикарь О’Пенни с выжженным изуродованным лицом, с отрезанным языком и выколотыми глазами» [2, т. 5, с. 240]. Но это лишь внешняя сторона дела, декоративный мелодраматический образ. Превращаясь в калеку и обретая тем самым новую маску, Вильямс отнюдь не вытесняется на периферию повествования. Напротив, он выступает как умудренный опытом, невидимый миру немой кукловод, руководящий всеми действиями Рокамболя. Последний, в полной мере унаследовавший от своего наставника демоническую силу и беспримерную жестокость, в конце концов принимает решение избавиться от обременительного присутствия Вильямса и убивает инвалида, сбрасывая его в ущелье. Можно рассматривать этот эпизод как символическую «смерть отца» и субституирование его нарративной функции «сыном». В дальнейшем эстафету лицедейства у Рокамболя перехватывает его воспитанник, бывший парижский гамен Мармузэ.

С точки зрения интересующей нас темы кажется целесообразным обратиться к не самому известному из романов цикла, который носит поэтичное название «Рыцари Лунного Света» (печатались на страницах газеты «La Patrie» с 17 апреля по 7 октября 1860 г.). Роман состоит из двух частей – «Рукопись Домино» и «Последнее воплощение Рокамболя»; само название второй части явственным образом отсылает к Бальзаку. В то же время и сам сюжет «Рыцарей Лунного Света» навеян «Историей Тринадцати», причем персонажи Понсона вполне осознанно стилизуют свое поведение под бальзаковских героев. Судьба этого романа оказалась несчастливой, причем сам Понсон констатировал этот неуспех в «Правде о Рокамболе». В результате из переизданий цикла «Рыцари Лунного Света» чаще всего изымались; наиболее полный русский перевод «Рокамболианы», выполненный в начале XX века и переизданный в начале 1990-х годов, также не включает в себя эту книгу. Так что отечественному читателю именно эта часть цикла до сих пор остается неизвестной.

В самом начале «Последнего воплощения Рокамболя» герой Понсона приходит к возглавляющему таинственную ассоциацию Рыцарей Лунного Света барону Гонтрану де Небуру и предлагает Рыцарям вступить с ним в альянс, аргументируя предложение следующим образом: «Я – один из самых необычных людей века, в который мы живем. Я был, подобно вам, хорош собой, я носил титул маркиза, владел чистокровными рысаками и породистыми любовницами, у меня имелось двести-триста фунтов ренты и особняк в предместье Сен-Жермен, и я чуть было не женился на дочери испанского гранда» [10, с. 37].

Резюмировав тем самым содержание предыдущих частей цикла (и не забыв упомянуть о своей жизни на каторге), Рокамболь переходит к самой

важной части «презентации»: дабы произвести неизгладимое впечатление на барона де Небура, он начинает демонстрировать свое выдающееся мастерство перевоплощения. За считанные минуты он последовательно передевается сначала в согбенного седовласого старца-итальянца, а затем в рыжего красномордого конюха-англичанина. Радикальным образом меняются не только внешность, но и голос, и фигура. Разумеется, барон совершенно поражен и после некоторых раздумий принимает предложение Рокамболя.

Присутствующая в этом произведении Понсона ориентация на Бальзака позволяет поставить вопрос о влиянии на автора «Рокамболианы» образа Вотрена. Его типологическая близость к Рокамболю не подлежит сомнению, причем она касается и интересующей нас театральной темы. «Вотрен – не только актёр. Он ещё и драматург, режиссёр, кукловод. К жизни он относится, как к театру» [5, с. 1050]. Как и в случае с Рокамболом, бальзаковский Жак Коллен склонен не только к переодеваниям, но и к сопутствующей им смене социолектов; «он в совершенстве владеет языком каторги, что наиболее ярко показано в последних главах “Блеска и нищеты куртизанок”» [5, с. 1050].

В романе «Проклятая гостиница», действие которого полностью разворачивается в России, Понсон употребляет в отношении Рокамболя театральный термин «se faire une tête» – «вживаться в роль». Способность персонажа принимать принципиально разные обличья, говорить на самых разных языках (от нижнебретонского до хинди, не говоря уже о русском), свободно чувствовать себя в различных социальных аудиториях неотделима от его умения совершенно магнетическим образом воздействовать на окружающих (это свойство спасает его и в критических ситуациях – см. начало цикла «Последнее слово о Рокамболе», когда уже «воскресший» в нравственном отношении герой оказывается перед лицом враждебных ему представителей парижского дна). Но и другие, менее харизматические герои книги столь же виртуозно владеют актерским мастерством – совершенно независимо от своего социального положения.

В этом отношении показателен пример из романа «Смерть дикаря». Один из второстепенных персонажей цикла, подручный Рокамболя, который носит весьма символическое имя Вантюр (усеченное «Adventure», приключение), по распоряжению своего хозяина отправляется в Испанию и совершает там злодейское убийство; однако затем Вантюр принимает решение изменить Рокамболю. Теперь, вернувшись в Париж, Вантюр должен кардинальным образом изменить свой облик, ведь встреча с Рокамболом грозит ему неминуемой смертью. Герой вначале предстает в образе английского кучера, а затем меняет имидж и передевается в парижского тряпичника. Вантюр обнаруживает не только

недожинные актерские способности, но и свою хорошую осведомленность в том, что касается парижской театральной жизни. Здесь и далее мы цитируем русский перевод с изменениями, исправляя неточности и восстанавливая существенные для понимания авторского замысла пропуски (правка выделена жирным шрифтом).

«Никто **из светской публики** не может вообразить себе, – говорил он про себя, – как полезно людям моего сорта часто ходить в театр, где можно поучиться вдоволь. Если бы я не видел Фредерика Леметра в роли тряпичника, то, конечно, не сумел бы составить себе этот приличный случаю костюм. В настоящую минуту я – самый безукоризненный артист в лохмотьях”... По этому монологу читатель, вероятно, узнал Вантюра. **Мошенник чрезвычайно к месту припомнил знаменитую мелодраму “Парижский тряпичник” и тот ошеломляющий наряд, в который облачался Фредерик Леметр по ходу этой пьесы. Он столь блистательно скопировал знаменитого актера,** что всякий мог смело принять его за типичного представителя этого ремесла» [2, т. 5, с. 158–159].

Мелодрама Феликса Пиа «Парижский тряпичник» принадлежит к числу самых знаменитых постановок столичного бульварного театра. Премьера пьесы состоялась в Театре Сен-Мартенской заставы 11 мая 1847 года. В главной роли выступил Фредерик Леметр, ранее уже снискавший громкую славу как исполнитель роли бандита Робера Макера в пьесе Бенжамена Антье, Сент-Амана и Полианта «Постоялый двор Адрэ» (1923) и пьесе тех же авторов «Робер Макер» (1834) [4, с. 11]; затем он сыграл Вотрена в запрещенной цензурой одноименной драме Бальзака (1840). По свидетельству многих современников, образ Леметра – Жана-Тряпичника производил на публику неизгладимое впечатление:

«Актер выходил на сцену с бутылкой вина в руке и горланил: “Да здравствует вино! Да здравствует божественный нектар!”. Он как будто реабилитировал самое что ни есть презренное во времена Старого Режима ремесло. Самый его вид – с мешком за плечами и крюком в руках, в латанных-перелатанных лохмотьях – навевал тоску, зато смачные реплики льстили зрителям из числа простолюдинов» [цит. по: 15, с. 78].

Об этой постановке очень подробно рассказал Александр Герцен в «Письмах из Франции» (письмо третье, от 20 июня 1847 г.), обратив внимание – в числе прочего – на выдающееся мастерство исполнителя главной роли: «Конечно, многие ходят для Фредерика Леметра, но в пошлой пьесе Фредерик не мог бы так играть. Он беспощаден в роли “ветошника” – иначе я не умею выразить его игры; он вырывает из груди какой-то стон, какой-то упрек, похожий на угрызение совести» [1, с. 42].

Таким образом, упоминание Понсона о «Парижском тряпичнике» выглядит как отчетливый «куль-

турный знак», адресованный в первую очередь именно парижской читательской (и зрительской) аудитории. Было бы странно, если бы автор «Рокамболя» – который был очень многим обязан Дюма-отцу и именовал его «дорогим учителем» («Истина о Рокамболе») – обошел вниманием другой, не менее успешный сценический проект XIX столетия, а именно «Нельскую башню» (премьера в том же Театре Сен-Мартенской заставы состоялась 29 мая 1832 г.). И действительно, в его творчестве присутствуют как упоминания о самом этом столичном сооружении, снискавшем зловещую славу (см., например, роман 1869 г. «Черная месса»), так и, более конкретно, о нашумевшей пьесе А. Дюма и Ф. Гайардэ. Когда прекрасная Антуанетта («Воскрешение Рокамболя») по своей наивности попадает в расставленные для нее силки и оказывается в заточении, то давно таившая против девушки злобу Мадлен Шивот злорадно заявляет: «Можешь кричать, сколько твоей душе угодно, сокровище мое, стенки-то толсты, **будто в Нельской башне, той самой, о которой играли пьесу в театре Сен-Мартенской заставы.** Эти стены заглушают и крики, и вопли, и стоны...» [2, т. 8, стр. 37]. Как и в предыдущем случае, русский переводчик счел совершенно излишней авторскую аллюзию на конкретный спектакль. Между тем аллюзия эта интересна своей явной искусственностью: трудно себе представить, чтобы грубая и невежественная воровка Мадлен принадлежала к числу завсегдатаев театра, пусть и бульварного.

Отчетливая стилизация сценического поведения присутствует и в романе «Испанка», в связи с другим второстепенным персонажем – юной «дщерью привратников-испанцев» [2, т. 4, с. 151] по имени Банко, которая по наущению Рокамболя выдает себя за польскую княжну. Шестнадцатилетняя Банко начитана (в круг ее чтения входит, в частности, всё та же «История тринадцати») и прекрасно владеет мастерством перевоплощения; она находилась на содержании у русского князя и хорошо знает как Россию, так и Польшу. Театрально обольщая пылкого испанца дона Хозе, она облачается в дорогие соблазнительные наряды, упрекает его за стремление жениться на другой и всячески демонстрирует свою ревность к цыганке Фатиме.

«Но видите ли, сеньор дон Хозе, – продолжала Банко, принимая **трагическую позу и понижая тембр голоса до баса, будто исполнительница одной из ролей в черной-пречерной драме на сцене театра Амбигю,** – я родилась в крае, где под снегом таятся и бушуют все дикие глупые страсти жарких стран. Я принадлежу к славянскому племени, сеньор дон Хозе, – с жаром продолжала Банко, – **молодость** моя протекала среди **цыган,** детство мое лелеяли кровавые легенды, а вокруг меня лилась человеческая кровь, как в Париже льется шампанское» [2, т. 4, с. 176–177].

Обсуждая затем дальнейший план действий с Банко, Рокамболь дает ей новые инструкции; Банко поначалу пытается отказаться от предложенной ей роли, а затем соглашается.

«– А с меня снимут маску?»

– Конечно!

– Да ведь это преоригинально! **Точно в пьесе из репертуара Фоли-Драматик**» [2, т. 4, с. 201].

Вариант «в комедии», предложенный в русском переводе, упрощает и искажает оригинал. Репертуар театра Фоли-Драматик, открывшегося в 1831 году, отличался большим разнообразием, причем основную часть его составляли мелодрамы, а позднее оперетты. Что же касается театра Амбигю, то именно этот театр чаще всего упоминается в произведениях Понсона. Из воспоминаний современников следует, что писатель его охотно посещал и даже оставил свои соображения по поводу одной из постановок, а именно неназванной мелодрамы Огюста Анисе-Буржуа. Герой пьесы – простолюдин, несчастная жертва судебной ошибки (весьма распространенный в романе-фельетоне и мелодраме мотив). Понсон заметил в этой связи, что публика осталась к пьесе равнодушна – ей подавай злключения какой-нибудь герцогини или «меткие уколы рапиры Атоса и Портоса» [7, с. 741].

Не только взрослые, но и дети у Понсона прекрасно владеют актерским мастерством, копируя опыт знаменитых комедиантов своего времени. Таков уже упоминавшийся Мармузэ, волею случая оказавшийся в Лондоне и – как некогда и сам Рокамболь – рано вставший на путь преступления (роман «Опустошители»). Он совсем не владеет английским языком; чтобы не привлечь к себе внимания, Мармузэ приходится притвориться немым и взять на вооружение приемы современных ему мимов.

Вот как передан соответствующий пассаж в русском переводе: «В былое время он часто ходил смотреть канатных плясунов» [2, т. IX, с. 137]. Из этой версии не совсем понятно, какое отношение имеют канатные плясуны к мимическому искусству. Между тем в оригинале мы читаем: «Il avait beaucoup fréquenté les Funambules en leur bon temps» [11, с. 19]. Заглавная буква в слове «Funambules» говорит о том, что Мармузэ не столько любовался выступлениями канатоходцев, сколько посещал парижский бульварный театр под названием «Le Théâtre des Funambules», открывшийся, по всей вероятности, в 1816 году.

Продолжим цитирование Понсона: «Он видел великого мимического актера Поля Леграна и позаимствовал у него наиболее выразительную часть репертуара» [2, т. IX, с. 137].

Поль Легран (1816–1898), наряду с уже известным нам Фредериком Леметром, являлся одной из звезд упомянутого театра. Он играл здесь с 1839 года и снискал известность прежде всего благодаря созданному им образу Пьеро (он сме-

нил в этом амплуа Батиста Дебюро, роль которого в фильме М. Карне «Дети райка» воплотил великий Жан-Луи Барро).

Таким образом, в «Рокамболиане» фигурируют большинство парижских театров из числа «бульварных», располагавшихся главным образом на так называемом «Бульваре Преступления» («Boulevard du Crime»). А именно, театр Сен-Мартенской заставы, театр Амбигю, «Le Théâtre des Funambules» и Фоли-Драматик.

Именно на сцене Театра Амбигю 28 августа 1864 года состоялась премьера пьесы «Рокамболь», которая представляет собой весьма вольную версию первых двух томов «Рокамболианы». Поначалу единоличным автором пьесы должен был стать уже упоминавшийся известный мастер мелодрамы и водевиля Анисе-Буржуа (1806–1870), однако процесс работы непроизвольно затянулся (действительно, анонс спектакля появился в театральной прессе еще в 1861 году!), и тогда Понсон предложил драматургу и журналисту Эрнесту Блюму (1836–1907) сделаться соавтором Анисе-Буржуа. Блюм охотно согласился, посчитав для себя за честь работать в тандеме с «мэтром».

Инсценизация романов являлась общепринятой практикой в XIX столетии; к ней регулярно прибегали и авторы романов-фельетонов, причем нередко написание пьесы планировалось с самого начала работы над текстом. Перенос романа на сцену не только позволял закрепить и развить успех книги у читателей, но и способствовал повышению ее социокультурного статуса: театральное зрелище в ту пору воспринималось как феномен эстетически более ценный, нежели роман-фельетон, и в отличие от последнего могло претендовать на полноценный критический разбор на страницах прессы. Пьеса Блюма, Анисе-Буржуа и Понсона снискала успех и регулярно возобновлялась на разных парижских площадках вплоть до конца столетия.

В пьесе фигурирует настоящее имя Рокамболя, о котором читатель цикла чаще всего забывает – Жозеф Фиппар (с двумя «п»!), а действие датировано 1858 годом. Сильно изменен по сравнению с романом образ приемной матери Рокамболя (она тут гораздо меньше похожа на отвратительную Сычиху из «Парижских тайн»); появляется целый ряд отсутствующих в романе героев. Это, впрочем, можно считать закономерностью для трансформационных стратегий XIX века – Эжен Сю также, в соответствии с законами мелодрамы, вводит в сценическую версию «Парижских тайн» второстепенных комических персонажей [13, с. 152]. Такой же парадигматический характер носит и насыщение постановки музыкальными номерами. Рокамболь представлен в пьесе как жертва дурных компаний и отсутствия отцовского воспитания; демоническая составляющая образа здесь не акцентирована – Рокамболь всего лишь мелодраматиче-

ский бандит, не столько ученик, сколько конкурент Андреа. В конце второго акта он – в отличие от своего романного прототипа – стреляет в наставника, но оказывается неумелым убийцей. Потерпев поражение от Баккара, он прячется в подземелье, где ранее укрывались фальшивомонетчики; подземелье находится ниже уровня Сены, его заливают водой, и Рокамболь гибнет, успев записать собственной кровью признание в совершенных им вместе с Андреа преступлениях. Это довольно серьезная трансформация прозаической версии, к тому же навеянная одним из эпизодов «Парижских тайн» (Родольфу Герольштейнскому предстояла та же самая участь, однако в критический момент его спас Поножовщик). Надо сказать, из повторной постановки пьесы смерть Рокамболя оказалась устранена – ведь легендарный герой не может умереть.

Есть основания считать, что степень участия самого Понсона дю Террайля в работе над сценической версией «Рокамболя» была невелика (хотя пьеса подписана тремя именами). Помимо «Рокамболя», его имя стоит еще под одной пьесой – пышной исторической драмой «Молодость короля Генриха», премьера которого состоялась в театре «Шатле» 26 марта 1864 г. Как и в случае с «Рокамболом», одноименный роман (первый том которого вышел в том же 1864 году) подвергся в сценической версии значительной трансформации (в центре сюжета оказалась женитьба Генриха IV на «Королеве Марго»). Постановка имела успех (под занавес «Истины о Рокамболе» Понсон с гордостью сообщает о том, что она была сыграна 167 раз – по состоянию на 8 августа 1867 г.), но и тут журналисты не обошлись без язвительных замечаний (в прессе того времени нередко констатируется, что причиной успеха стало – в числе прочего – появление на сцене двадцати четырех охотничьих собак, которые раздирали в клочья чучело оленя). Этими двумя пьесами вклад Понсона дю Террайля в драматургию и исчерпывается; он ничтожно мал в сравнении с массивом пьес Александра Дюма (в общей сложности 68 наименований). Стало быть, говорить о театральном призвании Понсона – в отличие от театрального призвания его героя – не приходится.

Даже беглое сопоставление «Рокамболианы» с другими произведениями писателя показывает, что взвинченная сценичность, театральная эмфаза наиболее свойственны именно этому романному циклу. На наш взгляд, то и дело возникающее при чтении книги «ощущение рампы» свидетельствует о том, что приемы романа-фельетона подверглись в цикле своеобразной возгонке; таким образом, распространенное мнение о крайне низких литературных достоинствах «Рокамболианы» нуждается в корректировке.

Библиографический список

1. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 5. – М.: Наука, 1955. – 512 с.
2. Понсон дю Террайль Пьер Алексис де. Полные похождения Рокамболя. Т. 1–15. – СПб.: Политехника, 1992–1993.
3. Саррот Натали. Детство. «Золотые плоды». – Иваново: Полиформ, 1995. – 352 с.
4. Трофименков М.С. Убийственный Париж. – СПб.: Амфора, 2012. – 477 с.
5. Федотова М.В., Гринштейн А.Л. Образ Вотрена в «Человеческой комедии» Бальзака // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14, № 2 (4). – С. 1048–1052.
6. Argus. Chronique // «Semaine des familles». – 1872. – Vol. 13. – P. 719.
7. Audebrand Philibert. Ponson du Terrail // Le Voleur illustré, 1888 (22.11). – P. 740–741.
8. Buard Jean-Luc. Un siècle d'aventures de Rocambole // De l'écrit à l'écran. Littératures populaires: mutations génériques. Sous la direction de J. Migozzi. – Limoges: Pulim, 2000. – P. 619–632.
9. Planton. Nos échos // Paris-Midi. – 1918 (10.06). – P. 2.
10. Ponson du Terrail Pierre Alexis de. Les Chevaliers du Clair de Lune. – P.: G. Paetz, 1860. – Vol. 3.
11. Ponson du Terrail Pierre Alexis de. Le dernier Mot de Rocambole: Les Ravageurs. – P.: Dentu, 1866. – 373 p.
12. Ponson du Terrail Pierre Alexis de. Les Drame de Paris // La Patrie, 1857 (15.09). – P. 2.
13. Ripoll Roger. Du roman-feuilleton au théâtre // Europe. – 1982. – № 643–644. – P. 148–156.
14. Treich Léon. Encore un centenaire. Le père de Rocambole // Lectures pour tous. – 1929. – № 8. – P. 103–104.
15. Vigier Philippe. Le mélodrame social dans les années 1840 // Europe. – 1987. – № 703–704. – P. 71–79.
16. Vareille Jean-Claude. Le Roman populaire français, 1789–1914. Idéologies et pratiques. – Limoges : PULIM, 1994. – 350 p.

References

1. Gercen A.I. Sobr. soch.: v 30 t. T. 5. – M.: Nauka, 1955. – 512 s.
2. Ponson dyu Terrajl' P'er Aleksis de. Polnye pohozhdeniya Rokambolya. T. 1–15. – SPb.: Politekhnik, 1992–1993.
3. Sarrot Natali. Detstvo. «Zolotyie plody». – Ivanovo: Polinform, 1995. – 352 s.
4. Trofimenkov M.S. Ubijstvennyj Parizh. – SPb.: Amfora, 2012. – 477 s.
5. Fedotova M.V., Grinshtejn A.L. Obraz Votrena v «Chelovecheskoj komedii» Bal'zaka // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – 2012. – T. 14, № 2 (4). – S. 1048–1052.

6. Argus. Chronique // «Semaine des familles». – 1872. – Vol. 13. – R. 719.
7. Audebrand Philibert. Ponson du Terrail // Le Voleur illustré, 1888 (22.11). – P. 740–741.
8. Buard Jean-Luc. Un siècle d'aventures de Rocambole // De l'écrit à l'écran. Littératures populaires: mutations génériques. Sous la direction de J. Migozzi. – Limoges: Pulim, 2000. – P. 619–632.
9. Planton. Nos échos // Paris-Midi. – 1918 (10.06). – P. 2.
10. Ponson du Terrail Pierre Alexis de. Les Chevaliers du Clair de Lune. – P.: G. Paetz, 1860. – Vol. 3.
11. Ponson du Terrail Pierre Alexis de. Le dernier Mot de Rocambole: Les Ravageurs. – P.: Dentu, 1866. – 373 p.
12. Ponson du Terrail Pierre Alexis de. Les Drames de Paris // La Patrie, 1857 (15.09). – P. 2.
13. Ripoll Roger. Du roman-feuilleton au théâtre // Europe. – 1982. – № 643–644. – R. 148–156.
14. Treich Léon. Encore un centenaire. Le père de Rocambole // Lectures pour tous. – 1929. – № 8. – P. 103–104.
15. Vigier Philippe. Le mélodrame social dans les années 1840 // Europe. – 1987. – № 703–704. – P. 71–79.
16. Vareille Jean-Claude. Le Roman populaire français, 1789–1914. Idéologies et pratiques. – Limoges : PULIM, 1994. – 350 p.

ДРАМА И ЛИБРЕТТО А.Н. ОСТРОВСКОГО «ГРОЗА»: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЛАН В ИЗОБРАЖЕНИИ ПАТРИАРХАЛЬНОГО МИРА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
исследовательского проекта № 18-012-00141 А

Статья посвящена проблеме изучения историософских взглядов А.Н. Островского. Автор рассматривает ее на материале двух написанных в разные годы произведений драматурга: драмы «Гроза» и либретто «Гроза». В статье проводится сравнительный анализ этих произведений и обосновывается положение о том, что они находятся во взаимодополнительных отношениях. Автор приходит к выводу, что Островский-либреттист реставрирует характер общественной и личной жизни героев XVII столетия, последовательно снимая темы, свидетельствующие о кризисном состоянии патриархального мира в середине XIX в. В статье показано, что одновременно драматург выявляет причины этого кризиса. Автор указывает на переклички между либретто «Гроза» и романом Ф.М. Достоевского «Идиот», книгой М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Проведенное исследование способствует уточнению историко-культурных реалий двух одноименных произведений А.Н. Островского и углублению их интерпретаций, что актуально в условиях подготовки его Полного собрания сочинений и писем.

Ключевые слова: А.Н. Островский, «Гроза», драма, либретто, исторический подход, патриархальный мир, кризис, историософские взгляды, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин.

Драма «Гроза», завоевавшая русскую драматическую сцену с конца 1859 г. и опубликованная в 1860 г., разносторонне изучена в современном отечественном островковедении. Ей посвящены работы таких авторитетных исследователей, как А.И. Журавлева, Ю.В. Лебедев, Н.Д. Тмарченко, И.А. Овчинина, В.В. Тихомиров. Либретто А.Н. Островского «Гроза. Опера в 4-х действиях (сюжет заимствован из драмы «Гроза»). Музыка В.П. Кашперова», опубликованное в 1867 г., а затем не переиздававшееся, практически не изучено, исключение составляют две работы Е.А. Рахманьковой: глава ««Гроза». Новая интерпретация известной драмы» в монографии «А.Н. Островский-либреттист» (2011) и специальная статья «Гроза» в энциклопедии «А.Н. Островский» (2012). Основное внимание исследовательницы сосредоточено на специфике работы драматурга над произведением, предназначенном для оперного представления, а также на истории музыкально-театральной критики оперы.

Исторический план драмы «Гроза» и либретто «Гроза» в сравнительном аспекте еще не становился предметом изучения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления особенностей историософских взглядов А.Н. Островского. Предварительно уточним: совершенно справедливы представления И.А. Овчининой о «Грозе» 1860 г. как о «социально-бытовой и нравственно-психологической драме» [3, с. 124] и «трагедии нового типа» [4, с. 87], Е.А. Рахманьковой о «Грозе» 1867 г. как о «народно-бытовой драме» [9, с. 52], вместе с тем в своей статье во избежание путаницы будем называть «Грозу» 1860 г. драмой, а 1867 г. – либретто.

В первой ремарке либретто указано: «Действие происходит в большом торговом городе, на Волге,

в 17 веке». Историей XVII столетия драматург, как известно, заинтересовался еще в середине 1850-х гг. В нескольких произведениях Островского 1865–1867 гг. события разворачиваются в XVII в.: в комедии «Воевода», в драматической хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Либретто «Гроза» создавалось в 1866 г., в год написания пьесы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». В августе 1867 г., уже завершив работу над этими произведениями, Островский приступил к созданию пьесы «Тушино», вновь обратившись к XVII столетию.

В контексте столь устойчивого внимания к этому времени в истории России работа Островского над либретто «Гроза» специфична. Принципиальное значение имеет факт его создания на основе предыдущего – одноименной драмы. При этом важно, что к 1867 г. драма «Гроза» была широко известна в русском обществе. Либретто не во всем вторит первому в сюжетно-фабульном, образном и проблемно-тематическом планах, следовательно, согласно стратегии автора, внимание читателей и зрителей в первую очередь сосредоточивается на разнице между ними, затем – на общности. В таком случае авторским указанием в афише либретто на XVII в., с одной стороны, введена тема русской жизни в допетровское время, а с другой, актуализирован вопрос о характере и причинах изменений русской жизни в послепетровский период российской истории.

Первоначально обратимся к вопросу о характере изменений русской жизни к середине XIX в. Действие в драме, как известно, происходит в кризисный момент в истории патриархального мира. Перечень действующих лиц закономерно начинается с Дикого: в центре патриархального мира должен стоять глава семьи, отец. Однако в пьесе его место занимает Кабаниха. В записной тетради

1854 г., еще во время работы над драмой «Не так живи, как хочется», драматург отметил: «Любовь и сожитие только крепки в браке, только под браком благословение, в браке мир и тишина...» [6, т. 10, с. 455]. Дикой как глава семьи не созидает мир, ибо он – воин, нападающий на запуганных домочадцев. Своим неустанным криком он нарушает благословенную тишину семьи и города.

В либретто иначе: автором разработана тема патриархальной жизни как всеобщей. Городской праздник воссоздан драматургом яркой и пестрой цветописью. В начале третьего действия Женщины поют:

День праздничный, все-то в наряды убралось,
И празднику рады, и лета дождалось.
Дворянские жены,
Купецкие жены,
В цветных сарафанах,
В кокошниках браных,
Набеленные,
Нарумяненные [5, с. 27].

В круг действующих лиц либретто включены Слуги, Бурлаки, Мужчины, Женщины, Все, Хор. Всезнание закреплено за Хором, слово которого для жителей города убедительно и авторитетно. Между главными персонажами расширены родственные связи. Из афиши следует, что Дикой – брат Кабанихи и дядя Тихона. Он же – отец Бориса. В результате из произведения 1867 г. закономерно выпадает драматическая история семьи Бориса и тема его унижительного пребывания в доме дяди-самодура. В сцене прощания с Тихоном, уезжающим в Москву, присутствует Дикой. И он не просто участвует в общем разговоре: с высоты своего авторитета Дикой горячо одобряет наказания Кабанихи сыну. «Вот это хорошо! Вот это дело!» – восклицает он [5, с. 7]. В драме Дикой не прочь выпить вместе с Тихоном в трактире, а в либретто дядя наставляет собравшегося в путь племянника воздержаться от соблазнов:

Ну, живи в Москве смирей,
Да веди себя скромней,
Да вернись поскорее! [5, с. 9]

В драме деньги уже стали главной ценностью для Дикого, однако в новую социально-экономическую систему он не «встроился», так и не став предпринимателем в духе наступающего времени, и потому вынужден их охранять, буквально обрекая себя на брань да ругань. В либретто, освещающее события XVII столетия, подобный материал не входит.

Автор либретто отказывается от первого действия драмы, где так важны темы, передающие предгрозовую атмосферу калиновской жизни. Если драма состоит из пяти действий, то либретто – из четырех. В нем первое действие начинается со сцены прощания с уезжающим Тихоном.

В драме поколеблены духовные основы калиновского мира. Кабаниха стоит на страже старых

порядков, отстаивая форму и утрачивая тем самым их содержание. Для Катерины мир патриархальных отношений глубоко содержателен, но она идеализирует его и, следовательно, нарушает, как и Кабаниха, столь важное для органичного течения жизни равновесие содержания и формы. В либретто тема нарушения миропорядка присутствует приглушенно. Катерина, изменившая мужу, отступает от устоев патриархального мира. Однако его духовные основы еще крепки, и в финальной сцене участвуют все, кроме Катерины. Варвара и Кудряш не сбежали из города. Включен в последнюю сцену и Борис, правда, по наказу отца он вскоре должен отправиться по торговым делам в Архангельск.

В драме «Гроза» присутствуют многочисленные анахронизмы. Дикой словно живет задолго до времени появления солнечных часов и громоотводов, однако говорит о них на языке XIX в., не видя в предлагаемом Кулигиным никакой пользы для себя. Слово «польза» употреблено персонажем в значении своекорыстной выгоды. Страница Феклуша рассказывает об увиденном ею в Москве паровозе. Тем самым в пьесе введен знак, отсылающий к истории железнодорожного транспорта в России, начинающей отсчет в Петербурге с 1834 г. При этом Дикой и Кудряш еще не внемлют просветительским представлениям Кулигина, эти герои словно и не дожили до XVIII столетия, оно в Калинове будто бы еще и не наступило. Паровоз уже есть, но Петербург в пьесе не упоминается, его еще нет на российской карте. На отдельные исторические приметы драмы «Гроза» уже не раз указывали островковеды. Нам же важно подчеркнуть, что в пьесе звучит историческая разноголосица. История России XVII, XVIII и XIX вв. в драме раздроблена, представлена фрагментами, которые не связаны друг с другом и потому не выстроены в хронологический ряд. Именно в таком контексте возможно создание Феклушей на основе разных слухов странной картины, в которую включены два зеркально соотнесенных мира (свой как правильный с «праведными» законом и судьями – и чужой как неправильный с «неправедными» законом и судьями), а также искаженный, где живут люди с песьими головами, наказанные кем-то за «неверность».

В либретто изменен состав действующих лиц. Исключена не только старая барыня, языком древнерусских воззрений на женскую красоту предвещающая Катерине неизбежность катастрофы, но и Кулигин, представляющий в драме эпоху Просвещения. Отсутствует и странница Феклуша, в отличие от калиновцев что-то повидавшая, напивавшаяся слухами и охотно рисующая современность – середину XIX столетия, а также весьма остроумно осмысляющая феномен городского человека. Из либретто историческая разноголосица уходит, потому что патриархальный мир целостен, «связь времен» в нем еще не распалась.

В драме город Калинов, по наблюдениям В.Г. Шукина, существует как бы вне времени, про часы хлопчет только Кулигин, да еще Варвара-сводница реагирует на временные отрезки суток [10, с. 113–115]. Время в калиновском мире словно отсутствует, оно будто остановилось. Любопытно, что в произведении второй половины 1860-х гг., в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина, тоже появляется мысль о случающихся в истории «провалах», когда «поток жизни как бы прекращает свое естественное течение...» [9, т. 2, с. 411]. Сам исторический материал для подобных обобщений со стороны писателей был, безусловно, разным. Салтыков-Щедрин имел в виду русскую историю в целом. Иное у Островского.

Специфическая особенность художественного времени драмы «Гроза» обусловлена, на наш взгляд, самим предметом изображения. Вспомним немногочисленные высказывания о городе Калинове как имеющем старообрядческие черты. Показателен отклик знатока старообрядческого уклада П.И. Мельникова-Печерского на журнальную публикацию «Грозы» и ее театральные постановки в Петербурге. Он писал: «...хотя г. Островский, изображая семейство Кабановых, и не упомянул нигде, что это *семейство раскольническое*, но опытный взгляд даже и на сцене Александринского театра... с первого взгляда заметил, что Кабаниха придерживается правил Аввакума и его последователей» (курсив П.И. Мельникова-Печерского. – *Н. М.*) [2, с. 127]. В современном островковедении выделим интересную статью И.Л. Поповой «Мотивы старообрядческой легенды о граде Китеже в драме А.Н. Островского “Гроза”». Вместе с тем отметим, что в центре этого исследования стоит Катерина и событие ее самоубийства [7, с. 113–115, 122]. Представляется, однако, что автора драмы «Гроза» занимал и сам феномен старообрядчества: с одной стороны, оно сумело, несмотря на гонения, стойчески сохранить старые заветы, но, с другой, его жизнь словно выпала из текущей жизни России. По-видимому, оценка старообрядчества Островским не была однозначной. На фоне драмы «Гроза» очевидно: патриархальный мир, представленный в либретто, не имеет черт старообрядческого уклада жизни. Историческое время, воссозданное в либретто, – это время до церковного раскола, в нем еще нет примет замедленного хода, остановки жизни.

В целом заключаем, что на основе драмы «Гроза» Островский-либреттист *реставрирует* характер общественной и личной жизни героев XVII в., последовательно снимая темы, свидетельствующие о кризисном состоянии патриархального мира в середине XIX в. Одновременно он выявляет и причины кризиса. Продолжим рассмотрение двух одноименных произведений под этим углом зрения.

В драме «Гроза» Дикой, воспринимающий грозу как Божью кару за грехи, трижды называет Кулигина, рассуждающего о необходимости громоотводов, татаринном, весьма смутно памятуя о татаро-монгольском иге. Калиновцы фактически утратили историческую память, в четвертом действии в сцене, предваряющей покаяние Катерины, 2-й прохожий еще что-то может пояснить, глядя на плохо сохранившуюся живопись: «А это Литовское разорение. Битва! – видишь? Как наши с Литвой бились» [6, т. 2, с. 250]. Но в ответ на предположение 1-го прохожего, что Литва «на нас с неба упала», возразить, не владея аргументами, не может, а потому тут же соглашается: «Не умею я тебе сказать. С неба, так с неба» [6, т. 2, с. 250].

Очевидно, что в исторический контекст драмы включены русско-литовские войны XIII–XVI вв. При этом историческая конкретизация отсутствует, в силу чего не ясно, о какой из русско-литовских войн зашла речь между прохожими. Это обусловлено тем, что драматургу важно подчеркнуть: длительная и судьбоносная для отечества история русско-литовских войн фактически канула для калиновцев в забвение. По Островскому, ослабление и утрата исторической памяти – одна из отличительных черт кризиса патриархального мира.

В либретто сцена с разговором горожан автором не снята. Важно, что на этот раз историческая память у них глубже и сильнее. В разговоре персонажей, в сравнении с драмой, в какой-то мере присутствует историческая конкретика. Мужчины упоминают о русско-литовских войнах, расширяя тему разрушительных набегов на отечество:

Литовцев погромы
Свалили хоромы,
Их крыши раскрыты,
Их стены разбиты,
И в землю вросли,
Мхом, травой поросли [5, с. 27].

Затем в либретто репликами Хора введен новый исторический материал. На стенах разрушенной городской галереи, согласно его пояснению, воссоздан эпизод времен татаро-монгольского ига. Важно, что у Кудряша есть живой интерес к изображенному. Однако он понимает, что по молодости лет еще не может самостоятельно разобраться в увиденном, и потому за помощью обращается к Хору: «Ну, вы постарше, поумней – скажите!» Тот с готовностью объясняет:

Тут писана татарская орда –
Мучители – а это наши князи!
Вот, видишь ты: собака некрещенный,
Над головою мученика-князя,

Татарин, держит меч кривой! Ну, понял? [5, с. 28]

В центре исторической интерпретации, предложенной Хором, стоит тема княжеской власти времен Московской Руси. Важен образ князя-мученика, отдавшего свою жизнь в борьбе с иноземным захватчиком, иноверцем.

Островский-либреттист уходит вглубь допетровских веков и, по-видимому, впервые среди современных литераторов ставит вопрос об особой роли древнерусских князей в деле созидания единого государства и его защиты от иноземцев и иноверцев. Древнерусское княжество служило народу и вело его за собой (имеем в виду время сближения интересов власти и народа), однако в последовавшие времена органическая связь князей и народа была ослаблена и прервана, и князья утратили ведущую роль в русском обществе. Важно, что в либретто молодое поколение горожан еще может узнать о былом единстве верховной власти и народа.

В духе почвеннических идей Островский-либреттист начинает раздумывать над проблемой восстановления единства современного ему русского общества и одну из возможностей связывает с необходимостью высокого служения русской аристократии своему народу. Драматург произведением 1867 г. напоминает читателю и зрителю: у нее есть высокая общественная миссия.

Через год, в конце 1868 г., в журнале «Русский вестник» была опубликована последняя часть романа «Идиот». Речью князя Мышкина на светском вечере в салоне Белоконской Ф.М. Достоевский поднял тему служения русского княжества. Князь Мышкин указывает на тревожные тенденции в жизни современного высшего света, представители которого запамятовали о своем предназначении, и горячо призывает вспомнить о нем: «Я боюсь за вас, за вас всех и за всех нас вместе. Я ведь сам князь исконный и с князьями сижу. Я, чтобы спасти всех нас, говорю, чтобы не исчезло сословие даром, в потемках, ни о чем не догадавшись, за всё бранясь и всё проиграв. Зачем исчезать и уступать другим место, когда можно остаться передовыми и старшими? Будем передовыми, так будем и старшими. Станем слугами, чтоб быть старшинами» [1, т. 8, с. 458]. Этот монолог князя Мышкина – составная часть в процессе формирования «русской идеи» в творчестве Достоевского.

В вопросе об особом общественном назначении «исконных» русских князей позиции Островского и Достоевского сближаются. Предполагаем, что в середине 1860-х гг. они практически одновременно обратились к одному кругу трудов по истории Древней Руси. Добавим, что писатели сходятся и в критической оценке современной дворянской аристократии. У Достоевского это нашло отражение в той же салонной сцене романа «Идиот», а у Островского – в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты», созданной и опубликованной осенью 1868 г., спустя год после публикации либретто «Гроза».

Продолжим сравнение двух произведений Островского. В драме в разговор двух случайных прохожих введен еще один штрих: согласно росписи, в пояснениях того же 2-го прохожего, в геену

огненную следуют люди «всякого звания», «всякого чину». Однако на сообщение о движении, поверх званий и чинов объединяющем всех людей, слушатель не откликнулся, его внимание привлекли только арапы.

В либретто Хор поясняет картину геены огненной, в которую следуют все люди без исключения:

Князья, бояре, гости и купцы, (*Входит Дикой*)

И черный люд, и всякие народы,

Татаровья, и немцы, и арапы [5, с. 29].

Вместе с тем Островский-либреттист фиксирует тревожные тенденции. Хором названы купцы – и тут же, словно на его зов, входит Дикой. В афише Дикой представлен богатым торговым гостем, то есть купцом, успешно торгующим далеко за пределами волжского города. Он – человек новых представлений: грубо вмешивается в разговор и резко обрывает Хор и Кудряша. Богатый купец настаивает:

Вы смерды! Чернь! Да вас за эти речи

На воеводский двор отправить надо. <...>

Ну вам ли, чернь, с убогим вашим смыслом,

О князях да боярах толковать!

Вас надо отучить

Про старших говорить [5, с. 29].

Для Дикого, решительно отделяющего князей и бояр от прочих людей, Хор и Кудряш – всего лишь «смерды», «чернь», «дураки», которым не следует толковать о верховной власти. Ему уже претит мысль о былом единстве власти и народа. Для Дикого, в отличие от Хора, нарисованное на стенах не убедительно. Однако со своей стороны богатый купец не может предложить что-либо существенное для общественной жизни города и потому собственную позицию подкрепляет только угрозой отправить Хор и Кудряша «за эти речи на воеводский двор». Свое душевное равновесие он утрачивает, и вслед ему Хор справедливо вопрошает: «Какой сердитый; ну к чему пристал?» [5, с. 30].

Однако Дикой не смог запугать ни Кудряша, ни Хор. Для них мысль о единстве народа и власти неоспорима. «А что написано пером, Не вырубишь и топором» [5, с. 29, 30], – дважды поет Кудряш. И каждый раз Хор поддерживает молодого человека, согласно повторяя авторитетную и убедительную для всех мысль о единстве.

Рассогласованность Дикого с миром «смердов» и «черни» обуславливает его роль в дальнейшем развитии драматического действия либретто. В финале либретто у Дикого, стоящего в толпе, нет реплик. Кудряш же исполняет сюжетно-фабульную роль Кулигина: выносит тело Катерины. Потом вместе с Борисом он подводит итог произошедшему событию:

Здесь перед нами только тело,

Душа на небо улетела,

Зрит Судию на небесах,

Который милосерд и благ [5, с. 49–50].

Эти же слова завершают либретто, и их поют все вместе. В драме Кулигин обвиняет калиновский

мир в отсутствии милосердия к Катерине, земной суд калиновцев противопоставляя высшему. В финале либретто подобному обвинению нет места.

Итак, в двух одноименных произведениях Островскому присущ исторический подход к изображаемым событиям. В контексте его творчества две «Грозы» находятся во взаимодополнительных отношениях. В таком случае допустимо говорить о двух произведениях как едином тексте, в котором прослеживается характер осмысления Островским истории России со времен татаро-монгольского ига до середины XIX столетия. К причинам, обусловившим кризисное состояние патриархального мира, Островский-либреттист отнес предельное ослабление связи между верховной властью и народом, забвение русской аристократией своего высокого общественного предназначения, истощение исторической памяти, а также постепенную утрату русским обществом духовного единства. Его внимание привлекли отдельные моменты в истории страны, чреватые замедлением хода жизни. Рассмотренный материал свидетельствует о целесообразности дальнейшего изучения историософских взглядов Островского.

Библиографический список

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
2. *Мельников-Печерский П.И.* «Гроза». Драма в пяти действиях А.Н. Островского («Библиотека для чтения». 1860. № 1) // *Русская трагедия: Пьеса А.Н. Островского «Гроза» в русской критике и литературоведении.* – СПб., 2002. – С. 116–140.
3. *Овчинина И.А.* Гроза // *А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина.* – Кострома: Костромаиздат, Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – С. 124–129.
4. *Овчинина И.А.* Новые подходы к созданию Полного собрания сочинений и писем А.Н. Островского // *Вестник Костромского государственного университета.* – 2017. – Т. 23. – № 4. – С. 84–88.
5. *Островский А.Н.* Гроза: опера в 4-х действиях (сюжет заимствован из драмы «Гроза») / музыка В.П. Кашперова. – М., 1867. – 51 с.
6. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1973–1980.
7. *Попова И.Л.* Мотивы старообрядческой легенды о граде Китеже в драме А.Н. Островского

«Гроза» // «Литературоведение как литература»: сб. в честь С.Г. Бочарова. – М., 2004. – С. 111–122.

8. *Рахманькова Е.А.* А.Н. Островский-либреттист. – Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011. – 156 с.

9. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Изд-во «Правда», 1988.

10. *Щукин В.Г.* Заметки о мифопоэтике «Грозы» // *Щельковские чтения 2005.* А.Н. Островский: личность, мыслитель, драматург, мастер слова. – Кострома, 2006. – С. 103–123.

References

1. Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. – L.: Nauka, 1972–1990.
2. Mel'nikov-Pecherskij P.I. «Groza». Drama v pyati dejstviah A.N. Ostrovskogo («Biblioteka dlya chteniya». 1860. № 1) // *Russkaya tragediya: P'esa A.N. Ostrovskogo «Groza» v russkoj kritike i literaturovedenii.* – SPb., 2002. – S. 116–140.
3. Ovchinina I.A. Groza // *A.N. Ostrovskij. Enciklopediya / gl. red. i sost. I.A. Ovchinina.* – Kostroma: Kostromaizdat, SHuya: Izd-vo FGBOU VPO «SHGPU», 2012. – S. 124–129.
4. Ovchinina I.A. Novye podhody k sozdaniyu Polnogo sobraniya sochinenij i pisem A.N. Ostrovskogo // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2017. – T. 23. – № 4. – S. 84–88.
5. Ostrovskij A.N. Groza: opera v 4-h dejstviah (syuzhet zaimstvovan iz dramy «Groza») / muzyka V.P. Kashperova. – M., 1867. – 51 s.
6. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – M.: Iskusstvo, 1973–1980.
7. Popova I.L. Motivy staroobryadcheskoj legendy o grade Kitezhe v drame A.N. Ostrovskogo «Groza» // «Literaturovedenie kak literatura»: sb. v chest' S.G. Bocharova. – M., 2004. – S. 111–122.
8. Rahman'kova E.A. A.N. Ostrovskij-librettist. – SHuya: Izd-vo FGBOU VPO «SHGPU», 2011. – 156 s.
9. Saltykov-SHCHeHedrin M.E. Poln. sobr. soch.: v 10 t. – M.: Izd-vo «Pravda», 1988.
10. SHCHHukin V.G. Zametki o mifopoetike «Grozy» // *SHCHelykovskie chteniya 2005.* A.N. Ostrovskij: lichnost', myslitel', dramaturg, master slova. – Kostroma, 2006. – S. 103–123.

Тихомиров Владимир Васильевич

доктор филологических наук
Костромской государственной университет
vtihom@mail.ruКОМЕДИЯ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ЛЕС»: В ПОИСКАХ ГЕРОЯ.
ОПЫТ КОММЕНТАРИЯПубликация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
исследовательского проекта 19-012-00070А

Публикация комедии А.Н. Островского «Лес» и её премьерные спектакли в Петербурге и Москве в 1871 году вызвали значительное количество критических откликов, причём в большинстве из них отсутствовало понимание художественных и нравственно-психологических проблем, волновавших драматурга и проявившихся в этой пьесе. В Островском видели прежде всего бытописателя, повторявшего поднадоевшую тему обличения социальных язв русской жизни. Лишь немногие из рецензентов обратили внимание на то, что в комедии противопоставлены бездуховному миру хозяев жизни жрецы искусства. Они не идеальны, но они способны встать выше меркантильных интересов, и их неприкаянное существование в глазах автора более привлекательно, чем полная фальшь, интриг и лжи жизнь разного рода обывателей. Островский сознаёт, что искусство, к сожалению, не всесильно, но и не бессильно, оно благотворно влияет на человека. Комедия «Лес» продолжает традицию поисков драматургом положительных начал в русской жизни и открывает в его творчестве важную тему театра и деятелей театра – носителей гуманистических ценностей, намечает новый вектор в поисках положительного героя.

Ключевые слова: противостояние духовных и меркантильных интересов, сила и слабость искусства, поиски идеала.

А.Е. Горелов в книге «Подвиг русской литературы» (1957 г.) высказал мысль, что основной вектор развития отечественной словесности – «поиски героя, достойного России» [4, с. 111]. Звучит пафосно, как, впрочем, пафосна и вся книга, однако доля истины в словах её автора имеется. Русская литература со времени её возникновения отличалась тем, что неизменно утверждала духовно-нравственные ценности. В древности это делалось преимущественно путём непосредственного утверждения христианских духовных и этических постулатов, в XVIII веке к ним добавились просветительские представления о ценности человека и его роли в обществе, а в эпоху романтизма в русскую культуру пришло понимание самосознания личности, её самооценки. И в дальнейшем этическая составляющая оставалась едва ли не ведущей в постановке проблемы героя русскими писателями. Это не значит, что писатели создавали идеальных персонажей или увлекались нравочениями и откровенной дидактикой.

Русская классика содержит массу примеров постановки нравственной проблематики по принципу «за» и «против» в изображении как положительных, так и отрицательных героев, причём не обязательно исключительно привлекательных или производящих отталкивающее впечатление. Персонажи у русских писателей, как правило, оказывались сложными и противоречивыми, но нравственный критерий их оценки сохранялся практически всегда.

В ряду подобных персонажей достойное место занимают герои пьес создателя русского национального театра А.Н. Островского, сказавшего «новое слово» именно в изображении характера русского человека. Драматург навсегда остался

верен принципу, высказанному им в известном письме М.П. Погодину 30 сентября 1853 г.: «Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее; этим-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое с комическим» [7, т. 11, с. 57].

Именно в этом сочетании кроется специфика сценических характеров многих персонажей Островского, за исключением, может быть, вызывающих открытую неприязнь вроде Вихорева («Не в свои сани не садись»), Коршунова («Бедность не порок») или нелепых по своему комизму (Бальзаминов). Первые два названных типа персонажей находятся за пределами определяемых в соответствии с близкими драматургу народными этическими принципами. Что касается Бальзаминова, то его характеристика близка народной смеховой культуре. Островский обнаружил большое количество обладающих противоречивыми личными качествами типов из купеческой, мещанской, чиновничьей среды, многие из них нравственно и психологически привлекательны и даже вызывают симпатию. Драматург, как отмечает И. А. Овчинина, «избегал однобокости, тенденциозности, морализаторства, находясь в постоянном поиске новых выразительных средств, подмечая новые качества национального характера, осмысливая своеобразие русской культуры и жизни общества» [5, с. 9].

В написанной в 1870 году комедии «Лес» Островский открывает новую страницу в поисках героя: здесь в качестве основных персонажей представлены своего рода жрецы искусства, бродячие провинциальные актёры, живущие по другим в сравнении с меркантильным бытом большинства нравственным правилам. Их характеры, поведе-

ние далеки от идеальных, положительных, однако их (Геннадия Несчастливцева и Аркадия Счастливецца) отличает отсутствие поклонения материальному благополучию, успеху в обществе во всём, кроме театральной сферы, которая для них подлинная жизнь, может быть даже больше, чем жизнь.

Конфликтная ситуация в комедии на первый взгляд достаточно традиционна для пьес Островского: прежде всего это противостояние, открытое или скрытое, богатства и бедности. Не случайно большинство рецензентов комедии после её публикации в «Отечественных записках» (1871 г., № 1) и премьерных спектаклей (в Александринском театре Петербурга 1 ноября 1871 года и в московском Малом театре 26 ноября того же года) утверждали, что будто бы в этой пьесе нет ничего принципиально нового, что драматург повторяется в противостоянии хозяев жизни и их жертв.

Театральный нигилист [А.А. Соколов], автор статьи «В лесу» в газете «Петербургский листок» (1871, № 219, 6 ноября; № 220, 11 ноября), претендуя на обобщающую оценку комедии в печати, заявил: «Общий голос, что произведение это слабое, в чём мы и соглашаемся со всеми» [10, № 219, с. 2]. Рецензент газеты «Новости» утверждал: «Все его (А.Н. Островского. – В. Т.) герои и героини последних пьес страдают отсутствием жизненной правды и более походят на марионеток, чем на живых людей» [11, с. 1]. Отрицательные отзывы о комедии «Лес» появились также в газетах «Биржевые ведомости» (1871, № 30, 3 ноября, с. 1), «Петербургские ведомости» (1871, № 303, 3 ноября, с. 2), «Петербургская газета» (1871, № 154, 4 ноября, с. 3), «Современная летопись» (1871, № 44, 22 ноября, с. 14–15) и в других изданиях. Почти все эти отзывы относились в большей степени к спектаклю в Александринском театре, в котором главную роль (Несчастливцева) не совсем удачно исполнил Ф.А. Бурдин, но досталось от рецензентов и самой комедии.

В.П. Буренин в «СПб. Ведомостях» (1871, № 76) прямо высказал мнение о незначительности смысла комедии «Лес», при том что талантливость драматурга несомненна: «...несмотря на... пустяшность содержания комедии, она, надо отдать справедливость автору, написана превосходно, переполнена живыми лицами и сценами». Рецензент сожалеет, что мастерство драматурга использовано на столь «несерьёзное содержание». Буренин констатирует: «Довольство происходит от приятного сознания, что талант Островского не угас нимало; сокрушение возбуждается сознанием, что этот талант способен пробуждаться в полной силе в произведениях, почти не имеющих значения по мысли...» – в то время как «в первых его (Островского. – В. Т.) произведениях» «серьёзность замысла соответствует исполнению» [13, с. 1–2].

Анонимный рецензент газеты «Голос» склонен видеть в комедии «Лес» недостатки не только

в содержании, но и в художественном исполнении. Он утверждает, что комедия «принадлежит к слабейшим пьесам этого талантливого драматурга», и главный её недостаток – «многоглаголанье», понимаемое как преобладание разговоров над действием, потому что автор пьесы «совершенно пренебрегает сценическими требованиями». К тому же, считает автор рецензии, «типы... нового времени как-то не даются г. Островскому», он остаётся «специалистом по части купцов-самодуров да благородных пьянушек». По мнению рецензента, у драматурга «мировоззрение крайне узко, симпатии его часто невозможно разделять», но в то же время «лица, выводимые им на сцену... живые русские люди, говорящие живым русским языком» [1, с. 2–3].

Н. Соловьёв в газете «Русский мир», говоря о недостаточной сценичности пьес Островского в целом и комедии «Лес» в частности, назвал эту комедию «романом или повестью в сценах» [9, с. 1]. По существу, это было повторение более ранних мнений об эпическом характере драматургии Островского, причём большинство критиков, как и Соловьёв, видели в этом не новаторство создателя русского национального театра, а нарушение законов искусства и свидетельство упадка таланта драматурга.

С мнением рецензента «Русского мира» был согласен П.Д. Боборькин, который в обзорной статье «Русский театр» («Дело», 1871, № 11, с. 33–53) признаёт всю драматургию Островского недостаточно сценичной и по преимуществу эпической (все его пьесы, по мнению критика, – «драматизированные повести»). В комедии «Лес» Боборькин находит повторяемость образов и языка, а с точки зрения сценичности, по его мнению, пьеса Островского уступает сочинениям таких драматургов, как В.А. Дьяченко и В. Александров (В.А. Крылов) [3].

На фоне значительного количества преимущественно негативных откликов о комедии «Лес» после её публикации в «Отечественных записках» (1871, № 1) и особенно премьерных спектаклей в Александринском театре Петербурга в ноябре того же года некоторые рецензии всё-таки выделялись попыткой дать более объективную оценку новой пьесе Островского. Объёмную статью о только что появившейся в печати комедии опубликовал в журнале «Заря» (1871, № 2) Н.Н. Страхов, отметивший, что пьеса «произвела приятное впечатление на всех почитателей... таланта» драматурга. Будучи преимущественно бытописателем-этнографом, Островский, по мнению критика, не столько создаёт «личные характеры», сколько «варьирует весьма искусно и удачно» уже найденные, «как бытовые, так и психические типы», которые при этом «целиком взяты из жизни» [12, с. 33].

Определив специфику характерологии Островского, критик не проявил свойственной ему в других случаях пронизательности в понимании сю-

жетного конфликта пьесы. Он находит одинаково «дикий и дремучий мир» в изображении и помещичьего быта, и купеческого, и провинциальных актёров, противопоставление которых хозяевам жизни, по его мнению, «сделано довольно искусственно» и выглядит случайным [11, с. 38].

Из всех персонажей комедии критик выделил молодых влюблённых: «Характеры обоих любящих лиц, Петра и Аксюши, поставлены превосходно» [12, с. 3]. Что касается главных героев комедии, провинциальных артистов, то в их описании Страхов находит немало противоречий, которые ему представляются по меньшей мере странными. Так, Несчастливцев, по мнению критика, изображён «весьма колоритно и рельефно; в нём смесь добрых инстинктов и актёрской привычки порисоваться, самого глупого фанфаронства и самого искреннего расположения помочь другому в беде» [12, с. 42]. В противовес ему Счастливцев – человек с «подлой душонкой», возомнивший себя личностью с «возвышенной душой», «нравственная дрянь, готовая за грош продать ближнего, с высоким мнением о своём уме, таланте и благородстве» [12, с. 42–43]. При этом Счастливцев очерчен также удачно и «чуть ли не полнее и рельефнее всех других лиц» [12, с. 47].

Недоволен Н.Н. Страхов финалом комедии – «банальным нравоучением Несчастливцева», хотя сама его «мысль о влиянии искусства, о смягчающем его действии на нравы», которая «воплощена в живом человеке», возражений не вызывает [12, с. 46–47]. Критик даже сравнивает талант Островского-комика со Щедриным и Мольером и желает ему развиваться «до создания более глубоких, более полных психических типов» [12, с. 48]. Таким образом, Страхов высказал о комедии замечания скорее художественного, а не содержательного характера.

Самую доброжелательную статью о комедии «Лес» опубликовал в газете «Русский мир» М.Я. Раппопорт (1871, № 63, 4 ноября). Он утверждает, что эта пьеса – «явление весьма крупное в нашей литературе», что Островский выступил в ней как «строгий сатирик», показывающий «общественные недуги в целом и в частностях», обращающий внимание на «больные места известной среды», протестующий против грубого невежества – «наподобие диких обитателей бесконечного дремучего леса, исключительно озабоченных своим материальным благосостоянием» [8, с. 49]. Комедия представляет собой, по мнению рецензента, «глубокий, верный психический этюд изображаемых типов – выше всяких форм и рутинных сценических условий» [8, с. 49]. В то же время Раппопорт обратил внимание на недостаток «сценического движения» в пьесе. О недостатках сценичности в этой и в других пьесах Островского и о преобладании в них диалогов писали и другие рецензенты, но лишь некоторые из них, например

П.Д. Боборыкин, находили в этом особенность эпической природы его драматургии.

Комедия «Лес», по мнению Раппопорта, относится «к более удавшимся произведениям» драматурга и «носит на себе отпечаток чисто русский» [8, с. 50]. Высоко оценил рецензент характер Несчастливцева: это «бедный горемыка-труженик, с горячим сердцем, с отчаянною головою... Это в полном смысле широкая русская натура, способная на всё доброе и вместе с тем увлекающаяся до крайности. Это драгоценный алмаз в первобытной своей неотделанной форме, это артистическая душа, навевающая на зрителя грустные и вместе отрадные думы» [8, с. 50–51]. Подобные характеры обладают «горячим сердцем» и «честными стремлениями», но они бессильны «среди... невежественных и блаженствующих представителей тёмного царства» [8, с. 51]. Несчастливцев напоминает рецензенту Любима Торцова, героя комедии «Бедность не порок».

Обращает на себя внимание критика и комик Счастливцев, «не отличающийся твёрдостью правил, не пренебрегающий средствами для достижения цели и всегда готовый поживиться на чужой счёт сорвиголова» [8, с. 54]. Вообще, М. Раппопорт одним из первых, кто откликнулся на комедию «Лес», обратил внимание на противостояние провинциальных актёров, обладающих, хотя и в разной мере, не столько меркантильными, сколько артистическими интересами, окружающему их миру прожигателей жизни. Он заметил «горькую иронию» автора по отношению ко всему происходящему в пьесе. Имея в виду не совсем удачный спектакль по комедии «Лес» в Александринском театре, критик утверждает, что «как замечательное литературное произведение, новая комедия более выигрывает в чтении» [8, с. 55]. В целом же, по его мнению, «фабула комедии, не запутанной мудрёными интригами, простой, незатейливой по содержанию, но прекрасно задуманной и глубокой по мысли и морали», такова, что «нельзя не симпатизировать от всей души комедиям с таким честным направлением» [8, с. 53, 55].

Явная недооценка достоинств комедии «Лес» многими рецензентами контрастировала с тем, как восприняли новую пьесу Островского профессиональные писатели. Известно, что «Лес» высоко оценили П.В. Анненков, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев и другие литераторы [7, т. 3, с. 534]. Достоинства комедии сознавал и сам автор, назвавший «Лес» в письме Ф.А. Бурдину от 17 апреля 1871 года «сильной пьесой» [7, т. 11, с. 349].

Неоднократно повторявшиеся негативные суждения о новых пьесах Островского можно объяснить тем, что среди читателей, зрителей, театральных критиков продолжали бытовать мнения о драматурге преимущественно как обличителе «тёмного царства» – настолько сильными оставались традиции гражданской тенденции в русской

литературе и, соответственно, восприятия раннего творчества Островского в добролюбивском духе. На этом фоне попытки драматурга найти позитивные начала в характере русского человека нередко вызвали неприятие, тем более что писатель не пытался создавать идеальных героев, даже самые привлекательные из них оказывались достаточно противоречивыми.

Непростыми оказались и те из персонажей «Леса», которые так или иначе противостоят бездуховному миру русской провинции – бродячие актёры трагик Геннадий Несчастливцев и комик Аркадий Счастливцев. Если в первом из них рецензенты комедии и её сценического воплощения склонны были видеть, хотя и с оговорками, главного персонажа пьесы, носителя некой позитивной идеи, то о втором высказывались, как правило, пренебрежительно, как о персонаже, не несущем никакого положительного смысла.

Анонимный автор статьи «Петербургская летопись» в газете «Биржевые ведомости» (1871, № 26, 27 января), характеризуя комедию «Лес», подчёркивал: «В противоположность этой мрачной среде выставлен в комедии провинциальный трагик, бесшабашная голова с тёплым сердцем, так называемая широкая натура, для которой не существует мелочных расчётов, вследствие привычки жить изо дня в день и действовать не иначе как по внушению минуты, под влиянием сильного чувства. Личность, выведенная автором, несколько исключительна и образцом для подражания считаться, конечно, не может, хотя наряду с беспутностью представляет некоторое величие и возбуждает к себе сочувствие». Особенность его характера «заключается в умении сочетать искреннюю горячность и силу чувства с искусственной декламацией, которую усвоили себе трагики старой школы, привыкшие реветь, а не говорить на сцене... Несчастливцев гаёрствует в пьесе до последней минуты, и злобу свою против бессердечной среды, в которой он очутился, выражает монологом из «Разбойников» Шиллера» [2, с. 5].

По мнению рецензента, «эффект пьесы, с точки зрения сценической, весь основан на Несчастливцеве, который заканчивает её необыкновенно сильным и выразительным монологом, резюмирующим всю мысль комедии». Что касается второго персонажа-артиста в комедии, Счастливцева, то в нём автор статьи в «Биржевых ведомостях» видит лишь образец «мелких плутоватых натур, старающихся поживиться чем только можно, независимо от средств к достижению той или иной цели» [2, с. 5].

На самом деле характеры «жрецов искусства» в комедии глубже и сложнее, чем это представлялось рецензентам. Эти персонажи ведут себя на сцене в соответствии со своими сценическими амплуа, подчёркнутыми не только фамилиями-псевдонимами, но и имеющими свои значения

именами. Оба актёра, каждый по-своему, противостоят быту, образу жизни, традициям сословия, к которому принадлежали по происхождению. Геннадий (по-гречески «благородный») Несчастливцев – дворянин, сохранивший некоторые представления о сословной чести, так что ему даже неудобно признаваться в своей профессии, в лицедействе (это для дворянина унижительно), и он представляется капитаном в отставке и заставляет своего коллегу и приятеля Аркадия Счастливцева притвориться его слугой. Но все эти предрассудки искупаются искренней любовью к прекрасному и высокому, к тому, что противостоит меркантильному бездуховному миру.

В свою очередь Аркадий Счастливцев («Аркадий» – счастливый, житель Аркадии) – не просто плут, он тоже не мыслит свою жизнь вне театра и не приемлет жизни мещанской. Он рассказывает приятелю, как после некоторого времени, проведённого в бродяжничестве, вернулся к родственникам: «Стал я у них жить. Встают в четыре часа, обедают в десять; спать ложатся в восьмом часу; за обедом и за ужином водки пей, сколько хочешь, после обеда спать. И все в доме молчат... точно вымерли. Дядя с утра уйдёт в лавку, а тётка весь день чай пьёт и вздыхает. Взглянет на меня, охнет и промолвит: Бессчастный ты человек, душе своей ты погубитель! Только у нас и разговору. “Не пора ли тебе, душе своей погубитель, ужинать; да шёл бы ты спать”. <...> ...Я было поправился и толстеть уже стал, да вдруг как-то за обедом приходит в голову мысль: не удавиться ли мне? Я, знаете ли, тряхнул головой, чтобы она вышла, погодя немного опять эта мысль, вечером опять. Нет, вижу, дело плохо, да ночью бежал из окошка. Вот каково нашему брату у родных-то» [7, т. 3, с. 278].

Критики, обвинявшие Аркадия Счастливцева во всех смертных грехах, не обратили внимания на этот пассаж, демонстрирующий тоску человека по чему-то более высокому, чем сытость. В другом эпизоде Аркадий, расстроенный размолвкой с Несчастливцевым из-за денег, неожиданно проговаривается: «Пойду поброжу по саду, хоть георгины все переломая, всё-таки легче» [7, т. 3, с. 306]. Художественный такт, как всегда, не позволил драматургу показать своих героев-актёров хотя бы приблизительно положительными персонажами. В безалаберном, стихийном образе жизни провинциальных артистов, в чём-то напоминающих скоморохов, явственно проявляются русские национальные качества характера, прекрасным знатоком которого был А.Н. Островский: неприятие обывательской жизни, склонность к стихийному бунту, к бродяжничеству, к загулу, – и широта натуры, душевная щедрость, хвастовство – и самоирония, и чувство юмора, словом, широкая жизненная палитра русского человека. И не случайно современники драматурга узнавали в образе Несчастливцева трагиков

Н.Х. Рыбакова, К.Н. Полтавцева и даже скандально известного Д.А. Горева-Тарасенкова. Прототипами Счастливцева называли комиков К.В. Загорского, П.В. Медведева, А.Д. Казакова [см.: 7, т. 3., с. 533].

Лес в комедии А.Н. Островского – олицетворение мрачного, застойного, бездуховного начала, но в его пьесах метафора, как правило, неоднозначна и может нести в себе разные смыслы (достаточно вспомнить «Грозу»). Лес представляет собой ещё и нечто природное, устойчивое, основательное, вечное, и то, что его нещадно вырубают – символично и опасно для существования всего живого. Мотив леса у Островского явно предшествует мотиву вишневого сада у Чехова. В целом в творчестве Островского 1870-х гг. «обнаруживаются эстетические предпосылки к зарождению “новой драмы” А.П. Чехова – внутренний драматизм повседневной жизни, объясняющий особенности финала, в котором сохраняются жизненные противоречия [6, с. 86].

Комедия «Лес» открывает в драматургии А.Н. Островского очень важную для него и сложную тему благотворного влияния искусства на человека, на общество. Как всегда, драматург, хотя и не чуждается некоторых дидактических приёмов творчества, поскольку считает театр наиболее открытым воспитательным средством по отношению к публике, не упрощает характеристику своих героев, не делает их прямолинейными, а демонстрирует жизненные противоречия не только общественных отношений, но и человеческих характеров. Тема театра, актёрской судьбы, противостояния людей искусства меркантильному пошлому миру, затронутая в этой комедии, будет иметь продолжение в дальнейшем творчестве Островского – вплоть до пьес «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые».

Библиографический список

1. <Без подписи> Внутренние новости. Петербургская хроника // Голос. – 1871. – № 304. – 3 ноября.
2. <Без подписи> Петербургская летопись // Биржевые ведомости. – 1871. – № 26, 27 января.
3. Боборыкин П. Русский театр // Дело. – 1871. – № 11. Современное обозрение. – С. 33–53.
4. Горелов А.Е. Подвиг русской литературы. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 716 с.
5. Овчинина И.А. Пьеса «Воспитанница» в творческой эволюции А.Н. Островского // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – Вып. 3 (7). – С. 8–14.
6. Овчинина И.А. Новые подходы к созданию Полного собрания сочинений и писем А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 84–88.
7. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1972–1980.
8. Р., М. <Расспорт М.Я.> Театральные и музыкальные заметки (Русский мир, 1871, № 63, 4 ноября. С. 1–2) // Зелинский В. Критические комментарии к сочинениям А.Н. Островского. Ч. 4. – М., 1896. – 236 с.
9. Соловьёв Н. Русская журналистика в 1871 году // Русский мир. – 1871. – № 17. – 18 сентября.
10. Театральный нигилист <Соколов А.А.> В лесу // Петербургский листок. – 1871. – № 219. – 6 ноября.
11. <Фёдоров М.П.> Театральные новости // Новости. – 1871. – № 186. – 3 ноября.
12. – 2 – <Страхов Н.Н.> «Лес», комедия А.Н. Островского (Заря, 1871, № 2. Журналистика. С. 58–72) // Зелинский В. Критические комментарии к сочинениям А.Н. Островского. Ч. 4. – М., 1896. – 236 с.
13. З. <Буренин В.П.> Журналистика (Кой-что об Островском и его последней комедии) // Санкт-Петербургские ведомости. – 1871. – № 76. – 17 марта.

References

1. <Bez podpisi> Vnutrennie novosti. Peterburgskaya hronika // Golos. – 1871. – № 304. – 3 noyabrya.
2. <Bez podpisi> Peterburgskaya letopis' // Birzhevye vedomosti. – 1871. – № 26, 27 yanvaryu.
3. Boborykin P. Russkij teatr // Delo. – 1871. – № 11. Sovremennoe obozrenie. – S. 33–53.
4. Gorelov A.E. Podvig russkoj literatury. – L.: Sov. pisatel', 1957. – 716 s.
5. Ovchinina I.A. P'esa «Vospitannica» v tvorcheskoj evolyucii A.N. Ostrovskogo // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». – 2014. – Vyp. 3 (7). – S. 8–14.
6. Ovchinina I.A. Novye podhody k sozdaniyu Polnogo sobraniya sochinenij i pisem A.N. Ostrovskogo // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 3. – S. 84–88.
7. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – M.: Iskusstvo, 1972–1980.
8. R., M. <Rappoport M.YA.> Teatral'nye i muzykal'nye zametki (Russkij mir, 1871, № 63, 4 noyabrya. S. 1–2) // Zelinskij V. Kriticheskie kommentarii k sochineniyam A.N. Ostrovskogo. CH. 4. – M., 1896. – 236 s.
9. Solov'yov N. Russkaya zhurnalistika v 1871 godu // Russkij mir. – 1871. – № 17. – 18 sentyabrya.
10. Teatral'nyj nigilist <Sokolov A.A.> V lesu // Peterburgskij listok. – 1871. – № 219. – 6 noyabrya.
11. <Fedorov M.P.> Teatral'nye novosti // Novosti. – 1871. – № 186. – 3 noyabrya.
12. – 2 – <Strahov N.N.> «Les», komediya A.N. Ostrovskogo (Zarya, 1871, № 2. ZHurnalistika. S. 58–72) // Zelinskij V. Kriticheskie kommentarii k sochineniyam A.N. Ostrovskogo. CH. 4. – M., 1896. – 236 s.
13. Z. <Burenin V.P.> ZHurnalistika (Koj-что ob Ostrovskom i ego poslednej komedii) // Sankt-Peterburgskie vedomosti. – 1871. – № 76. – 17 marta.

МОТИВ БОРЬБЫ В ХРОНИКЕ «СОБОРЯНЕ» Н.С. ЛЕСКОВА

Автор статьи обращается к истории публикации хроники Н.С. Лескова «Соборяне», констатирует, что тематика и внутренний конфликт произведения препятствовали ее публикации в ряде журналов, и только М.Н. Катков осознал значимость хроники и взял ее в свой журнал «Русский вестник». В «Соборянах» Лесков смотрит на мир с особого ракурса, открывающего его взор как взгляд вечности, а центральным конфликтом в произведении становится столкновение веры и безверия, имеющее глобальный, даже вселенский масштаб. В статье анализируются реализации одного из самых значимых мотивов произведения – мотива борьбы. Рассматривается, как на множестве примеров Лесков иллюстрирует активную и деятельную силу своих героев, проявляющуюся в отстаивании веры, сопротивлении подлости и расчетливому обману. Писатель очень тонко и умело показывает, что борьба не является сущностной основой праведников, что все они живут по закону любви, однако не могут быть пассивными наблюдателями в мире, где поругана правда.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, «Соборяне», мотив борьбы, хроника, художественная целостность, религиозное сознание.

В 1872 году в № 4–7 журнала «Русский вестник» выходит роман Н.С. Лескова «Соборяне». Примечательно, что до этого писатель тщетно пытался опубликовать роман-хронику в четырех других изданиях. В 1867 году в журнале «Отечественные записки» появилась первая книга романа, которую автор назвал «Чающие движения воды. Романическая хроника». Однако дальше произведение не выходило из-за последовавших разногласий автора и редактора (после смерти С.С. Дудышкина редактором журнала стал А.А. Краевский). Эту ситуацию Н.С. Лесков подробно излагает в письме к Е.П. Ковалевскому от 20 мая 1867 г., в частности негодуя по поводу сокращений, сделанных цензорами: «В третьем отрывке вдруг оказались сокращения, весьма невыгодные для достоинства романа. Мне, как и всем другим ближайшим сотрудникам журнала, было известно, кто сделал эти сокращения. <...> Этих чиновников г. Краевский уполномочил и просил воздерживать неофициальным образом его бесцензурный журнал от опасных, по его мнению, увлечений его сотрудников» [3]. Следующей попыткой издания романа-хроники стала публикация восьми глав в «Литературной библиотеке», но журнал вскоре был закрыт. Лесков пытался договориться о публикации произведения с редакторами журналов «Заря» и «Беседа».

Скорее всего, именно внутренний конфликт хроники, тематика произведения, а также образ противостоящего властям протопопа Савелия Туберозова смущали редакторов. И только чуткий и внимательный, воспитанный в православной вере М.Н. Катков осознал значимость и масштаб романа Лескова и взял его в свой журнал, ставший к этому времени одним из самых известных в России литературных журналов. Катков, во многом поклонник английских романов, перенесший и в «Русский вестник» традицию печатания произведений крупной эпической формы по частям

в разных номерах, оказался необыкновенно проницательным по отношению к Лескову.

В «Русском вестнике» «Соборяне» были опубликованы полностью, без купюр и редакторских правок. «Соборяне» Лескова как новый интересный жанр очень органично смотрелись в журнале «Русский вестник», а при этом и дополняли его нужным тематическим и идейным содержанием.

Ю.В. Лебедев отмечает, что Лесков в свое время был фактически новатором, впервые так глубоко и проникновенно обратившимся к изображению жизни русского духовенства: «Лесков вводит в классическую литературу жизнь духовного сословия, игравшего ключевую роль в судьбах отечества, но обойденного вниманием русских писателей XIX века» [2, с. 224]. Перед нами не просто «хроника» по типу исторической зарисовки, в «Соборянах» Лесков показал столкновение двух мировоззренческих основ, открыл читателям драматическую борьбу за веру. Жанровые поиски писателя, работавшего над «Соборянами», во многом были связаны с необходимостью, во-первых, изобразить две точки зрения героев, представить временное и вечное, во-вторых, реализовать центральную идею, связанную с утверждением религиозной основы жизни.

Ю.А. Майдунова справедливо подчеркнула, что в «Соборянах» Лесков смотрит на мир с особого ракурса, открывающего его взор как взгляд вечности [5, с. 307]. А помимо этого авторского взгляда, который объединяется с видением близких Лескову героев, поскольку «сам склад речи (и мысли. – В. А.) духовного сословия принят автором в свой внутренний мир» [2, с. 224], есть в произведении еще одно видение и понимание жизни, полностью лишенное мысли о Боге и ответственности человека за свои действия и поступки (Термосесов, Борноволоков и пр.). Духовным зрением наделены немногие и лучшие герои Лескова, причем в разной степени. Более того, не во все моменты жизни

способность видеть мир духовными глазами одинакова. Лесков подчеркивает, что его герои – это все-таки люди, но в особенные минуты его праведники приобщаются к великой способности созерцать мир в его целостности: «С высоты такого созерцания не существует различий между большим и малым, – все располагается в хронике по принципу ценностного равенства, движется одинаково медленно и “эпично”» [5, с. 307].

Благодаря дневнику Савелия Туберозова, который герой ведет на протяжении почти 30 лет, читатель осознает богатство внутреннего мира протопопа, наблюдает за его размышлениями и переживаниями. И.В. Овчинникова отмечает, что благодаря «Демикотоновой книге» протопопа Савелия Туберозова Лесков соединяет две фабулы – дневниковую и романную, сопрягая личное время героя и общее течение истории. В результате этого «читатель получает возможность понимания ситуации, находясь на пересечении двух ракурсов – субъективного восприятия героем течения своей жизни, его мнений о ней и объективного изображения реальности как таковой повествователем» [6, с. 87].

На множестве примеров из жизни Туберозова писатель демонстрирует, что чаще всего люди повинны в страданиях других, что несовершенство, искусственность взаимоотношений порождают уныние и скорбь. Проповеди протопопа – это попытка откровения перед людьми, в обращениях к прихожанам Туберозов рассказывает об основах, позволяющих правильно относиться к жизни. К примеру, Лесков показывает читателю, как меняется состояние и настроение самого протопопа: 24 апреля 1837 года он был «осрамлен до слез и рыданий» [4, с. 72], оскорблен сделанным на него доносом, записал о своих скорбных мыслях и даже сетовал на выбранный им путь. А 25 апреля 1837 года состояние Савелия меняется под впечатлением увиденной им сцены с участием бедняка Пизонского, уже в преклонном возрасте взявшего на воспитание сироту. Картина сева, прекрасно передающая любовное отношение Пизонского ко всему миру, открывает Савелию не только его заблуждение («“Аллилуйя, Боже мой!” – запел и я себе от восторга и умиленно заплакал. В этих целебных слезах я облегчил мои досаждения и понял, сколь глупа была скорбь моя» [4, с. 73]), но и ошибки многих, и Туберозов спешит поделиться найденным и увиденным. «...Слово любви давно огненным перстом Божиим начертано в смиренном его сердце. Прошу вас, – сказал я с поклоном, – все вы, здесь собравшиеся достопочтенные и именитые сограждане, простите мне, что не стратига превознесенного вспомнил я вас в нашей беседе в образ силы и в подражание, но единого от малых» [4, с. 74].

Лесков показывает глубинный смысл взаимодействия протопопа и его прихожан, способность Туберозова направлять внимание людей, открывать

им глаза. Именно поэтому правдивого и честного священника так опасаются власти: они осознают степень влияния Туберозова на народ, значение его проповедей. Опасения за свои места, достаток, положение, за ту паутину взаимной лжи, которая поддерживается многими чиновниками, вынуждают властимущих постоянно ограничивать протопопа. «А они требуют, чтоб я вместе живой речи, направляемой от души к душе, делал риторические упражнения» [4, с. 80], – говорит Савелий Туберозов, путь лишений и гонений для которого еще только начинается.

Столкновение веры и безверия в «Соборях» приобретает глобальный, даже вселенский масштаб, а Лесков на наших глазах соотносит полюсные мировоззрения, жизненные позиции. Драматические и трагические моменты хроники прекрасно иллюстрируют, что в борьбе любви и ненависти, чуткости и равнодушия очень часто побеждает не светлая сторона, однако сложно представить праведников Лескова смиряющимися с той ложью, которую выдумывают сильные мира для удержания своего положения.

В начале хроники Лесков достаточно подробно описывает главных героев повести, протопопа Савелия Туберозова, священника Захария Бенефактова и дьякона Ахиллу Десницына. Однако познакомившись с этими тремя праведниками, читатель далее узнает их все лучше, наблюдает за постепенными изменениями и преобразованием героев.

Как мы уже отметили, Лесков не считает своих героев идеальными, у каждого из них есть свои слабости и недостатки. Так, автор пишет о широте натуры Савелия Туберозова, о его энергичности и эмоциональности, отмечая и особую силу его гнева, не сварливого, не мелочного. Однако сразу же писатель делится с нами историей о трех посохах, «образчиком мелочности, обнаруженной на старости лет протопопом Савелием...» [4, с. 57]. Нельзя не учитывать некоторую робость, неуверенность отца Захарии, особую «увлекательность» дьякона Ахиллы. Но обитатели старгородской поповки представлены писателем «как Россия в миниатюре и как модель нормального, органического ее развития»: «Дьякон Ахилла Десницын – это стихия народная, бурная, неуемная, еще не вошедшая в жизненные берега. Захарий Бенефактов – священник, олицетворяющий Православие историческое с его кротостью и смирением, с его отрешенностью от грешной земли. Наконец, протопоп Савелий Туберозов – носитель близкого Лескову воинствующего Православия», – пишет Ю.В. Лебедев [2, с. 225]. Кроме того, Лесков показывает, что небольшие человеческие слабости его праведников отступают на второй план, когда они чувствуют себя борцами за веру и правду.

Уже с первых страниц хроники мы встречаемся с реализациями одного из самых значимых мотивов

вов произведения – мотива борьбы. На множестве примеров Лесков иллюстрирует активную и деятельную силу своих героев, проявляющуюся в отстаивании веры, сопротивлении подлости и расчетливому обману. На первый взгляд, несерьезное и основанное более на личном неприятии преследование Ахиллой учителя Варнавки становится первой ступенью в череде столкновений за веру и радостное бытие, отстаиваемое праведниками.

Диалог Ахиллы и Захария открывает и причину борьбы – безбожие, и тех людей, против которых будет направлена в хронике вся деятельная сила праведников – речь идет о чиновниках:

«– Опять и этого ты не смеешь, – останавливал Ахиллу отец Захария.

– Отчего же это не смею? За безбожие-то да не смею? Ну, уж это извините-с!

– Не смеешь, хоть и за безбожие, а все-таки драться не смеешь, потому что Варнава был прозвищем сын, а теперь они чиновник, он учитель» [4, с. 58].

Писатель очень тонко и умело показывает, что борьба не является сущностной основой праведников, что все они живут по закону любви. Удивительно в хронике почитание и благоговение, проявляемое ими по отношению к людям, которые, по их мнению, лучше, умнее их самих. Семейная жизнь Савелия Туберозова и Натальи Николаевны становится образцовой именно потому, что муж и жена считают другого умнее себя, с особым уважением и любовным почитанием к протопопу Савелию относятся его младшие товарищи. Читателей хроники притягивает эта атмосфера добра. Вспомним, к примеру, радости и восторги Савелия Туберозова и его домашних, производимые подарками боярыни Плодомасовой и ее слуги, карлика Николая. И смысл тут не столько в неожиданных и приятных дарах, сколько в отношении, в том, что боярыня Плодомасова понимает бытовые потребности человека, которому необходимо думать о совершенствовании прихожан и заботиться о причте. «Ну, за что мне сие? Ну, чем я сего достоин? Отчего же она не так, как консисторский секретарь и ключарь, рассуждает, что легче устроить дело Божие, не имея где головы подклонить?» – говорит сам себе Савелий Туберозов [4, с. 89].

Это сопоставление протопопа подвигает читателя к дальнейшим сравнениям поведения героев и образа их жизни. Именно потому, что есть другой, противный стан, праведники Лескова вынуждены быть бойцами, воинами. Ахилла еще в начале хроники говорит о своей сути воина: «Знаю я это, что полковые очень могут меня любить, потому что я и сам почти воин; но что из меня в полку впоследствии, вы это обсудите?» [4, с. 60]. Обладая избытком физической силы, Ахилла еще и тренируется, меряет ее, чтобы в решающий момент вступить в настоящее сражение.

Мотив борьбы ярко явлен и в дневнике протопопа. Туберозов воюет и со своими несовершенствами, слабостями и страстями близких и Ахиллы, но более всего – с чиновниками, с начальством светским и церковным, ожидающим от священника доносов, лицемерия и подношений. Примечательно, что первая запись дневника протопопа после семилетнего перерыва повествует как раз об усталости от безрезультатной борьбы: «Достойно замечания, сколь я стал иначе ко всему относиться за сии годы. Сам не воюю, никого не беспокою и себе никакого беспокойства не вижу» [4, с. 98].

Все праведники Лескова обладают одним удивительным качеством: они не могут сидеть сложа руки и быть пассивными наблюдателями в мире, где поругана правда, где их помощи и заступничества ждут другие. Очень значима в художественном мире хроники беседа Туберозова с предводителем Тугариным, хорошо понимающим протопопа. Туберозов сетует на шаткость общества, на потерю многими идеала, веры, уважения и почтения к деяниям предков великих. На фоне общего равнодушия к судьбе страны (даже Туганов очень спокойно говорит о том, что если России суждено погибнуть, то она погибнет [4, с. 208]), протопоп предстает перед ним «маньяком», поскольку ревностное служение Богу и его заповедям в современном обществе, на фоне таких людей, как Термосесов, Борноволокков, Бизюкина или Препотенский, выглядит крайностью. Однако для протопопа очевидно, что в то время, когда люди перестают верить в силу слова и не признают добрых дел, настает время подвигов, и тут Савелий прямо говорит о столкновении, о борьбе:

«– Да, да, да! Тебе ссориться хочется! Нет, отче: лучше мирись.

– Пармен Семенович, много слышу, сударь, нынче об этом примирении. Что за мир с тем, кто пардона не просит. Не гоже этот мир, и деды недаром нам завещали “не побивши кума, не пить мировой”» [4, с. 209].

Все праведники Лескова по-своему отстаивают правду и сеют доброе и вечное. Наименее активен во внешней борьбе отец Захария, но читатель должен учесть тот факт, что это единственный из соборян, наделенный Богом множеством детей. Деятельная сила отца Захарии направлена на воспитание детей в Боге, а в это время протопоп Савелий и дьякон Ахилла занимаются преображением действительности. Мотив воинственного противостояния для Ахиллы реализован в плане открытого, физического противодействия злу, для Савелия Туберозова – в плане борьбы с народными поработителями, с расхитителями общих богатств, с чиновниками, не думающими о России.

Каждый сам и все вместе соборяне пытаются воздействовать на общество, они живут судьбой своей страны и не мыслят своего счастья вне благополучия Родины. В хронике представлена сложная,

двойная антитеза: единство праведников Лескова, объединяющих свои усилия в борьбе с врагами Отечества, противопоставлено Лесковым размежеванию и ссорам тех государственных служащих, которые еще недавно вместе пытались уничтожить страну, а теперь преследуют личные корыстные цели. «Да как же не черт знает что: быть другом и приятелем, вместе Россию собирать уничтожить, и вдруг потом аттестовать меня чуть не последним подлецом и негодяем! Нет, батенька: это нехорошо, и вы за то мне совсем другую аттестацию пропишите», – говорит Термосесов Борноволокову [4, с. 239].

На первый взгляд, на фоне идейного противостояния Туберозова и светской власти, неподчинения Савелия власти церковной борьба дьякона Ахиллы выглядит поверхностной. Кажется, что по сравнению с планами Термосесова и Борноволокова Ахилла разменивает силы на учителя Варнаву: ведь Лесков достаточно иронично передает все перипетии с выкапыванием и закапыванием костей утопленника, из которых Варнава сделал скелет. Однако эта борьба также чрезвычайно значима. Конечно, по уровню вредительства и подлости Препотенскому еще далеко до больших чиновников, но в образе Варнавы символично представлена вся молодежь нового времени, не почитающая родителей и на место Бога поставившая не науку, а околонучные толки и рассуждения. И.В. Столярова справедливо отметила, что новую действительность в хронике представляют люди, «выдающие себя за поборников освободительных идей, однако, по сути дела, очень далекие от серьезного и искреннего увлечения этими идеями» [7, с. 428].

По рассказам жителей старгородской поповки, Ахилла просит Савелия называть его не Ахиллой-дьяконом, а Ахиллой-воином, пока тот не сокрушит Варнаву [4, с. 141]. Значимым в художественном мире хроники оказывается и то, что боярыня Плодомасова посылала Николая каждый день к ранней обедне заказывать молебен о сбежавшей карлице именно Иоанну Воинственнику. Лесков использует знаковый ход: Ахилла и отец Захария спорят по поводу того, тому ли святому служился молебен:

«– Иоанну Воинственнику? Иоанну Воинственнику, говоришь ты, молебен-то ходил служить? – перебил дьякон.

– Да-с, Иоанну Воинственнику.

– Ну так, брат, поздравляю тебя, совсем не тому святому служил» [4, с. 176].

Комическая ситуация спора между отцом Захарией и дьяконом Ахиллой продолжается и в следующей, пятой главе второй части повести, где после перечисления ряда святых и тем воззваний к ним, дьякон вспоминает, что молились святому все-таки правильно. Сцена спора чрезвычайно оживляет повествование. Лесков таким образом акцентирует наше внимание на образе святого – *Иоанна Воина*, особо почитаемого еще со времен

Киевской Руси. Писатель актуализирует мотив борьбы, сражения, которое ведут его праведники. Более того, нельзя не учитывать, что Иоанн Воин, служивший у Юлиана Отступника, втайне помогал христианам, боролся за веру, не выполняя приказы императора, идя вразрез с официальной властью. Фигура этого борца за веру соотносится читателем с образом решительного протопопа Туберозова.

В хронике значимо фактическое одиночество праведников: протопоп Савелий не побежден, но слишком неравной оказывается борьба, в которую он вступает. Тем не менее герой не может жить иначе: он готовится к последней и самой яркой проповеди, обращенной к сильным мира сего. Собирая силы для этой проповеди, Туберозов ориентируется и на примеры стойкости и мужества своих предшественников, героев-святых. Е.Б. Шульга вслед за рядом исследователей отмечает, что образ протопопа Туберозова был создан Лесковым с ориентацией на фигуру протопопа Аввакума. Исследовательница констатирует, что в окончательном тексте романа Лесковым были убраны все упоминания об Аввакуме, однако сила борцов за веру, живших до Савелия, в хронике оказывает на протопопа решающее воздействие: «Туберозова вдохновляют на самоотверженное служение вере (а значит, в его понимании – и России) не только пережитая им гроза, но и актуализировавшиеся в его памяти образцы подобных героических деяний “предков великих”» [8, с. 380].

В решающей проповеди Туберозов говорит об «утрате заботы о благе родины», о формальности молитв, искусственности веры новых государственных служащих и ярых прихожан: «...Все эти молитвенники слуги лукавые и ленивые, и молитва их не молитва...» [4, с. 254]. Драматически складывается судьба соборян: вместе с ними уходит целая эпоха русской церкви. Об этом писатель поведал П.К. Щербальскому в письме от 8 июня 1871 года: «...что касается до недостатка хороших людей на смену Туберозову, Захарии, Ахилле и Николаю Афанасьевичу, то и этим делать нечего, и сколько бы я ни хотел угодить почтенной любви Вашей к хорошим людям, не могу их обрести на нынешнем переломе в духовенстве русской церкви. Изображенные мною типы суть типы консервативные, а что дает нынешняя прогрессирующая церковь, того я не знаю и боюсь ошибиться. <...> Желаю оставить дело на том, что “Старгородской поповке ударил час всеобщего обновления”» [3].

В дневниковой записи от 20 октября 1837 года, сделанной протопопом Савелием в своей Демикотонской книге, сказано следующее: «На добро у нас люди не торопливы, а власти тем паче...» [4, с. 80]. Уже на третий день после горячего воззвания Савелия жизнь старгородской поповки входит в свои берега, проповедь Туберозова забывается, а спустя некоторое время город вообще переосмысливает значение протопопа, фигура которого блекнет по срав-

нению со «звездами» нового времени: «Из умов городской интеллигенции Савелий самым успешным образом был вытеснен стихотворением Термосесова. Последний пассаж сего последнего и скандальное положение, в котором благодаря ему очутилась бойкая почтмейстерша и ее дочери, совсем убрали с местной сцены старого протопопа; все были довольны и все помиралы со смеху» [4, с. 262]. Как мы видим, ни о какой преемственности идей Савелия Туберозова не может быть и речи, путь, по которому призывал идти опальный протопоп, требует серьезного духовно-нравственного труда, к которому не готовы его младшие современники.

В.В. Волков справедливо отметил, что опала священника Савелия характеризует всех тех, кто принимал решение о его ссылке и ей не воспретившая: «Евангельски ясный и вполне заслуженный прихожанами проповеднический упрек и молитвенный призыв отца Савелия ожидаемо результировали в то, что на соборного протоирея ополчилось “общество”, а церковное начальство отстранило от служения. Парадоксальным образом ни “общество”, ни Церковь в лице епархиальной власти не могут и не желают понять, что тем самым отъединяются, противопоставляют себя не только протопопу Савелию, но символически самоотвергаются и от Христа...» [1, с. 46].

Таким образом, мотив борьбы с демонической силой, с новыми порядками, могущими привести страну к полной разобщенности, получает в хронике особое значение. В череде финальных событий произведения может показаться, что автор не оставляет ни намека на будущее возрождение веры. Однако это не так. Уже совсем перед смертью старый Туберозов возвращает к вере своего ученика и подопечного, дьякона Ахиллу, который после жизни в Петербурге вдруг начинает отрицать существование Бога, используя наивнейшие примеры, говорит о положительных фактах науки. Благодаря воздействию Туберозова на дьякона в душу Ахиллы возвращается вера: «Это был прибой благодатных волн веры в смятенную и трепетную душу. Ей надо было болеть и умереть, чтобы воскреснуть, и эта святая работа совершалась» [4, с. 299]. Не случаен этот образ болезни, возникающий и в творчестве других писателей, в частности у Ф.М. Достоевского. Так как мы не можем отрицать и символически-аллегорический смысл фигур трех праведников, о котором упоминали в начале статьи, получается, что путь Ахиллы, путь забвения, утраты и воскресения веры должен пройти и простой русский народ, который в самой хронике еще находится на стадии заболевания.

Библиографический список

1. Волков В.В. Роман Н.С. Лескова «Соборяне» как отображение и прообраз информационно-психологической войны // Исторические, философские,

политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9–2. – С. 45–50.

2. Лебедев Ю.В. Судьбы России в творческом наследии И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева, Н.С. Лескова. – Орел: ИД ОРЛИК и «К», 2007. – 272 с.

3. Лесков Н.С. Письма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1370.shtml (дата обращения: 14.06.19).

4. Лесков Н.С. Соборяне // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 1. – М.: Правда, 1989. – С. 45–334.

5. Майдурова Ю.А. Особенности жанра романа-хроники Н.С. Лескова «Соборяне» // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 5 (30). – С. 306–309.

6. Овчинникова И.В. Хронологические парадоксы Демикотоновой книги (роман-хроника Н.С. Лескова «Соборяне») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 1. – С. 85–87.

7. Столярова И.В. Роман-хроника Лескова // История русского романа: в 2 ч. Ч. 2. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 416–438.

8. Шульга Е.Б. К вопросу об источниках замысла хроники Н.С. Лескова «Соборяне» (на материале ранней редакции произведения) // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 2. – С. 376–382.

References

1. Volkov V.V. Roman N.S. Leskova «Soboryane» kak otobrazhenie i proobraz informacionno-psihologicheskoy vojny // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 9–2. – S. 45–50.

2. Lebedev YU.V. Sud'by Rossii v tvorchestvom nasledii I.S. Turgeneva, F.I. Tyutcheva, N.S. Leskova. – Orel: ID ORLIK i «K», 2007. – 272 s.

3. Leskov N.S. Pis'ma [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1370.shtml (data obrashcheniya: 14.06.19).

4. Leskov N.S. Soboryane // Leskov N.S. Sobr. soch.: v 12 t. T. 1. – M.: Pravda, 1989. – S. 45–334.

5. Majdurova YU.A. Osobennosti zhanra romana-hroniki N.S. Leskova «Soboryane» // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2011. – № 5 (30). – S. 306–309.

6. Ovchinnikova I.V. Hronologicheskie paradoksy Demikotonovoj knigi (roman-hronika N.S. Leskova «Soboryane») // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2009. – № 1. – S. 85–87.

7. Stolyarova I.V. Roman-hronika Leskova // Istoriya russkogo romana: v 2 ch. CH. 2. – M.; L.: Nauka, 1964. – S. 416–438.

8. SHul'ga E.B. K voprosu ob istochnikah zamysla hroniki N.S. Leskova «Soboryane» (na materiale rannej redakcii proizvedeniya) // Vestnik CHuvashskogo universiteta. – 2012. – № 2. – S. 376–382.

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИЙ ПУШКИНСКИХ РАБОТ П.В. АННЕНКОВА В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ» (по письмам к М.М. Стасюлевичу)

В статье рассмотрена история публикаций в «Вестнике Европы» пушкинских работ Анненкова по его переписке с редактором журнала («Пушкин в Александровскую эпоху», «Общественные идеалы Пушкина»); изложены основы биографического метода Анненкова, прокомментирована его полемика с оппонентами, уточнена творческая история статьи «Литературная тяжба». Особое внимание уделено толкованию Анненковым пушкинских материалов по истории Петра I и объяснению общественной позиции поэта в 1830-е годы. Анализ рецензии Анненкова на собрание сочинений Пушкина под редакцией П. Ефремова позволил выяснить требования критика к научному изданию и качеству библиографии. Последняя статья Анненкова «Литературные проекты А.С. Пушкина» подчеркнула его важнейший тезис о пушкинском восприятии русской жизни и культуры в контексте европейской.

Ключевые слова: Анненков, «Вестник Европы», Стасюлевич, Пушкин, литературная биография, творческая история.

«Материалы для биографии А.С. Пушкина» (1855 г.) и другие пушкинские работы Анненкова переизданы, прокомментированы и изучены в наше время. Письма Анненкова к М.М. Стасюлевичу в 1870–1880-е годы по поводу статей о Пушкине, напечатанных в «Вестнике Европы», позволяют уточнить взгляд критика на личность и творчество поэта.

В письме от 1 ноября 1873 г. Анненков благодарит Стасюлевича за высокую оценку его нового опыта биографии Пушкина («Вестник Европы», 1873, № 11–12), хотя признает, что статья его «скорее намек на дело, чем самое дело». Тем не менее, по словам Анненкова, мнение человека, который сам много занимался разработкой источников и исторических документов, «лестно в высшей степени» [5, с. 299]. На предложение Стасюлевича издать брошюрой пушкинскую биографию Анненков в письме от 3 декабря 1873 г. высказал желание подождать появления ещё одной его работы – «Пушкин в Александровскую эпоху» («Вестник Европы», 1874, № 1–2), чтобы учесть замечания критиков при подготовке отдельного издания.

Однако литературные рецензии в российской прессе второй половины XIX века были в зависимости от «партийной» ориентации издания. Анненков иронически прокомментировал в письме к Стасюлевичу от 14 марта 1874 г. заметку в «Московских Ведомостях» (1874, № 42) за подписью Б. [Болезлав Маркевич] «о Креолке, будто бы сочиненной «Вестником Европы» (Креолкой называли в свете мать А.С. Пушкина): «Очень нехорошо со стороны Б – и Бог ему не будет судия, ибо, вероятно, постыдится им быть» [5, с. 303]. Непостижимые «желчные и позорные выходки» журналиста «Московских ведомостей» упомянуты в письме Анненкова к Тургеневу (в марте 1874 г.), – «куда заносит человека ненависть и злоба» [1, кн. 1, с. 232–233]. Более серьезным голосом «справа»

о работе Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху» была статья В.Г. Авсеенко «Новое слово старой критики» в «Русском Вестнике» (1874, № 2–3, статья подписана буквой А.). Абсурдные издательские обвинения рецензента позволяют почувствовать остроту борьбы сторонников консерватизма с любым выступлением либеральной «старой» критики. Вот несколько красноречивых цитат из статьи Авсеенко: Анненков «изобразил Пушкина нравственным чудовищем»; мысль Анненкова «не в состоянии понять фантазию поэта»; личность Пушкина сведена в работе к «маленькому и пошленькому образу»; сомнительные источники привели к искажению байронизма Пушкина, к полному непониманию эпохи; «Пушкин не избежал общей участи великих людей, судимых умственным мещанством»; «...настоящего Пушкина ещё нет, и большая часть того, что сделано г. Анненковым, может служить не к уяснению, а только к затемнению этого образа» [«Русский Вестник», 1874, № 2, с. 817, 829, 830; № 3, с. 463]. С недоумением отозвался Тургенев о рецензии Авсеенко в письме к Стасюлевичу от 15/27 марта 1874 г.: «...что за омерзительная статья в «Русском Вестнике» г. А. (Авсеенко?) об анненковском этюде? Это перебулгарило Булгарина – перекатовило Каткова...» [7, Письма, т. 10, с. 214]. Анненков, прочитав «ругательную статью» на монографию о Пушкине, «был изумлен открытием нового рода умов, собравшихся или имеющих собраться в передней Каткова. Это specimen [образчик – с фр.] любопытный. Не знаешь, что в нем преобладает – тупота или распутство мысли, коварство или мальчишество, злоба или потребность нагадить везде, где нет присмотра» (из письма к А.Н. Пыпину 9/21 марта 1874 г. – 3, с. 544). По оценке Анненкова, в письме к Стасюлевичу от 2 апреля 1874 г. статья Авсеенко «в своем роде тоже chef-d'oeuvre. Вот куда забрел поганый консерватизм наш, совер-

шенно однородный с сумасбродным нигилизмом самого последнего сорта. И при том, и при другом нет возможности существовать никакому труду, исследованию, слову науки или правды» [5, с. 303].

Издавая журнальные очерки отдельной книгой «Пушкин в Александровскую эпоху» в том же 1874 году, Анненков в предисловии ответил публицисту «Русского Вестника», пытаясь разговаривать со своими оппонентами на языке нормальной критики. Он опровергнул мнение, что его трудом «оскорбляется память поэта и понижается его личность» [2, с. 15]. Анненков следовал своему биографическому методу, который позволил ему ещё в «Материалах» предложить историко-литературную концепцию творческого пути поэта [6, с. 5, 7–8]. В предисловии ко второй своей книге о Пушкине он напомнил, что с 1855 года появилось множество разноречивых публикаций о поэте, тенденциозных или, напротив, панегирического тона, которые не прояснили его облика. Вторая книга Анненкова о Пушкине должна была дополнить его «Материалы» «фактами и соображениями, которые тогда не могли войти в состав их». Цель биографии – дать «ключ к пониманию характера поэта и нравственных основ его жизни» [2, с. 14]. Всё дело, разъяснил Анненков, – в осмыслении биографом подхода к теме: повествование о жизни писателя должно быть основано «на истине и неопровержимых фактах»; он горячо протестовал против тенденциозности, против «растлевающего учения», следуя которому можно произвольно создавать «образы замечательных людей русской земли» [2, с. 15–16].

«Анненков-биограф, подобно Пушкину – автору исторических трудов о Пугачеве и Петре, в первую очередь заставляет говорить первоисточники и документы», – так объясняет К. Шилов главное достоинство исследования Анненкова [9, с. 50]. Как известно, при подготовке «Материалов» в распоряжении Анненкова было бесценное сокровище – архив Пушкина, «два сундука его бумаг», присланных Н.Н. Ланской [4, с. 442]. Погружение в мир Пушкина обострило чуткость Анненкова к подлинным чертам гения, сказалось на характере всех его пушкинских работ. И в «Материалах», и во второй своей книге Анненков был осторожен в комментариях к поэтическим пушкинским произведениям, выявляя действительные обстоятельства их создания. В первых главах книги «Пушкин в Александровскую эпоху» дана широкая картина политической, светской, литературной жизни Петербурга и Юга, в повествование включены известные имена современников, близких поэту. Факты позволили Анненкову сделать вывод о юном Пушкине, о его страстной потребности «изведать все стороны и слои общества», «все впечатления и уроки» [2, с. 66]. Молодой Пушкин, пишет Анненков, «семь лет сряду стоял посреди заговора,

омываемый, так сказать, волнами его со всех сторон, и не нашлось ни одной, которая бы унесла его с собой в пропасть, где так много погибло его друзей, товарищей и ровесников» [2, с. 64]. Из «путаницы перекрещивающихся воззрений и учений», от всей этой эпохи горячего дилетантизма и влюбчивости в идеи Пушкин усвоил «лучшее ее достояние – ее пытливость, ее стремление к осмысленному, разумному существованию и ее вражду ко всему злобному, низкому и раболепному» [2, с. 78]. Постоянным источником Анненкова были тетради и записи, в которых Пушкин оставил нам «почти всю историю своей души, почти все фазисы своего развития» [2, с. 102]. Они показывают, «что ночь, облежавшая сознание поэта в кишиневскую эпоху, была действительной ночью» и яркие просветы мысли свидетельствовали только о его нравственной силе [2, с. 127–128]; «чистое творчество, обнаруживая тайну его гения... хранило и берегло лучшую часть его нравственной природы» [2, с. 152–153]. Учтена Анненковым переписка Пушкина, его размышления в письмах о критике, о русской словесности, о «невидимке-романтизме» [2, с. 157–165]. «С „Онегина“ начинается нравственное отрезвление Пушкина от хмеля восторженного подражания Байрону... и возвращение его к самому себе, к природе и свойствам своего таланта и своего характера» [2, с. 170].

Главное условие для биографа, убежден Анненков, – видеть цельный образ своего героя, его живой облик. Читая «Материалы» и вторую книгу Анненкова о поэте, мы слышим голос Пушкина, ощущаем его присутствие. По словам К. Шилова, весь текст «Материалов» «поистине „осердечен“ – любовью к Пушкину» [9, с. 46]. Чувство времени, неизменная любовь к поэту позволили Анненкову и во второй книге о нем воссоздать мир Пушкина, передать все тревоги его духовного опыта.

Осуждение критикой работы Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху» не совпало с читательским отношением к ней. Получив в октябре 1874 г. сообщение от Стасюлевича, что «книжка о Пушкине идет довольно шибко», Анненков удивился, эта новость противоречила его «представлению о состоянии русских нравственных потребностей и русских умов вообще» [5, с. 309].

В «Вестнике Европы» (1878, № 1 и № 3) были опубликованы письма Пушкина к жене, подготовленные к печати Тургеневым, по просьбе дочери поэта гр. Н.А. Меренберг. В предисловии к публикации Тургенев писал, что эти семейные документы «бросают яркий свет на самый характер Пушкина», ясно рисуют его нравственный облик. Немногочисленные необходимые исключения из текстов писем Тургенев объяснил «излишней „энергией“» фразы Пушкина: «как истый русский человек, да и к тому же в письмах, носивших строго частный характер», он «не любил стесняться» [7, Соч., т. 15,

с. 114–115]. Анненков, знакомый с письмами поэта к жене ещё в пору подготовки «Материалов», одобрил тургеневскую редакцию писем Пушкина, но Стасюлевич, издатель писем, при печатании восстановил почти все пропуски в текстах: «... всё это упало в воду», – жаловался Тургенев Анненкову в январе 1878 г. – «Стасюлевич не совсем хорошо поступил со мною» [7, Письма, т. 12, с. 261]. По этому поводу редактор журнала упрекнул Анненкова в излишнем пуританизме. Возражая на упрек, Анненков писал Стасюлевичу 26 декабря 1877 г.: «Вы называете меня Катонем, но это не вполне верно. Я считаю, что в литературе всё абсолютно дозволено и запрещенного для нее вовсе нет, только всё должно быть объяснено и всему приискана генеалогия, *raison d'être*, причина явления...» [5, с. 352]. И в февральском письме 1878 г. Анненков ещё точнее высказался по этой теме: «Письма Пушкина чаруют меня по-прежнему, несмотря на выпуски и на пустяки, которыми занимаются, – *семейная мина* Пушкина так же хороша, как поэтическая и жизненная вообще его *мина*: я имею слабость любоваться ею и, конечно, хотел бы, чтобы при сем удобном случае кто-нибудь из знающих поговорил о ней серьезно и умно. Но чего не случилось, того нечего и затрагивать» [5, с. 352–353].

В письме от 2 сентября 1879 г. Анненков упомянул о «главе из Пушкина», которую Стасюлевич прослушал у него в Бадене [5, с. 371]. В ней шла речь о политических и литературных взглядах Пушкина до 1830 г. Стасюлевич предлагал напечатать ее отдельно, но Анненков посчитал более целесообразным сопоставить эту статью с другой – о труде Пушкина над Петром I, которая тоже «почти готова». Соединение двух пушкинских исторических заметок было необходимо, с точки зрения Анненкова, «для ясного представления всего его созерцания». «Ужасно сожалею, что не вздумал поподчивать Вас и ею в Бадене». Обе, по мнению Анненкова, «немислимы в печати» [5, с. 372]. Эти опасения объясняются его опытом, воспоминаниями о сложностях при издании сочинений Пушкина в 1855 г. Уже в то время Анненков был в курсе посмертной судьбы пушкинской рукописи по истории Петра, искаженной цензурой и всё-таки не изданной (см. об этом: [8, с. 12–17]). И хотя при подготовке сочинений 1855 г. Анненкову был доступен весь архив Пушкина, в том числе и «История Петра I», он включил в «Материалы» только два отрывка из нее и несколько упоминаний из пушкинских писем о работе в архивах. Тогда же Анненков оказал русской литературе, по словам И.Л. Фейнберга, «важную услугу, поручив писцу переписать из «Истории Петра» запрещенные строки, перечеркнутые в цензурной рукописи красными чернилами» [8, с. 16–17]. Но и четверть века спустя Анненков сомневался в возможности публикации «крамольных» пушкинских заметок:

«Если цензура придет в сомнение от первой статьи с абрисом аристократической Пушкинской теории, то уже монархическая теория его, о чем трактует #2, пардона у ней, конечно, не найдет. Боюсь, ох, боюсь, что даром тратим мы бумагу и свечи, а жалко!» (из письма Стасюлевичу от 8 мая 1880 г.) [5, с. 385]. Кроме того, Анненков сознавал, как изменилась Россия с пушкинских времен, как по-иному воспринимает общество политические и исторические проблемы: «Подумайте только, – заметил он в письме от 2 сентября 1879 г., – всего 50 лет, как думалось описанным у меня образом, а для необычайно быстрого русского развития – что это за время! – надо бы по крайней мере тысячу лет, чтоб мысли такого рода не приводили никого в ужас» [5, с. 372].

Судьба статьи «**Общественные идеалы Пушкина**», получившейся из объединения двух работ, беспокоила автора. Анненков в предисловии к своему труду подчеркивает, что кроме участия главных деятелей времени «в общем хоре» политических идей многие из них имели «свои правила морали... свою критическую оценку окружающего мира». Никогда и ни в какие эпохи «не прекращалась у нас внутренняя деятельность общественного сознания». «Пушкин точно так же имел свою домашнюю, секретную теорию разумного гражданского существования, как и учителя его – Карамзин и Жуковский» [2, с. 232]. Эта собственная пушкинская теория осталась в «разбросанном, почти бессвязном виде», ибо, как считал Анненков, суждение о политических воззрениях Пушкина по его художественным произведениям не является абсолютно достоверным (учитывая случайности поэтического настроения или фантазии сюжета). «Подлинная мысль человека обретается преимущественно в его беседах с самим собою, наедине со своей совестью», является результатом «всего своего умственного достояния» [2, с. 233].

Эту *подлинную мысль* Пушкина, по мнению Анненкова, сохранили черновые планы его полемических заметок для «Литературной газеты» Дельвига 1830 г. (материал первой части статьи) и комментарии, вопросы поэта при перечислении указов Петра I, за историю которого он принялся в 1832 году (тема второй части). Анненков в письме к Стасюлевичу от 26/14 апреля 1880 г. упоминал «о волнениях Пушкина при начале его работы над Петром I» [5, с. 384], которое словно “передалось” ему, Анненкову, автору статьи, – о чем говорит его рукопись, «черновая, неразборчивая и страшно перемаранная (иначе писать не умею)». Дело усложнялось и «от Пушкинского текста, тоже отрывистого, не очень связного, и все вместе оно весьма удобно может перейти в хаос». «Но Вы хотели, господин, – ну и расхлебывайте эту кашу, которая только и под силу такому доке журнального дела, как Вы. <...> Мы ещё спишемся о времени свида-

ния. Кажется, ранее конца мая мне не придется видеть Петербурга...» [5, с. 385].

Глава о работе Пушкина над историей Петра потребовала больших усилий Анненкова, о чем он упоминает в письме к Стасюлевичу от 8 мая 1880 г.: «Давно уже я столько не работал, столько не писал, как в эту неделю, приготовляя #2. Нелегким делом оказалось превратить в статью разбросанные заметки и сделать из них нечто органическое» [5, с. 385]. Отправив рукопись редактору, Анненков в письме от 15/3 мая 1880 г. сообщил о своей растерянности: статья «в урагане работы, какой Вы всегда умеете возбуждать у своих сотрудников, и мне самому сделалась неясна – что она такое? Присмотрите за ней, как добрый пестун, и скажите свое мнение» [5, с. 386].

Статья «**Общественные идеалы А.С. Пушкина. Из последних лет жизни поэта**» была напечатана в июньской книжке журнала («Вестник Европы», 1880, № 6), как раз к знаменитому Пушкинскому празднику по случаю открытия памятника поэту в Москве. В статье Анненкова выводы о пушкинском восприятии Петра I были четкими: «Пушкин видел или думал, что видит, двойное лицо – гениального создателя государства и старый восточный тип, “бича божья”» [2, с. 267]. Пушкин не выдержал «восторженного настроения своих стихотворений, посвященных имени Петра, когда ближе подошел к жизненным подробностям его царствования и услышал, так сказать, вопли жертв и шум развалин, падавших под ударами преобразователя, расчищавшего дорогу новому порядку дел и новым идеям. Художническая натура Пушкина мешала ему сделаться трезвым историком» [2, с. 269]. «Большинство публики и весь официальный мир ждали от поэта просто лучезарного лика Петра I», их возмутил бы малейший «ввод теней в образ монарха» [2, с. 270]. Ввиду невозможности «найти выход из раздвоенного психического состояния», в каком находился Пушкин по отношению к личности Петра [2, с. 272], труд его остановился. Завершая свой «опыт передачи, по неизданным документам, политических и общественных идеалов Пушкина», Анненков предположил возможные суждения читателей об их утопическом характере. Возражая им, он подчеркнул: Пушкин «сохранил живое гражданское чувство»; «всею душою постоянно желал для своей родины умножения прав и свобод, в пределах законности и политического быта, утвержденного всем прошлым и настоящим России...» [2, с. 272].

На Пушкинском празднике Анненкова чествовали как первого пушкиниста и издателя первого научного собрания сочинений поэта. Московский университет почтил Тургенева и Анненкова избранием в свои почетные члены. Праздник был омрачен для Анненкова оскорбительными замечаниями в его адрес в новом издании сочинений Пушкина

под редакцией П.А. Ефремова. Возмущение и жалобы звучат в письме Анненкова к Стасюлевичу из Симбирска от 14 июня 1880 г.: он *требуется* до отъезда Стасюлевича за границу написать ему «самое ласковое письмо», к какому только он способен; это нужно как утешение из-за полемических замашек и упреков г. Ефремова, «которые он рассыпал в примечаниях к стихотворениям поэта». «Удивительное дело! Издают сочинения гениального человека и не забывают своей мелкой злобы, которую проводят, пользуясь его именем» [5, с. 387–388]. Анненков соглашается, что второе издание и должно быть всегда полнее и лучше первого. Но, забывая о различии эпох, об особенных условиях, в которых работал предшественник, о разнице в обилии материалов, «новый редактор зубоскалит, гаерствует, ломается, точно пишет фельетон для Нового времени. И всё это под знаменем Пушкина и в виду юношества, для которого назначается книга» [5, с. 388].

Оставив в Петербурге Пыпину исправленные корректуры статей для 3-го тома «Воспоминаний и очерков», Анненков «вылил» в его душу «горькие жалобы на позорные рекламы Ефремова в форме ругательных эпитетов на издание Пушкина 1855 года» [5, с. 388]. «Никто меня так не волновал, как оный П. Ефремов», – пишет он Стасюлевичу в июле 1880 г. [5, с. 389]. И только в августе Анненков сообщил, что «совсем отрезвился от непристойностей, встреченных в литературных переулках, куда порядочные люди заходить не должны» [5, с. 389].

Позднее Анненков по совету Пыпина сделал работу об истории выхода в свет сочинений Пушкина 1855 г. с описанием «балета, который тогда протанцевала С-Петербургская цензура» [5, с. 391]: «**Любопытная тяжба**» была напечатана в «Вестнике Европы», 1881, № 1. Письмо Стасюлевичу по поводу этой работы в октябре 1880 г. переполнено горькими и раздраженными чувствами: «...это поганейшая история и стоила мне такого труда, как ни одна из статей... Вы это увидите сами по бессвязности рукописи и яростным помаркам»; «...разбирать такое мазанье можно только по дружбе»; «...какая гадость исписывать целые страницы только о самом себе и о пакостях, которые с Вами творились»; «Делайте из вещи какое Вам угодно употребление, бросайте ее в запас, ломайте, крошите, усекайте, а наконец и сожигайте...»; «...треклятая статья!», «Ломать голову, чтобы умненько и прилично рассказать глупое и частью постыдное дело». Анненков просит «непрерывно сообщить статейку А.Н. Пыпину; он подучил меня написать ее, он и должен вытерпеть за то надлежащее наказание. Это по-божески будет» [5, с. 391].

«Поразительно красноречивый документ эпохи кануна» [9, с. 21] – выдержки из официальной записки, поданной издателем «Сочинений Пушкина»

на» 1855–1857 годов главному правлению цензуры в 1854 году, – раскрывает терпеливое и осторожное единоборство Анненкова с «агентами тогдашней литературной полиции» [2, с. 282]. Анненков подчеркивает, что дозволение на эту записку издатель получил «в виде исключения из общих правил цензурной практики» [2, с. 282], что стало возможным благодаря поддержке министра просвещения А.С. Норова. В записке процитированы 19 фрагментов из сочинений Пушкина, приговоренных цензором к исключению, параллельно к ним во втором столбце той же страницы даны объяснения издателем смысла текстов и внизу – резюме результатов рассмотрения объяснений. Среди обреченных на исключение были и новые, неизвестные стихи, письма, критические заметки, найденные издателем в бумагах Пушкина, и произведения, уже напечатанные в журналах при жизни поэта. Тактика защиты текстов Пушкина, искусство Анненкова в осторожном приближении к цели, напоминающем, по словам К. Шилова, «продвижение по заминированному полю» [9, с. 21], дали прекрасный результат. «За исключением двух-трех мест, – пишет Анненков, – тексты Пушкина прорвались сквозь волшебное цензурное кольцо... Успех этот никак нельзя отнести к убедительности или неотразимости доводов, отысканных “запиской”. Что значили доводы и доказательства там, где судьба процесса всецело зависела от личных настроений присутствующих, от их воззрений, имевших свою аргументацию и свою логику, которые уже никакому обсуждению не подлежали?» [2, с. 308]. Поучительная сторона документа, по словам Анненкова, не в обличении преувеличенных подозрений цензора, «а в тоне, в приемах речи и в доводах, какие понадобились издателю для того, чтобы заставить себя выслушать». «Вся “записка” получила характер и оттенок адвокатской речи, произнесенной в защиту беспомощного клиента, нуждающегося в снисхождении своих судей, и странное впечатление производит теперь вся ее аргументация, когда вспомнишь, что клиентом тут был не кто иной, как Пушкин» [2, с. 283–284].

Статья «Любопытная тяжба» напомнила читателям о старой системе цензуры, изжившей «самое себя до безобразия» непостижимыми запрещениями [2, с. 309]. «Издание Пушкина 1855 года в полном его составе висело на волоске вплоть до своего появления» [2, с. 309]. Даже в этих чрезвычайных условиях Анненков подготовил первое научное собрание сочинений Пушкина в 7 томах, получившее высокую оценку в критике [см.: 4, с. 438–439, 467–479; 9, с. 27–32]. По словам К. Шилова, «обращая в трудную для себя пору взор назад – сквозь время – Анненков (и это характерно для него) вовсе не подумает выставить свои былые тяготы и обиды или погордиться тем, какую стойкость и ловкость пришлось ему некогда проявить. Биограф Пуш-

кина смотрит взглядом историка литературы» [9, с. 19]. Борьба за Пушкина была лишь одним эпизодом литературной жизни в тот трудный промежуток времени, утверждал Анненков, – «по всему пространству интеллигентного мира публицистов, литераторов, ученых» царствовала «глухая война», «и она-то именно и спасла все зародыши развития мысли», подготовила расцвет нравственных и умственных сил общества, когда были сняты «путы, мешавшие их движению» [2, с. 286].

«Любопытная тяжба» отчасти ответила на бесцеремонное унижение Ефремовым редакторского труда Анненкова. Однако был и прямой ответ ему в статье «**Новое издание сочинений Пушкина г. Исакова под редакцией П. Ефремова (1880–1881 годов)**», опубликованной в «Вестнике Европы» (1881, № 2; за подписью N. N.). Написать эту статью посоветовал Анненкову Стасюлевич в ноябре 1880 г. Этот совет Анненков сначала решительно отверг, ещё не остывший от пережитых впечатлений при составлении «Любопытной тяжбы», из-за которой, он уверен, и Пыпин, и редактор «Вестника Европы» получают «репутацию собирателей старья и заношенных рубашек». Нагрузить себя ещё раз постыдным разбирательством с господином, который наградил его эпитетом “безграмотного”, невозможно, не хватит должного хладнокровия: «тут пришлось бы противопоставлять мое дело с мальчишеским и более рекламным, чем литературным делом г. Ефремова, а меня тошнит от одной этой мысли» [5, с. 392].

Однако в декабре Анненков всё-таки пишет рецензию: «...из перечета *зlostных* ошибок Ефремова выходит обзор его неблагопристойного издания, именно то, чего я боялся. Но делать нечего – надо доканчивать взрезанную грушу, иначе загниет» [5, с. 394]. В письме Стасюлевичу в январе 1881 г. Анненков передает просьбу Пыпину снять резкий колорит статьи, «от которого удержаться не мог», и сообщить ей более приличный вид [5, с. 395]. В статье Анненкова дана характеристика недопустимому водевильному тону заметок Ефремова, творца «нового рода увеселительной библиографии» [2, с. 312]. Полемические выходки г. Ефремова превращают его комментарии в «бойкую литературную рекламу», цель которой – «заставить забыть досадное старое издание, изгладить о нем память» [2, с. 310]. Автор статьи убежден: «Роли редактора произведений великого отечественного деятеля г. Ефремов совсем не понимает. Он перенес в строгую область библиографических и филологических исследований говор приятелей, личные свои предрасположения», словно «обрадовался возможности показать себя в качестве публициста»; он принял «позу спасителя пушкинской мысли», посчитав литературным преступлением простые типографские недосмотры; «ревность о чистоте текста служит тут предлогом для

тщеславной потехи» [2, с. 313]. Анненков в этой статье, по словам Л. Модзалевского, дал «горькую, но справедливую отповедь» ожесточенным полемическим нападкам П.А. Ефремова [4, с. 477].

Высказался Анненков и об общей системе нового издания Пушкина. Серьезную критику вызвал принятый Ефремовым исключительно хронологический принцип расположения пушкинских текстов. Прозу он выделил в особый раздел, но «нагромождение стихотворных пьес, различных по форме», под одной датой разрушало эстетическое впечатление. Происходило «смешение важного с неважным, высокохудожественного создания с шуткой и безделкой» [2, с. 318]. «...Дурно понятый принцип хронологического порядка» и другой, «тоже дурно понятый принцип достижения наивозможно большей полноты» сообщил изданию «вид какого-то огромного складочного магазина» [2, с. 319]. Крупной ошибкой редактора, «заблуждением страстного библиографа, но не делом эстетического вкуса и понимания» названо в статье пополнение издания случайными текстами Пушкина, – «полнота полноте рознь», считает Анненков [2, с. 319]. Не следует выдавать эти случайные тексты, застольные импровизации как документы жизни, «не освещая их мыслью и оценкой обстоятельств и среды, из которых они выросли» [2, с. 320]. Они «не имеют корней во внутреннем мире» поэта, это эхо «говора и шума толпы» [2, с. 320]. Редактор вплепел их «в один венок с самыми роскошными, чистыми, благоуханными цветами» пушкинской поэзии [2, с. 322]. Новое издание, по заключению Анненкова, демонстрирует сущность того направления в истории литературы, последователи которого признают только достоверность голого факта, «освободив себя от труда мышления» [2, с. 326–327]. Подход к литературе, убежден Анненков, должен быть основан на истине неопровержимых фактов и документов, но эстетически осмысленных.

Оказалась неосуществимой идея Анненкова (август 1880 г.) сделать работу по переписке Пушкина с III Отделением, – без неё «невозможно закончить его биографию». Анненков был готов написать М.Т. Лорис-Меликову, министру внутренних дел, чтобы добыть все материалы, связанные с Пушкиным [5, с. 389]. Стасюлевич одобрил идею, воодушевленный Анненков предвидел успех: если бы материалы «попали к нам в руки, скажу без хвастовства, могла бы выйти статейка с дорожками во все стороны по прелестному парку российской культуры» [5, с. 390]. Но в доступе к архиву, вероятно, было отказано. М.К. Лемке, редактор переписки Стасюлевича, сделал примечание к этому письму Анненкова – «Ничего не вышло» [5, с. 390]. Отказ мог быть связан с упразднением III Отделения. Анненков так писал об этом событии Тургеневу 22 августа/3 сентября 1880 г.:

«Журналы наши опомниться не могут от упразднения III Отделения и собираются праздновать 6 августа как день взятия Бастилии. Хороший будет национальный праздник в воспоминание события, в котором никто не участвовал, кроме Лориса, да и то с помощью нигилистов, стреляющих из-за угла. Да и не упразднено вовсе поганое Отделение, а присоединено к Министерству внутренних дел в полном его составе, даже и с жандармерией. Завтра же оно может явиться под настоящим своим именем и целый век ещё процветать скрытно, под чужим» [1, кн. 2, с. 121].

Последняя пушкинская работа Анненкова в «Вестнике Европы» «Литературные проекты А.С. Пушкина. Планы социального романа и фантастической драмы» («Вестник Европы», 1881, № 7) позволила ещё раз обратиться к «задушевной мысли» поэта, понять печать его таланта даже в отрывках и набросках программы современного романа из Александровской эпохи («Русский Пелам»). Давний замысел Пушкина обрёл зримые очертания в 1830-е годы после завершения «Евгения Онегина» – поэт утратил в любимом романе «постоянного собеседника», лишился возможности «делиться с публикой внутренним своим миром, заметками, вынесенными из жизненного опыта, мыслями... воспоминаниями» [2, с. 330]. Очертания задуманного социального романа в прозе, полученные из сопоставления четырех его программ, позволили Анненкову говорить о его содержании. Сюда вошли бы картины светской и помещичьей русской жизни, приключения молодых персонажей, искания избранных в «обществе умных» – всё это должно было дать «изображение нравственной физиономии русского общества» последних лет Александровской эпохи [2, с. 344].

План фантастической драмы на материале странной европейской легенды о папессе Иоанне Анненков связал с другими уже известными драматическими опытами Пушкина, по сюжетам из западноевропейской истории, полагая, что вместе они заключают «богатый материал для какого-то капитального произведения». В нём «сквозь сетку недописанных фраз мерцает... легендарный и бытовой средневековый мир, символические и реальные элементы сказания в удивительном, как бы натуральном соединении» [2, с. 357]. Вспоминает Анненков и пушкинский перечень заглавий пьес, осужденных, к сожалению, навсегда сохранять «вид молчаливых сфинксов, не отвечающих ни на какие расспросы» [2, с. 357–358]. Этот список Анненков дополняет двумя названиями («Иисус» и «Павел I»), закрывая тему литературных проектов Пушкина.

Последняя пушкинская статья Анненкова подтвердила главное направление художественной мысли поэта – его восприятие русской жизни и культуры в контексте европейской.

Библиографический список

1. *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1–2. – СПб.: Наука, 2005.
2. *Анненков П.В.* Пушкин в Александровскую эпоху. – Минск: Лимариус, 1998. – 359 с.
3. Литературное Наследство. – М.: АН СССР, 1959. – Т. 67. – С. 539–554.
4. *Модзалевский Б.Л.* Работы П.В. Анненкова о Пушкине // Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники. – СПб.: Искусство, 1999. – С. 436–506.
5. М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М.К. Лемке: в 5 т. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912. – Т. 3. – 789 с.
6. *Тихомиров В.В.* Своеобразие биографического метода П.В. Анненкова – исследователя жизни и творчества Пушкина // Материалы Международной Пушкинской конференции. – Псков, 1996. – С. 5–10.
7. *Тургенев И.С.* Полное собр. соч. и писем: в 28 т. Соч.: в 15 т. Письма: в 13 т. – М.; Л.: Наука, 1960–1968.
8. *Фейнберг И.Л.* История Петра I // Фейнберг И.Л. Незавершенные работы Пушкина. – М.: Современник, 1975. – С. 11–196.
9. *Шилов К.В.* Павел Васильевич Анненков и его «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина» // Комментарий к Материалам для биографии А.С. Пушкина. – М.: Книга, 1985. – С. 5–60.

References

1. Annenkov P.V. Pis'ma k I.S. Turgenevu. Kn. 1–2. – SPb.: Nauka, 2005.
2. Annenkov P.V. Pushkin v Aleksandrovskuyu epohu. – Minsk: Limarius, 1998. – 359 s.
3. Literaturnoe Nasledstvo. – M.: AN SSSR, 1959. – T. 67. – S. 539–554.
4. Modzalevskij B.L. Raboty P.V. Annenkova o Pushkine // Modzalevskij B.L. Pushkin i ego sovremenniki. – SPb.: Iskusstvo, 1999. – S. 436–506.
5. M.M. Stasyulevich i ego sovremenniki v ih perepiske / pod red. M.K. Lemke: v 5 t. – SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1912. – T. 3. – 789 s.
6. Tihomirov V.V. Svoeobrazie biograficheskogo metoda P.V. Annenkova – issledovatelya zhizni i tvorchestva Pushkina // Materialy Mezhdunarodnoj Pushkinskoj konferencii. – Pskov, 1996. – S. 5–10.
7. Turgenev I.S. Polnoe sobr. soch. i pisem: v 28 t. Soch.: v 15 t. Pis'ma: v 13 t. – M.; L.: Nauka, 1960–1968.
8. Fejnberg I.L. Istoriya Petra I // Fejnberg I.L. Nezavershennye raboty Pushkina. – M.: Sovremennik, 1975. – S. 11–196.
9. SHilov K.V. Pavel Vasil'evich Annenkov i ego «Materialy dlya biografii Aleksandra Sergeevicha Pushkina» // Kommentarij k Materialam dlya biografii A.S. Pushkina. – M.: Kniga, 1985. – S. 5–60.

Морозова Светлана Николаевна

кандидат филологических наук
Пензенский филиал Военной академии материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулева, г. Пенза
s.morozova09@mail.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук
Пензенский государственный технологический университет, г. Пенза
ivb40@yandex.ru

ТВОРЧЕСТВО ДЖ.М. СИНГА В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ К.И. ЧУКОВСКОГО

Исследование осуществлено в рамках выполнения работ по гранту Российского научного фонда
№ 17-18-01006 «Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX века)»

В статье рассматривается специфика восприятия К.И. Чуковским драматургии одного из крупнейших деятелей национального возрождения Ирландии Дж.М. Синга (1871–1909). Дж.М. Синг, создававший свои произведения на английском языке, не только воскресил народные предания, но и расширил представление об ирландской национальной самобытности, предложив свое видение образа современного ирландца. К.И. Чуковский является автором одного из первых переводов драматургии Дж.М. Синга на русский язык (комедия «Герой»), а также вступительной статьи к его публикации в 1923 г. Статья «Синг и его “Герой”» отражает понимание русским писателем поставленных в пьесе нравственно-эстетических вопросов. По мнению К.И. Чуковского, сложный художественный метод Дж.М. Синга сформировался под влиянием идей возрождения национального драматического театра. Данное направление в восприятии наследия Дж.М. Синга явилось определяющим в русской литературе и в целом отразило характер отношения русского культурного сознания к творчеству ирландского драматурга.

Ключевые слова: К.И. Чуковский, Дж.М. Синг, русская литература, русская литературная критика, драматургия, межкультурные связи, традиция, эстетическое направление.

Творчество Дж.М. Синга отразило не только литературные тенденции конца XIX в., но и явилось воплощением синтеза ирландской и английской культуры. В произведениях ирландского драматурга ярко прослеживается характерная закономерность того времени, когда определенное литературное направление меняется под действием национальных традиций. Дж.М. Синг внес большой вклад в развитие ирландской драматической литературы, призванной возродить национальный театр.

В отечественном литературоведении осмыслению творчества Дж.М. Синга посвящено небольшое число работ. Теоретическое обоснование развития драмы, а также вопросы взаимодействия театра и литературы во второй половине XIX в. определены в монографии А.А. Аникста [1]; в исследовании В.Е. Хализева [14] проводится разграничение литературной драмы и сценарной драматургии. В трудах В.С. Камышева и В.А. Ряполовой [5; 11] анализируются отдельные аспекты творчества Дж.М. Синга. Особенности эпохи возрождения ирландской самоидентичности, определившей нравственно-эстетические взгляды драматурга, представлены в работах М.К. Поповой, А.П. Сарануняна, Н.В. Тишуниной и В.В. Хорольского [10; 12; 13; 15], выделяющих социальную, экономическую и политическую обусловленность возникновения и развития этого литературного движения. Творчество Дж.М. Синга широко изучалось в работах зарубежных авторов: так, в книге Е.Ф. Venson [18] представлен общий анализ творчества ирландско-

го драматурга, в работе J. Derlin [19] приводятся наблюдения об особенностях отражения в пьесе Дж.М. Синга «Герой» культуры Западной Ирландии, исследование Т.О. Johnson [20] посвящено изучению гротескного элемента в произведениях драматурга.

Большую роль в осмыслении художественного наследия Дж.М. Синга в России сыграла литературно-критическая деятельность К.И. Чуковского. Ценность рецепции К.И. Чуковским творчества ирландского драматурга обусловлена большим количеством его работ по изучению обстоятельств восприятия зарубежных культурных и философских направлений и течений в русской литературе [2–4; 6–9], в которых он достаточно полно проанализировал интеграцию художественного наследия отдельных западноевропейских писателей в русскую литературу.

Из всех произведений Дж.М. Синга наиболее известной и популярной, в том числе и среди русских читателей, является пьеса «The Playboy of the Western World» («Плейбой Западного мира»). Вслед за З.А. Венгеровой и М. Потапенко, чьи переводы – под названиями «Ирландский герой» и «Чудо-герой» соответственно – увидели свет в 1915 г., к интерпретации этой пьесы обратился К.И. Чуковский. В его переложении произведение Дж.М. Синга вышло под названием «Герой» (1923). Изменение оригинального названия К.И. Чуковский объяснял тем, что он «получил телеграмму из Студии Художественного театра: переменить “Плэйбоя” на “Героя”» [17, с. 69]. Пи-

сатель не только перевел пьесу, но и написал к ней пространное вступление под названием «Синг и его “Герой”».

В своем дневнике К.И. Чуковский уделял большое внимание описанию своей работы над «Героем» Дж.М. Синга, что связано с трудностями, возникшими при издании книги, а также с поиском материала для вступительной статьи.

Упоминания о работе над переводом пьесы встречаются в дневниковых записях от 27 ноября 1922 г. («Москву видел мало, т. к. сидел с утра до вечера и спешно переводил “Плэйбоя”» [17, с. 58]) и 1 января 1923 г. («...перевел Синга. <...> Ну, пора мне приниматься за Синга, нужно же наконец написать о нем статью!» [17, с. 68]).

О том, что работа над вступительной статьей к пьесе Дж.М. Синга была кропотливой и нелегкой, свидетельствуют многие записи в дневнике К.И. Чуковского: «Сегодня утром я должен написать предисловие о Синге» (запись от 30 декабря 1922 г.; [17, с. 66]); «Вчера весь день сидел в канцелярии Публичной библиотеки, отыскивал в “Academy” рецензии о Syng’e... Встал, чтобы снова написать о Синге. Принимаюсь писать третий раз, все не удастся» (запись от 6 января 1923 г. [17, с. 70]); «Четыре раза написал по-разному о Синге – и так, и сяк – наконец-то удалось, кажется» (запись от 12 января 1923 г. [17, с. 72]).

Называя работу над переводом пьесы Дж.М. Синга и подготовку вступительной статьи к ней докучной и трудной, К.И. Чуковский описывал все сложности, с которыми ему пришлось столкнуться: «Ни одной книжки о Синге найти невозможно в Питере, поэтому, соображая время постановки его пьес, я рылся в старых номерах “Academy” и “Athenaeum’a”, отыскивая крошечные и беглые рецензии о “Playboy’e”» [17, с. 78]. Сложности были обусловлены как обстановкой, окружающей К.И. Чуковского (работа велась в шумной канцелярии), так и отсутствием оглавления в журналах, из-за чего писателю приходилось перелистывать все издание при поиске необходимой информации. Противоречивость и недостаток архивных данных требовали от К.И. Чуковского больших усилий, поэтому при написании статьи только четвертый ее вариант удовлетворил писателя.

Издание статьи в качестве предисловия к пьесе «Герой» не обошлось без редакционных сложностей. В дневнике от 12 февраля 1923 г. К.И. Чуковский приводил выдержку из заключения «писаря из Москвы», назвавшего его анализ «извращенно индивидуалистическим» [17, с. 78]. В основном критиковались форма подачи материала, в котором К.И. Чуковский выражал свои «собственные» (!) мысли, а также отказ от социологизированного подхода к трактовке творчества Дж.М. Синга. Предлагалось либо сократить статью с третьей главы до конца, либо «написать совершенно новое

марксистское предисловие» [17, с. 78]. К.И. Чуковский резко отреагировал на критику: «...какой-то безграмотный писарь, тупица, самодовольный хам смеет третировать мою старательную и трудно давшуюся статью, как некоторый хлам, которым он волен распоряжаться как вздумает...» [17, с. 78]. Положительный отзыв получили две первые части статьи, в которых содержались биографические данные Дж.М. Синга и анализ отзывов английской печати о его творчестве. В упрек писателю ставились отрицание социальных мотивов в пьесе Дж.М. Синга и неправильная трактовка идейного замысла писателя. В угоду общественным и политическим реалиям того времени редактор хотел видеть в «Герое» иронию в изображении быта ирландских крестьян, в то время как «Чуковский выдал талантливое изображение автором ограниченности и тупости ирландских фермеров и кабатчиков как выражение талантливости, богатства натур» [17, с. 78]. В формулировке этой претензии К.И. Чуковский увидел не только идейную подоплеку, но и безграмотность оппонента. По мнению писателя, отзыв редактора представляет собой продолжение лучших традиций русской сатиры: «Его критическая статья превосходна – как будто из Щедрина, Козьмы Пруткова или Зоценки. Все банальные газетные фразы собраны в один фокус» [17, с. 79].

Искаженное восприятие всей пьесы редактором, увидевшем в произведении Дж.М. Синга «ханжество, ограниченность и тупость крестьянской психики» [17, с. 79], а также сатиру на религиозные убеждения простых людей, т. е. на все, что порицалось идеологией того времени, привело к необходимости значительных усилий для осуществления издания.

К.И. Чуковский встал на защиту своей работы и подготовил ответ, в котором отметил, что «Синг не писал сатир», что он «не отрицает социальных мотивов творчества» [17, с. 79] и др. В результате долгой переписки пьесу опубликовали все же со вступительной статьей К.И. Чуковского.

Искаженное восприятие творчества Дж.М. Синга было в целом характерным для России 1920-х гг. Неготовность русской публики принять и понять художественную самобытность пьесы «Герой» подтвердило и чтение К.И. Чуковским лекции об английском драматурге в Доме печати: «Никому не интересен Синг, и вообще московская нэпманская публика, посещающая лекции, жаждет не знаний, а скандалов» [17, с. 82].

Восприятие пьесы Дж.М. Синга как легкого, увеселительного произведения подтверждалось способом ее подачи на театральных подмостках. К.И. Чуковский описывает одну из таких постановок: «В театре всюду низменный гротеск, и, например, 20 февр. я был на “Герое” Синга: о рыжие и голубые парики, о клоунские прыжки, о визги,

о хрюканье, о цирковые трюки! Тонкая, насыщенная психологией вещь стала отвратительно трескучей» [17, с. 83]. В результате такого видения пьеса Дж.М. Синга становилась фарсом или притчей. Сатира в произведении ирландского писателя присутствовала, но она была направлена не на характеры и образ действия простых людей, а на развитый национализм и существующие экономические стандарты жизни, определявшие жестокую модель взаимоотношений колониальных властей с местным населением. Режиссеры не смогли передать сложность идейного замысла пьесы, поэтому красочные диалоги, построенные на народном наречии, зачастую воспринимались зрителями как свидетельство невежества и неграмотности изображаемых персонажей.

Первая часть статьи К.И. Чуковского «Синг и его “Герой”» посвящена описанию событий, сопровождавших постановку пьесы в Ирландском национальном театре в Дублине в 1907 году. По словам К.И. Чуковского, «это первое представление сопровождалось скандалом» [16, с. 535]. Ожесточенные протесты дублинских зрителей вызвал способ изображения характерных национальных черт ирландского народа. На каждом из представлений зрители пытались сорвать игру актеров, заглушив «клеветнические речи». Часто шум был настолько громким, что «актеры даже не пытались говорить, это было бесполезно»: «Они заменили свои диалоги мимикой, так что пьеса превратилась в пантомиму» [16, с. 535]. К.И. Чуковский называл причины, по которым пьеса Дж.М. Синга была встречена с враждебностью: «Зрители утверждали, что автор оскорбляет ирландский народ и клеветает на ирландскую женщину» [16, с. 536]. К.И. Чуковский одним из первых в литературной критике охарактеризовал политическую подоплеку подобного отношения к творчеству Дж.М. Синга. В произведениях ирландского драматурга, явившегося одним из видных представителей Театра Аббатства, тесно переплелись ирландская и английская традиции, что вызвало упреки ирландских националистов, увидевших в подобном смешении дискредитацию национальной культуры, а также ее зависимость от британской, и даже угрозу независимости всей Ирландии. Резкая отрицательная оценка поставленной пьесы Дж.М. Синга также была свойственна, по наблюдениям К.И. Чуковского, периодическим изданиям и общественным организациям: «Популярный “Freeman’s Journal” назвал его пьесу клеветой сумасшедшего. Всевозможные организации и клубы требовали немедленного снятия пьесы» [16, с. 535].

Ирландские зрители называли невозможными ситуации, представленные в пьесе. На защиту произведения встал известный ирландский поэт и драматург У.Б. Йейтс, собравший в Дублине многолюдный митинг, на котором он, по словам

К.И. Чуковского, «выступил один против всех, заявляя, что невозможно поэзию мерить партийными мерками, что великих поэтов нельзя проклипать, что их творчество – благоденствие для нации» [16, с. 538].

Дж.М. Синг глубоко проникся идеями возрождения национального драматического театра. И так как для основателей театра важно было создание настоящего образа Ирландии и ирландцев в противоположность тому искаженному образу, который присутствовал на подмостках английской сцены в конце XIX в., Дж.М. Синг отправился в поездку по Ирландии. При этом им посещались такие «глухие углы, куда еще почти не проникло влияние английской культуры» [16, с. 537]. Писатель называл некоторые из них: «Есть в Ирландии такие углы, в графствах Мэйо и Кэрри, где, нетронутое временем, живет... самобытное племя, сохранившее древний газельский язык»; «В том же 1899 году он... побывал и на Аранских островах, – на Инишморе, Инишмаане, Инишире, – сдружился с тамошними рыбаками, часто выезжал с ними в море на их душегубках, *курагах*, сделанных из тонкой лучины и обтянутых шкурой барана» [16, с. 537].

Дж.М. Синг утверждал красоту и величие литературного языка Ирландии, считая его символом национального достояния. Владея им в совершенстве, Дж.М. Синг в своих пьесах смог ярко и выразительно передать национальный колорит. А сближение и тесное общение с народом способствовало более точному осмыслению нравов и обычаев простых людей, обуславливавших специфику богатейших национальных традиций Ирландии. Очерки Дж.М. Синга «Аранские острова», «Западное Кэрри», написанные по итогам путешествия, К.И. Чуковский называл «памятниками этих скитаний» [16, с. 537].

Одной из первых пьес Дж.М. Синга, поставленных на сцене, была трагедия «Уходящие в море» (1904). Ее успех К.И. Чуковский объяснял реалистичным изображением жизни ирландских моряков, для которых «гибель в волнах океана сделалась привычным явлением» [16, с. 538]. Изображаемая трагедия рока без каких-либо дополнительных, свойственных пьесам Дж.М. Синга ироничных характеристик ирландского народа отрицала всякую возможность обвинений ирландских патриотов в принижении национального характера. Отличительной особенностью этой пьесы, как и других ранних произведений Дж.М. Синга, явилось мастерское сочетание реалистического начала с элементами романтизма. Поэтому внешний натурализм, обусловленный грубоватой сниженностью некоторых эпизодов, не мог скрыть поэтическое осмысление изображенной ситуации.

Глубокое символическое значение в пьесе «Уходящие в море» имеет образ старухи Морайи, потерявшей всех своих сыновей. К.И. Чуковский

не случайно описывает реакцию героини на ее жизненные обстоятельства, когда «она со спокойствием отчаяния говорит, что теперь она счастлива, так как море уже бессильно над нею: ему нечего взять у нее» [16, с. 538]. Эти слова с поразительной точностью характеризуют духовную жизнь простого ирландца, способного в трудные решающие моменты своей жизни проявить благородство и мужество. Глубокое знание Дж.М. Сингом жизни ирландцев, их традиций и привычек стало возможным в результате сближения писателя с народом, которое он, по мнению К.И. Чуковского, считал «необходимым условием творчества» [16, с. 537]. Натурализм изображения, высокий пафос пьесы «Ухолящие в море», несмотря на ее безысходность и мрачность тона, вызвали восторг многих читателей.

Продолжением признания творчества Дж.М. Синга явилась постановка пьесы «Герой». В своей статье К.И. Чуковский анализировал содержание пьесы и называл причины, по которым она, будучи впервые представленной на сценах Лондона и Парижа, имела небывалый успех. Лестные отзывы театральных критиков способствовали тому, что «имя Синга вышло из узкого захолустного круга и стало известно в Европе» [16, с. 538].

Одним из последних произведений Дж.М. Синга стала пьеса на тему из ирландского эпоса «Deirdre of the Sorrows» («Дэирдра печальная», 1909). К.И. Чуковский отмечал, что, в отличие от уже существовавших трагедий У.Б. Йейтса и Д.У. Рассела о героине старинных ирландских легенд, пьеса Дж.М. Синга была наполнена «оборотами древней гальской речи, заимствованной у простонародья его любимого Запада, и трагедия вышла беспощаднее, ярче, дичее» [16, с. 538]. Дж.М. Синг не просто копировал гальскую речь, а перерабатывал ее в соответствии со своим знанием гальской грамматики и предпочтением тех фраз, которые он считал наиболее аутентичными в каждом конкретном случае. Сложившийся уникальный диалект произведений Дж.М. Синга удивлял слушателей и читателей необычностью грамматических конструкций и новизной речевых оборотов. К.И. Чуковский утверждал, что в «Дэирдре печальной», несмотря на ее незавершенность, в очередной раз полно реализовался драматический талант ирландского писателя.

Вышедшее в 1910 г. полное собрание сочинений Дж.М. Синга в четырех томах вызвало восторженные похвалы критиков, приветствовавших его появление как «великое литературное событие» [16, с. 539]. Такое всеобщее признание заставляло К.И. Чуковского задуматься о причинах неприятия публикой первых представлений пьесы. По его мнению, этому способствовал слишком реалистичный, иногда даже «злой» сюжет его произведений, при знакомстве с которыми «не только за Ирландию можно было обидеться, но и за все

человечество» [16, с. 540]. Критика человеческих пороков в сочетании с позицией нелогичности всего существующего была обусловлена идейно-нравственными взглядами Д.М. Синга, ставшего представителем эстетского направления в ирландской литературе конца XIX – начала XX в. Утверждение К.И. Чуковского о том, что если Синг в жизни «и видел логику, это была логика безумия» [16, с. 540], подтверждается содержанием пьес ирландского драматурга, основанных на полукарикатурных, парадоксальных ситуациях, нелогичном и своеобразном развитии сюжетных линий. К.И. Чуковский проводил параллель между Дж.М. Сингом и А.А. Блоком, указывая на схожесть их позиции по вопросу мирового развития. Но у А.А. Блока категоричность утверждения, что жизнь – это «мировая чепуха», сглаживалась тем, что у него «были свои миражи и призраки» [16, с. 540], а Дж.М. Синг «видел только ее, и ничего другого не видел» [16, с. 540]. Реализм повествования и столь явно выраженная и показанная отсталость ирландской глубинки воспринимались как слишком надуманные и клеветнические.

Мысль Дж.М. Синга о нелогичности всего окружающего ярко представлена в пьесе «Источник святителей» (“The Well of the Saints”), в которой изображена абсурдная ситуация, когда прозревшие слепые, увидев окружающий мир, захотели вновь ослепнуть. Подобных сюжетов у Дж.М. Синга много. Самое удручающее в мировоззрении ирландского драматурга – его неверие в людей, неприятие и порицание человеческих пороков. Нелепыми поступками и абсурдным положением вещей наполнена пьеса «Герой». К.И. Чуковский в своей статье перечислял те нравственные категории, которые Дж.М. Синг подверг искаженному толкованию. Люди славят сына, который убил своего отца: «Вся деревня преклоняется пред ним» [16, с. 540]; любовь в этом мире недолговечна, – девушка, обожавшая парня, причиняет ему сильную физическую боль; наконец, религия служит прикрытием для совершения неблагоприятных, а иногда и преступных действий: «В “Герое” благочестивые люди, если и вспоминают о боге, то лишь для того, чтоб кощунствовать» [16, с. 540].

Вся комедия «Герой», с ее стремлением к гротеску и развитию ирреальных ситуаций, призвана показать парадоксальность жизни ирландского народа: «Их любовь – мучительство, их набожность – богохульство, их слава – позор. Все у них невпопад. Все их чувства на выворот. Они плачут, когда надо смеяться, и любят, когда надо ненавидеть» [16, с. 540–541].

У Дж.М. Синга, по мнению К.И. Чуковского, «извращение нормы» является обычным явлением в жизни ирландских крестьян. Например, представляется нелогичной и странной реакция отца на преступные действия своего сына – он не испы-

тывает чувства огорчения, удивления, а радуется. К.И. Чуковский считает, что вся пьеса основана на таких эпизодах, и поэтому «она кажется такой дикувинной, чудовищно-странной» [16, с. 541]. Такие странности в пьесах Дж.М. Синга не служили цели унижить или очернить ирландский народ, а были следствием мировой чепухи, основные идеи которой проповедовал в своем творчестве драматург. Но на первых этапах знакомства с его творчеством ирландцы восприняли «Героя» как проявление антипатриотизма ее автора и отсутствия интереса к социальной и политической жизни своей страны.

Использование в пьесах обратной психологической мотивировки составляет главную суть художественного метода ирландского драматурга, благодаря которому достигается новизна и яркость как представленного содержательного компонента, так и произведения в целом.

Связывая особенности творчества Дж.М. Синга с его идейно-нравственными взглядами, К.И. Чуковский называл ирландского драматурга «эстетом, приверженцем искусства для искусства» [16, с. 546]. Один из главных постулатов эстетства – прославление творческой силы мечты, которая способна превратить «воду в вино и грязных убийц в героев», ирландский драматург возвел в неоспоримую истину и определил как «последнее и единственное прибежище в жизни» [16, с. 546]. По мнению К.И. Чуковского, Дж.М. Синг подстраивался под популярный в то время показной аморализм и, не преследуя в своей пьесе цели обличить какие-либо человеческие пороки, с любопытством исследователя созерцал поступки своих персонажей, не комментируя и не оправдывая их. В этом и заключается причина отчуждения ирландского драматурга от демократически настроенного общества, которое хотело действенной борьбы с «мировой чепухой» и для которого нужна была «не мечта, не “творимая легенда”, но веселая работа над пересозданием жизни» [16, с. 546]. Но, несмотря на разницу убеждений и то, что многие не признавали и не принимали чересчур натуралистичное, иногда шокирующее изображение жизни Дж.М. Сингом, каждый из читателей, по мнению К.И. Чуковского, высоко оценил «поэтический талант и несравненное мастерство его техники» [16, с. 546].

Статья К.И. Чуковского «Синг и его “Герой”» явилась для русских читателей значимым посредником при знакомстве с уникальным талантом ирландского драматурга. К.И. Чуковский не только изложил историю создания пьесы «Герой», но и охарактеризовал сложный и противоречивый художественный метод Дж.М. Синга. Писатель увидел в пьесе ирландского драматурга не описание узконаправленного национального колорита отдельной страны, а обращение ко всему человечеству. Акцентируя внимание в своей работе на специфике драматургии Дж.М. Синга, К.И. Чуков-

ский пытался выделить все самое ценное и значимое для современного ему читателя. Его оценка во многом сформировала в России образ Дж.М. Синга как новатора ирландской драматургии.

Библиографический список

1. *Аникст А.А.* Теория драмы на Западе во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1988. – 310 с.
2. *Жаткин Д.Н., Морозова С.Н.* Корней Чуковский о творчестве Бернарда Шоу // XXI век. Человек и окружающий мир. – 2018. – № 1. – С. 35–48.
3. *Жаткин Д.Н., Морозова С.Н.* Переводы Ю.Н. Тынянова из Г. Гейне в восприятии и осмыслении К.И. Чуковского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII: сб. научных трудов / отв. ред. Д.Н. Жаткин. – М.: Флинта: Наука, 2017. – С. 45–50.
4. *Жаткин Д.Н., Морозова С.Н.* Творчество Оскара Уайльда в восприятии К.И. Чуковского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XI: сб. науч. трудов / отв. ред. Д.Н. Жаткин. – М.: Флинта, 2019. – С. 31–46.
5. *Камышев В.С.* Эстетические взгляды Дж.М. Синга // Эстетические позиции и творческий метод писателя: сб. научных трудов. – М.: Изд-во МГПИ, 1973. – С. 150–165.
6. *Морозова С.Н., Жаткин Д.Н.* Корней Чуковский о марксистской идеологии // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 4 (17). – С. 92–96.
7. *Морозова С.Н., Жаткин Д.Н.* Русская судьба барона Мюнхгаузена: от ранних произведений к пересказу К.И. Чуковского // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 4 (17). – С. 96–100.
8. *Морозова С.Н., Жаткин Д.Н.* Творчество И.В. Гете в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – Т. 63. – № 2. – С. 315–317.
9. *Морозова С.Н., Жаткин Д.Н.* Философская пенталогия Б. Шоу «Назад к Мафусаилу» в восприятии К.И. Чуковского // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 133–136.
10. *Попова М.К.* Национальная ментальность и национальные литературы в (пост)имперскую эпоху. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006. – 175 с.
11. *Ряполова В.А.* О пьесах Джона Синга // Западное искусство: XX век. – М.: Наука, 1978. – С. 230–250.
12. *Сарахунян А.П.* Объятия судьбы: Прошлое и настоящее ирландской литературы. – М.: Наследие, 1994. – 222 с.
13. *Тишунина Н.В.* Театр У.Б. Йейтса и проблема развития западноевропейского символизма. – СПб.: Образование, 1995. – 234 с.
14. *Хализев В.Е.* Драма как род литературы. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 261 с.

15. *Хорольский В.В.* Творчество У.Б. Йейтса и проблема прекрасного в поэзии символистов. – Воронеж: Кварта, 2018. – 112 с.

16. *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 15 т. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2012. – Т. 3. – 640 с.

17. *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 15 т. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2013. – Т. 12. – 656 с.

18. *Benson E. J.M.* *Syngé.* – London: Macmillan, 1982. – 167 p.

19. *Derlin J. J.M.* *Syngé's «The playboy of the Western World» and the culture of Western Ireland under late colonial rule // Modern drama.* – Ann Arbor, 1998. – Fall 2. – P. 771–785.

20. *Johnson T.O.* *Syngé: the Medieval and the Grotesque.* – Gerrards Cross: Smythe; Totowa: Barnes and Noble, 1982. – 209 p.

References

1. Anikst A.A. *Teoriya dramy na Zapade vo vtoroj polovine XIX veka.* – М.: Nauka, 1988. – 310 s.

2. ZHatkin D.N., Morozova S.N. *Kornej CHukovskij o tvorcestve Bernarda SHou // XXI vek. CHelovek i okruzhayushchij mir.* – 2018. – № 1. – S. 35–48.

3. ZHatkin D.N., Morozova S.N. *Perevody YU.N. Tynyanova iz G. Gejne v vospriyatii i osmyslenii K.I. CHukovskogo // Hudozhestvennyj perevod i sravnitel'noe literaturovedenie. VIII: sb. nauchnyh trudov / otv. red. D.N. ZHatkin.* – М.: Flinta: Nauka, 2017. – S. 45–50.

4. ZHatkin D.N., Morozova S.N. *Tvorchestvo Oskara Uajl'da v vospriyatii K.I. CHukovskogo // Hudozhestvennyj perevod i sravnitel'noe literaturovedenie. XI: sb. nauch. trudov / otv. red. D.N. ZHatkin.* – М.: Flinta, 2019. – S. 31–46.

5. Kamyshev V.S. *Esteticheskie vzglyady Dzh.M. Singa // Esteticheskie pozicii i tvorcheskij metod pisatelya: sb. nauchnyh trudov.* – М.: Izd-vo MGPI, 1973. – S. 150–165.

6. Morozova S.N., ZHatkin D.N. *Kornej CHukovskij o marksistskoj ideologii // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal.* – 2016. – Т. 5. – № 4 (17). – S. 92–96.

7. Morozova S.N., ZHatkin D.N. *Russkaya sud'ba barona Myunhgauzena: ot rannih proizvedenij k pereskazu K.I. CHukovskogo // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal.* – 2016. – Т. 5. – № 4 (17). – S. 96–100.

8. Morozova S.N., ZHatkin D.N. *Tvorchestvo I.V. Gete v literaturno-kriticheskom osmyslenii K.I. CHukovskogo // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya.* – 2017. – Т. 63. – № 2. – S. 315–317.

9. Morozova S.N., ZHatkin D.N. *Filosofskaya pentalogiya B. SHou «Nazad k Mafusailu» v vospriyatii K.I. CHukovskogo // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal.* – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – S. 133–136.

10. Popova M.K. *Nacional'naya mental'nost' i nacional'nye literatury v (post)imperskuyu epohu.* – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2006. – 175 s.

11. Ryapolova V.A. *O p'esah Dzhona Singa // Zapadnoe iskusstvo: XX vek.* – М.: Nauka, 1978. – S. 230–250.

12. Sarahunyan A.P. *Ob'yatiya sud'by: Proshloe i nastoyashchee irlandskoj literatury.* – М.: Nasledie, 1994. – 222 s.

13. Tishunina N.V. *Teatr U.B. Jejtса i problema razvitiya zapadnoevropejskogo simbolizma.* – SPb.: Obrazovanie, 1995. – 234 s.

14. Halizev V.E. *Drama kak rod literatury.* – М.: Izd-vo MGU, 1986. – 261 s.

15. Horol'skij V.V. *Tvorchestvo U.B. Jejtса i problema prekrasnogo v poezii simbolistov.* – Voronezh: Kvarта, 2018. – 112 s.

16. *CHukovskij K.I. Sbranie sochinenij: v 15 t.* – М.: TERRA–Knizhnyj klub, 2012. – Т. 3. – 640 s.

17. *CHukovskij K.I. Sbranie sochinenij: v 15 t.* – М.: TERRA–Knizhnyj klub, 2013. – Т. 12. – 656 s.

18. *Benson E. J.M. Syngé.* – London: Macmillan, 1982. – 167 p.

19. *Derlin J. J.M. Syngé's «The playboy of the Western World» and the culture of Western Ireland under late colonial rule // Modern drama.* – Ann Arbor, 1998. – Fall 2. – P. 771–785.

20. *Johnson T.O. Syngé: the Medieval and the Grotesque.* – Gerrards Cross: Smythe; Totowa: Barnes and Noble, 1982. – 209 p.

«ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ» ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭЗИИ А. БЛОКА: ГЕНЕЗИС И СПОСОБЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ

В статье рассматривается «театрализация» лирического героя, являющаяся характерной особенностью поэзии Блока. Показывается, что стремление к театру как высшему виду искусства встречает сопротивление господствующего в творческом сознании Блока лирического способа познания мира. Это приводит к тому, что потоки лирики и театра в его художественной системе сталкиваются и взаимодействуют. В результате черты, свойственные творческому мышлению драматургов, актёров и режиссёров и органичные для Блока, реализуются на почве лирики.

Доказывается, что «театрализация» лирического героя в блоковской поэзии выражается как в перевоплощении субъекта, раскрывающего автопсихологические переживания (тогда возникает приём «лирической маски»), так и в утверждении ролевого начала. Подчёркивается, что «театрализация» лирического героя, происходящая в стихах Блока, приводит к созданию персонажей, внутренний мир которых может находиться в самой различной степени удалённости от авторского сознания.

Ключевые слова: А. Блок, поэзия, «театрализация», лирический герой, персонаж, «лирическая маска», ролевая лирика.

Один из наиболее существенных итогов изучения художественного наследия А. Блока в отечественной критике и литературоведении связан с доказательством органической связи в его творческом сознании лирики и театра, драмы; с выявлением их взаимодействия. О взаимопроникновении лирики и театра в творчестве поэта писали многие авторы: (Ю.И. Айхенвальд, Б.М. Эйхенбаум, М.А. Рыбникова, Н.Д. Волков, Ю.Н. Тынянов, А.Е. Горелов, М.Ф. Пьяных, З.Г. Минц, А.В. Фёдоров, Е.М. Таборисская, И.Б. Роднянская, Д.Е. Максимов, П.П. Громов, Т.М. Родина и др.). В результате этого взаимопроникновения возникает специфическая черта художественной системы Блока: театр его лиричен (что неоднократно подчёркивалось), а лирика театральна [11] (проблема, многие аспекты которой ещё требуют тщательной разработки). Театральность блоковской лирики выражается в многообразных формах, изучение которых возможно в русле интермедиального подхода, активно утверждающегося в последние годы в методологии отечественного литературоведения. В предложенной статье мы рассмотрим такую особенность поэзии Блока, которую можно назвать «театрализацией» лирического героя; в частности, – охарактеризуем её генезис и способы художественного воплощения.

Генезис театральности блоковской лирики обусловлен рядом факторов: своеобразием биографии и творческой индивидуальности поэта, общими тенденциями художественного развития, обозначившимися в искусстве Серебряного века. С юности Блока отличала страстная любовь к театру. В автобиографических «Признаниях» поэт записывает: «Моё любимое занятие – театр. Каким образом я желал бы умереть – на сцене от разрыва сердца» [3, т. 7, с. 429]. О горячем желании Блока стать актёром свидетельствуют многочисленные

воспоминания современников; письма, дневники самого поэта.

Хотя Блок не избирает актёрского поприща для себя, театр в течение всей жизни будет сопровождать его, и не только как требовательного и благодарного зрителя. Он посвятит театру ряд статей, напишет массу театральных рецензий, будет изучать историю театра, как драматург – сотрудничать с театром В.Ф. Комиссаржевской, МХТом. Он, наконец, отдаст театру последние дни своей творческой деятельности, работая в Репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса и БДТ. До конца жизни Блок останется человеком, преданным театру, по-юношески влюблённым в него. Это подтверждают воспоминания Е. Замятина, который вместе с Блоком работал над текстом и постановкой «Короля Лира» в БДТ [9, с. 191–192]. Показательна блоковская самохарактеристика – «очень театральный человек» [9, с. 191–192], которую приводит мемуарист: она выражает ту же восторженную поглощённость поэта театром, что и в молодости.

Вопрос о назначении театра как искусства навсегда останется для Блока принципиальным. Именно поэтому в 1902 году юный поэт вступает в спор с таким резким и опытным полемистом, как З.Н. Гиппиус, отстаивая право «говорить со сцены о будущем» [15, с. 548]. Более того, на определённом этапе своего творческого пути Блок приходит к убеждению, что театр есть проявление высшей субстанции искусства. Он заявляет в статье «О театре» (1908): «Более, чем какой бы то ни было род искусства, театр изобличает кощунственную бесплотность формулы “искусство для искусства”. Ибо театр – это сама плоть искусства, та высокая область, в которой “слово становится плотью”. Вот почему почти все, без различия направлений, сходятся на том, что высшее проявление творчества есть творче-

ство драматическое [3, т. 5, с. 270]. И сам Блок, как можно заметить, настойчиво стремится к драме как художественной вершине. Так, например, в письме к В.Я. Брюсову от 17 октября 1906 года читаем: «... и опять хочу драматической формы, а где-то вдали трагедии» [3, т. 8, с. 164]. А в записных книжках поставлен нервный блоковский вопрос, который не обойти и исследователю: «Почему это – усиленное тяготение к драме?» [2, с. 146].

Култ театра и драмы, сформировавшийся в творческом сознании Блока, конечно, стимулировался общими эстетическими исканиями не только символизма [11, с. 54–71], но и Серебряного века в целом [21]. Творческое поклонение театру рождает у Блока и противоречивое, парадоксальное отношение к его художественной стихии – лирике. В письме к А. Белому от 10 октября 1907 года читаем: «Я знаю, что в лирике есть опасность тления и гоню её. Бичуя себя за лирические яды, которые мне грозят разложением, я стараюсь предупредить и других» [3, т. 8, с. 212]. В другом письме к Белому Блок признаётся: «Драма моего созерцания состоит в том, что я – лирик» [3, т. 8, с. 216]. В записных книжках, статьях Блока мы не раз встречаем «проклятия» лирике. «Это заколдованный, магический круг», – пишет Блок в статье «О лирике» (1907) [3, т. 5, с. 134]. По мнению поэта, «магический круг» способен прорвать только театр. «Долгая замкнутость в самом себе создала отчуждённость от людей и мира, но освобождение наступает, хотя и медленно. Думаю, что ему способствует с ранних лет зреющая любовь к театру <...>» – таким хочется видеть Блоку вектор своего творческого пути [3, т. 7, с. 199]. В письме к А. Белому от 1 октября 1907 года поэт говорит о своём устремлении «из болота – в жизнь, из лирики – к трагедии» [3, т. 8, с. 213].

Записные книжки сохранили для нас фрагменты творческого процесса Блока, отражающего ход работы над драмами. Многие драматические замыслы поэта оказались невоплощёнными [17]. Почему? По-видимому, при исполнении задуманного лирическая природа дарования Блока неизбежно вмешивалась в поиски драматического воплощения художественных идей. Однако нереализованные драматические замыслы новую жизнь получали уже на почве лирики. В этом случае, как подчёркивал С. Городецкий, «разбивалось на мучительные строфы возлеянное им (Блоком. – Н. К.) сокровище, и большие замыслы дробились на лирические циклы» [8, с. 338]. Таким образом, драма давала жизнь лирике, сообщая ей качество особой драматургичности, театральности, репрезентирующей себя в разных художественных формах. И Блок если не был уверен, то во всяком случае подозревал о существовании процесса «театрализации» лирики, своеобразно воплотившемся и в его творчестве. Не случайно, размышляя над

работой Ф. Ницше «Рождение трагедии», столь важной для него, Блок записал: «Лирические стихотворения на высшей ступени своего развития называются трагедиями и драматическими дифирамбами» [2, с. 80].

Один из вариантов художественного выражения театральности в блоковской поэзии связан как с тенденцией перевоплощения лирического субъекта, раскрывающего автопсихологические переживания, так и с утверждением ролевого начала [22, с. 362]. Отмеченные явления и выливаются в «театрализацию» лирического героя, превращающегося в персонажа. В поэтической системе Блока функционируют многочисленные образы-персонажи, чаще всего обретающие индивидуальное бытие в процессе подачи своего голоса. Причём внутренний мир персонажа может находиться в самой различной степени удалённости от духовно-биографического опыта поэта. Иногда персонаж – это результат «театрализованной» объективации какой-либо из сторон сознания автора, то есть «лирическая маска» Блока [13, с. 216]. Действие «лирических масок» и рождает, по справедливому замечанию Л. Гинзбург, «блоковский парадокс»: «чрезвычайное единство судьбы лирического героя и множественность его символических перевоплощений» [7, с. 259]. При этом весьма важно, что «разные воплощения блоковского лирического героя существуют не только во временной последовательности, но и в синхронном разрезе; они сосуществуют» [7, с. 259].

Не секрет, что «театрализация» лирического героя по-своему зашифровывает, «затемняет» авторские эмоции и тем самым дезориентирует читателя. Он боится ошибочно узнать или не узнать поэта: неоправданно расширить или сузить монографическую личность автора. Думается, эффект воздействия «театрализованной» лирики на читателя точно описан Б. Эйхенбаумом: «Лицо поэта в поэзии – маска. Чем меньше на нём грима, тем резче ощущение контраста. Получается особый, несколько жуткий, похожий на разрушение сценической иллюзии приём. Но для настоящего зрителя сцена этим не уничтожается, а наоборот, укрепляется» [23, с. 146].

Вообще о «театрализации» лирического героя необходимо говорить как о специфической черте не только поэзии Блока, но и общесимволистской поэтики и – через её влияние – поэтики литературы Серебряного века в целом. В связи с этим симптоматично и заслуживает внимания заявление современника Блока А.М. Редько, характеризовавшего особенности художественных исканий отечественной словесности рубежа веков: «Писатели превратились в пишущих лицедеев, а литература стала любительской сценой» [19, с. 30]. Причём, по мнению Редько, «личина» («лирическая маска». – Н. К.) в искусстве и литературе «не была

чисто игрой в маскарад», но служила «средством усилить переживание, неуловимое, но быть может, содержащее истину, до степени отчётливого и законченного» [19, с. 30]. Эта мысль исследователя кажется нам справедливой в отношении Блока прежде всего.

Конечно, общесимволистская тенденция к «театрализации» лирического героя реализовалась в поэзии Блока в особом варианте, транслирующем сложность и разнонаправленность его духовного и художественного развития. Следует указать, что диапазон «театрального» перевоплощения лирического «я» у Блока очень широк. В качестве «лирических масок» поэта можно назвать таких различных персонажей, как Рыцарь Прекрасной Дамы, «отрок, зажигающий свечи», беспечный в своём душевном надрыве прожигатель жизни, «старейший юноша», «нищий дурак» и др. В данной ситуации поэт не вживается в другого человека: сквозь «роли-маски» явно просвечивает его лицо. Для чего же нужны были «театральные маски» поэту-лирику? Как пронизательно отмечал А.М. Редько, они были средством усиления «неуловимых» переживаний «до степени отчётливых и законченных» [19, с. 30]. Но была у «театральных масок» в блоковской лирике и другая функция. И связана она, как нам кажется, с феноменальным явлением в искусстве, описанным К.С. Станиславским и прокомментированным критиком А.К. Воронским. Это явление, вообще говоря, сводится к тому, что, надев «маску», в процессе художественного творчества люди, как ни странно, становятся откровеннее, они «могут говорить и делать то, чего бы они никак не решились повторять в своём обычном виде, со сброшенной маской» [6, с. 393]. Таким образом, «маска» в лирике есть для Блока также способ через «театральную» условность раскрепостить самые тайные личные, интимные переживания, возможность самовыразиться как можно полнее.

Однако, говоря о принципиальной значимости «театрализации» лирического героя для поэзии Блока, мы не склонны абсолютизировать её роль в художественной системе поэта. Необходимо учитывать и тот факт, что у зрелого Блока появляется противоположное желание: отказаться от «театрализации», уйти от «лирических масок», но предпочесть им «прямой разговор от имени лирического “я”», «авторский монолог» [7, с. 7]. Это желание косвенно отозвалось в рекомендациях, данных Блоком А.А. Ахматовой в его известном письме от 14 марта 1916 года [12, с. 109].

Некоторые персонажи в лирической поэзии Блока фиксируют явление перекрывания пластов авторского и неавторского сознаний. Таким образом, возникает феномен «интерсубъектности», о котором говорит С.Н. Бройтман [5, с. 211–282]. В этом случае бывает трудно определить меру принадлежности поэту выражаемых персонажем

мыслей и чувств, как и с уверенностью назвать его «театрализованным» лирическим героем. Показательно, что в эссе «Катилина» (1918), размышляя о возможном соотношении в лирическом мышлении субъективного и объективного, Блок писал: «...чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он “свое” и “не свое”...» [3, т. 6, с. 83]. Здесь, однако, можно уже говорить о признаках процесса эмпатии, присутствующего в творческом сознании поэта и «театрального» по своей специфике. Он и оказывается причиной появления в блоковской лирике персонажей такого типа. Психологи художественного творчества называют эмпатией «воображаемое перенесение себя в мысли, чувства и действия другого и структурирование мира по его образцу» [1, с. 249]. Эмпатия, или персонификация, как считают учёные, прежде всего характерна для драматургов и актёров «в силу самой специфики из деятельности» [14, с. 30].

Однако кроме персонажей – носителей одновременно «своего» и «не своего» – в блоковской лирике есть персонажи, выражающие откровенно чужое сознание, отделённое от авторского. Они запечатлевают и транслируют лирическое «не-я». Эмпатия, вызывающая к жизни персонажей такого склада, происходит уже несколько иначе и приводит к созданию феномена ролевой лирики [22, с. 362]. О своём стремлении в творчестве войти в сознание другого человека для того, чтобы преодолеть декадентскую уединённость, замкнутость в круге субъективных личных переживаний, Блок говорит в письме А. Белому от 29 сентября 1904 года: «За сеткой тихой суеты проходят, как в калейдоскопе, многие люди – и там меняется нрав души, то буйно-золотой, свободный, захлёбывающийся жизнью, то бездумно-тихий. <...> Я пробовал искать в душах людей, живущих на другом берегу, – и много находил» [3, т. 8, с. 21]. Убедившись, что органично проникнуть в личность другого универсально позволяет искусство театра, Блок в записных книжках запечатлевал «голоса» живых людей для создания реплик будущих действующих лиц пьесы, делает пометки для ремарок, создающих их сценический портрет. Такова запись от 16 июля 1907 года [2, с. 95–96]. Этот набросок не находит непосредственного применения в каком-либо драматургическом замысле, может, в силу того же сопротивления драматической формы, но обнаруживает удивительную способность Блока перевоплощаться в другого человека, чувствовать как своё, казалось бы, совершенно чуждое мирозерцание (качества, незаменимые для драматурга и актёра). И на всём протяжении творческого пути у Блока проявляется потребность вживаться в душу другого человека. Поразительна в этом смысле запись от 22 мая 1917 года: «Все, все они – живые и убитые дети моего века сидят во мне. Сколько, сколько их!» [2, с. 342].

Вполне возможно выделение монологов персонажей, созданных в ролевой лирике Блока, в отдельные циклы по принципу выражения определённого типа сознания. Так, например, есть основания говорить о своеобразном цикле «девических признаний». Особенностью этого цикла является многообразие представленных в нём индивидуальностей. В упомянутый цикл входит монолог юной и абсолютно преданной вере монахини (1901): «Хранила я среди младых созвучий, // Задумчивый и нежный образ дня. // Вот дунул вихрь, поднялся прах летучий, // И солнца нет, и сумрак вокруг меня!» [3, т. 1, с. 132].

В тот же день (17 октября 1901 года) написан монолог девушки, чистой и искренней, облегчающей душу в молитвенном порыве (в автографе это стихотворение объединено с рассмотренным выше названием «Женственные стихи») [18, с. 595]. По всей видимости, в стихотворении нашли отражение переживания юной Любы Менделеевой, о которых было поведано Блоку. Любовь Дмитриевна в своих воспоминаниях пишет: «Я пошла дальше и почти машинально вошла в Казанский собор. Я опустилась на колени, ещё плохо умея молиться. Однако и тогда, в первый раз, пришли облегчающие, успокоительные слёзы. Потом, когда я рассказала, Саша написал:

Медленно в двери церковные
Шла я, душой несвободная,
Слышались песни любовные,
Толпы молились народные.
.....
Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно,
Я же молюсь суевернее,
Плачу и каюсь мучительно [4, с. 158].

Персонажи, представленные в процитированных стихотворных монологах, художественно реализуются, по меньшей мере, в двух смысловых регистрах. С одной стороны, в этих образах обозначены различные характеры девушек; с другой стороны, в них можно видеть «театральную» шифровку облика Л.Д. Менделеевой, фиксирующую особенность его восприятия Блоком.

Аналогична художественная природа персонажа, созданного в стихотворении «Они живут под серой тучей...» (1902). Характер тоскующей полонянки, вынужденной находиться среди чуждых ей людей, здесь ассоциативно сопряжён с личностью Любови Дмитриевны, о великой миссии воплощения «Вечной женственности» которой, с точки зрения поэта, не догадывались Мережковские [15, с. 555].

«Девический» монолог, написанный 3 ноября 1901 года, не обнаруживает чьих-либо конкретных биографических черт, а скорее является общенациональным психологическим портретом русской девушки: «Скрипнула дверь. Задрожала рука. // Вышла я в улицы сонные. // Там, в поднебесьи, идут облака, // Через туман озарённые» [3, т. 1, с. 135].

Не зря на авторском экземпляре Блок делает помету: «Мама говорит, что это русская девушка» [3, т. 1, с. 595].

Кроме того, в поэзии Блока можно найти монологи «сказочных» девушек, силою любовного колдовства способных превращаться то в «павилицу» [3, т. 1, с. 315], то в «сестру василька» [3, т. 1, с. 533], то в «вишенью белое» и «зелёную звезду» [3, т. 3, с. 177] для того, чтобы напомнить о себе находящемуся вдали любимому. Характер такого персонажа, несомненно, навеян фольклорной традицией.

Разнообразны «девические лики», представленные и в ролевой лирике Блока второго тома. Это – и грустная монахиня, живущая в одинокой осени, уже предчувствующая «белую зиму», которая несёт смерть («Я живу в отдалённом скиту...») [3, т. 2, с. 11], и простодушная и горячо любящая девушка, бесхитростно напутствующая своего возлюбленного: «Не гони летящий мимо // Призрак лёгкий и простой, // Если будешь, мой любимый, // Счастлив с девушкой другой» [3, т. 2, с. 401].

После 1905 года, разрабатывая характеры лирических персонажей, Блок упорно тяготеет к углублённому психологизму. Яркое подтверждение этого – стихотворение «Нет имени тебе, мой дальний...», написанное в октябре 1906 года в форме монолога девушки. Анализируя это произведение, З.Г. Минц указывает, что его «сюжет становится объяснимей, если увидеть» в нём «осколки образов Достоевского» [16, с. 90]. Исследовательница считает, что упомянутый лирический монолог восходит к эпизоду из романа «Бедные люди», «где Варенька (от первого лица!) вспоминает о встречах с Покровским в дни болезни матери» [16, с. 90]. Реминисценция, обнаруженная Минц, кажется нам вполне убедительной.

Необычайная психологическая достоверность воспоминаний девушки, воссозданных в этом стихотворении, выражается в том, что в них прошедшая когда-то встреча с возлюбленным теперь измеряется яркими мгновениями. И в число этих мгновений попадают и становятся дорогими самые обыденные мелочи, которые выхватила цепкая память из прошлого: желание быстро взглянуть на себя в зеркало перед встречей с любимым человеком, шелест платья по ступеням лестницы: «Мгновенье – в зеркале старинном // Я видела себя, себя... // И шелестила платьем длинным по ступеням – встречать тебя» [3, т. 2, с. 110]. В кульминационном моменте воспоминаний цезурами, обозначенными многоточиями, даже «театрально» передана прерывистая взволнованность речи, задыхающаяся интонация героини. Монолог как будто предназначен для актёрского исполнения: «И жали руки эти руки... // И трепетала в них она... // Но издали летели звуки: // Там... задыхалась тишина» [3, т. 2, с. 110].

Столь богатая психологическая нюансировка характера свидетельствует о глубинном проникновении Блока в чужое сознание, о предельной активности процесса эмпатии в его творческой лаборатории. И.С. Кон, размышляя о психологических механизмах понимания другого человека, верно указывает: «Человек не может при всём желании полностью “слиться” с другим. Но он может, как выражаются психологи, принять на себя роль другого, то есть усвоить его жизненную перспективу. Своеобразной... моделью этого сложного процесса может служить актёрское творчество. <...> Принцип “воплощения” – основной принцип системы К.С. Станиславского» [10, с. 207]. Как видим, Блок прекрасно пользуется этим принципом Станиславского в своей поэзии.

Специфика художественной рефлексии, происходящей в творческом сознании Блока и вписывающейся в очерченную форму театральности, точно раскрыта его современником, поэтом-символистом Ф. Сологубом. По сути, моделируя способы «театрализации» лирического героя, задействованные в поэзии не только Блока, но и других авторов Серебряного века, Сологуб отмечал в предисловии к пятому тому своего собрания сочинений: «В душе лирического поэта живут две родственные силы, устремляющие его к достижениям, которые только для неглубокого понимания кажутся противоположными. Одна из этих сил побуждает его открыть свою душу с наибольшей искренностью и выразить её возможно отчётливее. Повинуясь этому побуждению, вся строже и настойчивее испытывает тёмные глубины бытия, и открываешь много неожиданного; явственные становятся черты, совершенно не сходные с чертами той маски, которую каждый из нас носит для света. <...> Обозрев многие свои забытые маски, душа лирического поэта сознаёт свою многосложность и родство с множеством. Тогда отдаётся она другой своей силе, устремляется к сочувствиям и перевоплощениям и жаждет без конца расширять бытие. Рождённая не в первый раз, она легко сочувствует, радуется и печалится со многими и охотно облекается в многообразные личины. Голоса толпы и множество сливаются для неё в стройные хоры...» [20, с. 1].

Библиографический список

1. *Басин Е.Я.* К вопросу о взаимоотношениях искусствознания и психологии художественного творчества // Актуальные вопросы методологии искусствознания. – М.: Наука, 1983. – С. 237–264.
2. *Блок А.* Записные книжки. – М.: Художественная литература, 1965. – 663 с.
3. *Блок А.* Собр. соч.: в 8 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1963.
4. *Блок Л.Д.* И быль и небылицы о Блоке и о себе // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 1. – С. 134–187.

5. *Бройтман С.Н.* Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. – 307 с.

6. *Воронский А.К.* Заметки о художественном творчестве // Воронский А.К. Избранные статьи о литературе. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 389–412.

7. *Гинзбург Л.Я.* О лирике. – Л.: Советский писатель, 1974. – 412 с.

8. *Городецкий С.* Воспоминания об Александре Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 1. – С. 325–342.

9. *Замятин Е.* Воспоминания о Блоке // Русский современник. – 1924. – № 3. – С. 187–194.

10. *Кон И.С.* Люди и роли // Кон И.С. Социологическая психология. – М.; Воронеж: Московский психолого-социальный институт: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – С. 190–232.

11. *Коптелова Н.Г.* Проблема театральности в поэзии А. Блока: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1987. – 225 с.

12. *Максимов Д.Е.* Ахматова о Блоке // Художественно-документальная литература. – Иваново: Ивановский гос. ун-тет, 1984. – С. 94–111.

13. *Максимов Д.Е.* А. Блок. «Двойник» // Поэтический строй русской лирики. – Л.: Наука, 1973. – С. 211–235.

14. *Медведев П.Н.* В лаборатории писателя. – Л.: Советский писатель, 1960. – 319 с.

15. *Миц З.Г.* Блок в полемике с Мережковскими // Миц З.Г. Александр Блок и русские писатели. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – С. 536–620.

16. *Миц З.Г.* Блок и Достоевский // Миц З.Г. Александр Блок и русские писатели. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – С. 86–112.

17. *Орлов В.Н.* Неизвестный Блок // Орлов В.Н. Здравствуй, Александр Блок. – Л.: Советский писатель, 1984. – С. 154–168.

18. *Орлов В.Н.* Примечания // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. – М.; Л.: ГИХЛ, 1960. – С. 565–692.

19. *Редько А.М.* Литературно-художественные искания в конце XIX – начале XX вв. – Л.: Сеятель, 1924. – 229 с.

20. *Сологуб Ф.* От автора // Сологуб Ф. Собр. соч.: в 20 т. – СПб.: Сирин, 1913. – Т. 5. – С. 1.

21. *Страшкова О.К.* «Новая драма» как артефакт Серебряного века. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 576 с.

22. *Хализев В.Е.* Теория литературы: учебник. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.

23. *Эйхенбаум Б.* Анна Ахматова. Опыт анализа // Эйхенбаум Б. О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969. – С. 75–147.

24. Halizev V.E. Teoriya literatury: uchebnik. – M.: Vysshaya shkola, 2002. – 437 s.

25. Ejhenbaum B. Anna Ahmatova. Opyt analiza // Ejhenbaum B. O poezii. – L.: Sovetskij pisatel', 1969. – S. 75–147.

References

1. Basin E.YA. K voprosu o vzaimootnosheniyah iskusstvoznaniya i psihologii hudozhestvennogo tvorchestva // Aktual'nye voprosy metodologii iskusstvoznaniya. – M.: Nauka, 1983. – S. 237–264.

2. Blok A. Zapisnye knizhki. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1965. – 663 s.

3. Blok A. Sobr. soch.: v 8 t. – M.; L.: GIHL, 1960–1963.

4. Blok L.D. I byl' i nebylicy o Bloke i o sebe // Aleksandr Blok v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1980. – T. 1. – S. 134–187.

5. Brojzman S.N. Russkaya lirika HИH – nachala HKH veka v svete istoricheskoy poetiki. Sub"ektno-obraznaya struktura. – M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 1997. – 307 s.

6. Voronskij A.K. Zametki o hudozhestvennom tvorchestve // Voronskij A.K. Izbrannye stat'i o literature. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1982. – S. 389–412.

7. Ginzburg L.YA. O lirike. – L.: Sovetskij pisatel', 1974. – 412 s.

8. Gorodeckij S. Vospominaniya ob Aleksandre Bloke // Aleksandr Blok v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1980. – T. 1. – S. 325–342.

9. Zamyatin E. Vospominaniya o Bloke // Russkij sovremennik. – 1924. – № 3. – S. 187–194.

10. Kon I.S. Lyudi i roli // Kon I.S. Sociologicheskaya psihologiya. – M.; Voronezh: Moskovskij psihologo-social'nyj institut: Izd-vo NPO «MODEK», 1999. – S. 190–232.

11. Koptelova N.G. Problema teatral'nosti v poezii A. Bloka: dis. ... kand. filol. nauk. – Ivanovo, 1987. – 225 s.

12. Maksimov D.E. Ahmatova o Bloke // Hudozhestvenno-dokumental'naya literatura. – Ivanovo: Ivanovskij gos. un-tet, 1984. – S. 94–111.

13. Maksimov D.E. A. Blok. «Dvojniki» // Poeticheskij stroj russkoj liriki. – L.: Nauka, 1973. – S. 211–235.

14. Medvedev P.N. V laboratorii pisatelya. – L.: Sovetskij pisatel', 1960. – 319 s.

15. Minc Z.G. Blok v polemike s Merezhkovskimi // Minc Z.G. Aleksandr Blok i russkie pisateli. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. – S. 536–620.

16. Minc Z.G. Blok i Dostoevskij // Minc Z.G. Aleksandr Blok i russkie pisateli. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. – S. 86–112.

17. Orlov V.N. Neizvestnyj Blok // Orlov V.N. Zdravstvujte, Aleksandr Blok. – L.: Sovetskij pisatel', 1984. – S. 154–168.

18. Orlov V.N. Primechaniya // Blok A. Sobr. soch.: v 8 t. T. 1. – M.; L.: GIHL, 1960. – S. 565–692.

19. Red'ko A.M. Literaturno-hudozhestvennye iskaniya v konce XIX – nachale XX vv. – L.: Seyatel', 1924. – 229 s.

20. Sologub F. Ot avtora // Sologub F. Sobr. soch.: v 20 t. – SPb.: Sirin, 1913. – T. 5. – S. 1.

21. Strashkova O.K. «Novaya drama» kak artefakt Serebryanogo veka. – Stavropol': Izd-vo SGU, 2006. – 576 s.

22. Halizev V.E. Teoriya literatury: uchebnik. – M.: Vysshaya shkola, 2002. – 437 s.

23. Ejhenbaum B. Anna Ahmatova. Opyt analiza // Ejhenbaum B. O poezii. – L.: Sovetskij pisatel', 1969. – S. 75–147.

24. Halizev V.E. Teoriya literatury: uchebnik. – M.: Vysshaya shkola, 2002. – 437 s.

25. Ejhenbaum B. Anna Ahmatova. Opyt analiza // Ejhenbaum B. O poezii. – L.: Sovetskij pisatel', 1969. – S. 75–147.

«ГОФМАНОВСКИЙ КОМПЛЕКС» В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ И ДРАМАТИЧЕСКИХ СЦЕН В.Я. БРЮСОВА «ЗЕМНАЯ ОСЬ» (1901–1907)

*В статье исследуется «гофмановский комплекс», который включает в себя такие элементы, как двоемирие, проблему механизации жизни и общества, двойничество, романтическую иронию и гротеск в цикле рассказов В. Брюсова «Земная ось». Следуя гофмановской традиции, Брюсов создает особый тип романтического двоемирия, основанный на принципе зеркального отражения мира реального. Доминирование мира ирреального приводит к поглощению им главного героя, для которого игра с собственными двойниками заканчивается трагически. Проблема механизации жизни и человека в цикле проявляется в утрате духовности в обществе и попытке заполнить душевную пустоту «неживыми» предметами («Бемоль», «Защита»). Брюсов создает гротескную картину общества («Земля», «Восстание машин»), где **живое** меняется местами с **неживым** (автоматами). Романтическая ирония и гротеск, восходящие к Э.Т.А. Гофману, становятся стилистическим приемом в творчестве Брюсова.*

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман, В. Брюсов, двоемирие, двойничество, кукольность, зеркальность, романтическая ирония и гротеск.

В. Брюсов – один из основоположников русского символизма – признавал влияние романтической эстетики на поэтику символистов. В стихотворении «Романтикам» (1920) он назвал романтизм бессмертным и подчеркнул родство душ между ним и символизмом. На интерес Брюсова к романтизму указывают и его работы, посвященные писателям-романтикам: переводы Э. По и очерк «О Новалисе».

Вопрос о влиянии эстетики романтизма на В. Брюсова недостаточно изучен. Одним из его актуальных аспектов является выделение гофмановского пласта в творчестве русского символиста. На стилистическое сходство произведений Гофмана и Брюсова в литературоведении указывалось и ранее. К. Мочульский, например, пишет, что «по сложному своему построению роман Брюсова («Огненный ангел») напоминает “Эликсиры сатаны” Гофмана» [13, с. 123]. А.Д. Савина обратила внимание на гофмановские истоки принципа двойного измерения в цикле рассказов Брюсова «Земная ось» [16]. Л.А. Дубинина в качестве одного из источников стилизации в цикле «Земная ось» называет Гофмана [8]. Нами были отмечены и проанализированы сюжетные и образные переплетения романа Брюсова «Огненный ангел» с «Эликсирами дьявола» Гофмана [11].

Целью нашего исследования является выделение «гофмановского комплекса» в цикле рассказов Брюсова 1901–1907 гг. «Земная ось». Данный комплекс характеризуется набором устойчивых приемов и образов, которые сформировались как единое целое в эстетике немецкого романтика Гофмана. Среди них: особая форма двоемирия, в основе которой лежит смешение мира реального и других миров (зеркального, мифологического, мира сна, мира прошлого); романтическая ирония и гротеск; своеобразное решение проблемы механизации жизни и человека, основанной на оппо-

зиции *живое – неживое* и проявляющейся в образах-символах маски, куклы, автомата, марионетки и двойника, которые подменяют человека. «Гофмановский комплекс», который сформировался в русской литературе благодаря творчеству Н.В. Гоголя, А. Погорельского, Ф.М. Достоевского, А. Толстого, В. Соловьева и др., к началу XX века, когда появляется мода на двойников, кукол и иронию, становится важной частью эстетики символизма и проявляется в произведениях А. Блока, А. Белого, Ф. Сологуба, О. Мандельштама, Л. Андреева и др. «Гофмановский комплекс» также присутствует и у Брюсова. Выделение его в рассказах позволяет более глубоко раскрыть вопрос о взаимодействии романтизма и символизма на рубеже XIX–XX веков в целом, а также проследить отражение и изменение ряда романтических образов и литературных приемов в произведениях русского символиста.

Создавая свой цикл рассказов «Земная ось», Брюсов в поисках собственного стиля использует зарубежную и русскую традицию. По словам К. Мочульского, «он хочет усвоить в русской прозе приемы иностранных беллетристов, ввести в нее различные «манеры» повествования: от делового и сухого языка старинных хроник, через «романтический жанр» бытовой повести, до импрессионизма Пшибышевского и фантастики Э. По» [13, с. 419]. В качестве одного из источников стиля Брюсов упоминает и Гофмана. Так, в предисловии к предполагаемому чешскому изданию книги в 1911 году Брюсов писал: «В ряде рассказов, соединенных мною под заглавием “Земная ось”, я... попытался средствами поэзии объяснить вечный вопрос об отношении действительности и сна, фантазии и реальности. Эта загадка, над решением которой трудились в Англии Эдгар По, в Германии Амадей Гофман, во Франции Бодлер и Малларме, не была еще, со всей определенностью, затронута ни одним русским писателем» [6, с. 426].

«Гофмановский комплекс» в рассказах «Земной оси» в первую очередь проявляется в особом типе романтического двоимирия, восходящем к Гофману. В творчестве немецкого романтика в ранний период противопоставление между миром реальным и идеальным очевидное и резкое, а в более позднем творчестве Гофмана двоимирие приобретает новые черты, которые отличают его от традиционной романтической эстетики: мир реальный и мир идеальный смешиваются так, что между ними трудно провести грань. Бытовые детали проникают в мир идеальный, вытесняя из него высокое, и наоборот. Например, в новелле «Повелитель блох» гармония любви завершается не в мифическом мире по традиции между принцессой Гамахеей и чертополохом Пепушем, а на земле – между Перегринусом и Розочкой. По словам А.Б. Богниковой, «после того, как в абстрактную и вневременную гармонию вселенной ворвалась дисгармония сегодняшнего дня, сказочный жанр дал весьма заметную трещину» [2, с. 186]. А в романе «Эликсиры дьявола» Гофмана переплетение мира реального и мира ирреального достигает своего апогея, поэтому главный герой Медардус, как многие герои Брюсова, мечется между ними на грани безумия, преследуемый своими двойниками.

Вслед за Гофманом Брюсов создает два мира: реальный и ирреальный. В одних рассказах («Бемоль») ирреальный мир – это мир идеальный. Он является способом ухода от реальности, дает герою ложное чувство свободы, за которым приходит еще большее разочарование. Даже идеальный мир у Брюсова – это лишь отражение мира реального, что и дает основания называть его «зеркальным», то есть он становится идеальным только в сознании героев. В других рассказах ирреальные миры – враждебные: мир прошлого («В башне»), мир зеркал («В зеркале»), мир сна («Когда я проснулся»), мир игры, роли («Первая любовь»). О.В. Тимченко определяет такой тип двоимирия, как «удвоение действительности» [17].

Сам Брюсов в предисловии к сборнику рассказов пишет, что «эти одиннадцать рассказов объединены единой мыслью, с разных сторон освещаемой в каждом из них: это мысль о том, что «нет определенной границы между миром реальным и воображаемым, между “сном” и “явью”, “жизнью” и “фантазией”. То, что мы считаем воображаемым, – может быть высшая реальность мира, а всеми признанная реальность – может быть самый страшный бред» [3, с. 419]. По мнению О.В. Тимченко, в рассказах «В зеркале» (1902), «В башне» (1902) Брюсов использует прием фабульного контраста, суть которого в том, что неожиданный финал, как правило, связан с сомнением героев в том, что они находятся не в контролируемом мире, а в ирреальной действительности. Однако ирреальность не разрешает коллизий, а, наобо-

рот, усугубляет их – «раздвоенный», герой меняет свои качества с каждым новым моментом перемены пространства и времени» [17].

Фабула рассказов в цикле похожа: грань между миром реальным и ирреальным утрачивается, они смешиваются, мир ирреальный начинает доминировать, и это приводит к потере связи с реальностью, сумасшествию героя или его гибели. Например, в рассказе «Теперь, – когда я проснулся...» герой Брюсова создает для себя другую реальность – мир сна, где его темные стороны души находят простор для деятельности. Он чувствует себя в нем хозяином: «При усилении воли, я мог увидеть себя в той обстановке, какая мне нравилась, мог ввести в свой сон всех, о ком мечтал» [3, с. 25]. Однако в момент преступления герой смешивает действительность со сном, и мир «другой» вытесняет мир реальный. Двойник (призрак) начинает управлять героем. «Пойдем, – сказал я своему призраку, – пойдем, она спит сейчас, и захвати с собой тонкий кинжал, ручка которого отделана слоновой костью» [3, с. 29]. Мир сна проникает в мир реальный, и он видит карликов наяву («Из-под кресел высунулись было мои карлики, но я сделал им знак исчезнуть» [3, с. 29]). До последнего момента герой не осознает, что он совершает преступление в действительности. Игра с другим миром, в которую он вступает, заканчивается трагически.

В таком же ключе написан рассказ «В зеркале», где героиня создает себе другой мир – зеркальный, она любит его, упивается им: «Я привыкла целые часы, целые дни проводить среди перекрещивающихся миров; входящих один в другой, колеблющихся, исчезающих и возникающих вновь. Моей единственной страстью стало отдавать свое тело этим беззвучным далям, этим перспективам» [4, с. 30]. Однако героиня одновременно воспринимает этот мир как враждебный. Она не любит свои отражения: «Свои двойники втайне я не любила все. Я знала, что все они мне враждебны. <...> Были такие, которых я презирала, над бессильной яростью которых любила смеяться, которых дразнила своей самостоятельностью и мучила своей властью над ними» [4, с. 31]. Героиня упивается властью над своими двойниками, которых может пожалеть или подразнить. Она считает свои отражения слугами другого мира и заставляет их принимать ее вид. Однако ее отражение-двойник набирает силу. Проводником в другую реальность становятся глаза. Через взгляд соперница начинает управлять ей: «я поняла, что моя воля подчинена ее воле, что она уже сильнее меня. Меня охватил ужас. Я стала исполнять то, что она требовала, я стала автоматом ее молчаливых повелений» [4, с. 32]. Брюсов воссоздает в рассказе ситуацию перемещения героини из одного мира в другой дважды: сначала отражение одерживает верх над героиней, а затем, наоборот, героиня вырывается из мертвого мира зеркал. Тра-

гизм рассказа в том, что в финале непонятно, какой мир ненастоящий и за кем осталась победа.

У Брюсова, как у Гофмана, зеркало, стекло – это окно в другой мир – ирреальный. Традиция воспринимать зеркало как предмет, искажающий реальность, восходит именно к Гофману. В «Песочном человеке» Натанаэль смотрит в увеличительную трубу, и кукла Олимпия кажется ему живой девушкой. И у Гофмана, и у Брюсова герои находятся на грани миров, но делают шаг в другую реальность, которая является для них запретной, что становится для них роковым: они утрачивают разум.

Одним из вариантов двоемирия у Брюсова является романтический мотив метемпсихоза, который проявляется в рассказе «В башне». Герой видит сон о том, что он находится в плену, его переживания и ощущения настолько реальны, что он порой сомневается, что реальность, а что лишь сон. Однако он обладает знанием того, что должно произойти в будущем. Такой прием активно использовал и Гофман. В его новелле «Состязание певцов» повествование начинается с эпизода, в котором *некто* в комнате читает трактат Иоганна Кристофа Вагензайля «О прельстительном искусстве мейстерзингеров». Захваченный чтением, он в какой-то момент перестает осознавать, где грань между реальностью и выдумкой. Погрузившись в сон, он оказывается примерно в одна тысяча двести восьмом году на поляне среди средневекового пейзажа близ замка графа Германа Тюрингенского в Вартбурге на состязании лучших певцов. Так в одном смысловом пространстве произведения Гофмана одновременно оказываются люди разных эпох. В цикле рассказов «Серрапионовы братья» у Гофмана также присутствует особый образ, который совмещает в себе прошлое и настоящее – анахорет Серрапион. Он считает себя отшельником Серрапионом, который жил при императоре Деции, а затем бежал в Фиванскую пустыню и в Александрии принял мученическую смерть. Серрапион утверждает, что его ежедневно посещают разные люди, среди которых Данте, Петрарка и др. Все окружающие называют его безумцем, но, по мнению Киприана, Серрапион рассуждает ясно и последовательно, что дает основание говорить о его «разумном» сумасшествии, только форма его сумасшествия настолько необычна, что привлекает к себе внимание. Эта сюжетная ситуация была характерна для Брюсова (рассказ «Рея Сильвия») и литературы символизма в целом.

Другой чертой гофмановского комплекса, нашедшей продолжение у Брюсова, является проблема механизации жизни и человека, которая основана на идее утраты духовности обществом, падении его нравов и проявляется в оппозиции *живое – неживое*. Брюсов изображает общество погрязшим в пороке. Социальный статус в нем ставится выше, чем любовь. Так, в рассказе «Под старым мостом»

Антонио и Мария живут счастливо вне социальных преград, не имея ничего. Как только Антонио становится королем, их любовь разрушается. Мария в силу своей доброты и искренности не может жить в другом мире: «боюсь, что вы будете обвинять меня, что нарочно вас мучаю. Но право же, я ничего не искала. Я вовсе не добиваюсь чего-нибудь... Я и так вас люблю...» [4, с. 14]. Ее чистая душа не может противостоять грязным интригам, которыми наполнен тот мир. Подобным образом Брюсов изображает общество и в рассказе «В подземной тюрьме», где Джулия – девушка благородного происхождения – влюбляется в тюрьме в простого юношу Марко. Их чувства искренние и светлые. Однако любовь, которая расцветает между героями в равной среде, разрушается, как только их статус меняется.

Брюсов считает, что в современном обществе люди превратились в бездушных кукол. Одним из последствий этого явления становится эгоизм, который приводит их к вседозволенности. Падение нравов в обществе, утрата истинных чувств провоцируют человека на игру с собственным подсознанием, как в рассказах «В зеркале» и «Когда я проснулся». Такая же игра лежит в основе рассказа «Первая любовь», где герой примеряет на себя роль влюбленного паж, которая поработает его: «Какое-то особое чувство не позволяло мне с той минуты ни сказать слова, ни сделать поступка, которые нарушили бы выбранный мною тип» [3, с. 52]. Он чувствует себя раздвоенным: «Во мне как бы боролись два существа. Одно – сотворенное мной самим, я – выдуманный мною, я – художественно сочиненный образ впервые влюбленного юноши. Другое – подлинный я, подавленный, поработанный этим призраком, этим фантомом» [3, с. 52]. Как и в других рассказах, герой в определенный момент чувствует, что его двойник начинает одерживать победу над ним: «Мой выдуманный образ готов был вытеснить, уничтожить подлинное мое существо. Я понял, что гибну» [3, с. 52]. Страх потерять «себя» заставляет его бежать. Ему удается вырваться из оков придуманной роли только после долгих скитаний и продолжительной болезни.

По мнению Брюсова, в современном обществе происходит перекокс: *живое* и *неживое* меняются местами, вокруг царит закон противоречия. Например, в рассказе «Мраморная головка» главный герой – молодой повеса – влюбляет в себя ради модного развлечения замужнюю женщину Ниночку. И тем самым губит ее. Однако жестокое общество поглощает и его, превратив в бродягу. Смыслом его жизни становится любовь к мраморной статуэтке, которая напоминает Ниночку. Чтобы обладать ей, он идет на преступление. Брюсов использует прием парадокса: люди в современном обществе равнодушны к *живым*, но преданно любят *неживой* предмет. Он считает, что такое общество не име-

ет будущего, оно лишено сострадания и любви. Эту проблема ярко звучит и в рассказе «Республика Южного креста», где автор создает гротескный образ республики, в которой начинается эпидемия противоречия, что приводит к нарушению установленного порядка: «больной начинает противоречить себе и своими поступками: намереваясь идти влево, поворачивает вправо, думая поднять шляпу, чтобы лучше видеть, нахлобучивает ее себе на глаза и т. д. С развитием болезни эти «противоречия» наполняют всю телесную и духовную жизнь больного» [3, с. 67]. В Звездном городе появляются хаос, суета, которые приводят людей к полной деградации: «... с поразительной быстротой обнаружилось во всех падение нравственного чувства. Культурность, словно тонкая кора, наросшая за тысячелетия, спала с этих людей, и в них обнажился дикий человек, человек-зверь, каким он, бывало, рыскал по девственной земле» [3, с. 67].

Другим воплощением проблемы механизации человека и общества у Брюсова является опасность, исходящая от самих автоматов, которые заполняют современный мир. Эта проблема восходит также к Гофману, который стал одним из первых, кто поднял в литературе проблему угрозы от искусственно созданных автоматов. Для Гофмана техника – это зло, которое разрушает душу человека, вмешивается в естественный ход его жизни. Например, в новелле «Автомат» искусственный оракул предсказывает судьбы людей: «Каким-то чудом этой пифии удастся оказывать на нас психическое влияние и даже вступать с нами в особую духовную взаимосвязь и тем самым постигать нашу внутреннюю жизнь» [5, т. 4 (I), с. 300]. О подмене человека куклой – повесть «Песочный человек». Олимпия – дочь профессора физики Спаланцани – кукла-автомат, которую он создал и ради забавы выдал за свою дочь. По мнению Гофмана, самое страшное то, что ее все принимают за человека, и это свидетельствует о духовном омертвлении общества.

В рассказе Брюсова «Восстание машин» (1908), который не вошел в сборник «Ось земная», но по проблематике близок этому циклу, автор изображает метафорическую картину мира, в которой электрические автоматы жестоко расправляются с людьми. Трагизм происходящего усиливается благодаря манере повествования: гибель людей изображается жестоко, внезапно и бессмысленно: «Бабушка трагически вздрогнула, вся вытянулась, подпрыгнула в кресле и рухнула наземь, выронив телефонную трубку. Мы бросились к упавшей. Она была мертва; это было несомненно по ее искаженному лицу и по отсутствию дыхания, а ухо, которое она держала у телефона, было прожжено, словно ударом молнии невероятной силы» [4, с. 73]. Брюсов обращает внимание на «параллелизм в явлениях жизни, так называемых – органической и неорганической» [4, с. 73]. Машины за века суще-

ствования приобретают качества живой материи и претендуют занять место человека. Например, «проволочные провода “устают” и отказываются повиноваться; некоторые элементы... намагничиваются самопроизвольно... моторы “капризничают” без всякой внешней причины» [4, с. 72]. *Живое и неживое* меняется местами. Эта проблема достигает максимального звучания в драматической сцене «Земля», где искусственный мир становится «тюрьмой» для людей. Они живут в огромном городе среди машин, как под колпаком, дыша искусственным воздухом. Люди мечтают о солнце, о том, чтобы вырваться из этого искусственного мира, они верят, что там их ждет жизнь в противовес медленной смерти внутри этого города. Но их ожидания не оправдываются: за пределами искусственного мира их ждет смерть: «Глаза людей расширены, руки простерты. Хотят кричать, но не достаёт голоса. Иные безумно хохочут. Обнимаясь, судорожно сдавливают объёмами друг друга. <...> И медленно, медленно вся стихнувшая зала обращается в кладбище неподвижных, скорченных тел» [3, с. 139].

Одним из последствий механизации человека в обществе становится желание людей в бездушном мире заполнить духовную пустоту предметами, которые в сознании героев одухотворяются. В рассказе «Бемоль» Брюсов создает двойную реальность: мир людей, где все обыденно и жестоко, и мир Анны, где предметы оживают и поддерживают ее. Одиночество героини приводит к тому, что мир внешний воспринимается ей как бездушный, мертвый, а мир неживой одушевляется: «Анна Николаевна была убеждена, что все вещи в магазине ее понимают. Когда она перелистывала дести любимой бумаги, ее листы шуршали так приветливо» [4, с. 42]. Поэтому ей трудно продавать эти вещи, они для нее «живые», «родные». Мир реальной действительности не только лишает ее тепла, душевности, но и враждебен ее миру идеальному, он пытается поглотить мир Анны, что ему и удается. В результате в финале рассказа одухотворенные предметы перестают быть «живыми»: «Бумага, карандаши, перья – все казалось здесь неживым. Анна Николаевна с жадностью взяла в руки красивые листы, которые когда-то умели отвечать на ее ласки; но теперь они были жестки, как мертвецы, и также бледны. <...> Все было мертво» [4, с. 44].

В рассказе Брюсова «Защита» (1903) главная героиня заполняет духовную пустоту любовью к умершему мужу. Она верит в его присутствие, общается с ним: «С самого дня своей смерти Сергей стал являться мне, незримо, но явно. <...> Я ему отвечаю, и мы ведем с ним тихие разговоры. Порою он чуть внятно целует меня в волосы, в щеку, в губы. Порою я смутно вижу его отражение, в полутьме, в зеркале» [3, с. 60]. Попытка молодого офицера разрушить этот мир приводит его к

встрече с настоящим призраком: «через мгновение я понял, что это *он*, чей образ я украл, и кто из-за могилы пришел защитить свою жену. <...> И вот он, этот призрак, тихо поднял руку и погрозил мне» [3, с. 60].

Гофмановская проблема механизации человека и общества проявляется также у Брюсова в образе материализовавшегося двойника. В его рассказах можно проследить несколько вариантов двойников: двойник – враг, соперник («В зеркале»), двойник – темная сторона души, которая наслаждается насильем («Когда я проснулся»), ролевой двойник («Первая любовь»), двойник в прошлом («В башне») и двойник – историческая личность («Рея Сильвия»). Герои Брюсова играют с ирреальным миром, добровольно создают двойников и наслаждаются властью над ними. Например, герой рассказа «Когда я проснулся» заставляет своего двойника выполнять его самые тайные желания. Однако власть над своим двойником, игра с ним оказывается иллюзорной. Двойник одерживает победу над человеком, заставляя убить жену или поменяться местами в зеркале, как в рассказе «В зеркале». Перейдя границу между миром реальным и ирреальным, происходит утрата души – сумасшествие героя.

Образ двойника-врага, который овладевает сущностью героев, приводит к утрате личности, превращает человека в безвольную куклу и вытесняет из мира реального, одним из первых в литературе появляется у Гофмана в романе «Эликсиры дьявола». В душе главного героя Медардуса темная сторона преобладает над светлой, и он совершает под ее влиянием убийства и предается порокам с Евфимией. Медардус меняется сущностью с Викториним, переодевшись в одежду последнего и выдавая себя за него. В свою очередь Викторин находит монашескую одежду Медардуса и облачается в нее. Медардус воспринимает Викторина как врага, Викторин же преследует Медардуса, так как ему кажется, что Медардус забрал не только его одежду и имя, но и похитил его душу, отсюда безумие Викторина. Таким образом, у Гофмана утрата своей идентичности олицетворяет собой утрату души. У Брюсова же бездуховность современного общества приводит к раздвоению личности и сумасшествию.

Характерная для эстетики символизма игра с двойниками, своим или чужим сознанием восходит также к Гофману, который стал одним из первых в литературе, кто со всей серьезностью отнесся к изучению и описанию состояния человека, на которого влияет другой человек. Гофман в своих произведениях («Магнетизер», «Зловещий гость», «Состязание певцов», «Стихийный дух» и романе «Эликсиры дьявола») неоднократно поднимал вопрос о магнетизме. Немецкий писатель серьезно изучал известные в те времена научные трактаты Г.Г. Шуберта «Символика сна» и «Воззрения на

ночную сторону естествознания», К.А.Ф. Клуге «Опыт изображения животного магнетизма как способ лечения» [5. т. 2, с. 433]. Гофман проявлял живейший интерес к явлениям гипноза, который он считал особым видом рабства, когда человека насильственно разлучают с самим собой и заставляют делать то, что в обычной жизни он не хочет. Гофман акцентирует свое внимание на разработке двух аспектов этого учения, которые, по его мнению, могут угрожать личности человека: утрата собственного «я» и наслаждение властью. Эту проблему он поднимает в рассказе «Магнетизер», где Теобальд хочет воздействовать на Августу, чтобы привязать ее к себе. Речь идет о власти, и именно этот аспект магнетизма в качестве его «темной стороны» вызывает у Гофмана особый интерес. Эта традиция была продолжена в эпоху Серебряного века. У Брюсова магнетизм проявляется в управлении не другим человеком, а своим двойником («Когда я проснулся...», «В зеркале» и др.).

Важными элементами гофмановского комплекса, которые также находят отражение у Брюсова, являются романтическая ирония и гротеск. Следует отметить, что гофмановский тип иронии и гротеска в эпоху «Серебряного века» стал популярным в литературе и театральном искусстве. Вот, что, например, В.Э. Мейерхольд пишет об этом: «Невольно вспоминаю... Гофмана. Вот автор, о котором хочется поговорить особо для того, чтобы дать понять, что такое гротеск» [12, т. 1, с. 399]. Н.Н. Евреинов в статьях «Театр как таковой» (1912) и «Театр для себя» (1915–1916) указывает гофмановскую иронию в качестве одного из важных составляющих своего театра в воображаемом диалоге с немецким писателем: «Гофман. Источник Урдар, который дал счастье жителям страны Урдар-сад, есть не что иное, как юмор, т. е. дивная способность мысли создавать своего собственного иронического двойника, родившаяся из глубочайшего созерцания природы, по странным гримасам которого человек узнает свои собственные гримасы» [9, с. 320].

В ранний период творчества Гофмана ирония носила созидательный характер. Так, в цикле рассказов «Серапионовы братья» Гофман говорит о важности роли созидательной иронии в произведении, помогающей соединять фантастику с реальностью. Но в поздних произведениях она трансформируется в разрушительную иронию. По словам А.Б. Ботниковой, «в “Повелителе блох” “высокий план” уже пропитан разрушительной иронией» [2, с. 185]. В романе «Эликсиры дьявола» Гофман сводит оба типа иронии вместе. Медардус и Белькампо проходят путь к самопознанию и обретению личностной целостности. Медардус – заражен идеей собственного превосходства над другими, что способствует появлению его многочисленных двойников. Он становится носителем

идеи, что путь к единству – искупление, которое возможно только через страдание, другой – Белькампо – видит этот путь в созидательной иронии. Согласно концепции Гофмана, ирония может через самопознание вернуть человека к цельности, поэтому в финале романа именно этот персонаж остается последним, кто до конца прошел свой путь и сумел стать подлинным героем романа. Он приходит к цельности, поэтому в монастыре называет себя своим реальным именем – Петер Шенфельд. Однако Гофман предупреждает, что чрезмерное увлечение иронией может создать обратный эффект: привести не к цельности, а к балагану («внутренний свет нашего Петра померк в испарениях скomorошества» [5, т. 2, с. 286]).

Таким образом, Гофман в эпоху романтизма создает такой тип иронии, который имеет специфические черты, характерные только для его произведений. По мнению Д.Л. Чавчанидзе, главное отличие гофмановской иронии от иронии других романтиков в том, что страшная действительность у Гофмана неотделима от жизни человека, потому он обречен на трагизм: «Реальный мир, враждебный, игнорирован, но и идеальный по сути дела развенчан» [18, с. 348]. В эпоху Серебряного века в большей степени нашла отражение разрушительная ирония, так как она помогала выразить болезненные переживания личности, спровоцированные проблемами в обществе. У Брюсова такой тип иронии проявился в рассказе Брюсова «В зеркале» в гротескном образе «хохота», который олицетворяет собой состояние безумия. Именно таким «хохотом» смеется Викторин в романе Гофмана «Эликсиры дьявола». А в рассказе Брюсова «Когда я проснулся» разрушительная ирония воплощается в гротескных образах карликов, которые, как паяцы, кривляются и хохочут, отражая порочные стороны главного героя: «я создал себе, как помощников, свору безобразных карликов. Число их возрастало по моему желанию. Они подавали мне орудия пытки, они исполняли мои указания, хохоча и кривляясь» [4, с. 26].

Безумие, которое овладевает героями, приобретает грандиозный размах и воплощается в гротескном образе хаоса в рассказе «Республика Южного креста», где эпидемия противоречия, или двойственности, охватывает город, и наступает всеобщее безумие: «С песнями, с бессвязными речами, с идиотским хохотом сливались выклики безумия больных, которые теряли способность выражать в словах даже свои бредовые грезы, и стоны умирающих, корчившихся тут же, среди разлагающихся трупов» [3, с. 68]. У символистов смех теряет положительное значение и перерастает в сумасшедший хохот, которым невозможно управлять. Брюсов считает, что разрушительная ирония стала частью современного мира, и она угрожает его целостности. Об этом пишет и А. Блок: «Самые

живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь – сродни душевным недугам и может быть названа “иронией”. Ее проявления – приступы изнурительного смеха, который начинается с дьявольски-издевательской, провокаторской улыбки, кончается – буйством и кощунством» [1, т. 5, с. 345]. Причину разрушительной иронии, которая нашла отражение в творчестве писателей-символистов, Блок видит в девятнадцатом веке, «который бросил на живое лицо человека глазетовый покров механики, позитивизма и экономического материализма, который похоронил человеческий голос в грохоте машин; металлический век» [1, т. 5, с. 345].

Таким образом, «гофмановский комплекс» не только присутствует в цикле Брюсова «Земная ось» как единое целое, но и становится общей тенденцией символизма. Рассказы и драматические сцены цикла основаны на гофмановской идее двоюмирия, где мир реальный противопоставлен другому миру, который порожден сознанием героя (зеркального, мира сна, мир прошлого, ролевого мира и др.) и является зеркальным отражением мира реального. Герой погружается в созданный им мир, наполненный двойниками, которые чаще всего выступают как враги, узурпаторы. Они подменяют человека, пытаются управлять им, как куклой, марионеткой. В связи с этим Брюсов затрагивает проблему механизации жизни и человека, которая основана на идее утраты духовности обществом, падении его нравов и проявляется в оппозиции *живого* и *неживого*. Романическая ирония и гротеск, которые носят разрушительный характер, становятся стилистическим приемом Брюсова, подчеркивающим трагизм происходящего.

Библиографический список

1. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. – М.; Л.: Гослитиздат, 1960–1963. – Т. 5. – С. 193.
2. Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 352 с.
3. Брюсов В. Земная ось: Рассказы и драматические сцены: (1901–1906 г.). – М.: Скорпион, 1907. – 166 с.
4. Брюсов В. Повести и рассказы. – М.: Сов. Россия, 1983. – 368 с.
5. Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1991–1999.
6. Гречишкин С.С. В. Брюсов о себе как прозаике: «Предисловие автора» к неосуществленному чешскому изданию сборника «Земная ось» // Studia Slavica. – 1975. – Т. 21. – Ф. 3–4. – 426 с.
7. Гуллакян С.А. Предметный мир в сборниках В.Я. Брюсова «Земная ось» и «Ночи и дни» // Брюсовские чтения 1996 года. – Ереван: Лингва, 2001. – 53–61 с.

8. Дубинина Л.А. Поэтика малой прозы В.Я. Брюсова 1900–1910-х гг. // дис. ... канд. филол. наук. – Харьков, 2015. – 226 с.
9. Евреинов Н. Демон театральности. – М.; СПб.: Летний сад, 2002. – 1665 с.
10. Ильев С.П. Книга В. Брюсова «Земная ось» как циклическое единство // Брюсовские чтения 1973 года. – Ереван: Советакан грох, 1976. – С. 87–115.
11. Королева В.В. Множественный раскол личности в романе Брюсова «Огненный ангел» и «Эликсир дьявола» Э.Т.А. Гофмана // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX Междунар. науч. конф. – СПб., 2015.
12. Мейерхольд В.Э. Стагьи. Речи. Письма. Беседы. Ч. 1: 1891–1917. – М.: Искусство, 1968. – Т. 1. – 792 с.
13. Мочульский К.В. А. Блок. А. Белый. В. Брюсов. – М.: Республика, 1997. – 479 с.
14. Попова Д.И. Образ двойника в рассказах «В зеркале» В. Брюсова и «Вильям Вильсон» Э. По // Славянский мир: духовность и традиции и словесность. – Тамбов, 2016. – 394–402 с.
15. Протасова Л.Н. «Тайна отражений» в малой прозе В. Брюсова // Брюсовские чтения на Кавминводах – 2008: материалы Междунар. науч. конф. – Пятигорск, 2009. – 188–203 с.
16. Савина А.Д. Сюжетная игра в малой прозе В. Брюсова Сюжетология и сюжетография. – 2013. – № 1. – С. 46–52.
17. Тимченко О.В. Композиционный прием «удвоение действительности» в новеллах В.Я. Брюсова. Проблема границ воображаемого и реального, познание...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis.
18. Чавчанидзе Д.Л. «Романтическая ирония» в творчестве Гофмана // Уч. зап. МГПИ им. Ленина. – Вып. 280. – М., 1967. – 348 с.
19. Четверко С.Ю. Мотивы сна и двойничества в новеллах В. Брюсова // European social science journal. – 2013. – Т. 1. – № 38. – С. 134–139.
4. Bryusov V. Povesti i rasskazy. – M.: Sov. Rossiya, 1983. – 368 s.
5. Gofman E.T.A. Sobranie sochinenij: v 6 t. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1991–1999.
6. Grechishkin S.S. V. Bryusov o sebe kak prozaike: «Predislovie avtora» k neosushchestvlenomu cheshskomu izdaniyu sbornika «Zemnaya os'» // Studia Slavika. – 1975. – Т. 21. – Ф. 3–4. – 426 s.
7. Gullakyan S.A. Predmetnyj mir v sbornikah V.YA. Bryusova «Zemnaya os'» i «Nochi i dni» // Bryusovskie chteniya 1996 goda. – Erevan: Lingva, 2001. – 53–61 s.
8. Dubinina L.A. Poetika maloj prozy V.YA. Bryusova 1900–1910-h gg. // dis. ... kand. filol. nauk. – Har'kov, 2015. – 226 s.
9. Evreinov N. Demon teatral'nosti. – M.; SPb.: Letnij sad, 2002. – 1665 s.
10. Il'ev S.P. Kniga V. Bryusova «Zemnaya os'» kak ciklichesкое edinstvo // Bryusovskie chteniya 1973 goda. – Erevan: Sovetakan groh, 1976. – S. 87–115.
11. Koroleva V.V. Mnozhestvennyj raskol lichnosti v romane Bryusova «Ognennyj angel» i «Eliksiry d'yavola» E.T.A. Gofmana // Pushkinskie chteniya – 2015. Hudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoj literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy HKH Mezhdunar. nauch. konf. – SPb., 2015.
12. Mejerhol'd V.E. Stat'i. Rechi. Pis'ma. Besedy. CH. 1: 1891–1917. – M.: Iskustvo, 1968. – Т. 1. – 792 s.
13. Mochul'skij K.V. A. Blok. A. Belyj. V. Bryusov. – M.: Respublika, 1997. – 479 s.
14. Popova D.I. Obraz dvojnika v rasskazah «V zerkale» V. Bryusova i «Vil'yam Vil'son» E. Po // Slavyanskijc mir: duhovnost' i tradicii i slovesnost'. – Tambov, 2016. – 394–402 s.
15. Protasova L.N. «Tajna otrazhenij» v maloj proze V. Bryusova // Bryusovskie chteniya na Kavminvodah – 2008: materialy Mezhdunar. nauch. konf. – Pyatigorsk, 2009. – 188–203 s.
16. Savina A.D. Syuzhetnaya igra v maloj proze V. Bryusova Syuzhetologiya i syuzhetografiya. – 2013. – № 1. – S. 46–52.
17. Timchenko O.V. Kompozicionnyj priem «udvoenie dejstvitel'nosti» v novellah V.YA. Bryusova. Problema granic voobrazhaemogo i real'nogo, poznanie...» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis.
18. CHavchanidze D.L. «Romanticheskaya ironiya» v tvorchestve Gofmana // Uch. zap. MGPI im. Lenina. – Vyp. 280. – M., 1967. – 348 s.
19. CHetverko S.YU. Motivy sna i dvojnichestva v novellah V. Bryusova // European social science journal. – 2013. – Т. 1. – № 38. – S. 134–139.

References

1. Blok A.A. Sobranie sochinenij: v 8 t. – M.; L.: Goslitizdat, 1960–1963. – Т. 5. – С. 193.
2. Botnikova A.B. Nemeckij romantizm: dialog hudozhestvennyh form. – M.: Aspekt Press, 2005. – 352 s.
3. Bryusov V. Zemnaya os': Rasskazy i dramaticheskie sceny: (1901–1906 g.). – M.: Skorpion, 1907. – 166 s.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ П.П. ПЕРЦОВА
ВО ВРЕМЯ ЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ В МАЕ – ИЮНЕ 1913 ГОДА
(по письмам к М.П. Перцовой)

В статье автором проведена реконструкция эпизода из жизни П.П. Перцова, с которым общались виднейшие деятели Серебряного века (Д.С. и З.Н. Мережковские, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, В.В. Розанов, С.Н. Дурылин и др.). Научная ценность данной статьи заключается в воспроизведении эпизода из жизни П.П. Перцова, основанного на архивных материалах, никогда до этого не публиковавшихся, что определило отсутствие ссылок на какие-либо исследования. Биография П.П. Перцова, в общих чертах воспроизведенная акад. Лавровым в 4-м томе словаря «Русские писатели», нуждается в уточнениях и добавлениях, которые в данном случае делаются на основе исследования эпистолярия П.П. Перцова и его частичной публикации. Все сведения об исследовательской работе, связанной с биографией П.П. Перцова, представлены автором статьи в примечаниях и списке литературы. Специфику статьи определил жанр биографии, о чем свидетельствует название статьи. На основе писем П.П. Перцова к жене, М.П. Перцовой, их пересказа и частичной публикации воспроизводится его путешествие по Германии и Австрии в мае – июне 1913 года. Обращается внимание на отношение П.П. Перцова к жене, специфику его восприятия европейской культуры и природы, реминисценции русской литературы. В качестве выводов как итога поездки П.П. Перцова дается список статей, которые им написаны и опубликованы по впечатлениям от поездки. По убеждению автора статьи, подобный вывод соответствует жанру биографии, раскрывает, что во время поездки П.П. Перцов активно трудился как журналист.

Ключевые слова: П.П. Перцов, М.П. Перцова, эпистолярное наследие, европейская культура, путевые заметки, жанр биографии.

Петр Петрович Перцов (1868–1947) – один из интереснейших деятелей Серебряного века, чье наследие все еще остается «неизданным и несобраным» в полном объеме¹. Не издан большой труд Перцова по истории русской живописи (нецензурированная авторизованная машинопись хранится в ГАКО), не собраны и не изданы: его художественные тексты (стихи и рассказы), весь корпус рецензий, критических и философских статей². Не переизданы: «Молодая поэзия. Сборник избранных стихов молодых русских поэтов» (СПб., 1895), антология, составленная вместе с двоюродным братом В.В. Перцовым; «Философские течения в русской поэзии. Избранные стихи и критические статьи С.А. Андреевского, Д.С. Мережковского, Б.В. Никольского, П.П. Перцова и Вл.С. Соловьева» (СПб., 1896, 1899). Хотя сборник в эпоху Серебряного века обретает фактически форму жанра, что делает сборники, составленные Перцовым, актуальными для изучения данного феномена.

В силу того, что Перцов обладал хорошим вкусом и разбирался в литературе³, он стал первым издателем трудов В.В. Розанова (Сумерки просвещения. Религия и культура. Литературные очерки. СПб., 1989; Природа и история. СПб., 1900), Д.С. Мережковского (Вечные спутники. СПб., 1897), А.А. Блока (Новый Путь. 1903 (март). С. 48–59). Не случайно Перцов – редактор-издатель (1903–1904) журнала «Новый Путь», ему же принадлежат название и структура журнала.

Особое место в наследии Перцова занимает обширный эпистолярный, разбросанный по разным

архивным и музейным собраниям. Поначалу издавались, как правило, письма к Перцову кого-то из его знаменитых современников – В.Я. Брюсова, В.В. Розанова; по иной причине (не обнаружены письма Перцова) – Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус [см.: 9, с. 565]. Так он попал в условный список людей из комментариев или, по определению А.В. Лаврова, стал «фигурой фона». Хотя словно сам способствовал этому, когда от голода и отчаяния продал в 1920-е годы адресованные к нему письма Брюсова, тогда же и опубликованные [11]. Положение менялось постепенно, по мере возрастания интереса к самому Перцову [см.: 3, 7, 8, 12, 13]. Хотя все приведенные мной сведения о публикации и писем, и трудов – малая доля того, что содержат архивы (РГАЛИ, ИРЛИ, ГАКО, Музей С.Н. Дурылина в Болшеве).

Отсутствие публикации большей части трудов Перцова не позволяет объективно оценить степень его таланта и определить его место в истории русской культуры. Оценки современников всегда пристрастны. Но даже просто внимательное знакомство с содержанием только описания эпистолярия, хранящегося в центральных больших архивах, позволяет увидеть, что корреспондентами Перцова были люди весьма известные. Вот и в воспоминаниях Андрея Белого Перцов возникает совершенно органично среди Бердяева, Сомова, Бакста, Лосского, Сологуба, Чулкова, Мережковских, Розанова. Конечно, каждый из них мог написать пару-тройку писем лицу *второстепенному* или в сугубо практических целях – лицу, *имеющему доступ к публикации*, когда Перцов был (с В.А. Тернав-

цевым) фактическим держателем «Нового Пути». Но ведь письма к нему не ограничиваются только 1903–1904 годами. Так, в дневниковых 1900 года записях З.Н. Гиппиус сообщается, что Перцов был одним из семерых, посвященных в *тайну* Третьего Завета [5, с. 91, 92]⁴. Значит, была в нем надобность совсем иного рода и свойства, надобность в нем как в личности, как в человеке. Вот это последнее – личностное – более всего раскрывается в его письмах к жене.

В Государственном архиве Костромской области (ГАКО) хранится обширная переписка Перцова с супругой М.П. Перцовой, позволяющая восстановить неизвестные факты из его биографии. В частности, это касается его поездки в Германию и Австрию середины мая – середины июня 1913 года. Он посетил Берлин, Гарц, Тале, Гослар, Эйзенах, Гейдельберг, Баден-Баден, Баденвейлер, Шварцвальд, Фрейбург, Базель, Линдау, Мюнхен, Инсбрук, Вену. В письмах к жене Перцов предстает человеком искренним, непосредственным, обладающим чувством юмора и владеющим умением подмечать в обыденном сущностное.

Из писем к жене этого же года, но до поездки, видно, насколько сложно складывались отношения Перцова с «Новым Временем» при сыновьях Суворина. Ему платили, и то нерегулярно, небольшие гонорары, часто задерживали публикацию статей, а то и вовсе статьи где-то терялись. Перцов решается поехать за границу в надежде, что редакция согласится опубликовать его заграничные впечатления, хотя у газеты имелась сеть зарубежных корреспондентов. Но Перцов был еще и писателем, что должно было отличать его статьи. Судя по письмам, Перцов отправился в путешествие на свои деньги и старался экономно расходовать средства. Но была и другая причина его экономии. Все-таки до октябрьских событий Перцов был небедным человеком, у него имелись и счета в банках, и вклады, и приносившие доход предприятия. Конечно, он не был «владельцем заводов, домов и пароходов» (в отличие от некоторых своих родственников), но жил вполне благополучно.

Скорее всего, экономия была связана с тем, что Мария Павловна в начале июня поехала в Италию, тоже путешествовать. Перцов не отправился в Италию по той причине, что не единожды там уже бывал, изучил все музеи и хотел теперь, по его признанию, насладиться красотами природы. А Мария Павловна жаждала иного – тепла и искусства. Вот и поехали супруги: он – на север, она (несколько позднее) – на юг. Некоторые нюансы в их отношениях открывает количество написанных ими писем: Перцов отправил к жене 18 писем и одну телеграмму, в ответ получил только 6 писем и укор за телеграмму (сведения из писем Перцова). Возможно, сказалась некоторая обида со стороны М.П. Перцовой, что муж не поехал с ней. Хотя он

собирался в конце путешествия добраться до Венеции, пройдя через Альпы (испортившаяся погода помешает исполнению этой задумки). Кроме того, впереди (по возвращении) их ожидало совместное запланированное путешествие по Волге. Замечу, что письма этого же года, но написанные М.П. Перцовой поздней осенью и зимой, свидетельствуют о ее любви к мужу⁵. Но вернусь к путешествию П.П. Перцова в Германию и Австрию.

Все его письма полны искренним чувством к Марии Павловне, которую он именует Цыпой, Цыпушей, себя ее верным и любящим Цыпиком, который только и мечтает о том, как будет «цыпиться» подле нее. Если учесть, что близкие отношения у них начались еще до того, как Мария Павловна рассталась с первым мужем, приблизительно с 1896 года, то к 1913 году этим отношениям будет уже почти 20 лет. Между тем, приехав в Берлин, Перцов вечером (помимо утреннего, уже отправленного письма) 14 мая 1913 года пишет: «Милая моя Цыпуля! Цыпка! Прежде всего Ц[ыпи]к крепко целует свою милую Цы-ы-ыпу за ее портрет, который ведь он нашел только сегодня в Берлине, когда стал по приезде вынимать вещи. Он ужасно удивился и сперва просто не верил своим глазам – откуда это взялось? Точно Ц[ып]а сама вдруг к нему пришла – ему так это кажется. Конечно, в результате Ц[ыпи]ка ужасно потянуло назад – к себе домой, под крыло к Ц[ып]е, и он бранит себя, что придумал эту поездку! Вообще я не знаю, что будет дальше, а пока Ц[ыпи]к в беспokoйстве и тоске. Сегодня после обеда лег отдохнуть и так тяжело проснулся – он долго не мог понять, где он? – Только было все какое-то тягостное. Ощущение отдаления от Ц[ып]ы, и когда наконец Ц[ыпи]к понял, что он так далеко – он чуть не стал плакать (а м[ожет] б[ыть]...). Он глядит на портрет Ц[ып]ы и ему кажется, что она его сохраняет от всех напастей» [4, л. 16–16 об.].

Все письма Перцова в большей или меньшей степени содержат подобные интонации, он страшно волнуется из-за отсутствия писем от жены, готов бросить все и мчаться туда, где она находится, искренне тоскует в разлуке. Ждет от нее писем, по несколько раз чуть ли не бегая на почту, ругает местную традицию ставить на конверте штамп ровно на фамилии, что затрудняет ее прочтение и, следовательно, доставку письма. Одним словом, ведет себя как влюбленный, романтически настроенный человек. А между тем ему скоро (4 июня) исполнится 45 лет! Перцов в письмах к жене вовсе не похож на того Перцова, что смотрит на нас с привычных (немногочисленных) фотографий: всегда застегнутый на все пуговицы, замкнутый, даже несколько сурового вида человек⁶. Зато по внутреннему состоянию Перцов майского вечера 1913 года очень близок описанию чуть более десятилетней давности из воспоминаний Андрея Бе-

лого: *неввысокий одутловатый голубоглазый очень бледный блондин, с глуховатым, невнятно лопочущим голосом*, он один из *ангелов мира* – Перцов, Поляков и Балтрушайтис [1, с. 207, 363]. Хорошая компания из издателя и поэта! Перцов был и тем, и другим, хотя и не столь успешным.

Письма Перцова полны впечатлений от природы, собственно, ради этих впечатлений, а не писания статей для «Нового Времени», он и отправился в путешествие. Приведу некоторые описания, внутри приводимых фрагментов купюр нет.

Из письма от 17 мая 1913 года. Он описывает виды в местечке Тале, что в Гарце и где он сейчас находится: «Очень красивые здесь места и очень удобно ходить: всюду прекрасные дороги. Это место считается одним из лучших в Гарце. Здесь речка Бода прорывает гранитные скалы и прокладывает себе сквозь них дорогу в ущелье. Направо и налево стоят стенами горы или, вернее, скалы, обрывистые и страшные отроги. Все это покрыто зеленью. В начале ущелья лежит городок, состоящий наполовину из отелей. Пока еще туристов мало, да и погода не внушает доверия. В Берлине была такая жара, что я последнюю ночь почти не мог спать (хотя еще вчера вечером было довольно прохладно). В вагоне сегодня жара, духота. Эти аккуратные немцы, несмотря ни на какую жару, держат все окна запертыми и сами задыхаются. Как приехал сюда, появились облака, потом разошлось было, а потом пошел дождь, весь план путается и не придумаешь, как быть.

Очень красивый сегодня был вид со скалы “Конский прыжок” в долину Боды – даже в Швейцарии такие редки. С этой скалы, говорят, волшебный конь перепрыгнул через ущелье, унося принцессу, которую преследовал рыцарь. Остался и след его копыта – очень похожий, но чудовищного размера. Здесь, кажется, всюду легенды. Тебе понравилось бы. Я думаю, здесь главное – зелени много и цветов. Сегодня очень красивые были по дороге поля анютиных глазок – их разводят здесь, как у нас лен и т[ому] п[одобное]. Очень хороший городской парк, а между тем это даже не город, а скорее деревня. Мастера эти немцы! Как вспомнишь наши безобразные города – просто злость берет. Все-таки любви к природе у нас в большинстве не слишком много» [4, л. 21–21 об.].

Приведенная пейзажная зарисовка свидетельствует о несомненном писательском даре Перцова. Он умело, в нескольких словах, набрасывает рисунок увиденной им природы. Причем природа у него никогда не отделена от человека. Он здесь и далее будет восхищаться умением немцев аккуратно и бережно обращаться с природным ландшафтом. Вот ведь, замечу, и слово «ландшафт» немецкого происхождения! Хотя те же немцы вне их обращения к природе в большей степени его раздражают, нежели вызывают сочувствие.

А это уже из Гослара 20 мая 1913 года: «Ночевал у подножия Брокена. На другой день утром встал – сплошной туман. К 10 час[ам] он стал слегка редеть. Я все-таки рискнул подняться по зубчатке на Брокен. (С вершины я послал тебе тоже открытку.) И хорошо сделал, что поехал, – туман постепенно почти растаял. Вершина Брокена была чиста, и ближайшие горизонты видны, но дальние задержаны облаками. Впрочем, эта гора славится своими туманами. На вершине ее, где прежде слетались ведьмы, теперь стоит большой отель и, разумеется, башня, на которую полагается подыматься. Нечего делать – лазил и я, хотя моя грыжа от этих гор и башен начинает ощутительно просыпаться (а в правом колене проснулся ревматизм – или это одно и то же? Эх, старость-то дает себя знать! “был конь, да отъездился!”) С горы послал открытки во все стороны – в том числе Вол[оде]⁷ с изображением ведьмы и Л[идии] В[алериановне]⁸ (пусть узнает, где я). На горе – лысое от растительности почти место (вероятно, ведьмы всегда собирались на Лысых горах). Группа камней называется Чертова кафедра и т[ому] п[одобное]. Место ведьм теперь с успехом занимают немки (до чего все уродливо и главное – неизящны! Это какой-то особый талант не-изящества!) С горы я пошел вниз долиной реки Ильзы, которую воспел Гейне. Оч[ень] красивая долина, где в лесу ряд маленьких водопадов. Разумеется, у немцев всюду проведены хорошие дорожки, указатели и в самых красивых местах скамейки» [4, л. 22–22 об.].

Конечно, путешествуя по Гарцу, образованный человек не может не вспомнить Генриха Гейне. Описание *прелестной сладостной* Ильзы, образ которой в прозе и в стихах дан поэтом в «Путешествии по Гарцу. 1824» из его «Путевых картин» (1826–1830). Здесь же найдутся и зарисовки Гослара, Брокена, о которых пишет Перцов, но в иных интонациях, расставляя свои акценты. Вот его описание Гослара в письме от 21 мая 1913 года: «Это маленький старый городок у северного подножия Гарца. Когда-то здесь жили старые немецкие императоры, разные Генрихи и Оттоны, и от них остались дворец и церковь. Здесь много также старых немецких домов с резьбой и подписями по фасаду, острыми аспидными крышами и иногда со статуэтками не совсем приличными (почему-то все чешут себе попку...). Все это довольно курьезно. Городок похож на игрушечный» [4, л. 23].

В приводимых эпизодах я следую за письмами Перцова, поэтому описания природы будут перемежаться с описаниями городов, которые встречаются ему по пути, в которых он останавливается. Вот Баден-Баден из письма от 27 мая 1913 года: «Этот тургеневский и боборькинский⁹ город есть параднейший курорт, так что жить здесь было бы весьма скучно. Но так пройти и посмотреть можно. Пока, впрочем, народа мало, и публика не очень

блестящая. Даже в моем Anzug¹⁰ вполне приличен. Немцы вообще не мастера одеваться, и в Берлине, напр[имер], я в своем стареньком мышинном наряде¹¹ был совсем как вся остальная публика. Что здесь хорошо – так это именно Лихтенталевская аллея (которая упоминается в “Дыме”). Это длинная, версты в 2 долина, обращенная в парк. Немцы мастера устраивать эти декоративности. В немецкой природе есть в самой по себе какой-то оттенок идилличности, и они его еще усиливают (вероятно, без намерения). Верхний конец этой аллеи, напр[имер], прямо идеал идиллической природы, и я даже остался здесь переночевать, чтобы завтра еще раз его посмотреть. Так красиво и уютно расположены группы деревьев, и так хорошо подобраны их цвета, и также мягкие холмы кругом, и речка маленькая вьется – словом, все так уютно, совсем по-немецки, ganz gemütlich und ganz akkurat¹². Ты мне скажешь, что мне нравится, п[отому] ч[то] у меня тоже немецкая душа. Но это, конечно, не так. Настоящее в природе, разумеется, не это. Мне было жаль Тургенева, что он столько времени тут сидел (ведь он жил здесь лет 15¹³, около Виардо “цыпился”). Тут была где-то и вилла его¹⁴. Действие “Дыма” происходило ведь здесь, и в этой самой аллее Петугин проповедовал свою “цивилизацию” [15, с. 323–330]. Очень это к ней подходит – действительно цивилизованная аллея» [4, л. 29–29 об., 30]. В романе Тургенева нет подробного описания этой аллеи, есть только упоминания о ней. Данная Перцовым картина вполне может служить комментарием или наглядной картинкой к «цивилизационной» речи Петугина, где все русское подвергается резкой критике в противоположность достижениям европейской культуры.

Письмо от 29 мая 1913 года Перцов пишет «из глубины Шварцвальда» – из Allerheiligen, «порусски просто Всехсвятское»: «Уже второй день я странствую здесь по горам. Из Бадена, где, как я тебе писал, я перекочевал, и на другой день еще раз побывал в Лихтентальской аллее (но уже не было солнца), а потом хотел было ехать во Фрейбург, но хорошая погода заставила меня изменить план. Я проехал немного по ж[елезной] д[ороге], а потом пошел в горы. Сперва шел долиной, а после в гору и красивым ущельем с водопадами – всего 4 часа – и наконец взобрался на хребет Шварцвальда (на западный гребень его гор). Там я заночевал в гостинице “Собачий угол”. Несмотря на такое непривлекательное название, гостиница очень хорошая, и чудесное место. Вокруг океан лесов по холмам и горам, а далеко внизу – долина Рейна, который кое-где сверкал полосками под вечерним туманом. На самом конце горизонта – синие Вогезы, горы, пограничные с Францией. Вечер был прекрасный, и я долго любовался. Наутро просыпаюсь (в 8 ч[асов] утра) – неважно, все в облаках. Тем не менее я отправился, как хотел, по гребню гор (тут

всюду проложены дороги специально для путешественников). Сама гостиница уже была на высоте 900 м[етров], т[о] е[сть] почти высота Петри. Сегодня весь день я провел приблизительно на этой высоте. Сперва поднялся еще несколько выше – на высшую точку сев[ерного] Шварцвальда, а оттуда шел долго лесами. Вот это именно такое путешествие, какое я люблю. Идешь-идешь себе долго по лесам и горам, временами открывается какой-нибудь вид, а то горное озеро, со всех сторон замкнутое лесистыми горами. Точно озеро Неми, а наверху могила какого-то немец[кого] профессора, который выбрал себе прекрасное местечко. На самой высокой вершине нас (ибо нас тут было много: какая-то школа девочек с монахами-руководителями и еще несколько туристов, все свадебные пары, и одну я застал в не совсем прилич[ный] момент) застали облака. Все было ими покрыто. Так что вида не было почти никакого. Холод и отчаянный ветер! Все забились под навес, как ц[ыпля]та, а бедные девочки скоро ушли куда-то и пропали в тумане. Я спустился вниз на берег горного озера, в отель, где меня прекрасно накормили (sic!). Весь день я шел; под вечер опять полез на вершину, откуда огромный кругозор. Так у меня и останутся в памяти эти бесконечные цепи лесистых гор, стоящие рядами, а за ними – последняя, самая высокая; а с другой стороны – глубокий провал в долину Рейна, сверкающий, как обломки стали. Над всем этим – облака и “дымка испарений”, как сказал бы Тэн» [4, л. 30–31 об.].

Слова из Ипполита Тэна возникают не случайно: Перцов переводил с французского языка на русский его «Путешествие по Италии» (1866). Первый том «Неаполь и Рим» в переводе Перцова вышел как раз весной 1913 года. Летом, по возвращении из путешествия, Перцов приступит к переводу второго тома «Флоренция и Венеция», который выйдет в 1916 году. Оба тома – в Москве, в книгоиздательстве «Наука»¹⁵. На первый том откликнется (по просьбе самого Перцова) Василий Розанов. В своей небольшой рецензии, высоко оцененной Перцовым, Розанов отметит преимущества русского перевода в сравнении с оригиналом, подчеркнет отличие от оригинала: Перцов снабдил свой перевод обильным количеством фотоснимков, привезенных из Италии его отцом, который путешествовал по Италии в одно время с Тэном [3, с. 282–286].

Наконец, *судьба заносит* Перцова в Мюнхен, в одну из европейских столиц современного искусства с прославленной школой Антона Ажбе, через которую прошел весь цвет русских художников-модернистов. Но Перцов был страстным поклонником классического искусства. Посетив однажды (в начале XX века) в Италии выставку современного искусства, Перцов заключает: «Когда среди этих “последних слов” современного искусства вдруг

вспоминаешь живопись Тициана, Беллини и Карпаччо – каким искренним и чистым кажется то время. Бродишь по залам выставки, унылый и озлобленный, и наконец уходишь» [10, с. 240]. Потому Мюнхен был совершенно не интересен Перцову. Он и не собирался в него заезжать, только непогода привела его в Мюнхен, где он искренне скучает. И это в городе, который, как заметил Василий Розанов, весь «зарос искусством» [14, с. 529]! Хотя в письме от 8 июня 1913 года из Мюнхена Перцов признается: «Меня почему-то не тянет в большие города, а Мюнхен я еще довольно хорошо помню с 1907 г[ода]. В музеи совсем неохота идти – за все путешествие я еще не был ни в одном музее (кроме дома Гете во Франкф[урте]¹⁶ да дома Ленбаха здесь, но это все же не музеи). А больше здесь нечего делать. Остаются еще пивные, но не сидеть же в них весь день» [4, л. 37 об.].

Под домом Ленбаха (Lenbachhaus) имеется в виду Городская галерея на вилле (построена в конце XIX века по проекту Г. фон Зейделя) немецкого художника Франца фон Ленбаха (1836–1904). В галерее собраны работы художников, связанных с Мюнхеном с XVIII века и далее, в том числе группы «Синий всадник» (В. Кандинский, Ф. Марк, А. Явленский, М. Веревкина, П. Клее). Так что Перцов, посетив дом Ленбаха, вновь встретился с современным искусством. Правда, в письмах к жене нет никаких следов этой «встречи», кроме упоминания. Хотя именно просто упоминание вполне можно воспринимать как оценку: посмотрел – и ладно. В этой связи хочу вернуться к берлинскому письму от 14 мая 1913 года, где Перцов восклицает: «Какие здесь женщины все уроды! Черт знает что такое! Таких кухарок нигде не найдешь. И вообще, насколько “чистая” публика изящнее в Москве! Здесь декадентством почти не пахнет. Бальмонт не мог бы здесь родиться» [4, л. 20 об.]. Для Перцова Бальмонт был ярким представителем *новой полосы* русской поэзии, хотя и вызывал противоречивые чувства, о чем он писал в своих воспоминаниях. Но в данном случае важно иное: на фоне некрасивых немецких женщин искусство *нового толка*, не принимаемого им в живописи, оказывается привлекательным в поэтическом слове и во внешнем облике поэта.

В последнем письме, из Вены, от 18 июня 1913 года, Перцов делится своими впечатлениями: «Вена грязна и сера. Против Берлина она не того – там все так вылизано, точно немец языком лизал. И вообще Австрия после Германии кажется чем-то вроде России. Здесь даже кажется клопы есть» [4, л. 42 об.]. Он не первый раз в Вене, но теперь она ему кажется уже не той, что раньше. В общей грустной интонации угадываются чувства от неудавшейся из-за погоды поездки.

В конце приведу названия статей Петра Перцова, которые были опубликованы в «Новом Времени»

в течение его путешествия 1913 года и по впечатлениям от поездки: «В городе студентов» (9 июня), «Чертов фонтан» (14 июня), «Литература позднего Возрождения» (15 июня), «Цивилизованная аллея» (17 июня), «Морская Австрия» (22 июня), «Немцы 2 сорта» (27 июня), «Венский Сецессион» (29 июня), «Заграничная реклама» (30 июня).

Примечания

¹ Изданы работы П.П. Перцова: «Литературные афоризмы» (Перцов П.П. Литературные афоризмы / публ. Т.В. Померанской // Российский архив: альманах. Вып. 1. М., 1994); «Введение в “диалогологию”» (Перцов П.П. Введение в “диалогологию” / публ. А.В. Лаврова // Полярность в культуре: альманах. Вып. 2. СПб., 1996); «Русская “комедия масок”» (к юбилею Гоголя) (Перцов П.П. Русская «комедия масок» (к юбилею Гоголя) / публ. Г.В. Давыдова // Костромская старина. 1998. № 10–11); Основания космономии (частично) (Перцов П.П. Основания космогонии / публ. А.И. Резниченко // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Сер.: Культурология: Энтелехия / гл. ред. И.А. Едошина. Кострома. 2009. № 19); глава «Нестеров» из книги «История русской живописи от Петра I до революции 1917 г.» / публ. Г.В. Давыдова; ком. И.А. Едошиной // С.Н. Дурьлин и его время. Кн. 1: Исследования. М., 2010; «1900 год в сочинениях Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова» / сост. А.П. Дмитриев. СПб., 2014. Переизданы: «Литературные воспоминания» (Перцов П.П. Литературные воспоминания / ком. А.В. Лаврова. М., 2002); «Венеция» (Перцов П.П. Венеция / ком. М. Андреева. М., 2007); перевод книги И. Тэна «Путешествие по Италии: в 2 т.» (Тэн И. Путешествие по Италии: в 2 т. М., 2008).

² Частично изданы в прижизненных книгах Перцова: «Письма о русской поэзии» (СПб., 1895), «Первый сборник» (СПб., 1902), «Панрусизм или панславизм?» (М., 1913).

³ По замечанию З.Н. Гиппиус, «был он чуток ко всякому нарождающемуся течению и обладал недюжинным философским умом» [6, с. 106].

⁴ Правда, в ее воспоминаниях, написанных через четверть века уже за границей, Перцов оказывается *деревяннным* [6, с. 106].

⁵ К сожалению, письма от М.П. Перцовой времени путешествия П.П. Перцова в ГАКО отсутствуют.

⁶ «Провинциал, человек упрямый, замкнутый, сдержанный (особенно замкнутый потому, может быть, что глухой)» [6, с. 106]. Поправлю воспоминания З.Н. Гиппиус. Все-таки во времена, описываемые ею, Перцов был скорее глуховатым, глухота разовьется позднее, ближе к 1930 годам. Что удивительно, глухота постигнет и М.П. Перцову!

⁷ Владимир Владимирович Перцов (1898–1959) – двоюродный племянник Петра Перцова, сын В.Н. Перцова и М.П. Перцовой.

⁸ Лидия Валериановна Кострова (урожд. Овцына, 1861–1918) – секретарь конторы и редакции журнала «Русское Богатство», близкая подруга А.И. Иванчина-Писарева, с которым Перцов активно общался в начале своей журналистской деятельности еще в Казани.

⁹ П.Д. Боборыкин (1836–1921) был в Баден-Бадене в 1868 году, навеситил Тургенева [2, с. 8–15].

¹⁰ Нем. Костюм туриста, состоявший из шерстяных грубоватых по форме вещей: «2 вещи – куртка (с поясом) и брюки (жилета не полагается); брюки длинные, стоит 36 м[арок] = 17 р[ублей]. Есть и дешевле (и дороже), но я взял полегче. Цвет приятный – коричнево-серый» – из письма П.П. Перцова к М.П. Перцовой из Берлина от 14 мая 1913 г. [4, л. 17].

¹¹ Речь идет об изрядно поношенной тройке, которую Перцов привел в порядок в Берлине, отдав почистить и отутюжить.

¹² Нем., здесь – очень удобно и очень аккуратно.

¹³ И.С. Тургенев жил в Баден-Бадене с 1863 по 1870 годы.

¹⁴ В 1865 году Тургенев построил дом рядом с усадьбой семьи Виардо, но вскоре продал его Луи Виардо и жил в этом доме с согласия нового владельца.

¹⁵ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 годов.

¹⁶ Дом-музей Гете (Goethe House) во Франкфурте-на-Майне основан в доме, где в 1859 году родился и затем жил И.В. Гете. В письмах во время путешествия этого года, которые хранятся в ГАКО, кроме приведенного упоминания, нет никаких сведений о пребывании Перцова во Франкфурте. Возможно, он имеет в виду более раннее посещение Германии.

Библиографический список

1. *Белый Андрей*. Начало века. Воспоминания: в 3 кн. Кн. 2 / подгот. текста и ком. А.В. Лаврова. – М.: Художественная литература, 1990. – 687 с.
2. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. Т. 2 За полвека (Мои воспоминания) / подгот. текста и прим. Э. Виленской и Л. Ройтберг. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 7–168.
3. Воспоминатели мгновений: Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова. 1911–1916 / изд. подгот. А.П. Дмитриев, Денис Федоров. – СПб.: Росток, 2015. – 447 с.
4. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. Р-1356: П.П. Перцов. – Оп. 1. – Д. 42.
5. *Гиппиус З.Н.* Дневники: в 2 кн. Кн. 1 / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 1999. – 736 с.
6. *Гиппиус З.Н.* Задумчивый странник // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 6. Живые лица: Вос-

поминания. Стихотворения / сост., прим. Т.Ф. Прокопова. – М.: Русская книга, 2002. – С. 103–147.

7. Из эпистолярного наследия П.П. Перцова / публ. Г.В. Давыдовой; коммент. И.А. Едошиной // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Культурология: Энтелехия / гл. ред. И.А. Едошина. – Кострома, 2002. – № 5. – С. 95–102; 2003. – № 7. – С. 107–113.

8. Из эпистолярного наследия П.П. Перцова / публ. Г.В. Давыдовой; коммент. И.А. Едошиной // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Культурология: Энтелехия / гл. ред. И.А. Едошина. – Кострома, 2004. – № 9. – С. 112–117; 2005. – № 11. – С. 125–128.

9. *Лавров А.В.* Перцов // Русские писатели: Библиографический словарь. Т. 4. – М.: Большая российская энциклопедия, 1999. – С. 561–565.

10. *Перцов П.П.* Венеция. – М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2007. – 286 с.

11. Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. 1894–1896. (К истории раннего символизма) / коммент. П.П. Перцова. – М.: ГАХН, 1927. – 81 с.

12. Письма П.П. Перцова к А.А. Блоку / публ. И.И. Аброскина // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. – М.: Наука, 1998. – С. 458–465.

13. Письма П.П. Перцова к В.В. Розанову из Италии / публ. и коммент. О.Л. Фетисенко // Русско-итальянский архив VII / Archivio russo-italiano VII, a c. di C. Diddi e A. Shishkin. – Salerno, 2011. – С. 73–100.

14. *Розанов В.В.* Мюнхенский монашенок (Германские впечатления, вторая поездка) // Розанов В.В. Сочинения: Иная земля, иное небо...: Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. / сост., коммент. и ред. В.Г. Сукача. – М.: Танаис, 1994. – С. 526–536.

15. *Тургенев И.С.* Дым // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. Т. 7. Отцы и дети. Повести и рассказы. Дым. 1861–1867 / ред. тома Е.И. Кийко, С.А. Макашин. – М.: Наука, 1981. – С. 247–408.

References

1. Belyj Andrej. Nachalo veka. Vospominaniya: v 3 kn. Kn. 2 / podgot. teksta i kom. A.V. Lavrova. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. – 687 s.
2. Boborykin P.D. Vospominaniya: v 2 t. T. 2 Za polveka (Moi vospominaniya) / podgot. teksta i prim. E. Vilenskoj i L. Rojtberg. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1965. – S. 7–168.
3. Vospominатели mgnovenij: Perepiska i vzaimnye recenzii Vasiliya Rozanova i Petra Percova. 1911–1916 / izd. podgot. A.P. Dmitriev, Denis Fedorov. – SPb.: Rostok, 2015. – 447 s.
4. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti (GAKO). – F. R-1356: P.P. Percov. – Op. 1. – D. 42.

5. Gippius Z.N. Dnevnik: v 2 kn. Kn. 1 / pod obshch. red. A.N. Nikol'yukina. – M.: Intelvak, 1999. – 736 s.
6. Gippius Z.N. Zadumchivyy strannik // Gippius Z.N. Sobranie sochinenij. T. 6. ZHivye lica: Vospominaniya. Stihotvoreniya / sost., prim. T.F. Prokopova. – M.: Russkaya kniga, 2002. – S. 103–147.
7. Iz epistolyarnogo naslediya P.P. Percova / publ. G.V. Davydovoj; komment. I.A. Edoshinoy // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Ser. Kul'turologiya: Entelekhiya / gl. red. I.A. Edoshina. – Kostroma, 2002. – № 5. – S. 95–102; 2003. – № 7. – S. 107–113.
8. Iz epistolyarnogo naslediya P.P. Percova / publ. G.V. Davydovoj; komment. I.A. Edoshinoy // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Ser. Kul'turologiya: Entelekhiya / gl. red. I.A. Edoshina. – Kostroma, 2004. – № 9. – S. 112–117; 2005. – № 11. – S. 125–128.
9. Lavrov A.V. Percov // Russkie pisateli: Biobibliograficheskij slovar'. T. 4. – M.: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 1999. – S. 561–565.
10. Percov P.P. Veneciya. – M.: B.S.G.-PRESS, 2007. – 286 s.
11. Pis'ma V.YA. Bryusova k P.P. Percovu. 1894–1896. (K istorii rannego simvolizma) / komment. P.P. Percova. – M.: GAHN, 1927. – 81 c.
12. Pis'ma P.P. Percova k A.A. Bloku / publ. I.I. Abroskina // Literaturnoe nasledstvo. T. 92. Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya. Kn. 1. – M.: Nauka, 1998. – S. 458–465.
13. Pis'ma P.P. Percova k V.V. Rozanovu iz Italii / publ. i komment. O.L. Fetisenko // Russko-ital'yanskij arhiv VII / Archivio russo-italiano VII, a c. di C. Diddi e A. Shishkin. – Salerno, 2011. – C. 73–100.
14. Rozanov V.V. Myunhenskij monashenok (Germanskije vpechatleniya, vtoraya poezdka) // Rozanov V.V. Sochineniya: Inaya zemlya, inoe nebo...: Polnoe sobranie putevyh ocherkov, 1899–1913 gg. / sost., komment. i red. V.G. Sukacha. – M.: Tanais, 1994. – S. 526–536.
15. Turgenev I.S. Dym // Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Sochineniya. T. 7. Otcy i deti. Povesti i rasskazy. Dym. 1861–1867 / red. toma E.I. Kijko, S.A. Makashin. – M.: Nauka, 1981. – S. 247–408.

НА ПУТИ К САМОПОЗНАНИЮ. НОВЫЕ СМЫСЛЫ В РОМАНАХ КОНГОЛЕЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ АЛЕНА МАБАНКУ «ТРИКОЛОР» И «ВОСПОМИНАНИЯ ДИКОБРАЗА»

В статье анализируется творчество конголезского писателя Алена Мабанку как первый в африканской франкоязычной литературе опыт вживания аутофикционального письма в традиционный бытописательский контекст. В данной статье анализ романов Мабанку производится впервые в африканистическом литературоведении, как отечественном, так и зарубежном. Автор статьи подчёркивает новизну стиля Мабанку, выражающуюся в усилении субъективности, в акцентированном введении в текст автобиографического элемента. В статье отмечается одна из самых сильных сторон Алена Мабанку – тонкий психологизм, выделяющий его среди всех конголезских писателей, его удивительная способность к метафизическому восприятию жизни. По мнению автора статьи, Мабанку интеллектуально возвышается над типичным для африканских франкоязычных авторов бытописанием с его клишированными образами, ситуациями и чертами локального колорита.

Ключевые слова: романистика Конго, франкоязычная африканская литература, традиция, фольклор, Алан Мабанку, аутофикциональное письмо.

А. Мабанку (Alain Mabancou, р. в 1966 г.) дебютировал романом «Триколор» [4]. Новизна романа «Триколор» – в очень ярком образе определенного типа африканских нуворишей, «дэнди», разбогатевших во Франции мошенническими средствами и считающих себя африканской элитой. Подобный образ мелькнул несколько раньше в романе ивуарийского писателя Дени Уссу-Эссюи «Засохший стебель» [6], но эпизодически, на заднем плане. Это адвокат Акуа, школьный товарищ Конго, карьерист, краснбай и модник, по существу виновник десятилетних страданий главного героя романа, студента, лишивший его «по забывчивости» присланных денег на учебу, в результате чего тот вынужден был все время искать работу, чтобы получить диплом юриста.

Но в романе Мабанку этот «дэнди» – Шарль Моки, Парижанин, как называли его на родине, в Конго, – очень рельефный, колоритный, живой образ, земляк главного героя – рассказчика Массалы-Массалы, из одного и того же квартала города Пуэнт-Нуар.

Роману предшествует «Начало», в котором рассказчик, заключенный в тюремную камеру, в отчаянии пытается понять, осмыслить причины своей жизненной драмы. В эпиграфе к первой части романа – «Родина» – автор цитирует Пруста из романа «В поисках утраченного времени»: «Лучше вообразить свою жизнь, чем жить ею, ведь жить ею – это и значит еще вообразить ее». Влияние прустовского психологизма, «потока сознания» ощущается именно и только в «Начале». Обрывки мыслей, эмоций, ощущения, воспоминания рассыпаются, как бисер, в мозгу Массалы, вспыхивают как искры, кружат вокруг одного вопроса: как это могло случиться с ним, что и кто послужили причиной этого падения в темноту и бездну одиночества: «Мой мир – изолированность, к которой

я уже привык. Мог ли я предполагать что-либо другое? Я забыл себя такого, каким был. Спокойного. Искреннего. Внимательного.... Вернуться назад, увидеть весь спектр прошлого» [4, р. 11–12].

Первая часть – «Страна» (имеется в виду Конго, но герой никогда не употребляет слово «родина», только «страна») с аллюзией на Библию посвящена именно этой точке, которую ищет потрясенное сознание Массалы-Массалы, где сходятся все его ассоциации, всплески эмоций, мерцание прозреваемой правды: «В начале было имя. Банальное имя. Имя из двух слов: Моки. В начале было именно это имя. Моки передо мной. Я снова вижу его. Он дает мне указания. Я слушаю его...» [4, р. 35]

Шарль Моки – из бедной семьи, учился в Париже, после двух неудачных попыток стать бакалавром по литературе получил все-таки диплом, но отправился в Анголу, чтобы заработать деньги и вернуться в Париж. В Луанде на рынке Моки продавал рыбу и, собрав необходимую сумму, отправился в Париж, где чувствовал себя лучше, чем дома. Там он стал одним из «дэнди», которых африканцы звали «горячие парни» или африканские плейбои. За внешней невидимой стороной их «дендизма» скрывалось занятие спекуляцией, они обогащались за счет своих же соотечественников, «прибывших» (débarqués), наивных простаков и считали себя «аристократами». «Горячие парни»-«Парижане» одевались по последней моде, обедали в лучших ресторанах, покупали дорогие машины и вовлекали в свою криминальную сеть новичков – африканцев, ослепленных мечтой о Париже: «Кто из моего поколения не посетил Францию устно (par labouche), как говорят в стране? Одного слова “Париж” было достаточно, чтобы мы как зачарованные очутились бы перед Эйфелевой башней, перед Триумфальной аркой или на Елисейских полях... Мои сверстники заставляли

волноваться девушек, повторяя эту серенаду: скоро я поеду во Францию, я буду жить в самом Париже...» [4, р. 37].

Массала-Массала был моложе Шарля Моки. Проучившись только один год в парижском лицее, он был вынужден вернуться в страну, чтобы работать и помогать бедной семье. Он сблизился с Шарлем, когда тот приехал на каникулы домой, и сразу стал «тенью» своего кумира. Моки поразил весь квартал прежде всего тем, что стал совсем светлым (впоследствии Массала узнал, что Шарль отбеливал кожу особым химическим средством). Он носил линзы, и глаза у него были голубыми. Его шелковый галстук украшали миниатюрные изображения Эйфелевой башни, а туфли из крокодиловой кожи стоили столько, что купить их себе позволил бы разве что министр на свою зарплату.

Приехав с большими деньгами, Шарль построил отцу новый дом – большую белую «виллу, единственный в квартале провел туда электричество и воду, подарил отцу телевизор, младшим братьям велосипеды новейшей марки, купил две машины. Сидя во дворе дома под манговым деревом или с кружкой пива в уличном кафе, он рассказывал с восторгом внимающей ему молодежи о своей жизни в Париже, о том, что он жил около Монпарнаса. Юноши и девушки как зачарованные слушали Шарля, олицетворение истинного Парижанина.

Он дарил своим фанатам карточки со схемами парижского метро, и они, упиваясь сладостным ядом его признаний, присваивали себе псевдонимы по названию станций типа «Месье Сен-Пласид», «Месье Страсбур-Сен Дени», «Месье Колонель-Фабьен» и пр.

Шарль Моки заверил Массалу, что у того есть шанс стать Парижанином и пригласил его в Париж. Семья Массалы-Массалы с трудом наскребла деньги на туристическую визу.

Во второй части романа, «Париж», Шарль поселил Массалу в почти пустом доме, на парадной двери которого висело объявление «Предназначается к сносу». В комнате вместе с ним жили еще одиннадцать африканцев. Из мебели был один пластмассовый столик, спали все на полу на свернутых одеялах. Массала был шокирован, но молчал, неделями ждал обещанной Шарлем работы и готовил на всех соседей национальные блюда в большом котле.

Постепенно он узнал другую «специализацию» приятелей Шарля. Все они имели клички. Шарль звали Итальянцем. Он часто бывал в Милане, покупал там одежду и продавал ее в Париже втридорога соотечественникам на черном рынке.

Помимо спекулянтов, были настоящие воры, «специалисты» по почтовым ящикам. Они находили дома, из которых выехали жильцы, но на чей адрес еще поступала почта, в том числе с уведомлениями о кредитных суммах. Эти ящики вскрыва-

лись, уехавшие жильцы лишались ценной информации, а иногда и своих денежных вкладов.

Третьи подделывали документы, изготавливали фальшивые удостоверения личности или покупали их у отбывающих на родину антильцев. Так и Массале-Массале, когда кончилась туристическая виза, было вручено удостоверение личности на имя Марселя Бонавентуры. Массала был подавлен осознанием того, что его национальная и личностная идентичность ничего не стоят в Париже.

Простодушный, доверчивый, он, однако, был отнюдь не невежественный. Его лексика, построение фраз, ирония позволяют усомниться в последовательном дистанцировании автора романа от рассказчика. Голос автора слышится в такой, например, фразе: «Первый день Парижанина в стране был семейным днем. Даже самые дальние родственники быстро спустились с ветвей генеалогического дерева и объявились. Они боялись, что гипотетическая манна, которую Моки привез из Франции, ускользнет от них» [4, р. 55].

Некоторые характеристики, которые Массала даёт приятелям Шарля, свидетельствуют о том, что он не мог не понимать, что попал в банду мошенников, отъявленных негодяев. Но ослепительная мечта о Париже, по словам Шарля, «я» рассказчика, заставила его потерять здравомыслие и осмотрительность, о которых предупреждал отец.

Массала продолжал верить кумиру, даже когда тот познакомил его со своим близким другом по кличке Префект. «Префект», давно потерявший связи с родиной, был алкоголиком, не имевшим постоянного местожительства в Париже. Он предложил Массале прибыльную работу – спекуляцию проездными билетами в метро. Однако Массалу ловят, приговаривают к заключению в тюрьме и экстрадиции из Франции. Перед выходом из тюрьмы, в душе, он хочет покончить жизнь самоубийством, но голос охранника за дверью вызвал приступ неудержимого страха и физиологическую слабость.

Концовка романа кажется слабой, искусственной, необидительной. Слишком быстрая смена настроения у человека, совсем недавно чуть не совершившего самоубийство, слишком поспешно уравновесилась потрясенная психика. Уже в самолете Массала не испытывает не только никаких мстительных чувств, негодования по отношению к Моки, но даже неприязни, раздражения. Он думает, как его встретят в семье, что скажут родственники: «Я спрашиваю себя, не навесить ли мне его. Я хотел бы послушать, что он мне расскажет первым... Может, он убедит меня снова попытать удачу? Что я ему отвечу? Все возможно в этом мире... Я не смогу не воспользоваться случаем вернуться во Францию... Я верю, что я вернусь туда...» [4, р. 221–222].

Автор порой насильственно вторгается в сознание главного героя, рационально достраивает, конструирует образ, чтобы поставить точку, вывести урок из

идеи этого романа: пагубность иллюзий, оболочение человека неподвижной идеей, мечтой, приводящей к автозомбированию и разрушению личности.

Роман «Воспоминания дикобраза» [5] (премия Ренодо) разительно отличается и от предыдущих, и от последующих романов Мабанку. Это роман – умозрительный вымысел, фантастическая фольклоризованная пикареска – приключения Дикобраза, двойника человека по имени Кибанди.

Роман «Воспоминания дикобраза» – африканский «палимпсест», то есть рукопись, расшифровывая которую обнаруживаешь проступающий за французским языком аутентичный языковой, ментальный и культурный текст.

Автор хочет представить свое произведение как роман-вымысел наподобие волшебных сказок. Действительно, он использует некоторые фольклорные мотивы, например мотив «оборотничества» или еще сохраняющиеся анимистические представления о наличии нескольких душ у человека, а также присущие коллективистскому, целостно-универсальному народному сознанию остатки тотемических верований в зооморфных предков человека, в его двойников-животных.

В романе Мабанку много описаний магических практик, обрядов, проводимых колдунами, однако было бы некорректно говорить о реновации устной традиции или о синтезе с ней. Слишком очевидна индивидуально-авторская, субъективная, ироническая интерпретация автором фабулы этой пикарески. Скорее, здесь можно говорить о «мнимой устной традиции»¹, когда она настолько трансформируется авторской фантазией, что ее элементы утрачивают свою семантику. И явно не похож рассказчик – Дикобраз (Нгамбу на языке теке) – на традиционного эпического нарратора. Он слишком интеллектуален, эрудирован, он щеголяет своей образованностью и избыточной интертекстуальностью, а главное – слишком ироничен и остроумен.

Дикобраз – не столько другой Кибанди, сколько в некоторых эпизодах маска и alter ego автора. Его речь, организованная как длинные монологи, прерываемые только запятыми, слишком литературна и насмешлива с самого начала. В романе он двойник конголезца Кибанди из деревни Моссака. Дикобраз рассказывает о двух видах двойников. Одни – миролюбивые (pacifiques): «они не выставляются перед хозяином, вмешиваются в его жизнь только в особых случаях, например, когда их инициированный заболевает... они покровительствуют человеческим существам, ведут их, следят за их существованием, умирают в тот же день, что хозяин... инициированный ими посвятит себя добру, он будет безгранично великодушен... и будет передавать свой дар будущим поколениям...» [5, p. 16].

Главный нарратор романа А. Мабанку объявляет себя принадлежащим к другому виду двойников – злых, зловредных (nuisibles): «Мы самые

беспокойные из двойников... человеческие существа, которыми мы становимся в животном облике, не позволяют поселиться в них таким чувствам, как жалость, сострадание, угрызение совести, милосердие, они оживляются ночью, а когда превращение закончится, зловредный двойник должен покинуть животный мир, чтобы жить недалеко от хозяина, выполнять без протеста его поручения...» [5, p. 17].

Далее Дикобраз рассказывает, как произошло превращение в двойника у десятилетнего Кибанди, сына Папы Кибанди. Оказывается, Папа Кибанди тоже обладал этим даром, унаследованным от своего отца, только его двойником была Крыса. Когда Кибанди исполнилось 10 лет, Папа Кибанди увел его в лес, вырыл лопатой из земли завернутую в тряпку тыквенную калебасу и алюминиевый кубок, насильно заставил выпить сына ритуальное питье майамвумби, и тот, выпив, увидел убегающего мальчика, похожего на него. Так дикобраз перестал быть только животным и стал зловредным двойником Кибанди.

Все свои приключения Дикобраз рассказывает единственному другу, поверенному «дорогому Баобабу».

Между тем в Моссаке один за другим стали умирать люди, и жители начали поговаривать, что Папа Кибанди, возможно, причастен к этому. Говорили, например, что Папа виноват в смерти собственного брата Матапари. Якобы Папа Кибанди завидовал брату – владельцу электропилы. Его же обвинили в смерти младшей сестры, умершей накануне свадьбы, поскольку все знали, что он был против союза «северянки» с «южанином». Череда обвинений росла: изготовитель тамтамов умер потому, что Папа Кибанди завидовал его успеху у женщин. Когда обнаружили мертвой племянницу Папы Кибанди, якобы утонувшую в реке, тогда как она прекрасно плавала, все уверенно заговорили, что Папа – колдун и «съел» свою племянницу, как и всех предыдущих умерших.

Обвинения в адрес Папы Кибанди продолжали множиться. Деревенский колдун прямо объявляет вождю о своей уверенности в том, что Папа Кибанди «съел» 99 человек, но что сотой жертвы не будет.

Несколько молодых людей, вооруженных ружьями и кинжалами, идут в лес, отыскивают у корней одного из деревьев нору, где пряталась старая и уже больная крыса, и убивают ее. Вернувшись в Моссаку, они узнают, что Папа Кибанди умер.

После смерти отца до семнадцати лет Кибанди жил с матерью в Моссаке, но в деревне на него постоянно бросали косые взгляды, помня, чей он сын, и семья перебралась в соседнюю деревню. Кибанди страдал от одиночества, хотел быть любимым и любить сам, но кроме старого плотника и матери, никто не жалел и не любил его в деревне. Он самостоятельно научился читать и даже про-

чел Библию, подаренную ему одним священником, ходил в библиотеку церкви св. Иосифа в соседней деревне. Дикобраз, будучи двойником Кибанди, узнал о содержании Библии и об Иисусе Христе, и с непринужденной искренностью рассказывает Баобабу об «этом таинственном типе харизматичного бродяги»: «...бедный сын Бога, он вернулся из царства мёртвых, словно очнулся после короткой сиесты... я говорю об этом типе не для того, чтобы изменить свои верования, я думаю, что неважно на самом деле, кто он был, этот сын Бога, но он был посвященный, как мой хозяин...» [5, р. 23–24]. Чтение Библии не смогло повлиять на дальнейшее поведение Кибанди.

Дикобраз с сожалением отмечает, что Кибанди пристрастился к местному пальмовому вину мвенге, стал добавлять его к ритуальному питью майамвумби. Агрессивность его возросла, а тут еще последовали очередные смерти в деревне, как это уже однажды произошло в Моссаке при жизни Папы Кибанди.

Первой жертвой стала Кимину, юная дочь кирпичного мастера. А Кибанди был среди четырёх претендентов-женихов. Он отдал кирпичнику все циновки, которые завещала мать, корзину с орехами, деньги, сэкономленные за все время работы плотником, починил бесплатно крышу дома и услышал в ответ, что он «некрасивый, как блоха» и что ни одна женщина не согласилась бы принять его предложение. Дикобраз выполнил первое смертоносное поручение Кибанди и ночью нанёс спящей Кимуну два удара иглами в правый висок, а затем стёр следы крови.

Всех жертв Кибанди и его двойника-Дикобраза было 99. Этот хоровод мертвецов не производит, однако, никакого гнетущего впечатления, примерно также дети слушают «страшную» сказку, поскольку все эти жертвы Кибанди – не полнокровные образы с личностными характеристиками, а, скорее, симулякры плутов и мошенников, и хотя все они поименованы, но могли бы быть просто пронумерованы: № 1, 2, 3 и т. д.

Кроме, пожалуй, двух жертв Кибанди. Одна из них – тридцатилетний Амедэ, приехавший на каникулы в деревню к родителям после нескольких лет учёбы в Европе. Он особенно раздражал Кибанди и его двойника Дикобраза: «...он был заносчивый, носил костюмы, блестящие галстуки и обувь людей, которые работают в бюро... ходил, выпятив грудь, просто потому, что много учился... девушки ходили за ним по пятам, жены обманывали с ним мужей, они приносили ему еду, стирали его грязное бельё, а когда он ходил купаться на реку, то долго любовался собой в спокойной воде и говорил себе, как он красив!!!» [5, р. 153]. Здесь, конечно, скрыта аллюзия на миф о Нарциссе. Однажды, купаясь в реке, Амеде чуть не утонул. От радости, что спасся, он сорвал цветок красного гибискуса

и бросил его в реку. С тех пор этот цветок в деревне стали называть «цветком Амеде». В этом эпизоде автор четко угадывается за рассказчиком.

Дикобраз перечисляет книги, которые читал и пересказывал девушкам Амеде, а за его наружным недовольством угадывается лукавая усмешка автора. Речь дикобраза литературна, с избыточной интертекстуальностью. Он пересказывает содержание всемирно известных произведений, здесь Дикобраз – alter ego автора: «Амеде рассказывал девушкам о невезении старика, который отправился ловить рыбу далеко в море и должен был в одиночку бороться с огромной рыбой, которая, по моему мнению, была зловредным двойником, завидовавшим старику... рассказывал о патриархе, создавшем деревню с названием Макондо, жители которой несли нечто вроде проклятия, рождая получеловека-полуживотное с хвостиком свиньи... он пересказывал приключения странного типа, который боролся с ветряными мельницами, или еще о несчастье офицера, старого полковника, который тщетно ждал писем с пенсией за выслугу лет...» [5, р. 156–157].

Однажды Амеде, обратив внимание на худобу Кибанди, посоветовал тому пойти к врачу, однако молодой человек так «раздражил его мозг», по словам Дикобраза, что Кибанди приговорил его к смерти. Дикобраз убил Амеде, как всегда, двумя ударами игл в висок, пока тот спал.

Убийство Амеде не вызвало у Кибанди и его двойника никаких сожалений и угрызений совести, как и убийство Модиионги, продавца пальмового вина. Модиионги стал готовить плохое вино, а когда Кибанди упрекал его в недобросовестности, тот отвечал ругательствами. По поручению Кибанди Дикобраз подстерег Модиионги прямо на пальмовом дереве и нанёс свой удар, так что тот свалился замертво на землю.

Девяносто девятая жертва оказалась роковой для Кибанди. Юла, бедный невежественный крестьянин, попросил у Кибанди в долг деньги, чтобы купить лекарства полугодовалому сыну, обещая вернуть долг через неделю. Но прошла неделя, другая, а должник так и не появился. Когда Кибанди пришел к Юле, требуя долг, тот, пьяный, стал ругаться и оскорблять своего спасителя, и тогда хозяин Дикобраза сухо сказал: «Когда нет денег, детей не делают!»

Дикобраз говорит «дорогому Баобабу», что Кибанди зашел слишком далеко, что нужно было наказать глупого, безалаберного отца-алкоголика Юлу, а не младенца; он признаётся, что, убив грудного ребенка, почувствовал беспокойство, стыд и даже плакал на его похоронах.

Девяносто девятая жертва потрясла и человеческую, и животную природу Кибанди. Магические способности обоих слабели. Так, впервые Кибанди и Дикобраз не смогли «съесть» старуху Ма Миори, которую подозревали в колдовстве.

Дикобраз испытал страх и бежал от Ма Миори, но Кибанди возмутился неповиновением, угрожал двойнику смертью и приказал убить мальчишек-близнецов Коти и Котэ, сыновей скульптора Папы Мунджулы, недавно прибывшего с семьёй в деревню. Близнецы², с большими бритыми головами и выпуклыми глазами, ничего не боялись, постоянно играли на кладбище, пугали ворон. Коти и Котэ сразу поняли сущность Кибанди и что его двойник – дикобраз. Подойдя к жилищу Кибанди, они сказали ему: «...вы злой, вы едите детей, вы съели ребёнка, он сказал нам об этом вечером, – он смотрит на вас, он придёт к вам». [5, р. 199].

Когда близнецы видели Дикобраза, они кидали в него палки и камни, и он бежал прятаться в лесу. Разозлённый «хозяин» пришел к отцу близнецов с жалобой, что его сыновья не здороваются с ним и говорят дерзости. Мунджала заставил сыновей извиниться перед Кибанди. Те выполнили просьбу отца, но их взгляды говорили, что они не изменят своего отношения к Кибанди. Во время их посещения Кибанди не мог отделаться от одного впечатления. Когда они с Дикобразом вошли в дом, им на мгновение показалось, что вместо собственных голов у близнецов были головы сына Юлы. Автор в данном случае использовал яркий стилизованный приём – видение материализовавшейся жертвы, вызванное неизбежным чувством вины и подсознательным раскаянием.

Всю ночь Кибанди пил майамвумби и смеялся, упоминая имя сына Юлы, но Дикобраз видел, что его хозяин сильно напуган. Ночью Кибанди и Дикобраз увидели вошедших близнецов и младенца. Кибанди приказал двойнику бросать иглы, но тот оказался бессильным выполнить требование. Кибанди вынул кинжал, но тот выпал из его рук. Тогда один из близнецов схватил Кибанди за одну ногу, второй – за другую, и они стали смеясь тянуть его в разные стороны. Дикобраз услышал звук упавшего тела хозяина, затем увидел, как сын Юлы сделал знак близнецам оставить самого Дикобраза в покое, дав ему возможность убежать в лес, унеся с собой последний вздох Кибанди. На его похоронах никто не плакал, а шептали: «...наконец-то этот злодей мертв».

Несмотря на фантастичность сюжета и черты постмодернизма (фрагментарность, калейдоскопичность сюжета, игра со стилями традиционного нарратива и одновременно стиля «ужасников» массовой литературы, чёрный юмор, гэг, ирония, интертекстуальность), роман сохраняет следы просветительской идейно-художественной парадигмы с яркими чертами бытописательства, в русле которых созревало большинство произведений конголезской романистики. Это подтверждается прежде всего образом Дикобраза: именно он, а не Кибанди, главный герой романа. По мере того, как развиваются события, Кибанди все больше анимализируется, а Дикобраз

очеловечивается. Не случайно он не умирает одновременно с «хозяином», а остаётся жить.

Интересно, что Кибанди, как и булгаковский Воланд, «съедает», то есть наказывает людей за ярко выраженные, чрезмерные общечеловеческие недостатки и пороки: Папу Миботомо, отца Кимуки, – за жадность, лицемерие, оскорбления; Амеди – за гордыню, высокомерие, себялюбие; Модиионги – за обман, нечестность, хитрость; Юлу – за пьянство, сквернословие и нечестность. Иными словами, судит за грехи – явная аллюзия на Священное писание, как его понимает озлобленный всеми нелюбимый Кибанди.

Дикобраз считает, что ему надо жить, чтобы выполнить две цели. Первая – бороться против зловерных двойников в этой стране, уничтожить их всех, «чтобы стереть след моей ответственности за несчастья, погрузившие деревню в траур». Вторая, совсем уже человеческая, вернуться в места, где родился. Он испытывает ностальгию и, когда вспоминает родину, становится поэтом: «Эти далекие образы, эти исчезающие тени, удаляющиеся шумы, они мешают мне совершить непоправимое... – умереть, но это худшая из низостей, тем более что люди верят, что их существование зависит от высшего существа, и я наконец уверовал... что я, слово дикобраза, существую еще и по воле, выше моей» [5, р. 219].

Если сравнить стиль романа А. Мабанку «Воспоминания дикобраза» с его первым романом «Триколор», ясно, что в более позднем произведении с автором и его героями произошли значительные метаморфозы. На первый взгляд, сохранилась реалистическая презентация традиционного деревенского социума, яркое изображение среды бытования жителей деревни Моссака и Секевембе (огородничество, рубка леса, изготовление пальмового вина и т. д.). Но очевидно, что фокус этой презентации смещен в сторону архаических ритуалов, магических практик, то есть всего иррационального, что вносит в жизнь беспорядок, страх, ненависть и злобу. И самое главное – двулинейность сюжета. Одна линия – отношение деревенских жителей к трагическим событиям – внезапным и необъяснимым смертям соплеменников. Другая линия – ироничное отношение к тем же самым событиям alter ego автора, Дикобраза.

Образ Дикобраза связан в структуре романа с его главным мотивом – двойственности человеческой природы, вечной борьбой добра со злом. Взгляд автора на архаические, но все еще живучие ритуалы не бытописательский, а метафизический, редкий у франкоязычных африканских писателей. Мотив, связанный с образом Кибанди, по существу, моралистичен: человек, предаваясь злу, совершает своего рода самоубийство, убивая в себе человека.

Творчество Мабанку – яркий пример того, как стремительно, интенсивно и плодотворно развивается молодая франкоязычная африканская литера-

тура (литературе Конго порядка 70 лет), открытая всем влияниям современной мировой литературы и одновременно уверенно прокладывающая свой особый национальный специфический путь (об этом подробнее см.: [1]).

Стиль А. Мабанку в «Воспоминаниях Дикобраза», более отчетливо проявивший себя в его последующих романах («Черный базар», «Завтра мне будет двадцать лет»), похож на амальгаму, где заметно напластование на реалистическую, бытописательскую и просветительскую основу черт постмодернизма и магического реализма. Последующие романы Мабанку убедительно подтверждают возобладавшую со второй половины XX века во франкоязычных литературах Западной Африки тенденцию к автобиографической и автофикциональной прозе. Таким образом, они демонстрируют удивительную восприимчивость всех созвучных времени явлений мировой литературы, что, несомненно, можно считать особенной, характерной чертой франкоязычных литератур Западной Африки.

Примечания

¹ Oralite feinte, по выражению Ж. Шеврие [3, с. 97].

² По африканским поверьям, близнецы обладают магической силой.

Библиографический список

1. Ляховская Н.Д. Литература Конго // Франкоязычные литературы Тропической Афри-

ки: Пути развития и художественное своеобразие: сб. ст. – М.: Наука, 1989. – 283 с.

2. Шервашидзе В.В. Реальность и время во французской литературе: от декаданса к современности. – М.: РУДН, 2015. – 348 с.

3. Chevrier J. Littératures d'Afrique noire de langue française. – R.P.: Nathan Université, 1999. – 128 p.

4. Mabancqou A. Bleu. Blanc. Rouge. – Présence africaine, 1998. – 222 p.

5. Mabancqou A. Mémoires de porc-épic. – Seuil, 2006. – 228 p.

6. Oussou-Essui D. La souche calcinée. – Yaoundé: Éditions CLE, 1973. – 204 p.

References

1. Lyahovskaya N.D. Literatura Kongo // Frankoyazychnye literatury Tropicheskoy Afriki: Puti razvitiya i hudozhestvennoe svoeobrazie: sb. st. – M.: Nauka, 1989. – 283 s.

2. Shervashidze V.V. Real'nost' i vremya vo francuzskoj literature: ot dekadansa k sovremennosti. – M.: RUDN, 2015. – 348 s.

3. Chevrier J. Littératures d'Afrique noire de langue française. – R.P.: Nathan Université, 1999. – 128 p.

4. Mabancqou A. Bleu. Blanc. Rouge. – Présence africaine, 1998. – 222 p.

5. Mabancqou A. Mémoires de porc-épic. – Seuil, 2006. – 228 p.

6. Oussou-Essui D. La souche calcinée. – Yaoundé: Éditions CLE, 1973. – 204 p.

ТРАНСГРЕССИЯ И ЕЕ ФОРМЫ В ПОВЕСТИ А. БИТОВА «ОЖИДАНИЕ ОБЕЗЬЯН»

Автор предлагает вариант прочтения повести А. Битова «Ожидание обезьян» через выявление в структуре текста трансгрессивной переходности. Стремясь осмыслить амбивалентную природу человека, Битов демонстрирует борьбу двух начал – человеческого и животного. Победа человеческого начала накладывает на животные потребности целый ряд запретов / ограничений, и в первую очередь это запрет сексуальный. Система запретов становится фундаментальной и организующей силой, благодаря которой хаос, царящий в обществе, сменяется порядком и стабильностью. Текст строится на обнаружении лиминальных состояний, которые удается зафиксировать за счет последовательного введения образа белых джинсов, хтонических существ и мифопоэтического пространства. Ситуация невозможности перехода / выхода является типичной и для персонажей повести, которые обречены на борьбу-сопротивление (герой-повествователь и Аслан). Анализ показал, что герой неспособен провести четкие границы между Я и ОНО, потому они находятся в состоянии перманентной борьбы. И лишь осознание внутреннего опыта приближает героя к признанию собственной дискретности.

Ключевые слова: А. Битов, «Ожидание обезьян», трансгрессия, телесная раздвоенность, Я, Оно, дискретность.

В постсоветской культурной среде осуществлялись многочисленные попытки прорыва дискурсивного пространства за счет обращения к телесности, которая, в свою очередь, вела к пересмотру реальности. К числу таких трансформаций языка/слова в телесные образы можно отнести эпатажные акции (например, «Бешенный Пёс, или Последнее табу, охраняемое одиноким Цербером», акция молодежного движения «Э. Т. И.», акции Петра Павленского), тексты В. Сорокина, В. Пелевина, Саши Соколова, Вик. Ерофеева и др. Телесные трансформации современного человека, для которого тело утратило былую значимость, обесценилось, есть не что иное, как способ выйти за пределы своего тела, сделаться другим.

Не менее иллюстративной в этом плане представляется повесть А. Битова «Ожидание обезьян». «Тут важным становится все: попытка контакта, двойственность границ и самих связей. И то, что в каждом существуют “два человека”, “две среды”» [5]. Уже название повести демонстрирует множественность заложенных смыслов. Прежде всего, оно отсылает к центральной сюжетной ветке, которая связана с поездкой в террариум к обезьянам. С другой стороны, метафорически через обезьян вводится телесный код. Отметим, что не только название повести, но и название её отдельных глав (например, «Конь», «Корова») указывают на то, что автор буквально препарировал тело, отделяя человеческое от животного, намечая заложенную в нем амбивалентность.

На демонстрацию этой дихотомии работает и эпиграф: «Ты выпил!.. без меня?» («Моцарт и Сальери») [2, с. 122]. Можно предположить, что Моцарт олицетворяет созидательную, творящую часть человеческой природы, а Сальери – животную, разрушающую силу. Подобная отсылка рождает предположение, что борьба двух полюсов

в конечном итоге приведет к гибели одной из сторон. Но здесь возникает закономерный вопрос: может ли одно существовать без другого? Таким противопоставлением Битов стирает бинарность аполлонического и дионисийского и заостряет тему человеческой раздвоенности.

Главный герой повести и по совместительству ее автор испытывает болезненное отвращение, презрение к животной стороне своей сущности, видя в ней лишь похоть и неконтролируемую жажду удовлетворения своих низменных желаний: «Я достаточно томил и мучил *его*, давая лишь немного есть и долго спать, раз в день выгуливая к морю и купая; не позволяя *ему* ни капли алкоголя, ни даже помыслить о прекрасной половине... Я не позволял *ему* также слишком долго гладить всяких там местных деток, щенят и поросят, чтобы не дать развиваться подозреваемой мною в нем склонности к педофилии» [2, с. 123]. Показательно желание героя отделить свои действия от ЕГО действий/желаний. Вспоминая З. Фрейда, можно сказать, что «ОНО» (область общеживотных инстинктов героя) вырывается из-под контроля цензора и наравне с Я управляет мотивами и поведением человека. Благодаря эмоциональной разрядке герою удается сдерживать вытесненные желания ОНО: «Я все еще с трудом удерживал *его*, продолжавшего рваться от меня к Аслану в немедленной жажде идти на дело – молотить вагоны. Я позволил *ему* даже больше обычного поглядеть на супружескую пару свиней, всегда трахавшихся в этот час у забора двора Зантариев-пятых. <...> Зрение деловитой любви свиней, к которым он всегда питал не объяснимую мною симпатию, не только отвлекло *его*, но, на мой взгляд, и чересчур увлекло, и я повлек *его* дальше, пытаясь отвлечь более умеренными и возвышенными картинками, возникавшими на нашем пути...» [2, с. 125–126]. Вытеснение таких нежелательных импульсов

через их сублимацию направляет эту энергию в творческое русло, которое выливается в итоге в создание/написание повести.

Мотив телесного разъятия вводится в повествовательную канву практически с первых строк повести за счет образа белых джинсов, в которые впрыгивает ОН: «он стряхнул цыпленка с ноги и, прежде чем я успел о чем-либо таком подумать, уже достал ни разу еще не ношенные мною белые джинсы и *впрыгнул* в них так стремительно и дерзко – никогда бы не подумал, что такое возможно – именно впрыгнул, сразу обеими нижними конечностями; не сначала одну ногу, потом другую, неловко танцую и теряя равновесие в спешке, а сразу – обеими, и молнией – вжик!, и они пришили ему как влитые, даже чересчур, тесня и поджимая снизу столь долго не востребованное мужское хозяйство, и были разве несколько длинноваты...» [2, с. 123]. Автор именуется нижнюю часть туловища конечностями, что неизбежно отсылает к животнотелесному низу. Подобная номинация закрепляет в сознании читателя связь низа (в раблезианском смысле) с животным началом, похотливым по своей природе. На фоне таких отсылок образ белых джинсов особенно парадоксален, и описанная сцена не только выглядит неэстетично, но и предстает как насильственный акт. Происходит это из-за несовпадения белизны цвета и утрированного телесного низа (белый цвет символизирует невинность, незапятнанность, а низ изначально ассоциируется с нечистотами).

В дополнение ко всему становится известно, что брюки принадлежали женщине, которая их и подарила герою перед его отъездом. Образ получает дальнейшее развитие, реализуя контакт телесного низа с миром: «Он лишил их девственности. На заднице у *него* уже расплылось красное пятно от раздавленной *им* в автобусе тутовой ягоды» [2, с. 130]. Очевидно, что здесь имеет место перенос и соотнесение реального и метафорического плана, которое и позволяет провести параллель между этими действиями (женские белые джинсы – красное пятно от раздавленной ягоды – лишение девственности). Слиянность цвета (красный – белый) и фрагментированной телесности героя как телесного воплощения ОНО позволяет перевести разговор в область потенциальной трансгрессии. Семантически тутовая ягода воспринимается в контексте переходности/пограничности, поскольку фазы созревания плодов шелковицы можно сопоставить со стадиями инициации.

В этом случае прорыв/преодоление границы можно интерпретировать как трансформацию текстовых образов в физическую телесность. Вместе с тем пересечение границы – еще один способ для ОНО героя проявиться, прорваться, подтвердить свое наличие. Прорывая защитные механизмы сознания, в данной системе координат ОНО пытается

открыть какую-то истину, знание, которое сокрыто от героя, которое он не хочет принять.

Для автора принципиально, чтобы читатель обратил внимание на брюки, которые в данном случае маркируют телесную раздвоенность героя. Это и маркер, и зеркало одновременно: «Вот для чего, однако, нужны белые брюки! (Всякий зарок недолог – не думал, что этот окажется так краток.) Белые, они нужны, чтобы идти в обнимку с друзьями и ловить на лицах встречных отсвет собственного восторга собою. Именно в таком состоянии – судьба, сюжет, законы симметрии или просто зеркальное отражение – могли мы повстречать идущую нам навстречу компанию, еще больше собою довольную» [2, с. 133]. Кроме того, происходит семантическая градация белого цвета: белый = бесцветный => прозрачный = сквозь него можно что-то рассмотреть = узнать. Так белый претерпевает собственную трансгрессию, расщепляясь на семантические составляющие и расходясь в них до противопоставления (белый = светлый, чистый, непорочный и белый = роскошный, китчевый, статусный).

Далее овеществляется образ коня, который не только подчеркивает драму телесной раздвоенности героя (см. конь/жеребец/кентавр = либидо/инстинкты/похоть/бессознательное [3, с. 212–213]), но и дополняет образ ЕГО: «Он сидел в моих новеньких, в обтяжку белых джинсах нетерпеливо, на переднем сиденье, как на коне, казалось, подгоняя автобус... <...> Он всегда любил дымок спальной жнивы. Ноздри его раздувались» [2, с. 127–128]. Символический дискурс повести отсылает одновременно и к кентавру, и к Бледному Коню из Апокалипсиса, и к некому интуитивному знанию (по Юнгу), и к «фольклорному коню» [2, с. 163]. Перед нами мифологизированная квинтэссенция хтонического существа, порожденная психикой героя в результате вытеснения и конверсии. Более того, ОН, будучи проявлением бессознательного, демонстрирует мифологический тип мышления и, соответственно, моделирует особое пространство жизни, в котором первостепенное значение приобретает слиянность человека с природой. Прежде всего, герой выстраивает вертикаль, разграничивает профанный и сакральный мир – *здесь* и *там*. Причем это внешне конвенциональное введение бинарности не приводит к ожидаемой гармонии. Так, мир сакрального (отделенный от обыденной жизни) предстает амбивалентным и вызывает у человека как почтение и покорность, так и чувство страха и отвращения. Профанный же мир создает безопасное пространство, в котором отношения между людьми регулируются с помощью правил и запретов. *Тогда* и *сейчас* тоже создают свою систему отсчета. *Тогда* и *там* – условные наименования некогда потерянного идеального мира, который отождествляется у героя

с раем, причем с детально прописанной принадлежностью к определенному месту (топонимикой): «вспомнил я вдруг небесную северную деревеньку Турлыково, где все это когда-то было: и колодец, и колонка, и неистоптанный лужок, и резные крылечки, и наличники. Возвышалась деревенька, как храм на пригорке, и когда ты взбирался туда, то и оказывался в храме, из которого можно было помолиться на весь Божий мир, который тут же к тебе подступал, тут же тебя окружал нетесным, но близким кольцом, тот мир, которого вполне тебе хватало, и лес, обнимавший поле, вставал монастырской стеною, и на одной возвышающейся над ним сосне можно было различить явственный крест» [2, с. 160]. *Сейчас* и *здесь* – чуждое и ненавистное для героя пространство реальности, которое и провоцирует раздвоенность. Заметим, что в отличие от НЕГО герой-повествователь в своей типологии вполне бинарен (на одном полюсе *тогда* и *там*, на другом – *сейчас* и *здесь*), для него любая двойственность и нестабильность ощущается как нечто болезненное. Поэтому вход в мифологическое пространство (осознание себя) для него если не закрыт, то проблематичен. Единственный путь – это достижение предела: в отторжении своей природы, своего тела, своей сути. Для обнаружения этого предела и последовательного его достижения, собственно, и вводится ОН.

Интерес представляет не только само условно мифологическое пространство, но и символы, посредством которых человек приобщается к смыслу/тайному знанию. Это пространство конституируется вещами и образами, которые проявляются как на субъектном, так и на внесубъектном уровне.

Так, воссоздать структуру символического удается в процессе ритуализации: «Рог был протянут мне, и пока я отнекивался, *он* уже рвался к нему. Я умолял, я хватал *его* за руки, я обоснованно утверждал, что это *его* погубит, что *он* не осилит, что *он* опозорится, что *он* вырубится, – бесполезно! *Он* вывернулся из моих объятий и вцепился в рог. Ощущая себя конем, *он* чуть ли не ржал. *Он* скинул сандалии, по-видимому для большего подобия, и, потоптав босыми пятками абхазский агазон, изрек: “Земля, помоги мне!” И так, решив, что *он* стал наконец на почву, *он* приник» [2, с. 162]. Заостряется внимание на символическом характере этого действия, которое становится возможным за счет соблюдения основных структурных элементов ритуала. Это, прежде всего, наличие особого пространства; использование предмета, наделенного магическим значением/свойством (рог); обращение (призыв); телесное уподобление коню; единение с первоначалом (землей) как результат действия.

Телесное самоотчуждение героя выливается в нецелостность, которая трансформируется в хтоническую инобытность: «Голова запрокидывалась, и рог поднимался все выше, и, стоя в прямом

смысле на земле, увидел *он* взошедшую ни с того ни с сего, словно выпрыгнувшую из-за горизонта луну. Было в ее изгибе что-то хищное, как у барса в прыжке, вцепившегося в жертву. И так, не столько удерживая, сколько держась за рог, повис *он* на нем между землею и луной, как пионер-горнист в парке, да так и застыл, протрубив последнюю, победную, каплю» [2, с. 162]. Образ рога носит амбивалентный характер: сделанный из рога животного – он отсылает к животному и телесному началам (отсылка к фаллическому символу). Кроме того, рог наделяется ритуальным (на)значением и именуется «прощальным», что сообщает о начале процесса инициации.

Опыт трансгрессивного перехода, совершаемого не самим героем, а его двойником, помогает осознать герою не только дискретность своего существования, но и непрерывность бытия. Это приводит к попытке принятия сообщенного опыта и своего желания животного/телесного: «Разговор по душам, тела с душой...» [2, с. 164]. Герой, обреченный на существование между запретом и трансгрессией, пытается устранить «соскальзывание» [1] в сферу ОНО, но осознает, что его изгнание и отрицание не избавит от ощущения дискретности/телесной нецелостности.

В начале следующей главы («Корова») герой пребывает на границе принятия-непринятия: «Тело. На нем что-то бывшее когда-то белыми джинсами. Он бос. Сандалии – одна в руке, другая так. Разговор души с телом» [2, с. 165]. Именование объекта телом (= организм), включающим как физические, так и духовные компоненты, фиксирует состояние лиминальности. Джинсы, маркировавшие раздвоенность героя, утрачивают эту функцию и даже стирают/ставят под сомнение оппозицию «духовное vs телесное».

Аналогичным образом и разутье героя описывает пограничность его положения. Нога (стопа), а позднее и обувь, имеющие достаточно устойчивые значения, неоднократно мифологизировались в культуре (Ахиллесова пята, таларии Гермеса). Чаще всего нога/отпечаток ноги/обувь рассматривалась как свидетельство присутствия человека в мире. Кроме того, эта часть тела – рубежная область сближения, устанавливающая связь человека с земным и небесным. Демаркированность нижней части туловища (поначалу именовавшейся героем конечностями) также работает на снятие противопоставления низа и верха.

Акцентируется, что сопротивление героя, нежелание признать телесность как часть себя – это реакция на запрет отца, который разлучил его с некогда любимой женщиной. Как следствие, герой замечает нереализованную влюбленность/страсть занятием боди-билдингом. Подавленное желание, вытесненная травматическая ситуация отзывается в будущем подобной телесной разобщенностью:

«Меня разлучали с моей первой женщиной, которая была сочтена на тайном семейном совете “не парой”. Я писал письма, секретно бегал на “до востребования” и не получал ответа. Плоть свою я умирал непрерывным боди-билдингом, мои бицепсы выросли на два с половиной сантиметра» [2, с. 138]. В результате обсессивной регрессии до уровня ОНО либидо героя находится на ранней ступени фиксации [4]. Однако важно удвоение истории: подобную травму пережил и сам отец героя – носитель запрета. И социально-психологическая проблема, обнажившись, в свою очередь дублируется гипертрофированным запретом на обнажение и какую бы то ни было телесность: «Через четверть века, когда я помогал тебе принять ванну и чуть не рыдал над твоим немощным отсутствием тела с разросшимися родинками, ты остался в трусах, пояснив (какие ты нашел слова!), что сын не должен видеть срама отца своего» [2, с. 138–139].

Размытой субъективностью обладает еще один герой повести – Аслан. Так, сообщается, что это «в высшей степени достойный молодой человек рано остался без отца, и теперь на нем лежало все хозяйство, и мать, и сестры» [2, с. 124]. Аслан «порождает» своего двойника Астамура, которому приписывает свои проступки: «он мечтал для брата о другой судьбе, никак не похожей на свою. Что было делать, они рано осиротели, все деньги ушли на похороны, на старшего легла вся ответственность, и ему пришлось идти на дело (и он снова понюхал руки)... сейчас ему удалось обмолотить вагон, и теперь надо скрыться, у него есть надежное пристанище, где не найдут. Важно, чтобы младший не пошел по той же дорожке, потому что незрел еще, романтик, мало ли что в голову взбредет» [2, с. 124]. Вероятно, деперсонализация вызвана защитной реакцией психики на поведение, которое противоречит морали самого Аслана, поэтому он обращается к герою за помощью. Эту догадку подтверждает навязчивое желание не-Аслана/Астамура нюхать свои руки, в котором диагностируется компульсивное расстройство. Субъектная раздвоенность – спасительная мера, которая возникает как реакция на внутреннюю борьбу: «Аслан появился на следующий день, по видимому не догадываясь еще о нашем разговоре с его братом. Он был сильно возбужден и оттого еще более румян. Аслан напрямик предложил мне идти с ним на дело... сейчас мне было никак не справиться не только с Асланом, но и с *ним*, поскольку *он*, до того дремавший, тут же очнулся, встрепенулся и стал в это, не свое, дело рваться. Мне с трудом удалось расстроить их немедленное взаимопонимание, и если бы не разговор с Астамуром накануне – не знаю, как бы я удержал их обоих» [2, с. 125]. Как видим, Битов проводит параллели между героями-двойниками, каждый

из которых отождествляется с каким-то началом: главный герой и Астамур (аполлоническое состояние), Аслан и ОНО (дионисийское состояние).

Арслан скрывается в надежном прибежище, которое имеет сразу несколько номинаций – «дом», тьма и тюрьма, по соседству с которым находится заброшенный христианский храм. Пара дом/тьма/тюрьма – храм выводится не случайно, с ее помощью детерминируется противопоставление сакрального и профанного, земного и небесного (контекстуальным синонимом слова «прибежище» будет «чистилище»). Герой обречен на бесконечную борьбу-противостояние по той причине, что храм заброшен, а это значит, что он не сможет выйти на новый круг инициации-очищения.

Как и во всяком постмодернистском тексте, автор обнажает приемы, причем особо акцентируя внимание читателя на смерти субъекта: «Наверно, всю литературу можно было бы описать как эдакую борьбу деталей за существование. В этой битве на бумажных мечах давно погибли носители локонов и кудрей, лебединых шей и осиных талий, панталон и кринолинов – ни портрета, ни одежды – современный герой не только *безлик*, но и раздет и разут. Не только без черт, но и без штанов. Вырублен и пейзаж. <...> Не только герой, не только это сомнительное “я” повествователя; но и сам автор (не в смысле этих строк, а в смысле – человек!) в момент повествования (не в смысле непосредственного написания, а в смысле самого события) обнаруживает себя без этой детали. Деталь – это еще и собственность!» [2, с. 128]. Утрата субъектом индивидуально маркированных черт свидетельствует не только о потере самости, но и о размытии/расширении границ самого субъекта, поэтому читатель не знает имени героя-автора, его возраст, месторождения, национальность, черты лица, характера, привычки и т. д. «Японцы считают возраст человека с зачатия, так почему бы не Анапа – моя родина? Только случайность станет единственной, обрекая тебя на судьбу...» [2, с. 162]. Именно поэтому героя замещает нестабильный персонаж, не могущий связать свое ОНО и СВЕРХ-Я или не имеющий возможности определить свои границы. И ОН здесь выступает своеобразным трикстером, связующим сакральное и профанное, сверхценное и бессознательное, но главное – провоцирующим постоянную рефлексию и самостановление героя. В ходе повествования развоплощаясь до тела, герой вместе с тем проходит процесс пересборки. А незаконченность этого процесса демонстрирует факт переключения регистра с финальности на non-финальность. В этом развороте становится понятна авторская фиксация на ситуациях перехода и трансгрессии – именно они гарантируют и неостановимое движение, и незавершаемость трансформаций.

Библиографический список

1. Батай Ж. Эротика // Проклятая часть: сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006.
2. Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. IV. Оглашенные. – Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. – 319 с.
3. Вовк О.В. Конь // Энциклопедия знаков и символов. – М.: Вече, 2006. – С. 212–213.
4. Фрейд З. Проблемы метapsихологии // Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1989. – С. 345–439.
5. Хансен Э. «Экология» человека // Октябрь. – 2007. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2007/4/ch10.html> (дата обращения: 03.05.2019).

References

1. Bataj ZH. Erotika // Proklyataya chast': sakral'naya sociologiya. – M.: Ladamir, 2006.
2. Bitov A.G. Imperiya v chetyrekh izmereniyah. IV. Oglashennye. – Har'kov: Folio; M.: TKO AST, 1996. – 319 s.
3. Vovk O.V. Kon' // Enciklopediya znakov i simvolov. – M.: Veche, 2006. – S. 212–213.
4. Frejd Z. Problemy metapsihologii // Psihologiya bessoznatel'nogo: sb. proizvedenij / sost., nauch. red., avt. vstup. st. M.G. YArOShevskij. – M.: Prosveshchenie, 1989. – S. 345–439.
5. CHansen E. «Ekologiya» cheloveka // Oktyabr'. – 2007. – № 4 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/october/2007/4/ch10.html> (data obrashcheniya: 03.05.2019).

СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРУДОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (по материалам газеты «Восточно-Сибирская правда» 1946–1950 гг.)

Статья посвящена изучению содержания и специфики пропагандистской риторики советского медийного дискурса, направленной на трудовую мобилизацию населения. На основе анализа текстов газеты «Восточно-Сибирская правда» 1946–1950 гг., посвященных трудовой деятельности горожан, были выявлены лексические формы, использование которых в текстах издания преследовало цель имплицитной трудовой мобилизации – создание позитивного образа нормативно «правильной» модели трудовой деятельности. В статье использовались как количественные (контент-анализ), так и качественные (дискурс-анализ) методы обработки текстов. Предпринятый анализ материалов издания позволил прийти к выводу, что наибольшая интенсивность мобилизационной риторики фиксировалась в первые послевоенные годы, отражая интенсивность проводимых в стране процессов послевоенного восстановления экономики. По мере преодоления послевоенных трудностей на страницах издания происходит снижение интенсивности обращения к экстремальной риторике трудовой мобилизации населения, возрастает количество сюжетов, посвященных трудовому вознаграждению горожан.

Ключевые слова: СССР, трудовая мобилизация, пропаганда, СМИ, мобилизационная риторика, 1946–1950 гг., «Восточно-Сибирская правда».

Проводимая в послевоенный период социальная политика была во многом обусловлена необходимостью преодоления последствий войны. Предстояло восстановить примерно 30 % национального богатства страны, с учетом потери более 30 млн человек [8, с. 71]. Вследствие объективной ограниченности ресурсов одним из главных источников послевоенного восстановления экономики в четвертой пятилетке являлся «масштабный трудовой подъем», в организации которого не последнюю роль играли пропагандистские методы. Важнейшим элементом советского пропагандистского аппарата являлись материалы печатных СМИ.

Материалы печатных СМИ составляют источниковую основу отечественных разработок, направленных на выявление специфики формируемой прессой внешнеполитической картины мира [3; 4], конструирования образа власти [6] и образов внутренних врагов советского общества [7]. К проблематике идеологем и образов, распространенных в советских СМИ, обращались и зарубежные исследователи [1]. В то же время тематика трудовой мобилизации населения посредством СМИ фактически не получила рассмотрения в историографии.

В данной статье на основе анализа текстов газеты «Восточно-Сибирская правда» 1946–1950 гг., посвященных трудовой деятельности городского населения, реконструируется специфика лексических конструкций, направленных на трудовую мобилизацию горожан, выявляется динамика изменения мобилизационной риторики в рамках периода 1946–1950 гг.

Источниковую основу исследования составили материалы газеты «Восточно-Сибирская правда» периода 1946–1950 гг. Данная газета являлась органом Иркутского областного и городского комитетов ВКП(б) и областного Совета депутатов

трудящихся. Популярность «Восточно-Сибирской правды» в послевоенный период увеличивалась (в 1946–1947 гг. тираж составлял 75 000 экз., в 1948–1950 гг. – 80 000 экз.), чем не в последнюю очередь обусловлен выбор данного издания.

Для реализации целей исследования использовались количественные и качественные методы. Приоритетным количественным методом являлся контент-анализ, позволивший выявить частотность употребления определенных лексических форм. Качественный анализ материалов позволил учесть содержательный контекст употребления данных категорий. Для обработки текстов «Восточно-Сибирской правды» была использована частотная выборка – два выпуска в месяц (двадцать четыре выпуска в год). Анализировались первый и пятнадцатый выпуски каждого месяца. Общее количество рассмотренных материалов издания за период 1946–1950 гг. составило сто двадцать выпусков.

Трудовая деятельность являлась одной из основных тем публикаций «Восточно-Сибирской правды» 1946–1950 гг. Количество сюжетов различных жанровых форм, освещающих трудовые практики населения, в 1946 г. составляло 60,4 % от общего количества публикаций в одном номере, в 1948 г. – 58 %. Количество «трудовых» сюжетов, посвященных горожанам, было несколько ниже, составляя в 1946 г. – 29 %, в 1948 г. – 26 %. В 1950 г. общее число «трудовых» сюжетов в газете снижается до 35–38 %, а количество материалов, посвященных трудовой деятельности горожан, не превышает 20 % от общего объема номера. Данная динамика была обусловлена спецификой восстановительного периода. В первые послевоенные годы количественное превалирование «трудовых» сюжетов было направлено на решение задач мобилизационной экономики. Завершение восстановительного периода в 1950-е гг.

обусловило некоторое снижение интенсивности обращения к данной теме.

В печатных СМИ послевоенного периода трудовая мобилизация населения носила скорее имплицитный характер, реализуясь не путем императивного призыва граждан к труду, а посредством создания позитивного образа нормативно «правильной» для советских граждан трудовой деятельности [5, с. 56]. С целью реконструкции содержания эталонной трудовой стратегии городского населения, презентуемой на страницах «Восточно-Сибирской правды» 1946–1950 гг., нами были выделены отдельные тематические сегменты, ее составляющие: *трудовая мотивация; практические формы труда; вознаграждение трудовой деятельности.*

Проблематике формирования «правильной» трудовой мотивации населения уделялось значительное внимание на страницах газеты. Обращение к данной теме было призвано обозначить цель труда граждан. Относительно высокой востребованностью характеризовалась категория *долг* (табл. 1).

Трудовая деятельность презентовалась как долг отдельных групп советского социума (рабочих, шахтеров, ученых и пр.) и каждого трудящегося: «Мы, советские интеллигенты, должны выступать как образцовые исполнители своего долга, смелые новаторы» [2, 1950, 1 января, с. 2]. Типичными формами употребления данной категории являлись лексические формы: «партийный долг», «комсомольский долг», «выполнить свой долг», «долг перед Отечеством» и пр.

Трудовая деятельность населения определялась не только необходимостью выполнения «долга», но и мотивировалась важностью благополучия и процветания Родины. Предпринятый контент-анализ позволяет заключить, что в текстах издания в качестве цели и мотивации трудовой деятельно-

сти горожан количественно приоритетные позиции занимали лексические формы, которые условно можно объединить в группу *труд на благо Родины* (на благо, процветание, усиление мощи, богатства и т. п.; Родины, государства, страны и т. п.) (см. табл. 1). Данные лексические формы фигурировали и в информационных статьях: «Каждый день знаменуется новым успехом в труде советского народа на благо Родины» [2, 1950, 15 февраля, с. 1]; в призывах, обращенных к населению: «Советские юноши и девушки! Овладевайте передовой наукой, техникой, культурой! ...Трудитесь на благо нашей Родины!» [2, 1948, 2 ноября, с. 2]; в обязательствах передовиков производства, помещенных на страницах газеты: «Мы... досрочно завершим квартальный план. Пусть еще крепче и сильнее будет наша счастливая Родина» [2, 1946, 15 марта, с. 3].

Помимо благополучия Родины на страницах газеты положительно характеризовалась направленность трудовой активности горожан *на благо народа*. Данная лексическая форма значительно чаще фигурирует в опубликованных в «Восточно-Сибирской правде» выступлениях горожан на митингах в часть выборов в Верховный Совет СССР (РСФСР), интервью со стахановцами и пр.: «Мы и сейчас готовы отдать все свои силы... на благо народа» [2, 1946, 15 марта, с. 3]. В качестве еще одной «правильной» мотивационной формы трудовой деятельности горожан на страницах «Восточно-Сибирской правды» презентовалось *построение коммунизма*: «[Советские люди] отдают свои силы и энергию на выполнение сталинской программы построения коммунистического общества» [2, 1950, 1 мая, с. 3]; «...труд каждого из нас... ускоряет наше движение вперед, к коммунизму» [2, 1950, 1 мая, с. 3].

Направленность труда горожан на получение личных доходов и улучшение своего благосостоя-

Таблица 1

Количественное распределение лексических форм в сюжетах «Восточно-Сибирской правды» 1946–1950 гг., посвященных трудовой деятельности горожан (по результатам контент-анализа)

	Мотивация труда				Трудовые практики				Вознаграждение труда	
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Перевыполнение норм	Социалистическое соревнование	Труд – преодоление	Труд – подвиг	Заработная плата	Награды, премии
1946	3	21	2		225	63	41	6	1	13
1947	8	19	2		262	76	76	7	2	12
1948	9	22	1	1	258	62	79	1	2	17
1949	2	18	2		236	64	64	4	8	19
1950	3	19	3	3	223	51	59	3	11	19
Итого	25	99	10	4	1204	316	319	21	24	80

ния не фигурировала на страницах газеты в качестве положительной трудовой мотивации.

Предпринятый количественный анализ трудовых сюжетов «Восточно-Сибирской правды» 1946–1950 гг. показал, что выделенные категории, обозначающие «правильную мотивацию труда горожан, характеризовались неравнозначной востребованностью. Лексические формы: *долг*, *труд для построения коммунизма* и *труд для народа* – значительно уступали мотивационной форме *труд на благо Родины* (99 упоминаний в рамках периода) (см. табл. 1). Определенная количественная динамика обращения к выделенным категориям фиксируется в рамках периода 1946–1950 гг. Экстремальная категория *долг* и лексические формы, объединенные в группу *на благо Родины* (синонимичные военному призыву «За Родину!»), характеризуются большей востребованностью в 1946–1948 гг., что свидетельствует о более высоком уровне интенсивности риторики трудовой мобилизации на страницах газеты в первые послевоенные годы. В период 1949–1950 гг. в качестве артикулируемой трудовой мотивации горожан повышается частотность употребления форм: *на благо народа*, *для строительства коммунизма*, которые характеризовались не столь выраженной императивностью. Это позволяет говорить о снижении интенсивности обращения СМИ к мобилизационным лексическим формам в начале 1950-х гг.

В рамках конструируемой на страницах «Восточно-Сибирской правды» 1946–1950 гг. эталонной трудовой стратегии горожан презентовались конкретные формы организации «правильного» трудовой деятельности горожан, результаты труда. Высокой востребованностью характеризовались такие лексические категории, как *выполнение (перевыполнение) норм*, *социалистическое соревнование*.

Выполнение и перевыполнение планов, трудовых норм, обязательств было приоритетной характеристикой «правильного» труда советского человека, являясь актуальной темой статей, интервью, очерков, рассказов и заметок, опубликованных на страницах газеты. Лексические формы «досрочное выполнение», «сверх плана», «перевыполнение норм», «выполнение плана» и т. п., объединенные в группу *перевыполнение норм*, характеризуется высокими количественными показателями в границах рассматриваемого периода – более 1200 упоминаний (см. табл. 1). В качестве примеров употребления данных идеологем можно привести следующие цитаты: «шахтеры Черембаса отгружают 12 эшелонов угля, добытого сверх плана» [2, 1946, 1 мая, с. 3]; «88 сельщиков-стахановцев Иркутской пимокатной фабрики закончили выполнение годового плана, а 29 человек завершили свои пятилетние задания» [2, 1950, 15 января, с. 1]; «на 177 процентов выполнила план четвертого квартала... артель “Мельбестрой”» [2, 1950, 1 февраля, с. 4] и т. п.

Методом повышения производительности труда во всех отраслях народного хозяйства являлось *социалистическое соревнование*. Предпринятый контент-анализ текстов газеты позволил зафиксировать значительную востребованность данной идеологемы в рамках периода 1946–1950 гг. – более 300 упоминаний (см. табл. 1). Употребление категории *социалистическое соревнование* фигурировало в публикациях различной направленности. В сообщениях о проведении соревнований на предприятиях региона: «Слесари, сборщики, токари, литейщики, кузнецы соревнуются за быстрое выполнение личных пятилеток» [2, 1950, 1 января, с. 1]; в заметках, информирующих о результатах соревнования: «По итогам всесоюзного социалистического соревнования... станции Иркутск II... присуждено переходящее Красное знамя НКПС и ВЦСПС» [2, 1946, 1 февраля, с. 1]; в статьях, посвященных специфике проведения соревнований на предприятиях, и очерках, романтизирующих данную форму организации труда: «Руководство социалистическим соревнованием – дело живое. Ему чужды шаблон и формализм. Оно требует вдумчивости, инициативы... живой души!» [2, 1947, 1 июня, с. 1]. На страницах газеты обращение к идеологеме *социалистическое соревнование* и лексическим формам группы *перевыполнение норм* характеризовалось более высокой востребованностью в начале четвертой пятилетки (максимальное количество употреблений – в 1947 г.; см. табл. 1).

В мобилизационной риторике послевоенного периода были актуализированы понятия, раскрывающие «правильное» отношение граждан к труду, определяющие меру физических и моральных усилий, которые должны быть направлены на активизацию трудовой деятельности. В сюжетах «Восточно-Сибирской правды», посвященных трудовой деятельности населения, находят отражение практики борьбы, подвига и преодоления. Они фиксируются в передовицах газеты: «Прошедший год оставил нам примеры самоотверженной борьбы за выполнение планов первого года сталинской пятилетки» [2, 1947, 1 января, с. 1]; сообщениях с трудовых фронтов региона: «Вступив в социалистическое соревнование, судоремонтники повышают трудовое напряжение» [2, 1950, 15 января, с. 1]; трудовых обязательствах передовиков производства: «Приложу все усилия к тому, чтобы стахановской работой вложить частицу своего труда в дело укрепления могущества... Родины» [2, 1950, 15 марта, с. 1]. Характерно, что употребление категорий экстремума, описывающих накал физического и духовного напряжения человека, не зависел от направленности его трудовой деятельности. «Самоотверженным» и «напряженным» был труд рабочего и учителя. Для проведения количественного исследования все лексические формы, отра-

жающие практики трудового напряжения, борьбы и т. п. были объединены в группу *труд – преодоление* (см. табл. 1).

В описании трудовой деятельности горожан на страницах издания фигурировали понятия *подвиг* и *героизм*: «Новыми трудовыми подвигами встретим день выборов в Верховный Совет СССР!» [2, 1950, 15 января, с. 1]; «Став на стахановскую вахту в честь выборов, коллектив отметил день 12 марта новыми трудовыми подвигами» [2, 1950, 15 марта, с. 1]. Важно отметить, что употребление данных понятий на страницах газеты, как правило, фиксировалось в текстах передовиц, сообщениях о проведении социалистических соревнований и выполнении планов и не встречалось в интервью с работниками предприятий, текстах социалистических обязательств. Предпринятый контент-анализ материалов «Восточно-Сибирской правды» позволяет прийти к выводу, что максимальное количество употреблений лексических форм, презентующих трудовую деятельность через понятия экстремума (в группах *труд – подвиг*, *труд – преодоление*), фиксируется в 1946–1948 гг.

На страницах газеты стимулирование трудовой деятельности горожан реализовывалось не только посредством романтизации их самоотверженного трудового подвижничества, но и путем обращения к проблеме вознаграждения труда. Трудовое вознаграждение могло иметь разные формы. Одной из них являлась оплата труда.

В послевоенный период рассмотрение проблематики заработной платы горожан на страницах «Восточно-Сибирской правды» имело определенную специфику. Как правило, в газете освещались доходы передовиков производства. Их заработки презентовались в тесной связи с объемом выполненных норм: «Навалоотбойщик Касьяновской шахты Г.И. Климачев, выполнив в феврале 275,8 проц. плана, заработал 7 384 рубля... П.Е. Шагалов, П.И. Посохов, Г.Ф. Петрачков и др., выполнив в феврале больше чем по две нормы, заработали от 5 500 до 6 500 руб.» [2, 1947, 1 апреля, с. 3]. Связь объемов материального вознаграждения граждан с результатами труда подчеркивалась в сюжетах, посвященных награждению и премированию трудящихся, перевыполнивших плановые задания: «...коллективу артели “Мебельстрой” присуждено переходящее Красное знамя облизполкома и облпрофсовета и денежная премия в размере 13 тысяч рублей» [2, 1950, 1 февраля, с. 4].

Предпринятый количественный анализ материалов «Восточно-Сибирской правды» 1946–1950 гг. позволяет прийти к выводу, что на страницах издания количественно преобладали сюжеты, посвященные награждениям работников за трудовые заслуги (80 упоминаний), нежели обращения к проблематике их доходов (24 упоминания) (см. табл. 1). Важно отметить, что награждение работ-

ников за трудовые заслуги не всегда предполагало материальное поощрение, зачастую выражаясь в таких формах, как благодарность руководства, награждение грамотой, значком и пр. В целом на страницах газеты количество сюжетов, посвященных вознаграждению труда горожан, увеличивается в 1949–1950 гг., в то время как в первые послевоенные годы тематика вознаграждения (а особенно проблема заработной платы) не получает широкого освещения в издании (см. табл. 1).

В целом предпринятый качественный и количественный анализ текстов газеты «Восточно-Сибирская правда» 1946–1950 гг., посвященных тематике трудовой деятельности горожан, позволил прийти к выводу, что имплицитная трудовая мобилизация населения реализовывалась посредством конструирования на страницах издания модели «правильной» трудовой деятельности. Данная модель предполагала ведение гражданами активной, напряженной трудовой деятельности, сопровождающейся перевыполнением трудовых норм и обязательств, мотивированное выполнением своего долга, благополучием Родины и народа. Означенная модель была направлена на повышение трудовой активности населения. Лексические формы данной модели были наиболее востребованы на страницах газеты в первые послевоенные годы, отражая интенсивность проводимых в стране процессов послевоенного восстановления экономики. По мере преодоления послевоенных трудностей и достижения успехов в восстановлении народного хозяйства на страницах издания происходит снижение интенсивности обращения к риторике трудовой мобилизации населения, возрастает количество сюжетов, посвященных трудовому вознаграждению горожан.

Таким образом, можно заключить, что риторика советских СМИ 1946–1950 гг. во многом определялась социально-экономическими задачами государства. Советская пресса послевоенного периода являлись важным инструментом трудовой мобилизации населения. Интенсивность послевоенного восстановления страны, позволившая уже к началу 1950-х гг. достичь весомых позитивных результатов, была обусловлена не только использованием административных мер контроля и принуждения граждан, но и применением мобилизационного ресурса печатных СМИ. Романтизация трудового подвига, актуализация на страницах прессы категорий «долг» и «трудовой героизм» находили отклик в советской социальной среде.

Библиографический список

1. Брукс Дж. Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте // Советская власть и медиа. – СПб.: Академический проект, 2006. – С. 228–241.
2. Восточно-Сибирская правда: газета. – 1946–1950 гг.

3. Григорьева О.И. Эволюция образа Германии в советской пропаганде: контент-анализ материалов газеты «Правда» (январь 1933 – июнь 1941 г.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 61. – С. 92–97.

4. Каменская Е.В. Образы «культурной революции» в Китае на страницах «Литературной газеты» второй половины 1960-х гг. // Человек в мире культуры. – 2017. – № 4. – С. 36–39.

5. Клинова М.А., Трофимов А.В. Модели трудовой мобилизации молодежи (по материалам журнала «Смена» 1946–1953 гг. // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 4 (61). – С. 55–62.

6. Липатова Н.В. Власть в печатном эквиваленте: образ советского лидера на страницах прессы. – Ульяновск: УлГУ, 2014. – 232 с.

7. Трофимов А.В. Советские мифологемы на страницах журнала «Крокодил» (1920–1930-е годы) // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. – Екатеринбург: УрФУ, 2018. – С. 123–131.

8. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: в 2 т. – Новосибирск: НГТУ, 2008. – Т. 1. – 516 с.

References

1. Bruks Dzh. Lyudej, kotorye ne chitayut gazet, nado moral'no ubivat' na meste // Sovetskaya vlast'

i media. – SPb.: Akademicheskij proekt, 2006. – S. 228–241.

2. Vostochno-Sibirskaya pravda: gazeta. – 1946–1950 gg.

3. Grigor'eva O.I. Evolyuciya obraza Germanii v sovetskoj propagande: kontent-analiz materialov gazety «Pravda» (yanvar' 1933 –iyun' 1941 g.) // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. – 2008. – № 61. – S. 92–97.

4. Kamenskaya E.V. Obrazy «kul'turnoj revolyucii» v Kitae na stranicah «Literaturnoj gazety» vtoroj poloviny 1960-h gg. // CHelovek v mire kul'tury. – 2017. – № 4. – S. 36–39.

5. Klinova M.A., Trofimov A.V. Modeli trudovoj mobilizacii molodezhi (po materialam zhurnala «Smena» 1946–1953 gg. // Ural'skij istoricheskij vestnik. – 2018. – № 4 (61). – S. 55–62.

6. Lipatova N.V. Vlast' v pechatnom ekvivalente: obraz sovetskogo lidera na stranicah pressy. – Ul'yanovsk: UIGU, 2014. – 232 s.

7. Trofimov A.V. Sovetskie mifologemy na stranicah zhurnala «Krokodil» (1920–1930-e gody) // Sovetskij proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizacii: sb. nauch. tr. – Ekaterinburg: UrFU, 2018. – S. 123–131.

8. Hanin G.I. Ekonomicheskaya istoriya Rossii v novejshee vremya: v 2 t. – Novosibirsk: NGTU, 2008. – Т. 1. – 516 s.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.34216/1998-0817-2019-25-3-143-147
УДК 342.1

Груздев Владислав Владимирович

доктор юридических наук, доцент
Костромской государственной университет
vgruzdev@ksu.edu.ru

Левченков Александр Иванович

кандидат юридических наук
Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, г. Луганск
naukalavd@mail.ru

РЕСПУБЛИКИ ДОНБАССА КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРЕЦЕДЕНТ

В статье проанализированы события, происходившие в Донбассе в период с 2014 по 2019 гг., факт возникновения ЛНР и ДНР, способ появления этих республик и пути их возможной международно-правовой легализации.

Исследование осуществлено не только на внутригосударственном, но и на международном уровнях. Предложено авторское видение решения проблемы самоопределения народов и наций, в частности, речь идет о том, что реализация основополагающего (универсального) принципа современного международного права – принципа всеобщего уважения прав и свобод человека – в условиях агрессии со стороны Украины в отношении граждан наших республик невозможна без реализации принципа самоопределения народов и наций. Только с такой конкретной коллизионной привязкой принцип самоопределения народов и наций может доминировать над принципами территориальной целостности и нерушимости границ.

Ключевые слова: права и свободы, самоопределение, народ, нация, принцип, международное право, внутригосударственное право.

Заявленная тема является, бесспорно, актуальной. До сих пор в отечественной и зарубежной научной мысли не предложено действенных путей преодоления противоречий, возникающих в процессе столкновения основополагающих принципов международного права – принципа самоопределения народов и наций и принципов территориальной целостности государства и нерушимости границ. В этом плане рассмотрение возникновения и существования Луганской и Донецкой Народных Республик представляют собой несомненный интерес как в научно-теоретическом, так и практическом аспектах.

Рассматривая республики Донбасса как международный политико-правовой прецедент, необходимо обратить внимание на следующие моменты: а) сам факт появления ЛНР и ДНР, б) способ появления республик, в) международная легализация республик.

Для внутреннего обихода референдумного самоопределения достаточно [8, с. 39–52]. Для международной легализации и легитимизации этого мало. Следовательно, надо искать иные пути решения этой сложнейшей задачи. Один из еще не озвученных вариантов ее решения предлагается в данной статье.

Сегодня практически все ученые, и отечественные, и зарубежные, признают существование в международном праве особой категории норм *jus cogens*. Впервые своё определение она получила в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.: «Норма *jus cogens* – норма общего международного права... которая принимается и признаётся международным сообществом

государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер» [13, с. 4]. То есть речь здесь идёт в первую очередь о том, что норма *jus cogens* (принципы международного права) обладает наивысшей юридической силой по отношению к другим нормам международного права. Профессор Ф. Андраши подчёркивал, что норма «*jus cogens* – норма абсолютно обязательного права» [1]. А. Вердросс утверждал, что нормы *jus cogens* «существуют не для удовлетворения нужд отдельных государств, но для высшего интереса всего мирового сообщества» [2]. Г. Цотиадес настаивал на том, что нормы-принципы (*jus cogens*) не могут быть отменены нормами обычного международного права [3].

Ст. 50 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. прямо гласит о недействительности договора, если он противоречит норме – принципу *jus cogens*. В ст. 61 этой же конвенции подчёркивается, что если такой договор уже заключён, то он с момента заключения становится ничтожным по юридическим последствиям и прекращает своё действие. Важным признаком *jus cogens* является её ретроактивность (обратная сила действия).

К этому следует добавить, что, по сути, основные принципы – это само международное право в концентрированном его изложении. Они являются базой для создания новых правовых норм. В этом смысле основные принципы могут быть названы «особого рода юридическими источниками правотворческой деятельности государств в сфере

международных отношений». Также мы должны понимать, что основные принципы (основные начала) международного права – категория, не совпадающая во времени её возникновения с самим международным правом. Они могли появиться только на определённом этапе его развития.

Таким образом, принципы международного права – это основополагающие, обладающие наивысшей юридической силой, общеобязательные и общепризнанные правила поведения, регулирующие отношения между государствами.

Виды принципов (их 10) зафиксированы в основном в Декларации о принципах международного права 1970 г. и иных важнейших международных документах. Ю.М. Колосов даёт такую их классификацию [9, с. 28–52]:

- 1) принцип суверенного равенства государств;
- 2) принцип неприменения силы и угрозы силой;
- 3) принцип нерушимости государственных границ;
- 4) принцип территориальной целостности государств;
- 5) принцип мирного разрешения международных споров;
- 6) принцип невмешательства во внутренние дела;
- 7) принцип всеобщего уважения прав человека;
- 8) принцип самоопределения народов и наций;
- 9) принцип сотрудничества;
- 10) принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Кроме этого, в советской интерпретации международного права (на уровне доктринального толкования) присутствовали, дополнительно к вышеперечисленным, принципы разоружения, интернационализма и принцип мирного сосуществования. Последний был даже возведён в ранг основного, доминирующего принципа среди всех остальных. Несмотря на то, что принцип мирного сосуществования не являлся общепризнанным всеми государствами, он действительно в период холодной войны мог рассматриваться как базовый. Его нарушение автоматически вело к разрушению всей пирамиды «официально» существующих принципов.

В связи с тем, что мы сегодня наблюдаем падение «однополярного» мира и возрождение новых центров силы в лице России и Китая, к сожалению, одновременно мы видим и появление симптомов новой холодной войны. В таком случае на повестку дня вновь может выйти принцип мирного сосуществования, который способен в какой-то мере гарантировать человечеству мир и помочь избежать ужасов Третьей мировой войны, ведь сегодня действительно «человечество более чем когда-либо пишет историю собственного конца, потому что стало способно уничтожить весь мир» [7].

В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия США с легкой руки главного идеолога раз-

вала СССР Збигнева Бжезинского в ранг системообразующего принципа возвели принцип всеобщего уважения прав человека. Подавляющее большинство стран мира с этим согласилось и зафиксировало этот факт в ряде международных соглашений и своих конституциях, в том числе Россия и Украина (ст. 2, ст. 3).

По сути, речь шла о создании новой универсальной нормы международного права, в соответствии с которой все государства обязаны уважать и соблюдать права и свободы для всех граждан без различия пола, языка и религии, гарантировать их реализацию, не взирая на свои реальные возможности и конкретно-исторические условия, в которых они находятся.

Для этого были веские основания – как юридического, так и политического характера. Согласно ст. 55 Устава ООН, она содействует «уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех», то есть для всех государств – членов ООН и для всех жителей, проживающих на их территориях. Далее положение этой нормы были развиты и детализированы в ряде важнейших международных документов – Всеобщей декларации 1948 г., Пактах и Протоколах к ней 1966 г., Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Все государства обязаны содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод и сотрудничать друг с другом в достижении этой цели. Кроме этого, всю вышеобозначенную основополагающую международную нормативную базу объединяло в то время главное – соблюдение и гарантирование абсолютных и иных прав и свобод (качественные и количественные параметры) отдавались на «откуп» каждому отдельно взятому государству и являлись «делами, по существу входящими в компетенцию национальных государств». Каждое государство – член ООН брало на себя обязательство уважать их и соблюдать, однако исходя из своих возможностей, внутренних условий и ресурсов. Профессор С.В. Черниченко считает: «Объективные границы международного права указывают на то, что международное право и внутригосударственное право – различные правовые системы, не имеющие примата друг над другом, действующие в различных плоскостях, в различных юридических измерениях» [12, с. 131].

Такое состояние было характерно для двухполярного мироустройства. В преддверии и с распадом СССР эта ситуация стала кардинально меняться. Теперь контроль за соблюдением прав и свобод человека самовольно взяли на себя Соединенные Штаты Америки (дела, по существу уже не входящие в компетенцию национальных государств). По словам Збигнева Бжезинского США получили в руки «дубинку» в виде возможности «защищать»

права и свободы во всем мире. С ее помощью главный идеолог распада СССР обещал «проломить кремлевскую стену», что и успешно сделал в 1991 г.

Безудержное стремление США контролировать процесс соблюдения прав и свобод во всех странах мира получило необходимое в то время международно-правовое закрепление:

1. В Венской декларации ОБСЕ (1989 г.) говорилось о необходимости «уважать права и свободы граждан, самостоятельно или совместно с другими государствами, вносить активный вклад в развитие и защиту прав и свобод человека... наблюдать за их осуществлением» [5, с. 161].

2. В Парижской хартии для Новой Европы (1990 г.) уже прямо указывалось, что «первейшая обязанность правительства их (основных прав и свобод человека. – *В. Г. А. Л.*) соблюдение и полное осуществление» [5, с. 162];

3. Последняя точка в этом направлении была поставлена на Московской конференции по человеческому измерению (1991 г.), где было прямо сказано, что «вопросы, касающиеся прав человека, основных свобод, демократии и верховенства закона, носят международный характер и не относятся к числу исключительно внутренних дел государства» [5, с. 162];

4. Венская декларация и Программа действия, принятая Всемирной конференцией по правам человека (1993 г.), закрепили эти положения [5, с. 94].

Таким образом, был открыт путь западным государствам, в первую очередь США, к вмешательству во внутренние дела любого неудобного для них государства. Это было прямым нарушением основополагающих принципов международного права и крушением в целом международного права, установлением однополярного мира с развязыванием американской военизированной агрессии против вооруженных сил (Сербия, Иран, Афганистан, Ливия, Сирия и т. д.). Во всех случаях для нападения на эти государства поводом служила якобы существующее в них массовое, циничное и систематическое нарушение политическим руководством этих стран основополагающих прав и свобод человека. По сути, это было прямым нарушением принципа невмешательства во внутренние дела других государств и принципа неприменения силы и угрозы силой.

Принцип самоопределения народов и наций занимает важное место в системе основополагающих принципов международного права. Интересным и неслучайным является то, что в перечне принципов Декларации о принципах международного права 1970 года он расположен рядом с принципом всеобщего уважения прав и свобод человека. И в этом прослеживается определенная логика.

В Пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и Пакте о гражданских и политических правах 1966 г. повышенное внимание обращается на возможность реализации народами

и нациями права на самоопределение. В ст. 1 этих документов сказано: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». При этом подчеркивалось, что все государства – участники Пактов «должны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять осуществление права на самоопределения и уважать это право» [5, с. 11–12, 21–22], в том числе и право народов (самоопределяющихся) получать поддержку от других государств, если им кто-то мешает его реализовывать. На последнее особенно пристально следует обратить внимание. Народы (нации), борющиеся за свое самоопределение, имеют право получать всестороннюю помощь от братских народов, в том числе и военно-техническую, в случае необходимости. Украина участвует в обоих пактах, но не выполняет его положения, в том числе и другие важнейшие международные нормативные акты, в частности Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (1995 г.) [5, с. 188–198]. Особенно грубо и систематически стали нарушаться эти два принципа в Украине во время ее агрессивных действий против ЛНР и ДНР [10], о чем неоднократно последнее время говорят даже на международных площадках [6].

Каким же образом ЛНР и ДНР могут использовать на научно-теоретическом, практическом и дипломатическом уровнях создавшуюся ситуацию – фактическое доминирование принципа всеобщего уважения прав и свобод человека среди других основополагающих принципов международного права – для усиления своих позиций на международной арене. Речь в данном случае будет идти об использовании существующих пробелов в международном праве.

Говоря конкретно о взаимоотношении, взаимодействии и взаимозависимости двух этих принципов международного права, следует обратить внимание на следующее:

1. В настоящее время мы видим коллизию (конкуренцию) норм принципа самоопределения народов и наций с принципами территориальной целостности и нерушимости границ. Реализовывая принцип самоопределения народов и наций, мы неизбежно входим в конфликт с принципом территориальной целостности. Эта задача до сих пор остается нерешенной в теории и практике международного права.

2. При официальном юридическом равенстве всех десяти существующих и закрепленных в международном праве основных принципов реально, *de facto*, мы видим сегодня доминирование (как когда-то ранее – принципа мирного сосуществования) принципа всеобщего уважения прав и свобод человека. Профессор Е.А. Лукашева еще в начале

90-х годов прошлого века высказала мысль о том, что в условиях социального, национального и территориальных конфликтов (на примере событий в Югославии) оценочным критерием всех подобных процессов должен выступать «принцип нерушимости прав и свобод человека». Исходя из этого, она делает вывод, что «права народа на самоопределение неотделимо от беспрепятственного осуществления прав человека». Ученый считает, что в этом смысле можно говорить, что «права человека выше прав народа и прав нации» [11, с. 231]. Процесс его появления на международной арене и сегодняшнее его лидерство крайне политизировано. Это результат прямого воздействия мировой политики, а политика, по словам Макса Вебера, прямо влияет на распределение власти как внутри государства, так и между государствами [4].

3. Исходя из того, что реализация основополагающего принципа международного права – принципа всеобщего уважения и соблюдения прав и свобод человека – в 2014 году была практически невозможной без реализации принципа самоопределения народов и наций, в данной конкретной исторической и военно-политической ситуации народ Донбасса принял решение о дистанцировании от Украины и создании ЛНР и ДНР. В конце 2013 года, начале и в течение 2014 года украинское государство уже не могло, а в последующем и не хотело гарантировать жителям шахтерского края всемирно признанные абсолютные права и свободы человека (право на жизнь, неприкосновенность личности, жилище, труд, собственность и т. д.) и сознательно шло на их массовое и грубое нарушение. Украинское государство планомерно и цинично начало осуществлять политику геноцида и террора против значительной части собственного народа – русскоговорящего населения Донбасса. К этому следует добавить еще и проводимые в последнее время киевской властью широкомасштабные преследования и деление населения страны по религиозному признаку.

Следовательно, только с такой своеобразной коллизией привязкой, как принцип самоопределения народов и наций, принцип всеобщего уважения прав и свобод человека может доминировать над другими общеизвестными принципами международного права, такими как принцип территориальной целостности и принцип нерушимости границ в государствах переходного типа, находящихся в состоянии внутреннего вооруженного конфликта. И наоборот, самоопределившиеся народы и нации, более мелкие этносы и территории имеют все шансы получить международное признание в той или иной общепризнанной форме, если они, исходя из конкретных ситуаций, в том числе и находящиеся под жестким давлением «материнского государства», вынуждены взять судьбу в свои руки в плане создания собственного государства, кото-

рое сможет защитить и гарантировать своим гражданам абсолютные права и свободы человека. В такой ситуации принцип самоопределения народов и наций будет системообразующим и доминирующим над такими принципами, как территориальная целостность и нерушимость границ. В данном случае это оправдывается тем, что международная теория неизбежно следует за международной практикой, и выделение такой связки – пары принципов международного права (принцип самоопределения народов и наций и принцип всеобщего уважения прав и свобод человека) реально отражает современное состояние движения международно-правовой материи и новые реалии современного мира¹. К этому следует добавить, что сегодня в связи с эскалацией военной напряженности и угрозы начала Третьей мировой войны целесообразно возвратиться к принципу мирного сосуществования, сделать его системообразующим и руководствоваться им всем странам мира.

Примечание

¹ Статья была написана более чем полгода назад, и то, что выводы в ней были сделаны правильные, подтверждается Указом Президента РФ В.В. Путина от 24.06.2019 г. Только путем предоставления жителям ДНР и ЛНР российского гражданства можно в создавшихся условиях гарантировать их права и свободы.

Библиографический список

1. *Anarassy J.* Mezdunarodno pravo. – Zagreb, 1971. – S. 7.
2. *Verdross A.* Jus dispositivum and jus cogens in International Law // *American Journal of International Law.* – 1966. – V. 60. – P. 58.
3. *Zotiades G.B.* Staatsautonomic und die Grenzen der Vertragsfreiheit im Völkerrecht Österreichische fuz öffentliches Recht. – B. d. XV (II Nth 1–2). – 1967. – S. 103.
4. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 646 с.
5. Действующее международное право: в 3 т. Т. 2 / сост.: Ю.Н. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независ. ин-та междунар. права, 1999. – 832 с.
6. Доклад о ситуации с правами человека в Украине (16 ноября 2016 г. – 15 февраля 2017 г.) [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. – Режим доступа: http://www/ohchr.org/Documents/UA/UARepirt17th_RU.pdf.
7. *Журав Р.* О войне и апокалипсисе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://postmodern.in.ua/?p=2301>.
8. *Левченко А.И.* Референдум как способ легитимизации и легитимизации ЛНР и ДНР // Признание

государств и правительств: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Луганск, 28–29 сентября 2018 г.). – Луганск; Кострома, 2018. – 332 с.

9. Международное право: учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М.: Международные отношения, 1994. – 608 с.

10. Необъявленная война в центре Европы. О соблюдении Украины прав человека во время проведения «антитеррористической операции» на Донбассе. – Киев: Всеукраинская комиссия по правам человека, 2015. – 172 с.

11. Теория права и государства: учебник для вузов / под. ред. проф. Г.Н. Манова. – М.: Изд-во «БЕК», 1995. – 323 с.

12. Черниченко С.В. Теория международного права: в 2 т. Т. 1. Современные теоретические проблемы. – М.: Изд-во «НИМП», 1999. – 336 с.

13. Шестаков Л.Н. Понятие норм *jus cogens* в современном международном праве // Правоведение, 1974. – С. 4.

References

1. Anarassy J. Mezdunarodno pravo. – Zagreb, 1971. – S. 7.

2. Verdross A. Jus dispisitivum and jus cogens in International Law // American Journal of International Law. – 1966. – V. 60. – R. 58.

3. Zotiades G.B. Staatsautonomic und die Grenzen dez Vestragsfreiheit im Volkezzecht Ostezzeichische fuz offentliges Reeht. – B. d. XV (II Nth 1–2). – 1967. – S. 103.

4. Veber M. Politika kak prizvanie i professiya // Veber M. Izbrannye proizvedeniya. – М.: Progress, 1990. – 646 с.

5. Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo: v 3 t. T. 2 / sost.: YU.N. Kolosov, E. S. Krivchikova. – М.: Izd-vo Mosk. nezavis. in-ta mezhdunar. prava, 1999. – 832 s.

6. Doklad o situacii s pravami cheloveka v Ukraine (16 noyabrya 2016 g. – 15 fevralya 2017 g.) [Elektronnyj resurs] // Upravlenie Verhovnogo komissara OON po pravam cheloveka. – Rezhim dostupa: http6://www/ohehr.org/Documents/UA/UAREpirt17th_RU.pdf.

7. ZHirar R. O vojne i apokalipsise [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://postmodern.in.ua/?p=2301>.

8. Levchenkov A.I. Referendum kak sposob legalizacii i legitimizacii LNR i DNR // Priznanie gosudarstv i pravitel'stv: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Lugansk, 28–29 sentyabrya 2018 g.). – Lugansk; Kostroma, 2018. – 332 s.

9. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik / отв. ред. YU.M. Kolosov, V.I. Kuznecov. – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. – 608 s.

10. Neob"yavlenaya vojna v centre Evropy. O soblyudenii Ukrainy prav cheloveka vo vremya provedeniya «antiterroristicheskoy operacii» na Donbasse. – Киев: Vseukrainskaya komissiya po pravam cheloveka, 2015. – 172 s.

11. Teoriya prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov / pod. red. prof. G.N. Manova. – М.: Изд-во «БЕК», 1995. – 323 с.

12. CHernichenko S.V. Teoriya mezhdunarodnogo prava: v 2 t. T. 1. Sovremennye teoreticheskie problemy. – М.: Изд-во «НИМП», 1999. – 336 с.

13. SHestakov L.N. Ponyatie norm *jus cogens* v sovremennom mezhdunarodnom prave // Pravovedenie, 1974. – S. 4.

Груздев Владислав Владимировичдоктор юридических наук, доцент
Костромской государственной университет
vgruzdev@ksu.edu.ru**Бабичев Дмитрий Александрович**кандидат юридических наук
Костромской государственной университет
babichev-lavd@inbox.ru**Бабичева Наталья Александровна**Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, г. Луганск
babicheva_natalya@inbox.ru

ИСТОРИЯ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДА ДОНБАССА. ОПЫТ ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья посвящена актуальной проблеме, возникшей в 2014 году в Украине на территории бывших Луганской и Донецкой областей, и касается права народа Донбасса на самоопределение. Данная проблема носит в себе не только локальный территориальный характер, но и является одной из сложнейших дискуссионных проблем международного права. Так как право на самоопределение противоречит принципу территориальной целостности государства, то рассмотрение и решение данного вопроса является наиболее актуальным для всего населения, проживающего на территориях самопровозглашенных Луганской и Донецкой Народных Республик. В статье автор анализирует и дает обобщенную характеристику понятия «самоопределения народа», утверждая, что это право каждого народа самостоятельно и по своему усмотрению решать вопросы государственного устройства, политического статуса, экономического, социального и культурного развития. Автор также исследует историческое прошлое народа Донбасса, где на примере Донецко-Криворожской республики и различных документальных историко-правовых материалов приходит к выводу, что население Донбасса имеет право на социальное, экономическое, культурное, духовное и иное развитие наравне со всеми признанными государствами мира.

Ключевые слова: право народа на самоопределение, Луганская Народная Республика, территориальная целостность, независимость, международное признание, референдум, Донецко-Криворожская республика.

В современном мире достаточно остро стоит вопрос о праве народов на самоопределение. Что же означает данное понятие? Почему вот уже на протяжении практически столетия, особенно в свете сложившихся за последнее время событий (массового возникновения новых непризнанных территориальных образований, в том числе и изучаемой нами Луганской Народной Республики) нет согласия между юристами, социологами, политологами, международниками в решении одного из важнейших и актуальных вопросов современности?

В начале XXI века движение за независимость и формирование новых государств не только не прекратилось, а, наоборот, усугубилось. По-прежнему продолжают прогрессировать различные этнические конфликты. Происходит вмешательство «великих держав» во внутренние дела других государств. Это также подтверждает, что вопрос самоопределения народов остается особо актуальным. Тем более что данный принцип постоянно входит в противоречие с принципом территориальной целостности, и этим противоречием в своих интересах пытаются пользоваться ведущие страны мира – участники ООН. Как утверждает Е.А. Парашевина, «неспособность сторон найти мирное решение такого противоречия приводит к усугублению национальных конфликтов, зачастую перерастающих в военное противостояние. При этом представители центральной госу-

дарственной власти обычно приводят в качестве аргумента в защиту своей позиции утверждение о приоритете принципа территориальной целостности по отношению к праву на национальное самоопределение» [7, с. 145].

С данной проблемой мир столкнулся особенно после распада Советского Союза, когда на политической карте сформировались новые территориальные образования. Так как деление территорий было решено провести по линии уже существующих административных границ, вовсе не учитывая этнический признак людей, проживающих на данных территориях, у одних народов этот процесс проходил мирным путем («бархатный развод» Чехии и Словакии), у других – путем войн (Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика). Подобная ситуация также сложилась в Украине в 2014 году, когда от нее отделились два новых государства – Луганская и Донецкая Народные Республики. Они заявили о своем праве на самоопределение, но это их право прозападными политиками было определено как сепаратистское движение и подверглось существенной критике и даже военной агрессией со стороны Украины против мирного населения Донбасса.

В чем же причина такого противоречия и каким образом можно решать данный вопрос? Прежде всего, необходимо разобраться в самом понятии «самоопределение» и выяснить исторические условия складывания самоопределения народа Дон-

басса для того, чтобы в конце концов у молодых непризнанных республик появилась возможность легализации и легитимации своих территорий.

Право народов на самоопределение в современной юридической науке рассматривалось и изучалось огромным количеством ученых. Ведущее место среди них занимают труды Е.Е. Томилиной, М.Н. Марченко, А.А. Кокошкина, Г. Еллинека, Е.А. Парашевиной, Г. Бруннера, Е. Вятра, О.Г. Моисеевой и других.

В словаре современного русского литературного языка дается два понятия термина «самоопределение». Во-первых, «находить, определять свое место в жизни, в обществе»; во-вторых, «получать самостоятельное национальное государственное устройство» [12, т. 13, с. 118].

Как отмечают И.В. Самусев и О.Г. Моисеева, «право на самоопределение – общепризнанный принцип и норма международного права, закрепляющий право наций (то есть народов определенных территорий, не обязательно объединенных по этническому принципу) коллективно определять форму своего политико-правового существования в составе другого государства (в качестве автономии или субъекта федерации) или в виде самостоятельного и независимого государства, а также его внутреннее устройство (форму правления, форму государственно-территориального устройства или государственно-политический режим)» [10, с. 486].

И действительно, право народов на самоопределение – это право каждого народа самостоятельно и по своему усмотрению решать вопросы государственного устройства, политического статуса, экономического, социального и культурного развития.

Не углубляясь в исторические данные, отметим, что признание права народов на самоопределение как фундамент мирового порядка стало иметь место после того, как начала распадаться пережившая себя недемократическая и негуманная колониальная система мира. Данный процесс был закреплен в различных международных документах, таких как:

– Устав ООН от 26 июня 1945 года, который в статье 1, пункте 2 обозначает, что на первом месте стоит «уважение принципа самоопределения народов как основа развития дружественных отношений между нациями» [5, с. 37];

– Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятая резолюцией № 1514 XV Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 года. Пункт 2 данного документа гласит, что «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус...» и «всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава ООН» [5, с. 99];

– Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 года. В части 1 статьи 1 было заявлено, что «все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право» [5, с. 44];

– Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятая резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года, которая устанавливает: «В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закреплённого в Уставе ООН, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава». А способами осуществления права на самоопределение являются: «...создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса» [4].

Право наций на самоопределение было также закреплено и в других международных документах, в том числе в Хельсинской декларации 1975 года и в Африканской хартии прав человека и народов 1981 года [5, с. 737].

И действительно, право наций на самоопределение заложено во многих международно-правовых документах, однако, анализируя все эти постулаты, содержащиеся в них, можно прийти к выводу, и мы не можем с ним не согласиться, что «формулировки важнейших документов ООН в конечном счёте составляют запутанную конструкцию правил, исключений и исключений из исключений. Международное право также не вносит большей ясности, поскольку пропитано политическим оппортунизмом и лживостью» [2, с. 166]. И по нашему мнению, пока не будут решены все противоречия, касающиеся права наций на самоопределение, и не будут учтены интересы всех народов и сопредельных государств, в современном мире будут продолжаться различные межэтнические, военные и межгосударственные конфликты. Тем более «в вопросе о том, что важнее: самоопределение нации или территориальная целостность государства, мнение мирового сообщества неоднозначно и зависит от конкретной ситуации» [8, с. 132].

Невозможно не согласиться с точкой зрения известного польского ученого, профессора Ежи Вятра, который утверждает, что «в поиске наилучшего пути к мирной реализации права на само-

определение особая роль возлагается на институт референдума» [3, с. 34]. Далее он утверждает, что «референдум должен быть наиболее демократичным путем решения проблем национального самоопределения там, где данный принцип входит в противоречие с принципом целостности государства» [3, с. 34]. Именно это и происходит на территориях самообразованных Луганской и Донецкой Народных Республик. Хотя необходимо отметить, что попытки проведения референдума на данных территориях уже осуществлялись.

Сегодня мало кто из населения Украины помнит, что 25 лет назад, 27 марта 1994 года, в Донецкой и Луганской областях прошел региональный референдум одновременно с выборами в Верховную раду Украины. Инициаторами проведения данного референдума выступили братья Дмитрий и Владимир Корниловы, которые еще в 1989 году основали организацию «Интернациональное движение Донбасса».

На голосование было вынесено четыре вопроса:

1. «Согласны ли вы с тем, чтобы Конституция Украины закрепила федеративно-земельное устройство Украины?»

2. «Согласны ли вы с тем, чтобы Конституция Украины закрепила функционирование русского языка в качестве государственного языка Украины наряду с государственным украинским языком?»

3. «Согласны ли вы с тем, чтобы на территории Донецкой (Луганской) области языком работы, делопроизводства и документации, а также образования и науки был русский язык наряду с украинским?»

4. «Вы за подписание Устава СНГ, полноправное участие Украины в экономическом союзе, в межпарламентской ассамблее государств СНГ?» [9].

Явка на референдум тогда составила 72 % в Донецкой области и 75 % в Луганской. Более 90 % респондентов в обеих областях проголосовали за сближение с Россией и странами СНГ и за закрепление русского языка в качестве государственного. Однако в июле 1994 года на выборах президента Украины победу одержал Леонид Кучма, пришедший к власти в том числе благодаря предвыборным обещаниям защиты прав русскоязычных граждан Украины. Это на какое-то время успокоило пророссийски настроенное население Донбасса. Но, к сожалению, результаты данного голосования так и не были признаны, а впоследствии даже забыты.

Попытки проведения подобных референдумов осуществлялись в Донбассе также в 2004 и 2006 годах. Инициаторами выступили Борис Колесников, в то время занимавший пост председателя Донецкого облсовета, и Андрей Пургин – основатель и лидер ОД «Донецкая республика» [13]. Но по тем или иным причинам действия, направленные на изменение государственного строя в Украине, так и остались неосуществимыми. Мнение народа,

проживающего на территориях Луганской и Донецкой областей, не было услышано. Это можно, с одной стороны, объяснить тем, что в Украине отсутствует стабильный демократический строй, а с другой стороны – происходит постоянное вмешательство «великих держав» в лице Соединенных Штатов и Европы во внутренние дела Украины.

Размышляя о самоопределении народов Донбасса, считаем также необходимым совершить определенный экскурс в историю, где у населения был уже опыт создания самостоятельного государства со всеми его признаками.

После отречения от престола императора Николая II и сложившегося «двоецентрия» на территории Российской империи заметно усилились сепаратистские движения, начали образовываться новые государственные образования. Это было вызвано тем, что Временное правительство «катастрофически быстро теряло контроль над местными органами власти и управления. Двоевластие в стране нанесло удар бюрократическому централизму, характерному для царской системы управления страной. Демократизация общественной жизни сказалась на расширении компетенции местных органов и их властных полномочиях» [1, с. 30]. Таким образом, в Крыму была образована республика Таврида, в Ставрополье – Северо-Кавказская республика, власть Советов в Черноморье сформировала Черноморскую республику, образовались Кубанская, Терская республики, на территории Украины возникли Украинская народная республика и Западно-Украинская народная республика. Всего на территории распавшейся Российской империи было сформировано приблизительно восемь десятков новых государственных образований.

29 января (12 февраля) 1918 года на IV областном съезде Советов Донецкого и Криворожского бассейнов по примеру других территорий бывшей Российской империи была создана Донецко-Криворожская республика (далее – ДКР). Это значительная территория современной Украины, а также части Российской Федерации, а именно «Луганской, Донецкой, Харьковской, Днепропетровской, Сумской, Запорожской областей, части Херсонской и Ростовской области (угольные округа Области войска Донского)» [11, с. 35]. Было сформировано правительство ДКР, главой которого стал товарищ Артем (Ф.А. Сергеев). Данное молодое советское государство строилось на экономических, а не национальных основах и, как отмечал Артем, «сохранение Донкривбасса в рамках Украины было бы несправедливо...», тем более что население края было преимущественно русским. Обвинения в сепаратизме он отвергал, утверждая, что «мы не разбиваем ни одной федеративной республики, не посягаем на национальные интересы Украины, мы не собираемся создавать независимую республику... Мы хотим связаться со всей страной» [6]. Столи-

цей нового государства стал город Харьков, однако после его захвата немцами решено было столицу перенести в город Луганск.

Новое правительство активно взялось за налаживание как хозяйственной, так и социальной базы молодого государства. Были частично национализированы и объединены в один комплекс крупные горнодобывающие и металлургические предприятия региона, что послужило росту производительности труда. Вводились налоги для крупных предпринимателей, начали свою деятельность негосударственные банки. Активно проводилась судебная реформа. Не забывало новое правительство и об образовании для неимущих слоев населения, открывая новые школы, детские лагеря и т. д.

Но, к сожалению, формирование республики проходило в очень сложное время. Армия Донецко-Криворожской республики вынуждена была противостоять немцам и австрийцам, которые оккупировали ее территорию середине апреля 1918 года. После поражения Германии в Первой мировой войне ситуация для ДКР не улучшилась, она начала противодействовать белогвардейцам, также посягавшим на ее территорию. В конце концов, после установления Советской власти судьба республики была решена в Москве. Ленин выступил за создание единой советской Украины, в состав которой будут входить и промышленные регионы Дон-Кривбасса, тем самым усиливая крестьянский край Украины рабочим классом. 17 февраля 1919 года совет обороны РСФСР постановил: «Просить товарища Сталина через Бюро ЦК провести уничтожение Кривдонбасса» [11, с. 80].

Так завершилась недолгая самостоятельная история героической Донецко-Криворожской республики. Основная часть ее территории, согласно договору между Украиной и Россией, была передана новообразованной Украинской Советской Социалистической Республике. На всей территории начался процесс украинизации.

Таким образом, опыт Донецко-Криворожской республики показал, что еще в начале XX века на территории современных Луганской и Донецкой Народных Республик сложилась концепция самоопределения народа, и данная идея не является своеобразной фикцией, а имеет право на существование и воплощение в жизнь. Тем более, что население Донбасса своей непродолжительной, но героической историей заслужило право самостоятельно устанавливать как свой политико-правовой статус, так и свое социальное, экономическое, культурное, духовное и иное развитие наравне со всеми признанными государствами мира.

Библиографический список

1. Бабичева Н.А. Государственно-правовые аспекты возникновения губернских республик на юге России в 1918 году // Вестник Луганской ака-

демии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – 2017. – № 1 (2). – С. 27–38.

2. Бруннер Г. Национальные государства и право на самоопределение: никакой связи? // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А.А. Празу-скас. – М.: УРАО, 2000. – С. 162–168.

3. Вятр Е. Национальное самоопределение – политические и правовые дилеммы // Социология. – 2014. – № 3. – С. 29–35.

4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 29.04.2019).

5. Международные акты о правах человека: сборник документов / сост. и вступ. ст. В.А. Карташкина, Е.А. Лукашевой. – М.: Норма: Инфра-М, 1998. – 784 с.

6. Образование ДКР / Донецк: История, события, факты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://infodon.org.ua/uzovka/61> (дата обращения: 28.05.2019).

7. Паращевина Е.А., Карасёва Е.М. Право наций на самоопределение на примере воссоединения Крыма и России // Инновационная наука. – 2016. – № 4–4. – С. 143–146.

8. Первушкина А.И. Проблема реализации права нации на самоопределение в конце XX – начале XXI века / Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. – 2015. – № 5 (18). – С. 130–132.

9. Референдум в Донецкой и Луганской областях 1994 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 04.04.2019).

10. Самусев И.В., Мусеева О.Г. Исторические аспекты реализации права наций на самоопределение // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2014. – № 11. – С. 486–489.

11. Скворцова Л.А. История Донбасса: учеб. пособие. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – 154 с.

12. Словарь современного русского литературного языка: в 16 т. / под ред. чл.-кор. АН СССР В.И. Чернышева (глав. ред.) и др. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – Т. 13. – Стб. 1516.

13. Третьякова М. Референдум о федерализации Донбасса: 20 лет борьбы: Актуальные комментарии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://actualcomment.ru/referendum-o-federalizatsii-donbassa-20-let-borby.html> (дата обращения: 05.04.2019).

References

1. Babicheva N.A. Gosudarstvenno-pravovye aspekty vozniknoveniya gubernskih respublik na yuge Rossii v 1918 godu // Vestnik Luganskoj akademii

- vnutrennih del imeni E.A. Didorenko. – 2017. – № 1 (2). – S. 27–38.
2. Brunner G. Nacional'nye gosudarstva i pravo na samoopredelenie: nikakoj svyazi? // Etnos i politika: hrestomatiya / avt.-sost. A.A. Przauskas. – M.: URAO, 2000. – S. 162–168.
3. Vyatr E. Nacional'noe samoopredelenie – politicheskie i pravovye dilemmy // Sociologiya. – 2014. – № 3. – S. 29–35.
4. Deklaraciya o principah mezhdunarodnogo prava, kasayushchihsya druzhestvennyh otnoshenij i sotrudnichestva mezhdru gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizacii Ob"edinennyh Nacij [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (data obrashcheniya: 29.04.2019).
5. Mezhdunarodnye akty o pravah cheloveka: sbornik dokumentov / sost. i vstup. st. V.A. Kartashkina, E.A. Lukashevoj. – M.: Norma: Infra-M, 1998. – 784 s.
6. Obrazovanie DKR / Doneck: Istoriya, sobytiya, fakty [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://infodon.org.ua/uzovka/61> (data obrashcheniya: 28.05.2019).
7. Parashchevina E.A., Karasyova E.M. Pravo nacij na samoopredelenie na primere vossoedineniya Kryma i Rossii // Innovacionnaya nauka. – 2016. – № 4–4. – S. 143–146.
8. Pervushkina A.I. Problema realizacii prava nacji na samoopredelenie v konce XX – nachale XXI veka / Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy i puti ih resheniya. – 2015. – № 5 (18). – S. 130–132.
9. Referendum v Doneckoj i Luganskoj oblastyah 1994 goda [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashcheniya: 04.04.2019).
10. Samusev I.V., Moiseeva O.G. Istoricheskie aspekty realizacii prava nacij na samoopredelenie // Trudy molodyh uchenyh Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 11. – S. 486–489.
11. Skvorcova L.A. Istoriya Donbassa: ucheb. posobie. – Makeevka: DonNASA, 2016. – 154 s.
12. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 16 t. / pod red. chl.-kor. AN SSSR V.I. Chernysheva (glav. red.) i dr. – M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. – T. 13. – Stb.1516.
13. Tret'yakova M. Referendum o federalizacii Donbassa: 20 let bor'by: Aktual'nye kommentarii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://actualcomment.ru/referendum-o-federalizatsii-donbassa-20-let-borby.html> (data obrashcheniya: 05.04.2019).

Карташов Владимир Николаевич

доктор юридических наук, профессор
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
kartazov@uniyar.ac.ru**ЮРИДИЧЕСКАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-001-00001*

В статье рассматриваются такие фундаментальные закономерности развития правовых систем, как юридическая аккультурация и экспансия. Обращается внимание на их объекты, предметы, субъектов, участников, технику, тактику, стратегию, детерминирующие факторы и результаты. Актуальность данной проблеме придаёт тот факт, что аккультурация очень часто отечественными и зарубежными авторами отождествляется с юридической экспансией. Автор показывает особенности технологий юридической аккультурации и экспансии как относительно самостоятельных в развитии правовых систем. Обращается внимание на то, что под аккультурацией понимается добровольное восприятие элементов одной из правовых систем с целью совершенствования и развития другой правовой системы. Сущность экспансии заключается в навязывании субъектами и участниками одной правовой системы (отдельных её элементов и свойств) одного государства в юридическое пространство другой страны.

Ключевые слова: юридическая аккультурация, юридическая экспансия, правовая система, право, правосознание, юридическая практика, технология.

В начале статьи необходимо сделать следующее важное уточнение. Все авторы, употребляющие термины «аккультурация в праве» или «правовая аккультурация», явно сужают предмет исследования, так как объектами аккультурации являются не только нормы, принципы и институты права (элементы системы права), но и юридические термины и понятия, идеи и теории, элементы правотворческой и правоприменительной, судебной и следственной практик. Примерами тому могут служить заимствованные в конце 80-х годов прошлого века идеи естественного права, конституционного контроля и надзора, которые воплотились в создании Конституционного суда РФ, конституционных (уставных) судов субъектов Федерации. Точнее, таким образом, употреблять термин «юридическая аккультурация».

Сущность аккультурации заключается в том, что юридический опыт отдельных стран (Германии, Италии, Франции) заимствуется в правовом строительстве других стран. Так, выдающийся немецкий учёный Рудольф Иеринг писал: «Жизнь есть заимствование извне и внутреннее усвоение; рецепция и ассимиляция суть две основные функции, на бытии и равновесии которых покоится существование. Обречь организм на развитие «изнутри» – значит обречь его на умирание» [1, с. 8].

Известный американский учёный Алан Уотсон также полагал, что существенные изменения в подавляющем большинстве правовых систем происходят в результате заимствования [11, р. 111].

Многие отечественные (В.К. Бабаев, Н.А. Рябинин, Г.В. Швеков) и зарубежные (Р. Леже, Р. Кабриак, Н. Рулан) авторы отождествляют юридическую аккультурацию с экспансией [4]. Такая позиция представляется неверной. Юридическую аккультурацию можно определить как процесс воздействия

правовых систем различных стран друг на друга, а также результат этого воздействия, заключающийся в добровольном восприятии элементов одной из систем с целью совершенствования и развития другой правовой системы. Экспансия же выражается в насильственной юридической ассимиляции, в навязывании (порой весьма жестком) правовой системы (отдельных принципов, нормативно-правовых предписаний, юридических актов и правовых институтов, элементов юридических практик и культур, чуждых юридическим идеологиям и традициям) одного государства в юридическую жизнь другой страны (региона).

Юридическая аккультурация представляет собой определённую разновидность юридической технологии, которая включает следующие элементы: объекты и предметы, субъекты и участники, активные интеллектуальные внешние актуализированные действия субъектов и участников, средства (технику), совокупность способов, методов и правил использования средств (тактику), стратегические компоненты (планы и прогнозы), процессуальные формы (стадии, производства, режимы) и ресурсы, результаты и иные элементы.

Кратко рассмотрим отдельные из этих элементов. *Объектом* заимствования может быть любое юридическое явление (процесс, элемент), любой компонент правовой системы. Чаще всего импортируются отдельные юридические идеи и теории, правовые предписания и акты, юридические институты и конструкции, отдельные части юридических практик и культур. Например, Франция в свое время заимствовала бельгийский закон об отсрочке исполнения наказаний и английские положения о чеках. В свою очередь, в XIX в. подавляющее большинство стран импортировали Гражданский кодекс Франции 1804 г. и другие французские кодифицированные

акты, а в конце XIX – начале XX вв. в качестве популярных объектов аккультурации преобладают Германское гражданское уложение и швейцарские Гражданский и Обязательственный кодексы. При разработке новой Конституции РФ российские юристы (учёные и практики) обратились к юридическому опыту конституционно-правового регулирования общественных отношений, который был накоплен, прежде всего, в странах Западной Европы.

Импламентируемые элементы могут вызвать существенную мутацию в правовой системе, оказать значительное воздействие на экономические, политические и другие социальные процессы, на индивидуальную и общественную психологию в стране. В России примером могут служить введение института разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, образование Федерального собрания (парламента), Конституционного суда, суда присяжных, мировых судей. Поэтому всегда очень важно определить *объем, масштаб заимствования, степень адаптации* его к историческим, национальным традициям, культуре, тому юридическому наследию, которое создавалось в стране веками. По каждому вопросу, связанному с внедрением «чужого» юридического опыта, всегда нужны более или менее точные прогнозы экономистов, юристов, политологов, историков, социологов и других специалистов.

Этот аспект проблемы тесным образом связан с выяснением *пределов юридической аккультурации*. Здесь возникает масса самых различных вопросов, в том числе о конкуренции и коллизии конкретных юридических понятий и концепций, норм и нормативных правовых актов, институтов и отраслей права, техники, стратегии и тактики правотворческой и иных практик, об условиях восприятия и отторжения иностранного элемента юридической культуры. Безусловно, что кроме уже отмеченных выше существуют и другие конкретные объективные и субъективные, идеальные и материальные, экономические и политические, социальные и иные пределы аккультурации. Они могут быть естественными и искусственными. Их изучение применительно к конкретному обществу и его правовой системе позволит более оптимально трансплантировать «иностранные» элементы в правовую культуру страны, эффективно использовать юридический опыт одной или нескольких стран в правовой системе других государств. Определенной границей, «конечным» пределом юридической аккультурации является нарушение внутреннего единства и функционирования правовой системы конкретного общества, ее целостности, гармоничного взаимодействия с другими социальными системами, внесением дезорганизации в ту или иную сферу общественной жизни.

Вопрос о пределах непосредственно связан с проблемой *детерминации юридической аккуль-*

турации, наличием достаточно качественного и эффективного механизма адаптации чужого опыта в условиях данной страны. Многие недостатки обусловлены низким уровнем правовой культуры ее субъектов и участников, прежде всего законодателей и правоприменителей, пробельностью и противоречивостью права, практики его толкования и реализации страны-реципиента, в слабой развитости ее правовой системы в целом, в стремлении неоправданно ускоренными темпами догнать и перегнать в правовом развитии другие страны. Например, соображениями оперативности руководствовались члены комиссии по подготовке проекта Гражданского кодекса Румынии 1865 г., работа над которым продолжалась всего 40 дней. Столько времени ей понадобилось, видимо, как не без сарказма замечает Р. Кабриак, чтобы перевести с французского на румынский язык и отредактировать текст Кодекса Наполеона 1804 г. [2, с. 436 и след]. В спешке создавались Конституция СССР 1977 г. и Конституция РФ 1993 г., Налоговый кодекс РФ, Закон СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» 1989 г., которые механически копировали отдельные положения западного законодательства, не учитывали социальную и политическую обстановку в нашей стране и игнорировали ряд международных трудовых стандартов.

В отечественной и западной литературе (Д. Аджани, Н. Неновски, М.В. Немытина) верно обращают внимание, что в процессе юридической аккультурации и адаптации чужого юридического и иного социального опыта в рамках страны-реципиента следует выделять несколько *стадий*, а именно: изучение в «родной» среде привносимых из-за рубежа компонентов на теоретическом, нормативном и практическом уровнях; оценку экономических, политических и иных факторов, в которые будут «встраиваться» новые юридические элементы, выяснение их соответствия особенностям правосознания, культуре, укладу жизни, предшествующему юридическому опыту страны-импортера; апробация вводимых конструкций в виде малых моделей, проведение экспериментов, выявление позитивных и негативных факторов, влияющих на адаптацию; прогнозирование разнообразных социально-правовых ситуаций, связанных с имплантацией новых юридических компонентов в правовой системе конкретной страны; принятие решений на властном уровне, оформление и закрепление зарубежных юридических новелл в нормативных правовых актах; переход на уровень социальных и юридических практик, который должен сопровождаться проведением *мониторинга* и иных исследований с целью выявления «узких мест» и «сильных сторон» заимствованного юридического материала; трансляция полученных знаний через систему образования и СМИ в среду право-

применителей и населения страны; корректировка содержания и форм права, правосознания и юридической практики в соответствии с введением новых юридических компонентов к потребностям общественного развития страны-импортера [5, с. 76 и след.]. Следует также согласиться с Д. Аджани, что инициатива в этом процессе должна во все исторические периоды исходить от «принимавшей правовой системы» [8, р. 97].

Эффективная юридическая аккультурация может зависеть также от следующих факторов: а) профессионального уровня практикующих юристов (например, кодексы, разработанные в конце XIX в. в Японии по французскому и немецкому образцам, внесли лишь дезорганизацию в ее правовую систему, поскольку японские судьи не знали и не понимали основ западного права, путали гражданские дела с делами уголовными); б) от качества юридического образования и науки (например, тунисский Кодекс обязательств и договоров 1906 г. не действовал реально более 60 лет в связи с отсутствием надлежащего доктринального и дидактического обеспечения); в) существенное значение имеет престиж страны и уровня качества импортируемых компонентов правовой системы конкретного общества (например, политический и правовой престиж Франции, научный и практически-прикладной потенциал уголовного законодательства данной страны играет важную роль в распространении института уголовной ответственности за преступления организаций, частных и публичных юридических лиц во многих государствах мира, в том числе и России); г) правовая аккультурация должна обуславливаться экономической, политической, социальной и культурной близостью между отдельными странами и их правовыми системами (но из этого общего положения могут быть и исключения, например Турция в 1926 году заимствовала швейцарский Гражданский кодекс); д) на выбор импортируемых элементов правовой системы существенное влияние оказывает схожесть и идентичность языка народов (например, для многих стран Латинской Америки характерными являются испанские и португальские варианты юридического заимствования); е) безусловно, что однотипность правовых семей выступает в качестве важнейшего фактора, определяющего оперативность, объем и степень аккультурации (так, в рамках романо-германской правовой семьи этот процесс проходит менее болезненно, чем заимствование этой семьей компонентов англо-американской и мусульманской правовых систем).

Юридическая аккультурация имеет больше шансов на успех в случаях, когда она является частичной, постепенно и ненавязчиво внедряется в новый уклад жизни, правовое пространство и регулирование, поведение людей с иной культурой, общественным и правовым порядком.

В этом плане предпочтительнее *средства (техника) и способы (тактика)* косвенного или промежуточного заимствования. Подобная технология возможна через юридическую доктрину и так называемую «промежуточную аккультурацию». Примером последней может служить тот исторический факт, что Кодекс Наполеона 1804 г. был взят для образца при разработке египетского Гражданского кодекса 1949 г., который был воспринят в мусульманском мире как кодекс исламской страны и потому скопирован многими иными арабскими странами (Сирией в 1949 г., Ираком в 1953 г., Ливией в 1954 г., Алжиром в 1975 г.). Многие французские компаративисты и историки (Р. Кабриак, М. Рулан и др.) пишут, что аргентинский Гражданский кодекс 1869 г. многое заимствовал из французского Гражданского кодекса 1804 г., но не прямо, а косвенно – через работы Пуатье, которые наложили существенный отпечаток на цивилистические воззрения одного из основных разработчиков аргентинской кодификации Велеса Сарсфельда [2, с. 449].

Результат юридической аккультурации может быть благоприятным и неблагоприятным. Взаимовлияние правовых систем разных стран друг на друга приводит, во-первых, к акцептации, то есть безусловному принятию иностранного элемента, он как бы естественно «вписывается» в новую правовую систему (примеров тому мы привели достаточно); во-вторых, к адаптации, то есть имплантируемый элемент постепенно приспосабливается к новым условиям (так, в России законодательство об акционерных обществах открытого и закрытого типа постепенно внедрялось в юридическую и хозяйственную практики); в-третьих, к отторжению заимствованного юридического имплантата (Судан в свое время принял Гражданский кодекс, который так и не смог реально воплотиться в жизнь, поскольку суданские судьи изучали в университетах англо-саксонское Common law и не были готовы к восприятию романо-германской системы гражданского права) [6, с. 437].

Результатом юридической аккультурации, как мы уже отмечали, могут стать также существенные экономические, политические, социальные, правовые, культурные, социально-психологические изменения и прочие последствия в индивидуальном и надындивидуальном сознании людей и их коллективов, обществе в целом. Так, проведение в России приватизации, заимствование новых организационно-правовых форм хозяйствования, правового регулирования земельных, финансовых, трудовых и иных общественных отношений постепенно привело, с одной стороны, к позитивным структурным и функциональным изменениям в экономической, политической и правовой системах российского общества, а с другой – к негативным последствиям: социальному расслоению населения страны, внедрению индивидуалистической психологии,

деформациям нравственного и правового сознания, проявлению различных типов и форм юридической антикультуры.

Таким образом, заимствование прогрессивного юридического опыта должно контролироваться на всех стадиях данного процесса с целью минимизировать проявления негативных результатов и последствий в различных сферах жизнедеятельности страны-реципиента.

Как мы уже отмечали, *юридическая экспансия* нередко отождествляется с правовой аккультурацией, поскольку в обоих случаях речь идет о взаимодействии, взаимовлиянии правовых систем друг на друга, о восприятии одной из них разнообразных свойств (элементов, сторон), характерных для иной национальной правовой системы. Сходство между правовой аккультурацией и экспансией может выражаться в их объектах, формах, пределах и других компонентах.

Основное же различие, которое и определяет самостоятельность этих явлений, заключается в средствах (технике), приемах, способах и методах (тактике), принципах и результатах юридического влияния. Если сущность правовой аккультурации выражается в добровольном заимствовании, обмене юридическим опытом, передаче этого опыта, то экспансия – в насильственной юридической ассимиляции, в навязывании правовой системы (отдельных правовых институтов, элементов юридических практик и культур, чуждых юридических идеологий и традиций) одного государства в юридическую жизнь другой страны (региона) [3; 7]. В качестве классического примера можно привести навязывание французского Гражданского кодекса Италии в период наполеоновских завоеваний, которое закончилось отторжением данного Кодекса из правовой системы страны.

Процесс юридической экспансии довольно сложен, и его, как и правовую аккультурацию, можно представить в качестве определенной технологии, которая включает объекты и предметы субъектов и участников, их действия и операции, совокупность средств (технику) способов и методов (тактику), масштабы и уровни, временные и пространственные пределы, процессуальные формы и ресурсообеспеченность, результаты и другие элементы.

Важность выделения указанных компонентов имеет не только чисто теоретическое значение, позволяя достаточно широко и глубоко исследовать этот процесс, но и играет существенную политическую, идеологическую и практическую роль, поскольку дает определенные представления о юридической политике отдельных государств по отношению к другим, о целях, которые при этом преследуются, и результатах воплощения соответствующих целей и политики.

Экспансия (от лат. *expansio* – распространение) во всех ее разновидностях (в том числе и юриди-

ческая) свойственна не только природе рабовладельческого, феодального и буржуазного обществ, как нередко об этом пишут в литературе, но и социалистическим (бывшим и настоящим) странам. Можно с уверенностью говорить, например, о существовании в недавнем прошлом советской юридической экспансии в странах Восточной Европы, бывшей Юго-Западной Азии, Африки и Латинской Америки.

Она также характерна и для внутригосударственных отношений. В этом можно легко убедиться, рассматривая, например, взаимодействие между федеральными органами власти и субъектами Российской Федерации, влияние отдельных субъектов Федераций друг на друга. Как показывает современная практика, свою юридическую политику навязывает не только центр регионам, но и наоборот, субъекты Федерации федеральным органам власти. Иными словами, субъектами экспансии могут быть любые лица или органы и организации, представители страны, навязывающие свои юридические ценности другим государствам, регионам, союзам. Примером может служить юридическая политика США в отношении Ирана, Китая, России, Северной Кореи, Евросоюза.

Рассмотрим отдельные элементы данной юридической технологии. *Предметом* юридической экспансии могут быть любые компоненты правовой системы общества (законодательные акты, идеи, конструкции). Анализ Гражданского кодекса Египта 1949 г., например, показал, что следы юридической экспансии особенно заметны в разделах, посвященных обязательствам и договорам. В настоящее время России навязывается идея о том, что судебные прецеденты должны стать вместе с законами важнейшими формально юридическими источниками права.

Масштаб распространения, навязывания правовой культуры одних стран в юридическую жизнь других может носить как частный, так и глобальный характер. Всеобъемлющее значение юридической экспансии характерно для тех стран, которые раньше находились в колониальной зависимости от метрополии и/или в настоящее время находятся в экономической и политической и военной зависимости от стран «экспортеров». В этих государствах, как правило, продолжают действовать правовые институты и учреждения, сформированные еще в колониальный период. Например, Уголовный кодекс Португалии 1886 г. был навязан Анголе и Мозамбику, многим другим странам и действовал длительное время уже после освобождения этих государств от колониального гнета.

Юридическая экспансия тесным образом связана с экономической, политической и идеологической экспансией. Так, в основе юридической экспансии со стороны СССР (да и ряда других социалистических стран) лежала важнейшая идеоло-

гическая и политическая установка на мировую социалистическую революцию. Были предприняты и практические шаги к ее воплощению.

Кроме того, юридическая экспансия оказывает существенное воздействие на экономические, политические и иные социальные процессы, на индивидуальную и общественную психологию в тех странах, которым навязываются те или иные юридические учреждения и институты. Последний аспект проблемы особенно важно учитывать, поскольку указанное воздействие может иметь как отрицательное (ярким примером в настоящее время является Украина), так и положительное значение (информационная, политическая, экономическая и идеологическая экспансия со стороны США и стран Евросоюза привела к укреплению Российского государства в различных сферах его жизнедеятельности).

В результате насильственной ассимиляции не всегда происходит отторжение навязываемого правового института. Здесь, как и при правовой аккультурации, возможна акцептация либо адаптация, то есть экспортируемый элемент либо сразу вписывается в новую правовую систему, либо постепенно приспособливается к новым условиям. В качестве примера можно привести внедрение института эстоппель в российское гражданское право из романо-германской и англосаксонской правовых семей. В данном случае использовались технологии юридической аккультурации и экспансии [9, p. 202–223].

Вопросы, поднятые в этой статье, требуют самостоятельного и достаточно глубокого исследования. В заключение хотелось отметить одно очень существенное обстоятельство. Как показывает анализ исторического, социально-политического и юридического опыта, не только объектами, но и субъектами правовой экспансии могут быть и так называемые «развивающиеся» государства и регионы. Поэтому политика и практика правовой (экономической, идеологической, политической) экспансии свойственна всем странам и регионам, различным субъектам права.

Библиографический список

1. *Иеринг Р.* Борьба за право. – СПб.: Тип.-лит. А.Г. Розена, 1908. – 63 с.
2. *Кабрияк Р.* Кодификации. – М.: Статут, 2007. – 476 с.
3. *Карташов В.Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 1995. – 139 с.
4. *Карташов В.Н.* Преемственность в правовой системе общества: методологические основы

исследования // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 10–18.

5. *Немытина М.В.* Право России как интеграционное пространство. – Саратов: Научная книга, 2008. – 260 с.

6. *Норбер Р.* Историческое введение в право. – М.: NOTA BENE, 2005. – 672 с.

7. *Тверякова Е.А.* Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – 190 с.

8. *Ajani Gianmaria.* By Chance and Prestige: Legal Transplants in Russia and Eastern Europe // *American Journal of Comparative Law*. – 1995. – № 1 (Winter). – P. 93–117.

9. *Nolan D.* Following in their Footsteps: Equitable Estoppel in Australia and the United States // *King's Law Journal*. – 2000, Vol. 11. – №2. – P. 202–223.

10. *Trusen W.* Anfänge des gelehrten rechtsin Deutschland. – Weisbaden, 1962. – 286 s.

11. *Watson Alan.* Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. – Athens, University of Georgia Press, 1993. – 280 p.

References

1. *Iering R.* Bor'ba za pravo. – SPb.: Tip.-lit. A.G. Rozena, 1908. – 63 s.
2. *Kabriyakh R.* Kodifikatsii. – M.: Statut, 2007. – 476 s.
3. *Kartashov V.N.* Vvedenie v obshchuyu teoriyu pravovoy sistemy obshchestva. CH. 1. – Yaroslavl': YArGU, 1995. – 139 s.
4. *Kartashov V.N.* Preemstvennost' v pravovoy sisteme obshchestva: metodologicheskie osnovy issledovaniya // *YUridicheskaya tekhnika*. – 2011. – № 5. – S. 10–18.
5. *Nemytina M.V.* Pravo Rossii kak integratsionnoe prostranstvo. – Saratov: Nauchnaya kniga, 2008. – 260 s.
6. *Norber R.* Istoricheskoe vvedenie v pravo. – M.: NOTA BENE, 2005. – 672 s.
7. *Tveryakova E.A.* YUridicheskaya ekspansiya: teoretiko-istoricheskoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. – N. Novgorod, 2002. – 190 s.
8. *Ajani Gianmaria.* By Chance and Prestige: Legal Transplants in Russia and Eastern Europe // *American Journal of Comparative Law*. – 1995. – № 1 (Winter). – P. 93–117.
9. *Nolan D.* Following in their Footsteps: Equitable Estoppel in Australia and the United States // *King's Law Journal*. – 2000, Vol. 11. – №2. – P. 202–223.
10. *Trusen W.* Anfänge des gelehrten rechtsin Deutschland. – Weisbaden, 1962. – 286 s.
11. *Watson Alan.* Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. – Athens, University of Georgia Press, 1993. – 280 p.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ
СФЕРЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Несмотря на отсутствие легальной дефиниции сферы правового регулирования, указанная правовая категория остается незаменимой при рассмотрении вопросов, связанных с разумным и обоснованным использованием юридических инструментов как средств социальной регуляции. Рассмотрение понятия и основных признаков, присущих сфере правового регулирования, а также ее ключевых свойств, таких как ширина и глубина, не подлежавших ранее непосредственному правовому анализу, способствует наиболее подробному раскрытию указанной правовой категории. В статье также указывается на присущий правовому регулированию (а также сфере правового регулирования) динамический характер, осуществляемый посредством особого динамического инструментария. Делается вывод о развитии сферы и пределов правового регулирования по четырем основным направлениям – расширение, сужение, углубление и обобщение.

Ключевые слова: правовое регулирование, сфера правового регулирования, пределы правового регулирования, динамика правового регулирования, ширина сферы правового регулирования, глубина сферы правового регулирования.

Право, выступая в качестве одного из наиболее важных регуляторов общественных отношений, оказывает определяющее влияние на пределы государственного воздействия, а также формирование механизма принудительного исполнения воли государства и защиты законных прав и интересов субъектов общественных отношений [13, с. 317].

В правовой литературе высказывалось мнение, что сфера правового регулирования указывает на ту область социального пространства, в которой право способно оказывать прогрессивно-преобразующее воздействие на общественную жизнь, направлять человеческую деятельность и способствовать ее развитию [7, с. 78]. В частности, указывалось, что «правильное определение сферы и пределов правового регулирования необходимо для того, чтобы исключить использование юридических инструментов в сферах взаимодействия людей, требующих иных средств социальной регуляции» [5, с. 107].

В настоящее время в юридической науке единое понимание сферы правового регулирования однозначно не сформировалось. Учитывая указанное обстоятельство, считаем необходимым рассмотреть различные взгляды на понятие «сфера правового регулирования», сформировавшиеся за незначительный период его изучения.

В правовой литературе данная категория употребляется как в широком, так и в узком значении. В узком значении под сферой правового регулирования понимается некая общность однородных общественных отношений, замкнутая область определенных взаимосвязанных конкретных отношений (жилищных, таможенных, биржевых и т. д.) [6, с. 11]. В широком же смысле под сферой правового регулирования принято понимать «совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно могут

и с точки зрения современных задач государства должны быть или уже подвергнуты правовой регламентации» [15, с. 64].

Сфера правового регулирования охватывает устойчивые отношения, относительно самостоятельные подсистемы человеческой деятельности и включает наиболее важные отношения между социальными общностями, внутри этих общностей, между отдельными личностями, которые нуждаются в регулировании посредством права, то есть могут пройти через сознание людей, формируя их волю и поведение [4, с. 215].

Нередко в научных работах в качестве основных, наиболее значимых свойств, характеризующих сферу правового регулирования, называются ширина и глубина правового регулирования.

В настоящее время однозначное понимание вышеприведенных правовых категорий отсутствует. Указывалось, что под шириной может пониматься охват правовым регулированием как можно большего количества общественных отношений, которые могут быть подвергнуты правовому регулированию и нуждаются в указанном регулировании, а под глубиной – детальная (глубокая) регламентация регулируемых общественных отношений [19, с. 291].

В отечественной правовой науке право рассматривается как постоянно развивающийся и изменчивый нормативный регулятор общественных отношений. Право, являясь первоосновой правовой системы, всегда динамично. В этой связи вопросы правового регулирования следует решать согласно характеру и темпу его движения [9, с. 12].

Рассмотрение права в действии, сообразно заложенным в нем закономерностям, позволяет увидеть его наиболее существенные стороны. Понятие «правовое регулирование» является основной научной категорией, через которую реализуется такая научная перспектива. С точки зрения С.С. Алексеева, ключевой особенностью правового регулирования, отличающей его от иных социальных

регуляторов, является наличие «динамического инструментария» – «особого, свойственного только праву механизма, всего комплекса динамических систем и структур, призванных юридически гарантировать достижение правовых задач в рамках определенных типов, моделей юридического воздействия на общественные отношения» [1, с. 317].

Понятия «динамика правового регулирования» и «динамика сферы правового регулирования» являются общеупотребимыми, часто упоминаются в отечественной правовой литературе и рассматриваются преимущественно как тождественные. Вместе с тем единое понимание указанных категорий в настоящее время отсутствует.

Слово «динамизм», а также являющееся его синонимом слово «динамика» имеет иноязычное происхождение. Оно было заимствовано французским языком из греческого, в котором слово *dynamis* означало «сила», «мощь», и в первой половине XIX века трансформировано в новообразование *dynamisme* – подвижность, стремление, развитие действия [11].

В силу многообразия и непрекращающегося развития общественных отношений в научной литературе и нормативных источниках не приводится исчерпывающего перечня общественных отношений, которые в обязательном порядке подлежат правовому регулированию, либо перечня сфер правового регулирования.

Как отмечает Д.А. Лагун, «каждое государство, его органы в поисках оптимального варианта правового регулирования общественных отношений могут допускать известные колебания в определении совокупности отношений, урегулированных правом» [14, с. 64]. Необходимость нормативного правового регулирования различных категорий общественных отношений устанавливается законодательным либо иным уполномоченным на установление общеобязательных правил поведения органом. Соответствующие решения указанных органов о необходимости такого регулирования отражаются в динамике развития сферы правового регулирования в зависимости от изменения интересов участников общественных отношений, а также иных субъективных факторов (экономического, социального, духовно-культурного уровня развития общества на данном этапе его развития) [16, с. 258].

В юридической науке получила широкое распространение концепция расширения сферы правового регулирования. Коротко описать указанный процесс можно как включение в сферу правового регулирования новых, ранее не урегулированных правом общественных отношений. Внешним проявлением указанного процесса, как часто полагают, служит рост законодательного массива. Высказывалось мнение, что одной из причин наблюдаемой в настоящее время интенсивной модернизации законодательства Российской Федерации

является именно расширение сферы правового регулирования [10, с. 15]. Эта сфера расширяется за счет новых, ранее неизвестных общественных отношений, а также распространения правового регулирования на давно сформировавшиеся общественные отношения, долгое время, однако, оставшиеся за пределами правового регулирования.

Указанная позиция не является общепризнанной. Например, Н.В. Сильченко считает, что «издавая закон, законодатель тем самым как бы официально признает правовой характер общественных отношений, которые собирается упорядочить, но не расширяет сферу правового регулирования. Отсюда следует, что при издании новых законов далеко не всегда происходит расширение, а тем более укрепление нормативной основы правовой системы» [17, с. 77].

Таким образом, допускается возможность существования иных процессов, направлений движения сферы правового регулирования. В частности, возможность ее сужения за счет отказа от использования права в тех или иных областях общественных отношений. Данный процесс описал Д.А. Лагун, указавший, что «с отменой нормативных правовых актов часть общественных отношений может выпадать из сферы правового регулирования, утрачивать правовой характер и переходить в сферу регулирования иными социальными регуляторами (моралью, обычаями и т. д.)» [14, с. 64].

В качестве примера сужения сферы правового регулирования приводится использование в мусульманских странах священных текстов, в частности Корана, фактически занимающего место нормативного правового акта [3, с. 8]. Но в целом указанная ситуация является скорее исключением, нежели правилом, поскольку процессы глобализации и всеобщее распространение информационных технологий способствуют существенному повышению уровня правового образования и правовой культуры, что, в свою очередь, оказывает существенное воздействие на распространение правовых средств регулирования.

Отдельной тенденцией развития сферы правового регулирования является углубление правового регулирования.

О важности глубины правового регулирования неоднократно упоминалось в юридической литературе. Например, исследователь Э.К. Утяшов указывал, что стабильность и высокая эффективность работы механизма правового регулирования может быть достигнута только посредством полной детализации внутренних элементов нормативного правового акта [18, с. 256].

Считаем возможным согласиться с указанным мнением. Углубление сферы правового регулирования крайне важно для повышения эффективности права, но указанный процесс в настоящее время остается слабо изученным. В частности, отсутству-

ет описание конкретных мер и факторов, способствующих развитию рассматриваемого процесса.

При этом углубление сферы правового регулирования не всегда рассматривается как положительная тенденция. Указывалось, что углубление правового регулирования проявляется в целом ряде относительно самостоятельных тенденций, прежде всего в детальной правовой регламентации общественных отношений, которая не только не приносит никакой пользы, а, напротив, существенно усложняет правоприменительную деятельность и способно привести к одному из наиболее распространенных недостатков, связанных с правовым регулированием, – бюрократизации [8, с. 13–14].

Углубление правового регулирования также способно привести к излишней конкретизации правовых норм. Предполагалось, что при неправильном применении конкретизация способна «уничтожить» саму суть некоторых юридических феноменов. В качестве примера В.М. Баранов приводит оценочные понятия, многие из которых исчезли по причине их излишней конкретизации [2, с. 606].

Значимое наблюдение относительно современного состояния процесса углубления сферы правового регулирования было сделано доктором юридических наук Н.В. Ковалевой в исследовании, посвященном технико-юридическому регулированию, под которым автором понимается специфический элемент правового регулирования, направленный на упорядочивание определенной предметной деятельности субъектов, детализирующий (конкретизирующий) их права и обязанности (уточняя содержание) в структуре правоотношений [12, с. 14].

В указанном исследовании обосновывается тот факт, что именно технико-юридическое регулирование в известной мере «закладывает» уровень глубины правового регулирования, в некоей степени обеспечивая его пределы на определенном участке общественных отношений [12, с. 14]. Учитывая возросшее количество источников технико-юридических норм (например, технических регламентов), считаем возможным согласиться с указанным выводом.

При этом, учитывая, что процессы, затрагивающие глубину и ширину сферы правового регулирования, могут происходить в обоих направлениях, считаем возможным предположить, что существует процесс, обратный углублению сферы правового регулирования, который может быть назван «обобщением сферы правового регулирования». Его можно описать как сокращение количества норм права при сохранении прежнего объема регулируемых общественных отношений. В результате указанного процесса уменьшается глубина правового регулирования, а детально прописанные правила поведения становятся менее подробными, то есть «обобщаются». Несмотря на свою значимость

для изучения динамических процессов, затрагивающих сферу правового регулирования, данный процесс ранее не становился предметом изучения, а также не назывался в правовой литературе. Таким образом, термин «обобщение сферы правового регулирования» предлагается автором для последующего использования.

Подводя итог, предлагаем считать, что сфере правового регулирования свойственны следующие основные направления развития: расширение и сужение (то есть воздействие на ширину сферы правового регулирования), а также углубление и обобщение (воздействие, оказываемое непосредственно на глубину сферы правового регулирования). Несмотря на то, что указанные процессы являются естественной частью развития права, возможно как положительное воздействие указанных процессов на сферу правового регулирования, так и отрицательное. Их изучение может являться тематикой дальнейших исследований различного уровня.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001. – 748 с.
2. *Баранов В.М.* Очерки техники правотворчества: избранные труды. – Н. Новгород, 2015. – 586 с.
3. *Белякович Е.В.* Понятие и пределы правового регулирования // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 4 (35). – С. 3–9.
4. *Вашкевич С.В.* Сфера правового регулирования: проблемы определения и соотношения с предметом правового регулирования // Юстиция Белоруссии. – 2017. – № 9. – С. 212–222.
5. *Гойман В.И., Радько Т.Н.* Право в системе нормативного регулирования // Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. – М., 1999. – 520 с.
6. *Дробязко С.Г.* Предмет, сфера, объект правового регулирования в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Выбр. навуц. пр. Бел. дзярж. ун-та: у 7 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.law.bsu.by/pub/31/Drobyazko_24.pdf.
7. *Егоров А.М.* Правовая глобализация и существенные представления о праве в современной России // Пробелы в российском законодательстве: юридический журнал. – 2010. – № 4. – С. 77–80.
8. *Зайцева Е.С.* Пределы правового регулирования в правотворческой политике современного российского государства // Академический юридический журнал. – 2016. – № 2 (64). – С. 11–17.
9. *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России: монография. – М., 2015. – 416 с.
10. *Калинин П.А.* Понятие и общая характеристика принципов российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 1 (90). – С. 15–21.

11. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.

12. Ковалева Н.В. Техничко-юридическое регулирование промышленного производства Российской империи XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015. – С. 64.

13. Козыревская Л.А. Формы и методы правового регулирования корпоративных отношений // Право и демократия: сб. науч. тр. – Минск: БГУ, 2008. – Вып. 19. – 351 с.

14. Лагун Д.А. Общая теория права: курс лекций [Электронный ресурс]. – Минск: БГУ, 2010. – 184 с.

15. Лазарев В.В. Определение сферы правового регулирования // Правоведение. – 1980. – № 5. – С. 64–71.

16. Медяков Т.С. Ограничение динамики в правовом регулировании // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 257–260.

17. Сильченко Н.В. Совершенствование нормативной основы правовой системы // Советское государство и право. – 1989. – № 11. – С. 77–78.

18. Утяшов Э.К. Правовые режимы: понятие, признаки, структура, методы правового регулирования // Право и политика. – 2014. – № 2 (170). – С. 252–259.

19. Чекурда Е.А. Проблема правового регулирования института фискалитета в России в начале XVIII века // Вестник Омского университета. Сер.: Право. – 2012. – № 3 (32). – С. 291–292.

References

1. Alekseev S.S. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya. – М., 2001. – 748 с.

2. Baranov V.M. Ocherki tekhniki pravotvorchestva: izbrannye trudy. – N. Novgorod, 2015. – 586 с.

3. Belyakovich E.V. Ponyatie i predely pravovogo regulirovaniya // Sibirskij juridicheskij vestnik. – 2006. – № 4 (35). – С. 3–9.

4. Vashkevich S.V. Sfera pravovogo regulirovaniya: problemy opredeleniya i sootnosheniya s predmetom pravovogo regulirovaniya // YUsticiya Belorussii. – 2017. – № 9. – С. 212–222.

5. Gojman V.I., Rad'ko T.N. Pravo v sisteme normativnogo regulirovaniya // Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: ucheb. / pod red. V.V. Lazareva. – М., 1999. – 520 с.

6. Drobyazko S.G. Predmet, sfera, ob"ekt pravovogo

regulirovaniya v usloviyah formirovaniya social'nogo pravovogo gosudarstva i pravovogo grazhdanskogo obshchestva // Vybr. navuk. pr. Bel.dzyarzh. un-ta: u 7 t. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.law.bsu.by/pub/31/Drobyazko_24.pdf.

7. Egorov A.M. Pravovaya globalizaciya i sushchnostnye predstavleniya o prave v sovremennoj Rossii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve: yuridicheskij zhurnal. – 2010. – № 4. – С. 77–80.

8. Zajceva E.S. Predely pravovogo regulirovaniya v pravotvorcheskoj politike sovremennogo rossijskogo gosudarstva // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. – 2016. – № 2 (64). – С. 11–17.

9. Zor'kin V.D. Civilizaciya prava i razvitie Rossii: monografiya. – М., 2015. – 416 с.

10. Kalinin P.A. Ponyatie i obshchaya harakteristika principov rossijskogo zakonodatel'stva // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2013. – № 1 (90). – С. 15–21.

11. Kerimov D.A. Filosofskie problemy prava. – М.: Mysl', 1972. – 472 с.

12. Kovaleva N.V. Tekhniko-yuridicheskoe regulirovanie promyshlennogo proizvodstva Rossijskoj imperii XIX – nachala XX vekov: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – М., 2015. – С. 64.

13. Kozyrevsкая L.A. Formy i metody pravovogo regulirovaniya korporativnyh otnoshenij // Pravo i demokratiya: sb. nauch. tr. – Minsk: BGU, 2008. – Vyp. 19. – 351 с.

14. Lagun D.A. Obshchaya teoriya prava: kurs lekcij [Elektronnyj resurs]. – Минск: БГУ, 2010. – 184 с.

15. Lazarev V.V. Opredelenie sfery pravovogo regulirovaniya // Pravovedenie. – 1980. – № 5. – С. 64–71.

16. Medyakov T.S. Ogranichenie dinamiki v pravovom regulirovanii // YUridicheskaya tekhnika. – 2018. – № 12. – С. 257–260.

17. Sil'chenko N.V. Sovershenstvovanie normativnoj osnovy pravovoj sistemy // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1989. – № 11. – С. 77–78.

18. Utyashov E.K. Pravovye rezhimy: ponyatie, priznaki, struktura, metody pravovogo regulirovaniya // Pravo i politika. – 2014. – № 2 (170). – С. 252–259.

19. CHEkurda E.A. Problema pravovogo regulirovaniya instituta fiskaliteteta v Rossii v nachale XVIII veka // Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo. – 2012. – № 3 (32). – С. 291–292.

РАЗВИТИЕ СТАНДАРТОВ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена исследованию нормативов банковской деятельности в Европейском союзе. В статье рассматриваются механизмы, определяющие нормативы правового регулирования банковской деятельности в Европейском союзе. Автор исследует как механизмы гармонизации законодательств государств-членов внутри ЕС, так и международные механизмы регулирования банковской деятельности, в частности «Базель – III» и его влияние на развитие права Европейского союза. В статье проанализированы меры правового регулирования, направленные на защиту банковской системы ЕС.

Ключевые слова: правовое регулирование банковской деятельности, финансовая политика Европейского союза, единый рынок финансовых услуг Европейского союза, экономический и валютный союз, достаточность капитала, рыночные риски, «Базель – III», рынок ценных бумаг.

Европейский союз (ЕС) на сегодняшний день является интеграционным объединением, которое достигло наивысшей степени интеграции – создания экономического и валютного союза. Эта сфера является одной из наисложнейших в европейском интеграционном процессе, поскольку в отличие от начального этапа европейской интеграции, когда много говорили об усилении наднационального момента в интеграционном процессе, на сегодняшний день в Европейском союзе сформировалась тенденция к четкому соблюдению принципов соразмерности и пропорциональности в процессе решения вопросов, связанных с наделением полномочиями органов ЕС. Эта тенденция в явной форме просматривается в учредительных договорах Европейского союза. Поэтому на примере регулирования банковской деятельности в Европейском союзе можно продемонстрировать всю сложность и многоаспектность правового механизма, созданного ЕС в процессе углубления интеграции в рамках экономического и валютного союза. Эта сфера является наисложнейшей для формирования правового поля экономического и валютного союза ввиду ее «суверенитетомкости» и, следовательно, важности «не столько текста договора, сколько его контекста» [18].

Если же обратиться к оценке возможностей использования правового опыта Европейского союза для развития интеграции в рамках других интеграционных объединений, не достигших той степени развития интеграции, которая позволила бы осуществлять правовое регулирование деятельности кредитных учреждений на уровне интеграционного сообщества, то здесь целесообразно привести определение интеграционного права, сформулированное С.Ю. Кашкиным: «Интеграционное право не может рассматриваться как правовая система какого-либо интеграционного объединения, а представляет собой “собирательную совокуп-

ность” норм, реально существующих в мире интеграционных правовых систем» [1].

Помимо указанных выше сложностей, правовое регулирование деятельности кредитных учреждений на территории ЕС осложняется необходимостью учета правил, выработанных Базельским комитетом. Эти правила, как будет показано ниже, имплементируются актами вторичного права ЕС, что является основанием для привлечения к ответственности на уровне Союза за неисполнение базельских правил, обретших форму норм актов вторичного права Европейского союза.

Основы правового регулирования единого правового пространства в рассматриваемой сфере были заложены еще Договором об учреждении Европейского экономического сообщества (1957), который провозгласил необходимость создания общего рынка к 1986 году, и, далее, Единым европейским актом (1986). Государства-члены ЕС (тогда – Европейских сообществ) в период становления единого внутреннего рынка также осуществляли взаимодействие на универсальной основе, что зафиксировано в «Белой книге» Европейской комиссии «О создании внутреннего рынка» (июнь, 1985) [3].

Существенную роль в формировании правового поля для деятельности кредитных учреждений в Европейском экономическом сообществе сыграли акты вторичного права. Важнейшим из них является Директива № ЕС 73/183/ЕЭС от 28 июня 1973 г. «Об отмене ограничений на право учреждения и право свободного предоставления услуг в отношении самостоятельной деятельности банков и иных финансовых организаций» [4]. Хотя указанная Директива не предусматривала гармонизацию национального законодательства государств-членов в соответствии с какими-либо едиными стандартами в сфере регулирования деятельности кредитных учреждений, а, напротив, гарантировала предоставление национального режима всем кредитным организациям, действующим на тер-

ритории того или иного государства-члена, она играла чрезвычайно важную роль. Значение этой Директивы в развитии правового регулирования деятельности кредитных учреждений на территории ЕС состоит в том, что она отменила существовавшие ранее ограничения на свободу учреждения в финансовой сфере и, следовательно, на оказание банковских услуг. Таким образом, именно указанная Директива легла в основу развития правового регулирования банковской деятельности на территории нынешнего Европейского союза.

Следующим, не менее важным, актом вторичного права в рассматриваемой сфере является Директива № 77/780/ЕЭС «О координации законодательства, правил и административных положений, регулирующих порядок организации и деятельности кредитных учреждений» [9]. Эта Директива сформулировала общие стандарты лицензирования банковской деятельности; ввела такое понятие, как «обособленное подразделение кредитной организации», и, следовательно, возможность для открытия филиалов кредитных организаций «третьих стран» (по соглашению с государством-членом ЕЭС).

Еще одним важнейшим актом вторичного права, сыгравшим важнейшую роль в правовом регулировании деятельности кредитных учреждений на территории ЕС, стала Директива № 89/646/ЕЭС от 15 декабря 1989 года «О координации законодательства, правил и административных положений, регулирующих порядок создания и деятельности кредитных учреждений и внесении изменений в Директиву 77/780/ЕЭС» [16].

Эта Директива знаменует собой закрепление основных характеристик процесса формирования в ЕЭС единого рынка банковских услуг, поскольку именно она ввела стандартные правила осуществления банковского надзора на территории ЕЭС, действующие во всех государствах-членах. Директива закрепила также принцип признания банковских лицензий на всей территории ЕЭС, что позволило кредитным учреждениям, получившим лицензию на осуществление своей деятельности в одном государстве, осуществлять данную деятельность (согласно лицензии) на территории другого государства-члена без получения каких-либо дополнительных разрешений. Здесь следует также отметить, что, согласно указанной Директиве, контроль над банковской деятельностью должен осуществляться надзорными органами того государства, где данное кредитное учреждение было зарегистрировано.

Следующей важной вехой в формировании единого правового пространства рынка банковских услуг на территории ЕЭС стало принятие Директивы № 92/30/ЕЭС «О надзоре над деятельностью кредитных учреждений на консолидированной основе». Директива устанавливала критерии и прин-

ципы осуществления надзора над деятельностью кредитных учреждений в ЕЭС, основываясь на данных обобщенной финансовой отчетности головного кредитного учреждения, его подразделений и дочерних организаций на всей территории ЕЭС. Данная директива подтверждала закрепленный в предшествующих актах вторичного права принцип осуществления надзора со стороны государства происхождения кредитного учреждения [7].

Необходимость проведения реформы в сфере банковского надзора возникла с началом экономического кризиса 2007–2009 годов, поскольку именно тогда обнаружилась возможность краха ряда банков государств-членов, которые получили финансирование за счет более успешных государств-членов. Тогда Европейская комиссия, основываясь на положении ч. 2 ст. 17 Договора о Европейском союзе, предложила создать некую систему для осуществления банковского надзора, в основу которой легли предложения, обоснованные в докладе рабочей группы Ж. де Ларозьера [15]. Важнейшими органами в финансовой сфере, созданными в результате реформ, стали Европейский орган в сфере рынка ценных бумаг [14], а также Европейский банковский орган [13].

В связи с угрозой краха ряда банков в странах еврозоны в условиях кризиса особую важность приобретает выработка на уровне Союза системы нормативов, позволяющих оценить надежность банка. В системе нормативов, определяющих надежность того или иного банка в ЕС, основным критерием является такой показатель, как «достаточность капитала». Этот показатель определяется как процентное соотношение капитала банка, чья надежность подлежит анализу, к сумме активов банка, взвешиваемых по степени заложенных в них рисков [17].

Регламентация этого критерия первоначально была заложена в следующих актах вторичного права Европейского союза [12], которые на сегодняшний день уже не действуют вследствие начатой в начале XXI века кардинальной банковской реформы в ЕС: Директива 1989 года «О собственных средствах кредитных организаций», Директива того же года «Об индексе платежеспособности кредитных организаций»; Директива 1993 года «О достаточности капитала инвестиционных фирм и кредитных организаций» [8].

Нормы указанных Директив были отменены в связи с принятием двух новых Директив в рассматриваемой сфере, которые были приняты в соответствии со стандартами «Базель – II». Для расчета нормативов достаточности капитала в отношении кредитных рисков банков были предложены методики – как на основе стандартизации, так и на основе внутренних рейтингов. Если говорить о кредитных рисках, то принятая в целях упорядочения этого аспекта Директива № 2008/48/ЕС «О дого-

ворах потребительского кредитования и отмене Директивы Совета № 87/102/ЕЭС» устанавливает норматив о достаточности капитала в размере не менее восьми процентов от совокупной величины активов банка. Банковские активы, согласно ст. 75 Директивы, «взвешиваются» в соответствии с указанными двумя методиками [6]. Такие критерии применяются в том случае, когда торговый бизнес банка определяется следующими критериями: доля торгового бизнеса не превышает 5 % от общего объема бизнеса банка (при этом доля торгового бизнеса не может превышать 6 %); общая сумма позиций, зафиксированных в документации банка, не превышает 15 миллионов евро. Указанная Директива (Приложение № 10) устанавливает в целях проведения расчетов достаточности капитала относительно операционных рисков методики, которые она имплементировала из «Базель – II». Эти методики предусматривают в качестве оснований, во-первых, базовый индикативный подход, во-вторых, стандартизированный подход и, наконец, усовершенствованный измерительный подход.

Следует подчеркнуть, что критерий достаточности капитала тесно связан с нормативами крупных кредитных рисков. Согласно главе 2 части 5 указанной Директивы (ст. 108), крупный кредитный риск представляет собой актив, который равен 10 % от размера собственных средств банка или выше этой величины. При этом максимальная величина крупного кредитного риска кредитной организации не должна превышать 25 % от размера собственных средств банка. Обо всех крупных кредитных рисках банк обязан уведомлять органы надзора в банковской сфере. Все указанные нормы Директивы № 2008/48/ЕС «О договорах потребительского кредитования и отмене Директивы Совета № 87/102/ЕЭС» были разработаны на основе «Базель – II», то есть требований, выработанных Базельским комитетом по банковскому надзору.

Порядок определения критерия достаточности капиталов в отношении рыночных рисков, связанных с операциями на рынке ценных бумаг Европейского союза, а также с операциями по обмену валюты, устанавливаются Директивой № 2002/49/ЕС [5]. Согласно Директиве, рыночный риск банка представляет собой риск открытой позиции по финансовому инструменту банка, риск операций по обмену валюты и т. д. Указанная Директива имеет целый ряд приложений, в которых, собственно, и раскрывается алгоритм, применяемый при расчетах нормативов достаточности капитала по отношению к рыночным рискам. Нормативы, применяемые к этому виду рисков, определяются по правилу восьми процентов, описанному выше на основании норм Директивы № 2008/48/ЕС. Все нормы Директивы № 2002/49/ЕС соответствуют требованиям, выработанным Базельским комитетом по банковскому надзору в рамках «Базель – II».

Следует также отметить, что Директива № 2009/14/ЕС, внесшая изменения в Директиву № 94/19/ЕС «О схемах по защите вкладов в кредитных организациях» [11], увеличила сумму вкладов, которые подлежат возмещению в случае банкротства кредитной организации, а также сократила сроки рассмотрения требований о страховом возмещении [10].

Однако, переход на «Базель – III» заставляет кредитные учреждения привлекать все больше средств в целях увеличения капитала. Первоначально планировалось, что переход на «Базель – III» должен осуществиться с 1 января 2013 года, однако ни ФРС США, ни Европейская система центральных банков не были к этому готовы. Поэтому переход к «Базель – III» начался только в 2019 году. «Базель – III» не вносит изменений в правило восьми процентов, однако при этом основной капитал кредитной организации должен составлять как минимум 6 % (ранее эта величина составляла 4 %). Кроме того, внутри указанных шести процентов выделяется так называемый базовый процент, равный четверть с половиной процентам. Указанный базовый процент характеризуется наиболее жесткими требованиями к средствам, которые его образуют. «Базель – III» образует достаточно гибкий механизм, вводя контрциклический буфер капитала, составляющий от 0 до 2,5 %, который может вводиться регулятором при росте системных рисков для банковской системы. Также применяются буфер системного риска и буфер консервации капитала, составляющие соответственно 1 и 2,5 %. Буфер консервации капитала, составляющий 2,5 % активов, вводится в период кризисов финансовой системы. Буфер системного риска устанавливается надзорными органами при необходимости. «Базель – III» определил также нормативы, предъявляемые к банковской ликвидности. Эти нормативы были введены для целей повышения уровня финансовой стабильности кредитных учреждений и дополняют собой требования к собственному капиталу банка. Требования к коэффициенту, определяющему величину краткосрочной ликвидности, подразумевают обеспечение платежеспособности на срок до тридцати дней в случае возникновения определенных рисков. «Базель – III» также обязывает банки иметь достаточное количество средств на балансовых и внебалансовых активах, которых должно быть достаточно на период до одного года. Банки, согласно новым правилам, обязываются иметь стабильные источники финансирования, к которым Базельский комитет отнес долгосрочные источники финансирования. Согласно новым правилам, заемные средства банков не должны превышать три процента от основного капитала [2]. Все указанные нововведения являются своеобразным испытанием для банков стран еврозоны и своеобразным экзаменом на прочность для всего

экономического и валютного союза ЕС, поскольку существенно повышаются требования к кредитным учреждениям. В условиях неоднородности Европейского союза и уже существующих финансовых проблем в государствах зоны евро, прежде всего в государствах Южной и Восточной Европы, «Базель – III» станет настоящим испытанием для банковской системы Европейского союза.

Как показано выше на примере внедрения европейским регулятором правил, выработанных Базельским комитетом в рамках «Базель – II», подходы Европейского союза к внедрению базельских правил являются достаточно жесткими. Это обусловлено тем, что их имплементация путем принятия Директив, представляющих собой основы законодательства ЕС, подлежащие трансформации государствами-членами, означает не только обязанность государств принять соответствующий национальный акт, но и ответственность за неисполнение базельских правил, обретших форму норм актов вторичного права Европейского союза. Указанные факторы существенно повышают «напряженность» внутри ЕС, о чем свидетельствует неоднократное внесение изменений и дополнений в каждую из Директив, регулирующих деятельность кредитных учреждений ЕС. В свою очередь, такая нестабильность вторичного законодательства ЕС в рассматриваемой сфере является показателем того, что его правовая система недостаточно быстро реагирует как на внутренние изменения в ЕС, вызванные его неоднородностью, так и на внешние вызовы.

Библиографический список

1. *Кашкин С.Ю.* Становление науки интеграционного права и интересы России в глобализирующемся мире // *Юридическая наука.* – 2017. – № 5. – С. 8.
2. Bank für internationalen Zahlungsausgleich. Basler Ausschuss für Bankenaufsicht. Konsultationspapier Basel III: Strukturelle Liquiditätsquote, Januar 2014. Zur Stellungnahme bis 11. April 2014. – Режим доступа: https://www.bis.org/publ/bcbs271_de.pdf (дата обращения: 26.06.2019).
3. Completing the Internal Market: White Paper from the Commission to the European Council (Milan, 28–29 June 1985) // COM (85) 310 final.
4. Council Directive 73/183/EEC of 28 June 1973 on the Abolition of Restrictions on Freedom of Establishment and Freedom to Provide Services in Respect of Self-employed Activities of Banks and Other Financial Institutions // *Official Journal of the European Communities.* – 16 July 1973. – L 194/1.
5. Directive 2002/49/EC of the European Parliament and of the Council of 25 June 2002 relating to the assessment and management of environmental noise - Declaration by the Commission in the Conciliation Committee on the Directive relating to the assessment and management of environmental

noise // *Official Journal of the European Union.* – 18.07.2002. – L 189. – P. 0012–0026. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32002L0049> (дата обращения: 26.06.2019).

6. Directive 2008/48/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2008 on credit agreements for consumers and repealing Council Directive 87/102/EEC // *Official Journal of the European Union.* – L 133/66. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32008L0048> (дата обращения: 26.06.2019).

7. Directive №92/30/EEC of 6 April 1992 on the Supervision of Credit Institutions on a Consolidated Basis // *Official Journal of the European Communities.* – 28 April 1992. – L 110/52.

8. *European company and financial law: texts and leading cases / ed. by K. Hopt, E. Wymeersch.* – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 1843 p.

9. First Council Directive 77/780/EEC of 12 December 1977 on the Coordination of the Laws, Regulations and Administrative Provisions Relating to the Taking Up and Pursuit of the Business of Credit Institutions // *Official Journal of the European Communities.* – 17 December 1977. – L 322/30.

10. *Garcia G.* Revising European Union directives: deposit insurance and reorganization and winding up // *Financial institutions and markets: 2007–2008. The year of crisis / ed. by G. Kaufman, R. Bliss.* – N. Y., 2009. – P. 155–186.

11. *Official journal of the European Communities.* – 1994 (May 31). – № L 135. – P. 5–14; 2009 (March 13). – № L 68. – P. 3–7.

12. *Quaglia L.* Explaining the Reform of Banking Supervision in Europe: An Integrative Approach // *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions.* – 2008. – Vol. 21. – № 3. – P. 439–463.

13. Regulation 1093/2010 24.11.2010 // *Official Journal of the EU.* – L 331. – P. 12–47.

14. Regulation 1095/2010 // *Official Journal of the EU.* – L 331. – P. 84–119.

15. Report by Jacques de Larosiere Group on 25 February 2009. P. 45 et seq. Para. 160. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/internal_market/finances/docs/de_larosiere_report_en.pdf (дата обращения: 27.06.2019).

16. Second Council Directive 89/646/EEC of 15 December 1989 on the Coordination of Laws, Regulations and Administrative Provisions Relating to the Taking Up and Pursuit of the Business of the Credit Institutions and Amending Directive 77/780/EEC // *Official Journal of the European Communities.* – 30 December 1989. – L 386/1.

17. *Singer D.A.* Regulating capital. Setting standards for the international financial system. – Ithaka, New York: Cornell University Press, 2007. – 176 p.

18. Sauron J.-L. Comprendre le Traite de Lisbonne. – Paris, 2008. – P. 9.

References

1. Kashkin S. YU. Stanovleni nauki i integracionnogo prava i interesy Rossii v globaliziruyushchemsya mire // YUridicheskaya nauka. – 2017. – № 5. – S. 8.

2. Bank für internationalen Zahlungsausgleich. Basler Ausschuss für Bankenaufsicht. Konsultationspapier Basel III: Strukturelle Liquiditätsquote, Januar 2014. Zur Stellungnahme bis 11. April 2014. – Rezhim dostupa: https://www.bis.org/publ/bcbs271_de.pdf (data obrashcheniya: 26.06.2019).

3. Completing the Internal Market: White Paper from the Commission to the European Council (Milan, 28–29 June 1985) // COM (85) 310 final.

4. Council Directive 73/183/EEC of 28 June 1973 on the Abolition of Restrictions on Freedom of Establishment and Freedom to Provide Services in Respect of Self-employed Activities of Banks and Other Financial Institutions // Official Journal of the European Communities. – 16 July 1973. – L 194/1.

5. Directive 2002/49/EC of the European Parliament and of the Council of 25 June 2002 relating to the assessment and management of environmental noise - Declaration by the Commission in the Conciliation Committee on the Directive relating to the assessment and management of environmental noise // Official Journal of the European Union. – 18.07.2002. – L 189. – P. 0012–0026. – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32002L0049> (data obrashcheniya: 26.06.2019).

6. Directive 2008/48/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2008 on credit agreements for consumers and repealing Council Directive 87/102/EEC // Official Journal of the European Union. – L 133/66. – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32008L0048> (data obrashcheniya: 26.06.2019).

7. Directive №92/30/EEC of 6 April 1992 on the Supervision of Credit Institutions on a Consolidated Basis // Official Journal of the European Communities. – 28 April 1992. – L 110/52.

8. European company and financial law: texts and leading cases / ed. by K. Hopt, E. Wymeersch. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 1843 p.

9. First Council Directive 77/780/EEC of 12 December 1977 on the Coordination of the Laws, Regulations and Administrative Provisions Relating to the Taking Up and Pursuit of the Business of Credit Institutions // Official Journal of the European Communities. – 17 December 1977. – L 322/30.

10. Garcia G. Revising European Union directives: deposit insurance and reorganization and winding up // Financial institutions and markets: 2007–2008. The year of crisis / ed. by G. Kaufman, R. Bliss. – N. Y., 2009. – P. 155–186.

11. Official journal of the European Communities. – 1994 (May 31). – № L 135. – P. 5–14; 2009 (March 13). – № L 68. – P. 3–7.

12. Quaglia L. Explaining the Reform of Banking Supervision in Europe: An Integrative Approach // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. – 2008. – Vol. 21. – № 3. – P. 439–463.

13. Regulation 1093/2010 24.11.2010 // Official Journal of the EU. – L 331. – P. 12–47.

14. Regulation 1095/2010 // Official Journal of the EU. – L 331. – P. 84–119.

15. Report by Jacques de Larosiere Group on 25 February 2009. P. 45 et seq. Para. 160. – Rezhim dostupa: http://ec.europa.eu/internal_market/finances/docs/de_larosiere_report_en.pdf (data obrashcheniya: 27.06.2019).

16. Second Council Directive 89/646/EEC of 15 December 1989 on the Coordination of Laws, Regulations and Administrative Provisions Relating to the Taking Up and Pursuit of the Business of the Credit Institutions and Amending Directive 77/780/EEC // Official Journal of the European Communities. – 30 December 1989. – L 386/1.

17. Singer D.A. Regulating capital. Setting standards for the international financial system. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 2007. – 176 p.

18. Sauron J.-L. Comprendre le Traite de Lisbonne. – Paris, 2008. – P. 9.

Ивкова Анна Владимировна
кандидат юридических наук
Костромской государственной университет
ivkova-anna@yandex.ru

Кротова Елизавета Сергеевна
Костромской государственной университет
kelizabet@list.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОКТРИНЫ «ЭСТОППЕЛЬ» В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрено понятие «эстоппеля» и вопросы применения правила «эстоппеля» в международном праве, российском гражданском законодательстве. Обозначены новеллы процессуального законодательства, предусмотренные в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, и предложены изменения гражданского процессуального законодательства, позволяющие применять правило «эстоппель» в российском гражданском судопроизводстве. В частности, предлагается дополнить статью 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации частью 3, включив в нее обязанность стороны действовать добросовестно при осуществлении и защите своих прав и обязанностей. В рассматриваемом контексте авторами раскрывается содержание понятия «недобросовестное поведение».

Ключевые слова: гражданский процесс, правило «эстоппель», доказывание, принцип добросовестности, классификация эстоппелей, новеллы.

На сегодняшний день законодательство Российской Федерации меняется со скоростью, растущей в геометрической прогрессии. Общество развивается, появляется все больше видов общественных отношений, растет уровень науки и техники – эволюционируют все сферы жизнедеятельности человека. В правовой сфере все отчетливее прослеживается тенденция глобализации, законодателем и правоприменителями все больше внимания уделяется международному опыту в области права. Касается это и гражданско-процессуальных правоотношений.

На данный момент существенный интерес у юридического сообщества вызывает применение ситуации «эстоппель» в российском гражданском судопроизводстве. Большинство работ российских правоведов по изучению «эстоппеля» опирается на значение его как института международного права [7; 17], в связи с чем актуализируется потребность в изучении его с другой стороны – как института гражданского процессуального права. Довольно часто термин «эстоппель» сопоставляют с уже известным российскому праву термином «преюдиция». Однако они не тождественны. «Эстоппель», как и «преюдиция», не допускает повторного рассмотрения требований, по которым уже вынесено судебное решение. Если в первоначальном процессе сторона полностью признала свою вину, а в последующем процессе по тому же вопросу и с участием тех же лиц возражала, ее действия по правилу «эстоппель» могут быть признаны недобросовестными. В обеих ситуациях суду не требуется дважды оценивать одни и те же доказательства, имеют место не требующие доказывания обстоятельства. Это значительно упрощает процесс судебного доказывания. Вместе с тем термин «эстоппель» намного более широкое понятие, а «преюдиция» – это лишь разновидность эстоппеля.

Прежде всего, следует понять, что представляет институт «эстоппеля» в зарубежной правовой доктрине, ставшей его источником. «Эстоппель» происходит от английского глагола «to estop», что означает «лишить права возражения». Он представляет правовой принцип, в соответствии с которым при наличии определенных обстоятельств «лицо утрачивает право ссылаться на какие-либо факты в обоснование своих притязаний» [17]. «Эстоппель» обосновывается в английском общем праве и имеет множество интерпретаций в последующем, таких как: «эстоппель акта публичной власти», «побочный эстоппель», «эстоппель по договору», «справедливый эстоппель» или же «эстоппель по представлению» и др. [10] Шон Уилкен и Карим Гхали определили эстоппель как полезный юридический инструмент, простейшую концепцию, принцип здравого смысла, равноправия, справедливости и чести [19, с. 82]. Чтобы использовать данный инструмент, лицо должно предстать перед судом «с чистыми руками».

Классификаций эстоппелей множество, однако более рациональной и отражающей особенности каждой из групп представляется классификация Ж.И. Седовой и Н.В. Зайцевой [15, с. 46] В соответствии с ней все существующие разновидности эстоппелей в зарубежной правовой доктрине можно классифицировать на несколько групп. Критерием, объединяющим первую группу, является «доверие» как основа эстоппеля. К таковым относятся:

1. «Estoppel by representation» – «эстоппель по представлению» (авт.): заключает в себе ситуацию, когда один субъект формирует у другого представление о своей точке зрения, своей позиции по какой-либо ситуации, вопросу, о своем отношении к тому или иному факту, обстоятельству [18, с. 141–198]. Такое представление может быть сформировано посредством осуществления ранее

действий, бездействия, а также посредством утверждения того или иного факта.

2. «Equitable estoppel» – «справедливый или же равноправный эстоппель» (авт.), применяется в Англии и Австралии. Включает в себя «promissory estoppel», основанный на обещании одного человека другому, и «proprietary estoppel» (патентованный эстоппель или эстоппель имущества (авт.)).

3. «Estoppel by conduct» – «эстоппель поведения» (авт.), основанный на поведении, общем понимании ситуации, которое в дальнейшем оказывается не совсем верным.

4. «Estoppel by negligence» [5] – «эстоппель небрежности» (авт.) – основан на небрежности. Лицо теряет возможность утверждать факты, которые противоречат его небрежности, а также те, которые не соотносятся с последствиями этой небрежности.

Критерий, объединяющий следующую группу эстоппелей, – протоколирование, то есть включение факта в судебное постановление, протокол судебного заседания. К таковым относятся:

1. «Estoppel by judgement» [1, с. 1741] – «эстоппель по решению суда» (авт.) – факт зафиксирован в решении суда. Таким образом, нельзя повторно рассматривать уже разрешенное по существу дело, за исключением случаев мошенничества, а также процессуальных нарушений [6]. В российском праве известен как термин «преюдиция». Критерии для применения данного вида эстоппеля аналогичны преюдиции: должно иметь место вступившее в законную силу решение суда; соблюдены субъективные пределы, то есть и в предыдущем, и в повторном производстве по делу участвуют те же лица; предмет повторного рассмотрения должен быть идентичен тому, что рассматривался в предыдущем судебном процессе [1, с. 1742].

2. «Collateral estoppel» (применяется в США) [2], дословно – «побочный эстоппель» или «преюдиция» (авт.) – запрещает пересмотр одного и того же вопроса факта или же вопроса права, если имеется вступившее в законную силу решение суда в отношении указанного вопроса.

3. «Judicial estoppel» – «судебный эстоппель» (авт.) – относится к пересмотру суждений или заявлений, высказанных в суде.

4. «Estoppel by foreign judgement in personam» (Англия), дословно – «эстоппель по решению иностранного суда в лице» (авт.). Данный вид позволяет применить решение иностранного суда как преюдициальное.

Третья группа объединяет совершенно различные виды эстоппелей:

1. «Estoppel by deed» (США) – «эстоппель по утвержденному договору» (авт.) – запрещает лицу опровергать факты, указанные им в документе, содержащем все необходимые печати и подписи [17, с. 281–305].

2. «Estoppel by convention» – «эстоппель по соглашению» (авт.) – между сторонами возникло соглашение (молчаливое или устное), в связи с чем лицо лишается права оспорить факты, им признанные, если это приведет к недобросовестным действиям и их последствиям [17, с. 199–207].

3. «Estoppel by silence» – «эстоппель молчания» (авт.) – применяется в случае, когда лицо имело право и возможность высказать свои утверждения или возражения в течение разумного срока, но при этом уклонилось от ответа. В данной ситуации лицо лишается права на возражение или утверждение. Условиями применения такого эстоппеля являются: 1) обязанность лица ответить; 2) последующее недобросовестное поведение промолчавшей стороны [1, с. 214].

4. «Estoppel by delay» – «эстоппель по задержке» (авт.) и многие другие.

Данный перечень является открытым, поскольку правовая доктрина за рубежом развивается с течением времени. Больше признания получили несколько видов эстоппеля:

1) эстоппель, касающийся решений суда, или же преюдиция;

2) справедливый эстоппель [8, с. 619, 624].

На наш взгляд, «эстоппель» обеспечивает стабильность правовых позиций участников гражданских правоотношений, запрещая переменчивое поведение. Также в силу существования огромного числа его разновидностей правило «эстоппель» значительно облегчает процесс доказывания по делу. Обратимся к эстоппелю в российском праве. Данное правило было впервые законодательно закреплено в 2013 году. Пункт 5 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации определил: «Заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки» [3]. Эстоппель проявляется и в иных нормах Гражданского кодекса РФ: статье 431.1, статьях 183, 165 и др. Так, впервые эстоппель был закреплен в материальном праве.

Особый интерес вызывает процессуальный эстоппель. Он так же, как и материальный, основывается на принципе добросовестности, имеет своей целью ограничение злоупотребления своими правами участников процесса, упрощение процесса судебного доказывания. В данный момент законодателем ведется разработка единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Концепция которого одобрена 8 декабря 2014 года. Данная Концепция создана с целью унифицировать процессуальное законодательство, повысить эффективность правосудия, а также его доступность, устранить противоречия среди процессуальных норм. П. 3.3 Концепции единого Гражданского

процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена 08.12.2014, № 124 (1)) указывает на существование процессуального эстоппеля в российском процессуальном праве. «Новеллами являются положения доктрины эстоппель, ограничивающей возражения против неподведомственности или неподсудности дела со стороны ответчика моментом первого заявления по существу дела во избежание злоупотреблений процессуальными правами» [9],

Рассмотрим наиболее показательные примеры процессуального эстоппеля.

1. Первым из них является эстоппель в отношении подведомственности и подсудности, уже указанный выше. Если в первоначальном судебном разбирательстве не было заявлено требований о неподсудности или неподведомственности спора суду, невозможно добиться отмены судебных постановлений.

2. Эстоппель в отношении компетенции третейского суда. Если сторона заведомо знает о некомпетентности третейского суда, о его фиктивном составе, то заявить об этом следует незамедлительно, еще до начала судебного заседания.

3. Эстоппель в отношении новых требований и новых процессуальных аргументов. Данное правило закрепляется в отдельных статьях Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Так, в частности, ч. 2 ст. 322 указывает, что «в апелляционных жалобе, представлении не могут содержаться требования, не заявленные при рассмотрении дела в первой инстанции» [4], ч. 4 ст. 327.1 определяет: «Новые требования, которые не были предметом рассмотрения в суде первой инстанции, не принимаются и не рассматриваются судом апелляционной инстанции» [4]. Также данное правило касается утвержденного мирового соглашения – не следует предъявлять требования по предмету, в отношении которого заключено мировое соглашение [13]. Таким образом, если из действий лица явственно следует, что спор по делу завершен, новые требования предъявить не представляется возможным.

4. Эстоппель правовой позиции. Поведение лица в судебном заседании должно быть добросовестным, последовательным. Сторона должна стремиться к проработанности своей правовой позиции. В противном случае существенные изменения в ней могут быть признаны недобросовестным поведением. Если лицо уже утвердило существование обязательства, то в последующем оно не может утверждать его отсутствия [12].

Из вышеуказанного следует, что видов эстоппелей великое множество. Английский судья лорд Деннинг в двадцатом веке сопоставил «эстоппель» с многоквартирным домом, в котором каждая квартира представляет собой отдельный вид эстоппеля. В каждой квартире множество комнат, которые могут радикально отличаться между собой.

Эстоппель в гражданском процессуальном праве – идея, позволяющая судебному процессу оставаться стабильным и во многом предсказуемым, позволяющая сторонам более основательно подготавливать аргументацию на возражения противоположной стороны. И поскольку далеко не каждый из его видов обладает законодательным закреплением, следует задуматься о введении общего правила о применении «эстоппеля» в гражданском судопроизводстве, соответствующего российской правовой действительности. Следует отметить, что полностью имплементировать нормы зарубежного права относительно данного института не представляется разумным, поскольку российская система права отличается своими особенностями, не позволяющими применить его в полной мере. В российской процессуальной правовой доктрине «эстоппель» логично рассматривается не как отдельный принцип или же отдельный институт, а скорее как проявление принципа добросовестности [11; 14]

Стоит отметить также влияние «эстоппеля» на деятельность по доказыванию в судебном разбирательстве. Как указывает И.И. Черных, он непосредственно влияет на бремя доказывания, на распределение обязанностей доказывания между истцом и ответчиком [19]. К примеру, когда сторона одобрила оспариваемую сделку или же совершила действия (бездействие), свидетельствующие о ее одобрении, сделка будет являться действительной – имеет место так называемая доказательственная презумпция. В данном случае прослеживается влияние правила «эстоппель» на судебное доказывание.

Отмечая необходимость закрепления правила «эстоппель» в гражданском процессе, предлагается дополнить статью 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации частью 3 следующего содержания: «Каждая из сторон при осуществлении и защите своих прав и обязанностей в судебном заседании обязана действовать добросовестно, не злоупотребляя своими правами. Не допускается недобросовестное поведение стороны. Недобросовестным поведением в рамках данной статьи признается поведение, которое противоречит предшествующим утверждениям и заявлениям, при условии, что противоположная сторона положила на них, действуя в ущерб своим интересам».

Закрепление общего правила позволит судам применять различные виды эстоппеля в гражданском судопроизводстве, при этом защищая принцип добросовестности. При последовательном и добросовестном поведении стороны в судопроизводстве противоположная сторона получит возможность основательно подготовить аргументацию для более полноценного участия в деятельности по доказыванию в суде, а также со-

брать все необходимые доказательства по делу для опровержения утверждений и заявлений противоположной стороны.

Библиографический список

1. *Бизль Х.Г.* Читти на контрактах: в 2 т. Т. 1. Общие принципы. Библиотека общего права. – Оттава: Свит & Максвелл: Томсон Реутерс, 2012. – 2480 с.

2. *Бернард против Банка Америки / Bernhard v. Bank of America* 19 Cal. 2d 807, 122 P.2d 892 (1942) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://digitalcom-mons.law.yale.edu> (дата обращения: 20.05.2019).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: (ред. от 03.08.2018): (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019). – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2019).

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ: (ред. от 27.12.2018): (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.12.2018). – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.19).

5. *Гринвуд против Мартинс Банк Лимитед: SA 1932* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coursehero.com/file/p75f2k54/Greenwood-v-Martins-Bank-Ltd-1932-1-KB-371-Scrutton-LJ-at-p-381-explains-the/> (дата обращения: 08.06.2019).

6. *Джонсон против Гора Вуд & Ко (2000)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-000-1287?source=relatedcontent&_lrTS=20190608060858251&transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&comp=pluk&bhcp=1](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-000-1287?source=relatedcontent&_lrTS=20190608060858251&transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&comp=pluk&bhcp=1) (дата обращения: 08.06.2019).

7. *Каламкарян Р.А.* Эстоппель в международном публичном праве: монография. – М.: Наука, 2001. – 236 с.

8. *Каламкарян М.А., Мигачев Ю.И.* Международное право: учебник. – М.: Эскмо, 2004. – 688 с.

9. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)). – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.19).

10. *Коттър Т., Мюллер Дж.П.* Концепция эстоппеля в международном праве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://interlaws.ru/koncepcija-jestoppelja-v-mezhdunarodnom-prave/> (дата обращения: 15.05.2019).

11. *Лашков Н.С.* Критический анализ возможности заимствования английских доктрин waiver и estoppel российском праве // Закон. – 2016. – № 7. – С. 106–116.

12. Обзор: «Процессуальный эстоппель: практика применения», 2018. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.19).

13. Позиция ВС РФ, ВАС РФ: Мировое соглашение, которое не содержит условий об исполнении дополнительных обязательств, означает полное прекращение гражданско-правового конфликта и влечет утрату сторонами права выдвигать новые требования (эстоппель), вытекающие как из основного обязательства, так и из дополнительных по отношению к нему: Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 и другие акты высших судов. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.19).

14. *Роор К.А.* Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 7. – С. 71–81.

15. *Седова Ж.И., Зайцева Н.В.* Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. – М.: Статут, 2014. – 159 с.

16. *Сухарев А.Я.* Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев; редкол.: М.М. Богуславский и др. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 418 с.

17. *Талапаев А.Н.* Право международных договоров. Т. 2. Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций и др. – М.: Зерцало, 2011. – 504 с.

18. *Уилкен Шон, Гхали Карим.* Закон отказа, изменения и эстоппель. – Оксфорд, 2012. – 538 с.

19. *Черных И.И.* Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 12. – С. 81–88.

References

1. Biel' H.G. CHitti na kontraktah: v 2 t. T. 1. Obshchie principy. Biblioteka obshchego prava. – Ottava: Svit & Maksvell: Tomson Reuters, 2012. – 2480 s.

2. *Bernard protiv Banka Ameriki / Bernhard v. Bank of America* 19 Cal. 2d 807, 122 P.2d 892 (1942) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://digitalcom-mons.law.yale.edu> (data obrashcheniya: 20.05.2019).

3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ: (red. ot 03.08.2018): (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2019). – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 14.05.2019).

4. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ: (red. ot 27.12.2018): (s izm. i dop., vstup. v silu s 28.12.2018). – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 15.05.19).

5. *Grinvud protiv Martins Bank Limited: SA 1932* [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.coursehero.com/file/p75f2k54/Greenwood-v-Martins->

Bank-Ltd-1932-1-KB-371-Scrutton-LJ-at-p-381-explains-the/ (data obrashcheniya: 08.06.2019).

6. Dzhonson protiv Gora Vud & Ko (2000) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-000-1287?source=relatedcontent&__lrTS=20190608060858251&transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&comp=pluk&bhcp=1](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-000-1287?source=relatedcontent&__lrTS=20190608060858251&transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&comp=pluk&bhcp=1) (data obrashcheniya: 08.06.2019).

7. Kalamkaryan R.A. Estoppel' v mezhdunarodnom publichnom prave: monografiya. – M.: Nauka, 2001. – 236 s.

8. Kalamkaryan M.A., Migachev YU.I. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik. – M.: Eskmo, 2004. – 688 s.

9. Konceptiya edinogo Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: (odobrena resheniem Komiteta po grazhdanskomu, ugovnomu, arbitrazhnomu i processual'nomu zakonodatel'stvu GD FS RF ot 08.12.2014 № 124(1)). – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 15.05.19).

10. Kott'er T., Myuller Dzh.P. Konceptiya estoppelya v mezhdunarodnom prave [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://interlaws.ru/konceptija-jestoppelja-v-mezhdunarodnom-prave/> (data obrashcheniya: 15.05.2019).

11. Lashkov N.S. Kriticheskij analiz vozmozhnosti zaimstvovaniya anglijskih doktrin waiver i estoppel rossijskom prave // Zakon. – 2016. – № 7. – S. 106–116.

12. Obzor: «Processual'nyj estoppel': praktika primeneniya», 2018. – Dostup iz spravochno-pravovoj

sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 15.05.19).

13. Poziciya VS RF, VAS RF: Mirovoe soglasenie, kotoroe ne sodержit uslovij ob ispolnenii dopolnitel'nyh obyazatel'stv, oznachaet polnoe prekrashchenie grazhdansko-pravovogo konflikta i vlechet utratu storonami prava vydvigat' novye trebovaniya (estoppel'), vytekayushchie kak iz osnovnogo obyazatel'stva, tak i iz dopolnitel'nyh po otnosheniyu k nemu: Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 18.07.2014 № 50 i drugie akty vysshih sudov. – Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 14.05.19).

14. Roor K.A. Ponyatie i sushchnost' estoppelya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2018. – № 7. – S. 71–81.

15. Sedova ZH.I., Zajceva N.V. Princip estoppel' i otkaz ot prava v kommercheskom oborote Rossijskoj Federacii. – M.: Statut, 2014. – 159 s.

16. Suharev A.YA. YUridicheskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. A.YA. Suharev; redkol.: M.M. Boguslavskij i dr. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1984. – 418 s.

17. Talapaev A.N. Pravo mezhdunarodnyh dogovorov. T. 2. Dejstvie i primeneniye dogovorov. Dogovory s uchastiem mezhdunarodnyh organizacij i dr. – M.: Zercalo, 2011. – 504 s.

18. Uilken SHon, Ghali Karim. Zakon otkaza, izmeneniya i estoppel'. – Oksford, 2012. – 538 s.

19. CHernyh I.I. Estoppel' v grazhdanskom sudoproizvodstve // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2015. – № 12. – S. 81–88.

Спивак Светлана Геннадьевна
кандидат юридических наук
Костромской государственной университет
Алферьева Алёна Алексеевна
Костромской государственной университет
alyonkasm@mail.ru

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья посвящена анализу примечаний к статьям Особенной части УК РФ, содержащим специальные нормы освобождения от уголовной ответственности. В статье рассмотрено историческое развитие данного института, а также приведены различные точки зрения авторов, исследовавших данную проблематику, дается понятие освобождения от уголовной ответственности. До настоящего времени в отечественном уголовном законодательстве не определено понятие специальных видов освобождения от уголовной ответственности, отсутствует их систематизация. На основании изученного автор приводит понятие специальных видов освобождения от уголовной ответственности. Приведена классификация специальных норм освобождения от уголовной ответственности по такому основанию, как совершение преступления лицом впервые. В связи с этим специальные нормы делятся на освобождение от уголовной ответственности за совершение преступления впервые и освобождение от уголовной ответственности, не имеющее условие совершения преступления впервые.

Ключевые слова: уголовный закон, освобождение от уголовной ответственности, специальные виды освобождения от уголовной ответственности, условия освобождения.

Институт освобождения от уголовной ответственности берет свое начало еще в X веке. Так, в одном из древнейших источников права Древней Руси – Русской Правде – имеется норма об освобождении от ответственности «лица, которое ударило кого-либо батоном, чашей, рогом или мечом плашмя» [12] в случае, если обидчик выплатит пострадавшему 12 гривен, то есть загладит причиненный вред. В Судебнике 1497 года [14] начинается свое развитие положение об освобождении лица от тюрьмы с его передачей на поруки. В ст. 121 главы X Соборного уложения 1649 года [13] зарождается такой вид освобождения от уголовной ответственности, как примирение преступника с потерпевшим «до ввершения судебного дела». В Артикуле воинском 1915 года [2] предусматривалось смягчение наказания за «совершение кражи из крайней голодной нужды». Уголовное Уложение 1903 года [15] предусматривало освобождение от ответственности за давностью. Согласно Декрету «О взяточничестве» от 8 мая 1918 года [4], «лица, которые в течение трех месяцев со дня издания Декрета заявят судебным властям о даче ими взятки, освобождались от уголовной ответственности». УК РСФСР 1922 года [10] содержал норму, согласно которой «лицо, совершившее убийство по настоянию убитого из чувств сострадания, не каралось». В УК РСФСР 1960 года [6] начинают свое развитие нормы о специальных видах освобождения от уголовной ответственности. Постепенно указанные положения претерпевали реформирование и в полной мере были закреплены с принятием Уголовного кодекса РФ в 1996 году [15].

Тема освобождения от уголовной ответственности является актуальной как в настоящее время, так и на протяжении всего времени развития

уголовного законодательства. Внедрение в уголовный закон специальных норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности, с одной стороны, ориентирует на борьбу с преступлениями, вызывающими наибольшую сложность в их расследовании, на предупреждение преступлений в целом, а с другой стороны, смягчает наказание для лица, совершившего преступление: «Под освобождением от уголовной ответственности понимается реакция государства на совершение преступления, выражающаяся в освобождении лица от несения ответственности за преступление, назначения наказания, негативных последствий в виде судимости при наличии оснований, предусмотренных УК РФ» [1].

Уголовное законодательство не предусматривает определение понятия специальных видов освобождения от уголовной ответственности. «Специальный» подразумевает под собой «особый, исключительно для чего-либо предназначенный, присущий чему-либо» [9].

В науке уголовного права существуют различные взгляды на понятие специального вида освобождения от уголовной ответственности. По мнению А.В. Ендольцевой, «специальные виды освобождения от уголовной ответственности применяются в отношении лиц, совершивших конкретные преступления, и предусмотрены в связи с этим в примечаниях к соответствующим статьям Особенной части УК РФ. Это специальные случаи деятельного раскаяния, когда субъект выполняет те конкретные позитивные постпреступные действия, которые предписаны уголовным законом с целью освобождения от уголовной ответственности» [5, с. 63, 134]. Л.В. Головки под специальными видами освобождения от уголовной ответственности понимает «специальные основания освобождения от

уголовной ответственности, которые закреплены в Особенной части УК РФ применительно к конкретным составам преступлений (в примечаниях к конкретным статьям)» [3, с. 37–40].

С авторами трудно не согласиться, но понятие специальных видов освобождения от уголовной ответственности недостаточно полно раскрыто. В соответствии с ч. 2 ст. 28 УПК РФ в случаях, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, полномочиями по освобождению лица от уголовной ответственности наделен суд, следователь с согласия руководителя следственного органа и дознаватель с согласия прокурора. Поэтому представляется, что под специальными видами освобождения от уголовной ответственности необходимо понимать основания и условия, предусмотренные примечаниями к некоторым статьям Особенной части УК РФ, при наличии и выполнении которых лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, освобождается от уголовной ответственности, назначения наказания, судимости принятием процессуального решения уполномоченным на то органом.

К настоящему времени в Особенной части УК РФ насчитывается 22 специальных вида освобождения от уголовной ответственности, которые, к сожалению, не имеют единой системы. Их классификации посвящено немало авторских трудов, используются различные основания классификации.

И.В. Леоненко в качестве «критерия разграничения специальных видов освобождения от уголовной ответственности использует деятельное раскаяние, под которым понимается совершение каких-либо позитивных постпреступных действий, примерный перечень которых сформулирован в ст. 75 УК РФ». На основании данного критерия автор выделяет три группы специальных видов освобождения от уголовной ответственности: освобождение от уголовной ответственности, «носящее характер деятельного раскаяния; освобождение от уголовной ответственности, имеющие двойственный характер; освобождение от уголовной ответственности, носящее вынужденный характер». К первой группе автор относит примечания к ст. 126, 205, 210, 222, 228, 307 УК РФ и др. Ко второй – примечания к ст. 204, 291 УК РФ, к третьей – примечания к ст. 337, 338, 435 УК РФ [8].

Е.П. Ким, К.А. Костенко делят специальные виды освобождения на такие категории: «имеющие признаки деятельного раскаяния (примечание к ст. 126, 210 УК РФ и др.); связанные с вынужденностью совершенности лицом преступления (примечание к ст. 184, 204, 337 УК РФ и др.); включающие признаки добровольного отказа от преступления (примечание к ст. 205 УК РФ)» [7].

Большинство авторов при классификации специальных видов освобождения от уголовной ответственности выделяют деятельное раскаяние как самостоятельное основание для освобождения

лица от уголовной ответственности по примечаниям к статьям Особенной части уголовного закона. Данная точка зрения не совсем правильная, так как примечания содержат лишь некоторые из условий, предусмотренных ст. 75 УК РФ, тогда как, согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 года «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [11], «освобождение от уголовной ответственности возможно при условии выполнении всех перечисленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ действий».

Одним из общих оснований освобождения от уголовной ответственности является «совершение преступления лицом впервые» [5, с. 54]. На наш взгляд, данное основание наиболее важное, так как напрямую связано с предупреждением преступности в целом.

В связи с этим предлагается разделить специальные виды освобождения от уголовной ответственности на две группы:

1. Освобождение от уголовной ответственности за совершение преступления впервые.

2. Освобождение от уголовной ответственности, не имеющее признак совершения преступления впервые.

К первой группе можно отнести примечания к ст. 127.1 (Торговля людьми), 208 (Организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем), 282.1 (Организация экстремистского сообщества), 282.2 (Организация деятельности экстремистской организации), 337 (Самовольное оставление части или места службы), 338 (Дезертирство).

Ко второй группе относится примечания к ст. 126 (Похищение человека), 205 (Террористический акт), 205.1 (Содействие террористической деятельности), 206 (Захват заложника), 210 (Организация преступного сообщества (преступной организации)), 222 (Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка и ношение оружия и его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств), 223 (Незаконное изготовление оружия), 228 (Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов), 275 (Государственная измена, 276 (Шпионаж), 278 (Насильственный захват власти или насильственное удержание власти), 307 (Заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод), 204 (Коммерческий подкуп), 291 (Дача взятки).

Анализ примечаний к статьям Особенной части УК РФ, содержащих специальные нормы освобождения от уголовной ответственности, показал, что их подавляющее большинство не содержит условия «совершения преступления впервые», они в основном относятся к тяжким преступлениям,

имеющим высокую степень общественной опасности, часто связаны с возможностью причинения вреда потерпевшим (например, похищение человека, захват заложников). В этих случаях государство в лице правоохранительных органов заинтересовано в пресечении преступления (террористический акт), его раскрытии и привлечении к ответственности лиц, совершающих более опасное преступление (дача взятки, коммерческого подкупа), в предотвращении совершения иных преступлений (незаконное изготовление оружия, организация преступного сообщества), независимо от того, сколько раз виновный совершал преступления и привлекался к уголовной ответственности.

Таким образом, освобождая от уголовной ответственности по специальным основаниям, предусмотренным в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, государство в лице уполномоченных органов, учитывая специфику отдельных видов преступления, с одной стороны, действует в интересах общества, достигая социально полезных целей, с другой – дает шанс лицу, совершившему преступление, на исправление и тем самым предупреждает преступность.

Библиографический список

1. Алферьева А.А. Понятие и правовая природа освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://molodezhinauka.ru/wpcontent/uploads/2018/121> (дата обращения: 15.03.2019).
2. Артикул Воинский 1715 года [Электронный ресурс] // Проект Российского военно-исторического общества «100 главных документов Российской империи». – Режим доступа: <http://doc.histrf.ru/about/> (дата обращения: 15.03.2019).
3. Головкин Л.В. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности // Законность. – 1998. – № 11.
4. Декрет СНК РСФСР от 08.05.1918 года «О взяточничестве» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (раздел «Законодательство: Документы СССР») (дата обращения: 15.03.2019).
5. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности. Проблемы и пути их решения: монография. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2012. – 231 с.
6. Закон СССР от 27.10.1960 года «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 15.03.2019).
7. Ким Е.П., Костенко К.А. Об особенностях освобождения от уголовной ответственности на основании примечаний к соответствующим статьям Особенной части УК РФ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 16.03.2019).

8. Леоненко И.В. Понятие и классификация специальных видов освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (раздел «Юридическая пресса») (дата обращения: 16.03.2019).

9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30101> (дата обращения: 15.03.2019).

10. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 года «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 15.03.2019).

11. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 года «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 16.03.2019).

12. Свердлов М.Б. Русская Правда (Пространная редакция) [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения: 15.03.2019).

13. Соборное Уложение 1649 года [Электронный ресурс] // 100 главных документов Российской империи: проект Российского военно-исторического общества. – Режим доступа: <http://doc.histrf.ru/about/> (дата обращения: 15.03.2019).

14. Судебник 1497 года общества [Электронный ресурс] // 100 главных документов Российской империи: проект Российского военно-исторического общества. – Режим доступа: <http://doc.histrf.ru/about/> (дата обращения: 15.03.2019).

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 15.03.2019).

16. Уложение о наказаниях от 22 марта 1903 года [Электронный ресурс] // 795 книг по истории России эпохи Николая II. – Режим доступа: <http://library6.com/> (дата обращения: 15.03.2019).

References

1. Alfer'eva A.A. Ponyatie i pravovaya priroda osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://molodezhinauka.ru/wpcontent/uploads/2018/121> (data obrashcheniya: 15.03.2019).
2. Artikel Voinskij 1715 goda [Elektronnyj resurs] // Proekt Rossijskogo voenno-istoricheskogo obshchestva «100 glavnyh dokumentov Rossijskoj imperii». – Rezhim dostupa: <http://doc.histrf.ru/about/> (data obrashcheniya: 15.03.2019).

3. Golovko L.V. Klassifikaciya osnovanij osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti // Zakonnost'. – 1998. – № 11.
4. Dekret SNK RSFSR ot 08.05.1918 goda «O vzyatochnichestve» [Elektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (razdel «Zakonodatel'stvo: Dokumenty SSSR») (data obrashcheniya: 15.03.2019).
5. Endol'ceva A.V. Institut osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti. Problemy i puti ih resheniya: monografiya. – M.: YUniti-Dana: Zakon i pravo, 2012. – 231 s.
6. Zakon SSSR ot 27.10.1960 goda «Ob utverzhenii Ugolovnogo kodeksa RSFSR» [Elektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 15.03.2019).
7. Kim E.P., Kostenko K.A. Ob osobennostyah osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti na osnovanii primechanij k sootvetstvuyushchim stat'yam Osobenoj chasti UK RF [Elektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 16.03.2019).
8. Leonenko I.V. Ponyatie i klassifikaciya special'nyh vidov osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti [Elektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (razdel «YUridicheskaya pressa») (data obrashcheniya: 16.03.2019).
9. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30101> (data obrashcheniya: 15.03.2019).
10. Postanovlenie VCIK ot 01.06.1922 goda «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R.» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 15.03.2019).
11. Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 goda «O primenenii sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti» [Elektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 16.03.2019).
12. Sverdlov M.B. Russkaya Pravda (Prostrannaya redakciya) [Elektronnyj resurs] // Elektronnye publikacii Instituta russkoj literatury (Pushkinskogo Doma) RAN. – Rezhim dostupa: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (data obrashcheniya: 15.03.2019).
13. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda [Elektronnyj resurs] // 100 glavnyh dokumentov Rossijskoj imperii: proekt Rossijskogo voenno-istoricheskogo obschestva. – Rezhim dostupa: <http://doc.histrf.ru/about/> (data obrashcheniya: 15.03.2019).
14. Sudebnik 1497 goda obschestva [Elektronnyj resurs] // 100 glavnyh dokumentov Rossijskoj imperii: proekt Rossijskogo voenno-istoricheskogo. – Rezhim dostupa: <http://doc.histrf.ru/about/> (data obrashcheniya: 15.03.2019).
15. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 goda № 63-FZ [Elektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 15.03.2019).
16. Ulozhenie o nakazaniyah ot 22 marta 1903 goda [Elektronnyj resurs] // 795 knig po istorii Rossii epohi Nikolaya II. – Rezhim dostupa: <http://library6.com/> (data obrashcheniya: 15.03.2019).

О СОДЕРЖАНИИ ФАКТОРОВ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Организация расследования преступлений, направленная на достижение конкретных результатов в значимой сфере отношений, подвержена влиянию как отдельных факторов внутренней и внешней направленности, так и их совокупности. Одновременно анализ научных источников дает основание констатировать, что в большинстве случаев вопрос о толковании термина «фактор» вообще не рассматривается либо рассматривается фрагментарно. В связи с этим с помощью анализа правоприменительной практики и содержания нормативных документов в указанной сфере отношений, а также формально-логического, семантического и других методов автором выявлены, систематизированы факторы, определяющие специфику организации расследования преступлений коррупционной направленности в сфере экономики, и детально рассмотрены некоторые из них. На основе системного подхода на примере деятельности следственных органов предлагается теоретическая модель факторов организации их работы, присущая организационно-управленческой структуре любого уровня, содержание которой составляет комплексная система обстоятельств, оказывающих существенное влияние на обеспечение расследования преступлений коррупционной направленности в сфере экономики. Такая система состоит из четырех подсистем: правовой, неформальной (коммуникационной), внутренней (организационной) и внешней (факторов внешней среды).

Ключевые слова: следственный орган, расследование преступлений, факторы организации, коррупционное преступление в сфере экономики, организация работы следственного органа, организация видов деятельности, организационно-правовые основы организации расследования преступлений.

Организация расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности в сфере экономики, представляющая собой упорядоченный вид деятельности, направленной на достижение конкретных результатов в данной сфере отношений, подвержена воздействию множества факторов как внутренней, так и внешней направленности. Некоторые из них оказывают косвенное, некоторые прямое, порой даже определяющее влияние на формирование и развитие как отдельных элементов, входящих в систему организации, так и на всю организационно-управленческую структуру в целом.

В связи с этим по данной проблематике некоторыми исследователями ранее предпринимались попытки путем изучения смыслового значения понятия фактора дать определение данному термину применительно к расследованию конкретного вида преступлений, предложить их классификацию [1, с. 27–28], некоторые даже предлагали по результатам проведенного анализа содержания факторов и степени их влияния на деятельность следственных подразделений создать специфическую индексную оценку эффективности работы как отдельных следователей, так и следственных органов [7, с. 9–14].

Несмотря на это, имеющиеся вопросы, касающиеся факторов организации расследования, отсутствие подхода к их систематизации вызывают необходимость дополнительного изучения обстоятельств формирования и развития упорядоченной деятельности (организации) расследования преступлений в их совокупности, в том числе коррупционной направленности в сфере экономики, перспективах её развития.

При этом в целях выделения специфики рассматриваемой деятельности представляется целесообразным обозначить главные черты, присущие преступлениям коррупционной направленности в сфере экономики, а также организационно-правовым основам организации расследования таких преступлений.

В первую очередь преступления данной категории:

- должны быть совершены определенными субъектами уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, а также лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях;

- должны быть связаны со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

- у субъекта присутствует корыстный мотив (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

- преступление совершено с прямым умыслом;
- действия ориентированы на причинение вреда отношениям, складывающимся в процессе про-

изводства, обмена, распределения и потребления материально опосредованного продукта или под видом таких отношений либо обусловленных ими.

Анализ научных работ, рассматривающих вопросы факторов в теории организации деятельности, присущей правоохранительным органам, позволяет сформулировать наиболее общее определение факторов применительно к досудебной стадии уголовного судопроизводства, под которыми понимаются существенные обстоятельства, являющиеся движущей силой (причиной) в обеспечении деятельности органов [4, с. 205] или должностных лиц, осуществляющих предварительное следствие, по достижению поставленных задач на различных направлениях процессуальной и служебной деятельности, подчиненных целям уголовного судопроизводства.

Представляется, что такая обеспечительная деятельность по своей сути направлена на создание условий для эффективного функционирования [3, с. 6] органов предварительного следствия, должна способствовать эффективной реализации государственной политики в сфере уголовного судопроизводства, соблюдения в своей деятельности принципов, отраженных в Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуальном законодательстве и других нормативных актах. С другой стороны субъекты, осуществляющие данный вид деятельности, реализуют свои функциональные обязанности в рамках предоставленных полномочий и с учетом имеющихся возможностей, в том числе определяемых наличием материальных и нематериальных ресурсов. Под материальными ресурсами в рассматриваемой сфере отношений следует понимать наличие денежных средств, криминалистической и иной техники, зданий, расположенных на территории дислокации, и прочее. Нематериальные ресурсы включают в себя кадровый состав, расположение в непосредственной территориальной близости научных институтов как основных источников потенциальной рабочей силы, методические разработки и др.

В данном контексте ресурсное обеспечение и факторы организации расследования преступлений схожи по смысловому содержанию, а их совокупность составляет систему организационных и правовых основ обеспечения такой деятельности на каждом этапе предварительного следствия.

В связи с этим, учитывая специфику предмета настоящего исследования, представляется уместным рассмотреть совокупность факторов, оказывающих влияние на организацию расследования преступлений коррупционной направленности в сфере экономики, в виде следующей модели (системы), состоящей из четырех подсистем, образуемых элементами. Представляется, что такими элементами и являются факторы, характерные для организации системы органов предварительного

следствия, её отдельных организационно-правовых структур, присущих любому уровню.

Первая подсистема включает в себя правовые (нормативные) факторы, закрепленные в нормативно-правовых актах, определяющих систему и соответствующую структуру следственных органов, а также порядок, формы и принципы их деятельности, и квалифицирующих круг деяний как преступления коррупционной направленности в сфере экономики. Данные нормы также содержат уголовно-процессуальные, ведомственные и иные требования, предъявляемые к расследованию данных преступлений, а также регулируют указанные отношения, определяют правовой статус всех участников досудебного судопроизводства и пр.

Среди них определяющее значение в рассматриваемой сфере отношений имеют Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», ФЗ «О полиции», ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», закон «О противодействии коррупции», совместный приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 20.02.2014) «О едином учете преступлений», совместное указание Генпрокуратуры РФ МВД России № 853/11/5 от 25.12.2018 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» и др.

В этой подсистеме особое влияние на отдельные факторы и их совокупность оказывает деятельность аналитических, правовых подразделений, осуществляющих мониторинг действующего законодательства и практики правоприменения, по результатам которой с целью создания оптимальных условий для осуществления должностными лицами, непосредственно имеющими отношение к расследованию преступлений, своей функциональной деятельности в сфере уголовного судопроизводства разрабатываются и принимаются нормативно-правовые акты или организационно-распорядительные документы.

Несмотря на отсутствие законодательной инициативы, важным является возможность использования полномочий на предоставление в установленном порядке Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации проектов федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, а также других документов по вопросам, относящимся к установленной сфере деятельности.

Следующая подсистема представляет собой неформальные (коммуникационные) факторы, сложившиеся устоявшейся правоприменительной практикой, отношениями как с другими правоприменительными органами, имеющими отношение к расследованию преступлений, так и с судами, органами прокуратуры, различными контролирующими органами, общественными организациями и пр.

В данную подсистему входят требования и рекомендации со стороны вышестоящих субъектов управления, требования и позиции судов, органов прокуратуры по вопросам расследования преступлений коррупционной направленности в сфере экономики. Немаловажное значение имеет и позиция, рекомендации по вопросам взаимодействия при расследовании со стороны контрольно-надзорных органов, к основным из которых относятся: Счетная палата Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации, Федеральное казначейство, Федеральная налоговая служба, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Федеральная служба финансово-бюджетного надзора, Федеральная антимонопольная служба, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом и др. Сюда входит и сформировавшийся уровень доверия между должностными лицами следственных и других правоприменительных органов, уполномоченными лицами государственных учреждений, органов местного самоуправления, общественных объединений и организациями по вопросам борьбы с преступностью в рассматриваемой сфере отношений. Такие требования, в отличие от ранее описанных, часто не закреплены в каких-либо нормативных актах, порой даже носят сугубо субъективный характер. К примеру, они могут относиться к квалификации, качеству расследования, достаточности доказательств, оформлению уголовных дел и т. д. В подтверждение этому можно привести отличную в разных субъектах сформировавшуюся практику правоприменения, хоть и основанную на нормативно-правовых актах, но истолкованную по-разному.

В некоторых случаях можно наблюдать и наличие пробелов в законодательстве применительно к конкретному случаю складывающихся правоотношений, которые при отсутствии разъяснений Верховного суда РФ могут восполняться устным согласованием субъектами правоприменения определенных алгоритмов действий или даже изданием конкретных актов ведомственного и межведомственного характера.

В этой связи представляется уместным с учетом сформировавшихся факторов данной подсистемы инициировать со стороны субъектов управления следственных органов проведение семинаров с участием судей, прокурорских работников, представителей различных правоохранительных и кон-

тролирующих органов по вопросам расследования преступлений на каждом этапе досудебного судопроизводства, внесение предложений в повестку координационных совещаний и участие в них, обмен опытом и пр., инициировать запросы в судебные и иные контролирующие органы для дачи разъяснений по спорным вопросам и др. Такие мероприятия должны проводиться на каждом уровне организационно-управленческой структуры следственных органов и призваны устранить возникшие противоречия по спорным вопросам между всеми субъектами правоприменения.

Как показывает практический опыт, важное значение для формирования качественного уровня организации расследования преступлений имеет и личное неформальное общение отдельных должностных лиц следственных органов, их руководителей с надзирающими прокурорами, судьями, должностными лицами вышестоящих субъектов управления, государственных и муниципальных органов, представителями общественных объединений и организаций.

Положительным показателем для оценки уровня взаимодействия руководителя органа предварительного расследования с прокурором является устоявшаяся практика согласования проектов постановлений о привлечении в качестве обвиняемых; обсуждение материалов доследственных проверок; анализ практики расследования определенных категорий, конкретных составов преступлений и пр.

Представляется уместным распространить практику проведения рабочих встреч по коррупционным преступлениям, в ходе которых с участием следователя, непосредственного руководителя, надзирающего прокурора и государственного обвинителя должны обсуждаться вопросы проблемного характера, при необходимости рассматриваться и возможность перед направлением в суд уголовного дела инициировать встречи со свидетелями для уточнения их показаний, подтверждающих обвинение, а также проверки возможного их изменения в суде и пр.

Следующая подсистема состоит из организационных факторов, по среде функционирования органов предварительного расследования их принято называть внутренними. К ним относится функциональная составляющая деятельности органов предварительного расследования, куда также входит и определенная вышестоящими субъектами управления стратегическая миссия ведомства, обозначенные приоритетные направления деятельности, оценка достигнутых результатов и пр.; состояние ресурсного обеспечения ОПП, то есть качественная и количественная составляющая сил и средств, которыми данный орган располагает для решения поставленных задач и реализации определенных функций и др.

В отличие от правовых факторов в данной подсистеме изданные для упорядочивания деятельности органов предварительного следствия ведомственные акты связаны с распределением ресурсного обеспечения, оценкой результатов работы, определением приоритетов и планированием работы по достижению поставленных задач и пр.

Представляется уместным для оптимизации работы следственных органов принять соответствующие меры организационного характера, акцентированные на создание рациональной системы оценок их деятельности, которая должна быть основанной на учете сложившейся организационно-управленческой ситуации в зоне их обслуживания: нагрузки в подчиненных подразделениях, то есть количестве осуществляемых производств, распределении ее между исполнителями; сложности расследования, в частности, с учетом требований органов прокуратуры и судов и т. д.; интенсивности и качества труда следователей; внутренних и внешних ресурсов; профессиональной подготовки следователей, уровня вовлеченности в деятельность персонала в целом и каждого сотрудника и пр.

В рассматриваемой подсистеме важное место занимает и максимально равномерное распределение всех ресурсов между следственными органами и их должностными лицами, осуществляющими расследование на обслуживаемой территории с учетом всей системы факторов, а также принятия других мер организационного характера.

Следующая подсистема состоит из факторов внешней среды, куда входят природно-географические, административно-территориальные, экономические, социально-политические особенности зоны обслуживания органов предварительного расследования, криминогенная обстановка,

Указанные факторы могут оказывать как прямое, так и косвенное влияние на организацию расследования и на организационную структуру следственных органов. К примеру, устойчивый рост коррупционной преступности в сфере экономики может повлечь создание дополнительных отделов районного и городского звена, управлений регионального значения. И наоборот, минимизация количества совершаемых преступлений анализируемой категории может способствовать их ликвидации или реорганизации.

Протяженность и заселенность территории обслуживания, этническая составляющая, нахождение в зоне дислокации следственного органа правоохранительных и контролирующих, экспертных учреждений, органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и организаций, с которыми происходит взаимодействие по вопросам борьбы с преступностью, вместе с другими факторами оказывают существенное влияние на организацию работы по расследованию преступлений анализируемой категории и дают преимуще-

ства одним органам предварительного расследования перед другими. В принципе, с учетом таких факторов и должна формироваться организационно-управленческая структура, система, состоящая из должностных лиц.

Как было указано ранее, оказывать влияние на формирование и изменение содержания отдельных факторов, их совокупности в конкретной подсистеме или всей системы в целом может и сама деятельность следственных органов, их должностных лиц. К примеру, успешная работа по расследованию ряда громких преступлений коррупционной направленности в сфере экономики может повлиять на криминогенную обстановку в данной сфере правоотношений, изменить правосознание служащих, граждан, которые, в том числе под страхом неотвратимости наказания, могут отказаться от совершения преступлений. Организационно-штатные мероприятия могут повлиять на ресурсную составляющую, а создание эффективной системы оценки функционирования органов расследования позволит не только повысить мотивационный уровень работников, но и качественно изменит содержание самой работы по организации расследования преступлений. Предоставление в установленном порядке Президенту Российской Федерации проектов федеральных законов, а также других документов по вопросам досудебного уголовного судопроизводства с последующим их принятием изменит нормативную подсистему факторов.

С учетом вышеизложенного под факторами организации работы следственных органов по расследованию преступлений коррупционной направленности в сфере экономики следует понимать систему существенных обстоятельств правового, неформального (коммуникационного), внутреннего (организационного) и внешнего характера, которые прямо или косвенно оказывают влияние на содержание деятельности следственных органов, их должностных лиц по созданию условий для реализации имеющихся у субъектов предварительного следствия полномочий на различных направлениях процессуальной и служебной деятельности, направленных на достижение целей уголовного судопроизводства при расследовании преступлений, имеющих признаки коррупционной направленности и посягающих на экономические отношения.

Библиографический список

1. *Ефремова Е.Л.* Организация расследования преступлений экономической направленности: монография / под ред. А.В. Шмонина. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 189 с.
2. *Ишигеев В.С.* Обстановка совершения корыстных преступлений в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним / В.С. Ишигеев, Е.А. Гаврилов, С.В. Пясецкий // *Baikal Research Journal*. – 2016. – Т. 7, № 6.

3. Кобзарев Ф.М. К вопросу о понятийных основах теории организации работы и управления в органах прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 6 (56).

4. Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2001. – 205 с.

5. Можяева И.П. Научная организация труда в органах расследования преступлений: учеб.-практ. пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2013. – 140 с.

6. Пупцева А.В. Основные факторы взаимодействия следователя и органа дознания в ходе расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–1. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20609> (дата обращения: 5.05.2019).

7. Рыбак А.В. Оценка эффективности деятельности следственных подразделений на основе применения методов системной динамики: методические рекомендации. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. – 28 с.

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993): (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.03.2019).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 1.04.2019, с изм. от 17.04.2019) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.04.2019).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.04.2019).

References

1. Efremova E.L. Organizaciya rassledovaniya prestuplenij ekonomicheskoy napravlenosti: monografiya / pod red. A.V. SHmonina. – М.:

YUrlitinform, 2014. – 189 s.

2. Ishigeev V.S. Obstanovka soversheniya korystnyh prestuplenij v rajonah Krajnego Severa i mestnostyah, priravnennyh k nim / V.S. Ishigeev, E.A. Gavrilov, S.V. Pyaseckij // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7, № 6.

3. Kobzarev F.M. K voprosu o ponyatijnyh osnovah teorii organizacii raboty i upravleniya v organah prokuratury // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2016. – № 6 (56).

4. Konovalov S.I. Teoretiko-metodologicheskie osnovy kriminalistiki: sovremennoe sostoyanie i problemy razvitiya: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Volgograd, 2001. – 205 s.

5. Mozhaeva I.P. Nauchnaya organizaciya truda v organah rassledovaniya prestuplenij: ucheb.-prakt. posobie. – М.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013. – 140 s.

6. Puppeva A.V. Osnovnye faktory vzaimodejstviya sledovatelya i organa doznaniya v hode rassledovaniya prestuplenij // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 2–1. – Rezhim dostupa: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20609> (data obrashcheniya: 5.05.2019).

7. Rybak A.V. Ocenka effektivnosti deyatelnosti sledstvennyh podrazdelenij na osnove primeneniya metodov sistemnoj dinamiki: metodicheskie rekomendacii. – Habarovsk: RIO DVYUI MVD Rossii, 2016. – 28 s.

8. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993): (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya: 15.03.2019).

9. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 1.04.2019, s izm. ot 17.04.2019) // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (data obrashcheniya: 30.04.2019).

10. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 23.04.2019) // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 30.04.2019).

Мещерякова Анжела Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Пятигорск
ladyflame68@mail.ru

Мазуренко Андрей Петрович

доктор юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Пятигорск
decanpetrovich@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы противодействия коррупции в сфере здравоохранения. Авторы отмечают, что уровень коррупции вообще и в сфере здравоохранения в частности продолжает расти. Анализируются основные причины, порождающие коррупционные преступления в названной сфере, среди которых выделяются низкий уровень доходов и социальной защиты сотрудников здравоохранения; расслоение российского здравоохранения «для богатых», «среднего класса» и «для бедных»; корпоративная солидарность медицинских работников в сокрытии фактов коррупции в сфере здравоохранения; вынужденное участие граждан в коррумпировании здравоохранения и др. Авторами предлагаются средства противодействия коррупции, одним из которых может стать цифровизация и эффективное использование медицинских информационных систем и технологий. Цифровизация в сфере здравоохранения должна привести к полному удовлетворению потребностей населения в медицинской помощи, ее оптимизации, повышению качества и снижению затрат, а, соответственно, более эффективно противодействию коррупции.

Ключевые слова: здравоохранение, цифровизация, медицинские информационные системы и технологии, антикоррупционная правовая политика.

В Российской Федерации в полной мере сформировалась система законодательства о противодействии коррупции, соответствующая международным и европейским стандартам. Но приходится констатировать, что уровень коррупции вообще и в сфере здравоохранения в частности продолжает неуклонно расти. Если же принять во внимание, что в отечественной социальной сфере нечетко различается грань между взяткой и благодарностью, то картина выглядит удручающе: подарки и деньги работникам медицины граждане России давали в 52 % случаев [1; 2]. К сожалению, в сфере оказания услуг населению современная медицина – одна из основных коррумпированных сфер жизни российского общества. Цена коррупции в здравоохранении оплачивается жизнью, здоровьем и человеческими страданиями.

Факторы, детерминирующие преступления в данной сфере, в ряде случаев обусловлены коррупционным характером самих норм права, регулирующих данные правоотношения. Так, например, на одной из коллегий Генеральной прокуратуры РФ, которая была посвящена состоянию законности и правопорядку, практике прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере обращения лекарственных средств и медицинских изделий, отмечено, что одна из главных причин, порождающая правонарушения в данной сфере – это недостаточно эффективное нормативно-правовое регулирование вышеуказанных направлений деятельности и несоответствие регионального законодательства требованиям федерального законодательства.

Многие положения российского законодательства, регулирующего отношения в сфере здравоохранения, содержат отсылочные нормы, предусматривающие возможность осуществления регулирования нормативными актами федеральных органов исполнительной власти, что снижает уровень правовой защиты социальных прав граждан. Так, в 2018 году Счетная палата выявила ряд системных проблем, влияющих на качество и доступность медицинской помощи для населения. В частности, отмечено несовершенство нормативно-правового регулирования в сфере здравоохранения, в том числе:

– в части формирования региональных перечней лекарственных препаратов, которые отпускаются по рецептам врачей бесплатно или с 50-процентной скидкой;

– в части определения источников финансового обеспечения оказания высокотехнологичной медицинской помощи детям.

Кроме того, не утверждены стандарты медицинской помощи по ряду распространенных заболеваний, по которым лечение оказывается бесплатно в рамках программ государственных гарантий.

Наиболее значимым в отчетном периоде стал комплекс мероприятий по анализу формирования и исполнения территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Анализ показал, что ни в одном из регионов России не достигнуты все установленные критерии доступности качества медицинской помощи. Также отмечено недостаточное финансирование территориальных программ [3]. Так, в 2018 году 52 региона при

формировании программ установили подушевой норматив финансирования ниже значения, утвержденного Правительством Российской Федерации.

По итогам анализа Счетная палата обратилась к проблеме формирования региональных перечней лекарственных препаратов и порекомендовала предусмотреть в Программе государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов требования по формированию указанных перечней в объеме не менее утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации на соответствующий год [4].

В рамках федерального законодательства региональные власти должны обеспечивать в полном объеме лекарственными препаратами больных с редкими (орфанными) заболеваниями. На момент проведения проверки Счетная палата установила отсутствие стандартов медицинской помощи по 5 из 24 орфанных болезней. Отсутствие должного правового регулирования в сфере здравоохранения создает благоприятную почву для злоупотреблений, в том числе и коррупционных.

Статья 41 Конституции Российской Федерации 1993 года закрепляет право человека на охрану здоровья и медицинскую помощь, которая должна оказываться российским гражданам на достаточно высоком профессиональном уровне в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения бесплатно за счет средств соответствующего бюджета и страховых взносов. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, должностные лица организаций несут в пределах своих полномочий ответственность за обеспечение гарантий в сфере охраны здоровья, установленных законодательством РФ.

К сожалению, сегодняшние реалии таковы, что ни существующее российское законодательство, ни правоприменительная практика пока не могут эффективно противостоять коррупции в целом, а в сфере здравоохранения – в частности. Поэтому российские граждане вынуждены доплачивать за бесплатную медицину в силу разных причин: кому-то срочно нужно сдать анализы, провести обследование или операцию; у скорой помощи «вдруг» нет нужных лекарств; в больницу не оформляют даже по медицинским показателям; халатность, грубость зачастую – прямой намек на дачу взятки; анестезиологи предлагают «эффективный» препарат, чтобы лучше перенести операцию, невозможно попасть к врачу-специалисту в связи с отсутствием талонов, а запись – только через месяц и т. д. На эти и другие случаи в медицинских учреждениях есть прейскуртант платных услуг.

Какие же причины порождают коррупционные деяния в сфере здравоохранения? На наш взгляд, следующие:

– достаточно хорошее финансирование данной отрасли в крупных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Казань, Уфа, Оренбург), которое позволяет медицинским организациям иметь новейшее дорогостоящее оборудование (для скрининга рака, аппараты УЗИ, томографы, маммографы, оборудование для ЭКО и др.), квоты на высокотехнологичную помощь, ВМП. На периферии ситуация по финансированию не такая благоприятная, в регионах качество медицинского обслуживания вызывает постоянные нарекания. В поликлиниках выстраиваются очереди к терапевтам и педиатрам, в больницах приходится по полгода ждать необходимую операцию, к узким специалистам не попасть годами. Многие вопросы можно было бы решить с помощью грамотного распределения государственного задания (муниципального задания, квот) между государственными и частными клиниками, а также формирования тарифов, отражающих реальную стоимость услуг. Это задача регионального Минздрава и Территориального фонда обязательного медицинского страхования (ТФОМС). Но каждый год повторяется одна и та же ситуация: основные объемы квот выделяются государственным больницам, а частные клиники получают лишь остатки, которые не покрывают и 30 % от их потенциальных возможностей;

– низкий уровень доходов и социальной защиты сотрудников здравоохранения (35–40 тысяч рублей получают врачи в государственных медучреждениях);

– расслоение российского здравоохранения «для богатых», «среднего класса» и «для бедных»;

– корпоративная солидарность медицинских работников в сокрытии фактов коррупции в сфере здравоохранения;

– отсутствие статистической отчетности по коррупционным преступлениям в сфере здравоохранения;

– вынужденное участие граждан в коррумпировании российского здравоохранения, чтобы быстрее получить медицинскую помощь (квоты на лечение и операции, рецепты на медицинские препараты, возможность пройти обследование на новейших аппаратах и оборудовании без предварительной записи).

На наш взгляд, действенным средством антикоррупционной политики в сфере здравоохранения могла бы стать повсеместная цифровизация и эффективное использование медицинских информационных систем и технологий. Рассмотрим подробнее эти механизмы. «В большинстве случаев медицинская информационная система (МИС) для пациента начинается с регистрации визита по телефону, через интернет-портал, по предварительной записи предыдущего визита. Уже на этом этапе МИС оказывает существенное воздействие на функционирование медучреждения – с помощью

систем call-tracking и инструментов аналитики интернет-портала к моменту звонка оператор уже оповещен о личности пациента (если он является зарегистрированным клиентом) или в курсе его проблемы в целом (с помощью id-номера и логотипы понимаем, какое рекламное объявление привело его к нам). Далее происходит процесс направления и/или записи к конкретному специалисту, что также отмечается в системе» [5, с. 138].

Деятельность МИС регулируется такими нормативно-правовыми актами, как: федеральные законы «О персональных данных», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» и др. [6]. С 2018 года внедряются специальные браслеты для быстрого доступа к истории болезни пациента, благодаря которым врач сможет в online-режиме получать данные о пациенте. Так, например, в больнице Лангепаса (Ханты-Мансийский автономный округ) уже активно используются браслеты со специальной тревожной кнопкой, а в большинстве регионов внедрены системы автоматической записи на прием к врачу. В 2019 году предполагается введение единого паспорта здоровья гражданина РФ. Разработан проект Health Net, ставящей своей целью к 2035 году подключить большинство граждан России к системе сбора и анализа данных о состоянии здоровья [7; 8].

Мировой технологический прогресс уже сейчас обеспечивает медицину целым набором как аппаратных, так и софтверных средств, облегчающих работу врача и управляющего персонала лечебно-профилактического учреждения и одновременно снижающих затраты на оказание медицинской помощи. Тем не менее на данный момент имеется ряд препятствий, мешающих повсеместному введению в эксплуатацию вышеупомянутых средств. В Российской Федерации на данный момент ощущается явный недостаток финансирования государственных проектов в сфере информатизации здравоохранения на региональном уровне, а также дублирование некоторых важнейших инициатив [9, с. 17]. А цифровизация в сфере здравоохранения может привести к полному удовлетворению потребностей населения в медицинской помощи, ее оптимизации, повышению контроля качества и снижению различных затрат.

Реализация «Цифрового здравоохранения» должна привести к тому, что:

– гражданам оказывается своевременная, необходимая и качественная медицинская помощь с использованием цифровых медицинских сервисов врачами, пациентами, управленцами здравоохранения всех уровней и форм собственности;

– доступные, удобные, эффективные и качественные медицинские услуги способствуют увеличению средней продолжительности жизни населения РФ».

«В результате реализации программы “Цифрового здравоохранения”:

1. Граждане РФ будут обеспечены доступной медицинской помощью по месту требования, соответствующей критериям своевременности, персонализации, превентивности, технологичности и безопасности;

2. Будет повышена производительность и эффективность использования материальных, человеческих, информационных и иных ресурсов и данных при оказании медицинских услуг (к 2025 году – не менее чем на 30 %) при сохранении качества оказания медицинской помощи для всех пациентов в соответствии с нормативными документами Минздрава России.

3. В России будет создана экосистема цифрового здравоохранения посредством трансфера инновационных решений в медицинские организации и поддержки отечественных стартап компаний в этой области».

Таким образом, в целях противодействия коррупции в сфере здравоохранения можно предложить следующие меры организационно-правового характера:

– принятие Федерального закона РФ «О правах пациентов», где будет закреплено, что пациент имеет право на получение доступной, необходимой и качественной медицинской помощи;

– принятие Типового кодекса врачебной этики с целью формирования и развития правовой культуры медицинских работников;

– увеличение финансирования системы здравоохранения за счет ассигнований из федерального бюджета;

– совершенствование контроля над эффективностью использования бюджетных средств, выделяемых на здравоохранение, внедрение контроля над платными услугами во всех лечебно-профилактических учреждениях;

– органично встроить частную медицину в общую систему здравоохранения с целью максимального использования ресурса частных клиник, экономии за счет этого государственных средств и, как следствие, наиболее полного удовлетворения потребности населения области в медицинской помощи;

– создание условий, исключающих возможность фальсификации официальных медицинских документов;

– применение протоколов (стандартов) лечения для каждого клинического случая, обязательно учитывая индивидуальные особенности организма человека;

– существенное увеличение заработной платы медицинским сотрудникам (в 2–3 раза);

– открытие паллиативных кабинетов в медицинских клиниках для ранней диагностики и лечения симптомов тяжелых болезней пациентов,

исключить коррупционные схемы при распределении федеральных и региональных квот на лечение; – внедрение цифровых технологий и эффективное использование медицинских информационных систем (МИС), электронных медицинских паспортов пациентов (чтобы устранить бумажную волокиту и получить услуги медицинских работников в любой больнице).

Итак, последние несколько лет стали знаковыми для медицины: внедрение высоких технологий вывели здравоохранение на новый – цифровой – уровень. Нынешняя «медицина в цифре» – это не только электронная запись на прием или онлайн-консультация врача, но и применение систем нового поколения, использующих возможности искусственного интеллекта, интернета вещей, дополненной реальности, BlockChain и т. д. Все эти технологии работают сегодня на повышение качества и доступности медицинских услуг при сокращении финансовых затрат, а также способствуют противодействию коррупции.

Библиографический список

1. ВЦИОМ: Главные причины коррупции – жадность, аморальность чиновников и несовершенство закона [Электронный ресурс] // REGNUM URL: информационное агентство. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1056291.html> (дата обращения: 24.04.2019).
2. Галюкова М.И. Взятка или искренняя благодарность? [Электронный ресурс] // Правовые вопросы в здравоохранении: электронный журнал. – 2010. – № 4. – Режим доступа: <https://e.zdravpravo.ru/> (дата обращения: 24.04.2019).
3. Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/25167 (дата обращения: 24.04.2019).
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. – № 48. – Ст. 6724.
5. Скрьль Т.В., Парамонов А.С. Цифровая трансформация сферы здравоохранения: российская и зарубежная специфика // Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 137–140.
6. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета от 29 июля 2006 г. № 165; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. – 2006. – 29 июля.
7. Смирнова Т. Здоровье россиян проверят по интернету [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rns.online/articles/Zdorove-rossiyan-proveryat-po-internetu-2017-03-28/> (дата обращения: 24.04.2019).
8. Пациентам могут начать выдавать браслеты с доступом к истории болезни [Электронный ресурс] // Медицинское обозрение: журнал. – Режим доступа: <http://regions.ru/news/2602951/> (дата обращения: 24.04.2019).
9. Ustyuzhanina E.V., Evsyukov S.G., Sigarev A.V., Zaitseva E.V. Comparative analysis of pricing policies in the market for network goods // Journal of Internet Banking and Commerce. – 2016. – Т. 21. – № 56. – P. 17–20.

References

1. VCIOM: Glavnye prichiny korrupcii – zhadnost', amoral'nost' chinovnikov i nesovershenstvo zakona [Elektronnyj resurs] // REGNUM URL: informacionnoe agentstvo. – Rezhim dostupa: <https://regnum.ru/news/1056291.html> (data obrashcheniya: 24.04.2019).
2. Galyukova M.I. Vzyatka ili iskrennyaya blagodarnost'? [Elektronnyj resurs] // Pravovye voprosy v zdravooohranenii: elektronnyj zhurnal. – 2010. – № 4. – Rezhim dostupa: <https://e.zdravpravo.ru/> (data obrashcheniya: 24.04.2019).
3. Schetnaya palata Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/25167 (data obrashcheniya: 24.04.2019).
4. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 29.12.2015) «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 noyabrya 2011 g. – № 48. – St. 6724.
5. Skryl' T.V., Paramonov A.S. Cifrovaya transformaciya sfery zdravooohraneniya: rossijskaya i zarubezhnaya specifika // Karel'skij nauchnyj zhurnal. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – S. 137–140.
6. Federal'nyj zakon «O personal'nyh dannyh» ot 27.07.2006 № 152-FZ // Rossijskaya gazeta ot 29 iyulya 2006 g. № 165; Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Rossijskaya gazeta. – 2006. – 29 iyulya.
7. Smirnova T. Zdorov'e rossiyan proveryat po internetu [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rns.online/articles/Zdorove-rossiyan-proveryat-po-internetu-2017-03-28/> (data obrashcheniya: 24.04.2019).
8. Pacientam mogut nachat' vydavat' braslety s dostupom k istorii bolezni [Elektronnyj resurs] // Medicinskoje obozrenie: zhurnal. – Rezhim dostupa: <http://regions.ru/news/2602951/> (data obrashcheniya: 24.04.2019).
9. Ustyuzhanina E.V., Evsyukov S.G., Sigarev A.V., Zaitseva E.V. Comparative analysis of pricing policies in the market for network goods // Journal of Internet Banking and Commerce. – 2016. – Т. 21. – № 56. – P. 17–20.

Гаджиев Абдулхаким Кутбудинович

Всероссийский государственный университет юстиции, г. Москва
abdulhakimkutbudino@yandex.ru

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АППАРАТА ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящей статье рассмотрены отдельные актуальные вопросы противодействия коррупции в деятельности аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. Определены основные направления и проанализировано содержание работы аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе по реализации антикоррупционной политики Российского государства. Проведенное исследование позволило сформулировать положение о целесообразности учета и заимствования в работе аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах положительного опыта противодействия коррупции в системе федеральных органов исполнительной власти в части методического его обеспечения, а также выдвинуть предложение о перспективности учреждения в аппаратах полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах Комиссий по служебной этике.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные правонарушения, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, аппарат, полномочный представитель, Северо-Кавказский федеральный округ.

Вопросы противодействия коррупции в механизме государства актуальны сегодня для всех публичных (государственных и муниципальных) администраций страны и их должностных лиц. Вместе с тем, к сожалению, проблемы обеспечения эффективной реализации государственной антикоррупционной политики в деятельности аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах до сих пор должным образом не исследовались и не анализировались с позиции современных политико-правовых реалий. Не является исключением и аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. Создание последнего в качестве самостоятельного подразделения Администрации Президента России осуществлялось одновременно с учреждением Северо-Кавказского федерального округа с последующим его реформатированием в Южный федеральный округ [1; 6].

В современном виде аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе стал формироваться с 2010 года, когда на территориях таких субъектов Российской Федерации, как Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край был воссоздан обновленный Северо-Кавказский федеральный округ с центром в городе Пятигорске [2]. В настоящее время аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе непосредственно обеспечивает деятельность по-

следнего и имеет следующую структуру: четыре заместителя и три помощника полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе, департаменты по направлениям деятельности, семь главных федеральных инспекторов по указанным ранее субъектам России [4].

На сотрудников аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе (федеральных государственных гражданских служащих) в полной мере распространяются нормы федерального законодательства, регламентирующие вопросы противодействия коррупции и реализации антикоррупционной политики. При этом отдельные руководители аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе и должностные лица таких департаментов, как, в первую очередь, департамент по вопросам государственной службы, кадров и государственных наград, департамент по вопросам правоохранительной деятельности, обороны и безопасности, выступают в двояком статусе.

С одной стороны, как государственные служащие они обязаны строго выполнять требования антикоррупционного законодательства в своей профессиональной деятельности. С другой стороны, в силу возложенных должностных обязанностей должны непосредственно реализовывать определенные антикоррупционные мероприятия, контролировать соблюдение антикоррупционных норм и правил как со стороны иных сотрудников аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе, так и иных «подведомственных» структур (федеральных территориальных органов,

региональных органов, органов местного самоуправления, корпораций).

Обозначенные позиции подтверждаются и практикой работы аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. Так, 23 мая 2019 года аппаратом полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе в городе Пятигорске было организовано расширенное совещание по вопросам организации работы по профилактике коррупционных правонарушений. В совещании приняли участие, в частности, должностные лица, ответственные за осуществление государственной антикоррупционной политики в субъектах Российской Федерации.

В ходе этого мероприятия были подведены предварительные итоги реализации в Северо-Кавказском федеральном округе Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы. Внимание акцентировалось на необходимости реализации действенных мер по предупреждению коррупционных проявлений в сферах бюджетных отношений, государственных и муниципальных закупок, здравоохранения, образования, недропользования, жилищно-коммунального хозяйства, инвестиций, дорожного строительства, земельно-имущественных отношений. Направлениями повышения эффективности антикоррупционной политики были определены обеспечение самостоятельности регионов по профилактике коррупционных правонарушений, проведение качественной антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, оптимизация административных процедур при оказании услуг населению, совершенствование взаимодействия с общественными организациями, осуществляющими деятельность в сфере противодействия коррупции. Особо подчеркнута важность совершенствования системы подбора и изучения кандидатов на гражданскую и муниципальную службу, широкое применение современных антикоррупционных технологий, направленных на выявление случаев отклонения служащих от норм и правил служебного поведения.

В данном контексте важную роль приобретают вспомогательные структуры – консультативные и совещательные органы при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах [5]. В Северо-Кавказском федеральном округе подобным специализированным органом является Координационное совещание по вопросам безопасности, противодействия коррупции и обеспечения правопорядка при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе [3]. Его учреждение обусловлено необходимостью обеспечения эффективного и конструктивного взаимодействия территориальных органов феде-

ральных органов исполнительной власти с региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями, научными и экспертными организациями при обсуждении вопросов выработки и реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности и правопорядка, противодействия коррупции на Северном Кавказе.

В состав этого органа включены также отдельные должностные лица аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе, а его задачами выступают: обобщение и анализ информации о состоянии безопасности, коррупции и правопорядка в регионах, а также прогнозирование тенденций развития ситуации в указанных областях; анализ эффективности деятельности правоохранительных и контрольно-надзорных органов, территориальных органов иных федеральных органов исполнительной власти, региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления по обеспечению безопасности и правопорядка, противодействию коррупции в субъектах России; подготовка предложений по формированию и реализации государственной политики в области обеспечения безопасности, правопорядка, противодействия коррупции в регионах; подготовка предложений и рекомендаций по совершенствованию нормативно-правового регулирования в области обеспечения безопасности, правопорядка, противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации.

В целом нельзя не отметить, что реализация государственной антикоррупционной политики в деятельности аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, в частности в Северо-Кавказском регионе страны, приобрела особое значение, а отчасти и специфическую направленность. Посредством организуемых и проводимых ими мероприятий осуществляется укрепление взаимодействия субъектов России на макрорегиональном уровне по вопросам профилактики коррупционных правонарушений, формируется единый выверенный и апробированный подход в реализации антикоррупционных мер, обеспечивается обмен позитивным опытом.

Вместе с тем и сотрудники аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах в силу реализуемых полномочий, несомненно, также подвержены коррупционным рискам, как и работники иных публичных администраций. Исходя из этого, перспективным представляется учет и возможное заимствование прогрессивного положительного опыта противодействия коррупции в системе федеральных органов исполнительной власти в части методического обеспечения (памятка об

ограничениях, запретах, требованиях к служебному поведению и предупреждению коррупционных правонарушений; памятка федеральному государственному гражданскому служащему, планирующему увольнение; памятка федеральным государственным гражданским служащим по урегулированию типовых ситуаций конфликта интересов; организация работы «телефона доверия» по вопросам противодействия коррупции).

Кроме того, в целях выстраивания антикоррупционного поведения и повышения нравственных начал деятельности федеральных государственных гражданских служащих предлагается создать в аппаратах полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах Комиссии по служебной этике. Деятельность данных структур посредством как общей работы, так и разрешения (разбора и анализа) конкретных ситуаций могла бы способствовать формированию и поддержанию атмосферы коррупционной нетерпимости в среде должностных лиц аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.
2. Указ Президента Российской Федерации от 19 января 2010 г. № 82 «О внесении изменений в перечень федеральных округов», утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849, и Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 4. – Ст. 369.
3. Распоряжение полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе от 19.06.2015 № А73-26 рп [Электронный ресурс] // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. – Режим доступа: <http://www.skfo.gov.ru> (дата обращения: 28.06.2019).
4. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <http://www.skfo.gov.ru> (дата обращения: 28.06.2019).

5. Черкасов К.В. Противодействие коррупции на уровне федерального округа: организационно-правовые аспекты (на примере Приволжского федерального округа) // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 218–221.

6. Черкасов К.В. Становление и развитие института полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах / под ред. П.П. Сергуна. – Саратов: Изд-во РПА Минюста России, СЮИ МВД России, 2006. – 148 с.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13 maya 2000 g. № 849 «O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossijskoj Federacii v federal'nom okruge» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2000. – № 20. – St. 2112.
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19 yanvarya 2010 g. № 82 «O vnesenii izmenenij v perechen' federal'nyh okrugov», utverzhdenyj Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13 maya 2000 g. № 849, i Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12 maya 2008 g. № 724 «Voprosy sistemy i struktury federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2010. – № 4. – St. 369.
3. Rasporyazhenie polnomochnogo predstavatelya Prezidenta Rossijskoj Federacii v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge ot 19.06.2015 № А73-26 рп [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt polnomochnogo predstavatelya Prezidenta Rossijskoj Federacii v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge. – Rezhim dostupa: <http://www.skfo.gov.ru> (data obrashcheniya: 28.06.2019).
4. Oficial'nyj sajt polnomochnogo predstavatelya Prezidenta Rossijskoj Federacii v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.skfo.gov.ru> (data obrashcheniya: 28.06.2019).
5. SHerkasov K.V. Protivodejstvie korrupcii na urovne federal'nogo okruga: organizacionno-pravovye aspekty (na primere Privolzhsogo federal'nogo okruga) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 2. – S. 218–221.
6. SHerkasov K.V. Stanovlenie i razvitie instituta polnomochnyh predstavitelej Prezidenta Rossijskoj Federacii v federal'nyh okrugah / pod red. P.P. Serguna. – Saratov: Izd-vo RPA Minyusta Rossii, SYUI MVD Rossii, 2006. – 148 s.

Пашин Вадим Михайлович

доктор юридических наук
Всероссийский государственный университет юстиции, г. Москва
kafuprk@mail.ru

Павлюков Виталий Владимирович

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар
ukc@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы получения компьютерной информации о деятельности сотрудников оперативных подразделений на стадии реализации оперативно-розыскных мероприятий при помощи ведомственных информационных систем. Авторы приводят характеристику автоматизированного информационного комплекса «Надзор», который эффективно используется в целях автоматизации работы органов прокуратуры Российской Федерации. Формулируются рекомендации о целесообразности объединения данных автоматизированного информационного комплекса «Надзор» с ведомственными оперативными учетами МВД России в целях недопущения нарушения конституционных прав граждан на этапе осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Обосновываются авторские предложения о внесении изменений в статью 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», которые должны нормативно зафиксировать требование прокурора, обращенное в оперативные учеты МВД, предоставлять ему в электронном виде информацию о делах оперативного учета.

Ключевые слова: прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, информационные системы.

Одним из актов защиты конституционных прав участников расследования преступлений и судебного процесса является прокурорский надзор. Эта тема становится особо острой при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), когда зачастую становится необходимым балансировать на грани нарушения прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации.

Несмотря на тот факт, что оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) позиционируется как эффективное средство в борьбе с преступностью, она же нередко становится и средством выявления нарушения прав и свобод человека. Ю.Я. Чайка на заседании Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации констатирует, что в 2017 году на фоне снижения нагрузки по направленным в суд делам количество выявленных прокурорами на досудебной стадии нарушений закона выросло на 5,2 млн. И это при том, что в структуре правоохранительных ведомств имеется значительная по численности многоступенчатая система органов контроля [1].

Такое положение дел обуславливает не только необходимость разработки новых подходов в отношении прокурорского надзора за соблюдением законодательства, но и требует усиления эффективности прокурорского надзора на досудебном следствии, оптимизации соотношения прокурорского надзора с судебным и ведомственным контролем в механизме обеспечения прав граждан, которые затрагиваются в сфере уголовного судопроизводства.

Стоит также отметить, что прокуратура является правоохранительным органом, деятельность

которого заключается в основном только в надзоре и выявлении уже имеющихся фактов нарушения конституционных прав граждан и практически не осуществляет работу, связанную с предотвращением противоправных действий до момента их совершения. Именно указанная ранее статистика и то, что количество нарушений конституционных прав граждан неуклонно растет, заставляет нас искать новые способы и методы не только контроля, но и предотвращения, недопущения вышеуказанных нарушений.

По данной проблеме учеными выдвигаются различные суждения, а именно, Н.С. Тюрин предлагает внести изменения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», где предоставить прокурору право отменять напрямую незаконные постановления органов, занимающихся оперативно-розыскной деятельностью (далее – ОРД), что позволит осуществлять прокурорский надзор оперативно и на более высоком уровне [9, с. 73]. Поддерживая высказанную ученым инициативу, считаем, что данный процесс при помощи современных информационных систем возможно автоматизировать.

Это также необходимо потому, что прокурор должен уже на подготовительном этапе осуществить колоссальный объем работы, а именно провести проверки, в ходе которых нужно уяснить имеющиеся у него исходные данные, в том числе статистику, относящуюся к предмету проверки: о преступности на территории, обслуживаемой проверяемым органом, ее состоянии, характере и динамике; о соблюдении законности при осуществлении проверяемого направления ОРД в период, предшествующий проверке; о результатах

ранее проводимых проверок; другие необходимые сведения.

В свой черед, необходимую для осуществления прокурорского надзора информацию уполномоченный прокурор обычно получает из различных источников, таких, например, как статистические и отчетные данные, оперативные сводки, аналитические справки и докладные записки, жалобы и другие обращения граждан и организаций, уголовные дела и материалы об отказе в их возбуждении, материалы предшествующих прокурорских проверок и соответствующие акты прокурорского реагирования.

Как своевременно заметил С.В. Швец, «информация может иметь различную природу, различную форму представления и содержаться на различных носителях. Но для целей ее использования в правоохранительной деятельности такая информация должна быть преобразована в вид, доступный для ее оперативного восприятия участниками уголовного судопроизводства» [11, с. 236].

Бесспорно, все это трудоемкий процесс для прокуратуры, который требует не только знаний ОРД, но также постоянного взаимодействия между различными ведомственными структурными подразделениями.

Такие действия подкреплены законодателем, который в ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указывает, что прокурор вправе запросить у руководителей органов, осуществляющих ОРД, представить ему оперативно-служебные документы, включающие в себя дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения ОРМ [10].

Здесь существует ряд проблем. Одной из самых основных, по мнению А.В. Колесникова, является отслеживание сроков проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые не фиксированы в отраслевом законодательстве, что способствует злоупотреблению со стороны оперативных работников в указанной деятельности [3, с. 187].

Избавить от рутинной работы, связанной с изучением и выявлением нарушений при проведении ОРМ, по нашему мнению, может внедрение и использование современных информационных технологий в деятельности прокуратуры при осуществлении прокурорского надзора за ходом оперативной работы. С.А. Потапов отмечает, что уже сейчас существует автоматизированный информационный комплекс (далее – АИК) «Надзор», который на этом этапе организации надзора активно используется прокурорами, а также другие автоматизированные информационные системы, которые обеспечивают существенную экономию времени и сил [7, с. 171–172].

АИК «Надзор» представляет собой программное обеспечение для автоматизации работы органов прокуратуры и приравненных к ней учреждений. Помимо автоматизации классических делопроизводственных функций АИК «Надзор» предназначен для работы со специфическими задачами: учет и ведение уголовных дел, работа с фигурантами дел, ведение контрольных и надзорных производств по этим делам и т. п.

Следует заметить, что АИК «Надзор» уже внедрен в более ста органов прокуратуры Российской Федерации. Внедрение данной системы в российских органах прокуратуры позволило последним создать соответствующие «автоматизированные рабочие» места, количество которых уже превысило отметку 6100 ед. Показательно также то, что с 1 июля 2017 года указанный программный продукт стал постоянно совершенствоваться. Благодаря этому на федеральном уровне были внедрены дополнительные меры по контролю за результатами рассмотрения обращений граждан и организаций, а также общественных инициатив [5].

АИК «Надзор» является серьезным многоуровневым программным продуктом, который, как представляется, может взаимодействовать с другими информационными системами. Однако на сегодняшний день соответствующей функции он пока что лишен. Мы полагаем, что назрела необходимость объединения компьютерной информации оперативно-розыскного значения [6, с. 229], находящейся, в частности, в ОВД Российской Федерации, с данными АИК «Надзор». Это способствует более качественному выполнению задач ОРД по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, изобличению виновных и розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда либо уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, а также розыску без вести пропавших граждан [2, с. 100]. Будут также созданы дополнительные гарантии для обеспечения должностными лицами органов прокуратуры недопущения фактов нарушения прав и свобод человека в процессе осуществления ОРД, в том числе при проведении ОРМ.

Для реализации задуманного целесообразно разработать инструкцию, которая должна регулировать предоставление отчетных данных об осуществляемых ОРМ в электронном виде, а также позволять фиксировать сроки проведения ОРМ и результативность этих действий. Данная инструкция при этом не должна создавать условия для рассекречивания определенных оперативно-значимых сведений (например, в отношении тех субъектов, по которым проводятся соответствующие мероприятия).

Должностные лица органов прокуратуры РФ должны быть нацелены на совместную работу с оперативными подразделениями ОВД. Им следу-

ет осознать всю важность компьютерной информации, которая будет накапливаться и отслеживаться в АИК «Надзор». Это позволит реализовать возможности надзорной деятельности, которые закреплены Инструкцией о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд по проведению того или иного ОРМ.

В разрезе вышеуказанных рассуждений хотелось бы указать на те недостатки правоохранительной деятельности отдельных органов Российской Федерации, которые, как нам кажется, свидетельствуют о необходимости создания механизма взаимодействия данными между АИК «Надзор» и другими информационными системами.

Обратим внимание на то, что некоторые ОРМ, требующие решения суда для их проведения, могут осуществляться до получения такого судебного акта. Когда такой акт получается, то разрешение на проведение определенных ОРМ в нем проставляются «задним числом». По мнению некоторых экспертов, подобные нарушения носят массовый характер [8], что, конечно же, нельзя признать допустимым с точки зрения надлежащего обеспечения прав и свод человека и гражданина в Российской Федерации.

Правильным в данном случае мог бы быть признан только такой алгоритм проведения ОРМ, который позволял бы результаты ОРМ признавать доказательствами. Так, например, после проведенного на основании судебного постановления ОРМ (например, прослушивания телефонных переговоров) в обязательном порядке должна быть составлена справка оперативно-технического подразделения, к которой необходимо будет приложить соответствующую запись телефонных переговоров и само постановление для передачи дознавателю, следователю. Последние, в свою очередь, должны направить указанные материалы в экспертно-криминалистические подразделения с целью производства либо предварительного исследования, либо судебной экспертизы. Действуя только в обозначенном направлении, можно обеспечить доказательственное значение всех добытых сведений с помощью проведенного ОРМ, в том числе и такого, как прослушивание телефонных переговоров [4, с. 40].

В тех случаях, когда записи телефонных переговоров граждан, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, правоохранительные органы получают без санкции суда, они должны исключаться из состава доказательств по соответствующему уголовному делу как полученные с нарушением закона. При этом важно учитывать и то, что полученные в ходе ОРМ сведения без санкции суда могут привести к нарушению конституционных прав тех лиц, которые не имели отношения к противоправной деятельности, но, к примеру, общались с прослушиваемым абонентом. Чтобы иметь возможность защитить указанных граждан

от необоснованного вмешательства правоохранительных органов в их частную жизнь, важно, чтобы соответствующая информация вовремя доходила до органов прокурорского надзора.

Вышеизложенные аргументы позволяют дополнительно акцентировать внимание на необходимости осуществления постоянного взаимодействия сведениями, содержащимися в учетах МВД и прокуратуры, что поспособствует как выявлению, так и предупреждению противоправных действий со стороны сотрудников полиции, уполномоченных на проведение ОРМ. Также целесообразно в соответствующем нормативно-правовом акте закрепить право прокурора при помощи АИК «Надзор» визуальное отслеживание и поэтапно контролировать действия оперативного сотрудника, в частности, относительно того: 1) в какие сроки было заведено оперативно-розыскное дело; 2) какие основания для проведения ОРМ; 3) какие результаты были получены в ходе осуществления ОРД и т. д. Для более эффективной реализации указанных предложений в практике надзорной деятельности последние можно подкрепить новой редакцией ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» следующего содержания: «...По требованию уполномоченных прокуроров учеты МВД должны предоставлять им в электронном виде информацию о делах оперативного учета, материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий...».

Библиографический список

1. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1366820/> (дата обращения: 13.06.2018).
2. Друкаров И.Л., Сорокин В.В. Надзор прокурора за исполнением закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 2 (82). – С. 99–103.
3. Колесников А.В. Прокурорский надзор за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в стадии предварительного расследования преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 11. – С. 182–188.
4. Мешков В.М., Попов В.П. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия. – М., 1999. – 80 с.

5. Надзор: автоматизированный информационный комплекс [Электронный ресурс] // Автоматизированный информационный комплекс: продукт. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Надзор_АИК_Автоматизированный_информационный_комплекс (дата обращения: 13.06.2018).

6. Павлюков В.В. Правовая и практическая возможность объединения данных в информационно-поисковых системах МВД РФ с информацией из сети Интернет // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2016. – № 3. – С. 226–229.

7. Потапов С.А. Осуществление прокурорского надзора за соблюдением законности в оперативно-розыскной деятельности // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – № 12. – С. 170–176.

8. «Прослушка» без решения суда? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/proslushka-bez-resheniya-suda/> (дата обращения: 26.04.2019).

9. Тюрин Н.С. Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности: некоторые вопросы // Уголовная юстиция. – 2014. – № 2 (4). – С. 73–75.

10. Федеральный закон 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 13.06.2018).

11. Швец С.В. Информационные особенности криминалистической деятельности в условиях перевода // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 5. – С. 235–237.

References

1. Doklad General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii YU.YA. SНаjki na zasedanii Soveta Federacii Federal'nogo sobraniya Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1366820/> (дата обращения: 13.06.2018).

2. Drukarov I.L., Sorokin V.V. Nadzor prokurora za ispolnieniem zakona «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo

universiteta. – 2014. – № 2 (82). – С. 99–103.

3. Kolesnikov A.V. Prokurorskiy nadzor za ispolnieniem zakonov pri osushchestvlenii operativno-rozysknoj deyatel'nosti v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya prestuplenij protiv lichnosti, sovershennyh v usloviyah neochevidnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 11. – С. 182–188.

4. Meshkov V.M., Popov V.P. Operativno-rozysknaya taktika i osobennosti legalizacii poluchennoj informacii v hode predvaritel'nogo sledstviya. – М., 1999. – 80 s.

5. Nadzor: avtomatizirovannyj informacionnyj kompleks [Elektronnyj resurs] // Avtomatizirovannyj informacionnyj kompleks: produkt. – Rezhim dostupa: http://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Надзор_АИК_Автоматизированный_информационный_комплекс (дата обращения: 13.06.2018).

6. Pavlyukov V.V. Pravovaya i prakticheskaya vozmozhnost' ob'edineniya dannyh v informacionno-poiskovyh sistemah MVD RF s informaciej iz seti Internet // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova. – 2016. – № 3. – С. 226–229.

7. Potapov S.A. Osushchestvlenie prokurorskogo nadzora za soblyudeniem zakonnosti v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. – 2016. – № 12. – С. 170–176.

8. «Proslushka» bez resheniya suda? [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.advgazeta.ru/novosti/proslushka-bez-resheniya-suda/> (дата обращения: 26.04.2019).

9. Tyurin N.S. Prokurorskiy nadzor za zakonnost'yu operativno-rozysknoj deyatel'nosti: nekotorye voprosy // Ugolovnaya yusticiya. – 2014. – № 2 (4). – С. 73–75.

10. Federal'nyj zakon 12 avgusta 1995 goda № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 13.06.2018).

11. SHvec S.V. Informacionnye osobennosti kriminalisticheskoy deyatel'nosti v usloviyah perevoda // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 5. – С. 235–237.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОКУРАТУРЫ С ОРГАНАМИ,
ОРГАНИЗАЦИЯМИ, УЧРЕЖДЕНИЯМИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ
ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ**

В статье рассматривается вопрос взаимодействия прокуратуры с органами, организациями, учреждениями при осуществлении прокурорского надзора по соблюдению прав лиц с ограниченными возможностями здоровья. Автор обращает внимание на то, что такое взаимодействие является одним из направлений совершенствования прокурорского надзора в данной сфере. В статье приводится анализ взглядов исследователей на институт взаимодействия. Автором предпринята попытка раскрыть формы осуществления взаимодействия прокуратуры с уполномоченными органами, а именно: взаимный обмен информацией, привлечение к проверке специалистов контрольно-надзорных органов, проведение совместных мероприятий, учет и текущий контроль за выполнением проводимых мероприятий, информирование о работе прокуратуры в открытом доступе, участие прокурорских работников при рассмотрении внесенных ими актов прокурорского реагирования. В статье делается вывод о том, что каждая форма взаимодействия играет важную роль при осуществлении прокурорским надзором за соблюдением прав лиц с ОВЗ, однако только их использование в совокупности может привести к успешному результату работы и повысит уровень состояния законности в сфере соблюдения прав лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокуратура, лица с ограниченными возможностями здоровья, акты прокурорского реагирования, восстановление и защита прав, взаимодействие, уполномоченные органы, взаимный обмен, конференции, круглые столы, средства массовой информации.

Надзор за соблюдением прав лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – лица с ОВЗ) на сегодняшний день следует считать одним из приоритетных направлений правозащитной деятельности органов прокуратуры в силу ряда причин. Указанные лица являются наиболее социально уязвимой группой населения, нуждающейся в постоянной защите и контроле со стороны государства в лице органов прокуратуры. Однако работа прокуроров в данном направлении в настоящее время далеко не совершенна и имеет ряд недостатков.

В связи с этим определение перечня основных путей совершенствования работы в рассматриваемой сфере может способствовать повышению уровня названного направления надзора и восстановлению прав лиц с ОВЗ.

Одним из таких направлений можно считать повышение уровня взаимодействия прокуратуры с органами, организациями и учреждениями, уполномоченными на реализацию прав лиц с ОВЗ.

Качественно отлаженное взаимодействие позволяет более рационально, эффективно использовать имеющиеся силы и средства как органов публичной власти, институтов гражданского общества, так и органов прокуратуры в сфере реализации прав лиц с ОВЗ.

В приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 02.08.2018 № 471 [3] упоминается о необходимости поддержания органами прокуратуры тесного контакта с органами государственной власти, местного самоуправления, средствами массовой информации, научными и образовательными

организациями, общественными объединениями, предпринимательским сообществом и иными институтами гражданского общества с учетом состояния законности и правопорядка.

Органы прокуратуры при осуществлении надзора за соблюдением прав лиц с ОВЗ постоянно тесно взаимодействуют с указанными субъектами в силу особенностей работы.

Каждый субъект, с которым осуществляется взаимодействие органов прокуратуры, имеет свои особенности, цели деятельности и конечный результат работы. При этом цель взаимодействия всех указанных субъектов с прокуратурой является единой и сводится к реализации и соблюдению, защите и восстановлению прав лиц с ОВЗ.

Среди ученых, предметом исследования которых является рассматриваемый вопрос, существуют различные точки зрения применительно к видам субъектов взаимодействия.

Так, А.С. Семенов утверждает, что «институт взаимодействия прокуратуры с органами государственной власти и муниципальными органами в настоящее время представляет собой исторически сложившуюся и социально обусловленную совокупность взаимосвязанных действий и решений прокуроров и представителей органов публичной власти, направленных на выполнение задач в рамках достижения поставленных перед ними единых целей» [9, с. 11].

Ю.Н. Турыгин считает, что «взаимодействие прокуратуры с неправительственными правозащитными организациями является элементом внешнефункциональной правозащитной деятель-

ности органов прокуратуры, по своей сути являются самостоятельным направлением деятельности прокуратуры Российской Федерации...» [11].

В данном случае нельзя не согласиться с мнением А.Ю. Усова о том, что «единой целью их взаимодействия является защита ценностей, установленных Конституцией Российской Федерации в результате их согласованной, юридически значимой, добровольной, основанной на равноправии сторон деятельности» [12, с. 19].

Таким образом, стоит отметить, что в настоящее время для повышения уровня прокурорского надзора за соблюдением прав лиц с ОВЗ необходимо разрабатывать различные формы проявлений взаимодействия прокуратуры с рассматриваемыми субъектами. В этой связи обоснованно мнение Б.Н. Пантелеева о том, что «проблема соотношения степени открытости прокуратуры и качественного исполнения ею специфических функций по обеспечению правопорядка и режима законности в стране также нуждается в новом осмыслении на научном и практическом уровне» [8].

На сегодняшний день данное взаимодействие осуществляется в различных его проявлениях. Остановимся лишь на самых основных и значимых из них.

Наиболее распространенной и популярной формой взаимодействия является *взаимный обмен информацией о состоянии законности в сфере соблюдения прав лиц с ОВЗ*. Данная форма выражается и через направление прокурорами требований о предоставлении информации в рамках проведения проверки или анализа состояния законности в порядке ст. 22 Закона о прокуратуре [5]. Эта форма взаимодействия активно используется и с целью установления контакта с институтами гражданского общества. Указанная форма реализуется, к примеру, через обращение Общества инвалидов, уполномоченных по правам человека, ребенка в органы прокуратуры с заявлениями о нарушениях прав лиц с ОВЗ, которые могут явиться основанием для проведения прокурорских проверок и принятия мер реагирования.

В большинстве случаев доводы о нарушениях закона, изложенные в указанных обращениях, находят свое подтверждение в ходе проведения проверок прокурорами, в связи с чем принимаются меры прокурорского реагирования.

Иной формой взаимодействия, на наш взгляд наиболее оптимальной, но реализующейся прокурорскими работниками далеко не в полном объеме, является возможность *привлечения к проверке специалистов контрольно-надзорных органов*. Однако при реализации указанных полномочий прокуроры сталкиваются с некоторыми трудностями в работе.

Так, по сути, специалисты контрольно-надзорных органов (в зависимости от предмета проверки [4; 6; 7], проводимой прокурорами в сфере

соблюдения прав лиц с ОВЗ), обладают всеми необходимыми для оценки сложившейся ситуации знаниями. Несмотря на это, в большинстве случаев привлечение таких специалистов не приводит к желаемым результатам проверки, поскольку указанными лицами делаются выводы об отсутствии нарушений закона, тогда как при осуществлении самостоятельной проверки прокурорами, напротив, выявляются многочисленные нарушения законов в сфере реализации прав лиц с ОВЗ.

Практика показывает, что в большинстве случаев специалисты заинтересованы в исходе прокурорской проверки именно в части отсутствия нарушений, поскольку их выявление свидетельствует о некачественной работе при проведении самостоятельных проверок и низком уровне реализации своих полномочий. Кроме того, в случае выявления нарушений по результатам совместной проверки в сфере соблюдения прав лиц с ОВЗ возникает вопрос о возможности принятия мер прокурорского реагирования и исключения факта подмены и дублирования полномочий со стороны органов прокуратуры и контрольно-надзорных органов.

В этом случае нельзя не согласиться с мнением Н.В. Субановой о том, что «прокуроры возбуждают немало дел об административных правонарушениях... однако надо учитывать, что полномочиями по возбуждению таких дел наделены многочисленные контролирующие органы, на которых возложены обязанности по обеспечению законности в соответствующих сферах» [1].

Однако верно и мнение А.Ю. Винокурова, который говорит о том, что «перечисляя более 30 статей, по которым дела могут возбуждаться только прокурором, законодатель не оговаривает, вследствие какой именно предшествующей прокурорской деятельности выявляются факты совершения административно наказуемых деяний» [1].

При этом, как ранее отмечалось, проверки в рассматриваемой сфере с целью возбуждения дел об административных правонарушениях проводятся совместно со специалистами контрольно-надзорных органов, которые в большинстве случаев не располагают информацией о нарушениях, данные факты выявляются только в ходе проведения совместной с прокурорами проверки, в связи с чем возможно предположить факты бездействия данных субъектов и применение в дальнейшем мер прокурорского реагирования именно к ним. В этой связи полагаем, что в данном случае подмена будет исключена.

Иной стороной взаимодействия является и его осуществление через *проведение совместных мероприятий в виде конференций, форумов, круглых столов*, результатами работы которых является деловой обмен информацией о возможных нарушениях закона в сфере соблюдения прав лиц с ОВЗ, опытом, достижением соглашений о сотрудничестве.

По итогам мероприятий может быть сформулирован перечень необходимых, актуальных, требующих проверки вопросов, в поиске ответов на которые необходимо участие и уполномоченных органов.

К примеру, проведение на базе Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2016 году круглого стола по вопросу защиты прав социально уязвимых категорий граждан и создание в Генеральной прокуратуре Российской Федерации межведомственной рабочей группы по защите прав инвалидов способствовало плодотворной и результативной работе органов прокуратуры в 2016 и 2017 годах.

Также стоит отметить, что немаловажное значение для эффективного сотрудничества является *учет и текущий контроль за выполнением проводимых мероприятий*. Текущий контроль может проявляться через истребование от ответственного исполнителя информации о проведенных мероприятиях, полученных результатах. Организация системного учета позволяет обеспечить анализ проделанной работы за отчетный период, повысить качество мероприятий, выявить недостатки в их подготовке и проведении.

Взаимодействие органов прокуратуры с субъектами, реализующими полномочия по соблюдению прав лиц с ОВЗ, может выражаться и через *информирование о работе прокуратуры в данном направлении на их официальных сайтах и в печатных изданиях*.

В настоящее время с учетом технологического прогресса в общество динамично внедряются современные технические средства, в связи с чем люди активно используют сеть Интернет, посещают официальные сайты уполномоченных органов власти, новостные сайты и др. Использование данных средств оказывает определенное влияние на сознание людей, поскольку открытые данные, описывающие положительную работу прокуратуры по защите и восстановлению прав лиц с ОВЗ, приводят к повышению уровня доверия со стороны населения к работе органов прокуратуры. Более того, через информацию, размещенную в открытом доступе, гражданам возможно отслеживать динамику состояния законности в сфере соблюдения прав лиц с ОВЗ.

Еще одной формой взаимодействия прокуратуры с субъектами, реализующими полномочия в сфере соблюдения прав лиц с ОВЗ, является *участие прокурорских работников в рассмотрении внесенных ими актов прокурорского реагирования*.

В соответствии с нормами закона проверяемое лицо, к которому был применен акт прокурорского реагирования, обязан уведомить прокурора о времени и месте его рассмотрения. В то же время руководителями соответствующих прокуратур обеспечивается участие представителя в рассмотрении каждого акта прокурорского реагирования

при наличии информации о месте и времени его рассмотрения.

Однако на практике указанные обязанности со стороны проверяемого субъекта, уполномоченного на реализацию прав лиц с ОВЗ, не всегда выполняются, в связи с чем прокурорам необходимо решать вопрос о возбуждении в отношении виновного лица дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 КоАП РФ [2].

Указанная форма взаимодействия немного отличается от ранее перечисленных, поскольку в данном случае уполномоченные на реализацию прав лиц с ОВЗ субъекты находятся в так называемой зависимости от органов прокуратуры. При этом, по нашему мнению, данная форма является достаточно эффективной, поскольку именно на стадии рассмотрения актов прокурорского реагирования прокурор имеет возможность отстоять свою принципиальную позицию, нацелить проверяемый орган на принятие конкретных мер для устранения нарушений. Тем самым присутствие прокурора дает возможность проверяемым субъектам исполнить требования в установленные сроки в добровольном порядке, может способствовать снижению числа привлечения виновных лиц к административной ответственности за неисполнение требований прокурора либо уменьшению иного воздействия со стороны прокуратуры. Такая форма взаимодействия, осуществляемая в надлежащем порядке, также может способствовать сокращению временных затрат прокуроров при осуществлении надзорных мероприятий.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно отметить, что названные формы взаимодействия не являются исчерпывающими. При этом с учетом постоянного развития в работу могут внедряться новые, более совершенные формы, а старые претерпевать определенные изменения.

Каждая форма взаимодействия играет важную роль при осуществлении прокурорами надзора за соблюдением прав лиц с ОВЗ, учитывая значимость данного направления надзорной деятельности и социальную уязвимость названной категории лиц.

Однако только их использование в совокупности может привести к успешному результату работы и повысит уровень состояния законности в сфере соблюдения прав лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Библиографический список

1. Винокуров А.Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 10. – С. 52–56.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 31 дек. – № 256.

3. Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.08.2018 № 471 // Законность. – 2018. – № 9.

4. О государственном жилищном надзоре: постановление Правительства Российской Федерации от 11.06.2013 № 493 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – 24 июня. – № 25. – Ст. 3156.

5. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Российская газета. – 1992. – 18 февр. – № 39.

6. Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе: постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 № 331 // Российская газета. – 2004. – 31 июля. – № 162.

7. О Федеральном казначействе: постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 703 // Российская газета. – 2004. – 08 дек. – № 272.

8. *Пантелеев Б.Н.* Взаимодействие органов российской прокуратуры с общественностью и средствами массовой информации: (Правовые и организационные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 168 с.

9. *Семенов А.С.* Совершенствование института взаимодействия прокуратуры с органами государственной власти и муниципальными органами в сфере обеспечения законности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 29 с.

10. *Субанова Н.В.* Возбуждение прокурором дел об административных правонарушениях: новое в практике // Законность. – 2016. – № 9. – С. 12–16.

11. *Турьгин Ю.Н.* Взаимодействие прокуратуры Российской Федерации и неправительственных правозащитных организаций по защите прав и свобод человека и гражданина: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 197 с.

12. *Усов А.Ю.* Взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с неподнадзорными государственными органами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – 31 с.

References

1. Vinokurov A.YU. Administrativnoe presledovanie kak funkciya prokuratury Rossijskoj

Federacii // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2012. – № 10. – S. 52–56.

2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: Federal'nyj zakon ot 30.12.2001 № 195-FZ // Rossijskaya gazeta. – 2001. – 31 dek. – № 256.

3. Ob organizacii v organah prokuratury Rossijskoj Federacii raboty po pravovomu prosveshcheniyu i pravovomu informirovaniyu: prikaz General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 02.08.2018 № 471 // Zakonnost'. – 2018. – № 9.

4. O gosudarstvennom zhilishchnom nadzore: postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11.06.2013 № 493 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2013. – 24 iyunya. – № 25. – St. 3156.

5. O prokureture Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 // Rossijskaya gazeta. – 1992. – 18 fevr. – № 39.

6. Ob utverzhdenii Polozheniya o Federal'noj antimonopol'noj sluzhbe: postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30.06.2004 № 331 // Rossijskaya gazeta. – 2004. – 31 iyulya. – № 162.

7. O Federal'nom kaznachejstve: postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 01.12.2004 № 703 // Rossijskaya gazeta. – 2004. – 08 dek. – № 272.

8. Panteleev B.N. Vzaimodejstvie organov rossijskoj prokuratury s obshchestvennost'yu i sredstvami massovoj informacii: (Pravovye i organizacionnye aspekty): dis. ... kand. jurid. nauk. – М., 2004. – 168 с.

9. Semenov A.S. Sovershenstvovanie instituta vzaimodejstviya prokuratury s organami gosudarstvennoj vlasti i municipal'nymi organami v sfere obespecheniya zakonnosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – М., 2013. – 29 s.

10. Subanova N.V. Vozbuzhdenie prokurorom del ob administrativnyh pravonarusheniyah: novoe v praktike // Zakonnost'. – 2016. – № 9. – S. 12–16.

11. Turygin YU.N. Vzaimodejstvie prokuratury Rossijskoj Federacii i nepravitel'stvennyh pravozashchitnyh organizacij po zashchite prav i svobod cheloveka i grazhdanina: dis. ... kand. jurid. nauk. – М., 2012. – 197 s.

12. Usov A.YU. Vzaimodejstvie prokuratury Rossijskoj Federacii s nepodnadzornymi gosudarstvennymi organami: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – М., 2016. – 31 s.

Першонкова Марина Сергеевна
Костромской государственный университет
marinakos1@rambler.ru

Хвалыгина Наталия Лазаревна
Костромской государственный университет
natalikos2011@yandex.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В РОССИИ

Данная статья посвящена исследованию истории становления и перспективам развития института судебных приставов в России. Главной задачей судебных приставов на всех этапах развития данной службы являлось и является в данный момент своевременное исполнение решений суда и актов иных органов. Автором статьи выявлены некоторые проблемы, возникающие в сфере исполнения судебных актов, а также актов иных органов и должностных лиц судебными приставами-исполнителями. В статье делается вывод о том, что проблема неисполнения решений судов в последние годы стоит достаточно остро, что подрывает доверие граждан ко всей судебной и правоохранительной системе в целом. Поэтому, на наш взгляд, для разрешения данной проблемы необходимо дополнительно ввести институт негосударственных судебных исполнителей, поскольку это могло бы существенно снизить нагрузку на государственные исполнительные органы и повысить качество исполнения судебных актов.

Ключевые слова: судебные приставы, исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель, исполнительные документы, судебные исполнители, ФССП, принудительное исполнение, законодательство.

Для восстановления нарушенных прав граждан и юридических лиц во всех странах создаются специальные организации и службы, поскольку добиться массового добровольного исполнения судебных постановлений и актов иных органов без применения мер принуждения не удавалось ещё ни одному государству. В России таким государственным органом является Федеральная служба судебных приставов (ФССП).

Со времен античности возникали споры по имущественным вопросам, и уже в те времена люди столкнулись с проблемой исполнения судебных решений. Судья поручал кредитору проведение своего расследования в отношении должника. На должника не только возлагалась выплата штрафа кредитору, но и накладывалось взыскание на имущество, а в некоторых случаях к должникам применялись ещё и телесные наказания.

В дореволюционном периоде ученые выделяют три этапа развития института судебных исполнителей:

– первый этап приходится на конец IX в. и 1-ю половину XIV в. (зарождение института судебных исполнителей);

– второй этап начинается со 2-й половины XIV в. и длится по XVII в. (унификация судебных исполнителей);

– третий этап приходится на период правления Петра I (1698–1725 гг.).

В Русской правде есть упоминание о мечниках – вооруженных мечами княжеских слугах, на которых были возложены функции судебных приставов. В их обязанности входило обеспечение явки в судебное заседание сторон, безопасности судей, охрана общественного порядка в зале суда [5, с. 185].

В 1864 году судебные приставы являлись частью структурных подразделений судов, и их дея-

тельность была подконтрольна мировым судьям, окружным судам и мировым съездам [4, с. 62].

К кандидатам на должность судебного пристава предъявлялись определенные требования. Так, иностранцы, лица, не достигшие 21 года, осужденные или состоящие под следствием не могли занять эту должность. Большое внимание уделялось и морально-нравственным качествам кандидата: согласно Уставу, судебный пристав должен был быть добросовестным и обладать «благонадежной нравственностью» [6, с. 8]. При вступлении в должность судебные приставы принимали присягу и вносили залог, который устанавливался министром юстиции и был неким обеспечением от неправомерных действий пристава.

С началом революции Декретом Совета народных комиссаров от 24 ноября 1917 г. № 1 институт судебных приставов был ликвидирован. Функции по принудительному приводу в суд участников процесса и по поддержанию общественного порядка в судебном заседании были возложены на милицию. А для исполнения судебных решений был учрежден институт исполнительных приставов [3, с. 15].

Однако в 1990-х годах в связи с началом развития рыночных отношений, появления частной собственности система исполнительных правоотношений требовала кардинальных изменений. В 1997 году были приняты ФЗ «О судебных приставах» и ФЗ «Об исполнительном производстве».

В настоящее время в рассматриваемой сфере существуют некоторые проблемы в связи с многочисленными вопросами, возникающими на почве недостаточной эффективности исполнительного производства, пробельности и разрозненности законодательства, регулирующего его, отсутствия кодифицированного нормативно-правового акта.

Согласно данным ведомственной статистической отчетности, доля оконченных фактическим исполнением исполнительных производств в 2016 году составила 65,7 %, в 2017 году – 67,2 %, в 2018 году – 59,8 %. Так, за 2018 год в работе судебных приставов-исполнителей находилось 87 584 813 исполнительных производств, из них 41 165 966 – по исполнительным документам, выданным судами общей юрисдикции и арбитражными судами и 46 418 847 – по исполнительным документам, выданным другими органами. Общее количество оконченных и прекращенных исполнительных производств в 2018 году составило: 52 457 176, из них по исполнительным документам, выданным судами, – 22 997 683 и 29 459 493 – по исполнительным документам, выданным другими органами. Общая сумма, подлежащая взысканию по исполнительным производствам, составила 10 329 974 613, а сумма по оконченным и прекращенным исполнительным производствам (в том числе и денежные средства, перечисленные должниками добровольно, а также прекращенные исполнительные производства и те исполнительные производства, у которых истек срок давности исполнения) составила 4 363 407 658. Сумма, подлежащая взысканию по исполнительным производствам, на конец отчетного периода ФССП составила 5 698 477 923.

В целом складывается впечатление, что большая часть задолженности по исполнительным документам фактически взыскивается. Однако обобщенные данные упускают серьезный дисбаланс эффективности исполнения решений в зависимости от категории дел. Основные показатели ведомства достигаются за счет взысканий в пользу бюджета с физических лиц, в особенности по мелким административным штрафам за нарушения правил дорожного движения (доля оконченных фактическим исполнением – 55 %). По исполнительным производствам, где стороны имеют частный интерес (коммерческие организации и обычные граждане), эффективность работы судебных приставов крайне низкая. Например, доля фактического исполнения по кредитной задолженности граждан составляет 10 %, по возмещению ущерба от преступлений – 8 % [1, с. 3].

Таким образом, проанализировав вышеизложенные показатели, мы видим, что система принудительного исполнения работает недостаточно эффективно и данный институт нуждается в преобразованиях.

Правовая природа норм, регулирующих исполнительное производство, носит комплексный характер. Источников исполнительного права достаточно много, и все они имеют различную отраслевую принадлежность, а их изучение и правоприменение представляют сложность как для ученых, так и для работников ФССП [2, с. 16].

Разрозненность законодательства и отсутствие единого кодифицированного акта сказываются на

эффективности реализации прав и обязанностей субъектов исполнительного производства. Поэтому, на наш взгляд, кодификация законодательства, принятие Исполнительного кодекса РФ смогло бы решить проблемы, сложившиеся в данной отрасли, устранить пробелы законодательства, упорядочить и объединить нормы, регулирующие исполнительное производство, поскольку эффективность принудительного исполнения связана с совершенством юридической техники. Однако до настоящего времени принятие Исполнительного кодекса РФ откладывается на неопределенный срок по различным основаниям.

Если обратиться к зарубежному опыту, то, на наш взгляд, достаточно интересная модель принудительного исполнения судебных актов реализована в Германии, где судебные приставы действуют как негосударственные (частные) лица. А контролируют процесс исполнительных действий органы судебной системы. Для осуществления своих функций судебным приставам необходимо получить от государства лицензию на данный вид деятельности.

В настоящее время в России негосударственных приставов-исполнителей нет. Однако, на наш взгляд, в условиях развитых рыночных отношений, большого количества судебных споров, решений, на ФССП возлагается большая нагрузка, большое количество исполнительных производств. И, на наш взгляд, с целью разгрузки Федеральной службы судебных приставов наряду с государственными судебными приставами-исполнителями следует законодательно закрепить институт частных судебных исполнителей, передав в их компетенцию обязанность по взысканию задолженностей в пользу граждан и негосударственных организаций.

Также, на наш взгляд, для повышения эффективности исполнительного производства следует добавить в законодательство норму о вознаграждении судебного пристава-исполнителя, как это было реализовано в утратившем силу законе об исполнительном производстве 1997 года. В статье 89 данного закона говорилось о том, что судебный пристав-исполнитель, обеспечивший реальное и своевременное исполнение исполнительного документа, по общему правилу получал вознаграждение в размере 5 % от взысканной им суммы или стоимости имущества из внебюджетного фонда развития исполнительного производства.

Таким образом, в настоящее время роль судебных приставов-исполнителей приобретает все большее значение, а история показывает, что их деятельность необходима. Для правового государства нужен эффективный аппарат, обеспечивающий исполнение как судебных актов, так и актов иных органов власти. Без эффективного исполнения решений органов государственной власти невозможно восстановление нарушенных прав граждан и юридических лиц.

Библиографический список

1. Бочаров Т., Губа К., Кнорре А. Исполнение судебных решений и организация работы судебных приставов: аналитический отчет. – М., 2017. – С. 3.
2. Васильев-Локосов А.Е. Проблемы кодификации законодательства об исполнительном производстве // Юстиция. – 2018. – № 1. – С. 16.
3. Матюшков А.С. Институт судебных приставов в России // Исполнительное производство. – 2009. – № 5. – С. 15.
4. Павлов М.Ю. История становления и развития исполнительного производства в России // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2014. – № 2. – С. 62.
5. Поучение Владимира Мономаха // Русские летописи XI–XVI вв. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора. – 2006. – С. 185.
6. Чеботарева А.А., Алиева О.А. Становление института судебных приставов в России // Исполнительное право. – 2013. – № 1. – С. 7–11.

References

1. Bocharov T., Guba K., Knorre A. Ispolnenie sudebnyh reshenij i organizaciya raboty sudebnyh pristavov: analiticheskij otchet. – M., 2017. – S. 3.
2. Vasil'ev-Lokosov A.E. Problemy kodifikacii zakonodatel'stva ob ispolnitel'nom proizvodstve // YUsticiya. – 2018. – № 1. – S. 16.
3. Matyushkov A.S. Institut sudebnyh pristavov v Rossii // Ispolnitel'noe proizvodstvo. – 2009. – № 5. – S. 15.
4. Pavlov M.YU. Istoriya stanovleniya i razvitiya ispolnitel'nogo proizvodstva v Rossii // Byulleten' Federal'noj sluzhby sudebnyh pristavov. – 2014. – № 2. – S. 62.
5. Pouchenie Vladimira Monomaha // Russkie letopisi XI–XVI vv. – SPb.: Amfora: TID Amfora. – 2006. – S. 185.
6. CHEbotareva A.A., Alieva O.A. Stanovlenie instituta sudebnyh pristavov v Rossii // Ispolnitel'noe pravo. – 2013. – № 1. – S. 7–11.

Караваева Юлия Станиславовна

кандидат юридических наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь
PalSysoich@yandex.ru

Космовская Анна Алексеевна

кандидат исторических наук

Пермская государственная фармацевтическая академия, г. Пермь
akosmovskaya@list.ru

ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОККУЛЬТНЫМ ПРАКТИКАМ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ (XVII–XXI вв.)

В данной статье рассматривается проблема противодействия оккультным практикам в России в XVII–XXI вв. На отдельных исторических этапах развития Российского государства законодатель предлагает различную правовую оценку оккультных услуг. Так, в зависимости от социально-политической конъюнктуры указанные услуги либо признавались преступными, либо получали нейтральную оценку. Результаты проведенного социологического исследования с участием населения г. Перми и Пермского края, а также анализ соответствующих положений памятников отечественного права и действующего законодательства позволяют авторам сформулировать собственную позицию относительно специфики правового противодействия оккультным практикам в контексте особенностей текущей социально-экономической ситуации. Авторы констатируют, что отнесение оккультных услуг к видам экономической деятельности, их широкая распространенность и соответствие мировоззренческой картине большей части населения препятствуют легальному признанию преступности оккультных практик.

Ключевые слова: оккультные услуги, исторические этапы, колдовской процесс, правовая политика, мошенничество, экстрасенсы, социологическое исследование.

Значительное явление в современном культурном и правовом пространстве представляют собой оккультные практики. Оккультизм (от лат. *occultus* – скрытый, тайный) – это общее название учений и традиций, считающих, что существуют скрытые и неизвестные науке силы и явления в человеке и космосе (природе), опыт которых доступен лишь людям с «особыми способностями» или «посвященным» [15].

Многочисленные шоу экстрасенсов на телевидении, навязчивая реклама колдовских услуг в прессе и сети Интернет привлекают внимание даже нерелигиозного и незаинтересованного в обращении к различным «ведьмам» и «гадалкам» среднестатистического жителя Российской Федерации. Так, в рамках проведенного авторами исследования среди причин распространения оккультных идей и практик в современном российском обществе 26 % респондентов отметило влияние средств массовой информации, 17 % – отсутствие нормативно-правового регулирования, 26 % – отсутствие наказаний за занятие оккультными практиками и распространение соответствующих идей.

Внимание общества к данной тематике не ослабевает, при этом исследователей привлекают в первую очередь особенности нормативного регулирования отношений, возникающих в связи с оказанием услуг магами и целителями [10]. Вышесказанное характеризует актуальность изучения особенностей уголовной политики, направленной на противодействие оккультным практикам в светском законодательстве Российского государства (XVII–XXI вв.).

Обращение к памятникам отечественного права показывает, что, в частности, в «Русской Прав-

де» и Судебниках 1497 и 1550 гг. отсутствуют положения, устанавливающие ответственность за оккультные практики. Религиозные преступления регулировались церковным правом. В Уставе князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» [19, т. 1, с. 28–45] определялся круг гражданских и уголовных дел, подлежащих юрисдикции церковного суда (имеются и светская, и церковная редакции данного документа). В том же документе были определены составы преступлений. Следует отметить и тот факт, что церковно-государственные отношения регулировались Кормчими книгами. Последние были заимствованы из Византии после принятия православия. В церковном праве дела о колдовстве и чернокнижии представлены в актах канонического права.

В Соборном уложении 1649 г. появляется статья об «умысле» на здоровье государя: «Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию» [26, с. 72].

Как отмечается в литературе, «материалы колдовских дел показывают, что эта статья успешно использовалась для вынесения смертных приговоров даже там, где о государевом здоровье даже не упоминалось» [24].

В XVII в. не существовало четкого разграничения дел на уголовные и административные, суд осуществлялся согласно положениям Судебника 1550 г. и Соборного уложения 1649 г. Обычный порядок рассмотрения дел, исходя из анализа нескольких precedентов, предполагал поимку по-

дозреваемого в преступлении и помещение его в тюрьму на неопределенный срок. Так, по делу «о порче будто бы людей посредством икоты» [27, т. 2, с. 82] житель Чердынского уезда крестьянин Терентий Васильевич Талев жаловался на наветы дьячка Онички Кичимова: «будто бы он (Талев. – Ю. К., А. К.) де у того Онички на жену его напустил икоту, а он де Тренка у того Оничка жены его не порчивал и икоты не напускавал». В результате крестьянина Терентия «без сыску», по ложному челобитию, «норовя Оничке по посулом, на пытке пытали его и огнем жгли, и на пытке три встряски были, и вкинули в тюрьму, и ныне де сидит в тюрьме» [27, т. 2, с. 82].

По итогам жалобы Терентия Васильева воевода должен был на посаде обыскать «протопопы и попы по священству, а пермичи посадскими старосты и целовальники и всеми посадскими людьми и волостными крестьяны по нашему крестному целованию» [6, т. 2, с. 82] и провести расследование, действительно ли Терентий Талев «порчивал» жену Онички Кичимова. Пока же обвиняемый крестьянин сидел в тюрьме и не знал о своей дальнейшей участи.

Обращает внимание перечисление лиц, которых необходимо было задействовать для решения этого «важного» вопроса – священников и весь посадский народ, а также крестьян. В этом эпизоде ярко проявляется политика власти, направленная на налаживание взаимодействия и взаимного контроля воевод и всего мира.

Аналогичное дело рассматривалось 16 июля 1606 г., когда по доносу Прокофия Охлупина на чердынца Семейку Ведерника также возвели обвинение в порче людей. На этот раз пострадал торговый человек Богдан Норицын. Подъячий Иван Федоров посадил Семейку Ведерника в тюрьму, обыскивали, дважды пытали. После пытки доносчика Прокофия Охлупина последний оступился от своих обвинений. А Ведерник так и остался сидеть в тюрьме [27, т. 2, с. 82–83]. Воеводе предлагалось узнать, Семейка Ведерник «людей портит ли». В случае подтверждения, что Семейка Ведерник не причастен к «порче», предписывалось выпустить его из тюрьмы.

Можно выделить общие способы расследования, примененные в рассмотренных делах: повальный сыск, опросы местных жителей и пытка обвиняемого, которого отправляли в тюрьму по жалобе. Чтобы освободиться из тюрьмы по несправедливому обвинению, подавали челобитные в «вышестоящие инстанции» – в Москву в четверть. Доносчика после обвинения, которое не подтвердилось, тоже пытали.

Подробную характеристику интересующих нас преступлений можно встретить в «Артикуле воинском» 1715 г. В первых двух главах («О страхе божии» и «О службе божии и о священниках») основной список наказуемых деяний включал «идо-

лопоклонство, чародейство (чернокнижество)». Все это «наикрепчайшее запрещается», вследствие чего «никоторое из оных отнюдь ни в лагере и нигде инде не будет допущено и терпимо» [7, т. 4, с. 329]. При этом наказания за указанные преступления предполагаются создателями Артикула довольно жестокие: совершивший преступление «по состоянию дела в жестоком заключении, в железях, гонянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть» (Артикул 1) [7, т. 4, с. 329].

В толковании Артикула 1 уточняется, что сожжением караются чернокнижники, которые причинили вред, а церковное публичное покаяние возможно для тех, кто «никому никакова вреду не учинил и обязательства с сатаню никакова не имеет» [20, т. 4, с. 329]. Невинность требовалось доказать под пыткой. Обычно подобные дела рассматривались в Преображенском приказе.

В Артикуле 2 запрещается обращаться к услугам «чародея» под угрозой наказания («онный равно так как чародей сам наказан будет») [20, т. 4, с. 329]. Обратим внимание, что в «Артикуле воинском» отсутствует разъяснение понятий «чародейство», «чернокнижие» и некоторых других.

В «Уставе морском», изданном 13 апреля 1720 г., норма Артикула 1 не претерпела особых изменений: «чернокнижника или идолопоклонника» «по состоянию дела» наказывали, заключая «в железях», били или наказывали сожжением.

Согласно положениям указа Анны Иоанновны от 20 мая 1731 г., запрещалось заниматься мнимым волшебством. Характерно, что в вину вменялось то обстоятельство, что «те мнимые волшебники... за то получают себе немалые прибитки...» [17, т. 8, с. 465–466].

В качестве наказания за колдовство волшебников предполагалось сжигать, а заказчиков – бить кнутом. Для заказчика преступления также не исключено было и сожжение – в зависимости от «важности вины» [17, т. 8, с. 465–466]. При этом, как отмечает Т.В. Михайлова, «в указе нет никакого разделения в степенях наказания: независимо от того, оказался бы человек волшебником настоящим или мнимым, его ожидала смертная казнь» [14, вып. 2, с. 174]. Далее этот же автор отмечает, что «актов, изданных светской властью по поводу преступления колдовства, в XVIII веке довольно мало, а впоследствии, насколько можно судить, власть вовсе теряет интерес к этой проблеме» [14, вып. 2, с. 189]. Действительно, в XIX в. законодательство достаточно лояльно относится к проблемам оккультизма.

В советский период обращение к подобной тематике в условиях социалистического строительства и массового атеизма могло спровоцировать вызов специальных медицинских служб.

С началом 90-х гг. в Российской Федерации начинается расцвет оккультных течений и рекламы

услуг экстрасенсов и т. п. Прессу и телевидение оккупировали А.М. Кашпировский, А.В. Чумак и менее известные представители «знающих». Обращение элит к магам увеличивало интерес прочего населения страны к оккультным практикам [13]. Вследствие этого в последнюю четверть века можно наблюдать расцвет деятельности лиц, предлагающих услуги оккультного характера. Обывательский интерес к указанному виду деятельности не ослабевает и на современном этапе, что, в свою очередь, обуславливает развитие рынка оккультных услуг и широкое использование возможностей масс-медиа в их продвижении. При этом в рамках анкетирования 103 респондентов из числа жителей г. Перми и Пермского края авторами был выявлен любопытный факт – астрологические прогнозы и народные приметы населением не связываются с оккультизмом, понимаемым как деятельность магов, колдунов и целителей, и отношение к ним можно назвать вполне лояльным. Так, если 38 % и 45 % опрошенных воспринимают феномен оккультизма как способ получения денег и форму обмана соответственно, то 54 % верят в народные приметы и соблюдают их, а 52 % – практикуют обращение к астрологическим прогнозам, допуская как минимум их частичную точность. Выявленная особенность позволяет спрогнозировать неизбежность спроса на услуги оккультного характера в российском обществе, значительная часть которого убеждена в объективном существовании возможности предугадать будущие события и определенным образом на них повлиять. С учетом этого вопрос о нормативно-правовом регулировании оказания оккультных услуг приобретает большую актуальность.

Так, согласно п. 96.09 «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» [1], среди прочих персональных услуг, не включенных в другие группировки, названа деятельность астрологов и медиумов. Из этого следует, что оккультные услуги известны законодателю, однако их правовая природа остается неясной. Как правило, авторы, исходя из действующего гражданского законодательства, связывают их оказание с заключением договора возмездного оказания услуг (Глава 39 ГК РФ). Однако в этом случае появляются вопросы о возможностях определения их качества и, соответственно, о потребительских рисках в части защиты нарушенных прав [6, с. 60–64]. Неопределенность правовой природы оккультных услуг приводит к несовпадению правоприменительных позиций по аналогичным делам. К примеру, довольно широкую огласку приобрело судебное решение по делу о защите прав потребителей, нарушенных в связи с обращением истца в организацию, оказывающую эзотерические услуги. Суды первой и апелляционной инстанции в удовлетво-

рении иска отказали [5]. Однако в другом случае иск о взыскании денежных средств с ответчика, оказавшего эзотерические услуги ненадлежащего качества, был судом удовлетворен [7].

Вместе с тем не исключены ситуации, когда защитить права и законные интересы, нарушенные в связи с обращением к лицам, оказывающим оккультные услуги, или в связи с их принудительным вмешательством («навязыванием» [6, с. 60–64]), посредством механизмов гражданско-правовой ответственности невозможно в силу тяжести причиненных последствий. В частности, по делу о мошенничестве «банды экстрасенсов» число потерпевших составило 21 человек, а общий ущерб – более 16 млн руб. [16].

Однако уголовно-правовые возможности противодействия оккультным услугам на сегодняшний день ограничены по вполне очевидным причинам – доказывание наличия причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями представляет известные трудности. Отметим, что Н.Н. Китаев и В.Н. Китаева связывают сложность доказывания по рассматриваемым делам с «...ординарным неумением и нежеланием расследовать уголовные дела по данному виду мошенничества» [12, с. 113–116]. Между тем, именно с фактом наступления последствий связывается возможность возбуждения уголовного дела по ст. 159 УК РФ («Мошенничество»), поскольку само по себе занятие оккультными практиками, в том числе и в интересах третьих лиц, противоправным не является. Кроме того, при наличии соответствующих признаков состава, действия (бездействия) медиума могут быть квалифицированы по ст. 171 УК РФ («Незаконное предпринимательство»), ст. 198 («Уклонение физического лица от уплаты налогов...»), на что уже указывалось в литературе [6, с. 60–64]. До декриминализации в 2011 году ст. 130 УК РФ («Оскорбление») использовалась и эта норма – в частности, действия А. Мехоношиной, высypавшей на стол районного прокурора пепел со словами «Да воздастся тебе за твои дела!» в отместку за его служебную деятельность, были квалифицированы как оскорбление [8].

Налицо высоколатентный характер подобных деяний [2, с. 79–82], чем также объясняется незначительное количество приговоров, вынесенных в связи с преступным оказанием оккультных услуг, что в целом позволяет сделать вывод о минимальной роли действующих механизмов уголовно-правовой охраны прав и законных интересов личности и общества от посягательств оккультного характера.

Ситуация, на наш взгляд, осложняется следующими обстоятельствами: во-первых, широкой распространенностью убеждения о возможном наличии «уникальных психофизиологических возможностей» [28, с. 110–111], «экстраординарных» [9, с. 52], «сверхъестественных» [23, с. 83–

93] способностей у отдельных людей, о существовании «...экстрасенсов, действительно владеющих даром ясновидения» [11, с. 48] как среди ученых (в том числе правоведов, что для авторов вдвойне удивительно. – *Ю. К., А. К.*), так и среди обывателей [4, с. 243–247]. К примеру, 25 % опрошенных жителей г. Перми и Пермского края обращались к помощи магов, колдунов, знахарей, гадалок, экстрасенсов для себя или третьих лиц, при этом 28 % из них – в связи с проблемами со здоровьем, 13 % – в связи с тяжелым душевным состоянием, 13 % – из любопытства и 10 % – чтобы узнать будущее.

Как отмечают А.Э. Жалинский и А.Э. Козловская, «поход к гадалке для русского человека можно сопоставить с походом к психологу или психотерапевту» [6, с. 60–64]. Это обстоятельство, в частности, влияет на возможность уголовно-правового признания общественно опасными деяний, связанных с осуществлением оккультных практик, поскольку, как обращает внимание Л.М. Прокументов, «...если деяние не обладает чрезвычайно высокой степенью общественной опасности, то при криминализации следует учитывать, что оно не должно быть слишком распространенным (тогда оно из патологии превращается в норму социального поведения)» [18, с. 227–230].

По мнению А.А. Тер-Акопова, общественную опасность оккультных практик следует связывать с «...возможностью нанесения вреда здоровью людей, которые обращаются за помощью» [25, с. 68]. Среди возможных последствий ученый выделяет также «...фактор патологической зависимости, полное подчинение воли человека оккультным установкам, авторитету «учителя». Под оккультным воздействием наступает психическое расстройство, опустошенность, страх, уныние и, самое страшное, разочарование, которое порой ведет к сумасшествию, суициду, психозам, распаду сознания, преступлениям» [25, с. 68]. Парадоксально, что, несмотря на выявленную популярность помощи магов и целителей, 80 % респондентов отметили ее способность причинить вред, при этом 69 % из их числа связали эту способность с мошенническим характером обозначенной деятельности.

Вместе с тем, как указывалось выше, доказать наличие причинно-следственной связи между оккультным воздействием и наступившими последствиями, в том числе настолько существенными, не представляется возможным. Это вытекает, в частности, и из специфической роли потерпевшего в механизме причинения преступных последствий, который, как правило, по своей инициативе обращается к медиуму. Так, И.А. Аистов и Д.Н. Палагин выделяют некоторые особенности его личности, среди которых, например, «определенная доля эгоизма, стремление любой ценой достичь задуманного результата вопреки чужой воле», «доверчивость, внушаемость», «легко поддаются гипнозу» [2,

с. 79–82]. Авторы подчеркивают, что «...всех их отличает слепая вера в сверхъестественное и нежелание элементарно понять психологию другого, признать свое поведение, приведшее к данной жизненной ситуации, ошибочным» [2, с. 79–82].

С учетом указанного можно констатировать интересную ситуацию: с одной стороны, имеются прецедентные случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающихся оккультными практиками, по тем или иным нормам Особенной части уголовного закона. Кроме того, в теории не отрицается возможность причинения преступных последствий действиями (бездействием) указанных лиц. Однако, с другой стороны, нормативно-правовое отнесение оккультных услуг к видам экономической деятельности, их широкая распространенность и соответствие мировоззренческой картине большей части населения вне зависимости от характера и уровня образования препятствуют легальному признанию преступности оккультных практик самих по себе. Так, согласно проведенным ранее социологическим исследованиям, идеи существования «сверхспособностей» у отдельных людей разделяются не только обывателями, как мы указывали выше, и рядом ученых, но и медицинскими работниками, а также студентами высших медицинских образовательных учреждений [21, с. 27–34; 22, с. 99–101]. Уместно отметить, что авторы разделяют позицию, согласно которой введение уголовно-правового запрета на оказание оккультных услуг «...приведет к криминализации и без того сомнительного бизнеса» [6, с. 60–64].

Полагаем, что противодействие дальнейшему распространению оккультных практик и восприятию их массовым сознанием как явления, нормального для цивилизованного человека и демократического общества, необходимо осуществлять в направлении последовательной минимизации условий, порождающих и поддерживающих интерес к оккультизму. Так, признавая эзотерику одним из рядоположных социальных институтов, выполняющих схожие функции наряду с наукой, религией, философией и идеологией, М.В. Бекаряков указывает, что «...ослабление и кризис одного из них повлечет за собой усиление другого» [3, с. 197–199]. Ссылаясь на западных исследователей феномена эзотерики, автор отмечает факт усиления эзотерических, мистических и эсхатологических настроений в кризисные, переломные моменты [3, с. 197–199]. По мнению исследователей И.С. Бочарниковой и И.А. Боровой, оккультные практики «являются неотъемлемым элементом жизнедеятельности человека», обращение к которому актуально в «...период нестабильной обстановки в обществе, переломные, кризисные моменты жизни» [4, с. 243–247].

С учетом указанного изменение ситуации, как представляется, возможно посредством предупредительных мер, среди которых и общая стабили-

зация социально-экономической ситуации в государстве и обществе, и, в частности, всесторонняя поддержка научного знания, его дальнейшая популяризация и повышение привлекательности деятельности ученого, в том числе и экономической.

Библиографический список

1. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.10.2018).
2. Аустов И.А., Палагин Д.Н. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика мошенничества парапсихологического направления в сети Интернет // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. – 2016. – № 4. – С. 79–82.
3. Бекарюков М.В. Социокультурные предпосылки усиления интереса к эзотерическим учениям // *Известия Алтайского государственного университета*. – 2011. – № 2–2. – С. 197–199.
4. Бочарникова И.С., Боровая И.А. Специфические особенности восприятия феномена оккультизма в современном российском обществе // *Перспективы науки и образования*. – 2014. – № 1. – С. 243–247.
5. Дьяконова О. Мосгорсуд разбирался, сколько можно взыскать с экстрасенсов, не вернувших мужа, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legal.report/article/08092016/mosgorsud-razbiralsya-skolko-mozhno-vzyskat-s-ekstrasensov-ne-vernuvshih-muzha> (дата обращения: 15.10.2018).
6. Жалинский А.Э., Козловская А.Э. О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг // *Журнал российского права*. – 2006. – № 11. – С. 60–64.
7. Жительница Омска отсудила миллион рублей у новосибирских экстрасенсов, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://potrebinforms.ru/vse_novosti/novosti/zhitel_nica_omska_otsudila_million_rublej_u_novosibirskih_ekstrasensov/ (дата обращения: 15.10.2018).
8. Жительницу Пермского края оштрафовали за попытку навести порчу на помощницу прокурора, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/religy/29dec2011/porcha.html> (дата обращения: 15.10.2018).
9. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб.: Изд-во юрид. факультета СПбГУ, 2011. – 264 с.
10. Игнатова О. Нагадают на пять лет. Гадалок, магов и целителей предложили привлекать к уголовной ответственности // *Российская газета*. – 2017. – № 7443 (277) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/12/06/gadalok-i-celitelej-predlozhili-privlekat-k-ugolovnoj-otvetstvennosti.html/> (дата обращения: 15.10.2018).
11. Ильичев В.А. Криминальные хроники (записки оперативного работника). – М.: ИД Шумиловой И.И., 2005. – 107 с.
12. Кутаев Н.Н., Кутаева В.Н. Судебная экспертиза при изобличении мошенников-«экстрасенсов» // *Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конференции*. – Волгоград: ВА МВД России, 2012. – С. 113–116.
13. Колодный Л. Эффект Джуны: тайная история феномена. «Брежнев попросил разобраться» [Электронный ресурс] // *Московский Комсомолец*. – 2015. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2015/06/08/effekt-dzhuny-taynaya-istoriya-fenomena.html> (дата обращения: 21.11.2018).
14. Михайлова Т.В. Русское законодательство в отношении колдовства: правовая база русских колдовских процессов второй половины XVIII века и её специфика // *Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. ст. / отв. ред. С.А. Штырков, В.Б. Колосова*. – СПб., 2002. – Вып. 2. – С. 170–193.
15. Оккультизм [Электронный ресурс] // *Большой энциклопедический словарь*. – Режим доступа: <https://www.vedu.ru/bigencdic/44093/> (дата обращения: 15.10.2018).
16. Петрова И. Участника «Битвы экстрасенсов» посадили на три года за мошенничество [Электронный ресурс] // *Экспресс-газета*. – 2016. – Режим доступа: <https://www.eg.ru/culture/56124/> (дата обращения: 15.10.2018).
17. Полное собрание законов. – Т. 8. – № 5761 (1830). – СПб., 1830. – 1019 с.
18. Прокументов Л.М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности // *Вестник Томского государственного университета*. – 2018. – № 429. – С. 227–230.
19. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
20. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. – М.: Юрид. лит., 1986. – 512 с.
21. Севостьянов О.В., Руженков В.А., Боева А.В. Оккультные убеждения студентов старших курсов медицинского факультета // *Научные ведомости. Сер.: Медицина. Фармация*. – 2013. – № 11 (154). – Вып. 22. – С. 99–101.
22. Севостьянов О.В., Руженков В.А., Боева А.В. Распространенность оккультной медицины и проблема ее эффективного внедрения в сферу профессиональной деятельности клинической психиатрии // *Научные ведомости. Сер.: Медицина. Фармация*. – 2014. – № 24 (195). – Вып. 28. – С. 27–34.
23. Середнев В.А. Использование в оперативно-розыскной деятельности в интересах уголовного процесса знаний лиц, обладающих гиперфизиче-

скими способностями (философско-психологический аспект) // Записки ученого. – 2015. – № 3. – С. 83–93.

24. Сидорчук М. Русская инквизиция в XVIII веке. «Ведовские дела» (2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sfi.ru/science/srietienskiie-htienii/xix-sretenskie-hteniya/sekiya-religiovedeniya/russkaya-inkviziciya-v-xviii-veke-vedovskie-dela.html> (дата обращения: 15.10.2018).

25. Тер-Акопов А.А. Христианство. Государство. Право. – М.: МНЭПУ, 2000. – 100 с.

26. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 444 с.

27. Царския грамоты в Пермь Великую, князю Вяземскому, об наследовании дела, по жалобам, о порче будто бы людей посредством икоты 16 июля 1606 г., № 66 (II) // Акты исторические. Т. 2 (1598–1613). – СПб., 1841. – 482 с.

28. Щебенков В.Ю. Схема взаимодействия государственных и общественных структур по контролю за деятельностью оккультистов и магов в сфере оказания оздоравливающих услуг населению // Сибирское медицинское обозрение. – 2008. – Вып. 1. – Т. 49. – С. 110–111.

References

1. ОК 029-2014 (KDES Red. 2). Obshcherossiyskij klassifikator vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.10.2018).

2. Aistov I.A., Palagin D.N. Ugolovno-pravovaya i kriminalisticheskaya harakteristika moshennichestva parapsihologicheskogo napravleniya v seti Internet // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki. – 2016. – № 4. – С. 79–82.

3. Bekaryukov M.V. Sociokul'turnye predposylki usileniya interesa k ezotericheskim ucheniyam // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 2–2. – С. 197–199.

4. Bocharnikova I.S., Borovaya I.A. Specificheskie osobennosti vospriyatija fenomena okkul'tizma v sovremennom rossijskom obshchestve // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2014. – № 1. – С. 243–247.

5. D'yakonova O. Mosgorsud razbiral'sya, skol'ko mozžno vzyskat' s ekstrasensov, ne vernuvshih muzha, 2016 [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <https://legal.report/article/08092016/mosgorsud-razbiral'sya-skolko-mozhno-vzyskat-s-ekstrasensov-ne-vernuvshih-muzha> (дата обращения: 15.10.2018).

6. ZHalinskij A.E., Kozlovskaya A.E. O vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po okazaniyu okkul'tnyh uslug // ZHurnal rossijskogo prava. – 2006. – № 11. – С. 60–64.

7. ZHitel'nica Omska otsudila million rublej u novosibirskih ekstrasensov, 2013 [Elektronnyj

resurs]. – Режим доступа: http://potrebinforms.ru/vse_novosti/novosti/zhitel_nica_omska_otsudila_million_rublej_u_novosibirskih_ekstrasensov/ (дата обращения: 15.10.2018).

8. ZHitel'nicu Permskogo kraja oshtrafovali za popytku navesti porchu na pomoshchnicu prokurora, 2011 [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/religy/29dec2011/porcha.html> (дата обращения: 15.10.2018).

9. Zaharcev S.I. Nauka operativno-rozysknoj deyatel'nosti: filosofskij, teoretiko-pravovoj i prikladnoj aspekty. – SPb.: Izd-vo jurid. fakul'teta SPbGU, 2011. – 264 s.

10. Ignatova O. Nagadayut na pyat' let. Gadalok, magov i celitelej predlozhili privlekat' k ugolovnoj otvetstvennosti // Rossijskaya gazeta. – 2017. – № 7443 (277) [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/12/06/gadalok-i-celitelej-predlozhili-privlekat-k-ugolovnoj-otvetstvennosti.html/> (дата обращения: 15.10.2018).

11. Il'ichev V.A. Kriminal'nye hroniki (zapiski operativnogo rabotnika). – М.: ID SHumilovoj I.I., 2005. – 107 s.

12. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. Sudebnaya ekspertiza pri izoblichenii moshennikov-«ekstrasensov» // Sudebnaya ekspertiza: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii. – Volgograd: VA MVD Rossii, 2012. – С. 113–116.

13. Kolodnyj L. Effekt Dzhuny: tajnaya istoriya fenomena. «Brezhnev poprosil razbrat'sya» [Elektronnyj resurs] // Moskovskij Komsomolec. – 2015. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2015/06/08/effekt-dzhuny-taynaya-istoriya-fenomena.html> (дата обращения: 21.11.2018).

14. Mihajlova T.V. Russkoe zakonodatel'stvo v otnoshenii koldovstva: pravovaya baza russkih koldovskih processov vtoroj poloviny XVIII veka i eyo specifika // Antropologiya. Fol'kloristika. Lingvistika: sb. st. / otv. red. S.A. SHtyrkov, V.B. Kolosova. – SPb., 2002. – Вып. 2. – С. 170–193.

15. Okkul'tizm [Elektronnyj resurs] // Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'. – Режим доступа: <https://www.vedu.ru/bigencdic/44093/> (дата обращения: 15.10.2018).

16. Petrova I. Uchastnika «Bitvy ekstrasensov» posadili na tri goda za moshennichestvo [Elektronnyj resurs] // Ekspress-gazeta. – 2016. – Режим доступа: <https://www.eg.ru/culture/56124/> (дата обращения: 15.10.2018).

17. Polnoe sobranie zakonov. – Т. 8. – № 5761 (1830). – SPb., 1830. – 1019 s.

18. Prozumentov L.M. Rasprostranennost' deyanij kak fakul'tativnyj priznak ih obshchestvennoj opasnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 429. – С. 227–230.

19. Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HKH vv.: v 9 t. Т. 1. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi / pod obschh. red. O.I. CHistyakova. – М.: YUrid. lit., 1984. – 432 s.

20. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma / otv. red. A.G. Man'kov. – M.: YUrid. lit., 1986. – 512 s.
21. Sevost'yanov O.V., Ruzhenkov V.A., Boeva A.V. Okkul'tnye ubezhdeniya studentov starshih kursov medicinskogo fakul'teta // Nauchnye vedomosti. Ser.: Medicina. Farmaciya. – 2013. – № 11 (154). – Vyp. 22. – S. 99–101.
22. Sevost'yanov O.V., Ruzhenkov V.A., Boeva A.V. Rasprostranennost' okkul'tnoj mediciny i problema ee effektivnogo vnedreniya v sferu professional'noj deyatel'nosti klinicheskoy psihiatrii // Nauchnye vedomosti. Ser.: Medicina. Farmaciya. – 2014. – № 24 (195). – Vyp. 28. – S. 27–34.
23. Serednev V.A. Ispol'zovanie v operativno-rozysknoj deyatel'nosti v interesah ugolovnogo processa znaniy lic, obladayushchih giperfizicheskimi sposobnostyami (filosofsko-psihologicheskij aspekt) // Zapiski uchenogo. – 2015. – № 3. – S. 83–93.
24. Sidorchuk M. Russkaya inkviziciya v XVIII veke. «Vedovskie dela» (2013) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sfi.ru/science/srietienskiie-htienii/xix-sretenskie-hteniya/sekciya-religiovedeniya/russkaya-inkviziciya-v-xviii-veke-vedovskie-dela.html> (data obrashcheniya: 15.10.2018).
25. Ter-Akopov A.A. Hristianstvo. Gosudarstvo. Pravo. – M.: MNEPU, 2000. – 100 s.
26. Tihomirov M.N., Epifanov P.P. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. – 444 s.
27. Carskiya gramoty v Perm' Velikuyu, knyazyu Vyazemskomu, ob nasledovanii dela, po zhalobam, o porche budto by lyudej posredstvom ikoty 16 iyulya 1606 g., № 66 (II) // Akty istoricheskie. T. 2 (1598–1613). – SPb., 1841. – 482 s.
28. SHCHEben'kov V.YU. Skhema vzaimodejstviya gosudarstvennyh i obshchestvennyh struktur po kontrolyu za deyatel'nost'yu okkul'tistov i magov v sfere okazaniya ozdoravlivayushchih uslug naseleniyu // Sibirskoe medicinskoe obozrenie. – 2008. – Vyp. 1. – T. 49. – S. 110–111.

УЧЕНИЕ С.С. АЛЕКСЕЕВА О ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

С.С. Алексеев относится к числу крупнейших отечественных правоведов, труды которых являются ориентиром и для современных фундаментальных исследований в области юридических наук. Он значительное внимание уделял проблемам правовых общностей (правовым системам, правовым семьям и др.), которые остаются актуальными и сегодня. При этом взгляды известного ученого на правовые общности и, прежде всего, на правовую систему формировались постепенно, под влиянием множества факторов. В настоящей работе предпринята попытка раскрыть трансформацию позиции о правовых общностях признанного методолога советского права. Для этого проанализированы обобщающие и специальные труды, в которых исследуются различные аспекты правовой системы.

Автор статьи показывает, что первоначально ученый исследует категорию «система права», раскрывая структурные элементы права. В дальнейшем с учетом необходимости уточнения понятия права С.С. Алексеев формирует научную теорию правовой системы.

Ключевые слова: правовая семья, правовая система, право, система права, сущность права, государство, сравнительное правоведение, юридическая наука.

По справедливому утверждению абсолютного большинства правоведов и юридического сообщества в целом, к числу выдающихся отечественных правоведов можно отнести Сергея Сергеевича Алексеева, который оставил чрезвычайно богатое и ценное научное наследие. Удивляют не только количество научных трудов, не только их принадлежность к различным отраслям юридической науки, но и оригинальность идей, особое юридическое мышление. При этом следует учесть, что известному ученому пришлось творить в достаточно сложное и противоречивое время.

Как известно, начиная с 30-х годов прошлого века в советской научной литературе господствовал методологический минимизм: исследователи должны были исходить из доктрины марксизма. Попытки отхода от марксистских установок могли создать для ученого проблемы разного характера. Однако это вовсе не означает, что исследования проводились под принуждением. В стране были созданы условия идеологического характера, которые формировали чувство убежденности в постулатах марксизма. Абсолютное большинство ученых творило искренно, будучи уверенными в истинности своих выводов. Оригинальные творческие результаты исследований возникали в идеологической оболочке. Эти положения в полной мере относятся С.С. Алексееву, который, как правильно отмечают его коллеги и ученики, может быть признан представителем гражданского права, общей теории и философии права [10, с. 34, 36 и др.].

Его работы, написанные в 60–90 гг. XX в., не только востребованы, но и признаются лучшими и в современный период. В частности, по словам В.М. Баранова, к числу таких можно отнести двухтомный курс С.С. Алексеева «Проблемы теории права», опубликованный в 1972–1973 гг., который превосходит многие издания по уровню абстракции, по логике и форме изложения материала и включенности в него

проблемных вопросов и ответов на них [12, с. 47]. На наш взгляд, такой вывод можно распространить почти на все труды известного ученого.

Е.В. Евграфова, исследовавшая проблемы объективности права в учении С.С. Алексеева, обоснованно делит период его научного творчества на два этапа: первый – с 50-х годов до 90-х годов прошлого века, который характеризуется господством марксистского мировоззрения, и второй – начиная с 90-х гг. XX в. и до 2013 г., приведший к масштабным изменениям в обществе и утверждению методологического плюрализма в философии и науке [14, с. 18]. Думается, что эти изменения существенно повлияли на трансформацию взглядов С.С. Алексеева не только на научное творчество, но и на его жизненную позицию.

Известный ученый интересовался различными аспектами правовых общностей (правовыми семьями и правовыми системами). С.С. Алексеев – учёный, который занимался сугубо вопросами внутреннего права, причем в марксистской интерпретации, уделял значительное внимание правовым семьям и системам.

Весьма важными представляются мысли Алексеева о природе и классификации правовых семей. Оригинальные идеи пробивались через идеологическую оболочку. Однако на этом интересные моменты не завершаются. Очевидно, изменения, происшедшие в конце прошлого века в нашем обществе, повлияли на позицию известного ученого о правовых общностях. Они претерпели серьезную трансформацию. На закате советского союза, который совпал с демократическими реформами, С.С. Алексеев занимал ответственную должность в системе органов государственной власти СССР. В последующем, то есть в 1992–1993 гг., он возвращается к научной деятельности. Известный правовед пересмотрел ряд позиций, за что получил упреки от некоторых своих коллег, представителей научного сообщества [11].

Для выяснения позиции С.С. Алексеева необходимо, прежде всего, изучить труды советского периода. К ним, в частности, можно отнести «Проблемы теории государства и права» и «Общую теорию права». В своих работах, посвященных теоретическим проблемам права, автор стоит на позициях юридического позитивизма. В частности, в 1972 году он определял право как «систему общеобязательных, формально-определенных, гарантированных государством норм экономического господствующего класса (трудящихся во главе с рабочим классом – в социалистическом обществе) и выступающих в качестве классового регулятора общественных отношений» [5, т. 1, с. 26]. Как видим, С.С. Алексеев выделяет особенности, свойственные нормативистскому типу правопонимания [5, т. 1, с. 22–26]. Через десятилетие известный ученый изложил почти ту же позицию, правда, дополнив определение отдельными несущественными моментами [6, т. 1, с. 104].

В советский период Алексеев оперировал тремя категориями, имеющими различные уровни обобщения: исторический тип права, национальная система и структурная общность [5, т. 1, с. 28–30]. Безусловно, на первом месте для него находится тип права. По его мнению, исторический тип – категория, отражающая общие социальные черты всех систем права, соответствующих определенному экономическому базису. Указанный термин – система права – в дальнейшем в определениях исторического типа, представленных в работах автора, не встречается. В труде 1981 г. мы видим уже несколько измененное определение: теперь ученый указывает, что приведенная категория призвана обобщенно охватить общие социально-классовые черты всех национальных правовых систем, которые соответствуют исторически определенному экономическому базису [6, т. 1, с. 109]. Как видим, вместо «системы права» появился другой термин – «национальная правовая система». Думается, что это не просто уточнение или стилистическая поправка. Перед нами некий итог развития теории права того периода. И прежде всего это заслуга С.С. Алексеева.

Далее автор отмечает, что система права в марксистской теории права является «определяющей категорией, позволяющий углубить и конкретизировать классовую сущность права», его содержание и роль [6, т. 1, с. 109]. Эти строки показывают, что известный ученый искренне считал, что исторический тип первичен. По его мнению, каждая классовая общественно-экономическая формация включает «свой» исторический тип права. В соответствии с этим основу марксистско-ленинской типологии правовых систем составляет деление на четыре известных типа права [5, т. 1, с. 28]. Нетрудно заметить, что автор приводит классическую позицию марксистской теории права.

Вслед за этим известный ученый пишет о правовой системе. Однако в 60–70-х гг. прошлого века

категория «правовая система» не была распространена в юридической науке. Ученый для характеристики особенностей права отдельной страны, применяет термин «национальная система» [5, т. 1, с. 28]. Кажется странным, что в словосочетании, в термине не нашлось место слову «право». Это еще не все. С.С. Алексеев в определении указывает, что национальная система состоит в единстве всех отраслей страны. Очевидно, что в отсутствие научных разработок, тем более полноценной научной теории правовой системы, автору просто приходилось опираться на имеющийся инструментарий. Однако при таком подходе структурная общность несколько обедняется, поскольку в правовую систему включается только лишь отрасли, структура права.

Между тем при анализе в целом текста можно заключить, что известный ученый уже переходит на другую позицию: в его утверждениях вырисовываются контуры правовой системы в современном значении. Он говорит о формировании независимой национальной правовой системы [5, т. 1, с. 28]. В этих утверждениях автор говорит о правовой системе. Ученый отмечает, что на правовую систему влияют множество факторов, в числе которых – правовые традиции, специфика исторического и политического развития, особенности мышления [5, т. 1, с. 28]. Термин «структурная общность» автор применяет в значении правовой семьи. При этом трактовка представляется оригинальной: автор соединяет в данном термине как содержательные, так и формальные аспекты государственно-правовых явлений. При этом следует уточнить, что под содержанием он понимает именно социальное, классовое содержание [5, т. 1, с. 28]. В частности, для характеристики структурной общности он применяет словосочетание «воля, возведенная в закон», обозначающее содержание права как классового регулятора [5, т. 1, с. 21]. По его словам, наличие специфического правового содержания дает возможность понять, почему возведенная в закон государственная воля экономически господствующего класса называется «правом». Это предопределяется наличием гарантированной системы субъективных прав и воплощает в себе господствующие моральные принципы, начала справедливости [5, т. 1, с. 21–22]. Как нам кажется, может возникнуть закономерный вопрос: чем было вызвано изменение позиции известного ученого о содержании понятия «правовая система»? Думается, скорее всего, речь может идти о развитии научной позиции С.С. Алексеева: к тому времени ученый шаг за шагом исследует различные явления правовой материи, что привело к формированию базовых основ научной теории правовой системы. Безусловно, этому способствовал и общий вектор направления советской юридической доктрины. Через небольшой промежуток времени правовая система становится объектом пристального внимания со стороны многих советских правоведов [15].

Термин «правовая система» встречается и в ранних произведениях известного правоведа. В частности, в начале 1970-х гг. автор писал, что расцвет частного права в Риме, загадочная рецепция в Средневековой Европе, самобытность английской правовой системы – все эти уникальные ходы правового развития могут получить, как правило, достаточно убедительное обоснование с учетом того влияния, которое оказывают на правовую систему потребности экономики, развитие демократических институтов, нравственных требований [7, с. 158].

Однако автор не раскрывает понятие и состав правовой системы. На наш взгляд, С.С. Алексеев привел его в значении, которое характерно для представителей сравнительного правоведения.

Пожалуй, самым фундаментальным исследованием специального характера о системности права является монография ученого «Структура советского права» [8]. В этой работе автор несколько раз использует выражение «правовая система». Например, автор пишет: «Юридическая согласованность правовой системы каждого государства имеет две стороны: а) внешнюю – непротиворечивость, системность; б) внутреннюю – единство, целостность правовой системы государства, подчинение ее единым началам, сквозным юридическим принципам» [8, с. 10]. Автор также ссылается на известную работу Р. Давида после следующего утверждения: «Здесь, кроме того, нужно принимать во внимание особенности структурных общностей (семей правовых систем). Национальные правовые системы типа англо-саксонского (общего) права так и не приняли характера структурно развитых, замкнутых правовых образований» [8, с. 13]. Правда, вряд ли он разделял точку зрения Р. Давида на правовые системы. Однако при этом следует заметить, что Р. Давид в указанном издании не дал определение правовой системы [10].

С.С. Алексеев в этом исследовании продолжил рассматривать правовую систему «по-старому». По его утверждению, со стороны содержания каждое структурное подразделение в правовой системе – юридически своеобразное явление [8, с. 21]. Слово «подразделение» вряд ли применимо к правовой системе, поскольку автор использует его именно для характеристики системы права. Это подтверждается дальнейшими утверждениями автора. Он отмечает, что в праве выражается основная структура, которая отражает внутреннее строение права и одновременно – дифференциацию на различные элементы – нормы, институты и отрасли [8, с. 23]. На наш взгляд, очевидно, что С.С. Алексеев говорит именно о системе права, но не о правовой системе. О последней категории автор пишет как о синониме системы права. Такой вывод подтверждается и другим высказыванием автора: «Союзно-республиканский характер советского права выражен, с одной стороны, в том, что в каждой союзной республике

основные отрасли права являются национальными суверенными правовыми системами» [8, с. 25]. Ученый ограничивается только лишь отраслями права, что укрепляет нас в выводе, что им характеризуется система права. В анализируемой монографии С.С. Алексеев пишет и о правовых общностях. Но и в этих случаях речь будет идти о системе права: «В юридической литературе, например, была высказана идея о том, что в результате процессов интеграции в правовой системе возникают обширные «правовые комплексы» [8, с. 36–37]. Но далее автор отмечает, что правовые комплексы – это система норм и институтов отраслей [8, с. 37].

В главе об отрасли права ученый несколько раз использует словосочетание «правовая система». В частности, он указывает, что «советское право как единая правовая система Союза ССР (включающая правовые подсистемы союзных республик) непосредственно складывается из такого рода крупных, обособленных друг от друга частей, которые и называются отраслями» [8, с. 161].

Можно заключить, что С.С. Алексеев вплоть до середины 1970-х гг. достаточно часто в своих трудах использовал складывающуюся категорию «правовая система». При этом значение данного термина чаще всего совпадало с термином «система права». По крайней мере, автор в большей степени пишет о правовой системе как о понятии, охватывающем структуру права. На наш взгляд, при написании монографии «Структура советского права» известный ученый сделал упор на исследование системных связей между структурными элементами права и фактически не вышел за рамки права, не раскрыл динамику права. Это и послужило главной причиной концентрации автора только лишь на системе права. Такое положение господствовало в юридической науке того периода. В частности, известный теоретик права Л.С. Явич в 1976 году писал: «Правовая система – это право конкретной страны, структурированная совокупность правовых норм, пирамида, складывающаяся из норм, группирующаяся в различные институты, образующие отрасли, объединяющие более крупные автономные образования» [17, с. 126].

Между тем к началу 1980-х происходит концептуализация «правовой системы». Постепенно формируется научная теория правовой системы. Это было связано прежде всего с попыткой советского юридического сообщества прийти к компромиссу о правопонимании, используя для этого понятие «правовая система». И, как следствие этого, к концу 1970-х гг. появляются научные работы, в которых исследуется термин «правовая система» [14; 16]. Позиция С.С. Алексеева уточняется и в какой-то степени изменяется. Выходит статья, посвященная правовой системе [2, с. 27–34]. По его мнению, именно «нормативное» составляет в правовой действительности основной источник юридической энергии (реальной

организационной силы права). Далее автор переходит к обоснованию и других элементов правового характера в правовой действительности. В частности, он обращается к поднормативным элементам, которые также проявляют классовую сущность права и являются сосредоточением юридической энергии. В качестве примера автор приводит индивидуальные предписания властных органов, призванных проводить в жизнь отраженные в нормах общие правила поведения. Продолжая обоснование своей позиции, Алексеев замечает, что природа права, которая выражена в абстракциях, логически предполагает наличие индивидуально-правовых механизмов, органов правосудия, призванных на основе действующего права обеспечивать его индивидуализированное функционирование [2, с. 27–34].

И эти явления входят в правовую систему. Данный термин охватывает такие явления, как индивидуальные правовые предписания, юридическая практика, субъективные права и обязанности, санкции, правовая идеология и др. При этом автор против их «жесткого отмежевания» друг от друга, поскольку использование понятия «правовая система» не должно привести к трансформации сложившегося в науке категориального аппарата. Когда при освещении правовых явлений говорится о праве, то во многих случаях подразумевается и целостная правовая система [2, с. 27–34].

При анализе положений данной статьи не может не бросаться в глаза одно обстоятельство: автор уже ничего не говорит об отраслях права, о структуре права, с которыми ранее связывалась правовая система. Очевидно, изменилась позиция ученого. В этой же статье обозначены два момента, которые на десятилетие определили направления отечественной юридической науки: дискуссия о правопонимании и попытки преодолеть разногласия при помощи нового термина «правовая система». Можно отметить, что разногласия устранить не удалось, однако сложилась своеобразная теория правовой системы.

Положения указанной статьи вошли в известный труд «Общая теория права». В частности, С.С. Алексеев пишет, что понятием, охватывающим основные элементы правовой действительности (право, юридическая практика, и правовая идеология) в действии и выявляющим абстрактную конструкцию действующего права страны, является правовая система [6, т. 1, с. 87]. Фактически автор отталкивается от своего предыдущего понимания. В частности, он отмечает, что, несмотря на близость с понятием система права, нужно данные термины различать, поскольку право «призвано не только дать конструктивную характеристику правовой действительности, *ее структурного построения* (выделено нами. – С. Б.), но и отразить генетический аспект системы...» [6, т. 1, с. 87–88].

Как видим, взгляд на правовую систему как на некую структуру права преодолен. Изменилась по-

зиция и других правоведов. В частности, Л.С. Явич отмечал, что правовую систему нельзя отождествлять с системой права [18, с. 41].

Безусловно, «масштабный поворот» во взглядах С.С. Алексеев, впрочем как и многие ученые, претерпел в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века [1, с. 3–11]. Очевидно, что такая трансформация была связана с преобразованиями, произошедшими в нашем обществе. Прежде всего, исчезла идеологическая оболочка: марксистская идеология уже не определяла ни образ жизни, ни научные установки. Поэтому мы уже не увидим в трудах известного ученого утверждения о первичности типа права, выделенного на основе марксистского учения. Автор уже критикует марксистский подход, считая, что в нем нет, «а если есть, то как нечто попутное, того, что наиболее существенно для правоведения, – первоосновного внимания к правовому своеобразию юридических систем» [4]. Для него несомненными преимуществами уже обладает классификация Р. Давида [4, с. 89].

Что касается понятия правовой системы, то С.С. Алексеев в целом сохранил подход, обозначенный в начале 80-х гг. прошлого века. Считая правовую действительность самым широким правовым понятием, «охватывающим все без исключения правовые явления», ученый отмечает, что правовая система является частью правовой действительности, включающей активные элементы, относящиеся к позитивному праву и тесно связанному между собой [3, с. 47]. Известный ученый дает собирательное определение правовой системы: «правовая система – это все позитивное право, рассматриваемое в единстве с другими активными элементами правовой действительности – правовой идеологией и судебной (юридической) практикой» [3, с. 47].

Для выделения или классификации правовых систем С.С. Алексеев использует элементы различных правовых явлений, точнее их роли в правовой действительности. По этому признаку автор выделяет четыре семьи: континентального права, общего права, религиозно-традиционных систем, заидеологизированных систем. К последней автор относит и семью социалистического права. При этом отмечается, что «основы программируемых ими решений жизненных ситуации коренятся вообще "вне права" – в исторических традициях, канонов религии, постулатах ортодоксальной идеологии, а затем – в обычаях...» [3, с. 47].

Однако через некоторое время позиция автора претерпела некоторое изменение. Статус заидеологизированных правовых систем был присвоен уже правовым системам социалистических стран, как он писал в последующем исследовании [4, с. 89].

Подводя некий итог, можно отметить, что С.С. Алексеев, будучи крупным теоретиком права, уделял значительное внимание правовым общностям. Первоначально автор считал первичным тип

права, который имел существенное значение и для правовых общностей. Выражение «правовая система» использовалось для обозначения структуры права при характеристике его как системного явления. В 1980-х гг. автор разрабатывает более четкий подход к правовой системе. Преобразования, проведенные в 90-х гг. прошлого века, приводят к существенной трансформации позиции автора, фактически – к отходу от марксизма. Идеологические установки отступают перед настоящим творчеством. Изменяется и отношение к правовым общностям. На основе достижений зарубежных ученых С.С. Алексеев создает оригинальное учение о правовых семьях и системах.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. – 1991. – № 2. – С. 3–11.
2. Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 27–34.
3. Алексеев С.С. Право: азбука-теория – философия: Опыт комплексного анализа. – М., 1999. – 721 с.
4. Алексеев С.С. Линия права. – М., 2006. – 461 с.
5. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекции: в 2 т. Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического права. – Свердловск, 1972. – 396 с.
6. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. – М., 1981. – 360 с.
7. Алексеев С.С. Социальная ценность советского права. – М., 1971. – 223 с.
8. Алексеев С.С. Структура советского права. – М., 1975. – 264 с.
9. Алексеев С.С. Юрист, философ, гражданин: четыре интервью к 80-летию члена-кор. РАН С.С. Алексеева // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – Вып. 5. – С. 31–63.
10. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – М., 2001. – 544 с.
11. Баранов В.М. Энциклопедия юриспруденции – интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании и преподавании: монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. – М., 2016. – С. 48–72.
12. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М., 1967. – 496 с.
13. Евграфова Е.П. Проблема объективности права в доктрине профессора С.С. Алексеева // Право. – М.: НИУ ВШЭ, 2014. – № 2. – С. 17–28.
14. Зиманов С.З. О правовой системе развитого социализма // Конституция СССР и дальнейшее развитие государственного управления и теории права. – М., 1979. – С. 85–89.
15. Правовая система социализма: Понятие, структура, социальные связи. Кн. 1 / под ред. А.М. Васильева. – М.: Юрид. лит., 1986. – 386 с.
16. Тихомиров Ю.А. Правовая система развитого социалистического общества // Советское государство и право. – 1979. – № 7. – С. 31–39.
17. Явич Л.С. Общая теория права. – Л., 1976. – 285 с.
18. Явич Л.С. Сущность права. – Л., 1985. – 205 с.

References

1. Alekseev S.S. Pravo: vremena novyh podhodov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1991. – № 2. – С. 3–11.
2. Alekseev S.S. Pravo i pravovaya sistema // Pravovedenie. – 1980. – № 1. – С. 27–34.
3. Alekseev S.S. Pravo: azbuka-teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo analiza. – M., 1999. – 721 s.
4. Alekseev S.S. Liniya prava. – M., 2006. – 461 s.
5. Alekseev S.S. Problemy teorii prava: kurs lektsii: v 2 t. T. 1. Osnovnye voprosy obshchei teorii socialisticheskogo prava. – Sverdlovsk, 1972. – 396 s.
6. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. 1. – M., 1981. – 360 s.
7. Alekseev S.S. Social'naya cennost' sovetskogo prava. – M., 1971. – 223 s.
8. Alekseev S.S. Struktura sovetskogo prava. – M., 1975. – 264 s.
9. Alekseev S.S. YUrist, filosof, grazhdanin: chetyre interv'yu k 80-letiyu chlena-kor. RAN S.S. Alekseeva // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj Akademii nauk. – Ekaterinburg: UrO RAN, 2005. – Vyp. 5. – S. 31–63.
10. Bajtin M.I. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). – M., 2001. – 544 s.
11. Baranov V.M. Enciklopediya yurisprudencii – integrativnoe razvitie obshchei teorii prava i gosudarstva // Teoriya gosudarstva i prava v nauke, obrazovanii i prepodavanii: monografiya / YU.G. Arzamasov, V.M. Baranov, N.V. Varlamova i dr.; pred. red. sojeta T.YA. Habrieva. – M., 2016. – S. 48–72.
12. David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremenosti. – M., 1967. – 496 s.
13. Evgrafova E.P. Problema ob'ektivnosti prava v doktrine professora S.S. Alekseeva // Pravo. – M.: NIU VSHE, 2014. – № 2. – С. 17–28.
14. Zimanov S.Z. O pravovoj sisteme razvitogo socializma // Konstituciya SSSR i dal'nejshee razvitie gosudarstvovedeniya i teoriya prava. – M., 1979. – С. 85–89.
15. Pravovaya sistema socializma: Ponyatie, struktura, social'nye svyazi. Kn. 1 / pod red. A.M. Vasil'eva. – M.: YUrid. lit., 1986. – 386 s.
16. Tihomirov YU.A. Pravovaya sistema razvitogo socialisticheskogo obshchestva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1979. – № 7. – С. 31–39.
17. YAvich L.S. Obshchaya teoriya prava. – L., 1976. – 285 s.
18. YAvich L.S. Sushchnost' prava. – L., 1985. – 205 s.

ГЛОБАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ НЕРАВЕНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00068

В статье представляется обзор международной научной конференции «Глобальные знания об экономическом неравенстве. Измерение доходов и богатства с 1945 года» / «The Global Knowledge of Economic Inequality. The Measurement of Income and Wealth Distribution since 1945», которая состоялась 15–17 ноября 2018 г. в Германском историческом институте в Лондоне (Великобритания) / German Historical Institute London (GHIL). Конференция была посвящена состоянию и перспективам исторического исследования проблем экономического неравенства в мире. Основное внимание участников конференции было сконцентрировано на вопросах государства всеобщего благосостояния, экономического неравенства, его измерения, доходов, богатства, бедности в различных перспективах. С докладами на английском языке и в дискуссиях выступили более 30 человек, в том числе ученые из Великобритании, Китая, России, США, ФРГ, Франции и других стран. Материалы конференции представляют большой интерес в контексте междисциплинарного исторического исследования социальной политики как в СССР после 1945 г., так и в современной России.

Ключевые слова: экономическое неравенство, доход, богатство, бедность, статистика, государство всеобщего благосостояния, социальная политика, измерение.

15–17 ноября 2018 г. в Германском историческом институте в Лондоне (Великобритания) / German Historical Institute London (GHIL) состоялась международная научная конференция «Глобальное знание об экономическом неравенстве. Измерение доходов и распределения богатства с 1945 года» / «The Global Knowledge of Economic Inequality. The Measurement of Income and Wealth Distribution since 1945».

Материалы конференции представляют большой компаративный потенциал в контексте междисциплинарного исторического исследования социальной политики как в позднем СССР после 1945 г., так и в современной России. Надо сказать, что экономическое неравенство стало одной из самых спорных тем нашего времени. Статистические данные о дисбалансах доходов и богатства стали играть все более важную роль в современном научном дискурсе [2; 3; 4]. Авторитетные современные ученые отмечают, что «с начала 1990-х годов примерно две трети стран испытали существенный рост доходного неравенства. В среднем разрыв в доходах между 10 % самых высокооплачиваемых семей и 10 % самых низкооплачиваемых увеличился на 70 %. Причем доходы богатых семей росли быстрее, чем доходы среднего класса и малообеспеченных групп» [1, с. 46]. Об актуальности проблемы неравенства для современной России говорят отечественные ученые Г.В. Анисимова и М.И. Воейков. С одной стороны, исследователи указывают на положительный опыт СССР в борьбе с неравенством: «Статистические данные показывают весьма незначительное расслоение со-

ветского общества по уровню доходов. Основная масса трудящихся передвинулась в зону средних доходов. Отчетливо складывались тенденции развития социального государства и формирования массового среднего класса. Советское государство вполне можно было назвать социальным, ибо подоходная дифференциация населения была весьма незначительной» [1, с. 47]. С другой стороны, они подчеркивают, что «постсоветский период характеризуется ростом концентрации доходов в руках богатых... Наиболее богатые 20 % населения концентрируют почти половину доходов всего общества» [1, с. 49].

Организатором конференции выступил Германский исторический институт в Лондоне в лице доктора Феликса Рёмера (Dr. Felix Römer), директоров GHIL – профессор Кристина фон Ходенберг и профессор Андреас Гестрик (Prof. Dr. Christina von Hodenberg, prof. Andreas Gestrich). На призыв организатора конференции доктора Феликса Рёмера откликнулись около 30 ученых из различных стран мира. Большинство составили представители университетов и научных центров Великобритании, США и ФРГ. Также были исследователи из Австралии, Китая, России, Франции и других стран.

Участники конференции исследовали различные проблемы по 4 широким темам. Во-первых, анализировался контекст, теория и производство знаний о проблеме неравенства и бедности в различных политических и социально-экономических условиях с 1945 г. (эволюция статистики доходов и богатства как исторических конструкций; сбор информации и получение знаний; взаимодействие

между официальной статистикой, бюрократией, независимыми учеными, научно-исследовательскими институтами, международными организациями). Во-вторых, исследовалась циркуляция, трансформация и популяризация знаний о неравенстве в мире (стратегии правительств и официальные статистические данные; роль средств массовой информации в популяризации знаний о неравенстве; методы текстового и визуального представления статистики доходов и богатства). В-третьих, изучалось применение, использование и публичный дискурс о неравенстве в процессе принятия политических решений (миф о «революции дохода» в Соединенных Штатах, «великая трансформация» общества в Соединенном Королевстве; влияние статистических знаний на политический язык). В-четвертых, анализировалась дискуссия по глобальному неравенству и бедности, роль межправительственных и неправительственных организаций в создании и распространении знаний о межстрановом неравенстве. Материал докладов был связан с исследованием государства всеобщего благосостояния, экономического неравенства, его измерения, доходов, богатства, бедности в различных перспективах.

В рамках первой панели **«Теория и конструирование статистики неравенства»**, которую модерировал профессор экономической истории Мартин Даунтон (университет Кембриджа), выступили С. Прессман (США), Хаген Крамер (ФРГ), Флоренция Джани-Катрис (Франция).

В докладе «От немецкой исторической школы до Оршански и после нее: измерение бедности в США» («From the German Historical School to Orshansky and Beyond: Measuring Poverty in the US») *Стивен Прессман*, профессор экономики (университет штата Колорадо, США) рассмотрел научный феномен исследования уровня и порога бедности в США с середины XIX в. до начала XX в., проанализировал роль бюджетных обследований, состояние афроамериканцев, попытался связать порог бедности с минимальным уровнем жизни. Большое внимание С. Прессман уделил вкладу Молли Оршански, которая разработала официальное определение бедности в США, исследовала потребности семей разного размера и проблему инфляции.

Хаген Крамер, профессор экономики (университет Карлсруэ, ФРГ) в докладе «Закон Боули и его последствия: как сомнительная идея стабильности доли заработной платы формирует современные теории распределения» («Bowley's Law and its Consequences: How the Questionable Idea of the Stability of the Wage Share Shaped Modern Distributional Theories») рассмотрел распределение доходов с микроэкономической точки зрения. По его мнению, относительная стабильность доли заработной платы приобрела статус «стилизованного факта». Его эмпирические данные показали,

что доля рабочей силы в национальном продукте за последние 30 лет показала тенденцию к снижению во многих странах с развитой экономикой. Х. Крамер анализировал трактовку закона Боули в основных теориях распределения макроэкономических доходов, которые, по его мнению, «часто основаны на очень сомнительных предположениях».

Флоренция Джани-Катрис, профессор экономики (университет г. Лилль, Франция) в докладе «Конфликты при расчете и использовании индекса цен – пример Франции – сильная рекомпозиция акторов» («Conflicts in Calculating and Using a Price Index - the Case of France - A strong recomposition of actors») представила социально-экономический анализ эволюции конструирования инфляции во Франции и ее отображение в социальном дискурсе. Она анализировала социально-технические условия измерения, эволюцию режима идей, конкуренции и производства. По ее мнению, основные акторы конфликта – это политики, правительство, статистические агентства, профсоюзы, ученые.

Тимоти М. Смидинг, заслуженный профессор общественных отношений и экономики (Институт исследований бедности университета Висконсин-Мэдисон, США) прочитал лекцию на тему «История измерений экономического неравенства с 1945 года» («The History of Measurements in Economic Inequality since 1945»), в которой отметил, что измерение экономического неравенства началось с первых опросов в богатых странах. Компьютеризация записей и дистанционный доступ к данным привели, по его мнению, к большей сопоставимости данных. Он подчеркнул, что к 1990–2000 гг. обследования домохозяйств дошли до стран среднего дохода и бедных стран.

Во второй панели **«Политика измерения»**, которую модерировала Флоренс Сатклиф-Брейсвайт (университет Кембриджа), выступили Джим Томлинсон (Великобритания), Феликс Рёмер (Великобритания), Порнимама Пайдипаты (Великобритания), Кристоф Лорке (ФРГ), Грейс Дэви (США).

Джим Томлинсон, профессор экономической и социальной истории (университет Глазго, Шотландия) в докладе «От морали к измерению? Социал-демократия и экономическое неравенство в Британии от Тоуни до Аткинсона» («From Morals to Measurement? Social Democracy and Economic Inequality in Britain from Tawney to Atkinson») проанализировал ключевые тексты в британской социал-демократической традиции, связанные с неравенством: работы Р. Тоуни «Равенство» и А. Аткинсона «Неравенство. Что можно сделать?». По его мнению, развитие от Тоуни до Аткинсона представляет собой ослабление социал-демократических эгалитарных аргументов.

Феликс Рёмер, организатор конференции, исследователь современной истории, доктор (Германский исторический институт, Лондон) в до-

кладе «Измерение неравенства в Великобритании и мире с 1945 г.» («The Measurement of Inequality in Britain and the World since 1945») подчеркнул, что история статистики доходов и богатства в Великобритании после 1945 г. является ярким примером сочетания динамики власти и знаний. По его мнению, противоречия статистики 1950–1960-х гг. сыграли значительную роль в дискуссиях о государстве всеобщего благосостояния в послевоенный период, а достижения в 1970-х гг. были частично отменены под руководством М. Тэтчер в 1980-х гг. Внутри страны статистика неравенства была связана с дискуссом социальной политики.

Порнимамма Пайдипаты, преподаватель истории, PhD (Кембридж, Великобритания) в докладе «Измерение неравенства в Нерувианской Индии» («The Measurement of Inequality in Nehruvian India») исследовала вопрос о бедности и социальную политику в Индии. По ее мнению, частью дискурса националистических лидеров Индии было утверждение о том, что «нищета нации является прямым следствием колониальной жадности, невежества и бесхозяйственности».

Кристоф Лорке, ассистент-исследователь департамента истории (университет Мюнстера, ФРГ) в докладе «Измерение неравенства в ГДР при государственном социализме» («The Measurement of Inequality in GDR and State Socialism») рассмотрел социальные диспропорции в «передовых социалистических обществах» (феномен ГДР и других европейских социалистических государств 1960-х гг.). Он проанализировал условия социального самоописания, социальные дисбалансы в обществе ГДР в продольной перспективе «Восточного блока».

Грейс Дэви, доцент истории Королевского колледжа (университет Нью-Йорка, США) в докладе «Знания о бедности в Южной Африке в XX веке» («Poverty Knowledge in South Africa in the Twentieth Century») анализировала общенациональные обследования домашних хозяйств в Южной Африке, политику в области здравоохранения и социального обеспечения, различия в проблеме бедности и социального обеспечения по цветному и белому населению; рассмотрела дискуссию по военным вопросам, нищете, урбанизации, общественном здравоохранении и продлении пенсий по старости до «неевропейцев», влиянии апартеида после 1948 года, формирование черты бедности, забастовочное, в том числе черное, профсоюзное движение. Она уделила большое внимание распространению европейской и американской модели социальной политики на Южную Африку.

Во второй день конференции в рамках панели «**Распространение и дискурс статистик неравенства**», дискуссию по которой модерировала профессор Лондонской школы экономики Мэри Морган, с докладами выступили Шуси Инь (Китай) и Юрий Никифоров (Россия).

Шуси Инь, профессор департамента политических наук (Хэфэйский политехнический университет, Хэфэй, Китай) в докладе «Неравенство в политическом дискурсе Китая» («Inequality in China's Political Discourse») рассмотрел эволюцию неравенства в Китае в контексте его экономического развития, а также политический язык китайских чиновников по этой проблеме. Он отмечает, что коммунистический режим всегда обещал обеспечить равенство и справедливость всему народу. Шуси Инь акцентировал внимание на реформах 1978 г. Дэн Сяопина, когда прозвучала знаменитая фраза «Пусть некоторые люди разбогатеют в первую очередь». Он анализировал растущее неравенство между городами и деревней, между регионами и между классами, проблему ликвидации абсолютной нищеты среди 30 миллионов человек к 2020 г. По его мнению, отношение к неравенству было основным фактором, лежащим в основе глубокого политического разделения в Китае.

Юрий Никифоров, доцент кафедры отечественной истории (ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия) в докладе «Текстовое и визуальное представление статистики неравенства, доходов и богатства в контексте холодной войны» проанализировал советские плакаты 1940–1980-х гг. и архивные материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) с точки зрения репрезентации неравенства и богатства в СССР и на Западе: была выявлена тесная связь между идеологией и искусством, властью и художниками.

В рамках панели «**Измерение богатства**», дискуссию по которой модерировал профессор экономической истории *Мартин Чик* (университет Эдинбурга), выступили Фрэнк Стилвелл (Австралия), Тило Альберс (ФРГ), Майкл Сэвидж (Великобритания).

Фрэнк Стилвелл, профессор политической экономии (университет г. Сидней, Австралия) в докладе «Не позволяйте фактам мешать хорошему мифу»: измерение распределения богатства в Австралии» («Don't let facts get in the way of a good myth': The Measurement of the Distribution of Wealth in Australia») проанализировал экономическое неравенство и его восприятие в тесной связи с политикой. На примере Австралии, в которой фактическое неравенство является средним рейтингом на международном уровне (как с точки зрения доходов, так и богатства) он показал, что восприятие эгалитарного общества остается широко распространенным. Он анализировал миф о классовом равенстве в Австралии, данные о распределении доходов и богатства в связи с политикой прогрессивного распределения.

Тило Альберс, экономист и экономический историк (Университет Гумбольдта, Берлин, ФРГ) в докладе «Неравенство немецкого богатства в долгосрочной перспективе» («German Wealth Inequality in

the Long Run») осветил результаты своего масштабного исследования о распределении богатства в Германии с 1890 г. по 2015 г., анализируя различные источники, начиная от статистики налогообложения богатства и заканчивая современными данными обследований домохозяйств. По его мнению, Германия представляет уникальный случай. Он считал, что накануне Первой мировой войны неравенство богатства достигло самого высокого уровня. Гиперинфляция, Великая депрессия и Вторая мировая война усилили это явление. С его точки зрения снижение и стабильный уровень неравенства богатства сохранялся до 1990-х гг. После отмены налога на богатство в 1995 г. оценки распределения богатства основываются исключительно на данных обследований домохозяйств, которые не учитывают самого верха распределения богатства.

Майкл Сэвидж, профессор социологии (Лондон, Великобритания) в лекции «Социологические подходы к экономическому неравенству» («Sociological Approaches to Economic Inequality») проанализировал использование национальных рейтингов и выявил их скрытый европоцентризм. Он утверждал, что показатели рейтингов парадоксально связаны с децентрализацией национальных государств и вызывают тенденции неравенства во всем мире.

В третий день конференции в рамках заключительной панели «Глобальное неравенство», дискуссию по которой модерировал профессор Даниэль Шпайх-Шассе (университет г. Люцерн, Швейцария), выступили Мэри Морган (Великобритания), Федерико Пачетти (Гонконг), Педро Рамос Пинто (Великобритания), Стивен Мацекура (США).

Мэри Морган, профессор истории и философии экономики Лондонской школы экономики (Великобритания) в докладе «Измерение различий, измерение всего: повестка дня ООН в области развития» («Measuring Difference, Measuring Everything: the UN's Development Agenda») проанализировала мировые практики измерения экономического благосостояния после Второй мировой войны, акцентировав внимание на использовании ВВП на душу населения.

Федерико Пачетти, PhD истории (университет Гонконга) в докладе «Борьба с экономическим неравенством: китайские или западные идеи» («Fighting Economic Inequality with Chinese or Western Ideas? China and the World Bank, 1980-89») рассмотрел взаимодействие Китая и Всемирного банка в 1980–1989 гг.

Педро Рамос Пинто (Кембридж, Великобритания) в докладе «Глобальное неравенство по цифрам: создание глобальной политической проблемы» («Global Inequality by Numbers: the Making of a Global Political Issue») рассмотрел историю экономических измерений в контексте изучения политического конфликта и мобилизации. По его мнению, производство «знаний о неравенстве» на

экономическом языке послужило основой для формулирования новых вопросов распределения.

Стивен Мацекура, ассистент профессора международных исследований (университет штата Индиана, США) в докладе «Поиск нового измерителя: международное развитие, экономические измерения и неравенство в 1970-х гг.» («Searching for a New Yardstick: International Development, Economic Measurement and Inequality in the 1970») рассмотрел, как транснациональная сеть экономистов и статистиков в 1970-х гг. разрабатывала и внедряла новые меры измерения неравенства и благосостояния в мире – индекс физического качества жизни, индекс развития человеческого потенциала и другие.

Качество докладов убедительно свидетельствовало об успехе научного мероприятия и о необходимости расширения взаимодействия в междисциплинарном поле исследования проблемы экономического неравенства, которая все больше и больше привлекает внимание ученых, принадлежащих к самым разнообразным научным специальностям. Вероятно, данная научная конференция могла бы служить важным шагом к организации подобных симпозиумов как в западных, так и в восточных странах.

Считаю, что Германский исторический институт в Лондоне провел важную международную конференцию, которая будет способствовать объединению историков и ученых из других дисциплин, работающих над проблемами экономического неравенства и социальной политики в мире.

Библиографический список

1. *Анисимова Г.В., Воейков М.И.* Социально-экономическое неравенство: российские тенденции // Россия и современный мир. – 2017. – № 1. – С. 46–61.
2. *Дитон А.* Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 368 с.
3. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.
4. *Glaeser E., Scheinkmann J., Shleifer A.* The Injustice of Inequality // Journal of Monetary Economics. – 2003. – Vol. 50. – № 1. – P. 199–222.

References

1. *Anisimova G.V., Voejkov M.I.* Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo: rossijskie tendencii // Rossiya i sovremennyy mir. – 2017. – № 1. – S. 46–61.
2. *Diton A.* Velikij pobeg. Zdorov'e, bogatstvo i istoki neravenstva. – M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2016. – 368 s.
3. *Stiglic Dzh.* Cena neravenstva. SChem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu. – M.: Eksmo, 2015. – 512 s.
4. *Glaeser E., Scheinkmann J., Shleifer A.* The Injustice of Inequality // Journal of Monetary Economics. – 2003. – Vol. 50. – № 1. – P. 199–222.

Неганова Галина Дмитриевна

кандидат культурологии
Костромской государственной университет
cultland@yandex.ru

Цинь Лидун

Костромской государственной университет
Гуманитарный институт Северо-восточного педагогического университета, г. Чанчунь, Китай
qinlidong@mail.ru

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ»

В статье дается обзор научно-практической конференции «Языки и культуры», состоявшейся 23–24 мая 2019 года на базе Костромского государственного университета. Краткое обозрение знакомит с докладами, в которых представлены результаты исследований, выполненных на материале художественных текстов и затрагивающих вопросы литературоведческой направленности – жанровой типологии древне- и старорусских текстов (Э.Н. Акимова), разговорного стиля в юридических триллерах Джона Гришэма, «говорящих имен» в новеллах Шервуда Андерсона (С.О. Коченова), аллюзии как проявления интертекстуальных связей в произведениях Курта Воннегута (А.А. Яхонтова), скрытых или развернутых смыслов в написанных верлибром стихотворениях Киарана Карсона и Тымотеуша Карповича (Е.В. Зимина) и др. Обращается внимание на работы, посвященные переводным произведениям (Е.В. Золинова и другие). Обозначены направления исследований творчества драматурга А.Н. Островского, представленных в докладах выездного заседания в Музей-усадьбу «Щельково».

Ключевые слова: обзорная статья, конференция, научный доклад, научное исследование, литературное произведение, переводное произведение.

23–24 мая 2019 года, в преддверии Дня филолога, в Костроме прошла международная научно-практическая конференция «Языки и культуры». Это первая встреча российских и китайских филологов, состоявшаяся в рамках сотрудничества между Костромским государственным университетом и Гуманитарным институтом Северо-восточного педагогического университета (КНР, Чанчунь). Участниками научного собрания стали также ученые, представляющие университеты Беларуси, Украины, Словакии, ДНР; почетным гостем был приглашен почетный профессор КГУ Г.Ф. Шнайдер (Германия, Циттау/Герлиц, Университет прикладных наук). Партнером конференции выступил Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А.Н. Островского «Щельково».

Основная часть докладов конференции посвящена проблемам лингвистики и лингводидактики. Вместе с тем в ряде работ затрагивались вопросы литературоведческого характера. В данном обзоре представлены те из них, в которых отражены результаты исследований, выполненных на материале произведений русской и зарубежной литературы.

Работа Э.Н. Акимовой «Речевые жанры в диахроническом аспекте» представляет собой обзор точек зрения ведущих отечественных и зарубежных ученых по заявленной теме. Автор отмечает, что вопрос о делимитации древнерусских жанров решается неоднозначно, выдвигаемые литературоведами и лингвистами критерии зиждутся на разных основаниях. Нет конечного списка жанров, они постоянно трансформировались. Э.Н. Акимова констатирует, что проблемы жанровой типологии древне- и старорусских текстов в научной литературе в достаточной степени пока не разработаны.

Исследование «Система речевых и дискурсивных актов современной драмы» Н.А. Жихаревой и Д.С. Мухиной выполнена с опорой на теорию речевых актов Дж. Остина, которая оказала «большое влияние на современную лингвистику и логику (т. н. иллокутивная логика, трактующая речевые акты как интенциональные действия говорящего)» [7, с. 9]. Внимание авторов сфокусировано на дискурсивных актах. Его типы – офферетивные, конформативные и неконформативные, аккумулятивные, апологетные, дидактические – рассматриваются на материале драматических текстов П.В. Гладилина, М.А. Мосулишвили, J. Cardell, S. Gambrell. Анализируя дискурсивные акты в речи персонажей литературных произведений, исследователи отмечают значение диалога в коммуникации персонажей, которая не только является основой характеристики и раскрытия образов, но и генерирует развитие сюжета и ход действий.

Доклад А.А. Акатовой «Романы Джона Гришэма как источник лингвокультурной информации: неологический аспект» посвящен вопросу функционирования разговорного стиля в современном американском варианте английского языка. На материале произведений популярного американского писателя анализируются неологические и окказиональные феномены и отмечается их значение для создания художественных образов. Ранее в своих публикациях исследователь обращалась к произведениям Гришэма. В частности, апеллирует к текстам писателя в работе «Язык и культура как источники национального характера» при анализе взаимосвязи литературы, культуры и языка как факторов, формирующих национальный характер этноса [2]; в статье «Лексико-семантическое поле

«Law» в американском варианте английского языка» обращает внимание на жанр, в котором работал писатель, – жанр юридического триллера, позволяющий через художественные образы дать «объективное понимание проблем и сложностей американской жизни» [1, с. 9].

Материалом для исследования, результаты которого представлены в докладе С.О. Коченовой «Говорящие» имена персонажей Шервуда Андерсона», послужили новеллы из книги «Уайнсбург, Огайо», на которой воспитывались такие американские писатели, как Драйзер, Фицджеральд, Фолкнер, Хемингуэй и др. [3, с. 101]. На примере рассказов “Hands” («Руки»), “Purple Pills” («Бумажные шарики») и “Respectability” («Почтенные люди») рассматриваются смыслы, заложенные в именах персонажей. Исследователь наблюдает, как при чтении новелл выявляются скрытые значения говорящих имен, раскрывая образы героев Ш. Андерсона и авторскую позицию по отношению к ним. Обращается внимание на содержащиеся в семантике литературных антропонимов аллюзии на реалии и характеристики персонажей.

В докладе «Аллюзия как проявление интертекстуальных связей в произведениях Курта Воннегута» А.А. Яхонтовой представлены результаты наблюдений над использованием аллюзии – одной из основных форм интертекстуальности – в литературных произведениях американского писателя эпохи постмодернизма. Анализируются аллюзии в романах «Синяя борода» (отсылка к широко известной французской сказке) и «Колыбель для кошки» (текст внутри текста), в рассказе «2BR02B» (аллюзии к антиутопическому роману О. Хаксли «О дивный новый мир» и роману К. Воннегута «Колыбель для кошки»).

В докладе Е.В. Золиновой «Языковые особенности перевода “Кантерберийских рассказов” Д. Чосера на современный английский язык, выполненного Р. Экером и Ю. Круком» отмечается такое важное достижение переводчиков, как сохранение поэтического текста. Материалом для исследования послужил текст «Пролога», написанного, как и основная часть новелл, входящих в «Кантерберийские рассказы», парнорифмованным двустушием. Трудности перевода оригинала связаны с тем, что произведение, созданное в конце XIV века, написано на лондонском диалекте среднеанглийского языка. По наблюдениям Е.В. Золиновой, в 10 из 21 стихотворного двустушия «Пролога» переводчики смогли сохранить авторскую рифму, несмотря на изменившееся произношение слов, составляющих рифмующие пары, благодаря тому, что фонетически развивались одинаково рифмующиеся слова, а также тому, что структура предложений, в которые они входят, изменилась незначительно. По мнению исследователя, переводчики максимально старались сохранить лекси-

ку оригинала. В докладе это убедительно показано на примере книжки лексики, архаизмов, а также характерных для среднеанглийского периода заимствований из французского языка, которые в значительном количестве встречаются в современном переводе. Е.В. Золинова указывает на роль, которую они играют в произведении: передают дух времени и придают тесту «Пролога» возвышенно-поэтическое звучание.

Автор исследования «Сравнение подходов к переводу английской и польской постмодернистской поэзии» Е.В. Зимины позиционируется также как переводчик. Обобщая свой опыт по переводу с польского и английского языков стихотворных текстов, написанных верлибром, исследователь останавливается на трудностях их перевода в сравнении с рифмованным стихом. Ранее ею рассматривались подходы к переводу современной польской поэзии: традиционный подход, предполагающий, что «и оригинал, и перевод будут читаться вслух и восприниматься на слух», и подход, основанный на предположении, что «восприятие и чтение стихов начало адаптироваться к визуальной культуре, то есть зрительные образы стали намного важнее устных, а интонация и ритм стихотворения определяются графической сегментацией текста» [6, с. 212]. В обозреваемой работе сравниваются польский и английский верлибр. Различия между ними исследователь выявляет, анализируя скрытые или развернутые смыслы, присутствующие в таких стихотворных текстах. Материалом для анализа послужили стихотворения поэтов, чье творчество практически неизвестно в России: «Белфастское конфетти» Киарана Карсона (в тексте наблюдается развертывание смыслов, что, как отмечает Е.В. Зимины, можно видеть у многих современных англоязычных поэтов) и «Вертикаль» Тымотеуша Карповича (по мнению исследователя, по причине неопределенности, неясности вкладываемых смыслов создаваемый образ можно интерпретировать по-разному).

Доклады во время выездного заседания в Музей-усадьбу «Щельково» связаны с изучением творчества А.Н. Островского. В выступлении «Направления деятельности Музея-заповедника “Щельково”» директор музея Г.И. Орлова акцентировала внимание на научно-исследовательской работе. Музейные фонды располагают материалами, позволяющими вести исследования по таким направлениям, как жизнь и творчество А.Н. Островского, воплощение произведений драматурга на сцене и в кино, творческое наследие А.Н. Островского в культурном процессе и др.

В фондах музея выявлены архивные документы, содержащие информацию о постановке спектакля по пьесе «Гроза» А.Н. Островского в Китае в 1959 году. В коллекции «Изобразительное искусство» представлены эскизы декораций к этому

спектаклю, выполненные художником Александром Викторовичем Рыковым (1892–1966). В коллекции «Фотографии» находятся фотодокументы к спектаклю – ключевые сцены драмы «Гроза» (постановщик – Гэнь-Ужень-Линь Вэй). Данные материалы из музейного собрания послужили основой для доклада Е.М. Дьяченко «О постановке “Грозы” А.Н. Островского на сцене Экспериментального театра в Пекине».

В Китае на протяжении XX – начала XXI века отношение к творчеству А.Н. Островского изменялось, это отметил Цинь Лидун в докладе «А.Н. Островский в Китае: изучение творчества и переводы». Исследователь предложил хронологическую периодизацию, обосновав выделение пяти периодов: периода знакомства китайских читателей с пьесами А.Н. Островского, периода популяризации, периода спада, периода восстановления изучения творчества драматурга и, с 2000 года, периода осмысления.

Н.С. Тугарина, приступая к рассмотрению темы, заявленной в докладе – «Тема банкротства в творчестве А.Н. Островского (“Свои люди – сочтемся!”, “Пучина”)), разграничивает понятия «неосторожное банкротство», связанное лишь с потерей финансов («Таланты и поклонники»), и «злостное банкротство». Анализируя образы персонажей пьес «Свои люди – сочтемся!» и «Пучина», докладчик показывает, как злостное банкротство открывает путь к обману и приводит к банкротству не только в финансовом деле, но и в жизни в целом.

Совместный доклад Н.С. Ганцовой и Г.Д. Негановой «Произведения А.Н. Островского как источник академических словарей русского языка» отражает результаты работы, завершающей цикл исследований языка А.Н. Островского, посвященных 70-летию юбилею выхода первого тома 17-томного академического «Словаря русского литературного языка». В предшествующих публикациях докладчиков произведения драматурга рассматривались в качестве одного из основных источников иллюстраций для Словаря, отмечалась роль А.Н. Островского в развитии стилистической системы литературного языка [4; 5]. В представленном докладе исследователи сосредоточились на литературно-языковой деятельности писателя, его вкладе в развитие и обогащение современного русского литературного языка.

Языку А.Н. Островского посвящены также заявленные доклады «К вопросу о переводе художественных концептов: сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических единиц, репрезентирующих концепт “Самодурство” в пьесах А.Н. Островского, и их коррелятов в англоязычных переводах пьес» Л.С. Наградовой, «Лексика переводных пьес А.Н. Островского в сравнении с частотным словарём языка драматурга» Г.Д. Не-

гановой и «Топонимы-маркеры в переводных пьесах А.Н. Островского» Т.В. Горловой.

Материалы научно-практической конференции будут опубликованы в сборнике «Языки и культуры», выпуск которого планируется в III квартале 2019 года.

Библиографический список

1. *Акатова А.А.* Лексико-семантическое поле «Law» в американском варианте английского языка // Наука и образование: новое время. – 2017. – № 1 (2). – С. 4–9.

2. *Акатова А.А.* Язык и культура как источники национального характера // Актуальные вопросы зарубежной филологии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, методики преподавания иностранных языков: сб. тр. конф. Кострома, 14–16 мая 2015 г. – Кострома: Костромской государственной академии культуры и искусства имени Н.А. Некрасова, 2015. – С. 92–100.

3. *Гайсмар М.* Шервуд Андерсон: Последний из провинциалов // Гайсмар М. Американские современники: сб.: пер с англ. – М.: Прогресс, 1976. – С. 68–120.

4. *Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.* Иллюстрации из текстов А.Н. Островского в «Словаре современного русского литературного языка» и данные «Частотного словаря языка А.Н. Островского» // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приёмшова, Е.В. Пурицкая. – СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 149–157.

5. *Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.* Классическая литература как источник формирования академических словарей русского литературного языка: лексика с иллюстрациями из пьес А.Н. Островского в юбилейном томе Большого академического словаря // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium 2019. Вып. 16: сб. науч. ст. / редкол.: И.Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2019. – С. 15–20.

6. *Зимина Е.В.* Особенности перевода современной польской поэзии // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 5. – С. 211–213.

7. *Назарова О.А.* От издателя // Остин, Джон. Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 7–9.

References

1. *Akatova A.A.* Leksiko-semanticheskoe pole «Law» v amerikanskom variante anglijskogo yazyka // Nauka i obrazovanie: novoe vremya. – 2017. – №1 (2). – S. 4–9.

2. Akatova A.A. YAzyk i kul'tura kak istochniki nacional'nogo haraktera // Aktual'nye voprosy zarubezhnoj filologii, lingvokul'turologii, mezhkul'turnoj kommunikacii, metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov: sb. tr. konf. Kostroma, 14–16 maya 2015 g. – Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj universitet imeni N.A. Nekrasova, 2015. – S. 92–100.
3. Gajsmar M. SHervud Anderson: Poslednij iz provincialov // Gajsmar M. Amerikanskije sovremenniki: sb.: per s angl. – M.: Progress, 1976. – S. 68–120.
4. Gancovskaya N.S., Neganova G.D. Illyustracii iz tekstov A.N. Ostrovskogo v «Slovarje sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka» i dannye «CHastotnogo slovarya yazyka A.N. Ostrovskogo» // Rossijskaja akademicheskaja leksikografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 70-letiyu vyhoda pervogo toma akademicheskogo «Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka» / otv. red. O.N. Krylova, S.A. Myznikov, M.N. Priyomysheva, E.V. Purickaya. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. – S. 149–157.
5. Gancovskaya N.S., Neganova G.D. Klassicheskaja literatura kak istochnik formirovaniya akademicheskikh slovarij russkogo literaturnogo yazyka: leksika s illyustraciyami iz p'es A.N. Ostrovskogo v yubilejnom tome Bol'shogo akademicheskogo slovarya // Slovo i slovar'. Vocabulum et vocabularium 2019. Vyp. 16: sb. nauch. st. / redkol.: I.L. Kopylov (gl. red.) [i dr.]. – Minsk: Belaruskaya navuka, 2019. – S. 15–20.
6. Zimina E.V. Osobennosti perevoda sovremennoj pol'skoj poezii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 5. – S. 211–213.
7. Nazarova O.A. Ot izdatelya // Ostin, Dzhon. Izbrannoe / per. s ang. L.B. Makeevoj, V.P. Rudneva – M.: Ideya-Press: Dom intellektual'noj knigi, 1999. – S. 7–9.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Aleksandr A. Morozov
Moscow State Pedagogical University
a.morozov.87@list.ru

State regulation of the socio-economic relations during Elizabeth I Tudor's rule

The author of the article reconstructs the hierarchical structure of the 16th century English society, the development of capitalist relations in the English countryside at the British Queen Elizabeth I Tudor led to a noticeable socio-economic changes, which affected all major categories, such as land users and owners. A new legal framework was created to protect the interests of the ruling class. The essence of these normative legal acts was the attempt of the country's leadership to cope with the problems that arose due to the growth of the proletariat, and most importantly, the inability of the British industry to use the hands released from agriculture. The government was well aware of this imbalance – the supply and demand for labour. But the government of Elizabeth was not able to propose a specific programme for the use of labour, and went on a proven path – forced coercion of workers' fulfillment of unprofitable obligations. The conclusion is made about the usefulness of the information contained here in the analysis of the transition states of societies.

Keywords: house of Commons, Elizabeth Tudor, land speculation, medieval English society, court titles, commercialisation of agriculture, crushing of feudal lords, military estates, classical Marxism, state intervention, population of England, entrepreneurial initiative, commodity-money relations.

Svetlana B. Chernetsova
Russian Geographic Society
ch-sb@yandex.ru

The complex of the chapels of the Kazan Temple's parish in Zaozerje village, as an example of the influence of the Calvary construction tradition in Europe

The article is devoted to the chapel phenomenon in the village of Zaozyor'ye, Uglich district, Yaroslavl Region, Russia; there the parish of the temple of Our Lady of Kazan used to include about two dozen of chapel structures. The main attention of this article is paid to the collection of lost information about all the chapels of the complex, the consecration of chapels, ceremonies and traditions, associated with them. There are no similar complexes in Russia. The article attempts to search for their analogues on the nearest territory abroad. In this regard, the author examines the large chapel complexes in Poland, known as calvaries (dedicated to Golgotha). In fact, calvaries are kind of spacial markers of some of the scenes of Passion of the Christ, e.g. him carrying the cross. Some of the European calvaries are devoted exclusively to Mother of God. Seeing an obvious similarity with the European calvaries, dedicated to Virgin Mary, the author

comes to the conclusion that in the neighbourhood of Zaozyor'ye there was a local tradition of worshipping Mother of God, which was originally closely related to the mineral spring "Plotnitsy".

Keywords: sacred landscape, calvaries, sacred architecture, chapels, holy spring, Virgin Mary.

Vladimir N. Benda
Pushkin State Pedagogic University of Leningrad Region
bvn.1962@mail.ru

Military schools for training officers and non-commissioned officers created and operated in Russia in the late 18th century

Which are of considerable interest or the 18th century history of the creation and development of the Russian system of military schools of the Russian Empire conducting courses for military personnel for land and special forces of the Russian army, are the schools that were created in the last quarter of the 18th century. The author traces the history of the creation and development of Shklow noble school and the Orphanage, later renamed the Imperial Military orphanage. The author comes to the conclusion that Shklow noble school was a multinational and multi-confessional educational institution. The establishment of the Military orphanage was one of the means for the formation of the newly formed estate of soldiers' children. The article summarises the new material on the topic under study, previously unpublished sources and literature are introduced into scientific circulation.

Keywords: Catherine II, Paul I, last quarter of 18th century, early 19th century, military schools, military personnel, Shklow noble school, Military orphanage.

Il'ya N. Suyetin
UlyanovUlyanovsk State Pedagogic University
piazzolla73@gmail.com

Urbanisation as a factor of diversification of the Russian musical vocational education at the turn of the 19th and the 20th centuries (in terms of the Povolzhye)

The article analyses the features of the diversification of musical vocational education in the region of Povolzhye at the turn of the 19th and the 20th centuries as a result of the process of urbanisation. The paper presents evidence that as a result of industrial development and an increase in urban population, there was a need for skilled music professionals. At the turn of the 19th and the 20th centuries, thanks to the activities of the Imperial Russian Musical Society, an extensive network of musical educational institutions appeared in the region of Povolzhye, musical vocational education would start to include several levels (music classes – music schools – conservatoire). Against the background of changes in the social composition of cities, the content of music vocational education would be transformed, with the range of musical specialties expanding, new forms and methods of teaching and education emerging. The study stressed the importance

of using historical experience to improve the Russian system of training practitioners at the present stage.

Keywords: urbanisation, population migration, education diversification, music vocational education system.

Therapont, Metropolitan of Kostroma and Nerekhta (Dmitriy V. Kashin)

*The Metropolitan of Kostroma and Nerekhta
ferapontk@ya.ru*

**Kostroma eparchy in March, 1917:
a farewell to monarchy**

The article deals with events in the life of Kostroma eparchy in early March 1917, previously not analysed in totality and connected with the establishment of a new format of state-church relationship. The author formulates the thesis about the rejection of monarchic idea by the majority of Orthodox clergy after the February Revolution which was not due to revolutionary views of clergymen, but on the contrary, due to their conservative commitment to Synodal model of the position of the church in the state. It is noted that the level of public activity of various groups of clergy in the conditions of revolutionary time could be directly proportional to the extent of their integration into the state-bureaucratic system. As examples, the author describes the actions of Kostroma clergymen on the establishment of the order of liturgical commemoration of the authorities for religious services on 3rd to 5th of March, 1917, and the participation of the clergy in the celebrations of "holiday of freedom" on March 10, 1917, in Kostroma. The article contains information which was not published in diocesan press earlier, i.e. about the conflict of the Vicar of Kostroma eparchy, the Bishop of Kineshma Sebastian with Kineshma revolutionary Committee of public security (the Bishop was accused of monarchic propaganda; the problem managed to be completely solved only in September, 1917).

Keywords: Russian Orthodox Church, Kostroma eparchy, February Revolution, monarchy, emperor, bishop without eparchy, public security committee.

Fyodor N. Kozlov

*State historical archive of the Chuvash Republic,
the City of Cheboksary, Chuvashia autonomy, Russia
fedor1977@yandex.ru*

Valeriy V. Dzyuban

*Institute of World Civilisations, Moscow
bryanskstudzuban@mail.ru*

Aleksandr V. Tret'yakov

*Kursk State University
dr_tretiyakov@mail.ru*

**Ethnic factor as an element of Church policy
in the 1920s (in terms of Chuvash Republic)**

The article is based on archival documents and published sources and examines the state church policy and the internal church political life of the 1920s. Main attention is paid to the analysis of the schisms in the Russian Orthodox Church in Chuvashia. On the example of one of the national autonomies of the Middle Volga region the role of ethnic factor in the internal church life is revealed. The article focuses on the Renovationist and Autocephalous movement. On the

basis of the studied documentary base, the key features of the development of the internal church situation in Chuvashia are identified, the dependence of regional events on the all-Russia events is estimated and their comparative characteristics are given, the dynamics of actions of local schismatics is described and the fact of participation of representatives of state bodies in provoking of Renovationist and Autocephalous splits is reflected.

Keywords: Chuvashia autonomy, Russian Orthodox Church, Cheboksary eparchy (Renovationist), Chuvash Orthodox Autocephalous National Church, national factor, Bishop Victor (Zaykov), priest Vasilii Krasnov.

Marina V. Kochergina

*Moscow Finance-Jural University
kochergina_mv@mail.ru*

**Fates of priests of Russian Orthodox Church
of Old-Believers in the ancient centres
of Starodub and Vietka in 1920s-1960s**

The article is devoted to the difficult fate of the old believers' priests of the Russian Orthodox Church of Old Believers in the period of Stalin's repression, the events on the World War II East Front and the postwar period, associated with a new oppression against the Church. The author restores the fate of old believers' priests from the ancient centres of Starodub and Vietka, who managed to preserve, despite the repression by the Soviet authorities, the faith of their ancestors, to show selflessness in relation to their flock, love for the Motherland, patriotism. The analysis of published biographies of old believers' priests of the Russian Orthodox Church of Old Believers, the memories of old believers themselves, recorded by the author, allow tracing the difficult way of restoring the spiritual life of old believer communities of Starodub and Vietka in this period, to show the regional aspects of the activity of old believers' priests in the field of state-confessional relations, their interaction with members of communities.

Keywords: old believers, priests, ancient centres of Starodub and Vietka, repression, World War II (East Front), postwar period, patriotism, call of duty.

Andrey D. Polugodin

*Tsiolkovsky Kaluga State University
andrei.polugodin@yandex.ru*

**Punitive actions of Nazis in the occupied districts
of Kaluga Region in 1941–1943**

The article analyses the felonious policy of Hitler's state against the civilian population of the rural areas of Kaluga Region on the basis of the available archival sources and local history material. The author assesses the demographic and material damage of the regions subjected to Nazi occupation, identifies the causes of possible losses. The study found that the Nazi policy in the territory of the region could not be fully realised due to the distractions of the Nazis: the frontline status of the region, development of the guerrilla movement, as well as the rapid liberation of a large part of

the region by the Red Army by the early 1942. However, despite the unfavourable conditions for the occupationists, the essence of the occupation regime is quite clearly expressed in the Southern and Western regions of the region, the territories that had been for quite a long time under control of the Nazis, which significantly made the region suffer demographic and economic losses.

Keywords: Nazis, Generalplan Ost, occupation, guerrillas, Wehrmacht, settlements burned to ground, "New Order".

Andrey M. Belov
Kostroma State University
belovi_1957@mail.ru

Dmitriy A. Bulyukin
Kostroma State University
bulykindima@yandex.ru

Lee Tong
Kostroma State University
2457080717@qq.com

Soviet economic assistance to China in the 1950s

The Soviet-Chinese relations in the 1950s are considered in the article through the prism of the Soviet Union's economic help to China. The review of sources and historical literature devoted to the studied problem is provided, positions of both Russian and Chinese historians are estimated, concrete contracts and agreements between two countries are analysed. The authors come to a conclusion that what was the cornerstone of the Soviet economic help to China in the 1950s, in many respects meant the ideological reasons: what was the base of ideology of the leading parties of both countries, was Marxism-Leninism. What was a basis of the help to People's Republic of China from the Soviet Union became the aspiration to create the industry which would be modern at that time and would promote formation of the Chinese working class as the main ally of working class of the Soviet Union.

Keywords: Soviet Union, China, economical helping, training of Chinese specialists, cooperation.

SCIENCE OF LITERATURE

Sergey V. Zhilyakov
Belgorod National Research University,
branch in the City of Stary Oskol, Belgorod Region
szhil@list.ru

"Word of Daniel the Immured" as a manifesto of the autocracy in Russia of the 12th century

The article deals with the problem of functional and genre belonging of the "Word of Daniel the Immured", and considers the problem of dating the work. We reveal that the semantic "impenetrability" of the "Word" is connected, first, with the phenomenon of the text of the transition period, which determines the ideological and everyday (biographical) concept. It is shown that the "Word" is a Manifesto of autocracy, representing the "expressed" stereotype of behavior, which destroys the boundaries of the previous canons both in genre and stylistic terms, since the synthetic worldview discrediting the usual mental positions, no longer works at the level of the norm, it is an object of parody (new

and at the same time selectively traditional poetics. In this connection, the "Word" is unusual for any listener who does not live in that era, the era of the 12th century – the time of tectonic cultural and historical shifts, when old traditions die, and new ones are just emerging. This fluid (amorphous) process is reflected in the phenomenon of "Word of Daniel the Immured", presented as a mystery for the modern researcher.

Keywords: genre, synthetic genre, genre modality, genre dominant, "merciful", tradition, rhetoric, laudatory, genre, inner world.

Anna G. Maslova
The Vyatka State University, the City of Kirov
usr10021@vyatsu.ru

Poetics of time and space in the works of Yermil Kostrov

The article discusses the spatial-temporal organisation of Yermil Kostrov's works, identifies features that reflect the evolution of his work. The author of the article analyses Yermil Kostrov's odes and epistles since these genres were the most stable in the system of classicism. Analysis of artistic time and space in Yermil Kostrov's poetry reveals the evolution of his work in the context of the literary process of the transitional era of the last third of the 18th century. In works devoted to congenial contemporaries – Alexander Suvorov and Gavril Derzhavin, the poet refuses the "finished" rhetorical word and refers to the expression of individual-personal experiences. His odes and epistles voice specific features of the personality or the creative discoveries of the addressees of the works, reflect autobiographical facts. This corresponds to the general trend in the literary process of the transitional era of the last third of the 18th century.

Keywords: 18th century Russian poetry, classicism, genre ideation, artistic space, transitional phenomena in literary process, traditions and innovations in literature.

Mariya I. Krupenina
Gorky Institute of World Literature, Moscow
psickozza@gmail.com

Eccentric characters in Dickens's novel "David Copperfield" and the motif of premonition

The coming-of-age story "David Copperfield" by Charles Dickens is notable for its internal organisation, revealing the literary style of the author. Dickens' serialised novels demonstrate a thoughtful unity of content and form. This makes it possible to speak of the existence of common components, making up his works. The unified tone of all Dickens's works is reached by a special "touch" of the "fantastic", what has already been noted in literary criticism. The significance of the concept of "fancy" for creative work of this realist writer allows us paying attention to the most important "fantastic" structural component in "David Copperfield" – the so-called "premonition moments", experienced by the characters. Even if premonitions may seem incredible at the first mention, they are of-

ten justified in the course of action. An analysis of the episodes associated with the premonitions of the characters, both accurate and inaccurate, as well as those containing "fantastic" (fabulous, eccentric, theatrical) portraits, allows us demonstrating how exactly the writer's individual manner of writing manifests itself.

Keywords: "David Copperfield", fancy (fantasy), eccentricity, premonition, serialised novel, fairytale, theatrics, literary style.

Kirill A. Chekalov

*Gorky Institute of World Literature, Moscow
ktchekalov@mail.ru*

Rocambole's theatrical mission

The article deals with the influence of theatrical aesthetics on Pierre Alexis Ponson du Terrail – the famous writer of the French popular literature of the second half of the 19th century. The great connoisseur of the theatre, Viscount of Ponson du Terrail filled his novels – and first of all, an extensive cycle of works about Rocambole – with allusions to the scenic practices of his time (first and foremost, he speaks about Parisian pulp theatres) and plays that had won favour with the commonalty: "Le Chiffonnier de Paris" by Félix Pyat and "La Tour de Nesle" by Alexandre Dumas. On the other hand, performability is a paradigmatic feature of feuilleton. Viscount of Ponson du Terrail was the leading representative of this genre. Particular attention is paid to the production of the play "Rocambole" by Auguste Anicet-Bourgeois and Ernest Blum (1864) and the transformations that the novel text underwent in the stage version.

Keywords: Pierre Alexis Ponson du Terrail, serialised fiction, paraliterature, melodrama, marionette, character, pulp theatre.

Nadezhda G. Mikhnovets

*Herzen Russian State Pedagogic University, Saint Petersburg
mikhnovets@yandex.ru*

The drama and the libretto "The Storm" by Alexander Ostrovsky: a historical plan in the image of the patriarchal world

The article is devoted to the problem of studying the historiosophical views of Alexander Ostrovsky. The author examines it on the material of two works by the playwright written in different years: the drama "The Storm" and the libretto "The Storm". The article provides a comparative analysis of these works and substantiates the provision that they are in complementary relations. The author comes to the conclusion that Alexander Ostrovsky as a librettist restores the character of public and private life of the heroes of the 17th century, consistently removing the themes indicating the crisis state of the patriarchal world in the mid 19th century. The article shows that at the same time, the playwright reveals the causes of this crisis. The author points out the convergence between the libretto "The Storm" and the novel "The Idiot" by Fyodor Dostoevsky, as well as the book "The History of a Town" by Mikhail Saltykov-Shchedrin. The study helps clarify the historical and cultural realities of the

two works of the same name by Alexander Ostrovsky and deepen their interpretations, which is topical in the context of the preparation of his Complete works and letters to publish.

Keywords: Alexander Ostrovsky, "Storm", drama, libretto, historical approach, patriarchal world, crisis, historiosophical views, Fyodor Dostoevsky, Mikhail Saltykov-Shchedrin.

Vladimir V. Tikhomirov

*Kostroma State University
vtihom@mail.ru*

Comedy "The Forest" by Alexander Ostrovsky: holding out for a hero. Experience of a comment

The publication of comedy "The Forest" and its premier performances in St. Petersburg and Moscow in 1871 germinated considerable number of critical responses; at that, in most of them there was lack of understanding of artistic-moral and psychological problems the playwright was uneasy about and showed in his play. Alexander Ostrovsky was considered to be, first of all, a portrayer of ordinary life who was keeping exposing the cloyed social sores of the Russian life. Only few reviewers paid attention that in the comedy, luminaries of art were opposed to the spiritless world of powers that be. They were not ideal, but capable to rise beyond mercantile interests, and their restless existence was, in the opinion of the author, more attractive, than life of men in the street filled with falseness, intrigues and lie. Alexander Ostrovsky understands that art, unfortunately, is not omnipotent, but it also is not powerless; it well influences the person. The comedy "The Forest" carries on tradition of search of the positive fundamentals in the Russian life by the playwright and opens the important topic of theatre and figures of theatre – carriers of humanistic values – in his creative work; it plans a new vector of holding out for the hero.

Keywords: confrontation of spiritual and mercantile interests, art advantages and disadvantages, holding out for ideal.

Valeriya G. Andreyeva

*Kostroma State University
lanfra87@mail.ru*

Motif of struggle in the chronicles "The Cathedral Clergy" by Nikolai Leskov

The author of the article addresses history of the publication of the chronicles "The Cathedral Clergy" by Nikolai Leskov; she notes that the subject and the core conflict of the work collided with its publication in a number of magazines, and that only Mikhail Katkov realised the chronicle's importance and accepted it in his magazine "The Russian Messenger". In "The Cathedral Clergy", Nikolai Leskov looks at the world from a special perspective which opens his point of view as an eternity look, whereas what becomes the core conflict in the work, is confrontation of belief and unbelief of global, if not universal, scale. Realisation of one of the book's most significant motifs – motif of struggle – is analysed in the article. It is considered how Nikolai Leskov on a set of examples illustrates

the heroes' active and energetic strength that is shown in advocacy of belief, in resistance to meanness and premeditated deception. The writer very thinly and skillfully shows that fight is not an intrinsic basis of righteous people, that all of them live under the law of love, however they cannot be passive observers in the world where the truth is profaned.

Keywords: Nikolai Leskov, "Cathedral Clergy", motif of struggle, romantic chronicles, artistic wholeness, religious consciousness.

Nina A. Lobkova
Kostroma State University
lobkova.nina.a@yandex.ru

From the history of Pavel Annenkov's publications about Pushkin in "Vestnik Evropy (Herald of Europe)" (based on the letters to Mikhail Stasyulevich)

The article describes the history of Pavel Annenkov's publications about Pushkin in the journal "Vestnik Evropy (Herald of Europe)" referring to the letters to Mikhail Stasyulevich ("Pushkin under Alexander I", "Public ideals of Pushkin"); it gave the basis of Pavel Annenkov's biography method, commented his polemics with the opponents and defined more precisely the creative history of his work "A Literary Litigation". Special attention is paid to Pavel Annenkov's interpretation of Pushkin's notes about the history of Peter I and the explanation of Pushkin's public position in the 1830s. The analysis of Pavel Annenkov's review about edition of Pushkin by Pyotr Yefremov lets understand the demands for an academical publication. The last Pavel Annenkov's article "Literary projects of Pushkin" confirmed his idea about Pushkin's method of approach for Russian history and culture in the European context.

Keywords: Pavel Annenkov, "Vestnik Evropy (Herald of Europe)", Mikhail Stasyulevich, Alexander Pushkin, literary biography, creative history.

Svetlana N. Morozova
Penza branch of the Military Academy
of Material and Technical Support
s.morozova09@mail.ru

Dmitriy N. Zhatkin
Penza State Technological University
ivb40@yandex.ru

Creative work of Edmund John Millington Synge in literary and critical perception of Korney Chukovsky

The article considers the specifics of Korney Chukovsky's perception of dramatic art of Edmund John Millington Synge (1871–1909), one of the greatest personalities of national revival of Ireland. Synge, who created his works in English, not only revived legends of his nation, but also expanded the idea of the Irish national originality, having offered his own vision of the image of an Irish of his time. Korney Chukovsky is the author of one of the first translations of Synge's dramatic art into Russian (a comedy "The Playboy of the Western World") and of the introductory article to his publication in 1923. The article "Synge and His "Playboy"" reflects the Russian writer's understanding

of the moral and aesthetic questions of the play. According to Korney Chukovsky, Synge's complex art method was formed under the influence of the ideas of revival of the national drama theatre. This direction in perception of Synge's heritage was determinative in Russian literature and, in general, reflected the nature of the attitude of Russian cultural consciousness to the Irish playwright's creative work.

Keywords: Korney Chukovsky, Edmund John Millington Synge, Russian literature, Russian literary criticism, dramatic art, intercultural communications, tradition, aesthetic direction.

Nataliya G. Koptelova
Kostroma State University
nkoptelova@yandex.ru

"Theatricalisation" of the lyrical hero in the poetry of Alexander Blok: genesis and ways of artistic realisation

The article deals with the "theatricalisation" of the lyrical hero, which is a characteristic feature of Alexander Blok's poetry. It is shown that the desire for theatre, as the highest art form, meets the resistance of the lyrical way of knowing the world that prevails in Alexander Blok's creative mind. This leads to the fact that the streams of lyricism and theatre in his artistic system collide and interact. As a result, traits which are inherent in the creative thinking of playwrights, actors and stage directors and organic for Alexander Blok are realised on the basis of lyricism. It is proved that the "theatricalisation" of the lyrical hero in Alexander Blok's poetry is expressed both in the reincarnation of the subject, revealing autopsychological experiences (then the reception of the "lyrical mask" arises), and in the statement of the role principle. It is emphasised that the "theatricalisation" of the lyrical hero, occurring in Alexander Blok's verses, leads to the creation of characters whose inner world can be in the most varying degrees of distance from the author's consciousness.

Keywords: Alexander Blok, poetry, "theatricalisation", lyrical hero, character, "lyrical mask", role-playing lyrics.

Vera V. Korolyova
The Stoletovs Vladimir State University
journ@vlsu.ru, queenvera@yandex.ru

"E. T. A. Hoffmann's complex" in the cycle of stories and drama scenes "Earth Axis" by Valery Bryusov (1901–1907)

In this article we explore "E. T. A. Hoffmann's complex", which includes real and imaginary worlds, the problem of the mechanisation of life and society, the duality, the romantic irony and grotesque in the series of short stories "Earth Axis" by Valery Bryusov. Following E. T. A. Hoffmann's tradition, Valery Bryusov creates a special type of romantic the dual world based on the principle of mirror reflection of the real world. The dominance of the unreal world leads to the absorption of the main character. The problem of mechanisation of a life and a man in the series is manifested in the tendency of loss of spirituality in so-

ciety and an attempt to fill the spiritual emptiness with "inanimate" objects ("Flat", "Defence"). Valery Bryusov creates a grotesque picture of a society ("Earth", "Rise of the Machines"), where the living changes are replaced by the nonliving (machines). Romantic irony and grotesque, which are destructive, become a stylistic device in the work of Valery Bryusov.

Keywords: Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, Valery Bryusov, real and imaginary worlds, duality, being puppet-like, reflectivity, romantic irony and grotesque.

Irina A. Yedoshina
Kostroma State University
tettixgreek@yandex.ru

Travelling notes by Pyotr Pertsov during his European travel, May to June, 1913 (according to letters to Mariya Pertsova)

In the article the author carried out reconstruction of an episode from life of P.P. Pertsov communicated by the most prominent figures of the Fin de siècle (Dmitry Merezhkovsky and Zinaida Gippius, Alexander Block, Valery Bryusov, Vasily Rozanov, Sergey Durylin etc.). The scientific value of this article consists in reproduction of an episode from life of Pyotr Pertsov based on the archive materials, which never before were not published that defined lack of references to any researches. Pyotr Pertsov's biography in general reproduced by the academician Aleksandr Lavrov in the 4th volume of the Russian Writers dictionary, needs specifications and additions which in this case, become on the basis of a research Pyotr Pertsov's epistolary and his partial publication. All data on the research connected with Pyotr Pertsov's biography are presented by the author of article in Notes and the List of references. The specifics of the article were defined by a biography genre, what the name of the article confirms. On the basis by Pyotr Pertsov's letters to his wife, Mariya Pertsova, their retelling and the partial publication its travel across Germany and Austria from May to June, 1913, is reproduced. Attention is paid to Pyotr Pertsov's attitude towards the wife, specifics of his perception of the European culture and the nature, reminiscence of the Russian literature. As conclusions as result of Pyotr Pertsov's trip, the list of articles, which are written and published by him under the impression of the trip is given. As the author of the article believes, a similar conclusion corresponds to a biography genre, reveals that during the trip, Pyotr Pertsov actively worked as a journalist.

Keywords: Pyotr Pertsov, Mariya Pertsova, epistolary heritage, European culture, travel diary, biography genre.

Nina D. Lyakhovskaya
Gorky Institute of World Literature, Moscow
samaki@mail.ru

On the path to self-discovery. New meanings in the novels of the Congolese writer Alain Mabanckou "Blue White Red" and "Memoirs of a Porcupine"

The article analyses the literary work of the Congolese writer Alain Mabanckou as the first one in African

Francophone literature to implant autofictional writing into traditional everyday writing context. In this article, the analysis of Alain Mabanckou's novels is made for the first time in African literary studies, both Russian and foreign. The author emphasises the novelty of the writer's style, which is expressed in the strengthening of subjectivity, in the accentuated introduction of the autobiographical element into the fictional text. The article points out one of the strongest points of Alain Mabanckou creative writing – the subtle psychologism, which distinguishes him from other Congolese writers, his amazing ability for a metaphysical perception of life. In the opinion of the author of the article, Alain Mabanckou intellectually elevates above the typical for Francophone African writers description with its clichéd images, typical situations and features of local flavour.

Keywords: Congolese novel, Francophone African literature, tradition, folklore, Alain Mabanckou, autofiction.

Kseniya A. Rebrikova
Ivanovo State University
rebrikova_kseniya1992@mail.ru

Transgression and its forms in the story "The Monkey Link" by Andrei Bitov

The author proposes the option of reading the story "The Monkey Link" by Andrei Bitov by identifying transgressive transitivity in the structure of the text. In an effort to understand the ambivalent nature of man, Andrei Bitov demonstrates the struggle between two principles, the human and the animal. The victory of the human beginning imposes a number of prohibitions / re-strictions on animal needs, and first of all it is a sexual ban. The system of pro-hibitions becomes a fundamental and organizing force, thanks to which the chaos prevailing in society is replaced by order and stability. The text is based on the detection of liminal states, which can be fixed by successively introducing the image of white jeans, chthonic creatures and mythopoetic space. The situation of impossibility of transition (exit) is typical for the characters of the story, who are doomed to fight-resistance (the narrator hero and Aslan). The analysis showed that the hero is unable to draw clear boundaries between I and IT, because they are in a state of permanent struggle. And only the awareness of inner experience brings the hero closer to the recognition of his own discretion.

Keywords: Andrei Bitov, "Monkey Link", transgression, bodily duality, I, It, discreteness.

Marina A. Klinova
The Urals State University of Economics, the City of Yekaterinburg
klinova.m@yandex.ru

Media as a tool of labour mobilisation of the urban population (based on the newspaper "Truth of East-Siberia", 1946–1950)

The article is devoted to the study of the content and specificity of propaganda rhetoric of the Soviet media discourse aimed at labour mobilisation of the population. Based on the analysis of the texts of the

newspaper "Truth of East-Siberia" of 1946-1950, devoted to the work of citizens, lexical forms the use of which in the texts of the publication, pursued the goal of implicit labour mobilisation – the creation of a positive image of the normative "correct" model of labour activity, were identified. The article used both quantitative (content analysis) and qualitative (discourse analysis) methods of text processing. The analysis of the materials of the publication allowed coming to the conclusion that the greatest intensity of mobilisation rhetoric was recorded in the first post-war years, reflecting the intensity of the processes of post-war economic recovery in the country. In process of overcoming of post-war difficulties on pages of the edition there is a decrease in intensity of the address to extreme rhetoric of labour mobilisation of the population, the number of the plots devoted to labour remuneration of citizens increases.

Keywords: USSR, labour mobilisation, propaganda, mass media, mobilisation rhetoric, 1946–1950.

JURAL SCIENCES

Vladislav V. Gruzdev
Kostroma State University
vgruzdev@ksu.edu.ru

Aleksandr I. Levchenkov
Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
naukalavd@mail.ru

Republics of Donbass as an international political and legal precedent

The article analyses the events taking place in Donbass from 2014 to 2019, to be exact, the very fact of the appearance of the peoples' republics of Lugansk and Donetsk, the way in which these republics appeared and the way of their possible international legalisation. The study was carried out not only at Russian, but also at the international level. The authors' vision of solving the problem is proposed, in particular, the idea is that the implementation of the fundamental (universal) principle of modern international law – the principle of universal respect for human rights and freedoms in conditions of the Ukraine military operation affecting the citizens of the republics in the sphere of influence of Russia – is impossible without implementing the principle of self-determination of peoples and nations. Only with such concrete conflict binding, the principle of self-determination of peoples and nations can predominate over the principles of territorial integrity and inviolability of borders.

Keywords: rights and freedoms, self-determination, people, nation, principle, international law, domestic law.

Vladislav V. Gruzdev
Kostroma State University
vgruzdev@ksu.edu.ru

Dmitriy A. Babichev
Kostroma State University
babichev-lavd@inbox.ru

Natal'ya A. Babicheva
Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
babicheva_natalya@inbox.ru

History of self-determination of the people of Donbass. Experience of the Soviet Republic of Donetsk and Krivoy Rog

The article is devoted to the burning problem that arose in 2014 in the Ukraine, in the regions of Lugansk and Donetsk, and that concerns the right of the people of Donbass to self-determination. This problem is not only of a local territorial nature, but it is also one of the most complex debatable problems of international law. Since the right to self-determination contradicts the principle of territorial integrity of the state, the consideration and solution of this issue is the most burning for the whole population living on the territory of the self-proclaimed people's republics of Lugansk and Donetsk. In the article, the authors analyse the concept of "self-determination of the people" and give a generalised characteristic of it, approving that it is the right of every nation to solve the issues of state structure, political status, economic, social and cultural development independently and at its own discretion. The author also examines the historical past of the people of Donbass, where, in terms of the Republic of Donetsk and Krivoy Rog and various documentary historical and legal materials, we come to the conclusion that the population of Donbass has the right to social, economic, cultural, spiritual and other development just as all the recognised countries of the world.

Keywords: people's right to self-determination, people's republic of Lugansk, territorial integrity, independence, international recognition, referendum, Republic of Donetsk and Krivoy Rog.

Vladimir N. Kartashov
Demidov Yaroslavl State University
kartazov@uniyar.ac.ru

Legal acculturation and legal expansion: ratio problems

Such fundamental laws of development of legal systems as legal acculturation and expansion are considered in the article. Attention is paid to their objects, issues, subjects, participants, equipment, tactics, strategy, determining factors and results. Topicality of this problem is due to the fact that acculturation is often identified by Russian and foreign authors with legal expansion. The author shows the features of legal acculturation and expansion technologies as relatively

independent in the development of legal systems. Attention is paid to the fact that acculturation is considered to be the voluntary perception of the elements of one of the legal systems in order to improve and develop another legal system. The essence of expansion is the imposition by the subjects and participants of one legal system (its individual elements and properties) of one state into the legal space of another country.

Keywords: legal acculturation, legal expansion, legal system, law, legal conscience, legal practice, technology.

Yevgeniy V. L'vov
Kostroma State University
evgenij-lvov0@rambler.ru

On the issue of the main development trends in the sphere of legal regulation

Despite the absence of a legal definition of the sphere of legal regulation, this legal category remains indispensable when considering issues related to the reasonable and reasonable use of legal tools as a means of social regulation. Consideration of the concept and main features inherent in the sphere of legal regulation, as well as its key properties, such as width and depth, has not previously been subject to direct legal analysis, and it contributes to the detailed disclosure of the specified legal category. The article also points to the dynamic nature inherent in the sphere of legal regulation. The development of the scope and limits of legal regulation in four main areas – expansion, contraction, deepening and generalisation – is concluded.

Keywords: legal regulation, scope of legal regulation, limits of legal regulation, dynamics of legal regulation, width of sphere of legal regulation, depth of sphere of legal regulation.

Ol'ga M. Meshcheryakova
Miklouho-Maclay Russian University
of Peoples' Friendship, Moscow
om23375@gmail.com

Development of banking standards control in the EU: problems and prospects

The article is devoted to the study of banking standards in the European Union. The article examines the unified mechanisms of the banking standards control in the European Union. The author considers mechanisms for harmonising the legislation of the EU member states and international regulatory mechanisms of banking standards, Basel III. The article analyses the measures of legal regulation aimed at protecting the banking system of the European Union.

Keywords: banking standards control, financial policy of European Union, single market of financial services of European Union, Economic and Monetary Union, capital adequacy, market risks, Basel III, securities market.

Anna V. Ivkova
Kostroma State University
ivkova-anna@yandex.ru
Yelizaveta S. Krotova
Kostroma State University
kelizabet@list.ru

Certain features of using of the "estoppel" doctrine in civil proceedings of the Russian Federation

The "estoppel" concept and the issues of applying the "estoppel" rule in international law and Russian civil law are considered in this paper. Procedural legislation novels stipulated in the Concept of the Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation, approved by the Committee on Civil, Criminal, Arbitration and Procedural Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on December 8, 2014, are noted here. The authors propose amendments to the civil procedural legislation, which will allow to apply the "estoppel" rule in civil proceedings. Particularly the authors propose to supplement Article 12 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation with part 3, including in it the obligation of the party to act in good faith in the exercise and protection of their rights and obligations. The authors indicate what exactly should be understood as unfair behaviour in this context.

Keywords: civil process, "estoppel" rule, proof, good faith principle, classification of estoppels, novels.

Svetlana G. Spivak
Kostroma State University
Alyona A. Alfer'yeva
Kostroma State University
alyonkasmi@mail.ru

The concept and classification of special types of exemption from criminal liability

The article is devoted to the analysis of the notes to the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation containing special rules for exemption from criminal liability. The article presents the historical development of this institution, and it also examines the various points of view of the authors on the topic of research, gives the concept of exemption from criminal liability. Until now, the concept of special types of exemption from criminal liability has not been defined in the Russian criminal legislation, and there is no systematisation of them. Based on what was studied, the authors cite the concept of special types of exemption from criminal liability. The classification of special norms of exemption from criminal liability on the grounds, such as the first time that the person commits the crime, is given. In this regard, special rules are divided into exemption from criminal liability for committing a crime for the first time and exemption from criminal liability, which does not have the condition to commit a crime for the first time.

Keywords: Criminal law, exemption from criminal liability, special types of exemption from criminal liability, notes, Special part of the Criminal Code of Russian Federation, concept, classification.

Andrey Ye. Lysakov
*Investigative Committee of the Russian Federation
 in Kostroma Region
 andrey144@rambler.ru*

**The content of the factors the organisation
 of the preliminary investigation bodies
 in the sphere of economics investigation
 of corruption crimes**

The organisation of the investigation of crimes aimed at achieving concrete results in the important sphere of relations is influenced by both individual factors of internal and external focus, and their combination, at the same time scientific literature analysis gives grounds to state that in most cases the question of the interpretation of the term "factor". It is not considered, or considered fragmented. In connection with this, by analysis of law enforcement and the maintenance of regulations in this area of relationships, as well as through the formal – logical, semantic and other methods, the author revealed, systematised the factors that determine the specificity of the organisation of crime investigation of corruption in the economic sphere, and described in detail some of them. On the basis of a systematic approach by the example of the activities of the investigating authorities propose a theoretical model of the factors the organisation of their work, the inherent organisational-managerial structure of any level the content of which, is a complex system of circumstances that have a significant impact on the maintenance of investigation corruption crimes in the economic sphere. This system consists of four subsystems – the legal, informal (communication), internal (organisational) and external (environmental factors).

Keywords: investigative body, investigation of crimes, factors of organisation, corruption crime in sphere of economy, organisation of work of investigative body, organisation of types of activity, organisational and legal bases of organisation of investigation of crimes.

Anzhela V. Meshcheryakova
*North Caucasus Federal University, the City of Pyatigorsk
 ladyflame68@mail.ru*

Andrey P. Mazurenko
*North Caucasus Federal University, the City of Pyatigorsk
 decanpetrovich@mail.ru*

**Digitalisation as a means of anti-corruption legal
 policy in the sphere of health care**

The article deals with issues of combating corruption in the health sector. The authors note that the level of corruption in general and in the healthcare sector, in particular, continues to grow. The main reasons causing corruption crimes in the mentioned area are analysed among which, the low level of income and social protection of health care workers stand out; the stratification of Russian health care "for the rich", "middle class" and "for the poor"; corporate solidarity of medical workers in concealing corruption in the health sector; forced participation of citizens in the corruption of health care, etc. The authors propose anti-corruption tools, one of which may be digitalisation and the effective use of medical information systems and tech-

nologies. In their opinion, digitalisation in the field of healthcare should lead to the complete satisfaction of the population's need for medical care, its optimisation, quality improvement and cost reduction, and, accordingly, more effective anti-corruption efforts.

Keywords: healthcare, digitalisation, medical information systems and technology, anti-corruption legal policy.

Abdulkhakim K. Gadzhiyev
*All-Russia State University of Justice, Moscow
 abdulhakimkutbudino@yandex.ru*

**Anti-corruption component of activity
 of the office of the plenipotentiary representative
 of the President of the Russian Federation
 in the North Caucasian federal district:
 state and prospects**

Single topical issues of anti-corruption in activity of the office of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the North Caucasian federal district are considered in the present article. The main directions are defined and the content of operation of the office of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the North-Caucasian federal district on implementation of anti-corruption policy of the Russian state is analysed. The conducted research allowed to formulate the provision on expediency of account and loan in operation of offices of plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation in federal districts of positive experience of anti-corruption in the system of federal organs of the executive authority regarding its methodological support and also to make the proposal on prospects of establishment in offices of plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation in federal districts of the Commissions on office ethics.

Keywords: corruption, corruption offenses, anti-corruption, anti-corruption policy, office, plenipotentiary, North-Caucasian federal district.

Vadim M. Pashin
*All-Russia State University of Justice, Moscow
 kafuppk@mail.ru*

Vitaliy V. Pavlyukov
*The Kuban State Agrarian University, the City of Krasnodar
 ykc@mail.ru*

**The use of information systems
 in the implementation of prosecutorial supervision
 in the field of investigative activities**

Questions of reception of the computer information on activity of employees of operative divisions at a stage of realisation of operatively-search actions by means of departmental information systems are considered in the article. The authors cite the characteristics of the automated information system "Supervision", which is effectively used to automate the work of the prosecution authorities of the Russian Federation. Recommendations are formulated on the expediency of combining the data of the automated information system "Supervision" with departmental operational records of the Ministry of Internal Affairs

of the Russian Federation in order to prevent violation of the constitutional rights of citizens at the stage of operational search activities. Author's proposals on introducing amendments to Article 21 of the Federal Law "On Operative-Investigative Activities", which should normatively fix the demand of the prosecutor addressed to the operational records of the Ministry of Internal Affairs, provide him with electronic information about the cases of operational accounting.

Keywords: public prosecutor's supervision, operatively-search activity, operatively-search action, information systems.

Yuliya V. Lavrova

*The University of Prosecutor's office
of the Russian Federation, Moscow
karamysheva_yulia@mail.ru*

Interaction of prosecutor's office with bodies, organisations, institutions as one of the directions of improvement of supervision of observance of the rights of the disabled

The article deals with the issue of interaction of the Prosecutor's office with bodies, organisations, institutions in the implementation of the Prosecutor's supervision of the rights of persons with disabilities. The author draws attention to the fact that such interaction is one of the directions of improvement of Prosecutor's supervision in this sphere. The article analyses the views of researchers about the Institute of interaction. The author attempts in the article to reveal the forms of interaction of the Prosecutor's office with the authorised bodies, which is the mutual exchange of information, involvement of specialists of control and Supervisory bodies, joint activities, accounting and current control over the implementation of the activities, informing about the work of the Prosecutor's office in the public domain, the participation of prosecutors in the consideration of their acts of prosecutorial response. The author concludes that each form of interaction plays an important role in the implementation of prosecutors' supervision over the observance of the rights of persons with disabilities, but only their use together can lead to a successful result and increase the level of the rule of law in the field of observance of the rights of persons with disabilities.

Keywords: prosecutorial supervision, prosecutor's office, persons with disabilities, act of prosecutorial response, restoration and protection of rights, interaction, authorised organs, mutual exchange, conferences, round table discussions, mass media.

Marina S. Pershonkova

*Kostroma State University
marinakos1@rambler.ru*

Nataliya L. Khvalygina

*Kostroma State University
natalikos2011@yandex.ru*

The history of the formation and development prospects of the institution of bailiffs in Russia

This article is devoted to the study of the history of the formation and prospects for the development of the institution of bailiffs in Russia. The main task

of bailiffs at all stages of the development of this service has always included the timely execution of court decisions and acts of other bodies. The authors of the article revealed some problems arising in the sphere of execution of judicial acts, as well as acts of other bodies and officials by bailiffs. The article concludes that the problem of non-execution of court decisions in recent years is quite topical, which undermines citizens' confidence in the entire judicial and law enforcement system on the whole. Therefore, in our opinion, to resolve this problem, it is necessary to introduce the institution of non-state judicial executors, since this could significantly reduce the burden on state executive bodies and improve the quality of execution of judicial acts.

Keywords: bailiffs, enforcement proceedings, bailiff performer, enforcement documents, lawman, Federal Bailiffs Service of Russia, compulsory execution, legislation.

Yuliya S. Karavayeva

*Higher School of Economics, the City of Perm
palsysoich@yandex.ru*

Anna A. Kosmovskaya

*Perm State Pharmaceutical Academy
akosmovskaya@list.ru*

Policy of counteraction against occult practices in Russia: historical and legal analysis (the 17th to the 21st centuries)

This article deals with the problem of countering occult practices in Russia in the 17th to the 21st centuries. At certain historical stages of development of the Russian state, the legislator offers various legal assessments of occult services. Thus, depending on the socio-political situation, these services were either recognised as criminal or received a neutral assessment. The results of a sociological study with the participation of the population of Perm and Perm Land, as well as an analysis of the relevant provisions of the monuments of Russian law and current legislation allow the authors to formulate their own position regarding the specifics of legal opposition to occult practices in the context of the current socio-economic situation. The authors state that the assignment of occult services to economic activities, their widespread distribution and conformity with the world outlook of the majority of the population impede the legal recognition of the crime of occult practices.

Keywords: occult services, historical stages, witchcraft process, legal policy, fraud, psychics, sociological research.

Bigruzi B. Suleymanov

*All-Russia State University of Justice, the City of Makhachkala,
Dagestan autonomy, Russia
doktorb@yandex.ru*

Sergei Alexeyev's doctrine of legal systems (families)

Sergei Alexeyev is one of the largest Russian lawyers, whose works are a reference point for modern fundamental research in the field of legal sciences. He paid considerable attention to the problems of le-

gal communities (legal systems, legal families, etc.), which have been remaining topical. At the same time, the views of the famous scientist on legal communities and, above all, on the legal system, were formed gradually, under the influence of many factors. In this paper, an attempt is made to reveal the transformation of the position on the legal communities of the recognised methodology of Soviet law. For this purpose, the generalising and special works are analysed in which, various aspects of the legal system are studied. The object of the study is the doctrine of Sergei Alexeyev's law and legal reality. The subject of the research is the formation, basic provisions, transformation and significance of Sergei Alexeyev's scientific theory about the legal system.

Keywords: legal family, legal system, law, legal system, essence of law, state, comparative law, legal science.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Yuriy S. Nikiforov
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
nikifor2108@yandex.ru

Economic inequality global knowledge in the context of historical research of social policy issues

The article presents an overview of the international scientific conference "The Global Knowledge of Economic Inequality. The Measurement of Income and Wealth Distribution since 1945", which took place on November 15 to 17, 2018, at the German Historical Institute London (United Kingdom). The conference was dedicated to the state and to prospects of research into the problems of economic inequality in the world. The main attention of the conference participants was focused on issues of the welfare state, economic inequality, its measurement, income, wealth, and poverty in various perspectives. More than 30 people made presentations in English and in discussions, including

scientists from the UK, China, Russia, the USA, Germany, France and other countries.

Keywords: economic inequality, income, wealth, poverty, statistics, welfare state, social policy, measurement.

Galina D. Neganova
Kostroma State University
cultland@yandex.ru

Qin Lidong
Kostroma State University;
North-Eastern Pedagogic University,
the City of Changchun, China
qinlidong@mail.ru

Review of the international scientific-practical conference "Languages and Cultures" (23rd to 24th of May, the City of Kostroma, Russia)

The article provides an overview of the scientific-practical conference "Languages and Cultures", which took place on the 23rd to 24th of May, 2019, on the basis of Kostroma State University. The brief review introduces the papers which present the results of investigations performed on the material of literary texts relevant to the literary issues – genre typology of ancient and old Russian texts (El'vira Akimova), conversational style in the legal thrillers of John Ray Grisham Jr, "talking name" in the short stories by Sherwood Anderson (Svetlana Kochenova), allusions as examples of intertextual relations in the works by Kurt Vonnegut (Anna Yakhontova), deployed or hidden meanings in *vers libre* by Ciaran Gerard Carson and Tymoteusz Karpowicz (Yevgeniya Zimina), etc. The authors of the article draw attention to works devoted to translated works (Yelena Zolinova and others). The article defines the directions of scientific research presented in the reports on the work of the playwright Alexander Ostrovsky.

Keywords: review article, conference, scientific report, scientific research, literary work, translation work.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Все материалы следует представлять в редакцию **по электронной почте: e-mail: vestnik@ksu.edu.ru.**

1. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** (*.doc, *.docx, *.rtf). Если Вы используете нестандартный шрифт, приложите к письму копию статьи в формате PDF, а также файл с шрифтом. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

2. Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**. При проверке используется сайт: <http://www.antiplagiat.ru>.

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – **не более 14 страниц машинописного текста.**

5. Аннотация к статье должна быть объемом 100–120 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.) указывается в круглых скобках сразу после названия статьи на русском языке.

8. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не менее 5 и не более 20 источников.

После библиографического списка на русском языке в статье должен быть представлен **транслитерированный библиографический список**. При составлении списка библиографических ссылок на латинице («References») русскоязычные источники необходимо транслитерировать, а иностранные источники привести в соответствие требованиям транслитерации.

При транслитерации используется сайт: <http://translit-online.ru/>

9. Единицы измерения приводятся в соответствии с Международной системой единиц (СИ).

10. **Рисунки, схемы, диаграммы.**

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

11. **Таблицы.** Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10.

12. **Формулы** выполняются только в редакторе **MS Equation**.

13. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Убедительная просьба соблюдать построение статьи!

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.
8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
(Ссылка на грант или источник финансирования – если есть).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (100–120 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).
14. References.

Правила составления аннотации к научной статье

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую, идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

10.01.01. Филология, Русская литература.

УДК 821.161.1.09”20”

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль

tgkuchina@mail.ru

Адрес: 123456, г. Иваново, ул. Ивановская, д. 12, кв. 34; Тел.: 89876543210

Б. Пастернак и В. Маяковский в системе интертекстуальных связей лирики Б. Ахмадулиной

Аннотация: Интертекстуальная техника Б. Ахмадулиной рассматривается сквозь призму отсылок к творчеству Б. Пастернака и В. Маяковского и мотивных, сюжетных, цитатных переключек с конкретными стихотворениями этих поэтов. На материале таких произведений Б. Ахмадулиной, как «Снегопад», «Февраль без снега», «Милость пространства. 10 марта», показаны способы актуализации поэтического претекста: апелляция к маркированным словам-образам из лирики Б. Пастернака («снег», «зима», «февраль»), переход от пейзажного к метапоэтическому плану в развертывании лирического сюжета, сохранение инвариантной структурно-семантической схемы текста-предшественника, экспликация ключевых пастернаковских инвариантных тем и подтем – единства разного и сопричастности частного, индивидуального вечному и бесконечному. Иначе строится поэтическая коммуникация с текстами В. Маяковского: их сюжетно-тематический план в реминисцентном микроконтексте, как правило, редуцирован, но при этом в стихотворениях Б. Ахмадулиной выделены те узнаваемые словесные компоненты, которые указывают на текст-источник. В статье делается вывод о том, что интертекстуальная связь с лирикой В. Маяковского – это поэтика точечных понятийных пересечений.

Ключевые слова: Ахмадулина, Пастернак, Маяковский, интертекст, реминисценция, аллюзия, приемы выразительности.

Tatyana G. Kuchina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

tgkuchina@mail.ru

B. Pasternak and V. Mayakovsky in the system of intertextual connections of the lyrics of B. Akhmadulina

The intertextual techniques of B. Akhmadulina is viewed in the article through the lens of the references to the poems written by B. Pasternak and V. Mayakovsky. The author examines some of Akhmadulina's creative works (namely "Snowfall", "The February without Snow", "The Favour of Space. March 10") and points out the basic ways of actualization of the poetic pretext such as usage of Pasternak's lyrical vocabulary ("snow", "winter", "February"), transition from landscape plane to metapoetic one in lyrical plot, preserving the invariant structure and semantics of the precedent text, explication of the most important and constant themes of Pasternak's poetry – the unity of different things and the association of private, local existence with eternal and infinite space. The "communication" of Akhmadulina's texts with Mayakovsky's ones is constructed in the other ways. Plots of the precedent poems in reminiscent context are reduced but B. Akhmadulina underlines the "sygnal" (specifically "mayakovskyan") words which indicate the concrete pretext. In article the conclusion that therefore intertextual correlation of her creations with Mayakovsky's poetry should be viewed as poetics of semantically "pinpoint" crossings.

Key words: Akhmadulina, Pasternak, Mayakovsky, intertext, reminiscence, allusion, techniques of expressiveness.

Текст статьи...

Библиографический список

References

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в кол-ве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет.

Например:

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и том: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в количестве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Том. – Количество страниц.

Например:

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название газеты. – Год издания. – Номер или дата выпуска.

Например:

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Название словаря / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Номер переиздания (если есть). – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Фамилия и инициалы автора. Название диссертации: дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Фамилия и инициалы автора. Название автореферата: автореф. дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.) [Электронный ресурс]. – Выходные данные издания. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Тюпа В.И. Жанр и дискурс [Электронный ресурс] // Критика и семиотика. – Вып. 15. – Новосибирск; М., 2011. – С. 31–42. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/tyupa-11.htm> (дата обращения: 18.02.2018).

Архивные материалы

Например:

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2019 – Т. 25 – № 3

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 10.09.2019.
Дата выхода в свет 17.10.2019.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 29,2.
Уч.-изд. 30,4 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 204.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна